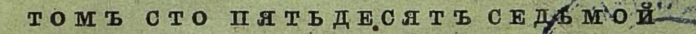
Русский
Вѣстник
1882 №1-2

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

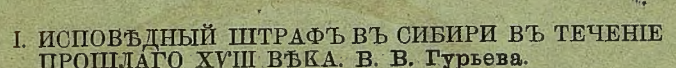

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ

1882

ЯНВАРЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ

МОСКВА
Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)
1882

ИСПОВѢДНЫЙ ШТРАФЪ
ВЪ СИБИРИ
ВЪ ТЕЧЕНІЕ ПРОШЛАГО XVIII ВѢКА

Изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ налоговъ и взысканій практиковавшихся въ прошломъ XVIII вѣкѣ, однимъ изъ самыхъ вредныхъ по его послѣдствіямъ нужно признать штрафъ съ не бывшихъ у исповѣди и святаго причастія. Наложеніе этого штрафа повидимому имѣло самую благую и даже возвышенную цѣль, именно: возбудить, поддержать и укрѣпить въ народѣ высокое религіозно-нравственное чувство и тѣмъ расположить и направить къ строгому и добросовѣстному исполненію важнѣйшихъ христіанскихъ обязанностей. Самое средство избранное для достиженія такой возвышенной цѣли въ формѣ денежнаго штрафа представлялось по тогдашнимъ понятіямъ не только раціональнымъ и вѣрнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма снисходительнымъ: тогда какъ за нарушеніе относительно маловажныхъ гражданскихъ обязанностей виновные подвергались въ то время наказаніямъ весьма строгимъ и чувствительнымъ въ родѣ шелеповъ, кошекъ, нещаднаго битья плетьми и

батожьемъ, денежный штрафъ за такое важное преступленіе, какъ неисполненіе христіанскихъ обязанностей, представлялся взысканіемъ и наказаніемъ самымъ умѣреннымъ и снисходительнымъ. О дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ, о нравственномъ значеніи и вліяніи этой мѣры на религіозную жизнь народа никто не находилъ нужнымъ подумать болѣе серіозно. Цѣль была ясна и благовидна, средство къ достиженію ея придумано умѣренное, а потому какъ изобрѣтатели этого средства, такъ и исполнители оставались насчетъ его совершенно спокойными. И дѣйствительно, тогда какъ многіе другіе государственные налоги и повинности, падавшіе на народъ, возбуждали нерѣдко съ его стороны болѣе или менѣе сильные протесты, штрафъ съ не бывшихъ у исповѣди, продолжавшійся въ теченіе всего прошлаго столѣтія, нигдѣ и ни съ чьей стороны не возбуждалъ противъ себя никакого гласно заявленнаго недовольства, и даже такіе продерзатели-публицисты тогдашняго времени какъ Посошковъ и ему подобные, которые осмѣливались не соглашаться и даже порицать разныя правительственныя мѣропріятія и учрежденія, и тѣ ни однимъ словомъ не выразили осужденія или нареканія относительно этого штрафа, потому, конечно, что сами признавали его мѣрой благоразумною и полезною. Что же касается высшихъ духовныхъ властей тогдашняго времени, въ вѣдомствѣ которыхъ находилась и первоначально даже выполнялась эта мѣра взысканія, то онѣ не усматривали въ ней чего-либо противунравственнаго, развращающаго; напротивъ, признавая ее вполнѣ цѣлесообразною, прилагали со своей стороны усердіе къ точному и строгому ея исполненію. Не принимая какихъ-либо другихъ болѣе разумныхъ мѣръ къ развитію въ народѣ религіознаго сознанія, не заботясь о другихъ болѣе духовныхъ способахъ, которыми гораздо удобнѣе можно было бы дѣйствовать на народныя массы и тѣмъ побуждать ихъ къ усердному исполненію христіанскихъ обязанностей, высшія духовныя власти, придавая этой офиціальной мѣрѣ, этому гражданскому по церковнымъ дѣламъ взысканію государственное значеніе, всѣми бывшими въ ихъ распоряженіи способами заботились о его точномъ и повсюду исправномъ и своевременномъ исполненіи. Тогдашній Св. Синодъ посылалъ многочисленные указы и циркуляры со строжайшими выговорами и прещеніями епархіальнымъ архіереямъ за несвоевременное

представленіе духовныхъ росписей,* за многочисленныя происходившія отъ того недоимки по взысканію исповѣднаго штрафа. Епархіальные архіереи со своей стороны громили указами своихъ ближайшихъ подчиненныхъ „закащиковъ“, „десятильниковъ“, членовъ духовныхъ правленій и даже приходскихъ священниковъ, такъ что эти послѣдніе низшіе духовные администраторы по необходимости должны были придти къ тому убѣжденію что штрафъ съ не бывшихъ у исповѣди есть дѣйствительно важное государственное дѣло. Со своей стороны свѣтское правительство, находя этотъ штрафъ не маловажнымъ подспорьемъ для общаго государственнаго бюджета, строго и настойчиво слѣдило за повсемѣстнымъ, своевременнымъ и аккуратнымъ его поступленіемъ въ государственную казну. Провинціальнымъ архіереямъ и губернаторамъ, въ вѣдѣніи которыхъ сборъ этотъ производился болѣе или менѣе неисправно, посылались строжайшіе выговоры даже отъ высочайшаго имени. Такимъ образомъ установленный въ первой четверти прошлаго столѣтія штрафъ съ не бывшихъ у исповѣди и св. причастія, имѣвшій первоначально нѣкоторое религіозно-нравственное, церковное значеніе, скоро по самому способу присужденія, наложенія и взысканія сдѣлался мѣрой чисто-гражданскою, полицейскою. Такъ и стали понимать и смотрѣть на него какъ свѣтскія, такъ и духовныя власти, высшія и низшія. Этотъ именно взглядъ со всею ясностію высказывается во многихъ законодательныхъ актахъ того времени. Въ указѣ отъ 16 іюля 1722 года читаемъ:** Сенатъ и Синодъ „по общему согласію судили за благо употребить слѣдующія дѣйства: на неисповѣдывавшихся класть штрафы и подтвердить снова чтобы всѣ прихожане ходили въ церковь къ вечерни, утрени и литургіи во всѣ воскресные и праздничные дни (слѣдуетъ подробное перечисленіе праздниковъ и высокоторжественныхъ дней): а ежели кто чинилъ

* Духовными росписями называются книги заведенныя при каждой приходской церкви для записи въ нихъ всѣхъ бывшихъ и не бывшихъ у исповѣди и св. причастія прихожанъ. Въ числѣ церковныхъ документовъ книги эти по своему значенію и важности занимаютъ второе мѣсто послѣ книгъ метрическихъ, почему и обязательно сохраняются въ церквахъ и консисторскихъ архивахъ.

** *П. С. З.* т. VI. № 4.952.

оное (т.-е. не ходилъ въ церковь) отъ нерадѣнія и лѣности и таковаго обязать сказкою что впредь ему такого нерадѣнія не употреблять; но по вышеобъявленному его императорскаго величества указу въ 1718 году февраля въ 17 числѣ состоявшемуся, должное исполнять неотложно; и то обязательство заключать *такимъ страхомъ* что ежели и затѣмъ явится паки въ такой же противности, то повиненъ жестокому безо всякой милости наказанію". Прошло пятнадцать лѣтъ, и въ этотъ періодъ времени преемственно перемѣнились четыре царствованія, каждое со своимъ собственнымъ историческимъ характеромъ и направленіемъ; Сенатъ и Синодъ за это время нѣсколько разъ мѣнялись въ своемъ личномъ составѣ, но взглядъ на исповѣдный штрафъ остался тотъ же самый. Въ указѣ отъ 16 апрѣля 1737 года, * изданномъ также по взаимному соглашенію Сената и Синода, между прочимъ говорится: „что всемилостивѣйшее соизволеніе и повелѣніе государыни императрицы Анны Іоанновны о томъ чтобы всѣ ея вѣрноподданные православнаго вѣроисповѣданія по вся годы исповѣдывались и причащались, довольно всѣмъ извѣстно. Однакоже, какъ нынѣ вѣдомо учинилось, что оное высочайшее повелѣніе отъ многихъ чинится пренебрегаемо и многіе не исполняютъ его по крайнему нерадѣнію о своемъ спасеніи и по своей лѣности, а отъ того и впадаютъ въ грѣхи различные, отходятъ въ крайнее заблужденіе, отъ того же у нихъ является склонность и раждается самое раскольнической прелести преумноженіе. А тому виной можетъ быть не что иное, точію пастырей о паствахъ своихъ небреженіе, свѣтскихъ же командъ отъ слабаго, какъ въ понужденіи подчиненныхъ своихъ къ исполненію оной исповѣди, такъ и въ сборахъ съ неисповѣдающихся положенныхъ штрафовъ, поступка и крайняго въ томъ сборѣ упущенія." Въ чемъ же по взгляду Сената и Синода заключалось небреженіе пастырей о своихъ паствахъ? Единственно въ неисправномъ составленіи и несвоевременномъ представленіи духовныхъ росписей. О другихъ какихъ-либо видахъ пастырскаго небреженія во всемъ обширномъ указѣ не говорится ни слова. Очевидно что само высшее правительство смотрѣло на это дѣло исключительно съ одной внѣшней, административно-полицейской стороны и если упомянуло вскользь

* *П. С. З.* X. № 7.226.

о различныхъ грѣхахъ въ kakie владаютъ не бывающіе у исповѣди, о заблужденіяхъ, о преумноженіи раскольнической прелести, то для искорененія этихъ видимыхъ недостатковъ не требовалось, по его мнѣнію, kakихъ-либо особенныхъ, болѣе духовныхъ, религіозно - нравственныхъ воздѣйствій со стороны пастырей на пасомыхъ, а совершенно достаточно было „употребить слѣдующія дѣйствія: какъ въ синодальной области, такъ и во всѣхъ епархіяхъ, градскимъ и уѣзднымъ всѣхъ приходскихъ церквей священникамъ каждому со своимъ причтомъ *сочинить* прихожанамъ своимъ всякаго чина мужеска и женска пола, отъ престарѣлыхъ и средовѣчныхъ, до сущаго младенца *именныя* по чинамъ и домамъ, *вѣрныя* съ показаніемъ коемуждо лѣтъ отъ рожденія *росписи*." Сочинивъ такія именныя, вѣрныя росписи „подать ихъ въ духовныя правительства, гдѣ кто вѣдомъ, конечно (окончательно, послѣдній срокъ) къ Ѳоминой недѣлѣ" и проч. Изо всѣхъ этихъ росписей составлялись въ разныхъ правительственныхъ инстанціяхъ многочисленныя и многоформенныя вѣдомости, табели, перечни, экстракты и въ концѣ концовъ одинъ общій экстрактъ для представленія самой государынѣ императрицѣ. Итакъ все существо дѣла сводилось къ двумъ пунктамъ: сочиненію именныхъ, вѣрныхъ росписей и исправному взиманію штрафовъ. Достаточно было исполнить эти два пункта, и со стороны пастырей не было уже никакого небреженія о паствѣ, а со стороны свѣтскихъ командъ—никакого слабаго поступка и упущенія. О внутренней, религіозно-нравственной сторонѣ дѣла, о надлежащемъ развитіи въ народныхъ массахъ истинно-религіознаго сознанія и нравственнаго чувства, о болѣе разумныхъ, духовныхъ побужденіяхъ къ исполненію священныхъ христіанскихъ обязанностей никто повидимому не думалъ; напротивъ, всѣ отъ высшихъ до низшихъ заправителей дѣла какъ свѣтскихъ такъ и духовныхъ заняты были однимъ только предметомъ: росписями и штрафами, и всякій по своему только и думалъ и измышлялъ, какъ бы извлечь отсюда сколько можно болѣе собственныхъ выгодъ.

Самая процедура по дѣлу о наложеніи и взысканіи исповѣднаго штрафа, всѣ эти многочисленные указы и мѣропріятія, ихъ разнообразныя видоизмѣненія и примѣненія, разростаясь съ теченіемъ времени, только усложняли собою и болѣе и болѣе запутывали самое дѣло, возбуждая

между духовными и свѣтскими властями взаимныя недоразумѣнія, препирательства, формальные доносы, личныя, нерѣдко весьма крупныя непріятности и ко всему этому безконечно-обширную и во многихъ случаяхъ весьма куріозную переписку. Когда право наложенія и взысканія исповѣднаго штрафа принадлежало одному духовному вѣдомству, то епархіальные архіереи постоянно жаловались губернаторамъ и воеводамъ что подчиненные имъ земскіе коммиссары и разные уѣздные и сельскіе начальники не оказываютъ приходскому духовенству никакого со своей стороны содѣйствія по этому важнѣйшему государственному дѣлу; а когда за неисправность въ сборѣ штрафныхъ денегъ архіереи получали изъ Синода строжайшія подтвержденія, а нерѣдко и высочайшіе выговоры, тогда въ своихъ объясненіяхъ они старались свалить всю вину на мѣстныхъ губернаторовъ, укоряя ихъ въ неоказаніи надлежащаго по этому дѣлу содѣйствія и въ подтвержденіе своихъ нареканій представляли подлинниками донесенія и рапорты духовныхъ правленій, закащиковъ, десятильниковъ и даже приходскихъ священниковъ съ жалобами не только на бездѣйствіе низшихъ земскихъ властей, но на ихъ явное противодѣйствіе. Когда же исповѣдный штрафъ перешелъ въ руки свѣтскихъ властей, губернаторы точно также постоянно жаловались на архіереевъ и подчиненное имъ духовенство въ томъ что они не доставляютъ своевременно надлежащихъ свѣдѣній о числѣ не бывшихъ у исповѣди и въ свое оправданіе представляли также подлинныя донесенія низшихъ земскихъ властей о злоупотребленіяхъ и противодѣйствіяхъ со стороны духовныхъ правленій, закащиковъ и даже приходскихъ священниковъ. Всѣ эти препирательства, укоризны и взаимные другъ на друга доносы высшихъ и низшихъ провинціальныхъ администраторовъ того и другаго вѣдомства, несмотря на ихъ мельчайшія и нерѣдко крайне возмутительныя подробности, не могли однакоже представить высшему начальству дѣла во всей его наготѣ, не могли указать на весь его вредъ, на все нравственное безобразіе съ какимъ оно производилось, на то опасное для будущаго растлѣніе какое оно само собою производило въ религіозно-нравственной жизни народа... Безчисленныя подробности и самые неблаговидные факты по этому печальному дѣлу, тянувшемуся чрезъ цѣлое столѣтіе, принадлежали, конечно, по преимуществу низшимъ дѣятелямъ

обоихъ вѣдомствъ, и трудно теперь сказать кому изъ нихъ принадлежала въ этомъ отношеніи незавидная пальма первенства. Оба вѣдомства какъ будто всѣми силами старались не уступить другъ другу этой печальной во всякомъ случаѣ пальмы, оба ревниво слѣдили одно за другимъ, ловили всякій удобный случай, пользовались малѣйшею оплошностью своего противника чтобъ уличить и выставить напоказъ всѣ его промахи и недостатки. Доносамъ, ябедамъ, извѣтамъ и самымъ безчиннымъ и беззаконнымъ дѣйствіямъ съ обѣихъ сторонъ не было конца и краю. И все это творилось въ теченіе цѣлаго почти столѣтія и предъ глазами всѣхъ.

I.

Трудно сказать кому принадлежала первая мысль, кто первый придумалъ самую идею исповѣднаго штрафа. Можно полагать съ большою достовѣрностью что эта мысль возникла въ той великой головѣ которая въ тѣ времена почти одна думала за цѣлый народъ, за всю Россію. Но можно предполагать съ неменьшимъ вѣроятіемъ что подобная мысль могла родиться и у кого-либо изъ ближайшихъ сотрудниковъ нашего великаго Преобразователя, свѣтскихъ или духовныхъ. Извѣстно что всѣ широко задуманныя внутреннія государственныя реформы, а вмѣстѣ съ ними и разныя внѣшнія политическія осложненія требовали огромныхъ издержекъ, и нашъ великій реформаторъ почти въ теченіе всего своего царствованія постоянно испытывалъ большое затрудненіе въ своихъ финансахъ, что̀ и вынуждало его нерѣдко прибѣгать къ изысканію и придумыванію такихъ налоговъ и обложеній которые безъ этой исключительной причины можетъ-быть никогда бы не существовали. Это постоянно-затруднительное положеніе государственныхъ финансовъ побуждало, безъ сомнѣнія, и нѣкоторыхъ его ближайшихъ помощниковъ, вполнѣ ему сочувствовавшихъ, придумывать со своей стороны и предлагать тѣ или другія мѣры къ улучшенію этихъ финансовъ. Въ числѣ такихъ единомышленниковъ великаго императора были лица и свѣтскія, и духовныя. Поэтому трудно рѣшить кому именно принадлежала первая мысль о наложеніи денежнаго штрафа съ небывшихъ у исповѣди. Впрочемъ какъ бы то ни было, но эта мысль, получивъ свое осуществленіе

въ указахъ великаго государя, не встрѣтила себѣ ни съ чьей стороны ни малѣйшаго возраженія. Оба вѣдомства, до которыхъ она непосредственно относилась, свѣтское и духовное, приняли ее не только покорно, безо всякаго протеста, но повидимому даже весьма сочувственно. Въ теоретическихъ взглядахъ на вновь установляемый налогъ оба вѣдомства, казалось, были между собою вполнѣ солидарны; но въ практическомъ примѣненіи этихъ взглядовъ, въ самомъ исполненіи узаконяемаго мѣропріятія оказалась между обоими вѣдомствами въ самомъ еще началѣ дѣла нѣкоторая рознь, а затѣмъ въ послѣдствіи продолжительная и съ обѣихъ сторонъ довольно упорная борьба. Право наложенія и взиманія вновь установленнаго исповѣднаго штрафа послужило для нихъ камнемъ преткновенія и соблазна. Ни то, ни другое вѣдомство не хотѣло уступить этого права и всячески отстаивало его въ свою пользу. Историческій процессъ этой борьбы двухъ высшихъ государственныхъ учрежденій между собою представляетъ не мало очень интересныхъ и поучительныхъ эпизодовъ.

14 февраля 1716 года послѣдовалъ на имя мѣстоблюстителя патріаршаго престола преосвященнаго Стефана (Яворскаго), митрополита Рязанскаго, высочайшій указъ которымъ „великій государь указалъ: послать во всѣ епархіи къ архіереямъ и въ губерніи къ губернаторамъ великаго государя указы: велѣть въ городѣхъ и уѣздѣхъ всякаго чину мужеска и женска пола людямъ объявить чтобъ они у отцевъ своихъ духовныхъ исповѣдывались повсягодно, а ежели кто въ годъ не исповѣдуется и на такихъ людей отцамъ духовнымъ и приходскимъ священникамъ подавать въ городѣхъ архіереомъ и духовныхъ дѣлъ судіямъ, а въ уѣздѣхъ старостамъ поповскимъ имянныя росписи, а имъ тѣ росписи отсылать къ губернаторамъ, а въ уѣздѣхъ лантратомъ, а имъ губернаторамъ и лантратомъ на тѣхъ людей класть штрафы *противъ доходовъ съ него втрое*, а потомъ имъ ту исповѣдь исполнять же; также гдѣ есть раскольники, тѣхъ во всѣхъ губерніяхъ губернаторамъ какъ мужеска, такъ и женска полу описать и описавъ положить въ окладъ противъ настоящаго нынѣшняго платежа, почему купечество въ посады, а крестьяне съ тяглыхъ своихъ жеребьевъ платятъ *вдвое*, а которые по описи явятся, а прежде сего податей никакихъ не платили, тѣхъ

обложить примѣняясь къ тому же, а съ женска полу, со вдовъ и дѣвокъ, противъ онаго *вполы*.“ *

Такимъ образомъ штрафъ съ не бывшихъ у исповѣди явился почти одновременно съ наложеніемъ двойнаго оклада податей съ раскольниковъ и имѣлъ сначала второстепенное значеніе. Повелѣніе „всякаго чина людемъ повсягодно исповѣдываться“ было только средствомъ чрезъ которое хотѣли главнымъ образомъ добраться до раскольниковъ, узнать ихъ численность въ государствѣ и затѣмъ принять противъ нихъ надлежащія мѣры. Но такъ какъ наложеніе этого штрафа и самое взысканіе его съ виновныхъ поручалось сначала свѣтскимъ властямъ, а самое количество налагаемаго штрафа было выражено въ высочайшемъ указѣ весьма неопредѣленно: *класть штрафъ противъ доходовъ съ него втрое*, то это одно обстоятельство съ перваго же раза повело ко многимъ недоразумѣніямъ и даже злоупотребленіямъ. Многіе уѣздные „ландраты“ поняли это выраженіе буквально и начали взыскивать съ не бывшихъ у исповѣди даже строго православныхъ людей тройной окладъ податей, такъ что съ православныхъ выходило больше нежели съ самихъ раскольниковъ, съ которыхъ требовался только двойной окладъ. Вслѣдствіе этого недоразумѣнія многіе православные изъявили желаніе записаться въ двойной окладъ и недуманно-негаданно попадали въ число раскольниковъ. Многіе изъ числа дѣйствительно не бывшихъ у исповѣди православныхъ обратились ко своимъ приходскимъ священникамъ съ просьбой отмѣтить ихъ въ росписяхъ бывшими, за что, конечно, предлагали большаго или меньшаго размѣра соотвѣтствующее вознагражденіе. Многіе закоренѣлые раскольники, не желая платить двойной окладъ, пустились въ бѣгство, укрывательство, „странничество“; менѣе упорные изъ нихъ лицемѣрно стали являться на исповѣдь. Такимъ образомъ высочайшій указъ о взысканіи штрафа съ не бывшихъ у исповѣди, съ одной стороны, открылъ широкое поле для разныхъ злоупотребленій низшимъ администраторамъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго вѣдомства; съ другой—насильно заставилъ „разнаго чина людей“ прибѣгать къ разнаго рода уловкамъ, подкупамъ или явному фарисейству, многіе по необходимости должны были войти въ нечистую сдѣлку и съ людьми, и со своею совѣстью. Все

* *П. С. З.* т. *V.* № 2.991.

это обнаружилось и дало себя почувствовать очень скоро. Прежде всего открылось что многіе приходскіе священники въ представленныхъ ими духовныхъ росписяхъ за тотъ же 1716—1717 „многихъ дѣтей своихъ духовныхъ не исповѣдывавшихся написали исповѣдавшимися, а дѣйствительно бывшихъ у исповѣди по злобѣ своей на нихъ или скверныхъ ради прибытковъ записали не бывшими". Точно также поступили нѣкоторые священники и съ раскольниками: дѣйствительныхъ укрывали и записывали въ число православныхъ, а истинно-православныхъ по тѣмъ же причинамъ и побужденіямъ показывали состоящими въ расколѣ. О всѣхъ этихъ открывшихся злоупотребленіяхъ производились многочисленныя дознанія, формальныя слѣдствія, очныя ставки, поднялась безконечная офиціальная переписка. Свѣтскія власти доносили на духовныхъ, духовныя на свѣтскихъ; взаимно взводили одни на другихъ обвиненія въ разныхъ злоупотребленіяхъ: духовныя—въ утайкѣ душъ, свѣтскія—въ утайкѣ казенныхъ денегъ. Все это возникло въ первые же два года послѣ изданія высочайшаго указа объ исповѣдномъ штрафѣ.

Такія прискорбныя обстоятельства дѣла побудили высшее правительство принять болѣе опредѣленныя и болѣе строгія мѣры: послѣдовали одинъ за другимъ высочайшіе указы отъ 17 февраля, отъ 10 и 16 марта 1718. * Въ первомъ изъ этихъ указовъ количество штрафа съ не бывшихъ у исповѣди опредѣлялось уже точно и ясно: „съ разночинцевъ и съ посадскихъ въ первый разъ по рублю, во второй—по два, въ третій—по три рубля, а съ поселянъ въ первый разъ—по десяти денегъ, въ другой—по гривнѣ, въ третій—по пяти алтынъ". Самый сборъ исповѣднаго штрафа передавался вполнѣ одному духовному вѣдомству: „а кто по тѣмъ книгамъ (росписямъ) явится безъ исповѣди, и съ такихъ править тѣхъ приходовъ священникамъ штрафы". Свѣтскому же начальству предоставлялось только право наказанія виновныхъ „въ таковыхъ провинностяхъ". Въ этомъ же указѣ точно и ясно опредѣлены были и тѣ штрафы и взысканія которымъ подвергались сами священники за неправильныя отмѣтки въ духовныхъ росписяхъ: „а буде о тѣхъ кто у исповѣди не будетъ, а священникъ о томъ не донесетъ, и за такую его ману взять на немъ штрафъ первое—пять рублевъ, второе—десять, третье—пятнадцать;

* *П. С. З.* т. V. № 3.169.

а ежели по тѣмъ явится въ такой же манѣ, извержевъ будетъ священства". Указами же отъ 10 и 16 марта эта последняя мѣра взысканія еще болѣе увеличена: „по изверженіи и по взятіи имѣнія отсылать виновныхъ священниковъ для наказанія къ гражданскому суду и въ каторжную работу."

Вмѣстѣ съ исповѣднымъ штрафомъ въ вѣдѣніе духовныхъ властей переданы были и всѣ дѣла по сбору штрафовъ съ раскольниковъ и бородачей. Сначала всѣ эти сборы и дѣла объ нихъ сосредоточены были въ Москвѣ, въ Приказѣ церковныхъ дѣлъ, а потомъ уже непосредственно въ Св. Синодѣ, послѣ его учрежденія въ 1721 году. Но такъ какъ московскій Приказъ церковныхъ дѣлъ не былъ высшимъ церковно-правительственнымъ учрежденіемъ и во главѣ его стояло лицо не имѣвшее высшаго іерархическаго авторитета (Златоустовскій архимандритъ Антоній), то свѣтскія провинціальныя власти — губернаторы и воеводы не сразу рѣшились уступить ему такую весьма доходную статью какъ сборы штрафовъ съ раскольниковъ и неисповѣдниковъ. До самаго учрежденія Св. Синода, въ теченіе почти трехъ лѣтъ (1718—1721) они вели съ нимъ открытую войну. Такъ Приказъ церковныхъ дѣлъ посылалъ во всѣ епархіи своихъ фискаловъ для розыска и переписи раскольниковъ; а свѣтскіе начальники этихъ посланцевъ „хватали, сажали закованныхъ въ тюрьмы, держали подъ крѣпкимъ карауломъ, и оному изслѣдованію о раскольникахъ и духовныхъ дѣлахъ чинили тѣмъ сущую остановку". * Съ учрежденіемъ Св. Синода столкновенія въ этомъ родѣ должны были временно прекратиться, и борьба между низшими администраторами того и другаго вѣдомства сама собою ослабла и затихла; но за то она перешла теперь въ высшія инстанціи, въ центральныя учрежденія. Св. Синодъ вскорѣ послѣ своего учрежденія не замедлилъ показать на дѣлѣ что онъ есть дѣйствительно „весьма важное и сильное правительство", какъ о немъ выразился великій законодатель въ своемъ указѣ отъ 25 января 1721 года. Въ числѣ самыхъ первыхъ дѣлъ Св. Синодъ обратилъ свое особенное вниманіе на положеніе дѣла о штрафахъ съ раскольниковъ и не бывшихъ у исповѣди и поспѣшилъ дать этому дѣлу надлежащее направленіе. Въ

* Ук. Синод. отъ 29 марта 1721.

Правительствующій Сенатъ послано было весьма внушительное вѣдѣніе, а епархіальнымъ архіереямъ строжайшіе указы о томъ, чтобы „впредь собираемые съ раскольниковъ и съ не бывшихъ у исповѣди штрафы, опричь онаго Правительствующаго Синода, въ другія мѣста не отсылать, и опредѣленному въ Москвѣ камериру тѣхъ штрафныхъ денегъ и объ нихъ вѣдомостей не отдавать, понеже по его царскаго величества имянному указу и по духовному регламенту, оное правленіе надлежитъ до правительствующаго духовнаго Синода, а не до камеръ и штатсъ-конторъ-коллегій“. * Несмотря однакоже на такой рѣшительный тонъ и такъ категорически выраженное со стороны Синода заявленіе, Правительствующій Сенатъ далеко не считалъ своего дѣла окончательно проиграннымъ. Не позволяя себѣ явно противодѣйствовать повелѣнію самого государя, онъ началъ съ этого времени вести тайную, осторожную, но вѣрно разсчитанную борьбу: зорко слѣдилъ за всѣми дѣйствіями своего новаго, но еще неопытнаго соперника, подмѣчалъ всѣ его промахи, собиралъ надлежащія справки и при удобномъ случаѣ докладывалъ о положеніи дѣлъ непосредственно самому государю. Началось съ раскольническаго дѣла. Подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Св. Синода учреждена была въ Москвѣ особая „розыскная раскольническихъ дѣлъ канцелярія“, въ помощь которой по высочайшему повелѣнію командированы были разные свѣтскіе и военные чины: такъ въ Нижегородской губерніи раскольническими дѣлами заправлялъ тамошній вице-губернаторъ Ржевскій, а въ Новгородской и Псковской дѣйствовали разные поручики и другихъ чиновъ офицеры. Эти недуховные сотрудники и помощники духовнаго вѣдомства умышленно или неумышленно запутали и запустили дѣло, такъ что въ теченіе двухъ лѣтъ ни раскольническая канцелярія, ни самъ Св. Синодъ не получали отъ нихъ никакихъ отчетовъ. Самый сборъ штрафныхъ денегъ съ раскольниковъ производился весьма неисправно и суммы поступали въ самыхъ ничтожныхъ количествахъ, несмотря на то что въ поименованныхъ губерніяхъ бо́льшая половина населенія завѣдомо принадлежала къ расколу. Сенатъ зорко слѣдилъ за всѣмъ этимъ, собиралъ втихомолку надлежащія справки и неоднократно въ самыхъ почтительныхъ

* Ук. Св. Син. отъ 20 и 29 марта 1721.

выраженіяхъ испрашивалъ у Синода свѣдѣній о состояніи раскольническаго дѣла, о количествѣ раскольниковъ въ государствѣ, о числѣ собранныхъ съ нихъ штрафныхъ денегъ, о назначеніи и употребленіи этихъ суммъ, о состоящихъ на раскольникахъ недоимкахъ. Синодъ не отвѣчалъ: да и что онъ могъ отвѣчать, не имѣя у себя никакихъ свѣдѣній... Этимъ молчаніемъ какъ нельзя лучше воспользовался Сенатъ и, составивъ обширную и самую подробную записку о всѣхъ недоимкахъ по разнымъ сборамъ синодальнаго вѣдомства, представилъ ее лично государю въ своемъ засѣданіи 29 января 1723 года. Прочитавъ эту записку, государь сильно разгнѣвался и тутъ же написалъ строжайшій указъ Синоду, которымъ приказывалъ впредь до пополненія всѣхъ недоимокъ удерживать жалованье не только у всѣхъ членовъ Синода, но и у всѣхъ ихъ подчиненныхъ и даже у монаховъ по монастырямъ. * Какъ долго оставались члены Св. Синода безъ жалованья, мы не знаемъ; но самое дѣло отъ этого нисколько не поправилось. Прошло еще полтора года, а недоимки по синодальному вѣдомству и въ особенности по раскольническому дѣлу все болѣе и болѣе накоплялись. Тогда разгнѣванный государь въ присутствіи своемъ въ Сенатѣ приказалъ написать такой указъ: „сколько гдѣ раскольниковъ, которые по указамъ подлежатъ быть въ двойномъ окладѣ, взять въ Сенатъ вѣдомость изъ Синода немедленно, и тотъ сборъ вѣдать при Сенатѣ.“ ** Сенатъ торжествовалъ и немедленно отправилъ въ Москву заправлять раскольничимъ дѣломъ стольника Савелова. Савеловъ, явившись въ Москву съ широкими полномочіями Сената, потребовалъ отъ раскольнической канцеляріи разныхъ свѣдѣній по порученному ему дѣлу; эта послѣдняя, не безъ вѣдома конечно Синода, требованій его не принимала и продолжала заправлять дѣло насильно. Савеловъ жаловался Сенату, Сенатъ посылалъ вѣдѣніе за вѣдѣніемъ въ Синодъ, но Синодъ упорно не отвѣчалъ. Въ такомъ натянутомъ положеніи оставалось это дѣло до самой кончины великаго императора. Съ формальной стороны, de jure, оно уже находилось въ вѣдѣніи Сената, но de facto синодальное вѣдомство все еще его отстаивало. Съ восшествіемъ на престолъ императрицы Екатерины I

* *П. С. З.* т. VII, № 4.152.

** *П. С. З.* т. VII, № 4.553, авг. 19 д. 1724.

обстоятельства перемѣнились, но далеко не въ пользу Св. Синода. Въ февралѣ 1726 года высочайше утвержденъ былъ Верховный Тайный Совѣтъ съ необыкновенными правами и полномочіями. * Хотя въ именномъ указѣ объ учрежденіи этого Совѣта ни слова не говорится о томъ какъ долженъ былъ относиться къ нему Св. Синодъ; но это было ясно само собою: по мысли Петра Великаго Сенатъ и Синодъ были совершенно равноправныя и равносильныя высшія государственныя учрежденія; теперь же Правительствующему Сенату повелѣно было входить въ Верховный Тайный Совѣтъ съ доношеніями или рапортами, какъ учрежденію низшему, подчиненному,—понятно что и равноправный съ нимъ Синодъ становился къ этому совѣту точно въ такое же подчиненное положеніе. А между тѣмъ члены новаго Верховнаго Совѣта и стараго Сената были между собою люди свои. Совѣтъ составился изъ тѣхъ же высшихъ государственныхъ сановниковъ которые до того были членами того же Сената. Очевидно что оба учрежденія были между собою вполнѣ солидарны и съ измѣненіемъ названія не измѣнились разъ намѣченныя цѣли, а только пріобрѣтены были болѣе широкія права. Тотъ же самый Сенатъ дѣйствовалъ теперь не отъ себя, а отъ имени Верховнаго Тайнаго Совѣта, предъ которымъ Синодъ по необходимости сталъ неожиданно въ какое-то зависимое, подчиненное положеніе. Все это хитросплетеніе придворной интриги не замедлило проявить себя въ цѣломъ рядѣ распоряженій слѣдовавшихъ одно за другимъ. Всего чрезъ мѣсяцъ по учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта послѣдовалъ сенатскій указъ отъ 11 марта 1726 года, которымъ публиковалось во всеобщее свѣдѣніе что „съ нынѣшняго 1726 года съ раскольниковъ и бородачей которые обрѣтаются въ городахъ и слободкахъ деньги по окладамъ сбирать камерирамъ подъ смотрѣніемъ губернаторовъ и воеводъ; а въ уѣздахъ съ раскольниковъ сбирать земскимъ коммиссарамъ и отсылать къ камерирамъ же; а въ синодальное вѣдомство отъ тѣхъ денегъ платить имъ раскольникамъ и бородачамъ не велѣть. И о вышеписанномъ опредѣленіи въ Св. Синодъ сообщить вѣдѣніе, въ которомъ написать чтобы по силѣ вышеписаннаго указа синодальные подчиненные въ вышеписанные съ раскольниковъ сборы отнюдь нигдѣ не вступали и о томъ

* Тамъ же, 4.830.

бы къ нимъ посыланы были указы съ подтвержденіемъ. А сколько въ которой губерніи и провинціи съ состоянія (то-есть со времени учрежденія) Св. Синода тѣхъ денегъ было въ сборѣ по городамъ и куда въ расходѣ и по какимъ указамъ, и за расходомъ нынѣ налицо: о томъ бы изъ Св. Синода въ Сенатъ сообщено было вѣдѣніе; а о доимкахъ, на комъ именно и на которые годы, отъ подчиненныхъ синодальныхъ вѣдомости жъ отданы бы были въ Москвѣ стольнику Савелову немедленно." *

Указъ этотъ былъ жестокою отплатой Синоду за то вѣдѣніе которое онъ послалъ Сенату еще въ 1721 году; но какая разница въ отношеніяхъ, въ самомъ тонѣ и характерѣ этихъ двухъ историческихъ актовъ. Синодъ отстаивалъ тогда свое право на законномъ основаніи, ссылаясь на высочайшее повелѣніе и духовный регламентъ. Сенатъ настоящаго своего указа ни на чемъ не основываетъ, а прямо публикуетъ его во всеобщее свѣдѣніе на одномъ правѣ сильнаго. Синодъ пишетъ Сенату какъ равный къ равному, сообщаетъ полученное имъ высочайшее повелѣніе и свои распоряженія сдѣланныя вслѣдствіе этого повелѣнія. Въ настоящемъ указѣ Сенатъ заговорилъ съ Синодомъ какъ начальникъ съ подчиненнымъ, какъ судья съ подсудимымъ: онъ требуетъ отъ него формальнаго отчета, какъ настоящій его начальникъ, призываетъ къ отвѣту какъ судья. Въ установленной офиціальной формѣ „вѣдѣнія" онъ посылаетъ указъ, начальническое предписаніе, дѣлаетъ допросъ и задаетъ вопросные пункты какъ настоящій слѣдователь присланный отъ высшаго начальства. Можно себѣ представить что̀ долженъ былъ почувствовать Синодъ получивъ такое оскорбленіе? Но хорошо понимая измѣнившіяся обстоятельства и свое стѣсненное, приниженное положеніе, Св. Синодъ въ теченіе мѣсяца сдѣлалъ что̀ могъ: разослалъ своимъ подчиненнымъ надлежащіе указы и о своихъ распоряженіяхъ сообщилъ въ Сенатъ обычное „вѣдѣніе", вслѣдствіе котораго не замедлилъ явиться новый сенатскій указъ отъ 26 апрѣля, которымъ Сенатъ опредѣлилъ: ** „всѣмъ

* *П. С. З.* т. VII, № 4.851.

** Послѣ учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта приказано было Сенату именоваться не правительствующимъ, а высокимъ.

находившимся въ вѣдѣніи Св. Синода поручикамъ и нижегородскому вице-губернатору Ржевскому быть отъ сего въ полномъ распоряженіи стольника Савелова и всѣ вѣдомости и всѣ деньги представлять ему же. О сборахъ же и недоимкахъ за прежніе годы послать въ Синодъ вѣдѣніе". Что оставалось дѣлать Синоду? Благодушно молчать, и онъ умолкъ!

Такъ кончился первый актъ борьбы между двумя высшими государственными учрежденіями въ Россіи.

Почти то же самое случилось и съ исповѣднымъ штрафомъ, только съ нѣкоторыми другими варіантами. Когда дѣло это, благодаря твердости и настойчивости Св. Синода, передано было въ духовное вѣдомство и сосредоточилось по преимуществу въ Москвѣ въ приказѣ церковныхъ дѣлъ, тогда сами собою возбудились многочисленные вопросы и разнаго рода недоразумѣнія касательно самаго наложенія этого штрафа. Завѣдывавшій приказомъ церковныхъ дѣлъ златоустовскій архимандритъ Антоній, разбирая доставленныя къ нему изъ разныхъ мѣстъ духовныя росписи и разные рапорты и отписки приходскихъ священниковъ, встрѣтилъ весьма много такихъ обстоятельствъ въ которыхъ самъ онъ не зналъ какъ ему поступить и какъ распорядиться. Между прочимъ онъ недоумѣвалъ, какой наложить штрафъ и взыскивать его съ людей которыхъ самъ онъ не зналъ къ какой категоріи отнести, къ какому званію причислить? Люди эти оказались весьма „сирые и скудные, какъ-то: солдаты-драгуны, ямщики и жены ихъ, зелейщики, каменьщики, ученики латинской и математической школъ, оружейники, столяры, сторожа церковные, звонари соборные, приказные сторожа и пристава, люди боярскіе: сокольники и ихъ работники и работницы, шляпнаго и суконнаго дворовъ ученики и работники, дому государева нижнихъ чиновъ дворовые люди, лечнаго двора батыйщики и теродорщики (?) и работные люди: хлѣбники, калашники, пирожники, блинники, харчевники, масленники, кожевники, портные мастера, сапожники, канатчики, свѣчники, денежнаго и монетнаго дворовъ мастеры и работники, плотники, извощики, пивовары и богадѣльные нищіе мужеска и женска полу. И съ вышеозначенныхъ разночинцевъ скудныхъ и бѣдныхъ—рублевый ли штрафъ, или за скудость по усмотрѣнію и обыску умалять, поселенческой

ли, или противо купечества штрафъ имать?“ Далѣе, „какъ поступать съ тѣми которые въ поданныхъ книгахъ написаны не исповѣдывавшимися, а послѣ той переписи и подания книгъ померли? или съ тѣми которые временно жили въ домахъ на квартирѣ или въ работникахъ и при перепискѣ записаны въ этихъ домахъ, а когда пришло время взыскивать съ нихъ штрафъ, они уже въ тѣхъ домахъ не оказались,—съ кого нужно взыскивать штрафъ—съ хозяевъ ли этихъ домовъ, или велѣть имъ тѣхъ людей отыскивать?“ Такіе и тому подобные вопросы съ расширеніемъ обстоятельствъ дѣла возникали во множествѣ не въ одномъ только приказѣ церковныхъ дѣлъ, но повсюду, по всѣмъ епархіямъ и провинціямъ. За разрѣшеніемъ ихъ всѣ обращались по преимуществу въ Синодъ и требовали его наставленій, указаній, руководственныхъ правилъ и опредѣленій. Кромѣ того, Синодъ постоянно получалъ множество жалобъ и разнаго рода доносовъ свѣтскихъ властей на духовныхъ, духовныхъ на свѣтскихъ. Синодъ сносился съ Сенатомъ; Сенатъ предписывалъ губернаторамъ, Синодъ архіереямъ; эти послѣдніе своимъ ближайшимъ подчиненнымъ, низшимъ администраторамъ. При тогдашнихъ путяхъ сообщенія, при крайнемъ недостаткѣ въ подъячихъ и писцахъ, способныхъ для одной только переписки бумагъ, при постоянномъ повсемѣстномъ и предумышленномъ препирательствѣ по этому соблазнительному для обоихъ вѣдомствъ дѣлу,—вся эта процедура принимала громаднѣйшіе размѣры и составляла для Синода дѣйствительное отягощеніе, при недостаткѣ въ немъ канцелярскихъ силъ и средствъ. Между тѣмъ, несмотря на всю эту громаднѣйшую бумажно-канцелярскую работу, результаты ея оказывались ничтожными: сборы штрафовъ производились повсюду крайне неисправно и недоимки росли съ каждымъ годомъ. Сенатъ все это зналъ, за всѣмъ внимательно слѣдилъ и при удобномъ случаѣ докладывалъ государю. Государь гнѣвался, посылалъ Синоду строгіе выговоры, требовалъ отъ Сената и Синода взаимныхъ уступокъ, соглашенія дѣйствій, совокупныхъ обсужденій столь важнаго дѣла. Синодъ уступилъ и въ общемъ своемъ засѣданіи, по долгомъ разсужденіи, Сенатъ и Синодъ судили за благо употребить слѣдующія дѣйства: „на не исповѣдавшихся класть штрафы, которые сбирать свѣтскимъ управителямъ, которымъ прочіе сборы вручены, а сбирая, отсылать въ Св. Синодъ, какъ прежде состоявшіеся

о томъ его императорскаго величества указы повелѣваютъ"*. Такимъ образомъ первый шагъ былъ сдѣланъ: важнѣйшая и самая интересная часть дѣла—взиманіе исповѣднаго штрафа перешла въ руки свѣтскихъ властей, хотя сосредоточеніе и распоряженіе штрафными суммами осталось еще до поры до времени за Синодомъ. Очевидно что Сенатъ, зная крутой нравъ государя, дѣйствовалъ осторожно и до конца его царствованія не предъявлялъ дальнѣйшихъ своихъ притязаній. Но съ восшествіемъ на престолъ императрицы Екатерины обстоятельства, какъ мы уже видѣли, перемѣнились не въ пользу Синода. Верховный Тайный Совѣтъ, дѣйствуя отъ высочайшаго имени, призналъ за собою право произвести коренную реформу въ самомъ внутреннемъ устройствѣ Синода: именнымъ указомъ отъ 12 іюля 1726. ** Св. Синодъ раздѣленъ былъ на два самостоятельные аппартамента—духовный и свѣтскій. Въ первомъ засѣдали шесть архіереевъ и должны были заправлять исключительно одними только духовными дѣлами; во второмъ шесть свѣтскихъ персонъ которымъ поручалось управленіе разными сборами, вотчинами духовнаго вѣдомства и всякими „расправными дѣлами", по примѣру прежде состоявшаго патріаршаго разряда. Второй аппартаментъ подчинялся непосредственно Высокому Сенату. Кругъ дѣятельности собственно духовнаго аппартамента Св. Синода *такъ былъ* ограниченъ что „ежели когда о чемъ какіе указы выдать надлежитъ, то для апробаціи доносить намъ (императрицѣ) въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, а безъ апробаціи нашей не печатать". Истинный смыслъ этого именнаго указа *не замедлилъ пояснить* Высокій Сенатъ слѣдующимъ своимъ распоряженіемъ: „такъ какъ высочайшимъ указомъ отъ 12 іюля сего года велѣно въ Синодѣ вѣдать одни духовныя дѣла, то Высокій Сенатъ приказалъ: штрафы съ не бывшихъ у исповѣди править воеводамъ и камерирамъ и собранныя деньги отсылать не въ Синодъ, а въ рентереи (казначества). О чемъ въ Св. Синодъ сообщить вѣдѣніе" ***. Синодъ хранилъ глубокое молчаніе.

Хотя императрица Анна Іоанновна вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ манифестомъ отъ 4 марта 1730 года

---

* *П. С. З.* т. VI. № 4.052.

** *П. С. З.* т. VII, № 4.919.

*** Тамъ же, № 4.984.

уничтожила Верховный Тайный Совѣтъ и возстановила прежнее значеніе Сената и Синода, но право взысканія штрафовъ какъ раскольническаго, такъ и исповѣднаго осталось за Сенатомъ. Духовное же вѣдомство обязано было доставлять только надлежащимъ свѣтскимъ командамъ необходимыя свѣдѣнія о количествѣ какъ раскольниковъ, такъ и не бывшихъ у исповѣди. Свѣдѣнія эти заключались въ духовныхъ росписяхъ, ежегодно составляемыхъ каждымъ приходскимъ причтомъ. Форма этихъ росписей первоначально была самая простая: каждый причтъ церковный обязанъ былъ вести у себя три именные списка: въ первый вносились всѣ прихожане бывшіе у исповѣди, во второй не бывшіе и въ третій раскольники. Списки эти приходскими священниками представлялись поповскимъ старостамъ, закащикамъ или десятильникамъ, а этими послѣдними или въ архіерейскія домовыя канцеляріи или непосредственно въ Московскій приказъ церковныхъ дѣлъ. Когда же въ приказѣ этомъ по прошествіи двухъ, трехъ лѣтъ скопилась такая масса духовныхъ росписей доставленныхъ изо всѣхъ епархій и провинцій что ихъ и помѣстить было негдѣ, тогда сдѣлано было распоряженіе чтобы подлинныя росписи хранились при архіерейскихъ домахъ, а въ приказъ церковныхъ дѣлъ или потомъ непосредственно въ Св. Синодъ доставлялись изъ архіерейскихъ канцелярій одни только общіе экстракты съ показаніемъ общей цифры бывшихъ и не бывшихъ у исповѣди по цѣлой епархіи. Затѣмъ формы духовныхъ росписей и экстрактовъ неоднократно видоизмѣнялись, усложняясь, и наконецъ въ 1737 году Сенатъ вмѣстѣ съ Синодомъ придумали такую форму исповѣдныхъ экстрактовъ которая состояла изъ 49 отдѣльныхъ графъ съ 22 заголовками *. И безъ того, когда еще росписи составлялись по первоначальной простѣйшей формѣ, и то приказъ церковныхъ дѣлъ не разъ жаловался Св. Синоду на то что присылаемыя отъ приходскихъ священниковъ росписи, а изъ архіерейскихъ канцелярій экстракты оказываются *знатно слабы*; но когда опубликованы и разосланы были новыя формы придуманныя Синодомъ и Сенатомъ, тогда отъ многихъ архіереевъ поступили донесенія что даже и подъячихъ *знающихъ тѣхъ формъ силу* нигдѣ не оказывается. Такимъ образомъ само высшее правительство, не принимая во вниманіе крайней малограмотности

* *П. С. З.* т. X, № 7.226.

тогдашняго духовенства и повсемѣстнаго недостатка въ опытныхъ и знающихъ подъячихъ, своими новыми столь многосложными формами только затруднило и затормозило повсюду исправное составленіе и своевременное представленіе духовныхъ росписей. А это послѣднее обстоятельство съ того времени какъ сборы штрафовъ съ раскольниковъ и неисповѣдниковъ перешли въ руки свѣтскихъ властей, само собою возбуждало между обоими вѣдомствами безконечную переписку, служило постояннымъ источникомъ взаимныхъ между ними жалобъ и пререканій, неудовольствій и столкновеній, которыя принимали нерѣдко весьма крупные и самые неблаговидные размѣры и формы. Борьба снова спустилась въ низшія сферы и тамъ продолжалась непрерывно до самаго конца прошлаго XVIII вѣка. Народъ въ лицѣ всѣхъ другихъ сословій былъ только пассивнымъ зрителемъ этой борьбы и при каждомъ ея проявленіи невольно возмущался въ своемъ религіозно-нравственномъ сознаніи и чувствѣ.

II.

Нигдѣ быть-можетъ печальныя послѣдствія исповѣднаго штрафа не были настолько чувствительны и зловредны, какъ въ далекой, обширной Сибири. Тамъ кромѣ общихъ явленій, какими сопровождалось во всѣхъ другихъ епархіяхъ наложеніе и взысканіе этого штрафа, были еще особенныя, чисто мѣстныя обстоятельства, придававшія всему дѣлу болѣе острый, болѣе зловредный характеръ. Обстоятельства эти обусловливались, между прочимъ, и самымъ географическимъ положеніемъ страны, и многими этнографическими особенностями ея населенія.

Тобольская епархія въ началѣ XVIII вѣка занимала собою пространство отъ Уральскаго хребта до Берингова пролива и отъ Ледовитаго океана до границъ Китая и Киргизскихъ степей; въ длину она простиралась на 10 тыс. верстъ, а въ ширину болѣе нежели на три тысячи верстъ. На этомъ громадномъ пространствѣ собственно христіанское населеніе было ничтожно: по ревизіи 1709 года во всей Сибири за исключеніемъ разныхъ туземныхъ инородцевъ считалось всего немного болѣе 230 тыс. душъ. * Бо́льшая половина этого

* *Филоѳей Лещинскій.* А. Сулоцкаго, стр. 7.

населенія скучивалась собственно въ нынѣшней Тобольской губерніи и отчасти въ нынѣшнихъ же губерніяхъ Пермской и Уфимской по среднему протяженію Уральскаго хребта. Другая же половина населенія, значительно меньшая, была разсѣяна на громаднѣйшемъ пространствѣ отъ рѣки Оби до Амура. Населенныя мѣста отстояли нерѣдко одно отъ другаго на двѣсти, триста, пятьсотъ и болѣе верстъ. Пути сообщенія тянулись въ большинствѣ по теченію обширнѣйшихъ сибирскихъ рѣкъ, Оби, Енисея, Лены, съ ихъ многочисленными притоками. Православныхъ церквей въ самомъ началѣ XVIII вѣка насчитывалось во всей Сибири только *сто шестьдесятъ*; * но изъ этого числа почти половина находилась относительно не въ дальнемъ разстояніи отъ епархіальнаго города Тобольска, остальныя же церкви разбросаны были, какъ оазисы, по всему громаднѣйшему пространству отъ Оби до Амура. Всѣ эти православные храмы въ первой половинѣ прошлаго столѣтія строились исключительно изъ дерева и въ размѣрахъ самыхъ скромныхъ; ни внѣшнимъ, ни внутреннимъ благолѣпіемъ они не отличались, потому что вся церковная утварь, какъ-то: св. иконы, сосуды, облаченія, богослужебныя книги, даже церковное вино, ладанъ, мука для просфоръ и воскъ для свѣчей,—все это доставлялось изъ Россіи и по преимуществу изъ Москвы. Доставка этихъ необходимыхъ принадлежностей православнаго богослуженія была крайне затруднительна, и часто случалось что въ отдаленныхъ сельскихъ храмахъ богослуженіе прекращалось иногда на весьма продолжительное время единственно или за неимѣніемъ вина, муки, ладона, или въ большинствѣ случаевъ за недостаткомъ богослужебныхъ книгъ. Всѣ эти неудобства, повидимому весьма незначительныя и мелочныя, но по своимъ послѣдствіямъ весьма важныя, продолжались въ теченіе всего XVIII столѣтія; даже въ 1801 году одинъ благочинный изъ мѣстности не особенно отдаленной доносилъ преосвященному Варлааму „что уѣздныя церкви почти всѣ находятся въ самомъ бѣдственномъ положеніи какъ ризницею и украшеніями въ нихъ, такъ въ особенности недостаткомъ богослужебныхъ книгъ, отъ чего въ нѣкоторыхъ церквахъ по одной общей Минеѣ и то изветшавшей правятъ весь годовой кругъ,

---

* Тамъ же, стр. 11.

а индѣ и вовсе службу Божію оставляютъ". * Ко всему этому и въ самомъ духовенствѣ, въ количествѣ священно-служащихъ чуствовался постоянный недостатокъ и многія церкви оставались по нѣскольку лѣтъ, даже десятковъ лѣтъ безъ священниковъ: такъ въ селѣ Тутальскомъ, Томскаго округа, не было священника въ теченіе *двадцати лѣтъ* (съ 1779 по 1801); ** а въ Чирдатской волости того же округа—въ теченіе *шестидесяти лѣтъ* (съ 1725 по 1784). *** Въ самомъ уже концѣ прошлаго столѣтія, именно въ 1791 году, по вѣдомостямъ Тобольской духовной консисторіи не доставало въ одной только Тобольской епархіи, за исключеніемъ Иркутской, *четырехсотъ двадцати* священно-церковно-служителей. **** Между тѣмъ духовныя правленія, которыхъ въ Тобольской епархіи было двадцать четыре, спустя еще шесть лѣтъ, именно въ 1797 году, доносили консисторіи „что въ заказахъ ихъ (благочиніяхъ) какъ въ священникахъ, такъ и въ причтѣ настоитъ величайшая надобность". † При такомъ слишкомъ ощутительномъ недостаткѣ въ духовенствѣ нерѣдко приходилось одному священнику завѣдывать въ одно и то же время нѣсколькими сосѣдними приходами, несмотря ни на какую обширность своего собственнаго прихода. Такимъ образомъ районъ пастырской дѣятельности одного священника простирался иногда на нѣсколько сотъ верстъ, и нѣкоторыя отдаленныя деревни и поселки по необходимости не могли видѣть его у себя по нѣскольку лѣтъ сряду.

Но и въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ духовенство находилось постоянно и было въ полномъ комплектѣ, оно не могло и неспособно было благотворно вліять на своихъ пасомыхъ,—его умственное и нравственное состояніе находилось на самомъ низкомъ уровнѣ: отъ простаго мужика-поселянина лица

---

* Письмо благочиннаго священника Чемесова отъ 25 августа 1801 года. арх. Томск. консисторіи.

** Ук. Тоб. дух. консисторіи отъ 9 ноября 1779 года. *Журн. Томск. Дух. Пр.* отъ 12 января 1801 года.

*** Ук. Тоб. дух. консисторіи отъ 11 марта 1784 года.

**** Ук. Тоб. дух. консисторіи отъ 5 апрѣля 1791 года. Всѣхъ священно-церковно-служителей, кромѣ женъ ихъ и дѣтей, числилось въ Тобольской епархіи за 1784 двѣ тысячи четыреста восемьдесятъ девять (2.489) человѣкъ. Жителей обоего пола 1.086.260 душъ. Ук. отъ 10 іюля 1786 за № 1.029.

† Ук. Тоб. консисторіи отъ 18 іюля 1797 за № 1.588.

духовнаго званія, даже священники отличались одною только буквальною грамотностію; все ихъ умственное развитіе, все научное образованіе въ большинствѣ случаевъ ограничивалось только умѣньемъ кое-какъ разбирать и механически читать церковно-славянскія книги; умѣнье писать признавалось уже высшею степенью образованія и открывало вѣрный путь къ священству, а знаніе первыхъ четырехъ дѣйствій ариѳметики считалось даже великою мудростію. Въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія Красноярское духовное правленіе съ нѣкоторою гордостію доносило Тобольской консисторіи что учитель русской школы (прототипъ духовныхъ училищъ) нѣкій пономарь Сусловъ „въ чтеніи исправенъ и письмо умѣющъ и нотное пѣніе знающій и ученію прилеженъ и трезваго состоянія, а между тѣмъ своимъ стараніемъ *и ариѳметики первую часть нынѣ доучиваетъ въ твердость*, чему и священно-церковно-служительскихъ дѣтей обучать со временемъ можетъ“ *. Но далеко не всѣ учители русскихъ школъ Тобольской епархіи могли похвастаться такимъ широкимъ образованіемъ какъ пономарь Сусловъ. О прочихъ педагогахъ, подвизавшихся на поприщѣ духовнаго просвѣщенія въ то же самое время, Тобольская консисторія сама вынуждена была засвидѣтельствовать „что изъ нихъ *не всѣ и писать умѣютъ*, или умножить по ариѳметикѣ“ **. Результатомъ такого состоянія духовныхъ школъ было то что воспитанники ихъ, просидѣвъ на школьной скамьѣ *шесть, восемь* и даже *десять лѣтъ* и достигнувъ полнаго *„великовозрастія“*, все-таки оказывались или совершенно неспособными, или черезчуръ перезрѣвшими для поступленія въ Тобольскую духовную семинарію. Родители же такихъ великовозрастныхъ школьниковъ, „убоясь бездны семинарской премудрости“, спѣшили поскорѣе *женить* ихъ, помѣщая въ свои же причты въ качествѣ звонарей или пономарей, съ полною при томъ увѣренностію что они современемъ унаслѣдуютъ имъ же и въ качествѣ священниковъ, на что имѣлось въ виду множество прежде бывшихъ примѣровъ и что дѣйствительно практиковалось въ Тобольской епархіи въ теченіе всего прошлаго столѣтія. Эта система наслѣдственности священно-церковнослужительскихъ мѣстъ вела за собою и укрѣпляла еще болѣе вредную систему наслѣдственности образа дѣйствія, укореняла

* Рапортъ Красн. дух. пр., отъ 14 іюля 1791 за № 118.
** Ук. Тоб. дух. консист. отъ 5 апр. 1791 года.

въ цѣломъ сословіи тѣ или другія выработанныя временемъ и нѣсколькими поколѣніями привычки, обычаи, правила, извѣстныя отношенія какъ ко властямъ свѣтскимъ и духовнымъ, такъ и къ своимъ прихожанамъ. Какъ дѣйствовалъ въ извѣстныхъ случаяхъ прадѣдъ, дѣдъ, отецъ, такъ точно по преемству, по преданію, старались дѣйствовать и ихъ ближайшіе потомки—сыновья, внуки, правнуки, остававшіеся притомъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ на одномъ и томъ же съ ними уровнѣ развитія умственнаго и нравственнаго. Система наслѣдственности духовныхъ мѣстъ породила и съ теченіемъ времени закрѣпила еще другое не меньшее зло: въ одномъ и томъ же приходѣ, при одной и той же церкви всѣ члены церковнаго причта, одновременно служившіе, оказывались между собою ближайшими родственниками, и посредствомъ брачныхъ соединеній эти родственныя связи распространялись и охватывали собою, какъ паутиной, цѣлыя округа и уѣзды. Такимъ образомъ постепенно слагалась и крѣпла цѣлая сословная корпорація со своими собственными традиціями, крѣпко сплоченная родственными узами. Всѣ хорошія и дурныя качества свойственныя человѣческой природѣ дѣлались въ этой замкнутой корпораціи также наслѣдственными, сословными, глубоко укоренившимися. Священникъ получившій образованіе въ такой школѣ въ которой и сами учителя „не всѣ умѣли писать или умножить по ариѳметикѣ“, а между тѣмъ безпрепятственно достигшій сана священства и притомъ на мѣстѣ наслѣдственномъ, насиженномъ, болѣе или менѣе обезпеченномъ,—едва ли такой священникъ въ состояніи былъ сознать необходимость лучшаго образованія для своего сына. Поэтому и самое невѣжество, полнѣйшее незнаніе существенныхъ своихъ обязанностей съ теченіемъ времени дѣлалось также наслѣдственнымъ, корпоративнымъ, глубоко закоренѣлымъ. До чего простиралось это печальное невѣжество можно судить отчасти по слѣдующему факту: Кузнецкій городской священникъ Ломшаковъ * на вопросъ барнаульскаго заказчика протоіерея Комарова— „какъ читается седьмая заповѣдь? отвѣчалъ: помилуй мя, Боже, да-вѣрую, а таинствъ насчиталъ десять и сущности ихъ отнюдь не разумѣетъ“. ** Подобныхъ фактовъ изъ старыхъ духовныхъ архивовъ можно бы привести великое множество.

* Фамилія эта существуетъ въ тѣхъ мѣстахъ и понынѣ.

** Указъ Тоб. дух. конс. отъ 27 апрѣля 1770 года.

Не менѣе печальную картину представляло и нравственное состояніе сибирскаго духовенства въ XVIII вѣкѣ. Лучшимъ изображеніемъ этого состоянія можетъ служить слѣдующій циркуляръ тобольскаго митрополита Павла *, разосланный имъ по всей епархіи отъ 7 мая 1764 года за № 1.031. Вотъ что говорится въ этомъ циркулярѣ: „Понеже по производимымъ въ канцеляріи Тобольской духовной консисторіи дѣламъ оказуется что здѣшней Тобольской епархіи разныхъ мѣстъ священно-церковно-служители безмѣрно въ пьянственныхъ случаяхъ и въ противонеблагообразныхъ и неприличныхъ званію своему поступкахъ въ противность св. отецъ правилъ и духовнаго регламента житіе свое препровождаютъ, и въ ярыжствахъ обращаются, и валяются и спятъ по улицамъ пьяны, и въ воровствахъ и въ ложныхъ подзаводскимъ крестьяномъ, якобы объ отказѣ ихъ отъ заводовъ, указовъ объявленіяхъ обличаются, отъ чего въ народѣ чинятъ не малое смущеніе и соблазнъ раскольникамъ, изъ коихъ (какъ по дѣламъ значитъ) хотя бы нѣкоторые къ церкви святой отъ раскольническаго своего злопагубнаго заблужденія и обратиться желали; но что означенные священно-церковно-служители безмѣрно упиваются и въ пьянствѣ своемъ многія чинятъ между людьми и въ церквахъ скверно-словныя ругательства и драки и тому подобныя безчинія, тѣмъ претыкаясь отъ того своего проклятаго раскола не отстаютъ, а остаются въ прежнемъ своемъ заблужденіи; и въ томъ оніи священно-церковно-служители отъ нихъ раскольниковъ не малое поврежденіе и укоризненное посмѣяніе на себе и всему духовному сану поношеніе наводятъ, чему всему причиною невоздержное ихъ и пьянственное житіе; за что нѣкоторые здѣшней епархіи какъ градскіе, такъ и уѣздные священники и діаконы и причетники отъ церквей и священнослуженія удержаны и запрещены, чиновъ своихъ лишены и изъ причта церковнаго извержены и отосланы въ гражданскій судъ подъ истязаніе. Того для“ и проч.

Такое неблаговидное духовенство неспособно было благотворно влiять на своихъ пасомыхъ; поэтому неудивительно если религіозно-нравственное состояніе православнаго народо-

---

* Митрополитъ Павелъ (Конюшкевичъ) управлялъ Тобольскою епархіей 10 лѣтъ, съ 1758 по 1768 годъ.

населенія Сибири за все продолженіе XVIII вѣка пред-
ставляется намъ въ самомъ непривлекательномъ и даже мрач-
номъ видѣ. Всѣ путешественники и ученые изслѣдователи
проживавшіе въ Сибири по нѣскольку лѣтъ въ теченіе прош-
шаго столѣтія (Миллеръ, Витценъ, Гмелинъ и др.) единоглас-
но отзываются о религіозно-нравственномъ состояніи Сиби-
ряковъ тогдашняго времени въ самыхъ сильныхъ выраженi-
яхъ. Самъ генералъ-губернаторъ Кашкинъ управлявшій Си-
бирью въ концѣ XVIII столѣтія вынужденъ былъ неодно-
кратно обращаться къ Тобольскому преосвященному Варла-
аму съ убѣдительною просьбой „паки и паки возбуждать
епархіальное духовенство къ принятію надлежащихъ духов-
ныхъ мѣръ къ истребленію въ народѣ жестокости и дерзно-
венія ко вчиненію *звѣроподобнаго свирѣпства и скотоподра-
жательнаго разврата.*“ *

Такое печальное состояніе сибирскаго народонаселенія,
кромѣ многихъ другихъ причинъ, объясняется отчасти и тѣ-
ми разнородными элементами изъ которыхъ оно составля-
лось и пополнялось въ теченіе всего XVIII вѣка. Еще въ
концѣ предшествовавшаго XVII столѣтія бѣгство въ Сибирь
всякаго рода „гулящихъ и разбойныхъ людей“ усилилось до
того что само правительство признало необходимымъ учре-
дить по границамъ Сибири крѣпкія заставы для того „чтобы
впредь изъ русскихъ городовъ въ сибирскіе городы бѣглыхъ
людей не пропускать.“ ** Затѣмъ почти во все царствованіе
Петра Великаго сюда ссылалось такое множество расколь-
никовъ что самъ же Петръ вынужденъ былъ остановить эту
ссылку и направить ее въ другое мѣсто: „и впредь, говорит-
ся въ одномъ изъ его указовъ за 1722 годъ, раскольниковъ
въ Сибирь не посылать, ибо тамъ и безъ нихъ раскольни-
ковъ много, а велите посылать ихъ въ Рогервикъ.“ *** Кро-
мѣ того, въ продолженіе всего XVIII вѣка въ Сибирь ссы-
лались всѣ политическіе и государственные преступники все-
возможныхъ категорій, начиная отъ простаго бродяги-вора
до отъявленнаго злодѣя-разбойника. Наконецъ промышлен-
ные и служилые люди: казаки, стрѣльцы, дѣти боярскія, раз-
ные пристава и подъячіе стремившіеся въ Сибирь по одному

* Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 26 іюля 1782 года.

** *Ак. Ис.* т. V, № 220.

*** *П. С. З.* т. VI, № 4.109.

главному побужденію—ради легкой и скорой наживы, всѣ эти разнородные элементы вольныхъ и невольныхъ насельниковъ Сибири и сами по себѣ никогда не отличались своими религіозно-нравственными качествами, а безъ надлежащаго руководства и вліянія со стороны мѣстнаго духовенства они годъ отъ году все болѣе и болѣе охладѣвали къ вѣрѣ отцовъ своихъ, чуждались церкви и ея служителей, отвыкали сознавать и исполнять свои христіанскія обязанности, пріучались мало-по-малу жить самовольно, самочинно, по однимъ только грубымъ инстинктамъ своихъ никѣмъ и ничѣмъ несдерживаемыхъ страстей. Для такихъ людей хожденіе въ храмы Божіи, исполненіе христіанскаго долга исповѣди и причастія, къ которымъ принуждали ихъ указами и штрафами, представлялось дѣломъ крайне стѣснительнымъ и вызывало съ ихъ стороны понятное недовольство, ожесточеніе, укоризны въ насиліи ихъ совѣсти и даже нерѣдко самое наглое кощунство.

Печальному состоянію нравственности какъ въ самомъ духовенствѣ, такъ и въ народѣ не мало содѣйствовало еще постоянное отсутствіе непосредственнаго архипастырскаго надзора и руководительства. Изо всѣхъ тобольскихъ архіереевъ управлявшихъ сибирскою паствой въ продолженіе всего XVIII вѣка, одинъ только знаменитый просвѣтитель Сибири митрополитъ Филоѳей Лещинскій совершилъ требуемое духовнымъ регламентомъ обозрѣніе своей обширной епархіи. Цѣлые два года (1718 и 1719) употребилъ онъ на это обозрѣніе и побывалъ въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ: въ Иркутскѣ, за Байкаломъ и даже въ пустынномъ Туруханскѣ. Но всѣ его преемники до самаго конца XVIII столѣтія признавали болѣе полезнымъ для самой же епархіи оставаться безвыѣздно въ своемъ каѳедральномъ городѣ Тобольскѣ. Такая система управленія имѣла свои выгоды и свои печальныя стороны. Обширная епархія и постоянно умножавшееся народонаселеніе требовали очень много времени для болѣе или менѣе обстоятельнаго обозрѣнія; а между тѣмъ продолжительное отсутствіе архіерея изъ своей резиденціи могло задерживать регулярное теченіе обширныхъ епархіальныхъ дѣлъ, заставляло напрасно и долгое время проживать въ Тобольскѣ пріѣзжавшихъ изъ далекихъ мѣстъ просителей и ставленниковъ. Но съ другой стороны, отсутствіе архипастырскаго надзора при безвыѣздномъ пребываніи архіереевъ

въ Тобольскѣ имѣло для епархіи весьма вредныя послѣдствія: безъ этого надзора и духовенство и міряне, особенно въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, постепенно пріучались къ полному самовольству, самоуправству и безнаказанному нарушенію своихъ обязанностей.

Наконецъ самый судъ духовный производившійся какъ надъ мірянами, такъ и надъ лицами духовнаго званія отличался какимъ-то страннымъ, неопредѣленнымъ характеромъ и потому не могъ благотворно дѣйствовать въ смыслѣ предупрежденія и пресѣченія религіозно-нравственныхъ проступковъ и преступленій. Завися по преимуществу отъ личнаго характера и благоусмотрѣнія того или другаго архипастыря, судъ этотъ бывалъ въ иныхъ случаяхъ очень суровъ и даже жестокъ, въ другихъ черезчуръ мягокъ и снисходителенъ: за одно и то же преступленіе въ одно время взыскивали такъ, въ другое иначе. Все это не могло не производить извѣстнаго рода вліянія не только на общій ходъ епархіальныхъ дѣлъ, но и на самое религіозно-нравственное состояніе всей паствы.

Соображая всѣ вышеизложенные факты не трудно понять, какъ производилось въ Сибири „самонужнѣйшее государственное дѣло" о наложеніи и взысканіи исповѣднаго штрафа и къ какимъ прискорбнымъ послѣдствіямъ вело оно.

III.

Первые строжайшіе указы о взысканіи исповѣднаго штрафа получены были въ Сибири при митрополитѣ Филоѳеѣ, который посвятивъ всю свою архипастырскую дѣятельность по преимуществу на приведеніе ко Христу сибирскихъ инородцевъ, не обратилъ на эти указы особеннаго вниманія. Строжайшія разнаго рода повелѣнія получались въ тѣ времена очень часто и по дѣламъ далеко не важнымъ и потому не производили уже особеннаго впечатлѣнія, не возбуждали особой энергіи къ ихъ немедленному исполненію. Можетъ-быть даже и то что этотъ высокопросвѣщенный архипастырь болѣе другихъ понималъ всю внутреннюю несостоятельность подобныхъ мѣропріятій, проницательнымъ взоромъ предвидѣлъ весь нравственный вредъ имѣющій произойти отъ ихъ буквальнаго исполненія и потому принялъ ихъ только къ свѣдѣнію, не принимая никакихъ мѣръ къ ихъ исполненію. Въ

самомъ дѣлѣ, требованія этихъ указовъ, какъ-то: хожденіе въ храмы Божіи по приказанію начальства, принужденіе къ исполненію важнѣйшихъ христіанскихъ таинствъ, покаянія и причащенія, подъ угрозой штрафа и жестокаго въ гражданскомъ судѣ истязанія, чтеніе царскихъ указовъ объ этомъ во время церковнаго богослуженія вмѣсто живой церковной проповѣди, всѣ эти пункты далеко не могли согласоваться съ истинно апостольскимъ духомъ великаго архипастыря, словомъ евангельской проповѣди, духомъ своей кротости и христіанской любви успѣвшаго обратить ко Христу болѣе сорока тысячъ дикихъ инородцевъ Сибири. Кромѣ того, во время своего двухлѣтняго странствованія для обозрѣнія епархіи митрополитъ Филоѳей лицомъ къ лицу познакомился со своими ближайшими сотрудниками по управленію словеснымъ Христовымъ стадомъ, со священниками, близко узналъ ихъ умственное и нравственное состояніе, ясно поэтому видѣлъ чего можно было требовать и ожидать и что̀ можно было поручать подобнымъ сотрудникамъ. Онъ не могъ не знать что даже самая внѣшняя сторона дѣла—составленіе духовныхъ росписей, особенно въ приходахъ обширныхъ, составитъ для малограмотнаго духовенства непосильный, неисполнимый трудъ, не говоря уже о внутренней, религіозно-нравственной сторонѣ дѣла, печальныя послѣдствія котораго онъ ясно могъ предвидѣть, судя по характеру и нравственнымъ качествамъ этого духовенства, зараженнаго въ числѣ другихъ пороковъ самымъ неблаговиднымъ корыстолюбіемъ, на что̀ повсюду при обозрѣніи епархіи онъ получалъ многочисленныя жалобы прихожанъ.

Впрочемъ, какъ бы тамъ ни было, по тѣмъ или другимъ причинамъ и побужденіямъ, но первоначальные строжайшіе указы о наложеніи и взысканіи исповѣднаго штрафа не исполнялись въ Сибири очень долго, въ теченіе почти двадцати лѣтъ, и только уже въ 1737 году, при митрополитѣ Антоніи I *, вслѣдствіе новыхъ настояній со стороны Синода и Сената, учреждена была въ Тобольскѣ особая раскольническая коммиссія, которой поручено было вести всѣ дѣла какъ о розысканіи и переписи раскольниковъ, такъ и о своевременномъ собираніи по всей епархіи духовныхъ росписей. Коммиссія эта, какъ и всякая новая метла, горячо принялась за

* Антоній I (Стаховскій) управлялъ Тоб. епархіей съ 1721 по 1740.

дѣло и въ теченіе перваго же года своего существованія разослала по епархіи четыре грозные циркуляра, въ которыхъ строжайше предписывалось духовенству побуждать своихъ прихожанъ къ неопустительному хожденію въ церковь къ вечерни, утрени и обѣдни, и для того читать за богослуженіями по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ всѣ прежде состоявшіеся высочайшіе указы „о бытіи наипаче у исповѣди", но для чего наипаче у исповѣди? „для немедленнаго составленія духовныхъ росписей и представленія ихъ въ свѣтскія команды на предметъ взысканія положенныхъ штрафовъ." Кромѣ этихъ общихъ циркуляровъ раскольническая коммиссія чуть не каждую недѣлю разсылала къ закащикамъ строжайшія подтвержденія и придумала еще новую мѣру понужденія—посылку нарочныхъ на счетъ виновныхъ, что особенно было удобно и практично, если вспомнить то географическое пространство которое занимала Тобольская епархія. Такія настойчивыя мѣры подѣйствовали на нѣкоторыхъ закащиковъ, они кое-какъ собрали по своимъ заказамъ духовныя росписи за предшествовавшіе годы и представили оныя въ коммиссіи; но по разсмотрѣніи всѣ эти росписи оказались „знатно слабы" * и потому возвращены были для обстоятельнѣйшаго составленія, а тѣмъ священно-церковно-служителямъ которые вовсе не представили росписей строжайше предписано „сочинить таковыя въ теченіе двухъ дней подъ опасеніемъ штрафа, истязанія и олишенія сана". Это двухдневное составленіе росписей особенно неудобно было въ виду тѣхъ многосложныхъ и многографныхъ формъ которыя въ этомъ же самомъ 1737 году были придуманы Сенатомъ и Синодомъ.

Съ легкой руки этой раскольнической коммиссіи, полюбившей въ особенности бумажное дѣло, поднялась въ Сибири огромная, безконечно длинная и въ большинствѣ случаевъ совершенно безплодная переписка, продолжавшаяся непрерывно до самаго конца прошлаго XVIII вѣка. До какихъ размѣровъ доходила эта переписка можно приблизительно судить по слѣдующему факту: Тобольская духовная консисторія въ указѣ своемъ отъ 10 іюля 1786 года заявляла духовнымъ правленіямъ и закащикамъ что на одну переписку съ ними и по одному только дѣлу о своевременномъ

* Указъ Тоб. архіерейскихъ раскольническихъ дѣлъ коммиссіи отъ 25 сентября 1737 года.

представленіи духовныхъ росписей за время отъ 1780 по 1786 годъ употреблено ею бумаги „пять столъ“. * На переписку же со свѣтскими властями по этому общирнѣйшему дѣлу выходило конечно еще болѣе. Но никакія строжайшія предписанія, никакіе наикрѣпчайшіе указы, страхованія и даже „жестокія на тѣлѣ наказанія“, ничто не помогало, ничто не могло принудить приходское духовенство Тобольской епархіи болѣе аккуратно и добросовѣстно относиться къ дѣлу, которое епархіальнымъ начальствомъ считалось самонужнѣйшимъ государственнымъ дѣломъ. По справкамъ раскольнической коммиссіи оказалось что изъ многихъ „заказовъ“ совсѣмъ не доставлялись метрическія книги и духовныя росписи съ 1724 по 1737 годъ. ** Изъ указовъ митрополита Арсенія видно что эти самые документы не поступали отъ многихъ причтовъ съ 1737 по 1742 годъ. *** Митрополитъ Сильвестръ въ циркулярѣ своемъ отъ 24 іюля 1752 года объявляетъ что отъ нѣкоторыхъ закащиковъ не представлены экстракты и росписи о не бывшихъ у исповѣди и записавшихся въ двойной окладъ, а также о „крестовоображающихся двоеперстно“—съ 1747 по 1753 годъ и строжайше предписываетъ составить оныя въ теченіе одной недѣли. **** Святѣйшій Синодъ, объявляя этому митрополиту строгій выговоръ, укоряетъ его въ томъ что изъ нѣсколькихъ заказовъ его епархіи не получены духовныя росписи за цѣлыхъ 12 лѣтъ, съ 1744 по 1756 годъ. † Митрополитъ Павелъ, получая неоднократно такіе же строжайшіе синодскіе указы и выговоры, посылалъ нарочныхъ въ самыя отдаленныя мѣстности и заказы своей епархіи; †* но ничто не помогало и дѣло отъ того ничуть не подвигалось впередъ.... Наконецъ тобольскій губернаторъ Чичеринъ, получавшій также постоянныя подтвержденія и выговоры Сената по дѣлу о неисправномъ сборѣ исповѣднаго штрафа, сдѣлалъ такое распоряженіе чтобы сельскіе старосты и сотники во время постовъ сами вели подробные списки о бывшихъ и не бывшихъ у исповѣди и

* Указъ Тобольской духовной консисторіи, 10 іюля 1786, № 1.209.

** Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 13 марта 1739.

*** Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 8 марта 1742.

**** Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 24 іюля 1753.

† Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 31 декабря 1755. № 2.686.

†* Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 26 іюля 1770.

доставляли бы таковые въ его губернаторскую канцелярію, для того чтобы по этимъ спискамъ можно было сличить и провѣрить духовныя росписи по полученіи таковыхъ отъ приходскихъ священниковъ. Но и эта мѣра повела только къ большей еще запутанности дѣла: росписи духовныя не сходились со списками сельскихъ старостъ; то въ тѣхъ, то въ другихъ открывались пропуски, утайки, невѣрныя отмѣтки; возникли по этому поводу безчисленныя жалобы, доносы; начались нескончаемыя дознанія, слѣдствія, переслѣдованія. Губернаторъ принималъ сторону своихъ подчиненныхъ, архіерей—своихъ, доходило не разъ до личныхъ, весьма крупныхъ неудовольствій.... * Въ 1771 году губернаторъ Чичеринъ получилъ по этому дѣлу высочайшій выговоръ. Это тяжелое и почти безъ вины полученное имъ взысканіе побудило его принять самыя рѣшительныя мѣры: онъ самъ отправился по ввѣренной ему губерніи и началъ въ каждомъ селѣ, въ каждой приходской церкви ревизовать церковные документы, а неисправныхъ священниковъ собственною властію бралъ подъ стражу, сажалъ въ „холодную" и подъ карауломъ отсылалъ въ Тобольскъ, но не къ архіерею, а въ собственную свою губернаторскую канцелярію, ** гдѣ и заставляли ихъ насильственными средствами исправлять невѣрно составленныя духовныя росписи. Однако и эти принудительныя мѣры достигали своей цѣли только на извѣстное время и въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ. Не могъ же губернаторъ цѣлый годъ разъѣзжать по селамъ и собирать духовныя росписи.... Да одного года и не достаточно было для объѣзда такой обширной губерніи. Притомъ же, когда слухъ о такихъ насильственныхъ дѣйствіяхъ губернатора распространился по епархіи, сельскіе священники старались какъ можно уклоняться и такъ или иначе избѣгать губернаторскихъ ревизій; съ этою цѣлію они при его приближеніи уѣзжали въ самыя отдаленныя

* Напримѣръ: Чичеринъ, желая досадить митрополиту Павлу, нарядилъ всѣхъ своихъ слугъ и полицейскихъ солдатъ въ монашеское платье и во время Масляницы приказалъ имъ ѣздить по городу и заходить во всѣ кабаки и непотребные дома. Митрополитъ въ отплату за это поруганіе приказалъ нарисовать на церковной паперти картину страшнаго суда и на первомъ планѣ помѣстить портретъ губернатора, котораго черти тянутъ крючьями въ адъ.... Рукоп. Ист. христіанства въ Сибири. А. Сулоцкаго.

** Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 5 сентября 1771.

деревни своихъ приходовъ и тамъ скрывались или вовсе выѣзжали изъ предѣловъ своихъ приходовъ, такъ что никакіе губернаторскіе сыщики и разсыльные не могли ихъ отыскать.

Эти энергическія, хотя и безплодныя мѣры губернатора Чичерина послужили въ послѣдствіи образцомъ дѣйствованія и для тобольскаго епархіальнаго начальства, которое и со своей стороны начало потомъ принимать самыя крайнія мѣры: такъ въ 1793 году Тобольская духовная консисторія предписала туруханскому закащику: „означеннаго Нижнетунгусскаго погоста попа съ причтомъ, истребуя отъ тамошнихъ городничаго или земскаго суда двухъ нарочныхъ, сыскать въ духовное правленіе и тутъ ихъ, доколѣ они за тотъ 1789 годъ росписей и метрикъ не исправятъ, *держать безъ выпуску въ цѣпяхъ подъ карауломъ*, и денноношно къ тому ихъ принуждать". * Въ томъ же году мѣра эта была распространена и на самихъ закащиковъ и членовъ духовныхъ правленій. Оказалось что духовныя росписи и метрики не доставлены были въ Синодъ съ 1789 по 1794 годъ. Синодъ неотступно требовалъ ихъ. Тобольская консисторія не знала что̀ ей и дѣлать съ епархіальнымъ духовенствомъ: „понеже духовныя правленія и священно-церковно-служители объ ономъ государственномъ дѣлѣ не брегутъ и сущую остановку во всемъ томъ что̀ требуется Святѣйшимъ Синодомъ, его преосвященству навели и каждогодно наводятъ; а изъ сего и усматривается что у тѣхъ духовныхъ правленій, по безстрашію ихъ, поставляется все оное за маловажное или *за ничто*; такъ потому и сила указовъ къ нимъ посылаемыхъ теряетъ всю свою важность. Того ради консисторія опредѣлила: просить губернаторовъ, чтобъ они приказали исправникамъ и городничимъ давать духовнымъ правленіямъ сыщиковъ для сыску неисправныхъ священно-церковнослужителей въ оныя правленія, гдѣ и держать ихъ подъ карауломъ до окончанія росписей." ** Но не болѣе какъ чрезъ мѣсяцъ послѣ этого указа, консисторія признала необходимымъ распространить его силу и на закащиковъ и на духовныя правленія; новымъ своимъ опредѣленіемъ

---

* Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 20 августа 1793.

** Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 14 августа 1793., № 1.137.

она просила уже губернаторовъ предписать исправникамъ и городничимъ „*держать подъ стражею безвыпускно* и самихъ закащиковъ и членовъ духовныхъ правленій, покол҃ѣ они тѣхъ росписей не исправятъ и не отошлютъ къ его преосвященству“. *

Несмотря однако на всѣ эти крайнія, послѣднія, такъ сказать, мѣры понужденія, имѣвшіяся во власти епархіальнаго начальства, ** дѣло отъ того нисколько не улучшалось и, какъ мы видѣли уже, въ теченіе цѣлаго столѣтія оставалось все въ одномъ и томъ же неподвижномъ положеніи. Приходское духовенство Тобольской епархіи, несмотря ни на что, требуемыхъ отъ него духовныхъ росписей никогда своевременно и аккуратно не представляло и тѣмъ, по выраженію консисторіи, сущую остановку во всемъ томъ что̀ требовалось Святѣйшимъ Синодомъ, его преосвященству или вѣрнѣе всей и духовной и свѣтской администраціи каждогодно наводило и причиняло.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

В. ГУРЬЕВЪ.

* Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 17 сентября 1793 № 1.414.

** Оставались еще мѣры взысканія, какъ-то: отрѣшеніе отъ мѣста, запрещеніе священнослуженія, лишеніе сана; но такія исключительныя мѣры невозможно было примѣнять въ Тобольской епархіи „великія ради нужды во священствѣ“.

ПОѢЗДКА ВЪ СВАНЕТІЮ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

I.

Въ прошломъ 1880 году мнѣ пришлось проѣхать въ штабъ-квартиру Бечоской мѣстной команды, лежащую на западной окраинѣ вольной Сванетіи; вольная Сванетія есть часть приставства Сванетіи, входящаго въ составъ Кутаисской губерніи.

Единственное указаніе полученное мною по поводу этой поѣздки состояло въ маршрутѣ отъ Кутаиса до Бечо, въ которомъ мелькали странныя названія попутныхъ мѣстъ и значилось что Бечо лежитъ отъ Кутаиса во 185 верстахъ.

Въ числѣ смутныхъ и отрывочныхъ свѣдѣній о Сванетіи у меня значилось, между прочимъ, что туда можно проникнуть только верхомъ, по труднымъ горнымъ тропамъ, и такъ какъ верховая поѣздка въ 370 верстъ дѣло не легкое, то по прибытіи въ Кутаисъ пришлось узнавать какъ люди ѣздятъ въ Сванетію.

Я обратился къ тремъ источникамъ: картамъ, печатнымъ указаніямъ и свѣдѣніямъ людей бывалыхъ. Карты мнѣ разказали про вольную Сванетію слѣдующее: это высокая горная долина, лежащая на самомъ сѣверѣ Кутаисской губерніи и идущая съ востока на западъ; съ сѣвера ее загораживаетъ сплошною стѣной главный Кавказскій хребетъ, съ юга тоже

снѣговой хребетъ, имѣющій въ разныхъ частяхъ разныя названія, но вообще слывущій подъ именемъ Сванетскаго. На восточной границѣ вольной Сванетіи главный и Сванетскій хребты соединяются сплошною каменною перемычкой; на западѣ долина эта также замыкается поперечными отрогами идущими отъ главнаго хребта къ югу; западный конецъ долины занимаетъ такъ-называемая княжеская Сванетія. Вдоль всей долины, сперва по направленію съ востока на западъ, потомъ поворачивая къ юго-западу, течетъ рѣка Ингуръ, которая прорывается черезъ южный хребетъ къ Черному Морю страшными каменными пропастями, узкими какъ трещина. Къ этому бѣглому очерку остается прибавить что отъ главнаго Кавказскаго и Сванетскаго хребтовъ идутъ на встрѣчу другъ другу поперечные горные отроги, подходящіе къ ложу Ингура и словно контрфорсы подпирающіе стѣны хребтовъ. Такимъ образомъ вольная Сванетія занимаетъ восточную, бо́льшую половину гигантскаго каменнаго ящика, единственный выходъ изъ котораго есть трещина въ его южной стѣнѣ. Ингуръ, выходящій изъ долины этою трещиной, принимаетъ въ себя всѣ рѣчки и рѣчонки сбѣгающія въ долину отъ ледниковъ и снѣговъ, вѣнчающихъ на югѣ и на сѣверѣ зубчатую ограду долины. Еслибы пробудившіяся подземныя силы, поднявъ неожиданно въ упомянутой трещинѣ новый хребетъ поперекъ ея, преградили Ингуру выходъ къ морю, то Сванетская котловина должна была бы превратиться въ огромное озеро.

Мой маршрутъ велъ меня не по разсѣлинѣ Ингура, вдоль котораго также есть дорога въ Сванетію, а переваломъ, черезъ южный Сванетскій хребетъ.

Второй источникъ—три описанія путешествій по Сванетіи, не далъ никакихъ практическихъ указаній и не облегчилъ мнѣ задачи. Одинъ путешественникъ ѣздилъ въ Сванетію очень давно и пользовался содѣйствіемъ и покровительствомъ мѣстной власти; другой, уроженецъ Кавказа, знатокъ обычаевъ и языковъ страны вообще, могъ безо всякихъ затрудненій и безъ помощи властей исколесить всю Сванетію; третій странствовалъ подъ покровительствомъ лица могущественнаго не только въ княжеской Сванетіи, гдѣ до недавнихъ временъ царила на владѣльческихъ правахъ его фамилія, но пользующагося авторитетомъ и у вольныхъ Сванетовъ, въ сопровожденіи его сыновей и тѣлохранителей, да чуть ли и не

на его лошадяхъ. Ни на одинъ изъ видовъ подобнаго содѣйствія я разчитывать не могъ и сталъ отыскивать опытныхъ людей которые помогли бы мнѣ хотя совѣтомъ.

Въ Кутаисѣ нашлось нѣсколько человѣкъ кое-что знавшихъ о поѣздкахъ въ Сванетію, а одинъ изъ нихъ даже побывавшій тамъ нѣсколько разъ; по его словамъ онъ какъ-то провожалъ въ Бечо военнаго слѣдователя, который въ дорогѣ, на одномъ изъ мостовъ черезъ пропасть помѣшался и черезъ мѣсяцъ умеръ. Къ этому-то спутнику бѣднаго слѣдователя я и обратился прежде всего.

— Послушайте, мнѣ нужно ѣхать въ Бечо, будьте добры, научите какъ устроить эту поѣздку.

— Въ Бечо? Ого-го, это, я вамъ скажу, штука не легкая. Да вы бывали прежде въ Сванетіи?

— Нѣтъ, не былъ никогда.

— Ну, такъ вы натерпитесь всего. Да вы знаете что въ этой проклятой Сванетіи ѣсть нечего, вы тамъ съ голоду умрете пока доѣдете до Бечо.

— Ну, ѣсть съ собою возьмемъ, а скажите, дороги тамъ какія, можно проѣхать?

— Дороги ничего, только не ѣздите на лошадяхъ, — здѣсь трудно найти привычныхъ къ такимъ дорогамъ лошадй, а непремѣнно наймите катеровъ. А по-грузински вы говорите?

— Ни одного слова.

— Такъ вамъ нужно взять съ собою переводчика, иначе вы не проѣдете.

— А нельзя ли взять открытый листъ и ѣхать на обывательскихъ лошадяхъ за прогоны. Пожалуй покойнѣе и проще было бы.

— Ухъ, батюшка, да вы въ три недѣли не доѣдете до Бечо, по четыре дня будете на каждомъ ночлегѣ ожидать лошадей и то не дождетесь.

— Ну, скажите пожалуста теперь относительно опасностей, нужны какія-нибудь предосторожности, оружіе?

— Какое тамъ оружіе, никакихъ опасностей не будетъ, только вы не церемоньтесь съ этими Сванетами: они трусы, кричите на нихъ погромче, а если не возьметъ, такъ и покруче распоряжайтесь. Разъ мнѣ старшина не давалъ лошадей, такъ я его скрутилъ веревками, и къ столбу; живо лошади явились. Нѣтъ, этого ничего не бойтесь.

— Теперь будте добры научите меня, гдѣ и у кого нанять катеровъ или лошадей?

— Катеровъ... отвѣчалъ мой собесѣдникъ подумавъ,—погодите, я поговорю съ однимъ духанщикомъ, можетъ онъ найдетъ вамъ катеровъ.

Я поблагодарилъ и пошелъ домой съ однимъ господиномъ присутствовавшимъ при этомъ разговорѣ. Когда мы повернули за уголъ, мой спутникъ спросилъ меня:

— Вы все-таки поѣдете въ Бечо?

— Да какъ же не ѣхать когда нужно, разумѣется поѣду.

— Помилуйте, да онъ вамъ Богъ знаетъ чего наговорилъ, удивляюсь какъ у него языкъ поварачивался! Да туда крайне опасно ѣздить, тамъ могутъ убить васъ на каждомъ шагу. Сванеты извѣстные разбойники.

— Да какъ же ѣздятъ туда чиновники и офицеры, и солдаты ходятъ изъ Бечо въ Кутаисъ, значитъ можно ѣздить?

— Ѣздятъ, это правда, но все-таки очень опасно; по крайней мѣрѣ вы не надѣвайте дорогой форменнаго костюма. Сванеты очень подозрительны, боятся и не любятъ чиновниковъ.

Все это оказалось на дѣлѣ положительною неправдой, опасностей не было ровно никакихъ, и я изъ опыта убѣдился что всю Сванетію можно пройти съ палкой въ рукахъ, лишь бы знать дорогу да грузинскій языкъ, который тамъ гораздо нужнѣе револьвера.

На другой день ко мнѣ вошелъ съ низкимъ поклономъ почтенный старикъ Армянинъ; онъ содержалъ духанъ, т.-е. кабакъ и лавочку вмѣстѣ, и кромѣ того занимался другими операціями и коммиссіями. Онъ брался поставить мнѣ одну лошадь и двухъ катеровъ, а также и переводчика знающаго по-русски и по-грузински, съ тѣмъ чтобъ я заплатилъ и за третьяго катера подъ этого переводчика,—его роднаго сына Николая. За доставку меня этими средствами въ Бечо и обратно, съ двухдневнымъ пребываніемъ тамъ, старикъ запросилъ 90 рублей, т.-е. ровно ту сумму прогоновъ которую я получилъ, но потомъ сбавилъ на 80. Такимъ образомъ у меня изъ прогонныхъ денегъ оставалось только 10 рублей на экстраординарные расходы и не оставалось возможности нанять пятую лошадь подъ вьюкъ для провизіи и вещей. Въ виду этого мною было выговорено право для себя и моихъ спутниковъ везти за сѣдломъ по вьюку вѣсомъ до одного пуда.

— Ну, теперь скажите, былъ ли вашъ Николай когда-нибудь въ Бечо?

— Нѣтъ, не былъ, но я самъ два раза былъ и все ему разказалъ.

— А какъ же онъ найдетъ дорогу?

— Какъ не найти? Онъ такой умный, все найдетъ, и курицу найдетъ, и дорогу найдетъ, а гдѣ нужно—найдетъ проводника.

— Ну, а катера ваши хороши будутъ, не станутъ дорогой?

— О, какъ можно стать, всѣ бѣжать будутъ... Одинъ катеръ будетъ очень хорошій, ему сто лѣтъ есть; еще дѣдушка мой на немъ ѣздилъ.

Я слышалъ что катера, безплодная помѣсь осла и лошади, отличаются необычайною выносливостью и страшнымъ долголѣтіемъ и потому не смутился заявленною мнѣ метрикой лучшаго катера; не знаю ѣздилъ ли на немъ дѣдушка, но онъ положительно изумлялъ меня въ дорогѣ своею силой и неутомимостью при самомъ скудномъ продовольствіи. Такіе катера цѣнятся въ 200—300 рублей и несомнѣнно стóятъ этихъ денегъ за свои драгоцѣнныя качества. Весьма вѣроятно что причиной замѣчательнаго долголѣтія катеровъ служитъ отсутствіе у нихъ страстныхъ вожделѣній: они никогда не даютъ отъ себя потомства.

Существенный вопросъ о лошадяхъ былъ покончeнъ. Оставалось позаботиться о продовольствіи и позаботиться серіозно, такъ какъ въ томъ что Сванетія страна голодная и лавокъ въ ней не имѣется не было никакого сомнѣнія.

Вечеромъ, наканунѣ дня отъѣзда, въ двѣ пары переметныхъ сумъ были уложены слѣдующіе драгоцѣнные и необходимѣйшіе въ подобныхъ поѣздкахъ предметы: вопервыхъ, посуда: мѣдная кастрюля, такой же чайникъ, четыре стакана и четыре деревянныя ложки; затѣмъ провизія: чай, сахаръ, прессованная зелень, рисъ, гречневая крупа, свиное соленое сало, хлѣбъ, водка, соль, перецъ, лавровый листъ и нѣсколько связокъ тарани.

Затѣмъ я и мои спутники закатали въ бурки по маленькой подушкѣ, одѣялу и гуттаперчевому плащу, и все наше дорожное снаряженіе было готово. Много еще хорошихъ и полезныхъ вещей для десятидневной дороги въ дикой странѣ называла намъ предусмотрительность при этой незатѣйливой укладкѣ; но особой вьючной лошади у насъ не было, каждый долженъ былъ везти за сѣдломъ и всѣ средства дорожнаго комфорта, и все свое продовольствіе, а потому съ предусмотрительностью во многомъ пришлось не согласиться.

II.

Рано утромъ въ свѣтлый іюльскій день явился на дворъ Николай съ тремя катерами и лошадью. Познакомившись съ Николаемъ, я сейчасъ же попросилъ его познакомить меня и со знаменитымъ катеромъ на которомъ ѣздилъ его прадѣдушка. Это оказалось черное, плотное, довольно малорослое животное, съ мускулистыми крѣпкими ногами и огромною злою мордой. Остальные два катера были тоньше, выше и легче и, по словамъ Николая, не стоили и одного копыта чернаго катера; лошадь оказалась древнѣйшею клячей побѣлѣвшею отъ старости.

Въ качествѣ нѣкоторымъ образомъ начальника экспедиціи я для большей представительности выбралъ себѣ лошадь, и мы тронулись въ путь чрезъ пыльный только-что просыпающійся Кутаисъ.

Сталкиваясь на каждомъ шагу въ узкихъ улицахъ съ неповоротливыми арбами и буйволами, тихо проѣхали мы городъ, миновали такъ-называемую ферму—въ дѣйствительности запущенный и заброшенный ботаническій садъ, въ которомъ растутъ такія рѣдкости какъ трехсаженныя магноліи зимующія въ грунтѣ, пробковый дубъ, огромныя тюльпанныя деревья, и выбравшись на свободную дорогу, поѣхали легкою рысью.

Путь нашъ шелъ зеленою долиной вверхъ по правому берегу рѣки Ріона, по довольно порядочному шоссе, съ легкими подъемами и спусками. Утро было отличное, солнце не успѣло накалить земли и съ каждымъ поворотомъ дороги открывалась панорама за панорамой зеленыхъ горныхъ хребтовъ толпившихся предъ глазами, поросшихъ лѣсомъ и окаймляющихъ ложе Ріона, поочереди заслонявшихъ и вновь выраставшихъ другъ изъ-за друга пока еще въ мягкихъ ласкающихъ глазъ очертаніяхъ; только вдали на самомъ заднемъ планѣ этой панорамы смутно обрисовывался голый скалистый хребетъ Хвамли или Холми, мелькавшій какъ сѣрый маякъ изъ-за огромныхъ зеленыхъ волнъ; къ нему и вела насъ дорога.

Первыя двадцать верстъ, отмѣченныя вдоль шоссе версто-

выми столбами, пролетѣли быстро; животныя бѣжали бодро, впереди черный катеръ, мѣрно помахивая длинными ушами, отбивалъ по дорогѣ мѣрный тактъ своими крѣпкими копытами, за нимъ степенно бѣжалъ мой бѣлый конь, а дальше слѣдовали мои спутники на своихъ молодыхъ катерахъ. Хотя дорога позволяла бы ѣхать рядомъ, но наши животныя въ своей обычной работѣ—возкѣ вьюковъ по горнымъ тропамъ, такъ привыкли всегда слѣдовать гуськомъ другъ за другомъ что никакія усилія съ нашей стороны не могли заставить ихъ выстроить фронтъ.

На двадцать первой верстѣ нашей дороги отъ Кутаиса находилось селеніе Намахвани; собственно селенія мы не увидѣли, отдѣльныя усадьбы его и домики разбросаны по сторонамъ дороги и прячутся въ ложбинахъ и котловинахъ между окружающими дорогу лѣсистыми холмами; на шоссе же выступаютъ съ обѣихъ сторонъ только три, четыре духана.

Передовой катеръ при видѣ духановъ заманчиво выросшихъ на одномъ изъ поворотовъ дороги повернулъ прямо къ нимъ и заржалъ или заревѣлъ—положительно затрудняюсь сказать: онъ началъ ржать совершенно какъ лошадь, но тотчасъ же это ржаніе перешло въ подавленный жалобный ослиный ревъ; такимъ образомъ эти замѣчательныя животныя получаютъ отъ своихъ разновидныхъ родителей не только смѣшанные наружные признаки, но и странно смѣшанный голосъ. Остальные катера и лошадь тоже сами собою повернули къ духанамъ и безъ приглашенія съ нашей стороны остановились у навѣсовъ; они хорошо знали изъ личнаго опыта что духанъ—единственное убѣжище и пристанище на Кавказѣ для путниковъ и ихъ лошадей и что не въ порядкѣ вещей было бы пропустить вовсе безъ остановки хотя одно изъ этихъ попутныхъ пристанищъ.

Желая какъ можно экономнѣе расходовать свои дорожные запасы, я попытался на первый день купить чего-нибудь въ духанѣ; но, увы, здѣсь, всего въ двадцати верстахъ отъ губернскаго города Кутаиса, не нашлось ничего кромѣ ржавыхъ мѣстныхъ балыковъ, столѣтнихъ сардинокъ и вонючей фруктовой водки.

Мы тронулись дальше; мѣстность дѣлалась все живописнѣе, горы обступавшія долину Ріона поднимались выше, надвигались на рѣку и тѣсно прижимали къ ней дорогу,

порой обрываясь прямо на шоссе своими отвѣсными скалистыми боками и крутыми осыпями. Со скалъ, прорывая груды зелени, падали прямо на край дороги подъ мостики красивые небольшіе водопады; въ особенности былъ хорошъ одинъ изъ нихъ; скатываясь нѣсколькими пѣнистыми бѣлыми уступами съ полуотвѣсной скалы, между двухъ стѣнъ яркой зелени, онъ падалъ въ большой природный резервуаръ, выдолбленный водою въ скалѣ. Эта каменная чаша съ прозрачною, холодною водой, въ которой дрожали отраженія тѣсно обступившихъ ее молодыхъ деревьевъ и кустовъ, такъ и звала окунуться и освѣжиться въ ней, тѣмъ болѣе что солнце начинало жечь сильнѣе, но терять времени нельзя было, и мы миновали искушеніе; дорога, хотя попрежнему широкая и безопасная, становилась для животныхъ все труднѣе; избѣгая обрывистыхъ стѣнъ ущелья, она чаще и выше взбѣгала на лѣсистые хребты, то пролегая по ихъ боковымъ склонамъ, то перерѣзывая небольшіе поперечные ихъ отроги; порою она поднималась очень высоко и открывала видъ на Ріонъ, который въ болѣе низкихъ мѣстахъ маскировали массы зелени; на днѣ глубокой долины извивалась сизо-сѣрая лента рѣки, сдавленной близко надвинувшимися горами. Ріонъ, съ глухимъ шумомъ, едва долетавшимъ снизу, безпокойно бросался изъ стороны въ сторону, отыскивая себѣ дорогу въ извилинахъ тѣсной долины. Но все-таки общіе тоны и штрихи этой картины были еще мягки и покойны, не рѣзали глаза острыми, дикими чертами, не смущали душу непривычными впечатлѣніями. Острыя и рѣзкія формы скалистыхъ обнаженій прятались подъ кровомъ полутропическаго лѣса; съ обѣихъ сторонъ дорогу обступали большіе кусты краснаго рододендрона; мѣсяца полтора назадъ каждая вѣтка этого красиваго кустарника украшалась на концѣ пышною кистью крупныхъ цвѣтовъ отъ красно-розоваго до бѣлаго оттѣнка; теперь только изрѣдка среди блестящихъ темныхъ листьевъ висѣли не успѣвшіе свалиться увядшіе вѣнчики. Кромѣ рододендроновъ подлѣсокъ составляли лавровишневые кусты съ яркими лакированными большими листьями, между которыми темными пятнами вырѣзывались кустарники остролистника или падуба (Ilex aquifolium) съ колючими, черно-зелеными, точно гофрированными листьями.

Надъ дорогой, цѣпляясь корнями за каменные пласты, попадались стройныя деревца самшита или такъ-называемой

кавказской пальмы (Buxus sempervirens). Это превосходное дерево, съ твердою какъ кость бѣло-желтою древесиной и мелкими какъ у мирты блестящими листочками, состоящими изъ двухъ пластинокъ, сростающихся по краямъ и образующихъ какъ будто маленькій овальный конвертикъ, въ огромномъ количествѣ вывозится за границу, главнымъ образомъ на машинныя веретена; намъ попадались деревца въ полторы-двѣ сажени вышиной и толщиной въ руку; но нѣсколько выше въ горахъ этихъ попадаются деревья самшита толщиной въ человѣческую ногу. По краямъ дороги попадалось много каштановыхъ деревьевъ, или вѣрнѣе пней отъ нихъ, обросшихъ круглыми шапками молодыхъ побѣговъ и листьевъ; кое-гдѣ на длинныхъ прутьяхъ сидѣли плотно круглые, колючіе шарики несозрѣвшихъ плодовъ. Благодаря чрезвычайно крѣпкой и упругой древесинѣ каштановое дерево служитъ превосходнымъ матеріаломъ для хозяйственныхъ и домашнихъ подѣлокъ и потому каштаны растущіе близь дороги усердно вырубаются жителями.

За подлѣскомъ стройными рядами всходилъ по склонамъ и бокамъ до самыхъ вершинъ хребтовъ черный лѣсъ, преимущественно изъ дуба, бука и ясени; но лѣсъ этотъ былъ тихъ и мертвъ, какъ большинство лѣсовъ на Кавказѣ; щебетанье птицъ не оживляло его, и единственными представителями заявлявшими объ обитаемости этихъ тихихъ убѣжищъ были черные дрозды, изрѣдка перелетавшіе съ трескучимъ крикомъ дорогу и исчезавшіе въ дали лѣснаго зеленаго сумрака; еще рѣже слышался крикъ сойки и мелькали между вѣтками ея голубыя крылья, за тѣмъ—ни звука, ни движенія.

Другой недостатокъ отнимавшій много прелести у этихъ красивыхъ издали лѣсовъ было почти полное отсутствіе травы на землѣ. Не только въ чащѣ, у подножія стволовъ каменистая почва была полуприкрыта только сухими и гніющими листьями, но и тамъ, гдѣ лѣсъ отступалъ предъ полянками, земля была или засыпана мелкими острыми камешками, остатками разлагающихся и разсыпающихся пластовъ, проросшими рѣдкою щетиной короткой травы, или поляны покрывались сплошнымъ свѣтлозеленымъ кружевомъ негоднаго папортника. Этотъ недостатокъ мы особенно близко приняли къ сердцу, когда остановились отдохнуть и покормить животныхъ на 34 верстѣ отъ Кутаиса, у деревни Меквены. Бѣдныя животныя, слоняясь между кустами, натыкались

или на сухія сорныя травы, или на негодный папоротникъ и едва ли въ теченіе трехчасовыхъ поисковъ наѣлись досыта.

Деревни Меквены я также не видѣлъ какъ и предыдущей, потому что видимую часть ея составляли только три или четыре духана у дороги и *канцелярія*, то-есть въ сущности волостное или сельское управленіе, длинный домъ съ крышей изъ драни, стоявшій особнякомъ на пригоркѣ; усадьбы же деревни прятались за деревьями и пригорками, ближе къ разбросаннымъ клочкамъ и уголкамъ земли, удобнымъ для посѣва кукурузы и садовъ.

У духановъ бродили куры и я попытался купить одну на супъ; духанщикъ Имеретинъ, польстившись на 60 копѣекъ, началъ было ловить ихъ, но послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ маневровъ объявилъ что теперь очень жарко и ловить куръ нельзя, а вечеромъ поймаетъ. Но до вечера намъ ждать не приходилось, мы хотѣли проѣхать еще 17 верстъ и ночевать у деревни Альпано, а потому, удовольствовавшись рисовою кашей и сухою закуской, въ четвертомъ часу поѣхали дальше.

Тѣмъ же шоссе, все по склонамъ лѣсистыхъ горъ, поздно вечеромъ доѣхали мы до Альпано; за нѣсколько верстъ до деревни лѣсъ на ближайшихъ горахъ становился рѣже и рѣже и обнажалъ голые склоны и осыпи изъ мелкихъ бѣлыхъ камешковъ; травы кругомъ дороги не было вовсе и стало очевидно что разчитывать на подножный кормъ для животныхъ утомленныхъ 50верстною дорогой невозможно. Подъѣхавъ къ канцеляріи, на дворѣ которой мы рѣшили ночевать, я объявилъ Николаю чтобъ онъ непремѣнно купилъ корму животнымъ, такъ какъ иначе они не въ состояніи будутъ везти насъ завтра. Съ большою неохотой и, надо сказать правду, съ большимъ трудомъ ему удалось купить за 60 копѣекъ три небольшія связки чалы, то-есть кукурузныхъ стеблей и листьевъ, на которую животныя накинулись съ жадностью. Съ гораздо меньшею жадностью, побѣждаемою усталостью и сномъ, накинулись мы на чай и уху изъ усачей, купленныхъ чуть не на вѣсъ золота въ духанѣ, и затѣмъ легли спать на дворѣ на буркахъ, сквозь которыя утомленное тѣло очень чувствительно кололи мелкіе камешки; но все же мы предпочли эти камешки широкимъ лавкамъ канцеляріи, гдѣ несомнѣнно въ каждой щелочкѣ и дырочкѣ милліоны голодныхъ клоповъ томительно поджидали рѣдкихъ здѣсь путешественниковъ, чтобы слѣдомъ за духанщиками взять съ нихъ свою долю добычи.

III.

Ранній прохладный вѣтерокъ, шелестившій высокими стеблями кукурузныхъ полей, окружавшихъ канцелярію, разбудилъ насъ. Солнце еще не выходило изъ-за горъ, дворъ канцеляріи тонулъ въ густой холодной тѣни ближайшихъ хребтовъ и послѣднія звѣздочки гасли на бѣловатомъ небѣ когда подъ нашимъ чайникомъ трещалъ уже костеръ. Вода закипѣла быстро, и чай, положительно драгоцѣннѣйшій напитокъ въ путешествіяхъ подобнаго рода, живо прогналъ непріятную дрожь, вызванную въ тѣлѣ свѣжимъ утромъ. Я приказалъ Николаю сѣдлать животныхъ и самъ неотступно слѣдилъ за нимъ, наблюдая за каждою пряжкой, каждымъ ремешкомъ. При дальнихъ верховыхъ поѣздкахъ правильная сѣдловка—обстоятельство крайне важное: ни одна мелочь не должна быть упущена тутъ изъ вида; неправильно застегнутая пряжка, скрученный ремень, неровно положенный потникъ, слабая подпруга могутъ побить или растереть спину вашему коню, сдѣлать его негоднымъ для дальнѣйшей дороги и поставить васъ въ дикой, мало населенной мѣстности въ крайне трудное положеніе.

Приведя всѣ пряжки и ремешки въ порядокъ, мы тронулись дальше. Дорога все еще шла по хорошо раздѣланному шоссе и, обогнувъ Альпанскую канцелярію, повернули въ ущелье рѣки Ладжіануры, переѣзавъ ее прочнымъ деревяннымъ мостомъ. Сейчасъ же за мостомъ она втянулась въ гигантскія каменныя ворота, выпускавшія изъ ущелья Ладжіануру; сѣрыя, голыя, влажныя скалы близко придвинулись другъ ко другу, нависли надъ рѣкой, утренній свѣтъ едва проникалъ подъ ихъ полусводы и тѣсное ущелье казалось такимъ непривѣтливымъ, холоднымъ и угрюмымъ какъ пещера или подземелье. Шоссе вырубленное въ сплошныхъ каменныхъ массахъ лѣвой стороны забиралось все выше по рѣчкѣ и поднявшись очень высоко вывело на широкій, болѣе отлогій склонъ горы, гдѣ уже привѣтливо играло солнышко. Озаренное имъ ущелье Ладжіануры оказалось очень живописнымъ. Рѣчка шумѣла глубоко внизу и край шоссе обрывался въ нее отвѣсною стѣной саженъ въ двѣнадцать; противоположная сторона, такая же обрывистая, сѣро-бѣлая стѣна,

казалась такъ близко что ее можно было достать рукой. Въ трещинахъ, на выступахъ и узкихъ карнизахъ ея ютились группы кустовъ и цѣплялись корнями отдѣльныя деревья; красиво рисуясь на свѣтломъ фонѣ скалы; мѣстами на бѣлыхъ камняхъ сидѣли кустики низкорослой горной вероники, густо осыпанные тысячами маленькихъ голубыхъ цвѣточковъ, казавшіеся клочками неба упавшими на скалы. Чрезъ нѣсколько верстъ шоссе вывело насъ изъ ущелья и повернуло вправо; здѣсь мы должны были разстаться съ нимъ: оно вело въ селеніе Лайлаши, административный центръ Лечгумскаго уѣзда, наша же дорога лежала влѣво черезъ деревни Орбели и Мури къ ущелью рѣки Цхенисъ-Цхале.

До сихъ поръ мы не нуждались въ проводникѣ, имъ служила бѣлая лента шоссе, но тутъ дорога стала разбиваться на множество тропинокъ, влѣво, вправо, вверхъ, внизъ, слѣдуя вдоль той же рѣчки, протекавшей здѣсь въ отлогой котловинѣ обрамленной горами, на которыхъ вездѣ виднѣлись разбросанныя селенія и отдѣльныя усадьбы. Потому, чтобы не заблудиться, мы, подъѣхавъ къ канцеляріи деревни Орбели, попросили себѣ проводника. Намъ дали мальчугана Имеретина лѣтъ 10, къ которому скоро присоединились еще два товарища, и они повели насъ небольшимъ переваломъ черезъ глинистую гору въ деревню Мури.

Тропинка, подымаясь и опускаясь, вилась среди усадьбъ и садовъ, огороженныхъ частоколомъ, полузакрытымъ перевѣсившимися вѣтками грушъ, яблокъ и длинными, усатыми побѣгами лозъ. Культура винограда здѣсь, также какъ и во всей почти Гуріи, Мингреліи и Имеретіи, довольно своеобразна: у большихъ деревьевъ обрубаютъ вѣтки до самой вершины, оставляя отъ нихъ только короткіе сучья и у подножія дерева сажаютъ лозу, которую и не обрѣзываютъ. Такимъ образомъ, деревья служатъ подпорой лозамъ и эти послѣднія, достигая громадныхъ размѣровъ, вьются кругомъ дерева толстыми черными змѣями, добираясь до самыхъ верхушекъ и бросая оттуда внизъ красивые зеленые каскады молодыхъ побѣговъ.

По безтолковости ли нашихъ проводниковъ или по глупости Николая, нашего переводчика, мы вмѣсто Мури попали въ селеніе Цагели, лежавшее версты три въ сторонѣ отъ нашего пути.

Какъ это ни было досадно, но дѣлать ничего не оставалось;

солнце перешло за полдень, мы устали, надо было покормить животныхъ, и мы повернули къ канцеляріи стоявшей одиноко среди кукурузныхъ полей.

Канцелярія оказалась пустынна и безмолвна, какъ необитаемый островъ; напрасно мы взывали во всѣ стороны, приглашая явиться и старшину, и сторожа, и бичо, то-есть мальчишку. Намъ отвѣчалъ только тихій шелестъ высокихъ кукурузныхъ стеблей, окружавшихъ широкимъ зеленымъ моремъ канцелярію. Не теряя надежды на чье-нибудь появленіе, мы разложили огонь и, выглядывая по сторонамъ чтобы не прозѣвать какую-нибудь человѣческую фигуру, принялись варить себѣ обѣдъ у дверей канцеляріи. Дѣйствительно, минутъ чрезъ двѣнадцать, вдругъ предъ нами выросла сонная фигура Имеретина съ головой повязанною бѣлымъ башлыкомъ, и устремила на насъ вопросительные взоры; откуда она появилась, я рѣшительно не умѣю сказать, но несомнѣнно что скрывалась гдѣ-нибудь очень близко.

Фигура оказалась помощникомъ старшины, и мы сейчасъ же атаковали ее вопросами:

— Намъ надо ячменя или кукурузы, нельзя ли купить въ деревнѣ?

— Нѣтъ, нельзя.

— Ну, сѣна?

— Нельзя, совсѣмъ нельзя.

— Ну чалы?

— Нѣтъ чалы, совсѣмъ нѣтъ.

— А это что кругомъ растетъ, убѣждалъ Николай, показывая на кукурузныя поля окружавшія насъ.—Мы деньги заплатимъ, чего боишься!

— Нельзя, да и кончено, покачивалъ головой нашъ собесѣдникъ въ отвѣтъ на всѣ убѣжденья и настоянья.

Николай наконецъ взбѣсился.

— Ну, такъ чортъ же съ тобой, сказалъ онъ ему,—мы и сами нарвемъ, и рѣшительно направился къ кукурузѣ.

Помощникъ старшины встрепенулся; не говоря ни слова, онъ пошелъ за Николаемъ, обогналъ его, подошелъ къ ближайшему кукурузному полю, нарвалъ громадную охабку чалы, принесъ ее и бросилъ лошадямъ; потомъ, взявъ деньги за свою услугу, присѣлъ на корточки возлѣ нашего костра и сталъ подбрасывать палочки и щепочки въ огонь.

Длинная исторія съ чалой меня нѣсколько озадачила;

предстоялъ вопросъ другаго рода: надо было раздобыть проводника до Лентехъ, а на доброе содѣйствіе помощника старшины надежды было немного, въ виду уже оказанной имъ малой готовности помогать путешествующимъ.

Пока мы обѣдали Николай вступилъ въ предварительные переговоры съ нимъ насчетъ проводника; хотя они говорили по-грузински, но по тупому покачиванію головы и цмоканью губами помощника старшины я понялъ всю безнадежность этихъ переговоровъ. Оставалось прибѣгнуть къ послѣднему средству; я вынулъ изъ сакъ-вояжа открытый листъ на грузинскомъ языкѣ, къ счастью захваченный мною въ Кутаисѣ, и рѣшительно сунулъ его въ руки Имеретину. Онъ взялъ листъ, повертѣлъ его въ рукахъ, покачалъ головой и со вздохомъ поднялся съ земли. Затѣмъ, отойдя отъ насъ шаговъ десять, сталъ кричать во всю силу легкихъ:

— Капріэля... я... я, Капріэля-гу... у... у, Капріэля... я!..

Долго отвѣчало ему одно эхо да далекій едва слышный шумъ рѣчки; наконецъ, по меньшей мѣрѣ чрезъ полчаса отчаянныхъ криковъ показался вдали человѣкъ и не спѣшно подошелъ къ намъ. Это былъ также Имеретинъ, съ такимъ же соннымъ взглядомъ и вялыми движеніями какъ и самъ вызвавшій его на свѣтъ Божій помощникъ старшины. Потолковали они минутъ пять, затѣмъ Капріэля подошелъ къ крылечку канцеляріи, разулся, повязалъ свою черную кучерявую голову бѣлою тряпкой, вынесъ изъ канцеляріи длинную палку, повѣсилъ на нее свою обувь и объявилъ Николаю что готовъ насъ провожать.

Мы тронулись въ третьемъ часу дня; въ верстѣ отъ канцеляріи дорога свернула въ ущелье рѣки Цхенисъ-Цхале, поражающее дикою красотой своего преддверія.

Гигантская сѣрая скала разсѣлась надвое, едва давая проходъ бѣшеной рѣкѣ, съ глухимъ ревомъ и рокотомъ бросающейся на каменныя стѣны. Узкая дорога, вырубленная въ одной изъ стѣнъ, идетъ круто подымаясь по карнизу, открывая справа ничѣмъ не огороженную пропасть саженъ въ пятнадцать. Животныя наши, сами сторонясь отъ пропасти, жались къ отвѣсу съ лѣвой стороны дороги, и мы невольно примолкли, поглядывая съ затаеннымъ дыханьемъ въ черную холодную глубину. Въ сущности опасности не было никакой; даже еслибы лошадь споткнулась и упала ширина дороги позволила бы ей удержаться и не упасть въ пропасть, но при видѣ

послѣдней такъ близко невольно рисовалась въ воображеніи возможность такого паденія и отъ этой воображаемой картины кровь стыла въ жилахъ. Непріятный случай бывшій со мною въ прошломъ году въ Батумской области, въ дикихъ трущобахъ верхней Аджаріи, давалъ поводъ моей фантазіи особенно ярко рисовать подобныя картины: мы пробирались тогда по ущелью рѣки Аджарисъ-Цхале, тропинка шириной въ поларшина вилась подъ отвѣсною скалой, а съ другой стороны обрывалась прямо въ тридцати-саженную пропасть; дорожка была такъ узка что сидя на лошади не видно было по чемъ она ступаетъ: лѣвая нога всадника цѣплялась за выступы скалы, а правая висѣла прямо надъ пропастью.

Шелъ дождь, лошади скользили на каждомъ шагу и выбивались изъ силъ, цѣпляясь за камни и стараясь удержаться. На одномъ изъ поворотовъ тропы встрѣтился намъ огромный круглый камень, въ полъ человѣческаго роста высотой, выдвинувшійся изъ скалистой стѣны и загородившій тропу; на половину своего діаметра онъ свѣшивался чрезъ тропу надъ пропастью. Надо было перебираться чрезъ этотъ камень; ѣхавшій впереди меня офицеръ спѣшился и осторожно повелъ своего воронаго коня черезъ камень; скользя подковами, впиваясь ими въ мокрую круглую поверхность, какъ-то неестественно собираясь, присѣдая на заднія ноги, пошатываясь, перебрался этотъ конь черезъ опасную преграду на ту сторону тропинки. Настала моя очередь: ведя правою рукой лошадь за поводъ и придерживаясь лѣвою за скалу, я вскарабкался на камень, и едва спустился съ него на тропу— какъ услышалъ за собою глухой, тяжелый вздохъ, острый скрежетъ желѣза о камень и почувствовалъ что меня тянетъ внизъ... Я не помню какъ бросилъ поводъ и обернулся: моего коня не было: на одно только мгновенье съ необыкновенною рѣзкостью въ глазахъ моихъ мелькнули двѣ переднія ноги, впивавшіяся въ камень копытами, вытянутая морда съ выкатившимися, полными ужаса глазами, судорожно хватавшая зубами за этотъ же камень; затѣмъ внизу послышался неясный шумъ, окончившійся глухимъ ударомъ—и все стихло.

За камнемъ на протяженіи двухъ верстъ роковая тропа спускалась къ рѣкѣ, протекавшей на днѣ пропасти. Когда мы спустились къ рѣкѣ, то послали людей по ея теченію къ мѣсту паденія лошади чтобы снять съ нея сѣдло и вьюкъ;

но увы, люди вернувшись сказали что лошадь представляетъ собою одинъ кровавый комъ, застрявшій между двумя огромными камнями въ рѣкѣ, отъ сѣдла же, вьюка и даже уздечки не осталось и слѣдовъ; все это было истерзано и оборвано о выступы скалъ и затѣмъ унесено водой.

Я позволилъ себѣ это маленькое отступленіе, вопервыхъ, потому что послѣ описаннаго случая проѣздъ по карнизу надъ пропастью хотя бы и по сносной дорогѣ всегда воскрешаетъ въ моей памяти эту непріятную картину, а вовторыхъ, съ цѣлью замѣтить какъ опасно на подобныхъ карнизахъ, ведя за собою лошадь въ поводу, наматывать ремни на руку. Въ день погибели моего коня я нѣсколько разъ дѣлалъ эту глупость, когда приходилось спѣшиваться въ трудно проходимыхъ мѣстахъ, то просто соскучившись держать поводъ въ рукѣ, то свертывая на ходу или закуривая папироску.

Подъ вліяніемъ приведеннаго воспоминанія я тревожно поглядывалъ на нашего проводника, который повидимому не раздѣлялъ моихъ взглядовъ насчетъ осторожности въ горныхъ путешествіяхъ: онъ такъ безпечно шагалъ по самому краю обрыва какъ будто послѣдняго и не было; только камни вылетали изъ-подъ его босыхъ ногъ и прыгали въ пропасть.

Скоро угрюмыя ворота ведущія въ ущелье Цхенисъ-Цхале остались назади и дорога спустилась къ самой рѣкѣ. Цхенисъ-Цхале значитъ по-грузински конь-вода или конь-рѣка; есть историческія указанія будто эта рѣка была извѣстна и древнимъ Грекамъ и называлась у нихъ подобнымъ же образомъ, за быстроту своего теченія. Называли ли ее Греки конемъ или нѣтъ, только дѣйствительно Цхенисъ-Цхале одна изъ вполнѣ типичныхъ горныхъ рѣкъ и со страшною быстротой мчится по крутому загроможденному обломками скалъ ложу. Съ громомъ и грохотомъ, высоко взметывая брызги и пѣну, она перескакиваетъ черезъ обточенные ею же валуны перегораживающіе ей дорогу или съ глухимъ клокотаньемъ сжатая въ узкую струю проходитъ между ними, точно стараясь раздвинуть эти мертвыя неподвижныя массы. Порою сквозь ревъ и шумъ воды прорывается скрежетъ другъ о друга огромныхъ камней: рѣка ворочаетъ ихъ и тащитъ по дну, нагромождая на своемъ пути и загораживая такимъ образомъ иногда сама себѣ дорогу.

Съ трудомъ обмѣниваясь замѣчаніями за шумомъ воды, подвигались мы впередъ; узкая рамка, въ которой была заперта бѣснующаяся рѣка-водопадъ, совершенно гармонировала съ послѣднею своимъ грознымъ и дикимъ характеромъ. Веселые зеленые виды Ріонской долины не повторялись; сквозь лѣсъ чаще и чаще обнажались скалистыя ребра хребтовъ; они то врѣзывались въ рѣчку зубчатыми, разорванными уступами, то свѣшивались надъ нею сплошными отвѣсными стѣнами.

Черный или темносѣрый цвѣтъ ихъ пластовъ еще болѣе увеличивалъ суровый и мрачный колоритъ общей картины; на карнизахъ и уступахъ скалъ сквозь свѣтлую листву чернолѣсья вырѣзывались въ одиночку и группами темныя стрѣлы елей. Какъ и въ Ріонской долинѣ, никакихъ признаковъ животной жизни кругомъ замѣтно не было; изрѣдка только бѣлогрудая оляпка срывалась съ прибрежныхъ камней и мелькая въ брызгахъ и пѣнѣ волнъ надъ самою водой переносилась на противоположный берегъ. Эта замѣчательная птичка, величиной съ небольшаго дрозда, обыкновенно придерживается горныхъ рѣчекъ и тамъ гдѣ вода заходя во владины и котловины идетъ тихо, она какъ водолазъ спускается на дно и разхаживая между камнями отыскиваетъ себѣ пищу: во время подводныхъ экскурсій птичка закрываетъ ноздри особыми клапанами, не допускающими воды въ легкія.

Приблизительно чрезъ полтора часа пути нашъ проводникъ остановился и сталъ говорить съ Николаемъ; онъ говорилъ долго и убѣдительно, временами посматривая на меня и показывая на рѣчку.

— Что онъ говоритъ, Николай? спросилъ я.

— Онъ говоритъ что его надо отпустить домой, что съ дороги мы не собьемся, она идетъ все время по рѣкѣ, никуда не сворачивая, а что онъ человѣкъ бѣдный и ему надо работать.

— А вы какъ думаете, не вретъ онъ, не заблудимся мы если отпустимъ его?

— Кто его знаетъ, можетъ и вретъ, они всѣ врутъ.

— Какъ же быть?

— Ничего, отпустите, какъ-нибудь доѣдемъ, до Лентехъ осталось верстъ пятнадцать.

Признаюсь, съ самаго начала дороги босыя ноги проводника попиравшія острые каменья и колючки возбуждали во

мнѣ такое сожалѣніе что я самъ порывался предложить ему вернуться. Весьма вѣроятно что этимъ привычнымъ ногамъ было не такъ больно какъ моему сердцу за нихъ, но тѣмъ не менѣе именно ради нихъ я сдѣлалъ первую и послѣднюю глупость въ этой поѣздкѣ и вручивъ проводнику два абаза, а по-русски два двугривенныхъ, отпустилъ его съ миромъ, и мы поѣхали дальше одни.

Не проѣхали мы и двухъ верстъ какъ судьба послала первое предостереженіе нашей неопытности, напоминая что въ такихъ дикихъ мѣстахъ наобумъ путешествовать нельзя.

Тропа, обогнувъ надъ самымъ Цхенисъ-Цхале скалу, привела къ мосту перекинутому черезъ горный потокъ вырывавшійся изъ боковаго ущелья, хотя этотъ потокъ былъ вдвое уже Цхенисъ-Цхале, но паденіе его было вдвое круче; онъ такими бѣшеными каскадами прыгалъ среди огромныхъ камней что низко висящій надъ нимъ мостикъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Да и какъ было не дрожать ему. Представьте себѣ двѣ свѣже-срубленныя, неотесанныя ели, корни которыхъ укрѣплены наваленными каменьями съ одной стороны на берегу, а тонкія вершины переброшены на другой берегъ; на эти ели лежащія параллельно на аршинъ другъ отъ друга въ видѣ настилки уложены поперекъ круглыя палки толщиной въ руку, на концы палокъ съ обѣихъ сторонъ также навалены камни чтобы палки не сдвигались съ мѣста: вотъ и вся конструкція и все скрѣпленіе этого первобытнаго моста.

Мой сѣдой, опытный конь вѣроятно хорошо понималъ всю ненадежность представшаго предъ нимъ сооруженія и шага за три до мостика остановился; я также понялъ что гораздо безопаснѣе будетъ переѣхать потокъ въ бродъ и двинулъ лошадь выше мостика въ воду. Конь мой сразу погрузился въ хаосъ камней и бѣлой пѣны по лопатки и спотыкаясь, скользя, придерживаясь грудью противъ теченія, вывезъ меня на другой берегъ.

Едва я обернулся назадъ чтобы предупредить ѣхавшихъ сзади меня относительно ненадежности моста какъ увидѣлъ на противоположномъ концѣ послѣдняго силуетъ всадника на катерѣ, а чрезъ мгновеніе силуэтъ этотъ превратился въ какую-то черную массу, безпомощно бьющуюся на срединѣ дрожащаго моста.

Если на этотъ разъ не случилось катастрофы, если моего спутника не измололъ о камни и не унесъ въ бѣшеную Цхенисъ-

Цхале потокъ, то единственно благодаря замѣчательному благоразумію или инстинкту его катера: провалившись обѣими передними ногами сквозь раздвинувшуюся настилку моста, катеръ сдѣлалъ два, три усилія вытащить свои ноги; но вслѣдъ затѣмъ, понявъ что отъ его усилій мостъ разрушается болѣе и болѣе, стихъ, пересталъ биться, вытянулъ вдоль уцѣлѣвшей настилки шею и замеръ. Такое драгоцѣнное поведеніе катера въ критическую минуту дало возможность моему товарищу освободить ноги изъ стременъ и осторожно перейти черезъ мостъ. Затѣмъ всѣ мы сдвинули настилку, укрѣпили ее какъ могли и тихонько вытащили катера, который во все время нашихъ хлопотъ около него велъ себя какъ куль съ мукой. Однако, когда мы оправились отъ страха и собрались тронуться дальше, провалившійся катеръ отказался идти; осмотрѣвъ его, мы увидѣли что онъ сильно ободралъ себѣ переднія ноги. Пришлось одному изъ насъ поочередно идти пѣшкомъ и усиленно тащить за поводъ бѣднаго катера и безъ сѣдока едва передвигавшаго ноги. Какъ на грѣхъ, небо заволокло густыми тучами, пошелъ сильный дождь и свѣтъ дневной померкъ въ угрюмомъ и мрачномъ ущельѣ. Справа и слѣва едва вырисовывались на сумрачномъ фонѣ черныя тѣни скалъ, по которымъ тихо ползли сѣрыя полосы тумана, то скрывая, то открывая ихъ зубцы и ребра. Только бѣлая дрожащая, вся состоящая изъ пѣны и брызговъ лента Цхенисъ-Цхале рѣзко извивалась на днѣ, въ черной мглѣ ущелья.

Едва замѣтная тропа дѣлалась также труднѣе и труднѣе, всѣмъ намъ пришлось слѣзть и идти пѣшкомъ; чаще и чаще она отходила отъ рѣки чтобъ обойти отвѣсную стѣну или обрывистый мысъ вдвинувшійся въ воду. Въ такихъ случаяхъ она круто поднималась и затѣмъ опять падала внизъ; мѣстами гдѣ болѣе слабыя прослойки между вывороченными и стоящими вартикально пластами скалы разрушились и вывѣтрились, тропа представляла собою не то изуродованную лѣстницу, не то огромную каменную пилу, по острымъ зубцамъ которой мы едва карабкались, спотыкаясь и падая на каждомъ шагу.

Дождь лилъ и лилъ, мы двигались молча, тщетно разглядывая не мелькнутъ ли впереди постройки селенія. Николай, шедшій впереди, вдругъ остановился; мы подошли къ нему и тоже стали какъ вкопанные: дорожка шедшая подъ скалой, по краю обрыва, саженяхъ въ трехъ надъ Цхенисъ-Цхале, обрывалась; продолженіемъ ея служила деревянная настилка,

шаговъ въ 30—40 длиной, совершенно такого же устройства какъ описанный предъ этимъ мостъ. Пожалуй, это тоже былъ мостъ, только онъ шелъ не поперекъ рѣки, а висѣлъ вдоль ея, прижимаясь лѣвою сторой вплоть къ черной совершенно отвѣсной скалѣ, на которую подъ мостомъ яростно бросалась и лѣзла ревущая рѣка, точно хотѣла подняться до самаго моста, слизнуть его, унести и раздробить о камни. Обойти эту переправу не было возможности и я рѣшилъ перебираться слѣдующимъ образомъ: надѣлъ поводья своей лошади на сѣдло и погналъ ее черезъ настилку одну, въ видѣ пробнаго поѣзда; страшно было смотрѣть какъ она, качаясь бѣлымъ пятномъ во тьмѣ надъ рѣкой, осторожно перебирала копытами скользкія мокрыя палки настилки. Мостъ прыгалъ подъ нею, какъ раскачавшаяся стальная пружина. Убѣдившись въ прочности настилки и прогнавъ такимъ же порядкомъ впередъ катеровъ, слѣдомъ за ними порешли и мы и печально потянулись дальше.

Дождь не переставалъ ни на минуту, въ темнотѣ едва можно было разбирать тропинку, а желаемые Лентехи все не показывались. При вспышкахъ съ трудомъ зажигаемыхъ спичекъ я разсмотрѣлъ что стрѣлка близится къ девяти часамъ вечера, по разчету намъ давно слѣдовало бы быть въ селеніи, и въ голову стало закрадываться сомнѣніе не сбились ли мы съ дороги. Прошли еще версты двѣ, на одномъ изъ поворотовъ что-то неясно мелькнуло впереди, мы оживились, пошли бодрѣе и скоро поравнялись съ заброшенною крѣпостью или замкомъ, называемымъ на картахъ Ларашъ; по картѣ же и Лентехи должны быть близко. Еще прошли мы версту, другую, и остановились въ полномъ недоумѣніи; ущелье, а съ нимъ и тропинка раздвоялись и расходились направо и налѣво; вопросъ—куда идти, гдѣ Лентехи—былъ для насъ такъ же теменъ какъ и ночь окружавшая насъ; справа и слѣва, сквозь мракъ и шумъ дождя доносился до насъ только ревъ воды и больше ничего.

— Николай, пройдите немного направо, посмотрите, не увидите ли селенія, мы подождемъ здѣсь....

— Какъ я пойду? куда я пойду? тамъ рѣка.

— Ну дойдете до рѣки; если дальше нельзя будетъ идти, то вернетесь и всѣ пойдемъ налѣво.

Николай исчезъ, но черезъ пять минутъ вернулся и сказалъ что дорожка кончается у рѣки, за которою ничего не видно,

Никто изъ насъ не отвѣтилъ ему ни слова, мы всѣ безмолвно понимали что единственный исходъ намъ стоять на мѣстѣ всю ночь и ждать разсвѣта, иначе можно было забиться Богъ знаетъ куда и пожалуй оборваться въ какую-нибудь пропасть.

Прижавшись къ кустамъ, мокрые до послѣдней нитки, стояли мы подъ ливнемъ, стараясь сквозь ревъ и грохотъ воды уловить какой-нибудь утѣшительный звукъ. Прошло полчаса, прошелъ часъ, вдругъ мимо меня въ двухъ шагахъ скользнула тѣнь—человѣкъ. Я бросился къ нему, но едва онъ замѣтилъ мое движеніе какъ отпрянулъ назадъ и исчезъ въ кустахъ. Черезъ минуту послышались голоса и предъ нами выросли четыре фигуры съ длинными палками на плечахъ; они остановились въ трехъ шагахъ отъ насъ и молча на насъ смотрѣли.

— Лентехи, Лентехи! закричалъ я имъ, тоже не двигаясь съ мѣста изъ боязни чтобъ они не ушли отъ насъ.

Тогда они подошли ближе къ намъ, и Николай объяснилъ имъ въ чемъ дѣло; они молча взяли нашихъ лошадей за поводья и повели ихъ направо. Черезъ десять минутъ мы были у дверей спасительной Лентехской канцеляріи.

Избавителями нашими оказались Сванеты, возвращавшіеся въ Лентехи съ покоса; Лентехи—первое селеніе Дадіановской Сванетіи, лежащей вдоль южнаго склона Сванетскихъ горъ, южной стороны того каменнаго ящика въ которомъ лежатъ вольная и княжеская Сванетіи, селеніе это расположено недалеко отъ впаденія въ Цхенисъ-Цхале двухъ горныхъ рѣчекъ, Хеледулы и Ляшкидеры.

Когда въ каминѣ канцеляріи запылалъ привѣтливый огонекъ, онъ освѣтилъ нашихъ проводниковъ, они стояли предъ нами опершись на палки и ожидали отъ насъ абазовъ за свои труды; они были босы до колѣнъ, въ холщевыхъ штанахъ и рубахахъ, а поверхъ рубахъ на нихъ были надѣты какія-то странныя безрукавки изъ шкуръ шерстью вверхъ, на трехъ—козьи, а на одномъ—медвѣжья, спускавшіяся до колѣнъ; головы ихъ были закутаны башлыками.

При красноватомъ освѣщеніи огня эти дикія, странныя фигуры со сверкающими глазами казались картиной изъ далекаго прошлаго, когда человѣчество одѣвалось только въ звѣриныя шкуры и не знало другаго оружія какъ палки и камня. Получивъ по свѣтленькому абазу, Сванеты удалились съ низкими поклонами, а мы принялись сушиться и пить чай.

Скоро къ намъ вошелъ высокій въ хорошей черкескѣ и мѣховой шапкѣ Сванетъ, съ рыжею какъ огонь бородой, и объявилъ что онъ кузнецъ и кромѣ того содержитъ духанъ, въ которомъ имѣется хлѣбъ, водка и даже копченое сало; мы просили его принести скорѣе всѣхъ этихъ сокровищъ, и таковыя явились немедленно. Когда я расплачивался съ нимъ, у него видимо разгорѣлись глаза на множество новыхъ абазовъ, и онъ съ таинственнымъ видомъ сталъ говорить что-то Николаю:

— Что̀ онъ вамъ толкуетъ, Николай?

— Онъ говоритъ что у него есть чудесная сванетская палка, съ которою можно взойти на всякую гору.

Сванетъ опять что-то заговорилъ.

— Онъ говоритъ еще что у этой палки есть все что̀ нужно путнику въ дорогѣ, такъ что, идя куда-нибудь съ этою палкой съ собой ничего уже не нужно брать. Такія палки у него покупали всѣ Русскіе бывшіе въ Лентехахъ.

— Ну, попросите чтобы принесъ показать.

Сванетъ ушелъ и чрезъ десять минутъ принесъ длинную палку, аршина два, бережно завернутую въ бумагу, развернулъ и подалъ мнѣ. Это оказалась березовая лакированная палка толщиной около дюйма, съ узкимъ копьевиднымъ желѣзнымъ наконечникомъ, къ наконечнику съ четырехъ сторонъ привинчивались винтами желѣзныя чайныя ложечки, грубѣйшій желѣзный узкій ножикъ, какая-то острая шпилька и спиральная пружина отъ игольчатой винтовки, изображавшая собою штопоръ, которымъ нельзя было-бы вытащить ни единой пробки.

— Сколько же онъ хочетъ за эту палку?

— Онъ проситъ за нее пятнадцать рублей и говоритъ что продалъ уже десять такихъ палокъ.

Но я не захотѣлъ быть одиннадцатымъ покупателемъ, потому что палка эта была просто фокусомъ для соблазна неопытныхъ путешественниковъ и никоимъ образомъ не могла служить представительницею настоящихъ палокъ употребляемыхъ въ горахъ Сванетами; ни одинъ изъ нихъ не нацѣпитъ на желѣзный наконечникъ своей палки штопора или чайной ложки, по той простой причинѣ что откупоривать штопоромъ или мѣшать ложкой эму нечего.

Предоставляю судуть читателю какимъ крѣпкимъ сномъ уснули мы подъ шумъ неумолкавшаго дождя послѣ мучительнаго и тревожнаго дня.

IV.

На зарѣ насъ разбудилъ тотъ же неумолкавшій съ вечера дождь и глухой ревъ Цхенисъ-Цхале и ея притоковъ вздувшихся отъ прибыли воды. Надо было ѣхать дальше, но трудно сказать до чего не хотѣлось вылѣзать изъ-подъ крова пріютившей насъ канцеляріи и подставлять свою голову подъ холодныя дождевыя струи. Узнавъ что селеніе Чолури или Чолуръ, отъ котораго намъ слѣдовало перебираться Латпарскимъ переваломъ черезъ Сванетскій хребетъ, замыкающій съ юга вольную Сванетію, отстоитъ отъ Лентехъ только на 15—17 верстъ, я рѣшился ждать до полудня, въ надеждѣ что ливень пройдетъ; все равно въ одинъ день было бы слишкомъ трудно доѣхать отъ Лентехъ до Чолура и перебраться черезъ Латпари.

Надежды мои сбылись: къ десяти часамъ дождь утихъ, Тучи стали расползаться и разрываясь открывали снѣжные пики и вершины Сванетскихъ горъ мѣстами торчавшія изъ-за ближайшихъ лѣсистыхъ хребтовъ. Путь нашъ шелъ черезъ Дадіановскую Сванетію, попрежнему правымъ берегомъ Цхенисъ-Цхале, вдоль южнаго склона Сванетскаго хребта. Въ полуверстѣ отъ канцеляріи мы проѣхали мимо самаго селенія Лентехи, тѣсно скученнаго на горѣ, надъ самою дорогой, и скоро углубились въ большой лѣсъ, гдѣ хвойныя деревья, преимущественно огромныя сосны, мѣшались съ чернолѣсьемъ. Лѣсные гиганты густо толпились въ тѣсномъ ущельѣ и со дна его всходили на боковыя скалы и откосы до самыхъ вершинъ, обходя сторонами отвѣсные каменные обрывы, которые выглядывали сѣрыми окнами изъ зеленыхъ рамъ. Цхенисъ-Цхале большею частью не было видно, она пряталась глубоко внизу, въ каменной разсѣлинѣ, откуда порой доносился взрывами ея грохотъ и ревъ. Дорожка была отвратительная; ее на каждомъ шагу загромождали поваленныя деревья, торчащіе изъ земли корни и камни и преграждали въ болѣе низкихъ мѣстахъ лужи, собравшіяся ночью отъ дождевой воды. Въ лѣсу попадались Сванеты, приготовлявшіе изъ сосновыхъ брусьевъ дрань на крыши. Ни въ одеждѣ, ни въ наружности ихъ не было ничего особеннаго что отличало бы ихъ отъ остальныхъ народностей Кутаисской губерніи,

и по ихъ внѣшнему виду я не распознаалъ бы ихъ отъ Имеретинъ; встрѣчавшіяся дорогой женщины были одѣты совершенно такъ какъ одѣваются въ Тифлисѣ бѣдныя Грузинки; всѣ Сванеты, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло въ Лентехахъ и Чолури, знаютъ грузинскій языкъ. Четыре часа тащились мы среди камней, вывороченныхъ съ корнями деревьевъ и лужъ, пока добрались до Чолуры; больше всего тормозилъ насъ пострадавшій на мосту катеръ; его буквально приходилось волочить за поводъ, онъ такъ затруднялъ насъ что мы рѣшили съ Николаемъ бросить его въ Чолури и нанять лошадь.

Канцелярія въ Чолури оказалась занятою: тамъ происходилъ судъ надъ старымъ безногимъ Сванетомъ судившимся за то что сыновья его, по приказанію отца, отколотили другаго Сванета. Комната была биткомъ набита народомъ, мущинами и женщинами; у каждаго изъ мущинъ, а равно и у судей торчали въ зубахъ крохотныя трубочки, они ихъ быстро выкуривали и тотчасъ же вновь набивали. Гвалтъ былъ страшный, всѣ говорили разомъ, и несмотря на все мое желаніе слѣдить чрезъ Николая и одного изъ присутствовавшихъ Сванетовъ за ходомъ судебныхъ преній, это оказалось невозможнымъ. За то, благодаря большому стеченію народа, намъ удалось первый разъ за всю дорогу купить прекрасную курицу. Когда залъ судебнаго засѣданія огласился, по просьбѣ Николая, громкимъ предложеніемъ одного изъ Сванетовъ продать намъ курицу, судья со значкомъ на груди вскочилъ со своего мѣста и чуть не подравшись съ другимъ претендентомъ, тоже желавшимъ продать курицу, побѣжалъ въ деревню и чрезъ полчаса явился съ требуемою птицей; въ отсутствіе его пренія продолжались прежнимъ порядкомъ.

Мѣста намъ въ канцеляріи не было, и мы разложили огонь и приставили свой котелокъ на площадкѣ предъ крыльцомъ. Скоро къ костру подошло нѣсколько человѣкъ и стали смотрѣть на нашу стряпню, изрѣдка перешептываясь между собою, когда Николай началъ крошить въ супъ прессованную зелень и объяснилъ имъ что это за штука, они засмѣялись и не повѣрили. Но когда супъ сварился и они увидали какъ мы вытаскиваемъ изъ кострюльки ложками куски моркови, разваренные листья капусты и волокна луку, изумленью ихъ не было конца. Тутъ же мы вступили съ ними въ переговоры на счетъ лошади, которую и наняли за рубль двадцать

копѣекъ въ сутки, оставивъ въ залогъ цѣлости лошади больнаго катера.

Завтра предстоялъ трудный день, и мы рано заснули въ ожиданіи подъема за предѣлы снѣговой линіи.

V.

Утро оказалось тихое, ясное, вполнѣ благопріятное для восхожденія на перевалъ въ 9.000 слишкомъ футовъ высоты. Солнце еще не всходило когда мы проснулись; гдѣ-то высоко и далеко изъ-за темныхъ деревьевъ мерцали тусклыми бѣлыми пятнами снѣжныя вершины; несмотря на іюль мѣсяцъ, отъ нихъ вѣяло холодкомъ, пробиравшимъ до костей. Согласно уговору, Сванетъ еще ночью привелъ маленькую гнѣдую лошадку, и насъ ничто не задерживало. Я забылъ сказать что, подъѣзжая къ Чолури, мы съ праваго берега Цхенисъ-Цхале переѣхали на лѣвый. Теперь мы должны были переѣхать опять на правый берегъ, но здѣсь недалеко отъ Чолури устроенъ отличный мостъ съ перилами и на прочныхъ сваяхъ.

Проѣхавъ мостъ, мы потянулись берегомъ вверхъ по рѣкѣ, проѣхали селеніе съ каменною башней и углубились въ густой, черный лѣсъ, въ которомъ, благодаря раннему часу, царили глубокія сумерки. Лѣсъ и подлѣсокъ составляли пока тѣ же древесныя породы какія мы встрѣчали и до сихъ поръ, хотя, двигаясь противъ теченія Цхенисъ-Цхале, мы поднялись довольно высоко, но благодаря тому что склонъ хребта былъ обращенъ къ югу, на немъ еще находили себѣ пріютъ розовые рододендроны, лавровишневые кусты, желтыя азаліи и колючіе падубы, только пальма перестала уже попадаться.

Пока мы ѣхали верхомъ, но вотъ дорожка опустилась въ глубокую балку и подошла къ широкому ручью. Проводникъ нашъ, Сванетъ, перешелъ впереди насъ воду по перекинутому бревну, и когда мы переѣхали ручей слѣдомъ за нимъ, предложилъ намъ чрезъ Николая слѣзать.

— Спросите его, Николай, зачѣмъ слѣзать.

— Онъ говоритъ что начинается подъемъ и надо пѣшкомъ идти, а то лошади будутъ падать, очень мокро и скользко. Подъемъ начинался отъ самаго ручья; по лѣсистому боку горы, извиваясь, ползла вверхъ глубокая узкая рытвина,

промытая дождевыми водами, дно ея, не шире аршина, сплошь было завалено огромными булыжниками, величиной съ голову, дѣйствительно мокрыми и скользкими. Крутизна этой ужасной водомоины, съ обрывистыми боками выше сажени, была около 40 градусовъ.

Съ первой минуты мы поняли какое испытаніе намъ предстоитъ, какія неимовѣрныя напряженія ногъ и легкихъ потребуются отъ насъ, пока мы одолѣемъ открывшійся подъемъ. На каждомъ шагу ноги скользили и подворачивались, камни подъ ногами разъѣзжались и опрокидывались, заставляя спотыкаться и падать; падали мы, падали наши лошади и даже цѣпкіе катера теряли равновѣсіе на этомъ головоломномъ подъемѣ. Нечего и говорить что каждые сто-двѣсти шаговъ мы задыхаясь и изнемогая останавливались и падали спиной на мокрыя глинистыя стѣнки рытвины, потому что сѣсть и отдохнуть какъ слѣдуетъ въ узкой канавѣ не было возможности. Пытка наша тянулась версты двѣ и продолжалась болѣе часу, ужасная канава вывела прямо на отлогій хребетъ и смѣнилась битою, хорошею тропинкой.

Мы поднялись разомъ довольно высоко, потому что лѣсъ началъ рѣзко мѣнять свой характеръ, рододендроны и лавровишневые кусты исчезли, тропинку густо окаймляли кусты лещины, калины, бересклета и деревца ясени и рябины, за ними высились большіе, темные дубы. Стали попадаться очаровательныя полянки, поросшія свѣжею зеленою травой, на окраинахъ ихъ густо толпился стройный сѣрый осинникъ и мелькали молодыя кудрявыя березки.

Еще двѣ-три версты сравнительно легкаго подъема, и изъ пояса дуба мы въѣхали въ веселое царство однѣхъ березъ; рѣдкая бѣлая колоннада ихъ стволовъ красиво разсыпалась по зеленому склону горы, давая просторъ и свѣтъ молодой березовой поросли и травяному ковру роскошно покрывавшему землю.

Мы слѣзли съ лошадей и пошли пѣшкомъ; мои спутники, уроженцы восточной Россіи, не могли надышаться роднымъ воздухомъ, наглядѣться на милую родную картину березоваго рѣдколѣсья.

— Чисто Вятская губернія, да и шабашъ!

— А земляны, земляны-то сколько! раздавались ихъ веселыя восклицанія при видѣ роскошной, спѣлой земляники, рдѣвшей алыми пятнами въ волнахъ зелени.

Кончился и березовый лѣсъ, только отдѣльныя группы молодаго березняка и одиночные кусты его, все болѣе рѣдкіе и мельчавшіе, ползли вверхъ по травянистому склону горы. Тропинка вилась зигзагами и привела насъ къ послѣднему ручью на этой сторонѣ подъема; здѣсь мы рѣшили пообѣдать и покормить лошадей; до вершины перевала оставалось версты три, и мы надѣялись засвѣтло спуститься къ мѣсту ночлега.

При помощи собранной дорогой бересты живо загорѣлся костеръ, закипѣла вода и поспѣла гречневая каша съ саломъ; только у дѣтей да у землекоповъ можетъ быть такой аппетитъ съ какимъ мы накинулись на это нехитрое кушанье.

Пока мы сидѣли за котелкомъ, въ сѣдловинахъ снѣжныхъ вершинъ торчавшихъ слѣва у насъ надъ головами стали собираться клубы тумана; они росли и ширились на глазахъ, точно ихъ раздувалъ кто извнутри; тихо волнуясь они шевелились на мѣстѣ какъ живыя существа. Вдругъ сорвался быстрый рѣзкій вѣтерокъ, оторвалъ отъ большаго клуба тумана клокъ, вытянулъ его въ длинную полосу и понесъ на насъ. На мгновенье мы очутились въ сѣрой мокрой мглѣ и не успѣли опомниться какъ клочекъ тумана далеко за нами скользилъ по волнистому склону горы.

Желая поближе разсмотрѣть флору Латпарскаго перевала я предоставилъ моимъ спутникамъ отдыхать, а самъ пошелъ пѣшкомъ къ высшей точкѣ подъема. Я не берусь нарисовать читателю цѣльную и связную картину той роскошной растительности которую попиралъ ногами на протяженіи трехъ верстъ; для этого дѣйствительно нужны краски, а не слово.

Я двинулся по склону горы по колѣно въ густой зеленой травѣ; попадавшіяся дорогой небольшія котловины поросли мелкимъ березнякомъ и изъ опушекъ этихъ березовыхъ островковъ тянулись къ солнцу очаровательныя желтыя лиліи. Зеленые стебли ихъ высотой въ два и въ два съ половиной аршина, прямые какъ стрѣлы, развѣтвляются наверху 10—12 вѣтками, а каждая вѣтка оканчивается огромнымъ блестящимъ цвѣткомъ отъ блѣднопалеваго до густолимоннаго оттѣнка. Внутри вѣнчики осыпаны мелкими коричневыми крапинками. Все растеніе изображаетъ собою какой - то

волшебный канделябръ, на изумрудныхъ вѣтвяхъ котораго висятъ большіе янтарные колокольчики. Лиліи эти принадлежатъ къ видамъ Lilium colchicum и L. monadelphum. Я называю два вида, но видѣлъ множество экземпляровъ съ переходными признаками въ самыхъ неуловимыхъ степеняхъ отъ одного вида къ другому, и потому скорѣе бы готовъ былъ или счесть всѣ эти лиліи за одинъ видъ или насчитать ихъ нѣсколько, а не два.

Выше по склону, куда березнякъ не рѣшался уже подниматься, небольшія котловины и впадины представляли собою буквально чаши полныя цвѣтовъ разставленныя рукой таинственнаго садовника по зеленому бархатному ковру. Вотъ напримѣръ одна такая клумба, шириной не болѣе шести шаговъ; изъ самаго центра ея узкою пирамидой поднимаются саженные прутья голубаго прикрыта (Aconitum variegatum), тѣсно усаженные въ верхней трети оригинальными шлемовидными цвѣтами. Ихъ обступаютъ свѣтлорозовою узорною стѣнкой прелестные дельфиніумы; они нѣсколько ниже и представляютъ второй поясъ прекраснаго букета. Еще ниже ихъ жмутся кругомъ широкіе кусты водосбора (Aquilegia) съ крупными, блѣдноголубыми снаружи и бѣлыми внутри цвѣтками, висящими по концамъ вѣтокъ. Дальше пестрою лентой окружаютъ клумбу розовыя и лиловыя астры, положительно не уступающія красотой лучшимъ садовымъ разновидностямъ, лютиковидные желтые піоны съ вершковыми плоскими вѣнчиками сверкающими на солнцѣ, какъ новенькіе червонцы, какіе-то крайне оригинальные, къ сожалѣнію неопредѣленные мною, цвѣты въ видѣ розовыхъ, плоскихъ, геометрически правильныхъ звѣздъ съ розовою щетиной тычинокъ въ центрѣ и еще многое и многое множество веселыхъ дѣтей альпійской флоры, нарядно сверкающихъ всѣми земными красками и оттѣнками, жадно пьющихъ яркій свѣтъ южнаго солнца, спѣшащихъ насладиться короткимъ горнымъ лѣтомъ.

Чѣмъ выше я поднимался тѣмъ трава дѣлалась ниже, но была такъ густа и свѣжа, какъ тщательно выхоленный искусственный газонъ. Высокорастущіе цвѣты и растенія попадались рѣже; дальше и выше всѣхъ забралась горная ромашка (Pyrethrum), ея свѣтлорозовыя головки съ желтою серединкой толпились большими обществами и казались издали сплошными розовыми пятнами. Вотъ и послѣднее такое пятно

осталось назади, въ травѣ замелькали небесносинія горечавки (Gentiana) точно сапфировыя звѣздочки разсыпанныя по зеленому бархату.

Выше надъ головой, уже недалеко отъ бѣлѣвшейся полосы снѣга, на свѣтлой зелени травы выступали какія-то пятна; я добрался до однаго изъ нихъ, и да проститъ мнѣ читатель слишкомъ продолжительное восхожденіе и частыя остановки, еще разъ остановился съ наслажденіемъ: предо мною была послѣдняя кайма дивно расшитой ризы одѣвающей южный склонъ Латпарскаго перевала, на меня глядѣли роскошные букеты бѣлаго рододендрона бывшаго въ полномъ цвѣту.

Этотъ прелестный кустарникъ, Rhododendron caucasicum, въ 6 — 8 вершковъ высотой, ростетъ сплошными густыми оазисами разсыпанными вблизи снѣговой линіи. Каждая вѣтка каждаго куста несетъ на концѣ пирамидальный букетъ тѣсно сидящихъ крупныхъ цвѣтовъ нѣжнаго жемчужно-сѣраго цвѣта, испещренныхъ внутри свѣтлозелеными крапинками. Каждый такой букетъ сидитъ въ вѣнкѣ изъ блестящихъ темнозеленыхъ листьевъ. Красоту этихъ жемчужныхъ цвѣтовъ, ихъ особенно нѣжный оттѣнокъ какъ будто прозрачно восковыхъ вѣнчиковъ, могли бы передать развѣ только масляныя краски; засушенные они теряютъ всю свою прелесть и дѣлаются какими-то тусклыми, грязно-жалтоватыми.

Въ этомъ высокомъ поясѣ, навѣрное превышавшемъ 8.000 футовъ, я замѣтилъ много прекрасныхъ большихъ бабочекъ, papilio Appolo, съ красными глазками на блѣднопалевыхъ крыльяхъ; быстро носились онѣ отъ оазиса къ оазису, отъ букета къ букету рододендроновъ, точно считая только эти царственные цвѣты достойными себя; несмотря на всѣ попытки, я не могъ поймать ни одной изъ нихъ, вслѣдствіе быстраго, порывистаго ихъ полета.

Кончился и поясъ рододендроновъ, трава стала рѣдѣть обнажая вертикально стоящіе, разрушающіеся тонкіе пласты сѣраго сланца; мелкіе, острые камешки—продуктъ этого разрушенія, мѣстами сплошь засыпали землю. Вотъ наконецъ и вѣчный снѣгъ, лежащій громадными сплошными полями въ пологихъ впадинахъ и изгибахъ хребта почти на самой вершинѣ перевала. Поджидая моихъ спутниковъ я остановился на краю снѣжнаго поля: снѣгъ былъ рыхлый, какой иногда можно найти и въ низменныхъ мѣстахъ, позднею весной въ глубокихъ лѣсныхъ оврагахъ; края поля еще таяли, но вся

масса этой снѣговой залежи уже не растаетъ, іюль въ концѣ, а съ августа начнутъ сыпаться на перевалъ новые снѣжные запасы.

Но и тутъ у самой границы вѣчнаго снѣга жизнь еще не замерла; въ 2—3 аршинахъ отъ края поля, откуда снѣгъ отступилъ быть-можетъ всего три дня назадъ, тянутся къ солнцу хорошенькіе аврикулы (primula), съ бархатно-фіолетовыми вѣнчиками, украшенными въ серединѣ свѣтлою звѣздочкой; еще ближе, у самаго края поля, гдѣ снѣгъ стаялъ вѣроятно только сегодня, сквозь мокрую, покрытую тончайшею сѣтью какихъ-то волоконъ землю прорѣзываются блѣдные морщинистые листья тѣхъ же аврикулъ; завтра, послѣзавтра они зацвѣтутъ, а еще черезъ день, подъ дыханіемъ морозной ночи свернутъ свои нѣжныя головки и окончатъ свое мимолетное существованіе.

На мокрую землю въ двухъ-трехъ шагахъ отъ меня садились дурачки (emberiza cia), единственная птичка замѣченная мною на перевалѣ, онѣ копались въ землѣ, съ удивленіемъ повертывали на меня свои пепельно-сѣрыя головки и оглашали нѣмую тишину перевала печальнымъ, отрывистымъ пискомъ.

Спутники мои подъѣхали, я сѣлъ на лошадь и мы потянулись черезъ снѣжное поле глубокою саженною траншеей протолтанною въ снѣгу; дно траншеи мѣстами было рыхло, лошади проваливались по брюхо и съ трудомъ выбирались на болѣе плотный снѣгъ. Впереди за полемъ виднѣлась большая черная куча камней, она сложена на высшей точкѣ перевала, опредѣленной въ 9.273 фута; изъ-за неровной линіи гребня перевала выглядывали отдѣльныя бѣлыя вершины, которыя росли и росли по мѣрѣ нашего подъема.

Вотъ наконецъ мы поровнялись съ кучей камней и остановились нѣмою, неподвижною группой.

Предъ нами, заслоняя небо, высился бѣлою стѣной сплошной кряжъ главнаго Кавказскаго хребта. Сотни пикъ, зубцовъ и вершинъ сіяли на солнцѣ матовымъ свѣтомъ, сквозь ровную бѣлую пелену скатовъ, громоздясь другъ на друга, черными ребрами высовывались скалы, на отвѣсныхъ граняхъ которыхъ снѣгъ не могъ задержаться. Неимовѣрные размѣры этой стѣны, этой дивной панорамы подавлявшей душу своимъ величіемъ, обманывали непривычный глазъ и скрадывали разстояніе; казалось до этихъ сіяющихъ вершинъ всего

двѣ-три версты, но довольно было взглянуть себѣ подъ ноги чтобы положить между собою и ими цѣлые десятки верстъ. Направо отъ насъ склонъ горы обрывался страшною стремниной куда-то безконечно далеко внизъ; впереди и налѣво уступъ за уступомъ, пропасть за пропастью, смѣняя другъ друга, казалось опускались прямо къ подножію великой стѣны, но и за послѣднею пропастью, съ рѣчькой на днѣ, казавшеюся сверху бѣлымъ волоскомъ, шли опять хребты и ущелья поросшія щетиной хвойнаго лѣса и тянувшіеся къ главному кряжу.

Я жадно смотрѣлъ налѣво, на западъ, стараясь разсмотрѣть тамъ Эльбрусъ, который хотя стоитъ и въ сторонѣ отъ главнаго кряжа, но говорятъ виденъ изъ-за него съ Латпарскаго перевала. Къ сожалѣнію на западѣ толпились облака закрывавшія всю западную часть хребта.

Слѣва потянулъ вѣтерокъ, не далеко отъ насъ въ сѣдловинѣ Латпарскаго хребта стояло огромное сѣрое облако; оно дрогнуло, зашевелилось и какъ гигантскій корабль, снявшійся съ якоря, тихо потянулось мимо насъ; пикъ за пикомъ, вершина за вершиной главнаго хребта исчезали предъ нашими глазами за облакомъ, точно духъ этихъ таинственныхъ странъ задергивалъ предъ нами занавѣсъ, закрывая волшебную панораму своего царства.

Туманное облако шло мимо, росло и вздувалось, за нимъ потянулись изъ ущелій и складокъ Латпарскихъ горъ еще клочья и обрывки тумана и скоро все это слилось въ густую сѣрую мглу, плотно окутавшую насъ и мѣшавшую разбирать каменистую тропинку труднаго спуска; сквозь туманъ полилъ дождь въ перемежку съ мелкимъ частымъ градомъ и провожалъ насъ на протяженіи трехъ или четырехъ верстъ спуска, за дождемъ и туманомъ мой конь не замѣтилъ пересѣкавшаго тропу полуаршиннаго каменнаго уступа и полетѣлъ, перевернувшись черезъ голову; я очень счастливо свалился во время этого паденія въ сторону, иначе лошадь раздавила бы меня своимъ тѣломъ; но все же упавъ на груду камней, я жестоко разбилъ себѣ лицо и зубы, изъ нихъ хлынула кровь, которую едва удалось остановить собраннымъ въ ближайшей трещинѣ снѣгомъ. Нижняя челюсть и голова такъ заболѣли что я не въ силахъ былъ ѣхать и продолжалъ спускаться пѣшкомъ. Тропа, пройдя нѣсколько верстъ по голымъ изгибамъ склона сѣверной стороны хребта, пошла

кустарникомъ и затѣмъ лѣсомъ, дождь перестал, туманъ сталъ разрываться и открывать торчащія изъ сѣрыхъ волнъ его надъ головой острыя скалы и уступы, а внизу глубокую долину, со дна которой ползли низкіе хребты и отроги покрытые хвойнымъ лѣсомъ. На одномъ изъ поворотовъ, далеко, въ открывшемся боковомъ ущельѣ направо, показалось что-то непонятное: не то кладбище со стоящими группой гигантскими памятниками, не то каменная колоннада уцѣлѣвшая отъ развалившагося огромнаго зданія; это торчали знаменитыя сванетскія башни селеній Ушкульскаго общества.

Проводникъ, шедшій впереди, показалъ рукой на черную точку лежавшую глубоко у насъ подъ ногами и казавшуюся большимъ камнемъ на берегу чуть бѣлѣвшейся рѣчки.

— Это канцелярія Кальскаго общества, перевелъ Николай,—гдѣ мы будемъ ночевать.

И пора, пора намъ было ночевать, успокоить измученное подъемомъ и спускомъ тѣло и утомленную сильными впечатлѣніями дня душу; совсѣмъ стемнѣло и на темносинемъ потолкѣ узкаго ущелья горѣли звѣзды, когда мы подъѣхали къ этой канцеляріи, одиноко стоявшей подъ огромною плакучею березой.

VI.

Мы спустились теперь въ восточный уголъ того длиннаго каменнаго ящика, въ которомъ засѣли вольные и княжескіе Сванеты, и явились на первый разъ гостями крайняго съ этой стороны общества вольныхъ Сванетовъ, именно Кальскаго, одного изъ самыхъ бѣдныхъ и самыхъ дикихъ.

Представшее предъ нами общественное зданіе Кальцевъ ясно свидѣтельствовало объ этомъ: канцелярія Кальская представляла собою низкій квадратный срубъ изъ толстыхъ круглыхъ бревенъ, съ плоскою крышей изъ огромныхъ шиферныхъ плитъ, безъ оконъ и съ землянымъ поломъ.

Едва мы засвѣтили въ канцеляріи огонекъ, какъ единственная комната ея начала наполняться посѣтителями изъ ближайшаго селенія; входя, они важно намъ кланялись и принимались безъ церемоніи разсматривать рѣдкихъ въ этихъ краяхъ путешественниковъ. Одѣты всѣ они были крайне бѣдно, въ какихъ-то рваныхъ лохмотьяхъ и всѣ босикомъ; одинъ помощникъ старшины, съ мѣдною бляхой на груди, въ

обыкновенной темной черкескѣ, мѣховой шапкѣ и кожаныхъ поршняхъ, былъ чище остальныхъ.

Я передалъ ему чрезъ Николая что завтра буду просить проводника до Местійскаго общества и прибавилъ что мои проводники всегда получаютъ по два, а иногда и по три абаза. Помощникъ старшины отвѣтилъ что онъ самъ проводитъ насъ до Мести, потому что мы люди хорошіе.

— Такъ скажите ему, Николай, что хорошіе люди хотятъ купить у несомнѣнно такихъ же прекрасныхъ Кальцевъ хлѣба и курицу и просятъ узнать, сколько будетъ стоить то и другое.

— Курица будетъ стоить 50 копѣекъ, а хлѣба спекутъ сейчасъ сколько закажете, у нихъ готоваго не бываетъ.

— Ну, пусть приготовятъ хлѣба на 40 копѣекъ и скорѣе тащатъ курицу, а вы пока кипятите воду.

Переговоры велись теперь путемъ двойной передачи, потому что изъ присутствующихъ десяти-двѣнадцати человѣкъ, только одинъ помощникъ старшины зналъ грузинскій языкъ и переводилъ грузинскую рѣчь Николая по-сванетски.

Два Сванета вышли изъ канцеляріи и пошли въ селеніе; скоро одинъ изъ нихъ вернулся и сталъ съ жаромъ что-то говорить.

— Въ чемъ дѣло, Николай?

— Сванетъ вернулся изъ деревни и говоритъ что курицы въ 50 копѣекъ нѣтъ, а есть другая въ 60, если угодно, онъ принесетъ.

— Гдѣ же дѣвалась курица въ 50 копѣекъ?

— Онъ говоритъ что совсѣмъ такой нѣтъ, меньше шестидесяти не отдаютъ.

— Скажите: пусть тащитъ въ шестьдесятъ.

Чрезъ десять минутъ повторилась та же исторія: курсъ на курицу поднялся еще на гривенникъ, затѣмъ еще на столько же, и наконецъ вернувшись въ четвертый разъ, Сванетъ принесъ огромнаго чернаго пѣтуха и получилъ за него четыре абаза.

Невозможно было сердиться на эти попытки зашибить лишнюю серебряную монетку: слишкомъ рѣдко такія монетки блестятъ въ глазахъ бѣдныхъ дикарей и слишкомъ они наивны и простодушны, чтобы пользуясь положеніемъ путешественника, прямо заломить съ армянскимъ нахальствомъ за что-нибудь двойную цѣну.

Между взрослыми зрителями протолкались впередъ двѣ хорошенькія маленькія дѣвочки и изумленно смотрѣли на насъ голубыми глазками; я вынулъ изъ сумъ сахаръ и далъ каждой по два кусочка. Одобрительный, довольный ропотъ прошелъ по толпѣ. Улыбающіяся головы привѣтливо намъ закивали и нѣсколько человѣкъ поспѣшно вышли изъ канцеляріи, скоро они вернулись въ сопровожденіи цѣлой толпы дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, и два или три несли на рукахъ грудныхъ крошекъ; это заботливые отцы вели свое потомство за полученіемъ рѣдкаго гостинца.

Само-собою разумѣется что ни одинъ изъ юныхъ представителей Кальскаго общества не былъ обиженъ; сахаръ мой сыпался изъ сумъ градомъ, и общему удовольствію не было конца; дѣти лизали сахаръ, прятали его за пазуху, опять вынимали, мѣряли другъ съ другомъ свои кусочки. Большіе улыбались и гладили дѣтей по головкамъ.

Глядя на такое нѣжное отношеніе къ дѣтямъ, я невольно вспомнилъ что не болѣе тридцати лѣтъ назадъ эти самые Сванеты немилосердно истребляли почти всѣхъ новорожденныхъ дѣвочекъ своихъ. Этотъ свирѣпый обычай царилъ во всей Сванетіи, и что онъ не миѳъ и не легенда—въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Не далѣе какъ въ 1853 году г. Бартоломею, ѣздившему тогда въ вольную Сванетію, жители Адишскаго общества показывали своихъ дѣвочекъ, хвастаясь тѣмъ что они уже больше не душатъ ихъ, слѣдуя совѣтамъ и убѣжденіямъ тогдашняго пристава вольной Сванетіи, князя Микеладзе; г. Бартоломей насчитываетъ сто четырнадцать дѣвочекъ избѣжавшихъ насильственной смерти за время приставства князя Микеладзе, то-есть въ теченіе пяти лѣтъ.

Я присталъ чрезъ Николая къ помощнику старшины съ разспросами объ этомъ ужасномъ обычаѣ, но не могъ добиться никакихъ подробностей, Сванетъ неодобрительно покачивалъ головой, какъ-то странно цмокалъ губами и толковалъ одно, что все это было очень давно, а теперь уже нѣтъ, что Сванеты народъ бѣдный и глупый, а тогда были еще глупѣе. На вопросъ какъ душили малютокъ, онъ съ неудовольствіемъ отвѣтилъ что при немъ не душили, а старые люди объ этомъ не разказываютъ. Чтобы доставить маленькое удовольствіе и взрослой публикѣ, я вытащилъ изъ сумокъ связку тарани и роздалъ каждому изъ предстоящихъ по рыбѣ, но удовольствія

не послѣдовало никакого, Сванеты съ недоумѣніемъ смотрѣли на меня и другъ на друга, нерѣшительно повертывая въ рукахъ мой подарокъ; тогда Николай очистилъ себѣ полъ тараньи и сталъ ѣсть; два Сванота послѣдовали его примѣру, но едва они разжевали по куску какъ сильно заплевали на полъ, точно обожженные, и стали тереть себѣ языкъ и губы рукавами; въ ту же минуту всѣ руки съ таранью потянулись ко мнѣ обратно. Признаюсь, я былъ очень удивленъ этимъ обстоятельствомъ; не говоря уже про Гурію, сосѣднія со Сванетіей Мингрелія и Имеретія истребляютъ вяленую тарань во множествѣ; въ Кутаисѣ на базарѣ ея бываютъ навалены цѣлыя горы, и если не всѣ, то хоть нѣкоторые изъ жителей Сванетіи бывали за предѣлами своего каменнаго гнѣзда и должны были видѣть тарань.

Помощникъ старшины, послѣ этой исторіи пожевавшій кусочекъ тарани и также выплюнувшій его, объяснилъ загадку очень просто: тарань оказалась нестерпимо соленою для Сванетовъ, для которыхъ соль въ хозяйствѣ рѣдкость, употребляемая по своей дорогоцѣнности въ микроскопическихъ дозахъ. Фунтъ сѣрой каменной соли стóитъ здѣсь 10—20 копѣекъ, а гривенникъ для бѣднаго жителя верхней Сванетіи цѣлый капиталъ; поэтому къ очень соленой ѣдѣ они не привыкли. Насколько дѣйствительно дорога для нихъ соль я убѣдился вслѣдъ за эпизодомъ съ таранью: когда Николай сталъ солить бѣлою лавочною солью супъ съ восьмидесятикопѣечною курицей, Сванеты полюбопытствовали узнать что̀ онъ сыпетъ въ котелокъ. Когда имъ сказали что соль, они не повѣрили; бѣдняки привыкли видѣть ее въ грязныхъ, сѣрыхъ кускахъ. Помощникъ старшины взялъ нѣсколько крупинокъ на языкъ и торжественно объявилъ публикѣ что это несомнѣнно соль, настоящая, прекрасная соль. Мигомъ десятокъ горстей протянулись ко мнѣ, умоляющія физіономіи безмолвно просили меня подѣлиться съ ними моею драгоцѣнностью. Я сыпалъ въ черныя горсти сколько могъ, и порціи соли, завернутыя бережно въ тряпочки, поѣхали за пазухи счастливецъ, которые, вернувшись домой, будутъ удивлять своихъ женъ рѣдкою диковинкой.

Щедрость моя повидимому очень понравилась Сванетамъ. Помощникъ старшины, придвинувшись ко мнѣ поближе, вынулъ маленькую трубочку и объявилъ чрезъ Николая что Сванеты знаютъ хорошо еще табакъ, но очень бѣдны и не

въ состояніи покурить его. Пришлось вытащить и табакъ, и хотя со мною былъ легкій желтый трапезонтъ, онъ очень понравился публикѣ; четвертка была раздѣлена на 12 порцій, по числу присутствующихъ и 12 крохотныхъ трубочекъ замелькали въ полумракѣ канцеляріи, освѣщая своими вспышками счастливыя, довольныя физіономіи.

Въ заключеніе я предложилъ моимъ гостямъ полный чайникъ чаю и по кусочку сахару; пріятныя улыбки раздвинулись на смуглыхъ лицахъ еще шире, и когда я передалъ чрезъ Николая что мы хотимъ спать и желаемъ всѣмъ покойной ночи, на наши головы посыпались всевозможныя пожеланія счастія и радостныхъ сновъ.

VII.

Пока мы будемъ отдыхать подъ шиферными кровомъ Кальской канцеляріи, быть-можетъ читатель поинтересуется пробѣжать короткій сжатый очеркъ прошлаго и настоящаго Сванетіи и ея обитателей. Всѣ предлагамыя здѣсь свѣдѣнія позаимствованы мною изъ двухъ прекрасныхъ и основательныхъ статей о Сванетіи гг. Бартоломея и Бакрадзе, напечатанныхъ въ *Запискахъ* Кавказскаго Отдѣла Русскаго Императорскаго Географическаго Общества; въ тѣхъ же *Запискахъ* есть и позднѣйшая статья о Сванетіи г. Стоянова, но она, отличаясь почтеннымъ объемомъ и тяжелымъ изложеніемъ, не прибавляетъ ничего оригинальнаго и новаго къ разказамъ знатоковъ дѣла и спеціалистовъ, Бартоломея и Бакрадзе, и все что въ ней заслуживаетъ вниманія есть или повтореніе или позаимствованіе у названныхъ двухъ авторовъ. Знающіе люди думаютъ что Сваны, о которыхъ говоритъ Страбонъ какъ объ одномъ изъ воинственныхъ кавказскихъ племенъ, были предками нынѣшнихъ Сванетовъ. Достовѣрнымъ образомъ настоящая Сванетія дѣлается извѣстна по грузинскимъ лѣтописямъ за $2^1/_2$ вѣка до Р. X. Съ тѣхъ поръ она нерѣдко упоминается на страницахъ лѣтописныхъ повѣствованій о судьбахъ Грузіи, какъ область управляемая князьями зависѣвшими въ различной мѣрѣ отъ Грузинскихъ царей. Переходя отъ фамиліи къ фамиліи владѣтельныя права этихъ князей удерживались до послѣдняго времени въ двухъ частяхъ Сванетіи: Дадіановской, лежащей вдоль южнаго склона

Сванетскаго хребта, и Княжеской, занимающей западный уголъ Сванетской долины или правильнѣе длинной котловины, гдѣ сохранились права князей Дадишкиліановъ. Сванеты же населявшіе восточную половину этой высокой замкнутой котловины кажется еще въ XVIII вѣкѣ совершенно освободились ото всякой подчиненности какимъ бы то нибыло князьямъ и дворянскимъ родамъ и образовали изъ себя одиннадцать самостоятельныхъ обществъ.

Эти маленькія республики жили и управлялись на совершенно демократическихъ началахъ и хотя, судя по надписямъ на нѣкоторыхъ древнихъ предметахъ сохранившихся и до сихъ поръ въ ихъ церквахъ, онѣ иногда и заключали между собою наступательный и оборонительный союзы, но прочной и правильный федераціи онѣ собою не представляли, а напротивъ не рѣдко смертельно враждовали другъ съ другомъ.

Въ такомъ состояніи эти одиннадцать республикъ или обществъ, называющихся и до сихъ поръ вольною Сванетіей, застала на Кавказѣ водворившаяся здѣсь русская власть, и такъ какъ вольные Сванеты смирно сидѣли въ своемъ каменномъ гнѣздѣ, то особенныхъ мѣръ къ формальному подчиненію ихъ со стороны правительства не принималось, тѣмъ болѣе что все вниманіе власти было поглощено войной съ сильными горскими племенами Чечни и Дагестана.

Въ 1847 году кутаисскій вице-губернаторъ подполковникъ Колюбакинъ, командированный по дѣламъ службы въ княжескую Сванетію, заявилъ представителямъ вольныхъ сванетскихъ общинъ собравшимся въ одномъ изъ пограничныхъ селеній что Русское правительство приметъ ихъ подъ свое покровительство еслибъ они совершенно добровольно того пожелали. Семь вольныхъ обществъ тутъ же согласились безусловно подчиниться правительству, и къ нимъ былъ назначенъ приставъ, князь Микеладзе, который немного спустя уговорилъ на такое же подчиненіе еще два общества—Цюрьмійское и Эльское. Отказались отъ такого подчиненія и подданства два самыя сильныя и богатыя общества вольныхъ Сванетовъ—Латальское и Ленджерское; ихъ и не трогали, пока въ 1853 году формальное подчиненіе этихъ республиканцевъ не произошло неожиданно и довольно оригинально. Интересный разказъ г. Бартоломея объ ихъ присоединеніи я позволю себѣ подробно привести изъ его статьи. Въ 1853 году къ намѣстнику кавказскому, князю Воронцову,

неожиданно явились въ Боржомъ семь вольныхъ Сванетовъ и изъявили желаніе креститься; они были обласканы, окрещены и съ подарками отпущены домой. Находившійся тогда въ Боржомѣ г. Бартоломей, занимавшійся археологическими изысканіями на Кавказѣ, пожелалъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и проѣхать въ вольную Сванетію для осмотра тамошнихъ памятниковъ старины.

Объѣздивъ нѣкоторыя общества, онъ послалъ депутатовъ къ Латальцамъ и просилъ позволенія посѣтить ихъ церкви. Депутаты возвратились и не только принесли согласіе принять г. Бартоломея, но и совершенно неожиданно объявили что Латальцы просятъ его, какъ довѣренное лицо намѣстника, привести ихъ къ присягѣ на подданство Русскому государю. Г. Бартоломей немедленно отправился къ Латальцамъ и на границѣ общества былъ встрѣченъ толпой въ шестьсотъ человѣкъ вооруженныхъ винтовками; изъ толпы вышелъ одинъ изъ почетнѣйшихъ гражданъ и, гордо пріосанясь, сталъ говорить:

„Никогда Латальское общество не признавало надъ собою никакой власти и никому не покорялось. Напрасно наши сосѣди старались то силой, то хитростью поработить насъ; насилію мы отвѣчали оружіемъ, а хитрости—упорствомъ; много было пролито крови при дѣдахъ и отцахъ нашихъ, и до сего времени Латальцы неприкосновенно охраняли свою независимость. Теперь Латальцы, по собственному своему желанію, безъ принужденія, безо всякаго посторонняго вліянія, желаютъ покориться никому иному какъ великому Россійскому государю. Латальцы готовы повиноваться царскому намѣстнику на Кавказѣ и властямъ которыя онъ надъ ними поставитъ. При этомъ Латальцы благодарятъ васъ за то что вы пріѣхали къ нимъ одни: никто теперь не скажетъ что мы силой принуждены были къ покорности, а всѣмъ будетъ извѣстно что Латальцы покорились добровольно. Мы васъ просимъ привести насъ къ присягѣ и оставить намъ свидѣтельство въ томъ что отнынѣ мы уже подданные великаго государя; свидѣтельство обязывающее насъ мы будемъ хранить на алтарѣ нашей главной церкви посреди нашихъ святынь.“

Толпа выражала одобреніе гордой полной достоинства рѣчи; ораторъ продолжалъ: „Конечно, мы не нужны великому государю; что великому государю въ бѣдныхъ Сванетахъ? но

великій государь намъ нуженъ, намъ нуженъ отецъ и покровитель. Мы надѣемся что какъ и прочіе подданные будемъ имѣть свободный пропускъ за горы для торговли и промысловъ. О старыхъ нашихъ недругахъ мы забываемъ, хотя, видитъ Богъ, никогда мы не начинали насилій. Латальцы присягаютъ послѣдніе, но не будутъ послѣдними въ исполненіи своихъ обязанностей.“

Для присяги была вынесена изъ церкви икона Спасителя, при появленіи которой Сванеты съ благоговѣйнымъ ужасомъ цѣловали воздухъ, но не крестились и не снимали шапокъ. Затѣмъ былъ написанъ и громко прочитанъ присяжный листъ; Латальцы слушали внимательно и также въ знакъ уваженія цѣловали воздухъ; по окончаніи чтенія старшины тринадцати селеній приложили къ листу кресты, отнесли его въ церковь и положили на алтарѣ. На другой день такимъ же порядкомъ присягнуло Ленджерское общество, и республиканскій образъ правленія въ вольной Сванетіи покончилъ свое существованіе.

Но вольный духъ не умеръ въ жителяхъ вольной Сванетіи и до настоящаго времени. Съ дѣтскимъ чистосердечіемъ безусловно признавая въ принципѣ надъ собою русскую власть, они очень оригинально относятся къ ближайшему примѣненію этой власти, особенно къ праву суда и администраціи вмѣшиваться въ ихъ внутреннія домашнія дѣла, къ числу которыхъ главнымъ образомъ они относятъ кровомщеніе, сильно развитое между ними. Являясь на приглашенія суда по дѣламъ этого рода, они или гордо произносятъ панегирики себѣ за истребленіе врага, наивнѣйшимъ образомъ разказываютъ подробности своего подвига и торжественно заявляютъ суду что и впредь неуклонно поступятъ въ соотвѣтствующемъ случаѣ подобнымъ же образомъ; или въ отвѣтъ на пригласительныя повѣстки забираются съ компаніей родственниковъ въ свои недоступныя башни и обѣщаютъ стрѣлять оттуда въ каждаго кто къ нимъ подойдетъ.

Понятіе о личныхъ правахъ каждаго гражданина на общественное достояніе у вольныхъ Сванетовъ вполнѣ демократично, напримѣръ, къ общественной собственности они естественнымъ образомъ относятъ свои древнія церкви и церковное имущество, и если общество или нѣсколько членовъ его не пожелаютъ впустить васъ въ свою церковь, то не только старшина, священникъ, но и власть повыше, въ лицѣ, положимъ, самого пристава, ничего тутъ не подѣлаетъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ любознательный путешественникъ слишкомъ назойливо и неумѣло хотѣлъ проникнуть въ замѣчательный монастырь Кальскаго общества Свв. Кирика и Іулиты; но общество почему-то отказало ему въ этомъ. Несмотря на всѣ убѣжденія, просьбы и настоянія даже присутствовавшаго здѣсь пристава, Кальцы настояли на своемъ и даже весьма недвусмысленно показали что они не остановятся ни предъ чѣмъ: толпы ихъ полѣзли на гору съ винтовками въ рукахъ съ намѣреніемъ защищать силой свою святыню отъ нежеланнаго гостя. Путешественникъ благоразумно удалился, понеся впрочемъ исключительно только личную потерю; наука же не потеряла ничего, потому что замѣчательный монастырь былъ подробно и съ знаніемъ дѣла описанъ настоящими спеціалистами, гг. Бартоломеемъ и Бакрадзе, далеко раньше и ими же были сняты заслуживающія вниманія историческія надписи съ древнихъ предметовъ хранящихся въ монастырѣ.

Сванеты христіане съ давнихъ временъ и христіанство перешло къ нимъ несомнѣнно изъ Грузіи. Такъ надо думать, судя по множеству древнѣйшихъ грузинскихъ церковныхъ книгъ и иконъ съ грузинскими надписями, хранящихся въ сванетскихъ церквахъ.

Но современное христіанство Сванетовъ—смѣсь дикаго суевѣрія, языческихъ вѣрованій и обрядовъ съ обрывками христіанскаго ученія и догматовъ. Хотя въ послѣднее время въ Сванетію стали назначать обученныхъ и рукоположенныхъ священниковъ, но они имѣютъ мало вліянія на народъ и до сихъ поръ не могли еще уничтожить авторитетъ предъ Сванетами такъ-называемыхъ *папи*,—непосвященныхъ потомковъ быть-можетъ еще первыхъ грузинскихъ священниковъ, учившихъ Сванетовъ истинамъ христіанской вѣры. Эти папи грубы, безграмотны, ничѣмъ не отличаются отъ простыхъ Сванетовъ и считаютъ себя по правамъ наслѣдства призванными вѣдать дѣла вѣры, нерѣдко хранятъ у себя ключи отъ церквей, куда и являются совершать нѣчто въ родѣ службы, причемъ читаютъ по-грузински искаженныя молитвы, конечно не понимая ихъ смысла. При совершеніи такихъ службъ нуждающимися въ нихъ прихожанами приносится нѣчто въ родѣ жертвы, и мясо жертвенныхъ животныхъ съѣдается въ церковной оградѣ, а рогами и костями ихъ украшаются потолки и стѣны церквей.

Иконы свои Сванеты очень уважаютъ, но относятся къ нимъ съ суевѣрнымъ страхомъ и боятся къ нимъ прикасаться, считая себя нечистыми и недостойными того. Поэтому ихъ маленькія каменныя темныя церкви страшно грязны и пыльны: чистить ихъ никто не смѣетъ.

Полная естественная замкнутость вольной Сванетіи, рѣдкость сношеній съ окружающими ее другими народностями, суровость климата, бѣдность природы, однообразіе и простота склада собственной жизни—сохранили до настоящаго времени въ характерѣ вольныхъ Сванетовъ черты дикости почти первобытнаго человѣка.

Они дѣтски хитры, наивность ихъ доходитъ до полнаго ребячества; упрямы, любопытны, болтливы и суевѣрны. Деньги, особенно серебряныя, любятъ очень, но еще больше любятъ табакъ и водку, которую умѣютъ гнать изъ хлѣба; кромѣ того, проводникъ изъ Кальскаго общества увѣрялъ меня что въ верхней Сванетіи водку, раку или аракъ, гонятъ изъ сладкихъ ягодъ черной бузины, обильно растущей по берегамъ рѣки Ингура. Изъ чего бы они ее ни гнали, но только сванетская водка ужасный напитокъ; дорогой я ее попробовалъ одинъ разъ и едва не задохнулся: по вкусу, запаху и жгучести это положительно какъ будто смѣсь дегтя съ купоросныъ масломъ.

Въ обыкновенное время Сванеты изумительно воздержны въ ѣдѣ; каждый день рано утромъ хозяйка печетъ прѣсныя лепешки, на каждаго изъ членовъ семьи по одной, величиной немного побольше чайнаго блюдечка, и съ этимъ отпускаетъ своихъ домочадцевъ до вечера; вечеромъ они получаютъ по такой же порціи и съ тѣмъ отходятъ ко сну. Но когда кончаются полевыя работы и короткое лѣто смѣняется длинною суровою однообразною зимой, у Сванетовъ начинаются „балики", какъ говорятъ стоящіе въ Бечо солдаты. Они поочередно устраиваютъ по разнымъ случаямъ, а иногда и просто отъ скуки, пирушки, на которыхъ гости пьютъ и ѣдятъ безъ конца и мѣры, иногда до тѣхъ поръ пока раскутившійся хозяинъ не спуститъ всего, кромѣ развѣ хлѣбныхъ запасовъ: птицу, барановъ, а порой даже быковъ. Прокутившись такимъ образомъ, Сванетъ всю зиму таскается по сосѣдямъ и въ свою очередь кормится у нихъ на „баликахъ". Люди подолгу жившіе въ Сванетіи положительно увѣряли меня что такіе кутежи и попойки въ лоскъ иногда разоряютъ

увлекающихся домохозяевъ; строгую вѣрность этого факта оставляю на совѣсти разкащиковъ.

Одежда мущинъ и женщинъ не представляетъ ничего настолько оригинальнаго что̀ рѣзко бы выдѣляло Сванетовъ изъ числа другихъ народностей западнаго Закавказья. Оружіе ихъ плохіе кинжалы и еще худшія винтовки, кремневыя, съ наружнымъ механизмомъ замка; но они очень дорожатъ своими винтовками, берегутъ и холятъ ихъ и на небольшія разстоянія стрѣляютъ хорошо; послѣ денегъ, водки и табаку величайшая драгоцѣнность для Сванета хорошій порохъ; плохой они умѣютъ дѣлать и сами.

Но что̀ до крайности оригинально у Сванетовъ—это ихъ замѣчательныя селенія съ башнями; кромѣ Дагестана я видѣлъ селенія и постройки всѣхъ кавказскихъ племенъ, но чего-нибудь похожаго на сванетскія деревни никогда не встрѣчалъ.

Издали сванетское поселеніе представляется сплошнымъ каменнымъ городкомъ, изъ группы сливающихся построекъ котораго часто высятся стройныя квадратныя бѣлыя башни съ отлогою двускатною крышей высотой въ 8—10 саженъ. Вблизи такое селеніе оказывается непонятнымъ хаосомъ каменныхъ строеній съ плоскими или покатыми шиферными крышами и высокихъ стѣнъ, то хорошо сложенныхъ на цементѣ, то положенныхъ сухою кладкой и потому часто полуобвалившихся; въ наружныхъ стѣнахъ построекъ вмѣсто оконъ темнѣютъ маленькія отверстія въ родѣ бойницъ; группы строеній раздѣляются узкими кривыми переулочками, которыми едва можно проѣхать; собственно жилье большею частію находится во вторыхъ этажахъ строеній, куда ведутъ приставныя деревянныя лѣстницы. По угламъ стѣнъ или примыкая къ ихъ срединѣ торчатъ башни; онѣ превосходно сложены на цементѣ, внизу—изъ огромныхъ тесаныхъ камней; квадратъ ихъ основанія имѣетъ небольшое заложеніе, такъ что къ верху онѣ слегка суживаются. Подъ двускатною шиферною крышей въ самомъ верху съ каждой изъ четырехъ сторонъ башни имѣются по три навѣсныя бойницы, прикрытыя сверху выступающими изъ стѣнъ каменными сводиками; изъ этихъ бойницъ можно обстрѣливать сверху внизъ самое подножіе башни; посрединѣ башенъ иногда также пробиты узкія бойницы.

Проводникъ нашъ отъ Кала до Мести, Сванетъ, увѣрялъ

что подъ многими башнями есть колодцы и пробиты ходы къ подземнымъ ключамъ, а подъ домами—глубокіе подвалы для хлѣбныхъ запасовъ; если это правда, то дѣйствительно сванетскія селенія представляли въ свое время неприступныя убѣжища и Сванеты могли цѣлый годъ отсиживаться въ нихъ отъ своихъ прежнихъ враговъ; развѣ только хорошая артиллерія могла бы разгромить эти твердыни, но ея не могло быть у враждебныхъ племенъ въ тѣ времена когда Сванетамъ приходилось бороться за свою независимость.

Когда построены эти башни—неизвѣстно; постройка ихъ во всякомъ случаѣ тробовала много трудовъ и знанія, и теперь ужъ ихъ больше не строятъ; напротивъ, многія башни брошены и разрушаются; я видѣлъ одну такую башню безъ крыши изъ которой выглядывала верхушка большой сосны; по краямъ ея осыпающихся стѣнъ также росли маленькія сосенки.

Живутъ Сванеты главнымъ образомъ произведеніями земли и потому въ верхней восточной части Сванетской котловины, гдѣ земли удобной мало и гдѣ благодаря высотѣ мѣстности едва дозрѣваетъ ячмень—они очень бѣдны; въ остальной Сванетіи, особенно у Латальцевъ и Ленджерцевъ, дно котловины шире и ниже, пахотныхъ мѣстъ больше, кромѣ ячменя хорошо родится пшеница, овесъ, просо, турецкій горохъ; хлѣбные посѣвы тщательно огорожены каменными стѣнками или плетнями.

Лѣто въ Сванетіи очень короткое, и урожай хлѣбовъ, только и обезпечивающій существованіе Сванета, болѣе чѣмъ гдѣлибо находится въ тѣсной зависимости отъ погоды; потому весьма понятно что Сванеты страшно боятся дурной погоды, и суевѣріе ихъ, между прочимъ, учитъ что не въ пору дожди, засуху и т. п. къ нимъ могутъ привезти съ собою какіенибудь нежданные и непрошенные гости.

Сванеты водятъ для своего обихода лошадей, коровъ барановъ и свиней; но большихъ стадъ у нихъ нѣтъ, за неимѣніемъ обширныхъ пастбищъ и по неимовѣрной трудности заготовлять сѣно на долгую, суровую зиму.

Въ заключеніе прибавимъ что, по авторитетному мнѣнію г. Бакрадзе, Сванеты грузинскаго происхожденія, что языкъ ихъ есть довольно сильно уклонившееся отъ корня грузинское нарѣчіе, что въ княжеской и вольной Сванетіи считаютъ до двѣнадцати тысячъ жителей.

Я попрошу извиненія у читателя за неполноту и бѣглость очерка жизни и нравовъ Сванетіи. При этомъ вообще позволю себѣ замѣтить что нарисовать живую и яркую бытовую картину оригинальнаго и самобытнаго народа можетъ только тотъ кто живетъ съ нимъ вмѣстѣ, ежедневно сталкивается съ его интересами, самъ раздѣляетъ послѣдніе, а главное—знаетъ языкъ этого народа. Такими бытописателями въ данномъ случаѣ могли бы быть развѣ назначаемые въ Сванетію священники да пристава. Безъ этихъ же условій, безъ знанія языка, даже двухмѣсячные разъѣзды по странѣ, подъ всякимъ офиціальнымъ и неофиціальнымъ покровительствомъ, только и могутъ дать въ результатѣ поверхностное отвлеченіе, безжизненное повѣствованіе о тѣхъ или другихъ обычаяхъ, да сухой перечень различныхъ принадлежностей костюма, никоимъ образомъ не обрисовывающіе типичныя черты характера и жизни народа.

Напримѣръ, простой и живой разказъ г. Бакрадзе о томъ какъ по его просьбѣ два папи служили ему литургію, завернувшись въ какія-то тряпки и употребляя при совершеніи таинства деревянную чашечку съ туземною водкой и кусочки чернаго грязнаго чурека вмѣсто вина и хлѣба, какъ по окончаніи литургіи одинъ изъ нихъ похлопалъ по плечу г. Бакрадзе съ самодовольнымъ вопросомъ: „а что̀, братецъ, хорошо?“ въ десять разъ полнѣе и ярче рисуетъ этихъ самозванныхъ дикихъ батюшекъ чѣмъ вялое, хотя и съ претензіей, повѣствованіе чужихъ словъ нѣкоторыхъ другихъ путешественниковъ.

VIII.

Рано утромъ пришелъ въ канцелярію помощникъ старшины и разбудилъ насъ; онъ явился съ блестящею винтовкой на плечѣ, съ кинжаломъ, со значкомъ своего званія на груди, но босикомъ; поршни его висѣли у пояса. Поздоровавшись, онъ первымъ дѣломъ подставилъ свою крохотную трубочку и, получивъ порцію табаку, съ наслажденіемъ сталъ попыхивать.

Мы двинулись по ущелью лѣвымъ берегомъ Ингура; тропинка шла густымъ хвойнымъ лѣсомъ то по берегу рѣки, то отклоняясь и изгибаясь вверхъ и внизъ по боковымъ отрогамъ подходившимъ къ Ингуру. Мѣстами она была также

трудна, камениста и крута, какъ и дорожка въ ущельѣ Цхенисъ-Цхале, но босой проводникъ нашъ такъ ловко, легко и быстро скользилъ по ней что лошади буквально не послѣвали за нимъ и онъ не рѣдко останавливался, поджидая насъ. Не очень далеко отъ канцеляріи помощникъ старшины остановился и показалъ рукой налѣво вверхъ: тамъ на горѣ изъ-за деревьевъ едва виднѣлось какое-то маленькое каменное строеніе.

— Это святой Квирике, сказалъ онъ чрезъ Николая,—большая святыня всей Сванетіи. И она принадлежитъ намъ, Кальцамъ, добавилъ онъ важно покачивая головой и съ видимымъ уваженіемъ глядя на свое святилище.

Монастырь Свв. Кирика и Іулиты дѣйствительно пользуется большимъ уваженіемъ во всей Сванетіи. Гг. Бартоломей и Бакрадзе были въ немъ и такъ его описываютъ: Церковь монастыря сложена изъ камня и окружена полуразвалившеюся зубчатою оградой; вокругъ нея построены маленькія тѣсныя комнатки въ родѣ казематовъ въ которыхъ когда-то жили монахи. Съ южной стороны къ церкви примыкаетъ трапеза, изъ нея идетъ единственный входъ въ церковь; трапеза эта была завалена грудами сора, нечистотъ и костей, а посреди пола были видны остатки костровъ; на потолкѣ, на длинныхъ жердяхъ висѣло множество роговъ животныхъ принесенныхъ храму въ жертву. Церковь темна, грязна и закопчена, иконостасъ состоитъ изъ трехъ каменныхъ арокъ, въ средней изъ нихъ, замѣняя царскія двери, виситъ завѣса; въ боковыхъ аркахъ стоятъ иконы, нѣкоторыя въ серебряныхъ окладахъ; на большомъ образѣ Свв. Кирика и Іулиты окладъ замѣчательной старинной работы. Посреди церкви на высокомъ каменномъ квадратномъ подножіи стоитъ большой деревянный крестъ, облѣпленный образками грубой старинной работы выдавленными на тонкихъ серебряныхъ листкахъ. На каменномъ престолѣ, примыкающемъ къ восточной полукруглой стѣнѣ, лежало превосходное большое Евангеліе на греческомъ языкѣ, писанное крупнымъ почеркомъ на пергаментныхъ листахъ.

Въ алтарѣ, въ большомъ сундукѣ окованномъ желѣзомъ, хранились, по мнѣнію Сванетовъ, неоцѣненныя сокровища, состоявшія изъ стеклянной и фаянсовой посуды разныхъ вѣковъ, мѣдныхъ блюдечекъ, кусочковъ цвѣтнаго битаго стекла, бусъ, четокъ, чашекъ и лоскутьевъ шелковыхъ и парчевыхъ

тканей. Но тутъ же находилась и дорогая икона въ шелковомъ чехлѣ, замѣчательная по своей древности, красотѣ византійской работы и богатству украшеній. На иконѣ этой риза чисто золотая съ финифтевымъ изображеніемъ Распятія; надъ Распятіемъ парятъ два ангела, а по бокамъ стоятъ Божія Матерь и Св. Іоаннъ. Кругомъ по золотому окладу вставлены драгоцѣнные камни, крупный жемчугъ и антики, одинъ сердоликовый съ груднымъ изображеніемъ Спасителя; на оборотной сторонѣ иконы рельефное изображеніе Воскресенія изъ серебра.

По угламъ церкви стояло старинное оружіе, стрѣлы, шестоперы, кистени, палицы, на потолкѣ, какъ и въ трапезѣ, висѣли турьи рога и бараньи челюсти.

Вся гора, на которой находится монастырь, обросла густымъ еловымъ лѣсомъ; лѣсъ этотъ окружаетъ самый монастырь и считается у Сванетовъ священнымъ: ни одинъ изъ нихъ не срубитъ тамъ ни за что и маленькой вѣточки.

Глядя снизу на жалкую спрятанную на недоступной горѣ въ глухомъ лѣсу постройку Св. Кирика, трудно было вѣрить что въ ней хранятся такія цѣнныя и рѣдкія древности какъ напримѣръ описанная икона и Евангеліе; весьма вѣроятно что не столько религіозное уваженіе сколько суевѣрный страхъ охранялъ въ теченіе вѣковъ отъ утраты дорогія иконы и другія цѣнныя древности въ полузаброшенномъ монастырѣ.

За монастыремъ дорога отклонилась довольно далеко влѣво и пошла дремучимъ лѣсомъ; здѣсь мы наѣхали на длинные ряды громадныхъ сосенъ, срубленныхъ подъ корень и поваленныхъ вѣтвями поперекъ тропы; посрединѣ для проѣзда сосны были прорублены или пережжены.

— Вотъ, сказалъ провожавшій насъ помощникъ старшины,—когда Ишкульцы бунтовались (если не ошибаюсь въ 1875 году), они хотѣли загородить дорогу Русскимъ и порубили эти деревья. Но что одна рука сдѣлаетъ, то другая можетъ уничтожить, прибавилъ онъ со вздохомъ, посматривая на гніющихъ гигантовъ.

Проѣхавъ сосны эти и спустившись внизъ прямо по каменистому руслу лѣснаго потока мы выѣхали опять на берегъ Ингура и поѣхали слѣдомъ по его извилинамъ; ущелье дѣлалось открытѣе и шире, хвойный лѣсъ уступалъ мѣсто чернолѣсью. Я ѣхалъ задумавшись и глядя внизъ подъ ноги

лошади; безконечная переспектива темныхъ лѣсистыхъ отроговъ, справа и слѣва подползавшихъ къ рѣкѣ, утомляла зрѣніе.

— Вотъ гора такъ гора! послышалось сзади восклицаніе одного изъ моихъ спутниковъ.—Ну, такой горы мы сколько ни ѣхали, а еще не видѣли.

Я поднялъ голову, предо мною, замыкая панораму зеленыхъ хребтовъ, высилось непостижимое, поражающее видѣніе; кажущаяся близость его и ужасающіе размѣры, для оцѣнки которыхъ глазъ не находилъ кругомъ сравненія, буквально подавляли душу. Прямо надъ изломанною линіей, которою рисовалась на голубомъ небѣ стѣна лѣсистыхъ хребтовъ, высилась отлогая, по бокамъ изрытая морщинистая громада, заваленная снѣгомъ; на этомъ бѣломъ подножіи, какъ престолъ стояла красноватая скала чудовищныхъ размѣровъ, съ вертикальными боками и слегка раздвоенною верхушкой, также присыпанною снѣгомъ.

Вся эта гигантская гора стояла одиноко, точно висѣла въ воздухѣ, безо всякой связи съ землей и съ чѣмъ бы то ни было.

— Ужба! сказалъ проводникъ, замѣтивъ съ какимъ оцѣпенѣлымъ вниманіемъ мы смотрѣли на волшебную гору.

Я видѣлъ много горъ и горныхъ панорамъ Кавказскаго хребта, видѣлъ Эльбрусъ изъ Пятигорска и съ Бермамута, видѣлъ Казбекъ изъ Дарьялскаго ущелья и изъ Тифлиса, любовался стѣной главнаго хребта съ Латпарскаго перевала, но положительно могу сказать что ни одна изъ этихъ картинъ не оставляетъ въ душѣ такого сильнаго ошеломляющаго неизгладимаго впечатлѣнія какъ видъ Ужбы изъ Ингурскаго ущелья и затѣмъ изъ штабъ-квартиры Дего.

Опомнившись я долго обдумывалъ причины такой исключительности этого впечатлѣнія и полагаю что вся чарующая сила Ужбы заключается, кромѣ рѣзкости формъ и очертаній, главнымъ образомъ въ томъ что уступая въ высотѣ Казбеку и Эльбрусу, она открывается глазу внезапно и притомъ совершенно одинокою и безъ связи какъ будто съ другими снѣговыми хребтами и вершинами, и глазъ, сравнивая ее съ представляющимися одновременно земными мелочами, пугаясь, теряется въ опредѣленіи ея размѣровъ.

Какъ бы то ни было, но я смѣло рѣшаюсь утверждать что въ Сванетію стоитъ проѣхать изъ одного того чтобы посмотрѣть на Ужбу изъ Ингурскаго ущелья и Бечо.

Я не видѣлъ Ужбы съ перевала и отъ Кальской канцеляріи, откуда говорятъ она также видна, тогда она была закрыта облаками; но теперь, разъ показавшись она уже не пропадала изъ глазъ до тѣхъ поръ пока у одной изъ деревень Ипарскаго общества мы не переѣхали Ингуръ и не потянулись на небольшой лѣсистый перевалъ, раздѣляющій долины Ингура и большаго праваго притока его Мульхре или Муль-хуре.

Подъемъ оказался повтореніемъ той ужасной водомоины которою начинается всходъ на Латпарскій перевалъ; такая же глубокая заваленная камнями канава круто ползущая на гору, и хотя камни на днѣ ея были сухи, но за то трудность восхожденія усиливалась отъ жгучихъ лучей полдневнаго солнца, накалившихъ воздухъ и землю.

На вершинѣ горы, поросшей по торфяному лугу молодымъ березнякомъ, куда мы совершенно измученные добрались въ первомъ часу дня, рѣшено было пообѣдать и покормить лошадей. Мы стали варить рисовый пловъ и кипятить воду для чаю, а нашъ проводникъ отправился въ кусты и скоро принесъ полную шапку спѣлой, сизой голубики, которой я не видалъ лѣтъ 17, со времени отъѣзда на Кавказъ.

Такимъ образомъ, у насъ былъ на послѣ обѣда рѣдкій вкусный дессертъ, а благодаря усталости и тяжелому подъему не менѣе вкуснымъ показался и незатѣйливый обѣдъ.

Въ особенности понравился пловъ помощнику старшины; онъ долго стучалъ ложкой по дну котелка, соскребывая приставшія къ нему зерна. Когда же послѣ приличной порціи табаку я поднесъ еще ему и стаканчикъ водки изъ послѣдней оставшейся на черный день бутылки, то умиленію его не было конца и подавленный избыткомъ благодарности, онъ подѣлился съ нами великимъ своимъ секретомъ.

Вытащивъ изъ-за пазухи какой-то грязный свертокъ, онъ развернулъ одну за другою до десятка тряпочекъ, вынулъ изъ послѣдней хорошенькій, довольно крупный кристаллъ венисы (гранаты) и съ торжествомъ показалъ его намъ.

— Это такая дорогая вещь, сказалъ онъ,—что ее никому не надо показывать и цѣну ей трудно найти.

— Такъ что ты и не продалъ бы ее никогда?

— Отчего жь, продамъ, если дадутъ очень большія деньги.

— Напримѣръ, сколько бы ты хотѣлъ за нее?

Онъ подумалъ, глядя на свою драгоцѣнность, и сказалъ нерѣшительно:

— Меньше какъ за семь рублей не отдамъ.

Такимъ образомъ цѣна была найдена, хотя очень можетъ-быть что вениса эта стоила и дороже, такъ какъ кристаллъ былъ отличнаго темнокраснаго цвѣта и очень чистой воды.

Въ два часа дня мы тронулись дальше; тропинка, круто спустившись къ Муль-хуре, пошла ея лѣвымъ берегомъ, по боковому продольному склону горы.

Направо тянулась стѣна главнаго кряжа съ бѣлою зубчатой вершиной, ниже снѣжнаго пояса бока кряжа обрывались полуотвѣсными синеватыми стремнинами и осыпями; изъ цирковъ, образуемыхъ боковыми, сходящимися дугою отрогами, спускались за границу снѣговой линіи конечные обрывы ледниковъ. Отъ ледниковъ и громадныхъ залежей снѣга, сползавшихъ по склонамъ, тянулись внизъ чуть замѣтныя сѣрыя нити: это нарождались въ нѣдрахъ льда и снѣга ручьи, сливающіеся на днѣ долины и образующіе рѣку Муль-хуре. Далеко, далеко, казалось у самыхъ ледниковъ торчали частыя башни Мужальскихъ и Адышскихъ Сванетовъ, у которыхъ говорятъ сильно развитъ кретинизмъ; впереди насъ стоялъ гигантскій зубецъ великой стѣны, великолѣпная Ужба, съ которою глазъ начиналъ понемногу свыкаться.

Въ нѣмой тишинѣ сіяли на яркомъ солнцѣ бѣлыя твердыни горъ; онѣ казались такими незыблемыми, неподвижными, неизмѣнными какъ солнце, вѣчными какъ само время. Но довольно вглядѣться въ эти трещины, разсѣлины и страшныя осыпи, которыми изборожденъ и покрытъ бокъ снѣжнаго хребта ниже бѣлой ленты снѣга, сосчитать бѣгущіе по скатамъ изъ-подо льда и снѣга сотни ручьевъ и каскадовъ, прислушаться къ реву и скрежету Муль-хуре, ворочающаго и несущаго съ собою огромные камни, чтобы понять, какая работа разрушенія совершается здѣсь. Незамѣтно, но съ неутомимымъ упорствомъ изъ вѣка въ вѣкъ, вода ведетъ борьбу съ каменными гигантами, подмывая ихъ основанія, размывая имъ бока и унося внизъ па дно долины частицы ихъ существа. Даже зимніе морозы не останавливаютъ этой вѣковѣчной работы; на помощь водѣ приходитъ тяжесть, громадныя массы снѣга скопляясь на плечахъ и ребрахъ гигантовъ обрываются и прыгая съ громомъ орудійныхъ залповъ внизъ, ударяя съ неимовѣрною силой по склонамъ, ломаютъ и бросаютъ на дно долины цѣлыя скалы, вырываютъ дорогой цѣлыя горы камней, земли и леску.

Лѣсистый хребетъ налѣво отъ насъ, омываемый съ одной стороны Ингуромъ, а съ другой Муль-хуре и лежащій острымъ языкомъ между ними, носилъ на себѣ еще болѣе очевидные, свѣжіе слѣды гибели и распаденія. Вотъ у самой тропы кусокъ сѣрой скалы, вѣроятно въ сотни тысячъ пудовъ, сорвавшійся сверху; тамъ на страшной высотѣ видно и мѣсто которое онъ занималъ, составляя часть огромной вершины. Богъ вѣсть когда онъ свалился, но только на немъ уже успѣли вырости большія, толстыя сосны. Немного дальше, тропа выводитъ насъ на новую арену необъятнаго разрушенія: предъ нами, на громадномъ протяженіи открывается страшный хаосъ изъ каменныхъ глыбъ и торчащихъ къ верху корнями деревьевъ, полузасыпанныхъ грудами синяго песку и крупнаго гравія; въ трещинахъ и ямахъ этого безобразнаго пространства залегаетъ плотный грязный снѣгъ и все оно разрѣзано надвое тихо пробирающимся мутнымъ ручьемъ. Это рухнула внизъ, вѣроятно размытыя подземными водами, цѣлая половина горы и погребла подъ своими развалинами покрывавшій ее лѣсъ.

Едва пробравшись среди исковерканныхъ стволовъ и вѣтвей, нагроможденныхъ каменьевъ и ямъ, мы выѣхали къ берегу Муль-хуре въ виду селеній Местійскаго общества и по короткому мостику переѣхали рѣчку. Былъ четвертый часъ дня, солнце палило страшно, и я слѣзъ съ лошади чтобъ освѣжить водой лицо и напиться. Въ этомъ мѣстѣ подъ самымъ мостикомъ Муль-хуре прорывается глубокою каменною трещиной аршина въ полтора шириной и сейчасъ же за мостомъ обрывается съ двухъаршиннаго уступа глухо ревущимъ водопадомъ. Предъ мостикомъ отвѣсные бока трещины образуютъ нѣсколько уширенный резервуаръ, лѣвая стѣна котораго идетъ прямо подъ мостикъ, а правая выгибается дугой. Въ резервуаръ врываются бѣшеныя сѣро-стальныя воды Муль-хере и не могутъ пройти сразу узкимъ выходомъ подъ мостикомъ; поэтому правая половина рѣки, ударяясь неистовою силой въ выгнутую стѣнку резервуара, поворачиваетъ назадъ и идетъ обратно вверхъ; щепки и палки брошенныя въ воду быстро мчались внизъ, ударялись въ скалу, поворачивали назадъ и поднявшись далеко вверхъ, сажени на четыре, здѣсь только попадали въ струю воды успѣвающую пронестись въ узкую щель подъ мостомъ.

Я долго стоялъ склонившись надъ этимъ каменнымъ

котломъ съ клокочущимъ холоднымъ кипяткомъ, отъ воды вѣяло ледяною свѣжестью, унесенною недавно только быстрою рѣкой прямо изъ виднѣющихся ледниковъ.

За мостомъ у селенія Сети помощникъ старшины простился съ нами и вернулся домой, вознагражденный тремя абазами. До Бечо, цѣли моей поѣздки, оставалось верстъ 12—15. Не желая терять времени на розыски старшины, мы подъѣхали къ толпѣ Сванетовъ стоявшихъ на краю селенія и стали вызывать охотниковъ въ проводники до Бечо, соблазняя публику абазомъ. Хотя никто изъ окружившихъ насъ Сванетовъ не говорилъ по-грузински, но два слова—Бечо и абазъ объясняли достаточно наше желаніе, и провожать насъ вызвался хорошенькій стройный мальчикъ лѣтъ 14, въ чистенькомъ бешметѣ и мѣховой шапкѣ.

Не говоря ни слова, онъ бодро пошелъ впередъ; мы поѣхали за нимъ узкою тропинкой, среди полей засѣянныхъ горохомъ и пшеницей, проѣхали два, три большія селенія Ленджерскаго общества, со множествомъ высокихъ башенъ; налѣво впереди открывался пологій скатъ зеленой долины, покрытый полями дозрѣвающихъ хлѣбовъ и усѣянный группами тѣхъ же красныхъ башенъ. По всему видно было что здѣсь Сванеты живутъ много лучше и богаче бѣдныхъ обществъ верхней Сванетіи, посѣвовъ кругомъ было много, селенія часты и обширны; встрѣчные жители, мущины и женщины, возвращавшіеся съ полей, были одѣты хорошо, а женщины, превѣжливо раскланиваясь съ нами, глядѣли намъ въ слѣдъ и пересмѣивались.

Не проѣхали мы и пяти верстъ какъ нашъ маленькій проводникъ остановился и что-то тревожно заговорилъ. Меня просто поразилъ его чудный грудной голосъ, его рѣчь была какой-то музыкальный, протяжный речитативъ, и я съ наслажденіемъ прислушивался къ его словамъ, не пытаясь понять ихъ смысла. Однако Николай сталъ браниться и отвѣчать что-то съ раздраженіемъ, но мальчикъ остановился и показывая рукой себѣ на грудь твердилъ одно:

— *Ме Лат'али да, Лат'али мама-сахлиси!*

— Онъ, видите, что теперь толкуетъ: до Бечо не хочетъ идти, а проведетъ только до Латаля, чтобы тамъ мы взяли у старшины другаго проводника.

Мнѣ стало ужасно досадно; вечеръ былъ близко, на розыски старшины въ селеніи понадобился бы часъ, да столько же

можетъ-быть на нарядъ провожатаго, такъ что мы могли не попасть засвѣтло въ Бечо. Николай вступилъ въ жаркія пренія съ мальчикомъ; не столько путемъ переговоровъ сколько при помощи мимики и пальцевъ выяснялось что нашъ проводникъ пойдетъ пожалуй и до Бечо, но не меньше какъ за четыре абаза.

— Ничего, вы ему пообѣщайте, посовѣтовалъ съ армянскою находчивостью Николай,—а какъ пріѣдемъ, то дайте одинъ абазъ и накладите въ шею чтобы не обманывалъ.

Я вынулъ изъ кармана четыре новенькіе двугривенные и показалъ мальчику; глаза у него засіяли радостью и онъ заговорилъ:

— *Ме—Бечо, да! Бечо рус'сули да!* и весело пошелъ впередъ.

Блескъ монетъ произвелъ на маленькаго плута такое хорошее дѣйствіе что въ лексиконѣ его нашлось даже русское слово: идя и оглядываясь на насъ, онъ поднималъ кверху четыре пальца, какъ бы напоминая что идетъ не меньше какъ за четыре абаза и затѣмъ, показывая себѣ этими пальцами на грудь, повторялъ весело улыбаясь:

— Ме—маленьки, да!

— Маленькій мошенникъ, замѣтилъ ему Николай.

Мальчикъ на минуту пріостановился, обернулся назадъ и сказалъ, сердито сверкнувъ глазами;

— Нэтъ мошенникъ,—есть Джапаридзе!

Такимъ образомъ обнаружилось и второе русское слово въ запасѣ свѣдѣній нашего проводника, и мы кромѣ того узнали что его зовутъ Джапаридзе.

Впрочемъ онъ скоро успокоился, и я сталъ приставать къ нему съ разспросами, которыхъ разумѣется онъ не понималъ, также какъ и я не понималъ его отвѣтовъ; но я заставлялъ его говорить просто чтобы слушать его чудный голосъ, совершенно обворожившій меня.

Труды Джапаридзе несомнѣнно стоили четырехъ абазовъ; тропинка, взобравшись на высокую гору и переваливъ ее, повела внизъ густымъ, сумрачнымъ лѣсомъ; сначала спускъ былъ сносенъ, но чѣмъ дальше, тропа становилась круче и скоро пошла такою же рытвиной, засыпанною каменьями, по какой мы уже два раза ломали себѣ ноги за дорогу. Съ лошадей пришлось слѣзть, въ лѣсу было темно, глазъ съ трудомъ разсматривалъ каменья шевелившіеся подъ ногами и чуть не каждый шагъ приходилось дѣлать ощупью, и безъ

того измученные четырехдневною дорогой, мы просто выбились изъ силъ. Наконецъ впереди засвѣтлѣло, лѣсъ сталъ ниже и рѣже, внизу послышались голоса, еще поворотъ, и предъ нами открылась небольшая замкнутая поляна. По краямъ ея были разбросаны домики и разныя постройки, на срединѣ стоялъ гимнастическій городокъ, у котораго толпились и шумѣли солдатики въ бѣлыхъ рубахахъ. Сзади поляны не ясно свѣтлѣли снѣжныя вершины Сванетскихъ горъ, справа и слѣва она прикрывалась двумя лѣсистыми хребтами тонувшими въ черной синевѣ вечера, а прямо предъ нами сейчасъ же изъ-за домиковъ и построекъ поднималась великолѣпная Ужба, на вершинѣ которой еще горѣлъ красный свѣтъ вечерней зари.

IX.

На этой-то площадкѣ, подъ стѣной главнаго Кавказскаго хребта, у самаго подножія Ужбы и расположена штабъ-квартира Бечоской мѣстной команды, состоящей изъ 200 человѣкъ солдатъ при трехъ-четырехъ офицерахъ. На площадкѣ, кромѣ казенныхъ построекъ для команды да домика для судебнаго и административнаго персонала приставствъ, нѣтъ ничего, не только нѣтъ ни одной лавки, но даже и духана, гдѣ можно было бы купить коробочку спичекъ. Чтобы читатель понялъ всю изолированность этой команды, достаточно сказать что офицеры ея получаютъ жалованье разъ въ годъ авансомъ, который отпускается въ іюнѣ—іюлѣ, съ тѣмъ чтобы служащіе могли сдѣлать всѣ необходимые запасы для своей жизни на весь годъ; въ это же время доставляется въ Бечо на вьюкахъ для солдатъ годовая пропорція муки, крупы, соли и капусты; на говядину закупается лѣтомъ живой скотъ, частью на мѣстѣ, а частью за Ужбой въ Карачаѣ.

Ни одна мелочь въ приготовленіяхъ къ зимѣ не должна быть забыта, потому что поправить ошибку этого рода слишкомъ трудно, а иногда и невозможно. Словомъ Бечоская команда, какъ корабль отправляющійся въ годовое плаваніе, обязана предусмотрѣть и предупредить всѣ предстоящія ей въ теченіе года нужды и потребности. Впрочемъ даже и корабль уходящій въ Океанъ имѣетъ преимущества предъ командой: онъ встрѣчаетъ другіе корабли, заходитъ въ порты гдѣ можетъ пополнить свои запасы и получить почту. Для

Бечо же сношенія съ Божіимъ міромъ прерываются почти на всю долгую восьмимѣсячную зиму. Въ концѣ августа или сентябрѣ на перевалахъ выпадаетъ снѣгъ и начинаются бури и метели, которыя свалятъ въ пропасть или заметутъ снѣгомъ и заморозятъ смѣльчака рискнувшаго перебраться черезъ горы. Даже и въ тихую временами погоду перевалы зимой почти неприступны изъ-за глубокихъ снѣговъ, покрывающихъ обманчивою пеленой пропасти и трещины, куда можно провалиться и безслѣдно исчезнуть. Очень, очень рѣдко въ теченіе зимы, въ періоды такой погоды смѣльчаки Сванеты за хорошее вознагражденіе переходятъ за перевалъ съ какимъ-нибудь порученіемъ и приносятъ въ Бечо почту. Но такихъ праздниковъ въ теченіе зимы бываетъ три, четыре, остальное уже время обитатели этого заброшеннаго глухаго уголка должны проводить въ страшной тоскѣ и полной неизвѣстности о томъ что̀ творится на землѣ. Даже и лѣтомъ сношенія Бечо съ Кутаисомъ крайне трудны и неправильны, напримѣръ, мое письмо отправленное по почтѣ 5 іюня доставлено въ Бечо 25 іюля, на другой день послѣ моего пріѣзда; каковы же могутъ быть эти сношенія зимой?

Въ самомъ Бечо зима также очень сурова, снѣга глубоки. Въ зиму прошлаго года здѣсь выпалъ страшный снѣгъ, слоемъ въ пять аршинъ; боялись чтобы массы его не раздавили казармъ и другихъ построекъ, такъ что солдаты всю зиму ежедневно сбрасывали снѣгъ съ крышъ. Сообщенія между отдѣльными постройками производились посредствомъ глубокихъ корридоровъ, для пропуска дневнаго свѣта отъ наружныхъ сторонъ подоконниковъ прорывались къ верху воронкообразныя амбразуры, которыя ежедневно заваливало снѣгомъ и ежедневно приходилось раскапывать: словомъ, чуть что не зимовка на Новой Землѣ.

Въ два дня я окончилъ мою работу въ Бечо и два дня любовался красавицей Ужбой, утро и вечеръ не сводя глазъ съ нея; она кажется отъ штабъ-квартиры не дальше 2—3 верстъ и отсюда не такъ поражаетъ глазъ своими рѣзкими формами. Опоясывающіе ее ледники и снѣга покоятся на отлогомъ зеленомъ основаніи; красноватая, повидимому порфировая или трахитовая скала ея поднимающаяся изъ массъ льда и снѣга изборождена и изрѣзана трещинами и разсѣлинами, слѣдами вѣковой дряхлости гиганта; верхушка скалы, слегка прикрытая снѣгомъ, какъ клочьями сѣдыхъ волосъ, точно изорвана и изглодана бурями.

Съ истиннымъ сожалѣніемъ простился я съ картиной этой волшебной горы, какъ прощаюсь теперь, кончая свой разказъ, съ воспоминаніями объ этой поѣздкѣ.

Я чувствую что въ моемъ бѣгломъ очеркѣ много недосказаннаго, пропущеннаго, что возбужденный интересъ читателя часто не найдетъ себѣ полнаго удовлетворенія. Но цѣлью моего разказа не было подробное описаніе страны; мною руководило только пробудить вниманіе къ малоизвѣстному уголку Кавказа и показать читателю какую любопытную, полную сильныхъ и оригинальныхъ впечатлѣній поѣздку онъ можетъ совершить, если у него есть время, средства и доброе желаніе.

30 марта 1881.
Тифлисъ.

И. КАНЕВСКІЙ.

ЕГИПЕТСКІЙ ГОЛУБЬ *

РАЗКАЗЪ РУССКАГО

XVII.

Важный вопросъ былъ вотъ въ чемъ: Богатыревъ хотѣлъ дать обѣдъ по случаю учрежденія вилайета во Ѳракіи и въ честь пріѣзда обоихъ новыхъ пашей, Вали-Хамида и Каймакама-паши-Арифа. Надо было все рѣшить и кончить скорѣе, чтобы кто-нибудь изъ другихъ консуловъ не предупредилъ насъ.

Богатыревъ такъ увлекся этою затѣей что не кончивъ еще завтрака спросилъ листъ бумаги и тутъ же сталъ карандашомъ чертить нѣчто въ родѣ плана обѣденнаго стола, чтобъ яснѣе было гдѣ кого разсадить по чинамъ и по правамъ дипломатическаго старшинства.

Онъ начертилъ длинный четыреугольникъ; на одномъ концѣ написалъ Вали-паша, на другомъ le Cons. de Russie. Потомъ сталъ ставить крестики и начальныя буквы: le C. d. F. (французскій консулъ), M. L. (господинъ Ладневъ) и т. д. Число персонъ выходило нечетное, девять человѣкъ, считая съ Михалаки Канкелларіо... Между мною и Каймакамъ-

* Продолженіе. См. №№ 8, 9, 10 *Русскаго Вѣстника* 1881.

пашой некого было посадить... Выходило съ одной стороны стола пусто и некрасиво.

Богатыревъ былъ очень этимъ недоволенъ...

— Посовѣтуйте какъ же быть? сказалъ онъ мнѣ.

— Пригласите новаго австрійскаго драгомана и посадите его vis-à-vis съ monsieur Михалаки, отвѣчалъ я съ улыбкой.

Михалаки вспыхнулъ и глаза его засверкали.

— Какъ? воскликнулъ онъ:—Бояджіева? уніата! Этого босоногаго негодяя!.. Въ такомъ случаѣ я прошу г. Богатырева лишить меня чести обѣдать въ такомъ высокомъ обществѣ... Мнѣ легче отказаться.

Въ негодованіи Михалаки готовъ былъ, кажется, и сейчасъ даже выйти изъ-за стола. Его обычная сдержанность и почтительность предъ нами, представителями русской власти, которую онъ почти страстно любилъ, не могли устоять противъ такого оскорбленія... Одного „плутократическаго" чувства его было бы достаточно чтобы возмутиться такимъ предложеніемъ: „Этотъ *босоногій* негодяй" станетъ на одну съ нимъ доску!

— Постойте, monsieur Ладневъ вѣрно шутитъ, сказалъ Богатыревъ.—Самъ Халимъ-паша оскорбился бы еслибъ учителя и райя Бояджіева посадили съ нимъ за одинъ столъ...

— Я не Бояджіева имѣлъ въ виду, а другаго почетнаго драгомана, Антоніади, отвѣчалъ я и поспѣшилъ успокоить Михалаки, разказавъ обо всемъ томъ что̀ случилось сегодня въ австрійскомъ консульствѣ.

Слушатели мои были очень довольны. Михалаки негодовалъ на Бояджіева и съ любовью глядѣлъ на меня, когда я разказывалъ о томъ какъ я проучилъ грубаго уніата.

— Quel animal, quel animal! Повторялъ онъ качая головой.—Отзываться такъ о великой Россіи, о святой Россіи!.. *Кюпекъ-оглы* (собачій сынъ)! прибавилъ онъ еще по-турецки.

Богатыревъ тоже одобрилъ мое поведеніе.

— Это вы отлично сдѣлали что этому болвану натацію прочли, сказалъ онъ.—И счастливо сошло вамъ это̀ съ рукъ! Остеррейхеръ вѣрно къ вамъ за вашу „философію" очень благоволитъ, а то бы другому онъ показалъ дверь, или бы еще что-нибудь хуже... Ну, а что̀ жь мы будемъ дѣлать теперь съ Антоніади? Какъ вы скажете, господа? Гдѣ намъ выгоднѣе его видѣть—въ англійскомъ консульствѣ или въ австрійскомъ?

— Онъ не пойдетъ служить въ австрійское консульство, сказалъ Михалаки.

— Отчего?

— Греки вообще Австрійцамъ служить не любятъ. Есть какой-то на это инстинктъ! замѣтилъ адріанопольскій политикъ.—Это очень глубоко. Я не могу даже объяснить это, прибавилъ онъ скромно, какъ бы кокетничая и желая вызова на дальнѣйшія разсужденія.

— Нѣтъ! сказалъ весело Богатыревъ.—Пожалуста объясните... Для насъ сдѣлайте это, monsieur Михалаки. Вотъ вамъ для подкрѣпленія еще немножко.

И онъ налилъ ему еще вина.

Михалаки, принявъ тогда снова тотъ твердый и вмѣстѣ съ тѣмъ ядовито-проницательный видъ, который былъ ему обыкновенно свойственъ, пристально глядя то на консула, то на меня, началъ такъ:

— *Il y a quelque chose!*... Въ интересахъ и преданіяхъ Грековъ есть нѣчто такое что̀ больше ихъ располагаетъ служить Россіи и Англіи чѣмъ католическимъ державамъ. Относительно Англіи и Австріи я скажу что тутъ быть-можетъ сохраняется чувство еще со временъ Меттерниха и Каннинга. Но кромѣ того вообще слѣдуетъ замѣтить что Славяне гораздо легче чѣмъ Греки располагаются искренно къ державамъ католическимъ, и это очень натурально: у Грековъ нѣтъ ни въ Австріи, ни въ Польшѣ милліоновъ католическихъ братьевъ. Греки *одни* на свѣтѣ; ихъ четыре милліона съ небольшимъ и вся сила ихъ въ православныхъ преданіяхъ, а не въ племени. Россія и Греки—вотъ столпы православія. А Славяне могутъ измѣниться. Интересы и Россіи и Грековъ требуютъ прежде всего чтобы православіе было крѣпко, а у Славянъ могутъ быть и другія наклонности.

— Такъ что̀ же Англія? спросилъ я, хотя и самъ почти предугадывалъ отвѣтъ Михалаки.

— Англія, сказалъ онъ,—можетъ вредить Грекамъ только поверхностно. Она можетъ что-нибудь отнять, присоединить; но она не можетъ развратить ни Грековъ, ни Славянъ такъ какъ могутъ развратить ихъ католическія державы. *Религія* при Англичанахъ также какъ и при Туркахъ не въ опасности. Вы знаете что Греки Іоническихъ острововъ религіознѣе чѣмъ Греки свободной Эллады.

— Поэтому—Антоніади...? подсказалъ Богатыревъ.

— Не пойдетъ въ драгоманы къ австрійкому консулу, а къ Виллартону можетъ-быть согласится.

— Но я васъ спрашиваю, что выгоднѣе намъ, намъ? еще разъ спросилъ Богатыревъ.

Михалаки помолчалъ съ минуту и потомъ сказалъ:

— Вы знаете, Турки говорятъ *дели базаръ, бокъ базаръ!* * Пусть Антоніади служитъ у Виллартона; намъ будетъ лучше.

Богатыревъ засмѣялся отъ удовольствія.

— Вы думаете, спросилъ онъ,—что такъ какъ Виллартонъ *дели* и слишкомъ обнаруживаетъ свою игру, то Антоніади будетъ все знать и будетъ передавать намъ?

— Зачѣмъ *намъ!* скромно съежившись возразилъ Михалаки.—Это слишкомъ прямо, и Антоніади кажется не такой человѣкъ. Ему это покажется низкимъ... что-то вродѣ шпіона. Но я найду другіе пути. Есть косвенныя сношенія, есть разные пути!

Приэтомъ Михалаки дѣлалъ такіе убѣдительные и извилистые жесты руками что было ясно,—онъ знаетъ эти *пути*.

— Однако, замѣтилъ Богатыревъ,—прежде всего не надо забывать что Антоніади желаетъ пользоваться русскою протекціей. Онъ вѣдь самъ заявилъ мнѣ. Хорошо ли это будетъ если мы его предоставимъ Виллартону вполнѣ?

— Зачѣмъ вполнѣ! Для Антоніади выгодно имѣть защиту и протекцію въ турецкихъ судахъ съ разныхъ сторонъ. Въ иныхъ случаяхъ ему пригодятся привилегіи которыя ему дастъ англійскій драгоманатъ, а въ другихъ—наша помощь.

— Еслибъ у него была здѣсь собственность, прервалъ Богатыревъ,—то вѣдь жена его русская подданная, и онъ могъ бы все записать какимъ-нибудь образомъ на ея имя... Да и это очень сложно. Но вѣдь у него всѣ дѣла будутъ въ коммерческомъ судѣ, и какой способъ придумать чтобы въ случаѣ нужды намъ защищать его интересы—я и не знаю...

Михалаки опять принялъ смиренный видъ. Хитрое лицо его выражало въ эту минуту спокойную, почти до равнодушія доходящую увѣренность подчиненнаго въ томъ что начальникъ (и еще какой начальникъ... Богатыревъ!) знаетъ и понимаетъ все лучше его.

Богатыревъ прибѣгъ къ своему моноклю и, разсмотрѣвъ хорошо это выраженіе лукаваго Грека, засмѣялся.

---

* *Дели*—безумный; *бокъ*—навозъ, грязь или еще *хуже*. *Авт.*

— Ne faites donc pas l'innocent, mon cher monsieur Mikhalaki!... Мы ждемъ всего отъ вашей изобрѣтательности. Вы сами давно догадались.

— Что сдѣлать? я не знаю, отвѣчалъ Михалаки задумчиво.—Я желалъ чтобъ онъ и у насъ служилъ, и у Виллартона. Мнѣ такъ больше нравится. Я цѣлый день вчера объ этомъ думалъ. Нельзя ли сдѣлать Антоніади однимъ изъ членовъ тиджарета отъ русскаго консульства. Нашъ банкиръ Московъ-Самуилъ все старѣетъ и мало приноситъ пользы. Только мнѣ жаль старика обидѣть. Хотя и Жидъ, но онъ такой добрый и невинный!

— О! это ничего! воскликнулъ съ радостью Богатыревъ.—Мы найдемъ чѣмъ утѣшить Самуила. Можно его будетъ сдѣлать вторымъ послѣ васъ почетнымъ драгоманомъ и брать его иногда съ собой въ Порту для виду. Это доставитъ ему прекрасный случай надѣть свою рысью шубку, повязать феску хорошимъ шелковымъ платкомъ, *сидѣть* предъ генералъ-губернаторомъ и разговаривать съ нимъ! Онъ будетъ счастливъ этимъ... Вы начните съ этого поскорѣй, monsieur Михалаки, предложите ему быть вашимъ помощникомъ. А насчетъ Антоніади мы тоже постараемся. Отлично!—И обратясь ко мнѣ, консулъ еще разъ спросилъ:—Владиміръ Александровичъ, не правда ли, отлично?

— Очень хорошо, сказалъ я.

— А не позволите ли вы мнѣ, спросилъ Михалаки вкрадчиво,—подать бѣдному Самуилу надежду на золотую медаль на лентѣ Св. Анны? Такъ, отъ себя, только надежду. Онъ такъ долго и усердно служилъ консульству банкиромъ и членомъ тиджарета.* Это расположитъ къ намъ всю здѣшнюю еврейскую общину, Евреи скажутъ: „Вотъ служи Англичанамъ; что за корысть! У нихъ и орденовъ вовсе нѣтъ. То-ли дѣло Россія!“

— Очень радъ! очень радъ! воскликнулъ Богатыревъ:—Подайте ему эту надежду не только отъ себя, но и прямо отъ меня. Я выхлопочу ему это непремѣнно. Итакъ дѣло рѣшено, по крайней мѣрѣ въ принципѣ.... А объ обѣдѣ мы и забыли. Я тороплюсь, боюсь чтобы Виллартоны.... Кого же намъ посадить, я все-таки не знаю. Еслибы къ тому дню

* *Тиджаретъ*—коммерческій судъ въ Турціи, въ немъ каждое консульство имѣло двухъ своихъ представителей для тяжебныхъ дѣлъ между турецкими подданными и иностранными.

даже и былъ назначенъ Антоніади англійскимъ драгоманомъ, то я не вижу никакого основанія дѣлать Виллартону такую особую честь приглашать только его драгомана. Какія основанія? И что̀ за *прецедентъ* для будущаго? Вы, monsieur Михалаки, другое дѣло, вы *нашъ*, вы почти принадлежите къ хозяевамъ консульства; и къ тому же я хочу чтобъ и сами паши видѣли какъ мы васъ цѣнимъ. Но чужой драгоманъ?... Подумайте и объ этомъ, прошу васъ.

Михалаки уже стоялъ въ эту минуту съ фуражкой въ рукѣ; онъ спѣшилъ въ Порту и долженъ былъ еще зайти къ Самуилу. Слыша такія рѣчи отъ гордаго консула, онъ не совладалъ съ собою, и покраснѣвъ отъ блаженства какъ молодая дѣвушка, слабымъ голосомъ прошепталъ: „Je vous remercie, monsieur le consul!“ и поспѣшно ушелъ, приговаривая: „Поищу, поищу и для обѣда кого посадить“....

Богатыревъ проводивъ его глазами, глухо и тихо сказалъ: „Радъ-то какъ!“ и потомъ обратясь уже прямо ко мнѣ началъ весело и плутовски смѣясь:

— Теперь я васъ обрадую.

— Какъ?

— Да ужь обрадую, продолжалъ мой молодой начальникъ все такъ же лукаво и добродушно.—Ужь все пущу въ ходъ. Мнѣ нужно чтобы христіане здѣшніе не воображали что мы нуждаемся въ содѣйствіи и дружбѣ англійскаго консула. Идите-ка вы, батюшка, знаете куда? Идите къ Марьѣ Спиридоновнѣ. Да! къ *самой* къ Марьѣ Спиридоновнѣ.... А! какъ вы обрадовались! Да, вы влюблены. Это ясно. Вы влюблены. Вы больше обрадовались чѣмъ Михалаки моимъ комплиментамъ...

— Перестаньте, сказалъ я, конфузясь невольно. — Прошу васъ.... ну, радъ, ну влюбленъ, что̀ вамъ до этого!...

— Да ничего, ничего. Я сочувствую вамъ. Дѣло житейское. Такъ вы идите скорѣе. Сейчасъ. Мужъ небось въ конторѣ теперь, считаетъ деньги. А вы къ ней. Начните по здѣшнему издалека....„La pluralité des mondes“.... напримѣръ, „l'immensité de l'éspace; l'amitié; l'amour avant tout, le devoir conjugal après“.... А потомъ и поручите ей все узнать чего мужъ хочетъ. Скажите прямо что Остеррейхеръ просилъ васъ дѣйствовать въ его пользу, но что вы не знаете какъ это, и зачѣмъ, и что съ политической точки зрѣнія консульству *все равно*, понимаете?.. Это главное—*все равно*... Вотъ

оттѣнокъ. Поговорите отъ меня и отъ себя о тиджаретѣ, и о Виллартонѣ узнайте.... Я не совсѣмъ въ этомъ отношеніи съ Михалаки согласенъ. Все было бы лучше и проще еслибъ Антоніади былъ подальше отъ Виллартона и зависѣлъ бы въ дѣлахъ только отъ насъ.

И пріостановившись, Богатыревъ прибавилъ опять шуточно:

— Вѣдь и для вашихъ будущихъ благъ было бы лучше еслибъ Антоніади зависѣлъ только отъ васъ, въ случаѣ моего отъѣзда?

Этотъ новый оттѣнокъ шутки мнѣ не понравился, и я отвѣтилъ Богатыреву серіозно:

— Послушайте, мнѣ ваши шутки вообще нравятся. Вы не Блуменфельдъ, я знаю.... У него самое простое слово дышетъ злостью, раздраженіемъ и обидой. Я понимаю что у васъ совсѣмъ другой оттѣнокъ. Но еще разъ я васъ прошу, умоляю даже, шутите надо мной сколько вамъ угодно, — надъ моимъ чувствомъ, что я влюбленъ, что я страдаю, все что вы хотите; но не придавайте, ради Бога, никакого грязнаго характера вашимъ рѣчамъ объ этой женщинѣ... Какое она зло вамъ сдѣлала? И если я хочу уважать ее, почему же вамъ не щадить моего чувства? Къ чему эта мысль о какой-то чиновничьей эксплуатаціи, о начальствѣ надъ мужемъ.... Какая гадкая мысль!

Богатыревъ сильно нахмурился и очень грубымъ голосомъ сказалъ:

— Васъ не разберешь. Вы сами защитники женской свободы въ любви.—Поклонникъ Жоржъ Санда. А тутъ обижаетесь за одно слово! Я буду впередъ....

И не кончивъ съ досады фразы, онъ все съ разсерженнымъ лицомъ всталъ и пошелъ къ дверямъ канцеляріи.

Я взялъ шапку съ окна и собрался идти, но консулъ, остановившись въ дверяхъ, оборотился ко мнѣ и замѣтилъ холодно и строго:

— Вы впрочемъ тамъ не слишкомъ распространяйтесь. Я хочу знать скорѣе о результатѣ. И еще предупреждаю васъ что завтра курьеръ: у меня четыре большія донесенія, и я самъ не намѣренъ сегодня переписывать. У васъ работы будетъ на цѣлый вечеръ, тѣмъ болѣе что вы скоро и красиво писать не можете.

— Потрудитесь прислать мнѣ на домъ. Все будетъ готово, отвѣчалъ я такъ же сухо и холодно.

Мы разстались, и я раздосадованный и смущенный пошелъ къ Антоніади.

Погода становилась все хуже и хуже. Утренній туманъ, въ которомъ была своя поэзія, разсѣялся; теперь шелъ мелкій и частый дождикъ, напоминавшій мнѣ Петербургъ (я ненавидѣлъ все то что мнѣ напоминало эту язву Россіи). Грубая адріанопольская мостовая была покрыта слоемъ липкой грязи, по которой бродили худыя и покрытыя сыпью безпріютныя собаки базара.

— Что за низость эти выходки! (думалъ я въ величайшей досадѣ.) „Дѣла мужа будутъ въ вашихъ рукахъ"! Вѣдь еслибы послу или министру нравилась какая-нибудь женщина, онъ не позволилъ бы себѣ такъ шутить. Отчего же бы я въ этомъ случаѣ не сдѣлалъ различія между чувствомъ министра и моего собственнаго слуги? Мнѣ было бы стыдно. Или я лучше многихъ созданъ? Или я больше ихъ понимаю?.. Но чего тутъ не понять Богатыреву? Онъ не Михалаки какой-нибудь здѣшній. Это отвратительно! И эта дѣтская какая-то месть чиновника: „переписывай же сегодня всѣ донесенія до поздней ночи за то что ты отъ начальства не выносишь какихъ-попало шутокъ". И неужели онъ и этого не стыдится?.. Не понимаю! не понимаю!

Въ такихъ непріятныхъ размышленіяхъ провелъ я всю дорогу отъ консульства до дверей *бѣлаго* дома въ *Кастро*.

XVIII.

Стучалъ я долго желѣзнымъ кольцомъ въ дверь и съ ужасомъ думалъ: „И вдругъ ея дома нѣтъ!" И въ ту же минуту я вспомнилъ почти съ отчаяніемъ что это именно свиданіе было бы первымъ нашимъ свиданіемъ съ глазу на глазъ. Въ первый разъ мы были бы съ ней одни, и не на улицѣ, а въ домѣ. Ни мужа, ни Богатырева, ни посольскихъ товарищей, какъ было въ Константинополѣ на завтракѣ.

Я былъ такъ остороженъ, такъ терпѣливъ (быть-можетъ и вопреки моей природѣ), такъ берегъ ея репутацію (напримѣръ, при встрѣчѣ нашей на улицѣ)! Теперь моя совѣсть оправдана даже порученіемъ по службѣ. Все было бы такъ хорошо! А эту дверь не отпираютъ, и ея быть-можетъ нѣтъ дома!

Наконецъ послышались шаги и эта дверь отворилась.

Предо мной предстала смуглая Елена, Гречанка съ острова Чериго, вѣрная и давнишняя горничная Маши.

— Пожалуйте, пожалуйте, привѣтливо сказала она.

Она какъ будто рада была меня видѣть.

Печаль моя тотчасъ же облегчилась и я пошелъ на верхъ. Елена шла за мной и говорила мнѣ:

— Вы насъ извините что мы опоздали отворить вамъ дверь.—У насъ все вверхъ дномъ.

— Отчего?

— Маленькая наша Акривù вчера пріѣхала съ учительницей своей изъ Константинополя. Привезли много вещей... Мы все теперь приводимъ въ порядокъ, и госпожа Марія наша не хотѣла никого принимать, но когда увидала васъ изъ окна, сказала: „Бѣги, бѣги, Елена, скажи что прошу его. Какъ я рада что онъ пришелъ“. Очень она любитъ Русскихъ!

Такъ говорила добрая Елена, не зная до чего ея слова для меня радостны. Въ залѣ я увидалъ и *ее*, и дочь, и гувернатку, ту самую *бѣлую съ краснымъ Кизляръ - Агаси* Игнатовичъ, которую я встрѣтилъ на завтракѣ у Т., полтора года тому назáдъ. Акривù выросла; Кизляръ - Агаси была все та же.

Въ залѣ, правда, былъ въ эту минуту большой безпорядокъ. На полу было много сѣна, валялись доски отъ большихъ ящиковъ; столы были загромождены посудой и стояло много попарно связанныхъ внизъ и вверхъ ногами стульевъ, тщательно обернутыхъ бумагой.

Маша радостно встрѣтила меня, крѣпко пожала мнѣ руку и сказала:

— Ахъ, какъ я рада васъ видѣть! какъ вы давно у насъ не были? Чтò съ вами?

Я не зналъ чтò отвѣтить на это (она должна же была понимать что я не былъ давно именно потому что слишкомъ сильно желалъ быть ежеминутно съ нею!).

— Акривù! продолжала Маша, — ты помнишь monsieur Ладнева? Здоровайся же съ нимъ скорѣе!

— Нѣтъ! не помню, отвѣчала дѣвочка съ недоумѣніемъ присѣдая.

Съ гжой Игнатовичъ мы поздоровались какъ старые знакомые, и вотъ какъ мѣняется человѣкъ! Эта сентиментальная, непріятно увядшая женщина съ красными губами и красными

вѣками, которая въ Царьградѣ тогда показалась мнѣ ужасною, здѣсь произвела на меня совсѣмъ другое впечатлѣніе; то-есть не она сама, не лицо ея, не вся ея особа, а только присутствіе ея здѣсь показалось мнѣ благопріятнымъ. По какому-то тайному, сердечному инстинкту, по какому-то невыразимому сразу физіологическому соображенію я предугадалъ въ ней будущую усердную мнѣ потворщицу и дружески пожалъ ей руку, говоря:

— Вотъ неожиданная и пріятная встрѣча!

Легкій румянецъ удовольствія покрылъ щеки г-жи Игнатовичъ и жалкое лицо ея выразило такое смущеніе что сердце мое сжалось внезапно отъ сострэданія. Если встрѣтить ее я не ожидалъ, то еще менѣе ожидалъ чувствовать все то что̀ я почувствовалъ въ эту минуту. Не правъ ли я былъ говоря что драма жизни нашей со всѣми ея тайными и тонкими ощущеніями полна мистической неразгаданности!

Питать такое отвращеніе, и вдругъ!

Маша велѣла продолжать Еленѣ уборку вещей въ залѣ; увела меня въ другую небольшую пріемную свою, которую я еще не видалъ, и извинившись оставила меня одного.

Я сѣлъ и любовался. Гостиная эта была только-что заново отдѣлана и украшена съ удивительнымъ вкусомъ. Рѣзной деревянный потолокъ, стѣны и дулапы * въ стѣнахъ были выкрашены свѣтлооливковою краской во всѣхъ углубленіяхъ, а выпуклые узоры, карнизы и бордюры—блѣднокраснымъ цвѣтомъ. Гостиная эта въ родѣ кіоска освѣщалась съ улицы тѣснымъ рядомъ оконъ почти безъ простѣнковъ и подъ этими окнами во всю длину шелъ одинъ простой и широкій турецкій диванъ. Онъ былъ обитъ тонкимъ сукномъ темнокраснаго цвѣта, а всѣ кантики на его швахъ, на длинномъ рядѣ подушекъ, какіе-то полукруглые уголки на этихъ подушкахъ и тяжелая бахрома внизу, все это было яркопалеваго цвѣта, — странное сочетаніе, которое, однако, очень любимо Турками, и къ которому скоро привыкаетъ русскій глазъ, тоскующій по столь родственной ему пестротѣ. Скатерть на кругломъ столѣ посреди комнаты была черная бархатная, по заказу въ Царьградѣ расшитая великолѣпными разноцвѣтными турецкими надписями и вензелями, коверъ на полу былъ смирнскій, темнозеленый, съ густымъ ворсомъ;

* Углубленія въ стѣнахъ, съ дверцами, на подобіе шкафовъ.

тамъ и сямъ стояло нѣсколько покойныхъ креселъ европейскаго фасона, обитыхъ также сукномъ, только не краснымъ какъ диванъ, а какимъ-то почти оливковымъ, подходящимъ подъ цвѣтъ стѣнъ и потолка. Чугунная, американская фигурная печь топилась направо. Налѣво, у другой стѣны, на бѣломъ мраморѣ узкаго стола стояли двѣ большія вазы... японскія или китайскія, не знаю и названія этого фарфора не помню, только онъ весь нарочно дѣлается какъ бы мелко-истресканнымъ. Но чуть ли не лучшимъ украшеніемъ этой странной и прекрасной комнаты были четыре стула изъ числа тѣхъ которые я обвязанными видѣлъ въ залѣ. Дерево на нихъ все было заново позолочено, а подушки какъ на сидѣньи, такъ и овальныя на стѣнкахъ были вышитыя по канвѣ; на фонѣ бѣлаго шелка были изображены пастушескія сцены, деревья, зелень, овечки. Пастушка прядетъ, пастухъ-юноша беретъ ее за подбородокъ; пастухъ играетъ на свирѣли одинъ, пастушка ласкаетъ собаку. Этотъ бѣлый шелкъ и золото! Прелестно!

Видно было, впрочемъ, что эту комнату только-что обновили; въ ней было все такъ свѣжо, изящно, но еще пусто, съ ней еще не сжился никто: не было ни книги на столѣ, ни женской работы, ни забытой дѣтской игрушки. „Но это придетъ само собою!“ думалъ я и осматриваясь кругомъ, продолжалъ восхищаться.

Когда мадамъ Антоніади вернулась съ работой въ рукахъ и сѣла, я выразилъ ей свой восторгъ.

— И эти стулья шелкомъ шитые! это такъ кстати! сказалъ я:—овечки, пастушки рококо посреди всей этой турецкой пестроты. Точно какой-нибудь великій визирь прошлаго вѣка купилъ ихъ какъ рѣдкость для своего гарема или даже привезъ ихъ какъ добычу изъ какого-нибудь австрійскаго ограбленнаго зáмка!

— Эти стулья мое созданіе; я сама вышивала ихъ, сказала Маша.

— Нѣтъ! продолжалъ я:—визирь прошлаго вѣка не сумѣлъ бы такъ убрать свой гаремъ! Для этого нужно именно то о чемъ я такъ напрасно мечтаю для насъ Русскихъ—смѣлое соединеніе восточныхъ вкусовъ съ европейскою тонкостью пониманія!

И я опять то любовался на милыя эклоги золотыхъ стульевъ, то разсматривалъ скатерть, то удивлялся удачному въ

смѣлости своей сочетанію красокъ въ этомъ убранствѣ, то хвалилъ рѣзьбу потолка.

Мадамъ Антоніади, улыбаясь, слѣдила за моими движеніями и, наконецъ, сказала:

— Я все время думала объ васъ, когда убирала. Мнѣ хотѣлось угодить вамъ. Кажется удалось?

— Я не могу на это отвѣчать, сказалъ я даже съ досадой.— Что̀ тутъ слово! Впрочемъ оставимъ это. Я долженъ вамъ сказать что я пришелъ къ вамъ съ порученіемъ.

— Отъ кого это? съ любопытствомъ спросила она.

— Отъ двоихъ консуловъ.

Любопытство ея возрастало; она оставила работу и съ живостью переспросила:

— Ко мнѣ—отъ консуловъ? Отъ какихъ? Отъ какихъ? Что̀ такое?

Но насъ прервали. Дверь изъ залы тихонько отворилась и вошла Акриви̂. Она была одѣта такъ какъ одѣваются турецкія дѣвочки, только лучше ихъ. На черныхъ и смолистыхъ (какъ у отца) волосахъ ея, остриженныхъ въ кружокъ, былъ небольшой бѣлый газовый платочекъ, обшитый мелкою и пестрою бахромой; платочекъ былъ пришпиленъ съ одного боку двумя брилліантовыми звѣздами на витой проволокѣ, и звѣзды эти дрожали и блистали при каждомъ движеніи маленькой Акриви̂. Одежда на ней была вся изъ палеваго, яркаго шелка съ какими-то небольшими черно-лиловыми и бѣлыми фигурками. Верхній кафтанчикъ былъ перехваченъ поясомъ съ серебряными круглыми пряжками, а шальвары очень пышны и широки, до земли, но сшиты такъ что они нисколько не мѣшали ей ступать и даже бѣгать, еслибъ она захотѣла. Въ рукахъ Акриви̂ держала небольшой серебряный подносъ съ двумя прекрасными *зарфиками* чернаго фарфора.

Въ ту минуту когда дверь отворилась, показалась въ ней Елена. Она отворяла эту дверь и, пропуская впередъ барышню съ подносомъ, сказала громко и весело:

— Иди, иди, *туркуда* наша. Иди, милая, весели русскаго нашего *челибея*. *

Акриви̂ шла ко мнѣ съ кофеемъ не спѣша. Ея блѣдное, восковое личико было серіозно, и черные, тихіе, покойные глаза удивительно напоминали отцовскіе.

* *Челибей*—господинъ.

Принимая изъ рукъ ея кофе я сказалъ вполголоса какъ бы не обращаясь ни къ кому:

— Что жь это такое?. Это можно съ ума сойти!

Дѣвочка взглянула на меня съ удивленіемъ и вдругъ спросила, все съ тѣмъ же серіознымъ и почти печальнымъ лицомъ:

— Отчего?

Мать громко засмѣялась; а я взявъ за руку Акриви притянулъ ее къ себѣ и сказалъ:

— Оттого что ты такъ мила въ этой одеждѣ, что мнѣ хочется разцѣловать тебя.

Акриви немного попятилась и, пожавъ плечами, сдѣлала небольшую гримасу и опять также кратко и рѣзко воскликнула по французски:

— Pourquoi m'embrasser?....

А потомъ обратясь къ матери спросила по-гречески:

— Поцѣловать его или нѣтъ!

Мадамъ Антоніади очень забавлялась этими выходками дочери и велѣла ей меня поцѣловать. Тогда Акриви обняла меня прямо рукой за шею и поцѣловала крѣпко и радушно прямо въ губы.

Я былъ очень тронутъ этимъ простымъ движеніемъ серіознаго и задумчиваго ребенка.

Послѣ этого Акриви спросила у матери:

— Что мнѣ сѣсть теперь или стоять съ подносомъ, пока monsieur будетъ пить кофе?

— Сядь, сядь, сказала ей мать.—Теперь мнѣ не до тебя, подожди... Какой же консулъ далъ вамъ ко мнѣ порученія? *Ко мнѣ!* какъ это странно.

— Вопервыхъ, Остеррейхеръ. Онъ очень желаетъ чтобы вашъ мужъ служилъ у него почетнымъ драгоманомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ боится что Виллартонъ пересилитъ. Виллартонъ самъ признался Остеррейхеру въ своихъ видахъ на вашего мужа... И Остеррейхеръ просилъ меня вывѣдать какъ-нибудь, которое изъ двухъ консульствъ онъ предпочитаетъ.

— Вотъ какъ! сказала мадамъ Антоніади—мой мужъ здѣсь, я вижу, словно хорошенькая женщина: его разрываютъ на части!

— Это понятно, замѣтилъ я:—вашъ мужъ богатый негоціантъ, образованный, дѣльный, основательный. Соединеніе такихъ качествъ рѣдкость въ Адріанополѣ, и я понимаю консуловъ; они хотятъ украсить, такъ-сказать, вашимъ мужемъ свои консульства.

Мадамъ Антоніади задумалась надъ своею работой. Она долго молчала и потомъ, пожавъ плечами, сказала довольно сухо:

— Что же я тутъ? Это воля monsieur Антоніади. Вы бы обратились къ нему.

— Я не могъ навѣрное знать что онъ теперь въ конторѣ (солгалъ я); разумѣется еслибъ онъ былъ дома я бы обратился къ нему самому. А теперь я вынужденъ спѣшить, потому что я не говорилъ еще о третьемъ соперникѣ который тоже имѣетъ претензіи завладѣть сердцемъ monsieur Антоніади.

— Это еще кто? Неужели monsieur де-Шервиль!? У него этотъ страшный Менжинскій. Развѣ онъ съ нимъ разстается?

— Нѣтъ не де-Шервиль, а нашъ Богатыревъ!

— Богатыревъ!? съ удивленіемъ спросила Маша и даже покраснѣла отчего-то (я думаю отъ тщеславной радости что за ея мужемъ такъ ухаживаютъ).

— А что вы дѣлаете съ вашимъ знаменитымъ Канкелларіо?

— Ничего мы съ нимъ новаго не дѣлаемъ. Все то же. Богатыревъ нуждается въ хорошемъ представителѣ для тиджарета: вотъ что хочетъ онъ предложить вашему мужу, такъ какъ онъ самъ желалъ пользоваться русскою протекціей.

— Да, вотъ что! воскликнула М-me Антоніади и опять задумалась, продолжая прилежно вышивать свой вензель на батистовомъ платкѣ.

Акриви во все это время пока мы разговаривали сидѣла смирно и ждала чтобъ я допилъ кофе.

Я кончилъ; Акриви привстала, поднялась на цыпочки, поглядѣла издали въ мою чашку и сказала матери:

— Monsieur Ладневъ кончилъ свой кофе. Могу ли я уйти теперь?

— Иди.

— Я раздѣнусь, прибавила Акриви,—я должна еще помогать Еленѣ разбирать вещи. Я боюсь испортить платье.

— Хорошо, хорошо, иди, сказала мать съ нетерпѣніемъ. Видимо ей хотѣлось что-то наединѣ мнѣ сказать.

Когда мы остались одни, М-me Антоніади начала такъ, пожимая плечами и не безъ смущенія:

— Послушайте, вы меня ставите въ трудное положеніе. Я здѣсь еще ничего не знаю. Вы вѣрно хотите чтобъ я какъ-нибудь подѣйствовала на мужа. Я боюсь сдѣлать вредъ его

интересамъ и потомъ (она стала очень серіозна и опустила глаза), потомъ я на него имѣю очень мало вліянія. Мы съ нимъ иногда не сходимся въ понятіяхъ. Это иногда очень скучно!

Я молчалъ и ждалъ что она дальше скажетъ.

Она продолжала опять пристально и серіозно взглядывать мнѣ въ глаза:

— Я ничего не понимаю еще въ здѣшнихъ дѣлахъ—что опасно, что выгодно. Теперь такія волненія. Можетъ-быть англійскій консулъ можетъ лучше насъ оберегать отъ какой-нибудь турецкой несправедливости. Я говорю вамъ что я ничего, ничего этого не знаю и потомъ я такъ ненавижу всю эту коммерцію, всѣ эти суды, всѣ эти *дѣла*! Отецъ мой, правда, занимался тоже торговлей въ Россіи и Молдавіи. Но я на все это не обращала никакого вниманія! Понимаете?

— Понимаю.

— А вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу взять на себя какую-нибудь отвѣтственность въ такихъ дѣлахъ. Какъ я рѣшусь вліять на мужа! Я можетъ-быть сдѣлаю что-нибудь не такъ *чтобы понравиться Русскимъ, которыхъ я такъ люблю.* А это будетъ вредно! Понимаете?

Говоря это она чуть-чуть покраснѣла, и я отвѣчая ей „понимаю“ тоже смутился отъ радости.

— Постойте, я еще не кончила, сказала она съ жаромъ.— Я хочу быть откровенною съ вами сегодня. Видите, я терпѣть не могу коммерціи, но вѣдь я этой его коммерціи обязана всѣми удобствами моей жизни. Онъ пріобрѣлъ свое богатство большою энергіей и большими лишеніями. Да! я вамъ обо всемъ этомъ когда-нибудь разкажу. Онъ много перенесъ, и при этомъ онъ честный человѣкъ, вѣрьте мнѣ! А у меня ничего не было, кромѣ кой-какихъ вещей. Des petits riens! И вотъ что еще, слушайте—вотъ я эту турецкую одежду сшила моей дѣвочкѣ еще въ Константинополѣ. Я знала что *вамъ* это понравится. Ну? Вы понимаете на чьи труды, на какія деньги я доставляю себѣ такія удовольствія. Да, поймите. Я трачу много на себя и на дочь для моего удовольствія, потому что люблю, также какъ и вы, чтобы все было красиво. Что жь мнѣ дѣлать, если безъ этого мнѣ тоска. Я скучаю нестерпимо въ томъ коммерческомъ кругу въ которомъ принуждена жить съ нимъ. И терплю это, а онъ выноситъ мои расходы. Я говорю что мы иногда бываемъ несогласны,

и вы видѣли примѣръ какъ я глупо разсердилась у monsieur де Шервиля въ домѣ, когда мы спорили гдѣ нанимать квартиру. Нѣтъ, лучше объ этомъ не говорить. Я была очень глупа и противна тогда. Мой мужъ былъ правъ. Но это бываетъ очень рѣдко. Прошу васъ не думайте что ссоры у насъ бываютъ часто. Мнѣ было бы очень стыдно. Ихъ почти никогда не бываетъ: мы оба вовсе не вспыльчивы. Простите, я такъ много наговорила что сама теперь не знаю что̀ вамъ сказать.

— Вы хотѣли объяснить, сказалъ я,—почему вы не можете вмѣшаться въ тѣ дѣла о которыхъ я вамъ говорилъ. Но вы, кажется, не ясно поняли о чемъ рѣчь. Вашъ мужъ самъ, вы помните, при васъ спрашивалъ у Богатырева, нѣтъ ли какого-нибудь средства пользоваться русскою протекціей въ тяжебныхъ дѣлахъ и вообще въ торговыхъ. Мы придумали сдѣлать его русскимъ представителемъ въ тиджаретѣ.

— Что̀ такое тиджаретъ? я забыла.

— Тиджаретъ—коммерческій судъ. Всѣ дѣла по распискамъ, векселямъ и т. п. судятся въ этомъ тиджаретѣ, и каждое консульство имѣетъ въ немъ двухъ представителей изъ какихъ угодно подданныхъ и какой угодно вѣры, лишь бы знали дѣла. Правда что положеніе такого *азъ* (они называются *аза*) не даетъ права на такое безусловное покровительство со стороны русскаго напримѣръ консула, какимъ пользуется русскій подданный, русскій драгоманъ, русскій кавасъ. Но все-таки это способствуетъ....

Маша покачала печально головой и вздохнула.

— Что̀ съ вами? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Это ужасно скучно все что̀ вы говорите! Что̀ мнѣ до этого за дѣло? Вы мнѣ скажите просто чего вы отъ меня хотите: хотите вы чтобы мужъ мой былъ австрійскимъ драгоманомъ или англійскимъ, или чтобъ онъ у другихъ вовсе не служилъ, такъ и скажите.

Я смотрѣлъ на нее. Выраженіе лица ея было все-таки такое хитрое! Что̀ мнѣ ей отвѣтить? Я отвѣчалъ искренно:

— Я? Я чего хочу? Я хочу прежде всего чтобы вамъ было хорошо и чтобы вы не могли на меня жаловаться. А насчетъ того будетъ ли у кого-нибудь вашъ мужъ драгоманомъ или нѣтъ, по правдѣ сказать, мнѣ все равно. Конечно, какъ-то лучше чтобъ онъ не служилъ ни у Вилартона, ни у Остеррейхера. Обманывать онъ едва ли ихъ

станетъ, а безъ обмана будетъ раздвоеніе, хотя, простите... и безъ вашего мужа наши главные интересы въ странѣ будутъ соблюдены. Я не знаю что думаетъ объ этомъ консулъ. Но еслибъ я былъ консуломъ, я не желалъ бы чтобъ онъ служилъ у Виллартона.

— Почему?

— Виллартонъ старается во всемъ намъ мѣшать. Пріятно ли будетъ вашему мужу служить намъ въ тиджаретѣ и обдѣлывать подъ нашимъ флагомъ свои личныя дѣла у Турокъ; а потомъ дѣлать съ Виллартономъ совсѣмъ другое — или насъ обманывать, или его.

— Скажите какой-нибудь примѣръ чтобъ я поняла, сказала она.

Я не долго затруднялся представить ей живой примѣръ. Я разказалъ ей исторію моего Ве́лико; объяснилъ ей что держать въ самомъ консульствѣ его было бы неудобно, такъ какъ тамъ бываетъ множество посѣтителей, и бѣглецъ, незаконно у насъ скрывшійся, можетъ быть легко узнанъ и поэтому онъ живетъ у меня пока я не управляю и многихъ принимать не обязанъ.

— Итакъ, сказалъ я ей,—вообразите себѣ что вашъ мужъ служитъ у Остеррейхера или у Виллартона. До нихъ доходятъ, положимъ, смутные слухи о какомъ-то молодомъ Болгаринѣ, скрытомъ у меня въ домѣ. Виллартонъ поручаетъ вашему мужу нарочно посѣщать меня почаще и вывѣдать истину. Онъ возбуждаетъ пашу протестовать; положимъ, мы, не стѣсняясь ничуть, отрекаемся, отвѣчаемъ даже очень дерзко на это, а сами тайкомъ отправляемъ Ве́лико куда-нибудь въ безопасное мѣсто. Все это такъ; мы его не выдадимъ. Но пріятно ли будетъ вашему мужу стать такимъ сыщикомъ, и противъ кого же? Противъ той Россіи которую *вы* такъ любите и которой протекціей онъ самъ желаетъ пользоваться? Къ тому же, вы знаете, Богатыревъ не сегодня, завтра уѣдетъ въ отпускъ чтобъ обвѣнчаться со своею невѣстой, и безъ него всѣ дѣла будутъ опять въ моихъ рукахъ. А мнѣ положительно было бы непріятно еслибы вашъ мужъ былъ драгоманомъ у Виллартона. Про австрійскаго консула я не говорю: къ нему онъ, вѣроятно, самъ не пойдетъ.

— Благодарю васъ, сказала Маша,—мнѣ больше ничего не нужно. Я постараюсь чтобы мой мужъ Виллартону не служилъ. Я докажу вамъ сейчасъ какъ я вамъ вѣрю!

Она вышла на минуту и воротилась съ небольшою запиской, которую и дала мнѣ прочесть.

Записка была отъ Виллартона къ ея мужу, на французскомъ языкѣ.

„Дорогой мой monsteur Антоніади,—Зайдите сегодня ко мнѣ попозднѣе. Я сообщу вамъ много интереснаго и къ тому же намъ необходимо рѣшить поскорѣе, будете ли вы у меня драгоманомъ или нѣтъ? То что̀ вы мнѣ говорили о множествѣ заботъ вашихъ и недостаткѣ времени, меня безпокоитъ. Я надѣюсь убѣдить васъ и положить конецъ вашимъ колебаніямъ. *Нѣтъ ли тутъ какихъ-нибудь враждебныхъ мнѣ вліяній?*

„Весь вашъ Виллартонъ.“

Я прочелъ записку, поблагодарилъ M-me Антоніади за такое довѣріе и взглянувъ на часы рѣшился съ ней разстаться, хотя это было мнѣ очень тяжело.

— Ну, прощайте, сказала она взявъ мою руку.—Когда жь мы увидимся?

Раздосадованный уже тѣмъ что надо еще разъ уходить, не дождавшись еще и на этотъ разъ прямаго, яснаго до грубости объясненія въ любви, я отвѣтилъ ей съ небольшимъ раздраженіемъ.

— Это странно что вы не хотите понять меня! Прикажите, и я буду ходить каждый день. Я не смѣю.

Машѣ мое раздраженіе понравилось.

Она опять вспомнила Фламмаріона и сказала:

— Надо все видѣть *въ розовомъ свѣтѣ*, „надо плавать въ розовой атмосферѣ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ...

Она остановилась.

— Что̀ вмѣстѣ съ тѣмъ..? Это мученье!

— И вмѣстѣ съ тѣмъ, помните: держать „ушки на макушкѣ“. Я все *понимаю*, не безпокойтесь. Пожалуста постарайтесь и вы понять все какъ должно.

— *Какъ должно?* Я не знаю.

— Поймете, поймете, настаивала она.—Да, я забыла вамъ сказать: мадамъ Чобанъ-Оглу, вы знаете, мнѣ сосѣдка. Я съ ней хочу подружиться; она очень неинтересна, бѣдная. Но она держитъ себя посвободнѣе другихъ здѣшнихъ дамъ. Мы будемъ съ ней часто можетъ-быть гулять по утрамъ въ Эски-Сарай и къ Михаль-Кёпрю. Имѣйте и это въ виду. А сюда ходить? Какъ вамъ сказать? Надо наградить ваше терпѣніе.

Я очень, очень вамъ за него благодарна. Ходите иногда разъ въ недѣлю, иногда два, всегда вечеромъ, а иногда *такъ, какъ сегодня*—до обѣда. Понимаете?

— Конечно, понимаю! воскликнулъ я.

— Я сказала вамъ что вы все поймете понемногу.

И опять пріостановившись на мигъ, она вдругъ испортила всю мою эгоистическую радость такого рода неожиданными словами:

— Поймете лучше и мужа моего и мои къ нему отношенія. Они не совсѣмъ такія какъ вы, кажется, думаете. Если я не ошибаюсь, они гораздо лучше! Ну, идите, идите теперь.

Я ушелъ опять смущенный и взволнованный, не зная радоваться ли мнѣ *чему-то* или огорчаться?

XIX.

Въ консульствѣ я засталъ Виллартона. Они оба съ Богатыревымъ сидѣли посреди большой залы у стола на качалкахъ и молча качались. Богатыревъ задумчиво вертѣлъ въ рукахъ какую-то записку, а лицо его было очень серіозно.

Виллартонъ, всегда очень подвижный и впечатлительный, быстро вскочилъ со своего мѣста чтобы поздороваться со мной и привѣтливо сказалъ:

— Что̀ съ вами? Васъ совсѣмъ не видно! Вы такъ давно и у меня не были.

Я замѣтилъ на лицѣ его, въ его выпуклыхъ и безпокойныхъ глазахъ какіе-то неопредѣленные, но очень знакомые мнѣ слѣды недавняго волненія.

Виллартонъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей у которыхъ при всѣхъ сильныхъ ощущеніяхъ къ глазамъ приливаетъ кровь и готовы даже навернуться слезы.

Вотъ нѣчто подобное я уловилъ на его лицѣ въ ту минуту какъ мы здоровались.

Я догадывался что между двумя прежде столь дружными, а теперь враждующими представителями Англіи и Россіи былъ предъ моимъ приходомъ какой-то тяжелый разговоръ. Я не ошибся.

Виллартонъ побылъ при мнѣ недолго. Онъ былъ все въ волненіи; вставалъ, садился, кидался на качалку, опрокидываясь назадъ и высоко поднимая ноги шутилъ со мной. Но

все не весело. И потомъ вдругъ надѣлъ шляпу и протягивая Богатыреву руку, сказалъ:

— Такъ до свиданія. До завтра? Я буду ждать!

Богатыревъ отвѣтилъ что-то глухо, очень глухо, едва привставая съ кресла, и оба сильно покраснѣли въ ту минуту.

Виллартонъ ушелъ, и Богатыревъ не потрудился даже проводить его до дверей.

— Ну что же, какое рѣшеніе вы принесли? спросилъ у меня консулъ когда мы остались одни.

— Мадамъ Антоніади берется повліять на мужа чтобъ онъ у Виллартона не служилъ. Она показала мнѣ записку Виллартона.

Я передалъ Богатыреву содержаніе записки и не забылъ, конечно, сказать „о враждебныхъ вліяніяхъ".

— Это хорошо, сказалъ хладнокровно консулъ,—вотъ и другая его же записка ко мнѣ. Прочтите.

Говоря это, онъ подалъ мнѣ ту бумажку которою онъ такъ долго молча игралъ.

Я читалъ съ изумленіемъ. Это былъ вопль о пощадѣ.

„Cher ami! писалъ Виллартонъ,— Я не знаю почему вы такъ перемѣнились ко мнѣ. Я теперь одинъ въ Адріанополѣ, безъ семьи: мнѣ очень грустно, а вы ко мнѣ вовсе не ходите."

Слѣдовали воспоминанія о прежнихъ дняхъ дружбы и веселости, при Ахметъ-Киритли-пашѣ, о домашнихъ спектакляхъ, словомъ о томъ веселомъ времени пировъ и умнаго дурачества, о которомъ такъ сожалѣлъ и Остеррейхеръ этимъ же самымъ утромъ въ разговорѣ со мной. Письмо кончалось убѣдительною просьбой отобѣдать завтра en tête-à-tête въ англійскомъ консульствѣ.

— Бѣдный Виллартонъ! сказалъ я возвращая записку.

Богатыревъ весело и безжалостно улыбнулся и сказалъ:

— Онъ тутъ сидѣлъ и почти плакалъ. Вотъ до чего онъ доведенъ. Il se sent complétement isolé; де-Щервиль ему не довѣряетъ; у Грековъ и Болгаръ здѣшнихъ онъ не популяренъ; хотя и ухаживаетъ за ними. Одинъ нашъ Михалаки сколько вреда ему дѣлаетъ въ христіанской общинѣ, онъ его лично за разныя прежнія шуточки и насмѣшки ненавидитъ. Остеррейхеръ тоже. Этому ужь одно то досадно что Виллартонъ лучше его жить умѣетъ и что мадамъ Виллартонъ никогда съ его Амаліей не могла быть дружна,—скучно съ нею.

— Все это хорошо, сказалъ я;—но неужели необходимо теперь совсѣмъ забросить его и не бывать у него вовсе и

всячески раздражать его? Вы можете дѣйствовать противъ него въ политикѣ, продолжая быть съ нимъ лично любезнымъ, если ему это пріятно.

— Нѣтъ, рѣшительно воскликнулъ Богатыревъ, вставая:— съ нимъ это невозможно. Развѣ вы не помните что тотчасъ по пріѣздѣ моемъ онъ началъ ежедневно съ утра ходить ко мнѣ и слѣдить за всѣмъ что я дѣлаю, много ли пишу, кого принимаю? Надо довести его до того чтобъ онъ отвадился отъ нашей двери и пересталъ бы за нами слѣдить!

И дѣйствительно я вспомнилъ одинъ случай на который я не обратилъ сначала большаго вниманія. У Богатырева былъ званый обѣдъ для однихъ только православныхъ. Это было одно изъ тѣхъ сборищъ посредствомъ которыхъ консулу удалось примирить и укрѣпить не такъ давно разстроенную и обезсиленную раздоромъ православную общину. Предсѣдалъ на этомъ пиру самъ митрополитъ Кириллъ; былъ греческій консулъ, перешедшій тогда на нашу сторону; были всѣ самые вліятельные и умѣренные по образу мыслей греческіе и болгарскіе старшины. Конечно, присутствіе всякаго иностраннаго консула было бы неумѣстнымъ на сборищѣ чисто-православнаго духа. Но Виллартону непремѣнно хотѣлось знать что у насъ дѣлается, и онъ, не приглашенный никѣмъ, подъ предлогомъ давней дружбы и фамиліарности съ Богатыревымъ, пришелъ въ консульство въ самый разгаръ пированія.

Обѣдъ былъ въ нижнемъ этажѣ, въ столовой; я сидѣлъ противъ стеклянной двери выходившей въ большія сѣни. Докторъ Чобанъ-оглу только-что всталъ съ бокаломъ, возбужденный, раскраснѣвшійся, пламенный, феска назадъ, и началъ такъ:

— Я пью за здоровье и долгоденствіе Русскаго Императора! Я пью за процвѣтаніе великой православной Россіи нашей. Я говорю *нашей*, потому что безъ нея всѣ мы, и Греки, и Болгары, и Сербы, и Молдовалахи, давно бы исчезли безъ слѣда и погибли бы подъ пятою враговъ. *Ура!*

Всѣ отвѣчали ему восторженнымъ крикомъ.

Въ эту самую минуту въ освѣщенныхъ сѣняхъ, за стеклянною дверью, явился Виллартонъ въ круглой шляпѣ. Онъ пріостановился какъ бы на одно мгновеніе и озираясь, почти бѣгомъ кинулся наверхъ по лѣстницѣ. Мы слышали его быстрые шаги по ступенькамъ. Всѣ переглянулись, кто въ смущеніи, кто съ улыбкой.

— Пускай его себѣ! сказалъ Богатыревъ и вставъ началъ еще громче чѣмъ Чобанъ-оглу говорить по-турецки

(такъ какъ по-гречески онъ не приготовленный не могъ говорить, а по-французски не всѣ понимали). Онъ провозгласилъ на турецкомъ языкѣ тостъ за единеніе и силу христіанской общины во Ѳракіи.

Когда обѣдъ кончился, Виллартона уже не было на верху. Онъ какъ-то прошелъ назадъ незамѣченнымъ.

Поступокъ этотъ, почти ребяческій и, конечно, агенту великой державы не совсѣмъ приличный, объяснялся чрезвычайно нетерпѣливымъ и безпокойнымъ нравомъ Виллартона. Онъ узналъ, вѣроятно, что у насъ пируютъ друзья Россіи, не утерпѣлъ чтобы не взглянуть, подъ предлогомъ того что всѣ привыкли его видѣть прежде безпрестанно въ русскомъ консульствѣ запросто; прибѣжалъ какъ будто нечаянно, увидалъ, услыхалъ кой-что и скрылся!

Все это такъ, но что же мнѣ дѣлать если даже эта выходка веселаго Англичанина болѣе забавляла чѣмъ возмущала меня?

— Вы правы можетъ-быть, замѣтилъ я Богатыреву.—Но я придалъ бы всему этому на вашемъ мѣстѣ другой оттѣнокъ. Общество Виллартона все-таки пріятно и самъ онъ такой все-таки славный малый, особенно здѣсь, гдѣ каждый день выносишь сношенія, и даже очень близкія, съ торговцами, подобными нашему Михалаки.

Богатыревъ разсердился:

— Я сколько разъ просилъ васъ о Михалаки при мнѣ худо не говорить, воскликнулъ онъ:—не только вы, но и я безъ него здѣсь бы ничего не значилъ. Нельзя...

Споръ нашъ былъ прерванъ слугой который позвалъ насъ обѣдать; у дверей столовой мы встрѣтились съ Михалаки. Онъ вошелъ въ нее вслѣдъ за нами и остался обѣдать. Лицо его сіяло.

— Eh bien? спросилъ его консулъ.

— Eh bien, повторилъ драгоманъ самодовольно и весело,—des succès, des succès et encore des succès!...

— Говорите, говорите...

— Антоніади радъ, Московъ-Самуилъ радъ. Пропагандѣ новый ударъ; десятаго гостя для пустаго мѣста нашелъ... Съ чего начать прикажете мой отчетъ?

— Съ гостя, съ десятаго гостя! весело закричалъ консулъ.

— Османъ-паша изъ города Эноса пріѣхалъ за инструкціями къ Вали-пашѣ. Un bon Turc, un vrai Turc! *старый*, такой какихъ намъ нужно. Ничего не понимаетъ. *Калдсъ*

Христіандсъ, какъ мы здѣсь говоримъ; я уже велѣлъ стороной предупредить его чтобы не уѣзжалъ; извините, я позволилъ себѣ сказать что вы завтра сдѣлаете ему визитъ.

— Непремѣнно, непремѣнно! благодарю васъ... Какой вы молодецъ, monsieur Михалаки, вы все умѣете сдѣлать. Ну дальше что?

— Теперь о пропагандѣ. На дняхъ пришелъ ко мнѣ Куру-Кафа *. Я пока молчалъ объ этомъ. Въ этомъ дѣлѣ было нѣчто щекотливое и потому я молчалъ и предпочелъ принять все на себя. Приходитъ ко мнѣ Куру-Кафа и говоритъ: „Есть еще у насъ въ Кирèчь-Ханѐ нѣсколько уніатскихъ семействъ. Они хоронили своихъ покойниковъ въ одномъ пустомъ мѣстѣ на которомъ былъ прежде, давно, виноградникъ одного Грека. Я задумалъ искоренить все это и предложилъ этому человѣку обратиться въ Порту съ прошеніемъ чтобы кости этихъ Болгаръ приказали перенести куда хотятъ. Земля его. Народъ у насъ, вы знаете, простой, скажутъ: нѣтъ, мы въ самомъ дѣлѣ вѣрно согрѣшили что стали уніатами, вотъ и кости нашихъ родителей повыкидали! И перейдутъ всѣ опять въ православіе.“ Это Куру-Кафа мнѣ все говоритъ и проситъ доложить вамъ.

— Чтò же вы ему на это сказали? спросилъ Богатыревъ.

Михалаки придалъ своему лицу особаго рода серіозный оттѣнокъ, который былъ намъ уже очень хорошо извѣстенъ. Оттѣнокъ этотъ означалъ: „теперь я притворяюсь. Поймите это!“ И мы понимали.

— Я сказалъ Куру-Кафѣ (продолжалъ Канкелларіо невинно) что консулу докладывать объ этомъ боюсь, что Русскіе не то чтò здѣшніе люди. Они очень всѣ религіозны и сочтутъ такое дѣло за поруганіе святыни... А надо какъ-нибудь иначе. Чтò жь, конечно, хозяинъ виноградника одно слово „хозяинъ“, имѣетъ право! Мѣшать этому нельзя.

— Ну и чтò жь?

— Кости выкинули, и уніаты были у митрополита и покаялись: возвратились въ православіе. Только непріятно то что отцовъ этихъ семействъ посадили теперь Турки въ тюрьму. Пропаганда платила за нихъ подати, и польскіе священники имѣютъ отъ нихъ расписки, какъ всегда. Ихъ представили, и

* Очень извѣстный въ свое время вождь Болгаръ-уніатовъ, возвратившійся потомъ въ православіе. Простой лавочникъ, но очень способный.

этотъ толстый Арифъ-Каймакамъ-паша посадилъ ихъ въ тюрьму. Надо ихъ выкупить. Мы съ докторомъ Чобанъ-оглу немного собрали. Но надо еще. Я увѣренъ что это все интриги Виллартона; онъ очень сближается съ Арифомъ и дѣйствуетъ даже въ пользу католиковъ чтобы только повредить православію и намъ.

— Вотъ видите! воскликнулъ Богатыревъ, обращаясь ко мнѣ.—Развѣ можно его щадить!.. Мы завтра же выкупимъ этихъ Болгаръ. Дайте знать имъ туда чтобъ они были покойны. Я самъ поѣду къ митрополиту и къ пашѣ. А сколько нужно еще денегъ?

— Не такъ много, отвѣчалъ Канкелларіо,—пять-шесть лиръ, не болѣе.

Богатыревъ тотчасъ же досталъ свой портмоне и положилъ золото предъ торжествующимъ драгоманомъ.

Послѣ этого Михалаки приступилъ къ отчету о своихъ свиданіяхъ съ Антоніади и Московъ-Самуиломъ.

— Самуилъ бѣдный очень радъ. Онъ въ восхищеніи отъ мысли что у него будетъ золотая медаль, тогда какъ даже у меня серебряная. Антоніади тоже кажется доволенъ. Впрочемъ о службѣ у Виллартона или у Остеррейхера я ему ничего не говорилъ. Я не былъ на то уполномоченъ.

Богатыревъ замѣтилъ что этимъ уже я занялся и что съ одной стороны мы кажется обезпечены. Потомъ онъ разказалъ ему о запискѣ и объ огорченіи англійскаго консула, и мнѣ опять стало жаль Виллартона и стало досадно зачѣмъ это Богатыревъ предаетъ уже до такой степени этого *джентльмена* на поруганіе... И кому же! Этому злому *хаму*?... Михалаки слушалъ съ умиленіемъ и потомъ обратясь ко мнѣ воскликнулъ;

— Des succès! Partout des succès?! N'est ce pas monsieur Ladnew? Я издали увидалъ васъ какъ вы поворачивали въ Кäсро и тогда же подумалъ: Антоніади нашъ!... И *тамъ*, вѣроятно, былъ успѣхъ...

Разсуждая теперь, черезъ столько лѣтъ, я думаю что слова Михалаки были очень просты и что въ нихъ не было ни малѣйшаго яду; но тогда, подъ вліяніемъ другихъ впечатлѣній, я прочелъ въ нихъ какую-то фамиліарность, какое-то поползновеніе на *что-то*, которое меня нѣсколько раздражило.

Я пожалъ только слегка плечами и молчалъ.

— Какъ! съ удивленіемъ спросилъ Михалаки:—вы не находите что у насъ во всемъ теперь успѣхъ и безпрестанныя,

хотя и небольшія, но очень важныя по своимъ послѣдствіямъ, побѣды?

Мнѣ захотѣлось сказать ему что-нибудь непріятное. Я всегда удивлялся какъ это можетъ Богатыревъ такъ тѣсно и неразрывно сливать въ поведеніи своемъ свои политическія сочувствія съ личными: про ненавистнаго Михалаки онъ даже и мнѣ, даже съ глазу на глазъ не давалъ сказать ничего худаго; а къ Виллартону, лично столь пріятному и доброму, онъ былъ безпощаденъ; я до сихъ поръ не знаю чему приписать это, крайней ли жесткости сердца и фальшивости Богатырева или чему-нибудь лучшему, иному—не знаю.

Я, разумѣется, понималъ что дѣйствовать по службѣ надо въ тѣсномъ союзѣ съ Михалаки противъ Виллартона; но зачѣмъ же быть *точно какъ бы въ самомъ дѣлѣ искреннимъ* въ своей дружбѣ къ политическому союзнику и въ отвращеніи къ политическому врагу? Мнѣ казалась такая односторонность всегда чѣмъ-то лишнимъ и чуть не глупымъ.

И на этотъ разъ мнѣ захотѣлось отравить хоть немного радость нашего гадкаго союзника, и на второй его вопросъ я отвѣчалъ такъ:

— Я согласенъ что удачъ много; но я нахожу что ругаться надъ могилами уніатовъ все-таки не слѣдовало. Ужь лучше просто бы пообѣщать что заплатятъ за нихъ подати. Какъ можно принимать на себя такую ужасную отвѣтственность изъ-за такихъ пустяковъ. Еслибы здѣшніе приматы какъ Болгары, такъ и Греки, претендующіе на образованность, имѣли болѣе искренности въ религіозномъ чувствѣ своемъ и не дѣлали бы тайкомъ всякихъ мерзостей, не обманывали бы народъ, такъ не нужно было бы прибѣгать ни къ какимъ „sacrilèges"... А то какой-нибудь *архонтъ* православный ѣстъ дома постное для дѣтей и прислуги и потомъ тихонько бѣжитъ въ локанду и жретъ тамъ мясо (Михалаки это дѣлалъ). Нѣтъ, это не только ужасно, это низко и мелко!.. И народъ не обманешь... Онъ остается вѣренъ своей святынѣ, но въ вождей своихъ онъ утрачиваетъ вѣру, и прямые пути обращенія и проповѣди теряютъ свою силу.

Я попалъ мѣтко... Михалаки покраснѣлъ и смутился; онъ отвѣчалъ довольно мягко:

— Меня это удивляетъ въ васъ, сказалъ онъ.—Конечно, я изъ деликатности долженъ былъ простому лавочнику Болгарину Куру-Кафѣ упомянуть о религіозности Русскихъ; но позвольте... Развѣ monsieur Ладневъ, человѣкъ столь начитанный

и ученый... философъ, можно сказать,—развѣ онъ можетъ вѣрить что *есть душа?* Что̀ такое это *душа?*

Я засмѣялся и возразилъ:

— Одинъ русскій писатель... Вы вѣдь здѣсь русскихъ писателей не знаете... Онъ описываетъ что у его отца былъ крѣпостной лакей, котораго посылали учиться фельдшерскому искусству. Онъ заболѣлъ, и когда отецъ писателя предложилъ ему причаститься, то онъ отвѣчалъ что не можетъ, потому что учился анатоміи и знаетъ что души нѣтъ! Теперь и я вамъ то же скажу что̀ и вы мнѣ: какъ это вы, господинъ Михалаки, человѣкъ умный, не стыдитесь говорить то же что̀ этотъ слуга?

Это уже было слишкомъ! Глаза Михалаки засверкали яростью: онъ поблѣднѣлъ теперь и взволнованнымъ голосомъ возразилъ совершенный вздоръ:

— Бываютъ *разныя философіи,* но мы здѣсь люди практическіе и безъ нихъ обходимся!

Богатыревъ былъ видимо ужасно недоволенъ мною за это. Онъ такъ дорожилъ своимъ незамѣнимымъ драгоманомъ! Онъ молча и нахмурившись ѣлъ пока мы говорили и потомъ возвысивъ тонъ почти до повелительности, обратился ко мнѣ *по-русски* (Михалаки по-русски не зналъ).

— Вы бы ужъ оставили это... Всякій имѣетъ право вѣрить или не вѣрить, какъ хочетъ...

— Оставилъ, оставилъ, сказалъ я улыбаясь.—Довольно съ васъ и этого.

— Напрасно, напрасно! прошепталъ Богатыревъ очень тихо и опять замолчалъ.

Обѣдъ нашъ, начавшійся такъ весело, кончился мрачно... Никому говорить не хотѣлось. Послѣ обѣда Михалаки ушелъ къ себѣ, поклонившись мнѣ очень почтительно, но издали; я спросилъ у консула: „Отправилъ ли онъ ко мнѣ на домъ тѣ бумаги которыя онъ приказывалъ давеча мнѣ переписать къ завтрашнему курьеру?“

— Отправилъ, глухимъ басомъ чуть слышно и вовсе не глядя на меня, отвѣчалъ Богатыревъ.

Я ушелъ къ себѣ домой, говоря про себя: много случилось сегодня такого о чемъ надо подумать!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

КНЯГИНЯ ЛИГОВСКАЯ

РОМАНЪ

НЕИЗДАННОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА. *

I.

Поди! поди! раздался крикъ.

Пушкинъ.

Въ 1833 году, декабря 21 дня, въ 4 часа пополудни, по Вознесенской улицѣ, какъ обыкновенно, валила толпа народа, и между прочимъ шелъ одинъ молодой чиновникъ. Замѣтьте день и часъ, потому что въ этотъ день и въ этотъ часъ случилось событіе отъ котораго тянется цѣль различныхъ приключеній постигшихъ всѣхъ моихъ героевъ и героинь, исторію которыхъ я обѣщался передать потомству, если потомство станетъ читать романы. Итакъ по Вознесенской шелъ

* Рукопись этого произведенія, озаглавленная *Княгиня Лиговская, романъ,* писанная вся рукою Лермонтова, доставлена въ редакцію *Русскаго Вѣстника* нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Нѣкоторыя обстоятельства замедлили его появленія въ печати. Произведеніе это представляетъ, повидимому, первый замыселъ того типа который въ послѣдствіи выведенъ авторомъ подъ наименованіемъ *Героя нашего времени.* Главное дѣйствующее лицо носитъ, какъ и тамъ, фамилію Печорина. Княгиня Лиговская настоящаго разказа есть Вѣра *Героя нашего времени. Прим. ред.*

одинъ молодой чиновникъ, и шелъ онъ изъ департамента утомленный однообразною работой и мечтая о наградѣ и вкусномъ обѣдѣ, ибо всѣ чиновники мечтаютъ. На немъ былъ картузъ неопредѣленной формы и синяя ваточная шинель со старымъ бобровымъ воротникомъ; черты лица его различить было трудно: причиною тому козырекъ, воротникъ и сумерки; казалось онъ не торопился домой, а наслаждался чистымъ воздухомъ морознаго вечера, разливавшаго сквозь зимнюю мглу розовые лучи свои по кровлямъ домовъ, соблазнительнымъ, блистательнымъ магазинамъ и кандитерскимъ. Порою поднявъ глаза къ верху съ истинно поэтическимъ умиленіемъ, сталкивался онъ съ какою-нибудь розовою шляпкой и смутившись извинялся. Коварная розовая шляпка сердилась, потомъ заглядывала ему подъ картузъ, и пройдя нѣсколько шаговъ оборачивалась, какъ будто ожидая вторичнаго извиненія—и напрасно! Молодой чиновникъ былъ совершенно недогадливъ!.. Но еще чаще онъ останавливался чтобы поглядѣть сквозь цѣльныя окна магазина или кандитерской блистающей чудными огнями и великолѣпною позолотой; долго, пристально, съ завистью разглядывалъ различные предметы, и опомнившись, съ глубокимъ вздохомъ и стоическою твердостью продолжалъ свой путь. Самые же ужасные мучители его были извощики, и онъ ненавидѣлъ извощиковъ.—Баринъ! куда изволите?—прикажете подавать?—подавать-съ? Это была пытка Тантала, и онъ въ душѣ глубоко ненавидѣлъ извощиковъ.

Спустясь съ Вознесенскаго моста и собираясь поворотить направо по канавѣ, вдругъ слышитъ онъ крикъ: берегись, поди!.. Прямо на него летѣлъ гнѣдой рысакъ; изъ-за кучера мелькалъ бѣлый султанъ, развѣвался воротникъ сѣрой шинели. Едва онъ успѣлъ поднять глаза, ужъ одна оглобля была противъ его груди, и паръ вылетавшій клубами изъ ноздрей бѣгуна обдалъ ему лицо; машинально онъ ухватился руками за оглоблю и въ тотъ же мигъ сильнымъ порывомъ лошади былъ отброшенъ нѣсколько шаговъ въ сторону на тротуаръ... Раздалось кругомъ: задавилъ, задавилъ. Извощики погнались за нарушителемъ порядка, но бѣлый султанъ только мелькнулъ у нихъ предъ глазами и былъ таковъ.

Когда чиновникъ очнулся, боли онъ нигдѣ не чувствовалъ, но колѣна у него тряслись еще отъ страха; онъ всталъ, облокотился на перила канавы, стараясь придти въ себя; горькія думы овладѣли его сердцемъ и съ этой минуты перенесъ онъ

всю ненависть къ какой онъ только былъ способенъ отъ извощиковъ на гнѣдыхъ рысаковъ и бѣлые султаны.

Между тѣмъ бѣлый султанъ и гнѣдой рысакъ пронеслись вдоль канавы, поворотили на Невскій, съ Невскаго на Караванную, оттуда на Семеновскій мостъ, потомъ направо по Фонтанкѣ, и тутъ остановились у богатаго подъѣзда, съ навѣсомъ и стеклянными дверьми, съ мѣдною блестящею отдѣлкой.

— Ну, сударь, сказалъ кучеръ, широкоплечій мужикъ съ окладистою рыжею бородой,—Васька нынче показалъ себя.

Надобно замѣтить что у кучеровъ любимая лошадь называется всегда Ваською. Даже вопреки желанію господъ, надѣляющихъ ее громкими именами Ахилла, Гектора, она все-таки будетъ для кучера не Ахиллъ и не Гекторъ, а Васька.

Офицеръ слѣзъ, потрепалъ дымящагося рысака по крутой шеѣ, улыбнулся ему признательно и взошелъ на блестящую лѣстницу; о раздавленномъ чиновникѣ не было и помину... Теперь, когда онъ снялъ шинель закиданную снѣгомъ и взошелъ въ свой кабинетъ, мы свободно можемъ пойти за нимъ и описать его наружность, къ несчастію вовсе не привлекательную: онъ былъ небольшаго роста, широкъ въ плечахъ и вообще нескладенъ; казался сильнаго сложенія, неспособнаго къ чувствительности и раздраженію; походка его была нѣсколько осторожна для кавалериста, жесты его были отрывисты, хотя часто онъ выказывалъ лѣнь и беззаботное равнодушіе, которое теперь въ модѣ и въ духѣ вѣка, если это не плеоназмъ. Но сквозь эту холодную кору прорывалась часто настоящая природа человѣка; видно было что онъ слѣдовалъ не всеобщей модѣ, а сжималъ свои чувства и мысли изъ недовѣрчивости или изъ гордости. Звуки его голоса были то густы, то рѣзки, смотря по вліянію текущей минуты; когда онъ хотѣлъ говорить пріятно, то начиналъ запинаться и вдругъ оканчивалъ ѣдкою шуткой, чтобы скрыть собственное смущеніе, и въ свѣтѣ утверждали что языкъ его золъ и опасенъ, ибо свѣтъ не терпитъ въ кругу своемъ ничего сильнаго, потрясающаго, ничего что̀ бы могло обличить характеръ и волю: свѣту нужны французскіе водевили и русская покорность чуждому мнѣнію.

Лицо моего героя, смуглое, неправильное, но полное выразительности, было бы любопытно для Лафатера и его послѣдователей: они прочли бы на немъ глубокіе слѣды прошедшаго и чудныя обѣщанія будущности; толпа же говорила

что въ его улыбкѣ, въ его странно блестящихъ глазахъ есть что-то. Въ заключеніе портрета скажу что онъ назывался Григорій Александровичъ Печоринъ, а между родными просто Жоржъ, на французскій ладъ, что притомъ ему было двадцать три года, и что у родителей его было три тысячи душъ въ Саратовской, Воронежской и Калужской губерніяхъ. Послѣднее я прибавляю чтобы немного скрасить его наружность, во мнѣніи строгихъ читателей. Виноватъ, забылъ включить что Жоржъ былъ единственный сынъ, не считая сестры, шестнадцатилѣтней дѣвочки, которая была очень недурна собою и по словамъ маменьки (папеньки ужь не было на свѣтѣ), не нуждалась въ приданомъ и могла занять высокую степень въ обществѣ, съ помощію Божіей, хорошенькаго личика и блестящаго воспитанія.

Григорій Александровичъ войдя въ свой кабинетъ повалился въ широкія кресла; лакей вошелъ и доложилъ ему что дескать барыня изволила уѣхать обѣдать въ гости, а сестра изволила ужь откушать. Я обѣдать не буду, былъ отвѣтъ: я завтракалъ.—Потомъ вошелъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ красной казачьей курткѣ, быстроглазый, бритый и съ виду большой плутъ, и подалъ не говоря ни слова визитную карточку: Печоринъ небрежно положилъ ее на столъ и спросилъ кто принесъ.

— Сюда нынче пріѣзжала молодая барыня съ мужемъ, отвѣчалъ Ѳедька,—и велѣли эту карточку подать Татьянѣ Петровнѣ (такъ называлась мать Печорина).

— Что̀ жь ты принесъ ее ко мнѣ?

— Да я думалъ что это все равно-съ! можетъ-быть вамъ угодно прочесть.

— То-есть тебѣ хочется узнать что̀ здѣсь написано?

— Да-съ, эти господа никогда еще у насъ не были.

— Я тебя слишкомъ избаловалъ, сказалъ Печоринъ строгимъ голосомъ.—Набей мнѣ трубку.

Но эта важная карточка видно имѣла свойство возбуждать любопытство. Долго Жоржъ не рѣшался перемѣнить удобнаго положенія на широкихъ креслахъ и протянуть руку къ столу; притомъ въ комнатѣ не было свѣчъ—она озарялась красноватымъ пламенемъ камина, а велѣть подать огня и лишиться очаровательныхъ эффектовъ каминнаго освѣщенія ему также не хотѣлось. Но любопытство превозмогло, онъ всталъ, взялъ карточку и съ какимъ-то непонятнымъ волненіемъ ожиданія поднесъ ее къ рѣшеткѣ камина. На ней было напечатано

готическими буквами: Князь Степанъ Степанычъ Лиговскій, съ княгиней. Онъ поблѣднѣлъ, вздрогнулъ, глаза его сверкнули, и карточка полетѣла въ каминъ. Минуты три ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ дѣлая разныя странныя движенія рукой, разныя восклицанія, то улыбаясь, то хмуря брови; наконецъ онъ остановился, схватилъ щипцы и бросился вытаскивать карточку изъ огня:—увы! одна ея половина превратилась въ прахъ, а другая свернулась, почернѣла, и на ней едва только можно было разобрать: *Степанъ Степ...* Печоринъ положилъ эти бренные остатки на столъ, сѣлъ опять въ свои кресла и закрылъ глаза руками, и хотя я очень хорошо читаю побужденія души на физіономіяхъ, но по этой именно причинѣ не могу никакъ разказать вамъ его мыслей. Въ такомъ положеніи сидѣлъ онъ четверть часа, и вдругъ ему послышался шорохъ, подобный легкимъ шагамъ, шуму платья или движенію листа бумаги. Хотя онъ не вѣрилъ привидѣніямъ, но вздрогнулъ, быстро поднялъ голову и увидѣлъ предъ собою въ сумракѣ что-то бѣлое, и казалось воздушное. Съ минуту онъ не зналъ на что подумать, такъ далеко были его мысли—если не отъ міра, то по крайней мѣрѣ отъ этой комнаты.

— Кто это? спросилъ онъ.

— Я! отвѣчалъ принужденный контральто, — и раздался звонкій женскій хохотъ.

— Варенька! какая ты шалунья.

— А ты спалъ! ужасно весело!..

— Я бы желалъ спать—оно покойнѣе!

— Это стыдъ! отчего намъ на балахъ, въ обществахъ, такъ скучно! Вы всѣ ищете спокойствія... Какіе любезные молодые люди!

— А позвольте спросить, возразилъ Жоржъ зѣвая,—изъ какихъ благъ мы обязаны забавлять васъ?

— Оттого что мы дамы.

— Поздравляю. Но вѣдь намъ безъ васъ не скучно...

— Я почему знаю!

— И что мы станемъ говорить между собою?

— Моды, новости, развѣ мало.

— Повѣряйте другъ другу ваши тайны.

— Какія тайны,—у меня нѣтъ тайнъ. Всѣ молодые люди такъ несносны.

— Бóльшая часть изъ нихъ не привыкли къ женскому обществу.

— Пускай привыкаютъ—они и этого не хотятъ попробовать!

Жоржъ важно всталъ и поклонился съ насмѣшливою улыбкой.

— Варвара Александровна, я замѣчаю что вы идете большими шагами въ храмъ просвѣщенія.

Варенька покраснѣла и надула розовыя губки, а братъ преспокойно опять опустился въ свое кресло. Между тѣмъ подали свѣчъ, и пока Варенька сердится и стучитъ пальчикомъ въ окно, я опишу вамъ комнату въ которой мы находимся. Она была вмѣстѣ и кабинетъ, и гостиная, и соединялась корридоромъ съ другою частью дома. Свѣтлоголубые французскіе обои покрывали стѣны; лоснящіяся дубовыя двери съ модными ручками и дубовыя рамы оконъ показывали въ хозяинѣ человѣка порядочнаго. Драпировка надъ окнами была въ китайскомъ вкусѣ, а вечеромъ или когда солнце ударяло въ стекла, опускались пунцовыя сторы,—противоположность рѣзкая съ цвѣтомъ горницы, но показывающая какую-то любовь къ странному, оригинальному. Противъ окна стоялъ письменный столъ, покрытый кипою картинокъ, бумагъ, книгъ, разныхъ видовъ чернильницъ и модныхъ мелочей, по одну его сторону стоялъ высокій густой трельяжъ, увитый непроницаемою сѣткой зеленаго плюща; по другую—кресла на которыхъ теперь сидѣлъ Жоржъ. На полу подъ нимъ разостланъ былъ широкій коверъ разрисованный пестрыми арабесками, другой персидскій коверъ висѣлъ на стѣнѣ находящейся противъ оконъ, и на немъ развѣшаны были пистолеты, два турецкія ружья, черкесскія шашки и кинжалы—подарки сослуживцевъ погулявшихъ когда-то за Балканомъ. На мраморномъ каминѣ стояли три алебастровыя каррикатуры Паганини, Иванова и Россини. Остальныя стѣны были голыя и вдоль по нимъ стояли широкіе диваны обитые шерстянымъ штофомъ пунцоваго цвѣта; одна единственная картина привлекала взоры, она висѣла надъ дверьми ведущими въ спальню; она изображала неизвѣстное мужское лицо писанное неизвѣстнымъ русскимъ художникомъ, человѣкомъ не знавшимъ своего генія и которому никто объ немъ не позаботился намекнуть. Картина эта была фантазія глубокая, мрачная. Лицо это было написано прямо безо всякаго искусственнаго наклоненія или оборота; свѣтъ падалъ сверху, платье было набросано грубо, темно и безотчетливо, казалось вся мысль художника сосредоточивалась въ глазахъ и улыбкѣ. Голова была больше натуральной величины. Волосы гладкіе упадали по обѣимъ сторонамъ лба, который кругло

и сильно выдавался и казалось имѣлъ въ устройствѣ своемъ что-то необыкновенное. Глаза устремленные впередъ блистали тѣмъ страшнымъ блескомъ которымъ иногда блещутъ живые глаза сквозь прорѣзи черной маски. Испытующій и укоризненный лучъ ихъ казалось слѣдовалъ за вами во всѣ углы комнаты, и улыбка, растягивая узкія и старыя губы, была болѣе презрительная чѣмъ насмѣшливая. Всякій разъ когда Жоржъ смотрѣлъ на эту голову онъ видѣлъ въ ней новое выраженіе; она сдѣлалась его собесѣдникомъ въ минуты одиночества и мечтанія, и онъ, какъ партизанъ Байрона, назвалъ ее портретомъ Мери. Товарищи которымъ онъ ее съ восторгомъ показывалъ, называли ее порядочною картинкой. Между тѣмъ, покуда я описывалъ кабинетъ, Варенька постепенно придвигалась къ столу, потомъ подошла ближе къ брату и сѣла противъ него на стулъ; въ ея голубыхъ глазахъ незамѣтно было ни даже искры минутнаго гнѣва, но она не знала чѣмъ возобновить разговоръ. Ей попалась подъ руки полусгорѣвшая визитная карточка.

— Чтò это такое? Степанъ Степ... А! это вѣрно нынче былъ князь Лиговскій!.. какъ бы я желала видѣть Вѣрочку замужемъ. Она была такая добрая... Я вчера слышала что они пріѣхали изъ Москвы... Кто же сжегъ эту карточку? Ее бы надо подать маменькѣ!

— Кажется я, отвѣчалъ Жоржъ, раскуривая трубку.

— Прекрасно! я бы желала чтобы Вѣрочка это узнала: ей было бы очень пріятно! Такъ-то сударь ваше сердце измѣнчиво! Я ей скажу, скажу, непремѣнно. Впрочемъ нѣтъ, теперь ей должно-быть все равно, она вѣдь замужемъ.

— Ты судишь очень здраво для твоихъ лѣтъ, отвѣчалъ ей братъ и зѣвнулъ не зная чтò прибавить.

— Для моихъ лѣтъ! чтò я за ребенокъ! маменька говоритъ что дѣвушка въ семнадцать лѣтъ такъ же благоразумна какъ мущина въ двадцать пять.

— Ты очень хорошо дѣлаешь что слушаешь маменьки.

Эта фраза, повидимому похожая на похвалу, показалась насмѣшкой; такимъ образомъ согласіе опять разстроилось и они замолчали. Мальчикъ вошелъ и принесъ записку: приглашеніе на балъ къ барону Р***.

— Какая тоска! воскликнулъ Жоржъ.—Надо ѣхать.

— Тамъ будетъ Mademoiselle Negouroff!.. возразила ироническимъ тономъ Варенька.—Она еще вчера о тебѣ спрашивала... Какіе у нея глаза, прелесть...

— Какъ угль въ горнилѣ раскаленный.

— Однако сознайся что глаза чудесные!

— Когда хвалятъ глаза, то это значитъ остальное никуда не годится.

— Смѣйся, а самъ неравнодушенъ.

— Положимъ.

— Я и это разкажу Вѣрочкѣ.

— Давно ли ты увѣряла что я для нея—все равно.

— Повѣрьте, я лучше этого говорю по-русски—я не монастырка.

— О! совсѣмъ нѣтъ, очень далеко...

Она покраснѣла и ушла.

Но я васъ долженъ предупредить что эта былъ на нихъ черный день: они обыкновенно жили очень дружно, и особенно Жоржъ любилъ сестру самою нѣжною братскою любовью.

Послѣдній намекъ на Mademoiselle Negouroff (такъ будемъ мы и называть въ послѣдствіи) заставилъ Печорина задуматься. Наконецъ неожиданная мысль прилетѣла къ нему свыше. Онъ придвинулъ чернильницу, вынулъ листъ почтовой бумаги и сталъ что-то писать. Покуда онъ писалъ самодовольная улыбка часто появлялась на лицѣ его, глаза искрились. Однимъ словомъ, ему было очень весело, какъ человѣку который выдумалъ что-нибудь необыкновенное. Кончивъ писать, онъ положилъ бумагу въ конвертъ и подписалъ: „Милостивой государынѣ Елизаветѣ Львовнѣ Негуровой въ собственныя руки“, потомъ кликнулъ Ѳедьку и велѣлъ ему отнесть на городскую почту, да чтобы никто изъ людей не видалъ. Маленькій Меркурій, гордясь великою довѣренностію господина, стрѣлой помчался въ лавочку, а Печоринъ велѣлъ закладывать сани и чрезъ полчаса уѣхалъ въ театръ. Однако въ этой поѣздкѣ ему не удалось задавить ни одного чиновника.

II.

Давали *Фенеллу* (4е представленіе). Въ узкой лазейкѣ ведущей къ кассѣ толпилась непроходимая куча народу. Печоринъ, который не имѣлъ еще билета и былъ нетерпѣливъ, адресовался къ одному театральному служителю продающему афиши. За 15 рублей досталъ онъ кресло во второмъ ряду съ

лѣвой стороны, и съ краю—важное преимущество для тѣхъ которые берегутъ свои ноги и ходятъ пить чай къ Фениксу. Когда Печоринъ вошелъ, увертюра еще не начиналась, и въ ложи не всѣ еще съѣхались. Между прочимъ прямо надъ нимъ въ бельэтажѣ сидѣли Негуровы, отецъ, мать и дочь. Дочка была бы недурна, еслибы блѣдность, худоба и старость, почти общій недостатокъ петербургскихъ дѣвушекъ, не затмѣвали блеска двухъ огромныхъ глазъ и не разрушали гармонію между чертами довольно правильными и остроумнымъ выраженіемъ. Она поклонилась Печорину довольно ласково и просіяла улыбкой.

Видно еще письмо не дошло по адресу, подумалъ онъ, и сталъ наводить лорнетъ на другія ложи. Въ нихъ онъ узналъ множество бальныхъ знакомыхъ съ которыми иногда кланялся, иногда нѣтъ, смотря по тому замѣчали его или нѣтъ. Онъ не оскорблялся равнодушіемъ свѣта къ нему, потому что оцѣнилъ свѣтъ въ настоящую его цѣну. Онъ зналъ что заставить говорить объ себѣ легко, но зналъ также что свѣтъ два раза сряду не занимается однимъ и тѣмъ же лицомъ; ему нужны новые кумиры, новыя моды, новые романы. Ветераны свѣтской славы, какъ и всѣ другіе ветераны, самыя жалкія созданія. Въ короткомъ обществѣ, гдѣ умный, разнообразный разговоръ замѣняетъ танцы (рауты въ сторону), гдѣ говорить можно обо всемъ не боясь цензуры тетушекъ, не встрѣчая черезчуръ строгихъ и неприступныхъ дѣвъ, въ такомъ кругу онъ могъ бы блистать и даже нравиться, потому что умъ и душа показываясь наружу придаютъ чертамъ жизнь, игру и заставляютъ забыть ихъ недостатки. Но такихъ обществъ у насъ въ Россіи мало, въ Петербургѣ еще меньше, вопреки тому что его называютъ совершенно европейскимъ городомъ и владыкой хорошаго тона. Замѣчу мимоходомъ что хорошій тонъ царствуетъ только тамъ гдѣ вы не услышите ничего лишняго.

Но увы, друзья мои, за то какъ мало вы тамъ и услышите!

На балахъ Печоринъ со своею невыгодною наружностью терялся въ толпѣ зрителей, былъ или печаленъ, или слишкомъ золъ, потому что самолюбіе его страдало. Танцуя рѣдко, онъ могъ разговаривать только съ тѣми дамами которыя сидѣли весь вечеръ у стѣнки, а съ этими-то онъ именно никогда не знакомился. У него прежде было занятіе—сатира. Стоя внѣ круга мазурки онъ разбиралъ танцующихъ, и его колкія

замѣчанія очень скоро расходились по залѣ и потомъ по городу. Но разъ какъ-то онъ подслушалъ въ мазуркѣ разговоръ одного длиннаго дипломата съ какою-то княжной. Дипломатъ подъ своимъ именемъ такъ и печаталъ всѣ его остроты, а княжна изъ одного приличія не хохотала во все горло. Печоринъ вспомнилъ что когда онъ говорилъ то же самое и гораздо лучше одной изъ бальныхъ нимфъ дня три тому назадъ, она только пожала плечами и не взяла на себя даже труда понять его. Съ этой минуты онъ сталъ въ обществѣ больше танцовать и рѣже говорить умно и даже ему показалось что его начали принимать съ бо́льшимъ удовольствіемъ. Однимъ словомъ, онъ началъ постигать что *по кореннымъ законамъ общества въ танцующемъ кавалерѣ ума не полагается.*

Загремѣла увертюра; все было полно, одна ложа, рядомъ съ ложей Негуровыхъ, оставалась пуста и часто привлекала любопытные взоры Печорина. Это ему казалось странно, и онъ желалъ бы очень наконецъ увидать людей которые пропустили увертюру.

Занавѣсъ взвился, и въ эту минуту застучали стулья въ пустой ложѣ; Печоринъ поднялъ голову, но могъ видѣть только пунцовый беретъ и круглую бѣлую божественную ручку съ божественнымъ лорнетомъ, небрежно упавшую на малиновый бархатъ ложи. Нѣсколько разъ онъ пробовалъ слѣдить за движеніями неизвѣстной чтобы разглядѣть хоть глазъ, хоть щечку. Напрасно! Разъ онъ такъ закинулъ голову назадъ что могъ бы видѣть лобъ и глаза, но какъ на зло ему огромная двойная трубка закрыла всю верхнюю часть лица. У него заболѣла шея, онъ разсердился и далъ себѣ слово не смотрѣть больше на эту проклятую ложу. Первый актъ кончился. Печоринъ всталъ и пошелъ съ нѣкоторыми изъ товарищей къ Фениксу, стараясь даже нечаянно не взглянуть на ложу.

Фениксъ—ресторація весьма примѣчательная по своему топографическому положенію въ отношеніи къ заднимъ подъѣздамъ Александринскаго театра. Бывало когда неуклюжіе рыдваны влекомые парой хромыхъ клячъ тѣснились возлѣ узкихъ дверей театра, и юныя нимфы окутанныя грубыми казенными платками прыгали на скрипучія подножки, толпа усастыхъ волокитъ, вооруженныхъ блестящими лорнетами и еще ярче блистающими взорами, толпилась на крыльцѣ твоемъ, о Фениксъ! Но скоро промчались эти буйные дни: и тамъ гдѣ мелькали прежде черные и бѣлые султаны, тамъ нынче чинно

прогуливаются трехъугольныя шляпы безъ султановъ; великій примѣръ переворотовъ судьбы человѣческой.

Печоринъ взошелъ къ Фениксу съ однимъ преображенскимъ и другимъ конно-артиллерійскимъ офицеромъ. Онъ велѣлъ подать чаю и сѣлъ съ ними подлѣ стола. Народу было много всякаго. За тѣмъ же столомъ гдѣ сидѣлъ Печоринъ, сидѣлъ также молодой человѣкъ во фракѣ, не совсѣмъ отлично одѣтый и курившій собственныя пахитосы, къ великому соблазну трактирныхъ служителей. Этотъ молодой человѣкъ былъ высокаго роста, блондинъ и удивительно хорошъ собою. Большіе темные голубые глаза, правильный носъ, похожій на носъ Аполлона Бельведерскаго, греческій овалъ лица и прелестные волосы завитые природой должны были обратить на него вниманіе каждаго. Однѣ губы его, слишкомъ тонкія и блѣдныя въ сравненіи съ живостію красокъ разлитыхъ по щекамъ, мнѣ бы не понравились. По мѣднымъ пуговицамъ съ гербами на его фракѣ можно было отгадать что онъ чиновникъ, какъ всѣ молодые люди во фракахъ въ Петербургѣ. Онъ сидѣлъ задумавшись и казалось не слушалъ разговора офицеровъ, которые шутили, смѣялись и разказывали анекдоты, запивая дымъ трубки сквернымъ чаемъ. Между прочимъ стали говорить о лошадяхъ. Одинъ артиллерійскій поручикъ хвастался своимъ рысакомъ. Начался споръ; Печоринъ à propos разказалъ какъ онъ сегодня у Вознесенскаго моста задавилъ какого-то франта и умчался отъ погони... Костюмъ франта въ измятомъ картузѣ былъ описанъ, его несчастное положеніе на тротуарѣ также. Смѣялись. Когда Печоринъ кончилъ, молодой человѣкъ во фракѣ всталъ и протянувъ руку чтобы взять шляпу со стола и сдернулъ на полъ подносъ съ чайникомъ и чашками. Движеніе было явно умышленное, всѣ глаза на него обратились, но взглядъ Печорина былъ дерзче и вопросительнѣе другихъ. Кровь кинулась въ лицо неизвѣстному господину, онъ стоялъ неподвиженъ и не извинялся. Молчаніе продолжалось съ минуту. Сдѣлался кружокъ, и всѣ предугадывали *исторію*. Вдругъ Печоринъ опять сѣлъ и громко кликнулъ служителя: что̀ стоитъ посуда? Ему сказали цѣну втрое дороже.

— Этотъ чиновникъ такъ былъ неловокъ что разбилъ ее, продолжалъ Жоржъ холодно,—вотъ деньги.

Онъ бросилъ деньги на столъ и прибавилъ:

— Скажи ему что теперь онъ можетъ отсюда уйти свободно.

Служитель при всѣхъ доложилъ съ почтеніемъ чиновнику что онъ все получилъ и просилъ на водку, но тотъ ничего не отвѣчая скрылся. Толпа хохотала ему во слѣдъ, офицеры смѣялись еще больше и хвалили товарища, который такъ славно отдѣлалъ противника не запутавшись между тѣмъ въ *исторію.* О! исторія у насъ вещь ужасная; благородно или низко вы поступили, правы или нѣтъ, могли избѣжать или не могли, но ваше имя замѣшано въ исторію... все равно, вы теряете все, расположеніе общества, карьеру, уваженіе друзей. Попасться въ исторію, ужаснѣе этого ничего не можетъ быть, какъ бы эта исторія ни кончилась. Частная извѣстность ужь есть острый ножъ для общества. Вы заставили объ себѣ говорить два дня, страдайте же двадцать лѣтъ за это. Судъ общаго мнѣнія, вездѣ ошибочный, производится однако у насъ совсѣмъ на другихъ основаніяхъ чѣмъ въ остальной Европѣ. Въ Англіи, напримѣръ, банкротство—безчестіе неизгладимое, достаточная причина для самоубійства; развратная шалость въ Германіи закрываетъ навсегда двери хорошаго общества (о Франціи я не говорю, въ одномъ Парижѣ больше разныхъ общихъ мнѣній чѣмъ въ цѣломъ свѣтѣ). А у насъ? Отъявленный взяточникъ принимается вездѣ очень хорошо: его оправдываютъ фразою: и! кто этого не дѣлаетъ!.. Трусъ обласканъ вездѣ потому что онъ смирный малый. А замѣшанный въ исторію! о! ему нѣтъ пощады. Маменьки говорятъ объ немъ: Богъ его знаетъ какой онъ человѣкъ; папеньки прибавляютъ: мерзавецъ...

Офицеры безъ новой тревоги допили свой чай и пошли; Печоринъ всталъ послѣ всѣхъ. На крыльцѣ кто-то его остановилъ за руку промолвивъ:—Я имѣю съ вами поговорить! По трепету руки онъ отгадалъ что это его давишній противникъ. Нечего дѣлать, не миновать исторіи.

— Извольте говорить, отвѣчалъ онъ небрежно.

— Только не здѣсь на морозѣ, пойдемте въ корридоръ театра возразилъ чиновникъ.

Они пошли молча.

Второй актъ уже начался, корридоры и широкія лѣстницы были пусты. На площадкѣ одной уединенной лѣстницы, едва освѣщенной далекою лампой, они остановились, и Печоринъ, сложивъ руки на груди, прислонясь къ желѣзнымъ периламъ и прищуривъ глаза, окинулъ взоромъ противника съ ногъ до головы и сказалъ:

— Я васъ слушаю!..

— Милостивый государь,—голосъ чиновника дрожалъ отъ ярости, жилы на лбу его надулись и губы поблѣднѣли:—милостивый государь, вы меня обидѣли! вы меня оскорбили смертельно.

— Это для меня не секретъ, отвѣчалъ Жоржъ,—и вы могли бы объясниться при всѣхъ. Я вамъ отвѣчалъ бы то же что теперь отвѣчу: когда жь угодно стрѣляться? ныньче? завтра? Я думаю что угадалъ ваше намѣреніе, по крайней мѣрѣ разбитіе чашекъ не было случайностью. Вы хотѣли съ чего-нибудь начать и начали очень остроумно, прибавилъ онъ насмѣшливо поклонившись.

— Милостивый государь, отвѣчалъ онъ задыхаясь,—вы едва меня сегодня не задавили; да, меня, который предъ вами и этимъ хвастаетесь, вамъ весело? А по какому праву? Потому что у васъ есть рысакъ, бѣлый султанъ, золотые эполеты? Развѣ я не такой же дворянинъ какъ вы? Я бѣденъ! Да, я бѣденъ! хожу пѣшкомъ. Конечно послѣ этого я не человѣкъ, не только дворянинъ! А! вамъ это весело!.. вы думали что я буду слушать смиренно дерзости потому что у меня нѣтъ денегъ которыя бы я могъ бросить на столъ... Нѣтъ, никогда, никогда, никогда я вамъ этого не прощу.

Въ эту минуту пламенѣвшее лицо его было прекрасно какъ буря. Печоринъ смотрѣлъ на него съ холоднымъ любопытствомъ и наконецъ сказалъ:

— Ваши разсужденія немножко длинны, назначьте часъ и разойдемтесь, вы такъ кричите что разбудите всѣхъ лакеевъ.

И точно нѣкоторые изъ нихъ спавшіе на барскихъ салопахъ въ коррридорѣ перваго яруса начали подымать головы.

— Какое дѣло мнѣ до нихъ, пускай весь міръ меня слушаетъ.

— Я не этого мнѣнія... Если угодно завтра въ восемь часовъ утра я васъ жду съ секундантомъ.

Печоринъ сказалъ свой адресъ.

— Драться! я васъ понимаю, на смерть драться... И вы думаете что я буду достаточно вознагражденъ когда всажу вамъ въ сердце свинцовый шарикъ... Прекрасное утѣшеніе! Нѣтъ, я бы желалъ чтобы вы жили вѣчно и чтобъ я могъ вѣчно мстить вамъ. Драться—нѣтъ; тутъ успѣхъ слишкомъ невѣренъ.

— Въ такомъ случаѣ ступайте домой, выпейте стаканъ воды и ложитесь спать, возразилъ Печоринъ пожавъ плечами. И хотѣлъ идти.

— Нѣтъ, постойте, сказалъ чиновникъ, придя нѣсколько въ себя:—и выслушайте меня!.. вы думаете я трусъ? какъ будто

храбрость не можетъ существовать безъ вывѣски шпоръ или эполетовъ? Повѣрьте что я меньше дорожу жизнью и будущностью чѣмъ вы? Моя жизнь горька, будущности у меня нѣтъ, я бѣденъ, такъ бѣденъ что хожу въ стулья. Я не могу разъ въ годъ бросить пять рублей для своего удовольствія, живу жалованьемъ, безъ друзей, безъ родныхъ. У меня одна мать старушка... Я все для нея: я ее провидѣніе и подпора; она для меня и друзья и семейство. Съ тѣхъ поръ какъ живу, я еще никого не любилъ кромѣ ея. Потерявъ меня, сударь, она либо умретъ отъ печали, либо умретъ съ голоду...

Онъ остановился, глаза его налились слезами и кровью.

— И вы думали что я съ вами буду драться?..

— Чего жь наконецъ вы отъ меня хотите? сказалъ Печоринъ нетерпѣливо.

— Я хотѣлъ васъ заставить раскаяться.

— Вы кажется забыли что не я началъ ссору.

— А развѣ задавить человѣка ничего, шутка, потѣха!

— Я вамъ обѣщаюсь высѣчь моего кучера...

— О! вы меня выведете изъ терпѣнія.

— Что жь? мы тогда будемъ стрѣляться!..

Чиновникъ не отвѣчалъ. Онъ закрылъ лицо руками, грудь его волновалась, въ его отрывистыхъ словахъ проглядывало отчаяніе. Казалось онъ рыдалъ и наконецъ онъ воскликнулъ:

— Нѣтъ не могу, не погублю ее... и убѣжалъ.

Печоринъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ ему во слѣдъ и пошелъ въ кресла. Второй актъ *Фенеллы* уже подходилъ къ концу. Артиллеристъ и преображенецъ сидѣвшіе съ другаго края не замѣтили его отсутствія.

III.

Почтенные читатели, вы всѣ видѣли сто разъ *Фенеллу*, вы всѣ съ громомъ вызывали Новицкую и Голланда, и поэтому я перескачу чрезъ остальные три акта и подыму свой занавѣсъ въ ту самую минуту какъ опустился занавѣсъ Александринскаго театра. Замѣчу только что Печоринъ мало занимался піесой, былъ разсѣянъ и забылъ даже объ интересной ложѣ на которую онъ далъ себѣ слово не смотрѣть.

Шумною и довольною толпой зрители спускались по извилистымъ лѣстницамъ къ подъѣзду. Внизу раздавался крикъ жандармовъ и лакеевъ. Дамы закутавшись и прижавшись къ

стѣнамъ и заслоняемыя медвѣжьими шубами мужей и папенекъ отъ дерзкихъ взоровъ молодежи дрожали отъ холоду и улыбались знакомымъ. Офицеры и штатскіе франты съ лорнетами ходили взадъ и впередъ, стучали, одни саблями и шпорами, другіе калошами. Дамы высокаго тона составляли особую группу на нижнихъ ступеняхъ парадной лѣстницы; смѣялись, говорили громко и наводили золотыя лорнетки на дамъ безъ тона, обыкновенныхъ русскихъ дворянокъ; и однѣ другимъ тайно завидовали: необыкновенныя красѣ обыкновенныхъ, обыкновенныя, увы! гордости и блеску необыкновенныхъ.

У тѣхъ и у другихъ были свои кавалеры; у первыхъ почтительные и важные, у вторыхъ услужливые и порой неловкіе. Въ серединѣ же тѣснился кружокъ людей не свѣтскихъ, не знакомыхъ ни съ тѣми ни съ другими, кружокъ зрителей. Купцы и простой народъ проходили другими дверями. Это была миніатюрная картина всего петербургскаго общества.

Печоринъ закутанный въ шинель и надвинувъ на глаза шляпу старался пробраться къ дверямъ. Онъ поравнялся съ Лизаветой Николаевной Негуровой; на выразительную улыбку отвѣчалъ сухимъ поклономъ и хотѣлъ продолжать свой путь, но былъ задержанъ слѣдующимъ вопросомъ:

— Отчего вы такъ серіозны, monsieur George? вы недовольны спектаклемъ.

— Напротивъ, я во все горло вызывалъ Голланда.

— Неправда ли что Новицкая очень мила?

— Ваша правда.

— Вы отъ нея въ восторгѣ?

— Я очень рѣдко бываю въ восторгѣ.

— Вы этимъ никого не ободряете, сказала она съ досадой и стараясь иронически улыбнуться.

— Я не знаю никого кто бы нуждался въ моемъ ободреніи, отвѣчалъ Печоринъ небрежно.—И притомъ восторгъ есть что-то такое дѣтское...

— Ваши мысли и слова удивительно подвержены перемѣнѣ... давно ли?

— Право...

Печоринъ не слушалъ. Его глаза старались проникнуть пеструю стѣну шубъ, салоповъ, шляпъ. Ему показалось что тамъ за колонной мелькнуло лицо ему знакомое, особенно

знакомое... Въ эту минуту жандармъ крикнулъ и долговязый лакей повторилъ за нимъ: карета князя Лиговскова.

Съ отчаянными усиліями разсталкивая толпу, Печоринъ бросился къ дверямъ. Предъ нимъ человѣка за четыре мелькнулъ розовый салопъ, шаркнули ботинки. Лакей подсадилъ розовый салопъ въ блестящій куле, потомъ вскарабкалась въ него медвѣжья шуба. Дверцы хлопнули. „На Морскую, пошелъ!“ Интересную карету замѣнила другая, можетъ-быть не менѣе интересная, только не для Печорина. Онъ стоялъ какъ вкопанный. Мучительная мысль смутила его мозгъ. Эта ложа на которую онъ далъ себѣ слово не смотрѣть... Княгиня сидѣла въ ней. Ея розовая ручька покоилась на малиновомъ бархатѣ. Ея глаза можетъ-быть часто покоились на немъ, а онъ даже и не подумалъ обернуться. Магнетическая сила взгляда любимой женщины не подѣйствовала на его бычачьи нервы. О бѣшенство! Онъ себѣ этого никогда не проститъ. Раздосадованный онъ пошелъ по тротуару, отыскалъ свои сани, разбудилъ толстаго кучера, который лежалъ свернувшись, покрытый медвѣжьею полостью, и отправился домой. А мы обратимся къ Лизаветѣ Николаевнѣ Негуровой и послѣдуемъ за ней.

Когда она сѣла въ карету, то отецъ ея началъ длинную диссертацію на счетъ молодыхъ людей нынѣшняго вѣка.

— Вотъ, напримѣръ, Печоринъ, говорилъ онъ,—нѣтъ того чтобъ искать во мнѣ или Катенькѣ (Катенька жена его, пятидесяти пяти лѣтъ). Нѣтъ, и смотрѣть не хочетъ. Бывало въ наше время: влюбится молодой человѣкъ, старается угодить родителямъ, всей роднѣ, а не то чтобы все по угламъ съ дочкой перешептываться, да глазки дѣлать... Что̀ это нынче — срамъ смотрѣть, и дѣвушки, и тѣ стали... Бывало слово лишнее услышутъ, покраснѣютъ, да и баста: ужь отъ нихъ не добьешься отвѣта. А ты, матушка, двадцати пяти лѣтъ дѣвка, такъ на шею и вѣшаешься. Замужъ захотѣлось.

Лизавета Николаевна хотѣла отвѣчать. Слезы навернулись у нея на глазахъ и она не могла произнесть ни слова. Катерина Ивановна за нее заступилась.

— Ужь ты всегда на нее нападаешь понапрасну. Что̀ жь дѣлать когда молодые люди не женятся. Надо самой не упускать случая. Печоринъ женихъ богатый, хорошей фамиліи; чѣмъ не мужъ? Вѣдь вѣкъ не сидѣть дома... слава Богу, что̀ мнѣ ея наряды-то сто̀ятъ, а ты свое: замужъ хочешь, замужъ хочешь. Да кабы замужъ не выходить, такъ что̀ бы было...

Эти разговоры повторялись въ томъ или другомъ видѣ всякій разъ когда мать, отецъ и дочь оставались втроемъ... дочь молчала, а что происходило въ ея сердцѣ въ эти минуты одинъ Богъ знаетъ.

Пріѣхали домой. Катерина Ивановна съ ворчливымъ супругомъ отправились въ свою комнату, а дочка въ свою. Родители ея принадлежали и къ старому и къ новому вѣку. Прежнія понятія, полузабытыя, полустертыя новыми впечатлѣніями жизни петербургской, вліяніемъ общества въ которомъ Николай Петровичъ по чину своему долженъ былъ находиться, проявлялись только въ минуты досады, или во время спора. Они казались ему сильнѣйшими аргументами, ибо онъ помнилъ ихъ грозное дѣйствіе на собственный умъ во дни его молодости. Катерина Ивановна была дама не глупая, по словамъ чиновниковъ служившихъ въ канцеляріи ея мужа, женщина хитрая и лукавая, во мнѣніи другихъ старухъ, добрая, довѣрчивая и слѣпая маменька для бальной молодежи... Истиннаго ея характера я еще не разгадалъ; описывая я только буду стараться соединить и выразить вмѣстѣ всѣ три вышесказанныя мнѣнія... И если выйдетъ портретъ похожъ, то обѣщаюсь идти пѣшкомъ въ Невскій монастырь слушать пѣвчихъ.

А Лизавета Николаевна... О! знакъ восклицанія... погодите. Теперь она вошла въ свою спальню и кликнула горничную Маѳушу, толстую, рябую дѣвицу... Дурной знакъ... я бы не желалъ чтобъ у моей жены или невѣсты была толстая и рябая горничная!... Терпѣть не могу толстыхъ и рябыхъ горничныхъ, съ головой вымазанною чухонскимъ масломъ или приглаженною квасомъ отъ котораго волосы слипаются и рыжѣютъ, съ руками шароховатыми какъ вчерашній рѣшетный хлѣбъ, съ сонными глазами и съ ногами хлопающими въ башмакахъ безъ ленточекъ, тяжелою походкой и (что всего хуже) четвероугольною таліей, облѣпленною пестрымъ домашнимъ платьемъ, которое внизу уже чѣмъ вверху... Такая горничная, сидя за работой въ задней комнатѣ порядочнаго дома подобно крокодилу подлѣ свѣтлаго американскаго колодца, такая горничная какъ сальное пятно проглядывающее сквозь свѣжіе узоры перекрашеннаго платья, приводитъ умъ въ печальное сомнѣніе насчетъ домашняго образа жизни господъ... О, любезные друзья, не дай Богъ вамъ влюбиться въ дѣвушку у которой такая горничная; если вы раздѣляете мои мнѣнія, то очарованіе ваше погибло навѣки.

Лизавета Николаевна велѣла горничной снять съ себя букли и башмаки, и расшнуровать корсетъ, а сама сѣвъ на постель сбросила небрежно головной уборъ на туалетъ. Черные ея волосы упали на плечи; но я не продолжаю описанія: никому не интересно любоваться поблекшими прелестями, худощавою ножкой, желтою шеей и сухими плечами на которыхъ обозначились красные рубцы отъ узкаго платья. Всякій вѣроятно на подобныя вещи довольно насмотрѣлся. Лизавета Николаевна легла въ постель, поставила возлѣ себя на столикъ свѣчу и раскрыла какой-то французскій романъ. Мароуша вышла, тишина воцарилась въ комнатѣ. Книга выпала изъ рукъ печальной дѣвушки. Она вздохнула и предалась размышленіямъ.

Конечно ни одна отцвѣтшая красавица не повѣряла мнѣ думъ и чувствъ волновавшихъ ея грудь послѣ длиннаго бала или вечеринки, когда въ одинокой своей комнатѣ она припоминала все свое прошедшее, пересчитывала всѣ любовныя объясненія которыя нѣкогда выслушивала съ притворною холодностію, притворною улыбкой или съ истиннымъ наслажденіемъ, и которыя не имѣли для нея другихъ слѣдствій кромѣ лишнихъ десяти строкъ въ альбомъ или мстительной эпиграмы отвергнутаго обожателя, брошенной мимоходомъ позади ея стула во время длинной мазурки. Но я догадываюсь что эти размышленія должны быть тяжелы, несносны для самолюбія и сердца, если оное налицо имѣется, ибо натуральная исторія нынче обогатилась новымъ классомъ очень милыхъ и красивыхъ существъ, именно классомъ женщинъ безъ сердца. Чтобы легче угадать о чемъ Лизавета Николаевна изволила думать, я принужденъ, къ моему великому сожалѣнію, разказать вамъ нѣкоторыя частности ея жизни, тѣмъ болѣе что для объясненія слѣдующихъ происшествій это необходимо. Она родилась въ Петербургѣ и никогда не выѣзжала изъ Петербурга. Правда, одинъ разъ на два мѣсяца въ Ревель, на воды... Но вы сами знаете что Ревель не Россія, и потому направленіе ея петербургскаго воспитанія не получило никакого измѣненія. У насъ, въ Россіи, нѣсколько вывелись изъ моды французскія мадамы, а въ Петербургѣ ихъ вовсе не держатъ. Англичанку нанять ея родители были не въ силахъ, Англичанки дороги. Нѣмку взять было также не ловко, Богъ знаетъ какая попадется: здѣсь такъ много всякихъ... Елизавета Николаевна осталась вовсе безъ мадамы. По-фран-

цузски она выучилась отъ маменьки, а больше отъ гостей; потому что съ самаго дѣтства она проводила дни свои въ гостиной, сидя возлѣ маменьки и слушая всякую всячину. Когда ей исполнилось тринадцать лѣтъ, взяли учителя по билетамъ. Въ годъ она кончила курсъ французскаго языка... и началось ее свѣтское воспитаніе. Въ комнатѣ ея стояла рояль, но никто не слыхалъ чтобъ она играла... Танцовать она выучилась на дѣтскихъ балахъ. Романы она начала читать какъ только перестала учить склады и читала ихъ удивительно скоро... Между тѣмъ отецъ ея получилъ порядочное наслѣдство, вслѣдъ за нимъ хорошее мѣсто—и сталъ жить открытѣе.... Пятнадцати лѣтъ ее стали вывозить выдавая за семнадцатилѣтнюю, и до двадцати пяти лѣтъ условный этотъ возрастъ не измѣнялся... Семнадцать лѣтъ точка замерзанія: они растягиваются сколько угодно, какъ резинныя помочи. Елизавета Николаевна была недурна и очень интересна: блѣдность и худоба интересны... потому что Француженки блѣдны, а Англичанки худощавы... Надобно замѣтить что прелесть блѣдности и худобы существуетъ только въ дамскомъ воображеніи и что здѣшніе мущины только изъ угожденія потакаютъ ихъ мнѣнію, чтобы чѣмъ-нибудь отклонить упреки въ невѣжливости и такъ-называемой „казармности“.

При первомъ вступленіи Елизаветы Николаевны на паркетъ гостиныхъ у нея нашлись поклонники... Это все были люди всегда апплодирующіе новому водевилю, скачущіе слушать новую пѣвицу, читающіе только новыя книги. Ихъ замѣнили другіе: эти волочились за нею чтобы возбудить ревность въ остывающей любовницѣ или чтобы кольнуть самолюбіе жестокой красоты. Послѣ этихъ явился третій родъ обожателей: люди которые влюблялись отъ нечего дѣлать, чтобы пріятнѣе провести вечеръ, ибо Елизавета Ивановна пріобрѣла навыкъ свѣтскаго разговора и была очень любезна, нѣсколько насмѣшлива, нѣсколько мечтательна... Нѣкоторые изъ этихъ волокитъ влюбились не на шутку и требовали ея руки: но ей хотѣлось попробовать лестную роль непреклонной... И къ тому же они всѣ были прескучные. Имъ отказали... Одинъ съ отчаянія долго былъ боленъ, другіе скоро утѣшились.... Между тѣмъ время шло. Она сдѣлалась опытною и бойкою дѣвой; смотрѣла на всѣхъ въ лорнетъ, обращалась очень смѣло, не краснѣла отъ двусмысленной рѣчи или взора, и вокругъ ее стали увиваться розовые юноши пробующіе свои силы въ

словесной перестрѣлкѣ и посвящавшіе ей первые свои опыты страстнаго краснорѣчія. Увы, на этихъ было еще меньше надежды, чѣмъ на всѣхъ прежнихъ. Она съ досадой и вмѣстѣ тайнымъ удовольствіемъ убивала ихъ надежды, останавливала ѣдкою насмѣшкой разливы краснорѣчія — и вскорѣ они увѣрились что она непобѣдимая и чудная женщина. Вздыхающій рой разлетается въ разныя стороны... и наконецъ для Елизаветы Николаевны наступилъ періодъ самый мучительный и опасный сердцу—отцвѣтающей женщины...

Она была въ тѣхъ лѣтахъ когда еще волочиться за нею было не совѣстно, а влюбиться въ нее стало трудно; въ тѣхъ лѣтахъ, когда какой-нибудь вѣтреный или безпечный франтъ не почитаетъ уже за грѣхъ увѣрять шутя въ глубокой страсти, чтобы послѣ, такъ для смѣху, скомпрометтировать дѣвушку въ глазахъ подругъ ея, думая этимъ придать себѣ болѣе вѣсу... увѣрить всѣхъ что она отъ него безъ памяти и стараться показать что онъ ее жалѣетъ, что онъ не знаетъ какъ отъ нея отдѣлаться; говорить ей нѣжности шепотомъ, а вслухъ колкости... Бѣдная, предчувствуя что это ея послѣдній обожатель, безъ любви, изъ одного самолюбія, старается удержать шалуна какъ можно долѣе у ногъ своихъ... Напрасно. Она болѣе и болѣе запутывается. И наконецъ... увы... за этимъ періодомъ остаются только мечты о мужѣ, какомъ-нибудь мужѣ... однѣ мечты.

Елизавета Николаевна вступила въ этотъ періодъ, но послѣдній ударъ нанесъ ей не безпечный шалунъ и не бездушный франтъ. Вотъ какъ это случилось.

Полтора года тому назадъ Печоринъ былъ еще въ свѣтѣ человѣкъ довольно новый. Ему надобно было, чтобы поддержать себя, пріобрѣсти то что нѣкоторые называютъ свѣтскою извѣстностію, то-есть прослыть человѣкомъ который можетъ дѣлать зло когда ему вздумается. Нѣсколько времени онъ напрасно искалъ себѣ пьедестала вставъ на который онъ бы могъ заставить толпу взглянуть на себя. Сдѣлаться любовникомъ извѣстной красавицы было бы слишкомъ трудно для начинающаго, а скомпрометтировать дѣвушку молодую и невинную, онъ бы не рѣшился. И потому онъ избралъ своимъ орудіемъ Лизавету Николаевну, которая не была ни то, ни другое. Какъ быть. Въ нашемъ бѣдномъ обществѣ фраза: онъ погубилъ столько-то репутацій, значитъ почти: онъ выигралъ столько-то сраженій.

Лизавета Николаевна и онъ были давно знакомы. Они кланялись. Составивъ планъ свой, Печоринъ отправился на одинъ балъ, гдѣ долженъ былъ съ нею встрѣтиться. Онъ наблюдалъ за нею пристально и замѣтилъ что никто ея не пригласилъ на мазурку: знакъ былъ поданъ музыкантамъ начинать, кавалеры шумѣли стульями устанавливая ихъ въ кружокъ. Лизавета Николаевна отправилась въ уборную чтобы скрыть свою досаду. Печоринъ дожидался ее у дверей. Когда она возвращалась въ залу, начиналась уже вторая фигура. Печоринъ торопливо подошелъ къ ней.

— Гдѣ вы скрывались, сказалъ онъ,—я искалъ васъ вездѣ, приготовилъ даже стулья, такъ я сильно надѣялся что вы мнѣ не откажете.

— Какъ вы самоувѣренны.

И неожиданное удовольствіе вспыхнуло въ ея глазахъ.

— Однакожъ вы меня не накажете слишкомъ строго за эту самоувѣренность?

Она не отвѣчала и послѣдовала за нимъ.

Разговоръ ихъ продолжался во время всего танца. Блистая шутками, эпиграммами, касаясь до всего, даже любовной метафизики. Печоринъ не щадилъ ни одной изъ ея молодыхъ и свѣжихъ соперницъ. За ужиномъ онъ сѣлъ возлѣ нея, разговоръ подвигался все далѣе и далѣе, такъ что наконецъ онъ чуть-чуть ей не сказалъ что обожаетъ ее до безумія (разумѣется двусмысленнымъ образомъ). Огромный шагъ былъ сдѣланъ, и онъ возвратился домой довольный своимъ вечеромъ.

Нѣсколько недѣль сряду послѣ этого они встрѣчались на разныхъ вечерахъ. Разумѣется онъ неутомимо искалъ этихъ встрѣчъ, а она по крайней мѣрѣ ихъ не избѣгала. Однимъ словомъ, онъ пошелъ по слѣдамъ древнихъ волокитъ и дѣйствовалъ по формѣ, классически. Скоро всѣ стали замѣчать ихъ постепенное влеченіе другъ къ другу, какъ явленіе новое и совершенно оригинальное въ нашемъ холодномъ обществѣ. Печоринъ избѣгалъ нескромныхъ вопросовъ, но за то дѣйствовалъ весьма откровенно. Лизавета Николаевна была также этимъ очень довольна, потому что надѣялась завлечь его дальше и дальше, и потомъ, какъ говорили наши матушки, женить его на себѣ. Ея родители, не имѣя еще объ немъ никакого мнѣнія, такъ безо всякихъ видовъ пригласили однакоже его посѣщать свой домъ, чтобъ узнать его короче. Многіе уже стали надъ нимъ подсмѣивать какъ надъ будущимъ женихомъ; добрые пріятели стали уговаривать его, отклонять

отъ безразсуднаго поступка который ему не входилъ и въ голову. Изъ этого всего онъ заключилъ что минута рѣшительнаго кризиса наступила.

Былъ блестящій балъ у барона ***. Печоринъ по обыкновенію танцовалъ первую кадриль съ Елизаветой Николаевной.

— Какъ хороша сегодня меньшая Р., замѣтила Елизавета Николаевна.

Печоринъ навелъ лорнетъ на молодую красавицу, долго смотрѣлъ молча и наконецъ отвѣчалъ:

— Да, она прекрасна. Съ какимъ вкусомъ перевиты эти пунцовые цвѣты въ ея густыхъ, русыхъ локонахъ. Я непремѣнно даю себѣ слово танцовать съ ней сегодня, именно потому что она вамъ нравится. Не правда ли, я очень догадливъ когда хочу вамъ сдѣлать удовольствіе.

— О, безъ сомнѣнія, вы очень любезны, отвѣчала она вспыхнувъ.

Въ эту минуту музыка остановилась, первая кадриль кончилась, и Печоринъ очень вѣжливо раскланялся. Остальную часть вечера онъ или танцовалъ съ Р. или стоялъ возлѣ ея стула, старался говорить какъ можно больше и казаться какъ можно довольнѣе, хотя, между нами, дѣвица Р. была очень проста и почти его не слушала, но такъ какъ онъ говорилъ очень много, то она заключила что Печоринъ кавалеръ очень любезный. Послѣ мазурки она подошла къ Елизаветѣ Николаевнѣ, и та ее спросила съ ироническою улыбкой:

— Какъ вамъ кажется вашъ постоянный нынѣшній кавалеръ?

— Il est tres aimable, отвѣчала Р.

Это былъ жестокій ударъ для Елизаветы Николаевны, которая почувствовала что лишается своего послѣдняго кавалера,—ибо остальные молодые люди, видя что Печоринъ занимается ею исключительно, совершенно ее оставили.

И точно, съ этого дня Печоринъ сталъ съ нею разсѣяннѣе, холоднѣе; явно старался ей дѣлать тѣ мелкія непріятности которыя замѣчаются всѣми и за которыя между тѣмъ невозможно требовать удовлетворенія. Говоря съ другими дѣвушками, онъ выражался о ней съ оскорбительнымъ сожалѣніемъ, тогда какъ она напротивъ вслѣдствіе плохаго разчета, желая кольнуть его самолюбіе, ловѣряла своимъ подругамъ подъ печатью строжайшей тайны свою чистѣйшую, искреннѣйшую любовь. Но напрасно. Онъ только наслаждался излишнимъ торжествомъ, а она, увѣряя другихъ, мало-по-малу сама

увѣрилась что его точно любитъ. Родители ея, болѣе проницательные въ качествѣ безпристрастныхъ зрителей, стали ее укорять, говоря: „Вотъ, матушка, цѣлый годъ пропустила даромъ, отказала жениху съ двадцатью тысячами доходу; правда что онъ старъ и въ параличѣ,—да что нынѣшніе молодые люди! Хорошъ твой Печоринъ, мы заранѣе знали что онъ на тебѣ не женится, да и мать не позволитъ ему жениться! Что жь вышло? Онъ же надъ тобой и насмѣхается.“

Разумѣется, подобныя слова не успокоятъ ни уязвленнаго самолюбія, ни обманутаго сердца. Лизавета Николаевна чувствовала ихъ истину, но эта истина была уже для нея не нова. Кто долго преслѣдовалъ какую-нибудь цѣль, много для нея пожертвовалъ, тому трудно отъ нея отступиться, а если къ этой цѣли примыкаютъ послѣднія надежды увядающей молодости, то невозможно. Въ такомъ положеніи мы оставили Лизавету Николаевну пріѣхавшую изъ театра, лежащую на постели съ книжкой въ рукахъ и съ мыслями бродящими въ минувшемъ и будущемъ.

Наскучивъ пробѣгать глазами десять разъ одну и ту же страницу, она нетерпѣливо бросила книгу на столикъ и вдругъ примѣтила письмо съ адресомъ на ея имя и со штемпелемъ городской почты.

Какое-то внутреннее чувство шептало ей не распечатывать таинственный конвертъ, но любопытство превозмогло, конвертъ сорванъ дрожащими руками, свѣча придвинута и глаза ея жадно пробѣгаютъ первыя строки. Письмо было написано примѣтно искаженнымъ почеркомъ, какъ будто боялись что самыя буквы измѣнятъ тайнѣ. Вмѣсто подписи имени внизу рисовалась какая-то египетская каракуля, очень похожая на пятна видимыя въ лунѣ, которымъ многіе простолюдины придаютъ какое-то символическое значеніе. Вотъ письмо отъ слова до слова:

„Милостивая Государыня, — Вы меня не знаете, я васъ знаю. Мы встрѣчаемся часто. Исторія вашей жизни также мнѣ знакома какъ моя записная книжка, а вы моего имени никогда не слыхали. Я принимаю въ васъ участіе именно потому что вы никогда на меня не обращали вниманія и притомъ я нынче очень доволенъ собою и намѣренъ сдѣлать доброе дѣло. Мнѣ извѣстно что Печоринъ вамъ нравится, что вы всячески думаете снова вожжечь въ немъ чувства которыя ему никогда не снились. Онъ съ вами пошутилъ.

Онъ недостоинъ васъ, онъ любитъ другую. Всѣ ваши старанія послужатъ только къ вашей гибели. Свѣтъ и такъ указываетъ на васъ пальцами. Скоро онъ совсѣмъ отъ васъ отворотится. Никакая личная выгода не заставила меня подавать вамъ такіе неосторожные и смѣлые совѣты, и чтобы вы болѣе убѣдились въ моемъ безкорыстіи, я клянусь вамъ что вы никогда не узнаете моего имени.

„Вслѣдствіе чего остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга“:

(*Каракуля*).

Отъ такого письма съ другою сдѣлалась бы истерика. Но ударъ, поразивъ Елизавету Николаевну въ глубину сердца, не подѣйствовалъ на ея нервы. Она только поблѣднѣла, торопливо сожгла письмо и сдула на полъ легкій его пепелъ. Потомъ она погасила свѣчу и обернулась къ стѣнѣ. Казалось она плакала, но такъ тихо, такъ тихо что еслибы вы стояли у ея изголовья, то подумали бы что она спитъ покойно и безмятежно.

На другой день она встала блѣднѣе обыкновеннаго, въ десять часовъ вышла въ гостиную, разливала сама чай по обыкновенію. Когда убрали со стола, отецъ ея уѣхалъ къ должности, мать сѣла за работу, она пошла въ свою комнату. Проходя черезъ залу ей встрѣтился лакей:

— Куда ты идешь? спросила она.

— Доложить-съ.

— О комъ?

— Вотъ тотъ-съ... офицеръ... Господинъ Печоринъ...

— Гдѣ онъ?

— У крыльца остановился.

Лизавета Николаевна покраснѣла, потомъ снова поблѣднѣла и потомъ отрывисто сказала лакею:

— Скажи ему что дома никого нѣтъ, и когда онъ еще пріѣдетъ, прибавила она какъ бы съ трудомъ выговаривая послѣднюю фразу,—то не принимать.

Лакей поклонился и ушелъ, а она опрометью бросилась въ свою комнату.

IV.

Получивъ такой рѣшительный отказъ, Печоринъ, какъ вы сами можете догадаться, не удивился: онъ приготовился къ такой развязкѣ и даже желалъ ее. Онъ отправился на Морскую. Сани его быстро скользили по сыпучему снѣгу; утро

было туманное и обѣщало близкую оттепель. Многіе жители Петербурга проведшіе дѣтство въ другомъ климатѣ подвержены странному вліянію здѣшняго неба. Какое-то печальное равнодушіе, подобное тому съ какимъ наше сѣверное солнце отворачивается отъ неблагодарной здѣшней земли, закрадывается въ душу, приводитъ въ оцѣпенѣніе всѣ жизненные органы. Въ эту минуту сердце неспособно къ энтузіазму, умъ къ размышленію. Въ подобномъ расположеніи находился Печоринъ. Неожиданный успѣхъ увѣнчалъ его легкомысленное предпріятіе, и онъ даже не обрадовался. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ былъ увидѣться съ женщиной которая была постоянною его мечтой въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, съ которою онъ былъ связанъ прошедшимъ, для которой былъ готовъ отдать свою будущность, и сердце его не трепетало отъ нетерпѣнія, страха, надежды. Какое-то болѣзненное замираніе, какая-то мутность и неподвижность мыслей, которыя подобно тяжелымъ обманамъ осаждали умъ его, предвѣщали одни близкую бурю душевную. Вспоминая прежнюю пылкость онъ внутренно досадовалъ на теперешнее свое спокойствіе.

Вотъ сани остановились предъ однимъ домомъ. Онъ вышелъ и взялся за ручку двери. Но прежде чѣмъ онъ отворилъ ее минувшее какъ сонъ проскользнуло въ его воображеніи и различныя чувства внезапно шумно пробудились въ душѣ его. Онъ самъ испугался громкаго біенія сердца своего, какъ пугаются сонные жители города при звукѣ ночнаго набата. Какія были его намѣренія, опасенія и надежды, извѣстно только Богу, но повидимому онъ готовъ былъ сдѣлать рѣшительный шагъ, дать новое направленіе своей жизни. Наконецъ дверь отворилась, и онъ медленно взошелъ по широкой лѣстницѣ. На вопросъ швейцара, кого ему угодно, онъ отвѣчалъ вопросомъ: дома ли княгиня Вѣра Дмитріевна?

— Князь Степанъ Степановичъ у себя-съ.

— А княгиня? повторилъ нетерпѣливо Печоринъ.

— Княгиня также-съ.

Печоринъ сказалъ швейцару свою фамилію, и тотъ пошелъ доложить.

Сквозь полураскрытую въ залу дверь Печоринъ бросилъ любопытный взглядъ, стараясь сколько-нубудь по убранству комнатъ угадать хотя слабый оттѣнокъ семейной жизни хозяевъ. Но, увы! въ столицѣ всѣ залы схожи между собою какъ

всѣ улыбки и привѣтствія. Одинъ только кабинетъ иногда можетъ разоблачить домашнія тайны. Но кабинетъ также непроницаемъ для постороннихъ посѣтителей какъ сердце. Однакоже краткій разговоръ со швейцаромъ позволилъ догадаться Печорину что главное лицо въ домѣ былъ князь. „Странно, подумалъ онъ, она вышла замужъ за стараго, непріятнаго и обыкновеннаго человѣка, вѣроятно для того чтобы дѣлать свою волю. И что же если я отгадалъ правду, если она добровольно перемѣнила одно рабство на другое, то какая же у нея была цѣль? Какая причина?... Но нѣтъ, любить она его не можетъ, за это я ручаюсь головой."

Въ эту минуту швейцаръ вошелъ и торжественно произнесъ:

— Пожалуйте, князь въ гостиной.

Медленными шагами Печоринъ прошелъ черезъ залъ. Взоръ его затуманился, кровь прилила къ сердцу, онъ чувствовалъ что поблѣднѣлъ когда перешелъ черезъ порогъ гостиной. Молодая женщина въ утреннемъ атласномъ капотѣ и блондовомъ чепцѣ сидѣла небрежно на диванѣ. Возлѣ нея на креслахъ въ мундирномъ фракѣ сидѣлъ какой-то толстый, лысый господинъ съ огромными глазами налитыми кровью и безконечно широкою улыбкой. У окна стоялъ другой, въ сюртукѣ, довольно сухощавый, съ волосами обстриженными подъ гребенку, съ обвислыми щеками и довольно неблагороднымъ выраженіемъ лица. Онъ просматривалъ газеты и даже не обернулся когда вошелъ молодой офицеръ. Это былъ самъ князь Степанъ Степановичъ. Молодая женщина поспѣшно встала, обратясь къ Печорину съ какимъ-то очень не яснымъ привѣтствіемъ; потомъ подошла къ князю и сказала ему:

— Mon ami, вотъ господинъ Печоринъ, онъ старинный знакомый нашего семейства... Monsieur Печоринъ, рекомендую вамъ своего мужа.

Князь бросилъ газеты на окно, раскланялся, хотѣлъ что-то сказать, но изъ устъ его вышли только отрывистыя слова:

— Конечно... мнѣ очень пріятно... семейство жены моей... что вы такъ любезны... Я поставилъ себѣ за долгъ... ваша матушка такая почтенная дама—я имѣлъ честь быть вчерась у нея съ женой.

— Матушка съ сестрой хотѣла сама быть у васъ сегодня, но она немного нездорова и поручила мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

Печоринъ самъ не зналъ что̀ говорилъ. Опомнившись и думая что онъ сказалъ глупость, онъ принялъ какой-то холодный, принужденный видъ. Княгинѣ показалось вѣроятно что этою фразой онъ хотѣлъ объяснить свой визитъ какъ будто бы невольный. Выраженіе лица ея также сдѣлалось принужденно. Она подозрѣвала намѣреніе упрекнуть. Щеки ея готовы были вспыхнуть, но она быстро отвернулась, сказала что-то толстому господину, тотъ захохоталъ и громко произнесъ: о, да! Потомъ она пригласила Печорина сѣсть, заняла сама прежнее мѣсто, а князь взялъ опять въ руки свои газеты.

Княгиня Вѣра Дмитріевна была женщина двадцати двухъ лѣтъ, средняго женскаго роста, блондинка, съ черными глазами, что̀ придавало лицу ея какую-то оригинальную прелесть и такимъ образомъ рѣзко отличая ее отъ другихъ женщинъ уничтожало сравненія которыя можетъ-быть были бы не въ ея пользу. Она была не красавица, хотя черты ея были довольно правильны. Овалъ лица совершенно аттическій и прозрачность кожи необыкновенная. Безпрерывная измѣнчивость ея физіономіи, повидимому несообразная съ чертами нѣсколько рѣзкими, мѣшала ей нравиться всѣмъ и нравиться во всякое время. Но за то человѣкъ привыкшій слѣдить эти мгновенныя перемѣны могъ бы открыть въ нихъ рѣдкую пылкость души и постоянную раздражительность нервъ, обѣщающую столько наслажденій догадливому любовнику. Ея станъ былъ гибокъ, движенія медленны, походка ровная. Видя ее въ первый разъ вы бы сказали, если вы опытный наблюдатель, что это женщина съ характеромъ твердымъ, рѣшительнымъ, холоднымъ, вѣрующая въ собственное убѣжденіе, готовая принесть счастіе въ жертву правиламъ, но не молвѣ. Увидавъ же ея въ минуту страсти и волненія вы сказали бы совсѣмъ другое или скорѣе не знали бы вовсе что̀ сказать.

Нѣсколько минутъ Печоринъ и она сидѣли другъ противъ друга въ молчаніи затруднительномъ для обоихъ. Толстый господинъ, который былъ по какому-то случаю баронъ, воспользовался этимъ промежуткомъ времени чтобъ объяснить подробно свои родственныя связи съ прусскимъ посланникомъ. Княгиня разными вопросами очень ловко заставляла барона еще болѣе растягивать рѣчь свою. Жоржъ, пристально устремивъ глаза на Вѣру Дмитріевну, старался, но тщетно, угадать ея тайныя мысли; онъ видѣлъ ясно что она не въ своей

тарелкѣ, озабочена, взволнована. Ея глаза то тускнѣли, то блистали; губы то улыбались, то сжимались, щеки краснѣли и блѣднѣли попеременно. Но какая причина этому безпокойству? Можетъ - быть домашняя сцена до него случившаяся, потому что князь явно былъ не въ духѣ; можетъ-быть радость и смущеніе воскресающей или только вновь пробуждающейся любви къ нему, можетъ-быть непріятное чувство при встрѣчѣ съ человѣкомъ который зналъ нѣкоторыя тайны ея жизни и сердца, который имѣлъ право и можетъ-быть готовъ былъ ее упрекнуть...

Печоринъ, не привыкшій толковать женскіе взгляды и чувства въ свою пользу, остановился на послѣднемъ предположеніи... Изъ гордости онъ рѣшился показать что подобно ей забылъ прошедшее и радуется ея счастью... Но невольно въ его словахъ звучало оскорбленное самолюбіе. Когда онъ заговорилъ, княгиня вдругъ отвернулась отъ барона... и тотъ остался съ отверзтымъ ртомъ, готовясь произнести самое важное и убѣдительнѣйшее заключеніе своихъ доказательствъ.

— Княгиня, сказалъ Жоржъ,—извините, я еще не поздравилъ васъ... съ княжескимъ... титуломъ!... Повѣрьте однако что я съ этимъ намѣреніемъ спѣшилъ имѣть счастіе васъ увидѣть... но когда взошелъ сюда, то происшедшая въ васъ перемѣна такъ меня поразила что признаюсь... забылъ долгъ вѣжливости...

— Я постарѣла, не правда ли, отвѣчала Вѣра наклонивъ головку къ правому плечу.

— О, вы шутите! Развѣ въ счастіи старѣютъ... напротивъ, вы пополнѣли, вы...

— Конечно я очень счастлива, прервала его княгиня.

— Это молва всеобщая; многія молодыя дѣвушки вамъ завидуютъ... Впрочемъ вы такъ благоразумны что не могли не сдѣлать такого достойнаго выбора... Весь свѣтъ восхищается любезностію, умомъ и талантами вашего супруга... (баронъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головой). Княгиня чуть-чуть не улыбнулась, потомъ вдругъ досада изобразилась на ея лицѣ.

— Я вамъ отплачу комплиментомъ за комплиментъ, monsieur Печоринъ... вы также перемѣнились къ лучшему.

— Какъ быть! время всесильно... даже наши одежды подобно намъ самимъ подвержены чуднымъ измѣненіямъ—вы теперь носите блондовый чепчикъ, я вмѣсто фрака московскаго недоросля или студентскаго сюртука ношу мундиръ съ

эполетами... Вѣроятно отъ этого я имѣю счастіе вамъ нравиться больше чѣмъ прежде... вы теперь такъ привыкли къ блеску!

Княгиня хотѣла отмстить за эпиграмму.

— Прекрасно! воскликнула она;—вы отгадали, и точно... намъ, бѣднымъ Москвитянкамъ, гвардейскій мундиръ истинная диковинка!

Она насмѣшливо улыбнулась, баронъ захохоталъ, и Печоринъ на него взбѣсился.

— У васъ такой усердный союзникъ, княгиня, сказалъ онъ,—что я долженъ признаться побѣжденнымъ. И я увѣренъ что баронъ при данномъ знакѣ готовъ меня сокрушить всею своею тяжестью.

Баронъ плохо понималъ по-русски, хотя родился въ Россіи; онъ захохоталъ пуще прежняго, думая что это комплиментъ относящійся къ нему вмѣстѣ съ Вѣрой Дмитріевной. Печоринъ пожалъ плечами, и разговоръ снова остановился. Къ счастію князь подошелъ, преважно держа въ рукѣ газеты:

— Вотъ это до тебя касается, сказалъ онъ женѣ;—новый магазинъ на дняхъ открытъ на Невскомъ. Я покажу вамъ,— сказалъ онъ обращаясь къ гостямъ,—петербургскій гостинецъ который я вчера купилъ женѣ: всѣ говорятъ что серьги самыя модныя, а жена говоритъ что нѣтъ. Какъ будутъ по вашему вкусу?

Онъ пошелъ въ другую комнату и принесъ серебряную коробочку. Часто повторяемое княземъ слово жена какъ-то грубо и непріятно отзывалось въ ушахъ Печорина. Онъ съ перваго слова узналъ въ князѣ человѣка не далекаго, а теперь убѣдился что онъ даже человѣкъ не свѣтскій. Серьги переходили изъ рукъ въ руки. Баронъ произнесъ надъ ними нѣсколько протяжныхъ восклицаній, Печоринъ послѣ него сталъ машинально ихъ разсматривать.

— А какъ вы думаете, спросилъ князь Степанъ Степановичъ, спрятавшись въ галстукъ и одною рукой вытаскивая накрахмаленный воротничокъ,—сколько я заплатилъ? отгадайте.

Серьги по большей мѣрѣ стоили 80 рублей, а были заплочены 75. Печоринъ нарочно сказалъ 50, это озадачило князя. Онъ ничего не отвѣчалъ, стыдясь сказать правду, и сѣлъ на канапе, очень немилостиво поглядывая на Печорина. Разговоръ сдѣлался общимъ размѣномъ городскихъ новостей,

московскихъ извѣстій. Князь, нѣсколько развеселившись, объявилъ женѣ откровенно что еслибы не тяжебное дѣло, то никакъ бы не оставилъ Москвы и Англійскаго клуба, прибавляя что здѣшній Англійскій клубъ ничто предъ московскимъ. Наконецъ Печоринъ всталъ, раскланялся и дошелъ уже до двери, какъ вдругъ княгиня вскочила со своего мѣста и убѣдительно просила его не позабыть поцѣловать за нее милую Вареньку сто разъ, тысячу разъ. Печорину хотѣлось ей замѣтить что онъ не можетъ передавать словесныхъ поцѣлуевъ, но ему было не до шутки, и онъ очень важно опять поклонился. Княгиня улыбнулась ему тою ничего не выражающею улыбкой которая разливается на устахъ танцовщицы оканчивающей пируэтъ.

Съ горькимъ предчувствіемъ онъ вышелъ изъ комнаты. Пройдя залу, обернулся, княгиня стояла въ дверяхъ, неподвижно смотрѣла ему во слѣдъ. Замѣтивъ его движеніе, она исчезла.

„Странно, подумалъ Печоринъ садясь въ сани, было время когда я читалъ на лицѣ ея всѣ движенія мысли также безошибочно какъ собственную рукопись, а теперь я ея не понимаю, совершенно не понимаю.“

V.

До девятнадцатилѣтняго возраста Печоринъ жилъ въ Москвѣ. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ таскался изъ одного пансіона въ другой и наконецъ увѣнчалъ свои странствованія вступленіемъ въ университетъ, согласно волѣ своей премудрой маменьки. Онъ получилъ такую охоту къ перемѣнѣ мѣстъ что еслибы жилъ въ Германіи, онъ сдѣлался бы странствующимъ студентомъ. Но скажите, ради Бога, какая есть возможность въ Россіи сдѣлаться бродягой повелителю трехъ тысячъ душъ и племяннику двадцати тысячъ московскихъ тетушекъ. Итакъ всѣ его путешествія ограничивались поѣздками, съ толпой такихъ же негодяевъ какъ онъ, въ Петровскій, въ Сокольники и въ Марьину рощу. Можно вообразить что они не брали съ собою тетрадей и книгъ,—чтобы не казаться педантами. Пріятели Печорина, которыхъ число было впрочемъ не очень велико, были все молодые люди, которые встрѣчались съ нимъ въ обществѣ, ибо и въ то время студенты были

почти единственными кавалерами московскихъ красавицъ, вздыхавшихъ невольно по эполетамъ и эксельбантамъ, не догадываясь что въ нашъ вѣкъ эти блестящія вывѣски утратили свое прежнее значеніе.

Печоринъ съ товарищами являлся также на всѣхъ гуляньяхъ. Держась подъ руки они прохаживались между вереницами каретъ, къ великому соблазну квартальныхъ. Встрѣтивъ одного изъ этихъ молодыхъ людей, можно было закрывши глаза держать пари что сейчасъ явятся и остальные. Въ Москвѣ, гдѣ прозванія еще въ модѣ, прозвали ихъ la bande joyeuse.

Приближалось для Печорина время экзамена. Онъ въ продолженіе года почти не ходилъ на лекціи и намѣревался теперь пожертвовать нѣсколько ночей наукѣ и однимъ прыжкомъ догнать товарищей. Вдругъ явилось обстоятельство которое помѣшало ему исполнить это геройское намѣреніе. У матери Печорина, Татьяны Петровны, бывали дѣтскіе вечера для маленькой дочери. На эти вечера съѣзжались и взрослыя барышни и переспѣлыя дѣвы жадныя до всякихъ возможныхъ вечеровъ. Дѣти ложились спать въ десять часовъ, ихъ смѣняли на паркетѣ большіе. На эти вечера являлись часто отецъ и дочь Р—вы. Они были старинные знакомые Татьяны Петровны и даже нѣсколько ей сродни. Дочь этого господина Р—ва называлась тогда просто Вѣрочкой. Жоржъ, привыкнувъ видѣться съ нею часто, не находилъ въ ней ничего особеннаго, она же избѣгала его разговора. Разъ собралась большая компанія ѣхать въ Симоновъ монастырь ко всенощной молиться, слушать пѣвчихъ и гулять. Это было весною; усѣлись въ длинныя линейки, запряженныя каждая въ шесть лошадей, и тронулись съ Арбата веселымъ караваномъ. Солнце склонялось къ Воробьевымъ Горамъ, и вечеръ былъ въ самомъ дѣлѣ прекрасенъ.

По какому-то случаю Жоржу пришлось сидѣть рядомъ съ Вѣрочкой. Онъ этимъ былъ сначала недоволенъ. Ея семнадцатилѣтняя свѣжесть и скромность казались ему вѣрными признаками холодности и черезчуръ приторной сердечной невинности: кто изъ насъ въ девятнадцать лѣтъ не бросался очертя голову во слѣдъ отцвѣтающей кокеткѣ, которыхъ слова и взгляды полны обѣщаній и души которыхъ подобны выкрашеннымъ гробамъ притчи. Наружность ихъ—блескъ очаровательный, внутри—смерть и прахъ.

Выѣхавъ уже за городъ, когда растворенный воздухъ вечера освѣжилъ веселыхъ путешественниковъ, Жоржъ разго-

ворился со своею сосѣдкой. Разговоръ ея былъ простъ, живъ и довольно свободенъ. Она была нѣсколько мечтательна, но не старалась этого выказывать, напротивъ стыдилась этого какъ слабости. Сужденія Жоржа въ то время были рѣзки, полны противорѣчій, хотя оригинальны какъ вообще сужденія молодыхъ людей воспитанныхъ въ Москвѣ и привыкшихъ безъ принужденія посторонняго развивать свои мысли.

Наконецъ пріѣхали въ монастырь. За всенощной ходили осматривать стѣны, кладбище, лазили на площадку западной башни, ту самую откуда въ древнія времена наши предки слѣдили движенія и послѣдній Новикъ открылъ такъ поздно имя свое и судьбу свою и свое изгнанническое имя. Жоржъ не отставалъ отъ Вѣрочки, потому что неловко было бъ уйти не кончивъ разговора, а разговоръ былъ такого рода что могъ продолжиться до безконечности. Онъ и продолжался все время всенощной, исключая тѣхъ минутъ когда дивный хоръ монаховъ и голосъ отца Виктора погружалъ ихъ въ безмолвное умиленіе. Но за то послѣ этихъ минутъ разгоряченное воображеніе и чувства взволнованныя звуками давали новую пищу для мыслей и словъ. Послѣ всенощной опять гуляли и возвратились въ городъ тѣмъ же порядкомъ очень поздно. Жоржъ весь слѣдующій день думалъ объ этомъ вечерѣ, потомъ поѣхалъ къ Р—вымъ чтобы поговорить объ немъ и передать свои впечатлѣнія той съ которою онъ ихъ раздѣлялъ. Визиты дѣлались чаще и продолжительнѣе. По короткости обоихъ домовъ они не могли обратить на себя никакого подозрѣнія; такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, и они убѣдились оба что влюблены другъ въ друга до безумія. Въ ихъ лѣта, когда страсть есть наслажденіе безъ примѣси заботъ, страха и раскаянія, очень легко убѣдиться во всемъ. У Жоржа была богатая тетушка которая въ той же степени была родня и Р—вымъ. Тетушка пригласила оба семейства погостить къ себѣ въ Подмосковную недѣли на двѣ; домъ у нея былъ огромный, сады большіе, однимъ словомъ всѣ удобства. Частыя прогулки сблизили еще болѣе Жоржа съ Вѣрочкой; несмотря на толпу мадамовъ и дѣтей тетушки, они какъ-то всегда находили средство быть вдвоемъ: средство впрочемъ очень легкое если обоимъ этого хочется.

Между тѣмъ въ университетѣ шелъ экзаменъ. Жоржъ туда и не явился. Разумѣется онъ не получилъ аттестата, но о будущемъ онъ не заботился и увѣрилъ мать что экзаменъ

отложенъ еще на три недѣли и что онъ все знаетъ. Вечернія прогулки имѣли необходимымъ слѣдствіемъ объясненіе, потомъ клятвы въ вѣрности. Наконецъ, когда двухнедѣльный срокъ кончился, надобно было возвращаться въ Москву. Накануне роковаго дня (это было вечеромъ) они стояли вдвоемъ на балконѣ. Какой-то невидимый демонъ сблизилъ ихъ руки и уста въ безмолвное пожатіе, въ безмолвный поцѣлуй... Они испугались самихъ себя; и хотя Жоржъ рано съ помощью товарищей вступилъ на соблазнительное поприще разврата, но чистая и невинная дѣвушка была еще для него святыней. На другой день, садясь въ экипажи, они раскланялись попрежнему очень учтиво, но Вѣрочка покраснѣла и глаза ея блистали.

Обманъ Жоржа открылся какъ скоро пріѣхали въ Москву. Отчаяніе Татьяны Дмитріевны было ужасно, брань ея неистощима. Жоржъ съ покорностью и молча выслушалъ все какъ стоикъ; но гроза невидимая сбиралась надъ нимъ. Въ комитетѣ дядюшекъ и тетушекъ было положено что его надобно отправить въ Петербургъ и отдать въ юнкерскую школу. Другаго спасенія они для него не видали. Тамъ, говорили они, его прошколятъ и выучатъ дисциплинѣ.

Въ это время открылась Польская кампанія. Вся молодежь спѣшила опредѣляться въ полки. Вступать въ школу было для Жоржа невыгодно, потому что юнкера 2го класса не должны были идти въ походъ. Онъ почти на колѣнахъ выпросилъ у матери позволеніе вступить въ Н..... гусарскій полкъ, стоявшій не далеко отъ Москвы. Послѣ многаго плаканья и оханья получилъ онъ ея благословеніе. Но самое трудное оставалось ему еще сдѣлать: надобно было объявить объ этомъ Вѣрочкѣ. Онъ былъ такъ еще невиненъ душой что боялся убить ее неожиданнымъ извѣстіемъ. Однакожь она выслушала его молча и устремила на него укоризненный взглядъ, не вѣря чтобы какія бы то ни было обстоятельства могли его заставить разлучиться съ нею. Клятва и обѣщанія ее успокоили.

Чрезъ нѣсколько дней Жоржъ пріѣхалъ къ Р—вымъ чтобъ окончательно проститься. Вѣрочка была очень блѣдна. Онъ посидѣлъ недолго въ гостиной, когда же вышелъ, то она, пробѣжавъ чрезъ другія двери, встрѣтила его въ залѣ. Она сама схватила его за руку, крѣпко ее сжала и произнесла невѣрнымъ голосомъ: „Я никогда не буду принадлежать другому“.

Бѣдная, она дрожала всѣмъ тѣломъ. Эти ощущенія для нея были такъ новы, она такъ боялась потерять друга, она такъ была увѣрена въ собственномъ сердцѣ. Напечатлѣвъ жаркій поцѣлуй на холодномъ дѣвственномъ челѣ ея, Жоржъ посадилъ ее на стулъ, опрометью сбѣжалъ съ лѣстницы и поскакалъ домой. Вечеромъ пришелъ лакей отъ Р—выхъ къ Татьянѣ Дмитріевнѣ просить стклянку съ какими-то каплями и спирту, потому что дескать барышня очень нездорова и раза три была безъ памяти. Это былъ ужасный ударъ для Жоржа. Онъ цѣлую ночь не спалъ, чѣмъ свѣтъ сѣлъ въ дорожную коляску и отправился въ свой полкъ.

До сихъ поръ, любезные читатели, вы видѣли что любовь моихъ героевъ не выходила изъ общихъ правилъ всѣхъ романовъ и всякой начинающейся любви. Но за то въ послѣдствіи, о! въ послѣдствіи вы увидите и услышите чудныя вещи.

Печоринъ въ продолженіе кампаніи отличался какъ отличается всякій русскій кавалеръ, дрался храбро какъ всякій русскій солдатъ, любезничалъ со многими паннами, но минуты послѣдняго разставанья и милый образъ Вѣрочки постоянно тревожили его воображеніе. Чудное дѣло! Онъ уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ ее забыть, а вышло наоборотъ (что̀ почти всегда и выходитъ въ такихъ случаяхъ). Впрочемъ Печоринъ имѣлъ самый несчастный нравъ: впечатлѣнія сначала легкія постепенно врѣзывались въ его умъ все глубже и глубже, такъ что въ послѣдствіи эта любовь пріобрѣла надъ его сердцемъ право давности, священнѣйшее изо всѣхъ правъ человѣчества.

Послѣ взятія Варшавы, онъ былъ переведенъ въ гвардію. Мать его съ сестрой переѣхали жить въ Петербургъ, Варенька привезла ему поклонъ отъ своей милой Вѣрочки, какъ она ее называла,—ничего больше какъ поклонъ. Печорина это огорчило—онъ тогда еще не понималъ женщинъ. Тайная досада была одна изъ причинъ по которымъ онъ сталъ волочиться за Елизаветой Николаевной. Слухи объ этомъ вѣроятно дошли до Вѣрочки. Чрезъ полтора года онъ узналъ что она вышла замужъ, черезъ два года пріѣхала въ Петербургъ уже не Вѣрочка, а княгиня Лиговская съ княземъ Степаномъ Степановичемъ.

Тутъ кажется мы остановились въ предыдущей главѣ.

VI.

Дни черезъ три послѣ того какъ Печоринъ былъ у князя, Татьяна Дмитріевна пригласила нѣсколько человѣкъ знакомыхъ и родныхъ отобѣдать. Степанъ Степановичъ съ подругой былъ разумѣется въ ихъ числѣ.

Печоринъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и хотѣлъ уже одѣваться чтобы выйти въ гостиную когда вошелъ къ нему артиллерійскій офицеръ.

— А, Браницкій, воскликнулъ Печоринъ, — я очень радъ что ты такъ кстати заѣхалъ, ты непремѣнно будешь у насъ обѣдать. Вообрази, у насъ нынѣ полонъ домъ молодыхъ дѣвушекъ, и я одинъ отданъ имъ на жертву. Ты всѣхъ ихъ знаешь, сдѣлай одолженіе останься обѣдать!

— Ты такъ убѣдительно просишь, отвѣчалъ Браницкій,— какъ будто предчувствуешь отказъ.

— Нѣтъ, ты не смѣешь отказаться, сказалъ Печоринъ.

Онъ кликнулъ человѣка и велѣлъ отпустить сани Браницкаго домой.

Дальнѣйшій разговоръ ихъ я не передаю, потому что онъ былъ безсвязенъ и пустъ, какъ разговоры всѣхъ молодыхъ людей которымъ нечего дѣлать. И въ самомъ дѣлѣ, скажите о чемъ могутъ говорить молодые люди? Запасъ новостей скоро истощается, въ политику благоразуміе мѣшаетъ пускаться, о службѣ и такъ слишкомъ много толкуютъ на службѣ, а женщины въ нашъ варварскій вѣкъ утратили въ половину прежнее всеобщее свое вліяніе. Влюбиться кажется уже стыдно, говорить объ этомъ смѣшно.

Когда нѣсколько гостей съѣхалось, Печоринъ и Браницкій вошли въ гостиную. Тамъ на трехъ столахъ играли въ вистъ. Покуда маменьки считали козыри, дочки, усѣвшись вкругъ небольшаго столика, разговаривали о послѣднемъ балѣ, о новыхъ модахъ. Офицеры подошли къ нимъ, Браницкій искусно оживилъ непринужденною болтовней ихъ небольшой кружокъ. Печоринъ былъ разсѣянъ. Онъ давно замѣчалъ что Браницкій ухаживалъ за его сестрой и, не входя въ разсмотрѣніе дальнѣйшихъ слѣдствій, не тревожилъ пріятеля наблюденіемъ, а сестру нескромными вопросами. Варенькѣ казалось очень пріятно что такой ловкій молодой человѣкъ примѣтно отличаетъ ее отъ другихъ, ее, которая даже еще не выѣзжаетъ.

Мало-по-малу гости съѣзжались. Князь Лиговской и княгиня пріѣхали одни изъ послѣднихъ. Варенька бросилась навстрѣчу своей старой пріятельницѣ, княгиня поцѣловала ее съ видомъ покровительства. Вскорѣ сѣли за столъ.

Столовая была роскошно убранная комната, увѣшенная картинами въ огромныхъ золотыхъ рамахъ. Ихъ темная и старинная живопись находилась въ рѣзкой противоположности съ украшеніями комнатъ, легкими, какъ все что въ новѣйшемъ вкусѣ. Дѣйствующія лица этихъ картинъ были одни полунагія, другія живописно завернутыя въ греческія мантіи или одѣтыя въ испанскіе костюмы въ широкополыхъ шляпахъ съ перьями, съ прорѣзными рукавами, пышными манжетами. Брошенныя на этотъ холстъ рукой художника въ самыя блестящія минуты ихъ миѳологической или феодальной жизни, казалось строго смотрѣли на дѣйствующихъ лицъ этой комнаты, озаренныхъ сотней свѣчъ, не помышляющихъ о будущемъ, еще менѣе о прошедшемъ, съѣхавшихся на пышный обѣдъ не столько для того чтобы насладиться дарами роскоши, но чтобъ удовлетворить тщеславію ума, тщеславію богатства, другіе изъ любопытства, изъ приличія или для какихъ-либо другихъ сокровенныхъ цѣлей. Въ одеждѣ этихъ людей, такъ чинно сидѣвшихъ вокругъ длиннаго стола уставленнаго серебромъ и фарфоромъ, также какъ въ ихъ понятіяхъ были перемѣшаны всѣ вѣка. Въ одеждахъ ихъ встрѣчались глубочайшая древность съ самою послѣднею выдумкой парижской модистки, греческія прически увитыя гирляндами изъ поддѣльныхъ цвѣтовъ, готическія серьги, еврейскіе тюрбаны, далѣе волосы вздернутые къ верху à la chinoise, букли à la Sevigné, пышныя платья на подобіе фижмъ, рукава чрезвычайно широкіе или чрезвычайно узкіе. У мущинъ прически à la jeune France, à la Russe, à la moyen âge, à la Titus, гладкіе подбородки, усы, эспаньелки, бакенбарды и даже бороды. Кстати было бы тутъ привести стихъ Пушкина: „какая смѣсь одеждъ и лицъ“! Понятія же этого общества были такая путаница которую я не берусь объяснить.

Печорину пришлось сидѣть наискось противу княгини Вѣры Дмитріевны. Сосѣдъ его по лѣвую руку былъ какой-то рыжій господинъ увѣшанный крестами, который ѣздилъ къ нимъ въ домъ только на званые обѣды, по правую же сторону Печорина сидѣла дама лѣтъ тридцати, чрезвычайно свѣжая и моложавая, въ малиновомъ токѣ съ перьями и съ гордымъ

видомъ, потому что она слыла неприступною добродѣтелью. Изъ этого мы видимъ что Печоринъ какъ хозяинъ избралъ самое дурное мѣсто за столомъ.

Возлѣ Вѣры Дмитріевны сидѣла по одну сторону старушка разряженная какъ кукла, съ сѣдыми бровями и черными буклями; по другую дипломатъ, длинный и блѣдный, причесанный à la Russe и говорившій по-русски хуже всякаго Француза. Послѣ втораго блюда разговоръ началъ оживляться.

— Такъ какъ вы недавно въ Петербургѣ, говорилъ дипломатъ княгинѣ,—то вѣроятно не успѣли еще вкусить и постигнуть всѣ прелести здѣшней жизни. Эти зданія, которыя съ перваго взгляда васъ только удивляютъ какъ все великое, со временемъ сдѣлаются для васъ безцѣнны, когда вы вспомните что здѣсь развилось и выросло наше просвѣщеніе и когда увидите что оно въ нихъ усиливается легко и пріятно. Всякій Русскій долженъ любить Петербургъ: здѣсь все что есть лучшаго русской молодежи какъ бы нарочно собралось чтобы подать дружескую руку Европѣ. Москва только великолѣпный памятникъ, пышная и безмолвная гробница минувшаго; здѣсь жизнь, здѣсь наши надежды.

Такъ высокопарно и мудрено говорилъ худощавый дипломатъ, который имѣлъ претензію быть великимъ патріотомъ. Княгиня улыбнулась и отвѣчала разсѣянно.

— Можетъ-быть современемъ я полюблю и Петербургъ, но мы, женщины, такъ легко предаемся привычкамъ сердца и такъ мало думаемъ къ сожалѣнію о всеобщемъ просвѣщеніи, о славѣ государствъ! Я люблю Москву. Съ воспоминаніемъ о ней связана память о томъ счастливомъ времени! А здѣсь, здѣсь все такъ холодно, такъ мертво. О, это не мое мнѣніе: это мнѣніе здѣшнихъ жителей. Говорятъ что въѣхавъ разъ въ Петербургскую заставу люди мѣняются совершенно...

Эти слова она сказала улыбаясь дипломату и взглянувъ на Печорина. Дипломатъ взбѣленился:

— Какія ужасныя клеветы про нашъ милый городъ, воскликнулъ онъ,—а все это старая сплетница Москва которая изъ зависти клевещетъ на молодую свою соперницу.

При словѣ старая сплетница разряженная старушка затрясла головой и чуть-чуть не подавилась спаржей.

— Чтобы рѣшить нашъ споръ, продолжалъ дипломатъ,—выберемте посредника, княгиня: вотъ хоть Григорія Александро-

вича, онъ очень прилежно слушалъ нашъ разговоръ. Какъ вы думаете объ этомъ, monsieur Печоринъ? скажите по совѣсти и не принесите меня въ жертву учтивости. Вы одобряете мой выборъ, княгиня?

— Вы выбрали судью довольно строгаго, отвѣчала она.

— Какъ быть, нашъ братъ всегда наблюдаетъ свои выгоды, возразилъ дипломатъ съ самодовольною улыбкой.—Monsieur Печоринъ, извольте же рѣшить.

— Мнѣ очень жаль, сказалъ Печоринъ,—что вы ошиблись въ своемъ выборѣ. Изо всего вашего спора я слышалъ только то что сказала княгиня.

Лицо дипломата вытянулось.

— Однакожь, сказалъ онъ,—Москвѣ или Петербургу отдадите вы преимущество?

— Москва моя родина, отвѣчалъ Печоринъ, стараясь отдѣлаться.

— Однакожь которая?... Дипломатъ настаивалъ съ упрямствомъ.

— Я думаю, прервалъ его Печоринъ,—что ни зданія, ни просвѣщеніе, ни старина не имѣютъ вліянія на счастіе и веселость. А мѣняются люди за Петербургскою заставой и за московскимъ шлагбаумомъ потому что еслибы люди не мѣнялись, было бы очень скучно.

— Послѣ такаго рѣшенія, княгиня, сказалъ дипломатъ,—я уступаю свое дипломатическое званіе господину Печорину. Онъ увернулся отъ рѣшительнаго отвѣта какъ Талейранъ или Меттернихъ.

— Григорій Александровичъ, возразила княгиня,—не увлекается страстью или пристрастіемъ, онъ слѣдуетъ одному холодному разсудку.

— Это правда, отвѣчалъ Печоринъ,—я теперь сталъ взвѣшивать слова свои и разчитывать поступки, слѣдуя примѣру другихъ. Когда я увлекался чувствомъ и воображеніемъ, надо мною смѣялись и пользовались моимъ простосердечіемъ. Но кто же въ своей жизни не дѣлалъ глупостей! и кто не раскаивался! Теперь по чести я готовъ пожертвовать самою чистѣйшею, самою воздушною любовью, для трехъ тысячъ душъ съ винокуреннымъ заводомъ и для какого-нибудь графскаго герба на дверцахъ кареты. Надобно пользоваться случаемъ, такія вещи не падаютъ съ неба. Не правда ли?

Столь неожиданный вопросъ былъ сдѣланъ дамѣ въ малиновомъ беретѣ.

Молчавшая добродѣтель пробудилась при этомъ неожиданномъ вопросѣ, и страусовыя перья заколыхались на беретѣ. Она не могла тотчасъ отвѣтить, потому что ея невинные зубки жевали кусокъ рябчика съ самымъ добродѣтельнымъ стараніемъ. Всѣ съ терпѣніемъ молча ожидали ея отвѣта. Наконецъ она открыла уста и важно молвила:

— Ко мнѣ ли вашъ вопросъ относится?

— Если вы позволите, отвѣчалъ Печоринъ.

— Не хотите ли вы раздѣлить со мною вашу роль посредника и судьи?

— Я бы желалъ вамъ передать ее совсѣмъ!

— Ахъ, избавьте!

Въ эту минуту ей подали какое-то жирное блюдо, она положила себѣ на тарелку и продолжала:

— Вотъ адресуйтесь къ княгинѣ. Она, я думаю, гораздо лучше можетъ судить о любви и о графскомъ или о княжескомъ титулѣ.

— Я желалъ бы слышать ваше мнѣніе, сказалъ Печоринъ,— и рѣшился побѣдить вашу скромность упрямствомъ.

— Вы не первые и вамъ это не удастся, сказала она съ презрительною улыбкой.—Притомъ я не имѣю никакого мнѣнія о любви.

— Помилуйте! въ ваши лѣта не имѣть никакого мнѣнія о такомъ важномъ предметѣ для всякой женщины.

Добродѣтель обидѣлась.

— То-есть я слишкомъ стара, воскликнула она, покраснѣвъ.

— Напротивъ, я хотѣлъ сказать что вы еще такъ молоды.

— Слава Богу, я ужь не ребенокъ... Вы оправдались очень неудачно.

— Что̀ дѣлать! Я вижу что увеличилъ единицой несмѣтное число несчастныхъ которые вамъ напрасно стараются понравиться...

Она отъ него отвернулась, а онъ чуть не засмѣялся вслухъ.

— Кто эта дама? шепотомъ спросилъ у него рыжій господинъ съ крестами.

— Баронесса Штраль, отвѣчалъ Печоринъ.

— Аа! сдѣлалъ рыжій господинъ.

— Вы, конечно, объ ней много слыхали?

— Нѣтъ-съ, ничего формально.

— Она уморила двухъ мужей, продолжалъ Печоринъ,—теперь за третьимъ, который вѣрно ее переживетъ.

— Ого! сказалъ рыжій господинъ и продолжалъ уписывать соусъ унизанный трюфелями.

Такимъ образомъ разговоръ прекратился, но дипломатъ взялъ на себя трудъ возобновить его.

— Если вы любите искусство, сказалъ онъ обращаясь къ княгинѣ,—то я могу вамъ сказать весьма пріятную новость: картина Брюлова *Послѣдній день Помпеи* ѣдетъ въ Петербургъ. Про нее кричала вся Италія, Французы ее разбранили. Теперь любопытно знать куда склонится русская публика— на сторону истиннаго вкуса, или на сторону моды.

Княгиня ничего не отвѣчала, она была въ разсѣянности. Глаза ея бродили безъ цѣли вдоль по стѣнамъ комнатъ, и слово „картина“ только заставило ихъ остановиться на изображеніи какой-то испанской сцены, висѣвшемъ противу нея. Это была старинная картина, довольно посредственная, но получившая цѣнность отъ того что краски ея полиняли и лакъ растрескался. На ней были изображены три фигуры: старый и сѣдой мущина сидя на бархатныхъ креслахъ обнималъ одною рукой молодую женщину, въ другой держалъ онъ бокалъ съ виномъ; онъ приближалъ свои румяныя губы къ нѣжной щекѣ этой женщины, и проливалъ вино ей на платье. Она какъ бы нехотя повинуясь его грубылъ ласкамъ, перегнувшись черезъ ручку креселъ и облокотясь на его плечо, отворачивалась въ сторону, прижимая палецъ къ устамъ и устремивъ глаза на полуотворенную дверь, изъ-за которой во мракѣ сверкали два яркіе глаза и кинжалъ.

Княгиня нѣсколько минутъ со вниманіемъ смотрѣла на эту картину и наконецъ попросила дипломата объяснить ея содержаніе.

Дипломатъ вынулъ изъ-за галстука лорнетъ, прищурился, наводилъ его въ разныхъ направленіяхъ на темный холстъ и заключилъ тѣмъ что это должна быть копія съ Рембранта или Мурильйо.

— Впрочемъ, прибавилъ онъ,—хозяинъ ея долженъ лучше знать что̀ она изображаетъ.

— Я не хочу вторично затруднять Григорія Александровича разрѣшеніями вопросовъ, сказала Вѣра Дмитріевна, и опять устремила глаза на картину.

— Сюжетъ ея очень простъ, сказалъ Печоринъ, не дожидаясь чтобъ его просили.—Здѣсь изображена женщина которая оставила и обманула любовника для того чтобъ удобнѣе обманывать богатаго и глупаго старика. Въ эту минуту

она кажется что-то у него выпрашиваетъ и удерживаетъ бѣшенство любовника ложными обѣщаніями. Когда она выманитъ искусственнымъ поцѣлуемъ все что ей хочется, она сама откроетъ дверь и будетъ хладнокровною свидѣтельницей убійства.

— Ахъ, это ужасно! воскликнула княгиня.

— Можетъ-быть я ошибаюсь давъ такой смыслъ этому изображенію, продолжалъ Печоринъ,—мое истолкованіе совершенно произвольное.

— Неужели вы думаете что подобное коварство можетъ существовать въ сердцѣ женщины?

— Княгиня, отвѣчалъ Печоринъ сухо,—я прежде имѣлъ глупость думать что можно понимать женское сердце. Послѣдніе случаи моей жизни меня убѣдили въ противномъ, и поэтому я не могу рѣшительно отвѣтить на вашъ вопросъ.

Княгиня покраснѣла, дипломатъ обратилъ на нее испытующій взоръ и сталъ что-то чертить вилкой на днѣ своей тарелки. Дама въ малиновомъ беретѣ была какъ на иголкахъ слыша такіе ужасы и старалась отодвинуть свой стулъ отъ Печорина, а рыжій господинъ съ крестами значительно улыбнулся и проглотилъ три трюфеля разомъ.

Остальное время обѣда, дипломатъ и Печоринъ молчали, княгиня завела разговоръ со старушкой, добродѣтель горячо о чемъ-то спорила со своею сосѣдкой съ правой стороны, рыжій господинъ ѣлъ.

За дессертомъ, когда подали шампанское, Печоринъ поднявъ бокалъ обратился къ княгинѣ:

— Такъ какъ я не имѣлъ счастія быть на вашей свадьбѣ, то позвольте поздравить васъ теперь.

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ и ничего не отвѣчала. Тайное страданіе изображалось на ея лицѣ столь измѣнчивомъ, рука державшая стаканъ съ водой дрожала... Печоринъ все это видѣлъ, и нѣчто похожее на раскаяніе закралось въ грудь его: за что онъ ее мучилъ? съ какою цѣлью? какую пользу могло ему принесть это мелочное мщеніе?... Онъ себѣ въ этомъ не могъ дать подробнаго отчета. Вскорѣ стулья зашумѣли; встали изо стола и пошли въ пріемныя комнаты... Лакеи на серебряныхъ подносахъ стали разносить кофе; нѣкоторые мущины не игравшіе въ вистъ, и въ ихъ числѣ князь Степанъ Степановичъ, пошли въ кабинетъ Печорина курить трубки, а княгиня подъ предлогомъ что развились локоны удалилась въ комнату Вареньки.

Она притворила за собою двери, бросилась въ широкія кресла. Необъяснимое чувство стѣснило ея грудь, слезы набѣжали на рѣсницы, стали капать чаще и чаще на ея разгорѣвшіяся ланиты, и она плакала, горько плакала покуда ей не пришло въ мысль что съ красными глазами неловко будетъ показаться въ гостиную. Тогда она встала, подошла къ зеркалу, осушила глаза, натерла виски одеколономъ и духами которые въ цвѣтныхъ и граненыхъ сткляночкахъ стояли на туалетѣ. По временамъ она еще всхлипывала и грудь ея подымалась высоко, но это были послѣднія волны забытыя на гладкомъ морѣ пролетѣвшимъ ураганомъ.

О чемъ же она плакала? спрашиваете вы, и я васъ спрошу о чемъ женщины не плачутъ: слезы ихъ оружіе нападательное и оборонительное. Досада, радость, безсильная ненависть, безсильная любовь, имѣютъ у нихъ одно выраженіе. Вѣра Дмитріевна сама не смѣла дать отчета какое изъ этихъ чувствъ было главною причиной ея слезъ. Слова Печорина глубоко ее оскорбили, но странно, она его за это не возненавидѣла. Можетъ-быть еслибы въ его упрекѣ проглядывало сожалѣніе о минувшемъ, желаніе ей снова нравиться, она бы сумѣла отвѣчать ему полною насмѣшкой и равнодушіемъ, но казалось въ немъ было оскорблено одно самолюбіе, а не сердце,—самая слабая часть мущины, подобная пяткѣ Ахиллеса,—и по этой причинѣ оно въ этомъ сраженіи оставалось внѣ ея выстрѣловъ. Казалось, Печоринъ гордо вызывалъ на бой ея ненависть чтобъ увѣриться такъ же ли она будетъ недолговременна какъ любовь ея, и онъ достигъ своей цѣли. Ея чувства взволновались, ея мысли смутились, первое впечатлѣніе было сильное, а отъ перваго впечатлѣнія зависѣло все остальное: онъ это зналъ и зналъ также что самая ненависть ближе къ любви нежели равнодушіе.

Княгиня уже собиралась возвратиться въ гостиную какъ вдругъ дверь легонько скрипнула и вошла Варенька.

— Я тебя искала, chère amie, воскликнула она,—ты кажется нездорова....

Вѣра Дмитріевна томно улыбнулась ей и сказала:

— У меня болитъ голова, тамъ такъ жарко....

— Я за столомъ часто на тебя взглядывала, продолжала Варенька,—ты все время молчала. Мнѣ досадно было что я не сѣла возлѣ тебя, тогда можетъ-быть тебѣ не было бы такъ скучно.

— Мнѣ вовсе не было скучно, отвѣчала княгиня, горько улыбнувшись,—Григорій Александровичъ былъ очень любезенъ.

— Послушай, мой ангелъ, я не хочу чтобы ты называла брата Григорій Александровичъ. Григорій Александровичъ—это такъ важно: точно вы будто вчерась только познакомились. Отчего не называть его просто Жоржъ, какъ прежде, онъ такой добрый.

— О, я этого послѣдняго достоинства въ немъ нынѣ не замѣтила, онъ мнѣ нынѣ наговорилъ такихъ вещей которыхъ бы другая ему никогда не простила.

Вѣра Дмитріевна почувствовала что проговорилась, но успокоилась тѣмъ что Варенька вѣтреная дѣвочка, не обратитъ вниманія на ея послѣднія слова или скоро позабудетъ ихъ. Вѣра Дмитріевна къ несчастію ея была одна изъ тѣхъ женщинъ которыя обыкновенно осторожнѣе и скромнѣе другихъ, но въ минуты страсти проговариваются.

Поправя свои локоны предъ зеркаломъ, она взяла подъ руку Вареньку и обѣ возвратились въ гостиную, а мы пойдемъ въ кабинетъ Печорина, гдѣ собралось нѣсколько молодыхъ людей и гдѣ князь Степанъ Степановичъ съ сигаркой въ зубахъ тщетно старался вмѣшиваться въ ихъ разговоръ. Онъ не зналъ ни одной петербургской актрисы, не зналъ ключа ни одной городской интриги, и какъ пріѣзжій изъ другаго города, не могъ разказать ни одной интересной новости. Женившись на молодой женщинѣ онъ старался казаться молодымъ на зло подставнымъ зубамъ и нѣкоторымъ морщинамъ. Въ продолженіе всей своей молодости этотъ человѣкъ не пристрастился ни къ чему—ни къ женщинамъ, ни къ вину, ни къ картамъ, ни къ почестямъ, и со всѣмъ тѣмъ, въ угодность товарищей и друзей, напивался очень часто, влюблялся раза три изъ угожденія въ женщинъ которыя хотѣли ему нравиться, проигралъ однажды тридцать тысячъ, когда была мода проигрываться, убилъ свое здоровье на службѣ потому что начальникамъ это было пріятно. Будучи эгоистъ въ высшей степени, онъ однако слылъ всегда добрымъ малымъ, готовымъ на всякія услуги, женился же онъ потому что всѣмъ роднымъ этого хотѣлось. Теперь онъ сидѣлъ противъ камина куря сигарку и допивая кофе и внимательно слушая разговоръ двухъ молодыхъ людей стоявшихъ противъ него. Одинъ изъ нихъ былъ артиллерійскій офицеръ Браницкій, другой статскій. Этотъ

послѣдній былъ одно изъ характеристичныхъ лицъ петербургскаго общества.

Онъ былъ порядочнаго роста и такъ худъ что англійскаго покроя фракъ висѣлъ на плечахъ его какъ на вѣшалкѣ. Жесткій атласный галстукъ подпиралъ его угловатый подбородокъ. Ротъ его, лишенный губъ, походилъ на отверстіе прорѣзанное перочиннымъ ножичкомъ въ картонной маскѣ. Щеки его впалыя и смугловатыя мѣстами были испещрены мелкими оспочками, слѣдами разрушительной оспы. Носъ его былъ прямой, одинаковой толщины во всей своей длинѣ, а нижняя оконечность какъ бы отрублена. Глаза, сѣрые и маленькіе, имѣли дерзкое выраженіе, брови были густы, лобъ узокъ и высокъ, волосы черны и острижены подъ гребенку, изъ-за галстука его выглядывала борода à la St. Simonienne.

Онъ былъ со всѣми знакомъ, служилъ гдѣ-то, ѣздилъ по порученіямъ, возвращаясь получалъ чины, бывалъ всегда въ среднемъ обществѣ и говорилъ про связи свои со знатью, волочился за богатыми невѣстами, подавалъ множество проектовъ, продавалъ разныя акціи, предлагалъ всѣмъ подписки на разныя книги, знакомъ былъ со всѣми литераторами и журналистами, приписывалъ себѣ многія безыменныя статьи въ журналахъ, издалъ брошюру которую никто не читалъ, былъ, по его словамъ, заваленъ кучей дѣлъ и цѣлое утро проводилъ на Невскомъ проспектѣ. Чтобы докончить портретъ скажу что фамилія его была малороссійская, хотя вмѣсто Горшенко онъ называлъ себя Горшенковъ.

— Что̀ вы ко мнѣ никогда не заѣдете? говорилъ ему Браницкій.

— Повѣрите ли, я такъ занятъ, отвѣчалъ Горшенко,—вотъ завтра самъ долженъ докладывать министру; потомъ надобно ѣхать въ комитетъ, работы тьма, не знаешь какъ отдѣлаться; еще надобно писать статью въ журналъ, потомъ надобно обѣдать у князя N,—всякій день гдѣ-нибудь на балѣ, вотъ хоть нынче у графини Ф. Такъ и быть ужь пожертвую этою зимой, а лѣтомъ опять запрусь въ свой кабинетъ, окружу себя бумагами и буду ѣздить только къ старымъ пріятелямъ.

Браницкій улыбнулся и насвистывая арію изъ *Фенеллы* удалился.

Князь, который былъ мысленно занятъ своимъ дѣломъ, подумалъ что ему не худо будетъ познакомиться съ человѣкомъ который всѣхъ знаетъ и докладываетъ самъ министру.

Онъ завелъ съ нимъ разговоръ о политикѣ, о службѣ, потомъ о своемъ дѣлѣ, которое состояло въ тяжбѣ съ казной о 20.000 десятинахъ лѣсу. Наконецъ князь спросилъ у Горшенка не знаетъ ли онъ одного чиновника Красинскаго, у котораго въ столѣ разбирается его дѣло.

— Да, да, отвѣчалъ Горшенко,—знаю, видалъ, но онъ ничего не можетъ сдѣлать, адресуйтесь къ людямъ которые болѣе имѣютъ вѣсу. Я знаю эти дѣла, мнѣ часто ихъ навязывали, но я всегда отказывался.

Такой отвѣтъ поставилъ въ тупикъ князя Степана Степановича. Ему показалось что предъ нимъ въ лицѣ Горшенка стоитъ весь комитетъ министровъ.

— Да, сказалъ онъ,—нынѣ эти вещи стали ужасно затруднительны.

Печоринъ, слышавшій разговоръ и узнавъ отъ князя въ какомъ департаментѣ его дѣло, обѣщался отыскать Красинскаго и привезти его къ князю.

Степанъ Степановичъ въ восторгѣ отъ его любезности пожалъ ему руку и пригласилъ его заѣзжать къ себѣ всякій разъ когда ему нечего будетъ дѣлать.

VII.

На другой день Печоринъ былъ на службѣ, провелъ ночь въ дежурной комнатѣ и смѣнился въ двѣнадцать часовъ утра. Покуда онъ переодѣлся, прошелъ еще часъ. Когда онъ пріѣхалъ въ департаментъ гдѣ служилъ чиновникъ Красинскій, ему сказали что этотъ чиновникъ куда-то ушелъ, Печорину дали его адресъ, и онъ отправился къ Обухову мосту. Остановясь у воротъ одного огромнаго дома, онъ вызвалъ дворника и спросилъ здѣсь ли живетъ чиновникъ Красинскій.

— Пожалуйте въ сорокъ девятый нумеръ, былъ отвѣтъ.

— А гдѣ входъ?

— Со двора-съ.

Сорокъ девятый нумеръ, и входъ со двора! этихъ ужасныхъ словъ не можетъ понять человѣкъ который не провелъ по крайней мѣрѣ половины жизни въ отыскиваніи разныхъ чиновниковъ. Сорокъ девятый нумеръ есть число мрачное и таинственное, подобное числу шестьсотъ шестдесятъ шестой въ Апокалипсисѣ. Вы пробираетесь сначала черезъ узкій и

угловатый дворъ, по глубокому снѣгу, или по жидкой грязи; высокія пирамиды дровъ грозятъ ежеминутно подавить васъ своимъ паденіемъ, тяжелый запахъ, ѣдкій, отвратительный, отравляетъ ваше дыханіе, собаки ворчатъ при вашемъ появленіи, блѣдныя лица хранящія на себѣ ужасные слѣды нищеты или распутства выглядываютъ сквозь узкія окна нижняго этажа. Наконецъ, послѣ многихъ разспросовъ, вы находите желанную дверь, темную и узкую какъ дверь въ чистилище. Поскользнувшись на порогѣ вы летите двѣ ступени внизъ и попадаете ногами въ лужу образовавшуюся на каменномъ помостѣ, потомъ невѣрною рукой ощупываете лѣстницу и начинаете взбираться на верхъ. Взойдя на первый этажъ и остановившись на четвероугольной площадкѣ, вы увидите нѣсколько дверей кругомъ себя, но увы, ни на одной нѣтъ нумера. Начинаете стучать или звонить, и обыкновенно выходитъ кухарка съ сальною свѣчей, а изъ-за нея раздается брань, или плачъ дѣтей.

— Кого вамъ угодно?

— Сорокъ девятый нумеръ.

— Здѣсь эдакихъ нѣтъ-съ.

— Кто жь здѣсь живетъ?

Отвѣтъ бываетъ обыкновенно или какое-нибудь варварское имя, или: какое вамъ дѣло, ступайте выше. Дверь захлопывается. Во всѣхъ другихъ дверяхъ та же сцена повторяется въ разныхъ видахъ. Чѣмъ выше вы взбираетесь тѣмъ хуже. Софистъ-наблюдатель могъ бы заключить изъ этого что человѣкъ приближаясь къ небу уподобляется растенію которое на вершинахъ горъ теряетъ цвѣтъ и силу. Помучившись около часа вы наконецъ находите желанный сорокъ девятый нумеръ или другой столько же таинственный, и то если дворникъ не былъ пьянъ и понялъ вашъ вопросъ, если не два чиновника съ одинаковымъ именемъ въ этомъ домѣ, если вы не попали на другую лѣстницу и т. д. Печоринъ претерпѣлъ всѣ эти мученія и наконецъ вскарабкавшись на четвертый этажъ постучалъ въ дверь. Вышла кухарка. Онъ сдѣлалъ обычный вопросъ, ему отвѣчали: здѣсь. Онъ взошелъ, снялъ шинель въ кухнѣ и хотѣлъ идти далѣе, какъ вдругъ кухарка остановила его, сказавъ что г. Красинскій не воротился еще изъ департамента. Я подожду, отвѣчалъ онъ, и вошелъ. Кухарка слѣдовала за нимъ и разглядывала его съ видомъ удивленія. Бѣлый султанъ и красивый кавалерійскій мундиръ

были повидимому явленіе необыкновенное на четвертомъ этажѣ. При входѣ Печорина въ гостиную, если можно такъ назвать четыреугольную комнату украшенную единственнымъ столомъ покрытымъ клеенкой, предъ которымъ стоялъ старый диванъ и три стула, низенькая и опрятная старушка встала со своего мѣста и повторила вопросъ кухарки.

— Я ищу господина Красинскаго, можетъ-быть я ошибся.

— Это мой сынъ, отвѣчала старушка,—онъ скоро будетъ.

— Если вы мнѣ позволите подождать... продолжалъ Печоринъ.

— Сдѣлайте одолженіе, прервала его старушка и торопливо придвинула стулъ.

Печоринъ сѣлъ. Окинувъ взоромъ комнату и все въ ней находившееся, ему стало какъ-то неловко: еслибы судьба неожиданно бросила его во дворецъ Персидскаго шаха, онъ бы скорѣе нашелся нежели теперь.

Старушкѣ съ перваго взгляда можно было дать лѣтъ шестьдесятъ, хотя она въ самомъ дѣлѣ была моложе, но ранняя печаль сгорбила ея станъ, изсушила кожу, которая сдѣлалась похожа цвѣтомъ на старый пергаментъ. Синеватыя жилы рисовались по ея прозрачнымъ рукамъ, лицо ея было сморщено. Въ однихъ ея маленькихъ глазахъ казалось сосредоточились всѣ ея жизненныя силы, въ нихъ свѣтила необыкновенная доброжелательность и невозмутимое спокойствіе. Печоринъ, не зная какъ начать разговоръ, сталъ перелистывать книгу лежавшую на столѣ. Онъ думалъ вовсе не о книгѣ, но странное заглавіе привлекло его вниманіе: *Легчайшій способъ быть всегда богатымъ и счастливымъ*. Сочиненіе Н. П. Москва, въ тип. И. Глазунова, цѣна 25 копѣекъ. Улыбка появилась на лицѣ Печорина. Эта книжка какъ пустой лотерейный билетъ была рѣзкое изображеніе мечтаній, обманутыхъ надеждъ, несбыточныхъ, тщетныхъ усилій представить въ лучшемъ видѣ печальную дѣйствительность. Старушка замѣтила его улыбку и сказала:

— Я просила сына моего, прочитавъ объявленіе въ газетахъ, чтобъ онъ мнѣ досталъ эту книжку, да въ ней ничего нѣтъ.

— Я думаю, возразилъ Печоринъ,—что никакая книга не можетъ выучить быть счастливымъ. О, еслибы счастіе было наука—дѣло другое!

— Разумѣется, возразила старуха,—утопающій за щепку

хватается; мы не всегда были въ такомъ положеніи какъ теперь. Мужъ мой былъ польскій дворянинъ, служилъ въ русской службѣ. Вслѣдствіе долгой тяжбы онъ потерялъ большую часть своего имѣнія, а остатки разграблены были въ послѣднюю войну. Однакоже я надѣюсь скоро все поправится. Мой сынъ,—продолжала она съ нѣкоторою гордостію,—имѣетъ теперь очень хорошее мѣсто и хорошее жалованье.

Послѣ минутнаго молчанія она спросила:

— Вы, конечно, къ моему сыну по какому-нибудь дѣлу. Можетъ-быть вамъ скучно будетъ дожидаться, такъ не угодно ли сказать мнѣ, я ему передамъ.

— Мнѣ препоручилъ, отвѣчалъ Печоринъ,—князь Лиговскій попросить вашего сына чтобъ онъ сдѣлалъ одолженіе заѣхалъ къ нему. У князя есть тяжба которая теперь должна разсматриваться въ столѣ у г. Красинскаго. Я васъ попрошу передать ему адресъ князя. Вы меня очень одолжите, если уговорите вашего сына къ нему заѣхать хоть завтра вечеромъ: я тамъ буду.

Написавъ адресъ, Печоринъ раскланялся и подошелъ къ двери. Въ эту минуту дверь отворилась, и онъ вдругъ столкнулся съ человѣкомъ высокаго роста. Они взглянули другъ на друга, глаза ихъ встрѣтились, и каждый сдѣлалъ шагъ назадъ. Враждебныя чувства изобразились на обоихъ лицахъ, удивленіе сковало ихъ уста. Наконецъ Печоринъ чтобы выйти изъ этого страннаго положенія сказалъ почти шепотомъ:

— Милостивый государь, вспомните что я не зналъ что вы господинъ Красинскій, иначе бы я не имѣлъ счастія встрѣтиться съ вами здѣсь. Ваша матушка объяснитъ вамъ причину моего посѣщенія.

Они разошлись не поклонившись. Печоринъ уѣхалъ. Эта случайная игра судьбы сильно его потревожила, потому что онъ въ Красинскомъ узналъ того самаго чиновника котораго нѣсколько дней назадъ едва не задавилъ и съ которымъ имѣлъ въ театрѣ исторію.

Между тѣмъ Красинскій, не менѣе пораженный этою встрѣчей, сѣлъ противъ своей матери на кресла, опустилъ голову на руку и глубоко задумался, когда мать передала ему порученіе Печорина, стараясь объяснить какъ выгодно было бы взяться за дѣла князя, и стала удивляться тому что Печоринъ не объяснился самъ. Тогда Красинскій вдругъ вскочилъ со своего мѣста. Свѣтлая мысль озарила лицо его, и

воскликнулъ ударивъ рукой по столу.—Да, я пойду къ этому князю! Потомъ онъ сталъ ходить по комнатѣ мѣрными шагами, дѣлая иногда безсвязныя восклицанія. Старушка, повидимому привыкшая къ такимъ страннымъ выходкамъ, смотрѣла на него безъ удивленія. Наконецъ онъ опять сѣлъ, вздохнулъ и посмотрѣлъ на мать съ такимъ видомъ чтобы только начать разговоръ. Она его угадала.

— Ну что̀, Станиславъ, сказала она,—скоро ли тебѣ выйдетъ награжденіе? у насъ денегъ осталось мало.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ отрывисто.

— Ты вѣрно не сумѣлъ угодить начальнику отдѣленія, продолжала она,—ну что̀ за бѣда что онъ твоими руками жаръ загребаетъ; придетъ и твое время, а покамѣстъ, если не будешь искать въ людяхъ, и Богъ тебя не взыщетъ.

Горькое чувство изобразилось на прекрасномъ лицѣ Станислава. Онъ отвѣчалъ глухимъ голосомъ.

— Матушка, вы хотите чтобъ я пожертвовалъ для васъ даже характеромъ; пожалуй, послѣ всѣхъ жертвъ которыя я принесъ вамъ, это будетъ капля воды въ морѣ.

Она подняла къ небу глаза полные слезъ, и молчаніе снова воцарилось. Станиславъ сталъ перелистывать книгу и вдругъ сказалъ не отрывая глазъ отъ параграфа гдѣ безыменный сочинитель доказывалъ что дружба есть ключъ истиннаго счастія:

— Знаете ли, матушка, кто этотъ офицеръ который былъ сегодня у насъ?

— Не знаю, а что̀?

— Мой смертельный врагъ, отвѣчалъ онъ.

Лицо старушки поблѣднѣло сколько могло, она всплеснула руками и воскликнула:

— Боже мой, чего же онъ отъ тебя хочетъ?

— Вѣроятно онъ мнѣ не желаетъ зла, но за то я имѣю сильную причину его ненавидѣть. Развѣ когда онъ сидѣлъ здѣсь противъ васъ, блистая золотыми эполетами, поглаживая бѣлый султанъ, развѣ вы не чувствовали, не догадались съ перваго взгляда что я долженъ непремѣнно его ненавидѣть. О, повѣрьте, мы еще не разъ съ нимъ встрѣтимся на дорогѣ жизни и встрѣтимся не такъ холодно какъ нынѣ. Да, я пойду къ этому князю,—какое-то тайное предчувствіе шепчетъ мнѣ чтобъ я повиновался указаніямъ судьбы.

Напрасны были всѣ старанія испуганной матери узнать

причину такой глубокой ненависти. Станиславъ не хотѣлъ разказывать, какъ будто боялся что причина ей покажется слишкомъ ничтожна. Какъ всѣ люди страстные и упорные, увлекаемые одною постоянною мыслію, онъ больше всѣхъ препятствій старался избѣгать убѣжденій разсудка, могущихъ отвлечь его отъ предположенной цѣли.

На другой день онъ одѣлся какъ можно лучше. Цѣлое утро онъ прилежно, можетъ-быть въ первый разъ отъ роду, разсматривалъ съ ногъ до головы департаментскихъ франтиковъ, чтобы выучиться повязывать галстукъ и запомнить сколько пуговицъ у жилета надобно застегнуть, и пожертвовалъ четвертакъ Фаге который безсовѣстно взбилъ его мягкія и волнистыя кудри въ жесткій и неуклюжій хохолъ. А когда пробило семь часовъ вечера, Красинскій отправился на Морскую, полный смутныхъ надеждъ и опасеній.

VIII.

У князя Лиговскаго были гости, кое-кто изъ родныхъ, когда Красинскій взошелъ въ лакейскую.

— Князь принимаетъ? спросилъ онъ нерѣшительно взглядывая то на того, то на другаго лакея.

— Мы не здѣшніе, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, даже не приподнявшись съ барской шубы.

— Нельзя ли, любезный, вызвать швейцара?..

— Онъ вѣрно сейчасъ самъ выдетъ, былъ отвѣтъ,—а намъ нельзя!

Наконецъ явился швейцаръ.

— Князь Лиговскій дома?

— Пожалуйте-съ.

— Доложи что пришелъ Красинскій,—онъ меня знаетъ.

Швейцаръ отправился въ гостиную, и подойдя къ Степану Степановичу, сказалъ ему тихо:

— Господинъ Красинскій пріѣхалъ-съ, онъ говоритъ что вы изволите его знать.

— Какой Красинскій? Что̀ ты врешь? воскликнулъ князь важно прищурясь.

Печоринъ, прислушавшись въ чемъ дѣло, поспѣшилъ на помощь сконфуженному швейцару.

— Это тотъ самый чиновникъ, сказалъ онъ,—у котораго ваше дѣло. Я къ нему нынче заѣзжалъ.

— А! очень обязанъ, отвѣчалъ Степанъ Степановичъ.

Онъ пошелъ въ кабинетъ и велѣлъ просить туда чиновника. Мы не будемъ слушать ихъ скучныхъ толковъ о запутанномъ дѣлѣ и останемся въ гостиной. Двѣ старушки, какой-то камергеръ и молодой человѣкъ обыкновенной наружности играли въ вистъ. Княгиня Вѣра и другая молодая дама сидѣли на канапе возлѣ камина, слушая Печорина, который, придвинувъ свое кресло къ камину, гдѣ сверкали остатки каменныхъ угольевъ, разказывалъ имъ одно изъ своихъ похожденiй во время Польской кампанiи. Когда Степанъ Степановичъ ушелъ, онъ занялъ праздное мѣсто чтобы находиться ближе къ княгинѣ.

— Итакъ вамъ велѣли отправиться со взводомъ въ эту деревню... сказала молодая дама (которую Вѣра называла кузиной), продолжая прерванный разговоръ.

— И я, какъ разумѣется, отправился, хотя ночь была темная и дождливая, сказалъ Печоринъ,—мнѣ велѣно было отобрать у пана оружiе, если найдется, а его самого отправить въ главную квартиру... Я только что былъ произведенъ въ корнеты и это была первая моя откомандировка. Къ разсвѣту мы увидали предъ собой деревню съ каменнымъ господскимъ домомъ, у околицы мои гусары поймали мужика и притащили ко мнѣ. Показанiя его объ имени и о числѣ жителей были согласны съ моею инструкцiей.—А есть ли у вашего пана жена или дочери? спросилъ я.—Есть, пане капитане.—А какъ ихъ зовутъ, графиню жену вашего Острожскаго?—Графиня Рожа. Должна быть красавица, подумалъ я наморщась.—Ну а дочки ея такiя же рожи какъ ихъ маменька?—Нѣтъ, пане капитане, старшая называется Амалiя и меньшая Гвелина. Это еще ничего не доказываетъ, подумалъ я. Графиня Рожа меня мучила, я продолжалъ разспросы:—А что сама графиня Рожа старуха?—Ни пане, ей всего тридцать три года.—Какое несчастье! Мы въѣхали въ деревню и скоро остановились у воротъ за́мка. Я велѣлъ людямъ слѣзть и въ сопровожденiи унтеръ-офицера вошелъ въ домъ. Все было пусто. Пройдя нѣсколько комнатъ, я былъ встрѣченъ самимъ графомъ, дрожащимъ и блѣднымъ какъ полотно. Я объявилъ ему мое порученiе. Разумѣется онъ увѣрялъ что у него нѣтъ оружiя, отдалъ мнѣ ключи отъ всѣхъ своихъ кладовыхъ и

между прочимъ предложилъ завтракать. Послѣ второй рюмки хереса графъ сталъ просить позволенія представить мнѣ свою супругу и дочерей. — Помилуйте, отвѣчалъ я, — что за церемонія. Я признаться боялся чтобъ эта Рожа не испортила моего аппетита. Но графъ настаивалъ и повидимому сильно надѣялся на могущественное вліяніе своей Рожи. Я еще отнѣкивался какъ вдругъ дверь отворилась и взошла женщина высокая, стройная, въ черномъ платьѣ. Вообразите себѣ Польку и красавицу Польку въ ту минуту какъ она хочетъ обворожить русскаго офицера. Это была сама графиня Розалія или Роза, по простонародному Рожа.

Эта случайная игра словъ показалась очень забавна двумъ дамамъ. Онѣ смѣялись.

— Я предчувствую, вы влюбились въ эту Рожу? воскликнула наконецъ молодая дама, которую княгиня Вѣра называла кузиной.

— Это случилось бы, отвѣчалъ Печоринъ,—еслибъ я уже не любилъ другую.

— Ого! постоянство, сказала молодая дама.—Знаете что этою добродѣтелью не хвастаются?

— Во мнѣ это не добродѣтель, а хроническая болѣзнь.

— Вы однакоже вылѣчились?

— По крайней мѣрѣ лѣчусь, отвѣчалъ Печоринъ.

Княгиня на него быстро взглянула, на лицѣ ея изобразилось что-то похожее на удивленіе и радость. Потомъ вдругъ она сдѣлалась печальна. Этотъ быстрый переходъ чувствъ не ускользнулъ отъ вниманія Печорина. Онъ перемѣнилъ разговоръ. Анекдотъ остался неконченнымъ и скоро былъ забытъ среди веселой и непринужденной бесѣды. Наконецъ подали чай и вошелъ князь, а за нимъ Красинкій. Князь отрекомендовалъ его женѣ и просилъ садиться. Взоры маленькаго кружка обратились на него, и молчаніе воцарилось. Еслибы князь былъ петербургскій житель, онъ задалъ бы ему завтракъ въ 500 р.; если имѣлъ въ немъ нужду, даже пригласилъ бы его къ себѣ на балъ или на шумный раутъ потолкаться между раутнаго рода гостями, но ни за что въ мірѣ не ввелъ бы въ свою гостиную запросто человѣка посторонняго и ни какимъ образомъ не принадлежащаго къ высшему кругу. Но князь воспитывался въ Москвѣ, а Москва такая гостепріимная старушка. Княгиня изъ вѣжливости обратилась къ

Красинскому съ нѣкоторыми вопросами. Онъ отвѣчалъ просто и коротко.

— Мы очень благодарны, сказала она наконецъ,—господину Печорину за то что онъ доставилъ намъ случай съ вами познакомиться.

При этихъ словахъ Печоринъ и Красинскій невольно взглянули другъ на друга и послѣдній отвѣчалъ скоро:

— Я еще болѣе васъ долженъ быть благодаренъ господину Печорину за эту неоцѣненную услугу.

По губамъ Печорина пробѣжала улыбка которая могла бы выразиться слѣдующею фразой: „ого, нашъ чиновникъ пускается въ комплименты“. Понялъ ли Красинскій эту улыбку или же самъ испугался своей смѣлости, потому что это былъ его первый комплиментъ сказанный женщинѣ такъ высоко поставленной надъ нимъ обществомъ, не знаю, но онъ покраснѣлъ и продолжалъ неувѣреннымъ тономъ:

— Повѣрьте, княгиня, что я никогда не забуду пріятныхъ минутъ которыя позволили вы мнѣ провесть въ вашемъ обществѣ. Прошу васъ не сомнѣваться, я исполню все что̀ будетъ зависѣть отъ меня... и къ тому же ваше дѣло только запутано, но совершенно правое.

— Скажите, спросила его княгиня съ тѣмъ участіемъ которое такъ похоже на обыкновенную вѣжливость, когда не знаютъ что̀ сказать незнакомому человѣку:— скажите, вы, я думаю, замучены дѣлами... Я воображаю эту скуку: съ утра до вечера писать и прочитывать длинныя и безсвязныя бумаги,—это нестерпимо: повѣрите, мой мужъ каждый день въ продолженіе года толкуетъ и объясняетъ мнѣ наше дѣло, а я до сихъ поръ ничего еще не понимаю.

„Какой любезный и занимательный супругъ“, подумалъ Печоринъ.

— Да и зачѣмъ вамъ, княгиня? сказалъ Красинскій:—Вашъ удѣлъ забавы, роскоши, а нашъ—трудъ и заботы; оно такъ и слѣдуетъ: еслибы не мы, кто бы сталъ трудиться.

Наконецъ и этотъ разговоръ истощился. Красинскій всталъ, раскланялся... Когда онъ ушелъ, кузина княгини замѣтила что онъ вовсе не такъ неловокъ какъ бы можно ожидать отъ чиновника и что онъ говоритъ вовсе не дурно. Княгиня прибавила: „et savez-vous, ma chère, qu'il est très bien!..“ Печоринъ при этихъ словахъ сталъ превозносить до невозможности его ловкость и красоту: онъ увѣрялъ что никогда

не видывалъ такихъ темноголубыхъ глазъ ни у одного чиновника на свѣтѣ и увѣрялъ что Красинскій судя по его глубокимъ замѣчаніямъ непремѣнно будетъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, если не останется вѣчно титулярнымъ совѣтникомъ. „Я непремѣнно узнаю, прибавилъ онъ очень серіозно, есть ли у него университетскій аттестатъ.“ Ему удалось разсмѣшить двухъ дамъ и обратить разговоръ на другіе предметы. Несмотря на то выраженіе княгини глубоко врѣзалось въ его памяти. Оно показалось ему упрекомъ, хотя случайнымъ, но тѣмъ не менѣе язвительнымъ. Онъ прежде самъ восхищался благородною красотой лица Красинскаго, но когда женщина увлекавшая всѣ его думы и надежды обратила особенное вниманіе на эту красоту, онъ понялъ что она невольно сдѣлала сравненіе для него убійственное и ему почти показалось что онъ вторично потерялъ ее на вѣки и съ этой минуты въ свою очередь возненавидѣлъ Красинскаго. Грустно, а надо признаться что самая чистѣйшая любовь наполовину перемѣшана съ самолюбіемъ.

Увлекаясь самъ наружною красотой и обладая умомъ рѣзкимъ и проницательнымъ, Печоринъ умѣлъ смотрѣть на себя съ безпристрастіемъ, и какъ обыкновенно люди съ пылкимъ воображеніемъ преувеличивалъ свои недостатки. Убѣдясь по собственному опыту какъ трудно влюбиться въ одни душевныя качества, онъ сдѣлался недовѣрчивъ и приучился объяснять вниманіе или ласки женщинъ разчетомъ или случайностью. Въ томъ что̀ казалось бы другому доказательствомъ нѣжнѣйшей любви, онъ пренебрежительно видѣлъ примѣты обманчивыя, слова сказанныя безъ намѣренія, взгляды, улыбки брошенныя на вѣтеръ, первому кто захочетъ ихъ поймать. Другой бы упалъ духомъ и уступилъ соперникамъ поле сраженія, но трудность борьбы увлекаетъ упорный характеръ, и Печоринъ далъ себѣ честное слово остаться побѣдителемъ. Слѣдуя системѣ своей и вооружась несноснымъ наружнымъ хладнокровіемъ и терпѣніемъ, онъ могъ бы разрушить лукавыя увертки самой искусной кокетки... Онъ зналъ аксіому что поздно или рано слабые характеры покоряются сильнымъ и непреклоннымъ, слѣдуя какому-то закону природы, доселѣ необъяснимому. Можно было навѣрное сказать что онъ достигнетъ своей цѣли, если страсть, всемогущая страсть не разрушитъ какъ буря однимъ порывомъ высокіе подмостки его разсудка и старанiй.. но это *если*, это

ужасное *если*, почти похоже на „если" Архимеда, который обѣщался приподнять земной шаръ, если ему дадутъ точку опоры.

Толпа разныхъ мыслей осаждала умъ Печорина, такъ что подъ конецъ вечера онъ сдѣлался разсѣянъ и молчаливъ; князь Степанъ Степановичъ разказывалъ длинную исторію, почерпнутую изъ семейныхъ преданій; дамы украдкой зѣвали.

— Отчего вы сдѣлались такъ печальны? спросила наконецъ Печорина кузина Вѣры Дмитріевны.

— Причину даже совѣстно объявить, отвѣчалъ Печоринъ.

— Однакожь!

— Зависть!

— Кому жь вы завидуете, напримѣръ?

— Не мнѣ ли? сказалъ князь, тонко улыбаясь и не воображая важности этого вопроса. Печорину тотчасъ пришло въ мысль что княгиня разказала мужу прежнюю ихъ любовь, покаялась въ ней какъ въ дѣтскомъ заблужденіи. Если такъ, то все было кончено между ними, и Печоринъ непремѣнно могъ сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ для супруговъ или жертвой коварнаго заговора. Я удивляюсь какъ это подозрѣніе не потревожило его прежде, но увѣряю васъ что оно пришло ему въ голову именно теперь. Онъ обѣщалъ себѣ постараться узнать, исповѣдывалась ли Вѣра своему мужу, и между тѣмъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, князь, не вамъ, хотя бы я могъ и всякій долженъ вамъ завидовать, но, признаюсь, я желалъ бы имѣть счастливый даръ этого Красинскаго—нравиться всѣмъ съ перваго взгляда.

— Повѣрьте, отвѣчала княгиня,—кто скоро нравится объ томъ скоро забываютъ.

— Боже мой! что на свѣтѣ не забывается? и если считать ни во что минутный успѣхъ, то гдѣ же счастіе? Добиваешься прочной любви, прочной славы, прочнаго богатства,—глядишь, смерть, болѣзнь, пожаръ, потопъ, война, миръ, соперникъ, перемѣна общаго мнѣнія—и всѣ труды пропали!... А забвенье? забвенье равно неумолимо къ минутамъ и столѣтіямъ. Еслибы меня спросили чего я хочу,—минуту полнаго блаженства или годы двусмысленнаго счастія, я бы скорѣй рѣшился сосредоточить всѣ свои чувства и страсти на одно божественное мгновеніе, и потомъ страдать сколько

угодно, чѣмъ мало-по-малу растягивать ихъ и размѣщать по нумерамъ въ промежуткахъ скуки или печали.

— Я во всемъ съ вами согласна, кромѣ того что все на свѣтѣ забывается. Есть вещи которыхъ забыть невозможно, особенно горести, сказала княгиня.

Ея милое лицо приняло какой-то полухолодный, полугрустный видъ, и что-то похожее на слезу пробѣжало блистая вдоль по длиннымъ ея рѣсницамъ, какъ капля дождя, забытая бурей на листкѣ березы, трепеща перекатывается по его краямъ, покуда новый порывъ вѣтра не умчитъ ее Богъ знаетъ куда.

Печоринъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее. Увы! онъ не могъ ничѣмъ объяснить этотъ странный припадокъ грусти. Онъ такъ давно разлученъ былъ съ нею, и съ тѣхъ поръ онъ не зналъ ни одной подробности ея жизни. Даже очень вѣроятно что чувства Вѣры въ эти минуты относились вовсе не къ нему: мало ли могло быть у ней обожателей послѣ его отъѣзда въ армію. Можетъ-быть и ей измѣнилъ который-нибудь изъ нихъ,—какъ знать!

Кто объяснитъ, кто растолкуетъ
Очей двусмысленный языкъ...

Когда онъ всталъ чтобъ уѣзжать, княгиня его спросила будетъ ли онъ послѣзавтра на балѣ у баронессы Р., ея родственницы.

— Мнѣ досадно что баронесса такъ убѣдительно насъ звала, прибавила она;—я почти вовсе не знаю здѣшняго круга и увѣрена что мнѣ тамъ будетъ скучно.

Печоринъ отвѣчалъ что онъ еще не званъ.

„Теперь я понимаю, подумалъ онъ садясь въ сани, ей хочется имѣть на этомъ балѣ знакомаго кавалера... Дай Богъ чтобы меня не звали: тамъ вѣрно будетъ Лиза Негурова. Ахъ, Боже мой! да кажется они съ Вѣрой давнишнія знакомыя... О! но если она осмѣлится“... Тутъ сани его остановились и мысли также. Войдя къ себѣ въ кабинетъ, онъ нашелъ въ столѣ пригласительный билетъ отъ баронессы....

IX.

Баронесса Р** была Русская, но замужемъ за Курляндскимъ барономъ, который какимъ-то образомъ сдѣлался ужасно богатъ. Она жила на Милліонной, въ самомъ центрѣ высшаго круга. Съ 11 часовъ вечера кареты одна за одною стали подъѣзжать къ ярко освѣщенному ея подъѣзду. По обѣимъ сторонамъ крыльца тѣснились на тротуарѣ прохожіе остановленные любопытствомъ, съ опасностію быть раздавленными. Въ числѣ ихъ былъ Красинскій. Прижавшись къ стѣнѣ онъ съ завистью смотрѣлъ на разныхъ господъ со звѣздами и крестами, которыхъ длинные лакеи осторожно вытаскивали изъ кареты, на молодыхъ людей небрежно выскакивавшихъ изъ саней на гранитныя ступени, и множество мыслей тѣснилось въ головѣ его. „Чѣмъ я хуже ихъ? думалъ онъ. Эти лица, блѣдныя, истощенныя, искривленныя мелкими страстями, ужели нравятся женщинамъ которыя имѣютъ право и возможность выбирать? Деньги, деньги и однѣ деньги, на что̀ имъ красота, умъ и сердце? О, я буду богатъ непремѣнно, во что̀ бы то ни стало, и тогда заставлю эти общества отдать мнѣ должную справедливость.“

Бѣдный, невинный чиновникъ! Онъ не зналъ что для этого общества, кромѣ кучи золота нужно имя украшенное историческими воспоминаніями (какія бы они ни были), имя столь уже знакомое лакейскимъ чтобы швейцаръ его не исковеркалъ и чтобы въ случаѣ когда его произнесутъ, какая-нибудь важная дама, законодательница и судія гостиныхъ, спросила бы: который это? не родня ли онъ князю В. или графу К? Итакъ Красинскій стоялъ у подъѣзда закутанный въ шинель. Вотъ подъѣхала карета, изъ нея вышла дама. При блескѣ фонарей брилліанты ярко сверкали между ея локонами, за нею вылѣзъ изъ кареты мущина въ мѣдвѣжьей шубѣ. Это были князь Лиговскій съ княгиней. Красинскій поспѣшно высунулся изъ толпы зѣвакъ, снялъ шляпу и почтительно поклонился, какъ знакомымъ, но увы! его не замѣтили или не узнали, что̀ еще вѣроятнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, женщинѣ видѣвшей его одинъ только разъ и готовой предстать на грозный судъ лучшаго общества, и пожилому мужу слѣдующему на балъ за хорошенькою женой, право, не до толпы любопытныхъ зѣвакъ мерзнущихъ у подъѣзда.

Но Красинскій приписалъ гордости и умышленному небреженію вещь чрезвычайно простую и случайную, и съ этой минуты тайная непріязнь къ княгинѣ зародилась въ его подозрительномъ сердцѣ. „Хорошо, подумалъ онъ удаляясь, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ,“—жалкая поговорка мелочной ненависти.

Между тѣмъ въ залѣ уже гремѣла музыка и балъ начиналъ оживляться. Тутъ было все что есть лучшаго въ Петербургѣ: два посланника, съ ихъ заморскою свитой составленною изъ людей говорящихъ очень хорошо по-французски (что впрочемъ вовсе неудивительно) и поэтому возбуждавшихъ глубокое участіе въ нашихъ красавицахъ; нѣсколько генераловъ и государственныхъ людей; одинъ англійскій лордъ, путешествующій изъ экономіи и поэтому не почитающій за нужное ни говорить, ни смотрѣть. За то его супруга, благородная леди принадлежавшая къ классу blue-stockings и нѣкогда грозная гонительница Байрона, говорила за четверыхъ и смотрѣла въ четыре глаза, если считать стекла двойнаго лорнета, въ которыхъ было не менѣе выразительности чѣмъ въ ея собственныхъ глазахъ. Тутъ было пять или шесть нашихъ доморощеныхъ дипломатовъ, путешествующихъ на свой счетъ не далѣе Ревеля и утверждающихъ рѣзко что Россія государство совершенно европейское, и что они знаютъ ее вдоль и поперекъ, потому что бывали нѣсколько разъ въ Царскомъ Селѣ и даже въ Парголовѣ. Они гордо посматривали изъ-за накрахмаленныхъ галстуковъ на военную молодежь, повидимому такъ безпечно и необдуманно преданную удовольствію. Они были увѣрены что эти люди затянутые въ вышитый золотомъ мундиръ неспособны ни къ чему, кромѣ машинальныхъ занятій службы. Тутъ могли бы вы также встрѣтить нѣсколько молодыхъ и розовыхъ юношей, военныхъ съ тупеями, штатскихъ причесанныхъ à la Russe, скромныхъ подобно наперсникамъ классической трагедіи, недавно представленныхъ высшему обществу какимъ-нибудь знатнымъ родственникомъ. Не успѣвъ познакомиться съ большею частію дамъ, и страшась, приглашая незнакомую на кадриль или мазурку, встрѣтить одинъ изъ тѣхъ ледяныхъ ужасныхъ взглядовъ, отъ которыхъ переворачивается сердце какъ у больнаго при видѣ черной микстуры, они робкою толпой зрителей окружали блестящія кадрили и ѣли мороженое, ужасно ѣли мороженое. Исключительно танцующіе кавалеры могли

раздѣлиться на два разряда. Одни добросовѣстно не жалѣли ни ногъ ни языка, танцовали безъ устали, садились на край стула, обратившись лицомъ ко своей дамѣ, улыбались и кидали значительные взгляды при каждомъ словѣ, короче, исполняли свою обязанность какъ нельзя лучше. Другіе, люди среднихъ лѣтъ, чиновные, заслуженные ветераны общества, съ важною осанкой и гордымъ лицомъ, скользили небрежно по паркету, какъ изъ милости или снисхожденія къ хозяйкѣ, и говорили только съ дамой своего vis-a-vis, когда встрѣчались съ нею, дѣлая фигуру.

Но за то дамы были истиннымъ украшеніемъ этого бала, какъ и всѣхъ возможныхъ баловъ!... Сколько блестящихъ глазъ и брилліантовъ, сколько розовыхъ устъ и розовыхъ лентъ... чудеса природы, и чудеса модной лавки.... Волшебныя маленькія ножки и чудно узкіе башмаки, бѣломраморныя плечи и лучшія французскія бѣлилы, звучныя фразы заимствованныя изъ моднаго романа, брилліанты взятые на прокатъ изъ лавки... Я не знаю, но въ моихъ понятіяхъ женщина на балѣ составляетъ со своимъ нарядомъ нѣчто цѣлое, нераздѣльное, особенное. Женщина на балѣ совсѣмъ не то что женщина въ своемъ кабинетѣ. Судить о душѣ и умѣ женщины протанцовавъ съ нею мазурку, все равно что судить о мнѣніи и чувствахъ журналиста прочитавъ одну его статью.

У двери ведущей изъ залы въ гостиную сидѣли двѣ зрѣлыя дѣвы, вооруженныя лорнетами и разговаривающія съ двумя писателями, молодыми людьми не танцующими. Одна изъ нихъ была Лизавета Николаевна. Пунцовое платье придавало ее блѣднымъ чертамъ немного болѣе жизни и вообще она была къ лицу одѣта. Въ надеждѣ на это преимущество, она довольно холодно отвѣчала на вѣжливый поклонъ Печорина, когда тотъ подошелъ къ ней. (Надобно замѣтить, между прочимъ, что дама дурно одѣтая обыкновенно гораздо любезнѣе и снисходительнѣе—это впрочемъ вовсе не значитъ что онѣ должны дурно одѣваться.) Печоринъ сталъ возлѣ Елизаветы Николаевны, ожидая чтобъ она начала разговоръ, и разсѣянно смотрѣлъ на танцующихъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ, и наконецъ она принуждена была сорвать со своихъ устъ печать молчанія.

— Отъ чего вы не танцуете? спросила она его.

— Я всегда и вездѣ слѣдую вашему примѣру.

— Развѣ съ нынѣшняго дня.

— Чтожь лучше поздно чѣмъ никогда. Не правда ли?

— Иногда бываетъ слишкомъ поздно.

— Боже мой! какое трагическое выраженіе!

Лизавета Николаевна чуть-чуть не оскорбилась, но старалась улыбнуться и отвѣчала:

— Я съ нѣкоторыхъ поръ перестала удивляться вашему поведенію; для другихъ бы оно показалось очень дерзко, для меня очень натурально. О, я васъ теперь очень хорошо знаю.

— А нельзя ль узнать кто такъ искусно объяснилъ вамъ мой характеръ?

— О, это тайна, сказала она взглянувъ на него пристально, и прижавъ къ губамъ свой вѣеръ.

Онъ наклонился и съ притворною нѣжностію шепнулъ ей на ухо:

— Одну тайну вашего сердца вы мнѣ давно уже повѣрили, ужели другая важнѣе первой?

Она покраснѣла при всей своей неспособности краснѣть, но не отъ стыда, не отъ воспоминанія, не отъ досады; невольное удовольствіе, тайная надежда завлечь снова непостояннаго поклонника, выйти замужъ или хотя отомстить современемъ по-своему, по-женски, промелькнуло въ ея душѣ. Женщины никогда не отказываются отъ такихъ надеждъ когда представляется какая-нибудь возможность достигнуть цѣли и отъ такихъ удовольствій когда цѣль достигнута.

Принявъ тотчасъ серіозный, печальный видъ, она отвѣчала съ разстановкой.

— Вы мнѣ напоминаете вещи о которыхъ я хочу забыть

— Но еще не забыли? сказалъ онъ съ нѣжностію.

— О, не продолжайте,—я ничему не повѣрю болѣе, вы мнѣ дали такой урокъ....

— Я?

Въ этомъ *я* было больше удивленія чѣмъ въ пяти восклицательныхъ знакахъ поставленныхъ рядомъ. Потомъ Печоринъ задумался.

— Да, сказалъ онъ,—теперь я начинаю понимать! кто-нибудь меня оклеветалъ предъ вами, у меня столько враговъ и особенно друзей, теперь понимаю отчего намедни когда я заѣзжалъ къ вамъ, это было поутру и я знаю что у васъ были гости, но меня не приняли. О, конечно я самъ не буду искать вторично такого оскорбленія.

— Но вы не знаете что̀ этому причиной, сказала поспѣшно

Елизавета Николаевна, — я получила письмо отъ неизвѣстнаго, въ которомъ....

— Въ которомъ меня хвалятъ и толкуютъ мои поступки въ самую лучшую сторону, отвѣчалъ горько улыбаясь Печоринъ.—О, я догадываюсь кто мнѣ оказалъ эту услугу. Однакожь прошу васъ вѣрьте, вѣрьте всему что тамъ написано, какъ вы вѣрили до сей минуты.

Онъ засмѣялся и хотѣлъ отойти прочь.

— Но если я не вѣрю? воскликнула испугавшись Елизавета Николаевна.

— Напрасно, всегда выгоднѣе вѣрить дурному чѣмъ хорошему.... одинъ противъ двадцати что....

Онъ не кончилъ фразы, глаза его устремились на другую дверь залы, гдѣ произошло небольшое движеніе. Глаза Елизаветы Николаевны боязливо обратились въ ту же сторону.

Сквозь толпу приближалась къ гостиной княгиня Лиговская и за нею князь Степанъ Степановичъ.

Она была одѣта со вкусомъ, только строгіе законодатели моды могли бы замѣтить съ важностію что на ней было слишкомъ много брилліантовъ. Она медленно подвигалась сквозь толпу небрежно раздавшуюся предъ ней. Ни одно привѣтствіе не удерживало ее на пути, и сто любопытныхъ глазъ озиравшихъ съ головы до ногъ незнакомую красавицу вызвали краску на нѣжныя щеки ея; глаза покрылись какою-то электрическою влагой, грудь неровно подымалась и можно было догадаться по выраженію лица что настала минута для нея мучительная. Она была похожа на неизвѣстнаго оратора всходящаго въ первый разъ по ступенямъ каѳедры. Отъ этого бала зависѣлъ успѣхъ ея въ модномъ свѣтѣ.... Не кстати пришитый бантъ, не на мѣстѣ приколотый цвѣтокъ могъ навсегда разрушить ея будущность... И въ самомъ дѣлѣ можетъ ли женщина надѣяться на успѣхъ, можетъ ли она нравиться нашимъ франтамъ если съ перваго взгляда скажутъ: elle a l'air bourgeois... это выраженіе такъ не кстати вкравшееся въ наше чисто дворянское общество имѣетъ однакоже ужасную власть надъ дамами и отнимаетъ всѣ права у красоты и любезности: „вкусъ, батюшка, отмѣнная манера.“

Когда княгиня поровнялась съ Печоринымъ, то едва отвѣтила легкимъ наклоненіемъ головы и мимолетною улыбкой на его поклонъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она отвернулась. Глаза ея безпокойно бѣгали кругомъ, стараясь открыть

хоть еще одно знакомое лицо... и упали на Лизавету Николаевну... Узнавъ другъ друга соперницы очень ласково обмѣнялись привѣтствіями.... Потомъ кто-то еще высунулся изъ толпы мущинъ и съ радостнымъ видомъ сталъ спрашивать когда она изъ Москвы и пр. Она постепенно дѣлалась привѣтливѣй, такъ что можно почти держать пари что еслибъ она встрѣтила здѣсь знакомыхъ, то девяносто девятый остался бы въ счастливомъ убѣжденіи что однимъ взглядомъ побѣдилъ ея сердце. Только что княгиня и князь прошли въ гостиную, Лизавета Николаевна тотчасъ обратилась къ Печорину чтобы возобновить прерванный разговоръ, но онъ былъ такъ блѣденъ, такъ неподвиженъ, что ей стало страшно.

— Появленіе этой дамы, сказала она наконецъ ему,—сдѣлало на васъ очень странное впечатлѣніе!... Вы давно ее знаете?

— Съ дѣтства! отвѣчалъ Печоринъ.

— Я также ее когда-то знала.... за кѣмъ она замужемъ?

Печоринъ сказалъ.

— Какъ! неужели этотъ господинъ который за нею шелъ такъ смиренно ея мужъ?... Еслибъ я ихъ встрѣтила на улицѣ, то приняла бы его за лакея. Я думаю, она дѣлаетъ изъ него все что̀ хочетъ.

— По крайней мѣрѣ все что̀ можно изъ него сдѣлать...

— Однако она счастлива....

— Развѣ вы не замѣтили сколько на ней брилліантовъ.

— Богатство не есть счастіе!...

— Все-таки оно ближе къ нему нежели бѣдность. Нѣтъ ничего безвкуснѣе какъ быть довольною своею судьбой, въ скромной хижинѣ.... за чашкой грешневой каши.

— Кто жь вамъ говоритъ о бѣдности? Вездѣ надо умѣть выбирать середину...

— Я вамъ желаю мужа который бы такъ думалъ.

Онъ отошелъ. Кадрили кончились, музыка замолкла. Въ широкой залѣ раздавался смѣшанный говоръ тонкихъ и толстыхъ голосовъ, шарканья сапоговъ и башмачковъ. Составились группы. Дамы пошли въ другія комнаты подышать свѣжимъ воздухомъ, пересказать другъ другу свои замѣчанія, немногіе кавалеры за ними послѣдовали, не замѣчая что они лишніе и что отъ нихъ стараются отдѣлаться. Княгиня прошла въ залу и сѣла возлѣ Негуровой. Онѣ возобновили старое знакомство и между ними завязался незначительный разговоръ...

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ШКОЛА

ВЪ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ИТАЛІИ

ПО СРАВНЕНІЮ СЪ СОВРЕМЕННЫМИ ЮРИДИЧЕСКИМИ ФАКУЛЬТЕТАМИ

...Si tibi vera videtur
Dede manus; et si falsa est, accingere contra.
Lucret.

Говоря безпристрастно, нельзя не признать сравнительно печальнаго состоянія нашей русской современной юридической школы. Въ общемъ ни труды, ни университетское образованіе не выдерживаютъ никакого сравненія съ университетскою юридическою литературой и университетскимъ преподаваніемъ на Западѣ. Наша ученая литература въ главномъ состоитъ изъ компиляцій по западнымъ трудамъ; болѣе же видимые результаты университетскаго образованія сказываются въ крайней несолидности нашей судебной практики.

Особенно тяжело для насъ сравненіе съ новѣйшею италіянскою юридическою школой, которая только за какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ поднялась изъ страшнаго вѣковаго упадка и теперь въ своихъ 21 университетѣ представляетъ такой подъемъ на который уже обращено вниманіе всей Европы. Въ общемъ результатѣ для Италіи получается: прекрасное

законодательство, громадная литературная дѣятельность, не рѣдко вызывающая удивленіе по вложенной въ нее умственной энергіи * и, наконецъ, чрезвычайно высокій уровень практическаго правовѣдѣнія. По поводу послѣдняго достаточно сказать что въ Италіи масса практиковъ извѣстны своими теоретическими трудами (Тартуфари, Фараоне и др.) и не рѣдко изъ ихъ среды выходятъ университетскіе преподаватели (Гуджино, Карле и др.). Понятно что такое сравнительное превосходство юридическаго образованія коренится въ сравнительномъ достоинствѣ самой юридической школы.

Успѣшные результаты всякой школы обусловливаются, вопервыхъ, цѣлесообразнымъ учебнымъ планомъ и, вовторыхъ, тѣмъ или другимъ качествомъ его выполненія. Послѣднее же существенно зависитъ отъ организаціи преподаванія въ его личномъ составѣ и въ пріемахъ.

Вопросъ объ учебномъ планѣ юридическихъ факультетовъ уже разсмотрѣнъ мною въ особой статьѣ **; въ настоящей же статьѣ я намѣренъ разсмотрѣть университетскую организацію, насколько она можетъ вліять на высшее преподаваніе права.

Для выясненія современной университетской организаціи необходимо исходить изъ ея прототипа въ средневѣковыхъ италіянскихъ университетахъ. Извѣстно что основныя положенія теперешнихъ высшихъ школъ коренятся въ устройствѣ первыхъ университетовъ въ свѣтѣ, средневѣковыхъ италіянскихъ. Изъ Италіи были взяты образцы для университетовъ въ другихъ странахъ Запада и чрезъ посредство послѣдняго заведена высшая школа у насъ. Поэтому чтобы возстановить настоящій смыслъ многихъ сторонъ университетской организаціи необходимо обратиться къ средневѣковой италіянской школѣ.

Въ Италіи хорошо понимаютъ всю важность разработки вопроса о средневѣковыхъ университетахъ. И вотъ почти

* Для примѣра укажу на труды по гражданскому праву гг. Борзари, Маццони, Риччи. Высокая талантливость и обширная эрудиція снискали этимъ ученымъ извѣстность во всей Европѣ. Очеркъ учебной италіянской литературы по всѣмъ отраслямъ правовѣдѣнія можно найти въ моей статьѣ въ *Журналѣ Гражд. и Уголовн. Права*, 1881, кн. 4.

** „Учебный планъ юридическихъ факультетовъ въ Италіи и Россіи" въ *Журналѣ Граждан. и Уголовн. Права* за 1881, кн. 4, стр. 95—131.

каждый университетъ имѣетъ своего историка. Кромѣ того пишется масса статей въ повременныхъ изданіяхъ, составляются сборники документовъ и т. д.

Изъ новѣйшихъ трудовъ особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ талантливый очеркъ исторіи Перуджинскаго университета профессора Паделетти *, а по богатству матеріала, впрочемъ не освѣщеннаго основною идеей и не сведеннаго въ строгую систему, *Италіянскіе университеты въ Средніе Вѣка*, Гектора Колли (2е изд., Флоренція, 1880). **

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить что средневѣковые италіянскіе университеты обязаны своимъ происхожденіемъ не распоряженію верховной, свѣтской или духовной власти, а исключительно возбужденному въ обществѣ интересу къ научнымъ познаніямъ. *** Въ то время когда юридическія традиціи, бревіаріи и обычаи не удовлетворяли уже болѣе культурнымъ нуждамъ и потребностямъ общества, въ Болоньи появляется нѣкто Ирнерій, человѣкъ полный рвенія къ научнымъ изысканіямъ, и открываетъ новый поразительный для своего времени методъ изслѣдованій, основанный на изученіи оригинальныхъ источниковъ римскаго права. Ученая репутація лекцій его самого и его преемниковъ въ преподаваніи привлекаетъ въ Болонью учениковъ со всей Европы. Таково происхожденіе высшаго преподаванія. По свидѣтельству Одофреда, предшественникъ Ирнерія нѣкто Пепоне, а также и самъ Ирнерій **** и другіе древнѣйшіе профессора преподавали въ Болоньи право по собственной инціативѣ и безо всякаго участія власти.

Съ позднѣйшимъ увеличеніемъ числа преподавателей и большимъ стеченіемъ слушателей образуется сама собою цѣлая школа. Всѣ отношенія въ этой школѣ по самому ея происхожденію должны были опредѣляться однимъ обычаемъ. Дѣйствительно, не только отдѣльные профессора (Бартолъ, Балдъ и др.), но и сама власть въ лицѣ Климента VI (булла 1346) свидѣтельствуютъ что единственною основой высшаго преподаванія были обычаи. Власть является только

---

* Padelletti. *Contrib. alla storia dello studio di Perugia.* Bologna 1882.

** E. Coppi. *Le università italiane nel medio ero.* Firenze 1880.

*** Padelletti въ *Archivio giurid.* 18 p. 377.

**** Colle. *Storia dello studio di Padova* 1 p. 37, 39.

съ внѣшнимъ признаніемъ, нѣкоторымъ измѣненіемъ или расширеніемъ школьныхъ правъ. Поэтому нерѣдко мы встрѣчаемъ такіе случаи, когда университетъ, вполнѣ сформированный, утверждается властью спустя долгое время послѣ начатаго преподаванія. Такъ въ Перуджіи „фактъ" преподаванія былъ признанъ Климентомъ V въ 1307 году. * Въ Тревизѣ университетъ былъ утвержденъ Фридрихомъ Австрійскимъ спустя четыре года послѣ его основанія.

Итакъ, все показываетъ что преподаваніе и ученіе въ Средніе Вѣка были дѣломъ свободнаго почина. Преподаватели по усмотрѣнію избирали мѣстожительство и къ нимъ свободно стекались слушатели. Наступало неудовольствіе съ городомъ, или въ собственной средѣ, и профессора, часто вмѣстѣ со студентами, эмигрировали въ другой городъ. Путемъ такихъ выходовъ изъ Болоньи основались многія высшія школы, напримѣръ, въ Падуѣ (1222), въ Сіеннѣ (1321) и др. Городское управленіе Болоньи попыталось было въ началѣ XIII вѣка укрѣпить профессоровъ и студентовъ въ своемъ городѣ, взявъ съ тѣхъ и другихъ присягу въ томъ что они обязуются не переносить преподаванія въ другое мѣсто. Но вызванныя этимъ стѣсненіемъ смуты заставили папу Гонорія III объявить недѣйствительнымъ постановленіе Болонскаго муниципалитета и освободить профессоровъ и студентовъ отъ обязанности приносить присягу.

Во внутреннихъ своихъ отношеніяхъ образовавшаяся школа представляла общество людей связанныхъ интересомъ знанія въ одно цѣлое. Это общество, состоявшее часто только изъ пришлаго, чужаго въ городѣ, контингента, само-собою представлялось обособленою единицей, притомъ не допускавшею во имя своихъ интересовъ никакого вліянія извнѣ. Университеты первыхъ временъ естественно носили въ себѣ стремленіе къ корпоративному общенію съ полною внутреннею самостоятельностью. Важный шагъ ко внѣшнему признанію этого стремленія сдѣланъ Фридрихомъ I Гогенштауфеномъ, который въ 1158 году призналъ (Authentica Habita) ** за Болонскою школой характеръ корпораціи и утвердилъ за ней спеціальную юрисдикцію. Съ этого времени высшая школа могла уже на юридическомъ

* Padelletti. *Contrib. alla storia dello studio di Perugia* p. 13.

** Приведена у Coppi. *Le univ. ital.* p. 73.

языкѣ именоваться университетомъ (universitas). На основаніи этого императорскаго закона Болонскій университетъ первый составилъ свои статуты, положивъ въ основу своей организаціи начала корпоративнаго управленія и привилегированную юрисдикцію. Вновь образовавшіяся школы въ главномъ копировали болонскіе статуты. Затѣмъ въ частности корпоративныя права и привилегіи отдѣльныхъ университетовъ расширялись главнымъ образомъ путемъ договоровъ университетской общины съ городами, а также отдѣльными указами герцоговъ, императоровъ, папъ. Города помимо интересовъ знанія скоро должны были сознать насколько матеріальное ихъ благосостояніе зависитъ отъ пребыванія университета. Достаточно сказать что въ Болоньѣ въ XIII вѣкѣ было до 10 тыс. студентовъ, изъ 35 народностей, въ XIV же вѣкѣ, по свидѣтельству одной хроники, ихъ было уже 13 тысячъ. И вотъ рано италіянскіе города, бывшіе сначала отдѣльными республиками, стали усиленно хлопотать объ открытіи у себя университетовъ, или процвѣтаніи уже существовавшихъ. Этимъ объясняется такая масса университетовъ въ средневѣковой Италіи. * Города, а позднѣе герцоги, спѣшатъ распространить привилегіи уже существовавшихъ университетовъ или съ цѣлію открытія таковыхъ вступаютъ въ переговоры съ профессорами и студентами, причемъ конечно опять выговариваются всевозможныя привилегіи. До насъ дошелъ одинъ весьма интересный подобный договоръ ** отъ 1228 года между городомъ Верчелли и профессорами и студентами съ другой стороны.

Такимъ образомъ средневѣковые италіянскіе университеты представляются намъ свободною школой, организованною въ формѣ корпораціи съ отдѣльною юрисдикціей и массой особо предоставленныхъ привилегій. И этимъ характеромъ организаціи первоначальныхъ университетовъ въ тѣ времена повидимому обусловливалось самое ихъ процвѣтаніе.

Обращаясь къ современнымъ италіянскимъ университетамъ, нельзя не замѣтить въ самомъ ихъ характерѣ кореннаго измѣненія типа средневѣковой школы. Теперешніе университеты заведенія учрежденныя государствомъ съ профессіональною

* См. перечисленіе у Coppi, p. 88—105.
** Приведенъ у Coppi, p. 109—115.

цѣлью. Во имя этой цѣли государство регулируетъ высшее образованіе согласно своимъ требованіямъ.

Въ современной Италіи есть голоса высказывающіеся противъ государственной монополіи въ дѣлѣ высшаго образованія * и требующіе чтобы рядомъ съ правительственными высшими школами были разрѣшены на равныхъ правахъ свободныя школы частныхъ преподавателей, то-есть лицъ по своему личному желанію опредѣлившихъ себя дѣлу преподаванія. Государство, утверждаютъ они, имѣетъ право въ своемъ интересѣ предоставлять извѣстныя права лишь по выполненіи опредѣленныхъ требованій, но не должно брать это выполненіе въ свои руки.

Переходимъ теперь къ отдѣльнымъ общимъ признакамъ университетской организаціи въ Средніе Вѣка.

Средневѣковой университетъ, сказали мы, представлялъ изъ себя корпорацію съ самостоятельнымъ управленіемъ, какъ бы отдѣльную республику съ собственными статутами. Особенность этой корпораціи сравнительно съ новыми университетами была та что въ средневѣковыхъ италіянскихъ университетахъ корпорація тѣсно сплачивала всѣхъ принадлежащихъ къ школѣ членовъ ея. Universitatem составляли какъ профессора, такъ и студенты. Это необходимо вытекало изъ описаннаго уже происхожденія школъ и ихъ правъ.

При этомъ какъ на особенность средневѣковой университетской корпораціи, слѣдуетъ указать что полнымъ объемомъ корпоративныхъ правъ пользовались лишь пришлые члены коллегіи (advenae forenses); туземцы же, посѣщая лекціи, не освобождались отъ подчиненности муниципальной власти, не принимали участія въ университетской администраціи, не имѣли голоса въ университетскихъ собраніяхъ. Это характерно въ томъ отношеніи что указываетъ на естественное происхожденіе университетскаго общенія въ формѣ корпораціи, члены которой въ большинствѣ были пришлыми въ чужой городъ.

Главное выраженіе университетской самостоятельности вовнѣ состояло въ спеціальной юрисдикціи. По статуту, напримѣръ, Падуанскаго университета 1262 года самъ подеста не могъ вмѣшиваться въ судебное дѣло въ которомъ сторонами были члены университетской коллегіи, если только разбира-

* См. De-Gioannis Gianqyinto. *Delle condizioni necessarie all'insegnamento scientifico e letterario.* Pisa 1870 p. 19—28.

тельство началось въ продолженіи 10 дней послѣ судебнаго факта.

Но признаніе за университетами характера корпораціи, внѣшне обособляющей ихъ, и въ то время не исключало окончательно высшаго надзора за ними со стороны внѣшнихъ властей. Съ одной стороны церковь, пользуясь папскимъ суверенитетомъ въ италіянскихъ общинахъ, овладѣла въ интересѣ правовѣрія общимъ контролемъ надъ университетами. Такъ въ главнѣйшихъ италіянскихъ университетахъ высшій надзоръ принадлежалъ епископу, который утверждалъ университетскіе статуты и слѣдилъ за ихъ выполненіемъ. Также и городскіе муниципалитеты, въ виду интереса соединеннаго съ открытіемъ въ нихъ и процвѣтаніемъ университетовъ, не могли отказаться отъ нѣкотораго вмѣшательства въ университетскія дѣла. Позднѣе замѣчаемъ вліяніе герцоговъ и всегда императоровъ, гдѣ только они сохраняли свою власть. Кромѣ того папы и императоры своимъ признаніемъ придавали существованію высшей школы офиціальный характеръ.

Во многихъ отношеніяхъ, какъ мы увидимъ, это вмѣшательство внѣшней власти было крайне благодѣтельно, служа противовѣсомъ разлагающимъ началамъ университетской жизни.

Итакъ, средневѣковой университетъ съ одной стороны представляется намъ обособленною корпораціей съ самостоятельными правами, съ другой же стороны эта самостоятельность не исключаетъ высшаго контроля внѣшней власти.

Что касается корпоративнаго устройства средневѣковыхъ италіянскихъ университетовъ, то въ организаціи ихъ слѣдуетъ строго отличать управленіе корпораціей отъ преподавательскаго института. Они не были тождественны, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ нашихъ университетахъ.

Выше мы уже указали на личный составъ университетской корпораціи. Вполнѣ сформировавшись, она необходимо чувствовала потребность въ представителѣ, въ „правителѣ“.

Таковымъ и былъ ректоръ. Сперва ректоровъ было столько сколько было народностей, но съ позднѣйшимъ постепеннымъ сплоченіемъ отдѣльныхъ единицъ въ единый „университетъ“ въ главнѣйшихъ школахъ (Болонья, Падуа, Верчелли) находимъ уже только четыре ректора, одинъ для cisalpini и три для transalpini, затѣмъ (напр. въ Падуѣ съ XVIII

вѣка) только два, по одному для каждой народности по сю и по ту сторону Альпъ и, наконецъ, только одного ректора. Въ нѣкоторыхъ университетахъ (напримѣръ въ Перуджіи) съ самаго начала былъ только одинъ ректоръ.

Ректоръ избирался на годъ, какъ понятно, самою корпораціей. Въ Болоньѣ положительно засвидѣтельствованъ фактъ выбора ректоровъ студентами. Статуты падуанскіе 1259 въ числѣ студенческихъ правъ упоминаютъ право выбирать ректоровъ. Для выборовъ этихъ составлялось особое собраніе изъ избирателей присланныхъ корпораціей, подъ предсѣдательствомъ выходящаго ректора и такъ-называемыхъ совѣтниковъ, лицъ также избираемыхъ студентами. Обстановка избранія была всегда самая торжественная и обыкновеннымъ мѣстомъ его былъ соборъ.

Избранному ректору вручали такъ-называемые officium ac potestas. Вся университетская корпорація приносила присягу въ повиновеніи ему и статутамъ. Власть ректора распространялась какъ на студентовъ, такъ и профессоровъ, вообще на всѣхъ членовъ корпораціи. Бартолъ говоритъ положительно что въ Болонскомъ и Перуджинскомъ университетахъ профессора были подчинены ректору. По объему его власть внутри корпораціи была весьма обширна (amplissima potestas). Онъ заботился о строгомъ примѣненіи статутовъ, слѣдилъ за правильнымъ ходомъ преподаванія, собиралъ совѣтъ при немъ состоящій и корпорацію. Провинившагося члена корпораціи, будь онъ студентъ или профессоръ, онъ могъ наказывать пеней или даже изгонять изъ школы и коллегіи. Къ нему позднѣе перешла вся гражданская и уголовная юрисдикція * надо всѣми членами корпораціи. Сначала естественнымъ судьей студента, приходившаго въ чужой городъ часто издалека слушать знаменитаго профессора, былъ этотъ послѣдній. И вотъ по закону Фридриха I студенту предоставленъ былъ выборъ между судомъ профессора, епископа или обыкновеннаго магистрата. Но позднѣе, съ

* Въ нѣкоторыхъ университетахъ уголовная юрсидикція ректора подлежала опредѣленнымъ ограниченіямъ. Такъ въ Пизѣ онъ судилъ всѣ дѣла за исключеніемъ убійства и воровства, въ Падуѣ же ректорскому суду подвѣдомственны были лишь дѣла о нарушеніяхъ университетскихъ правилъ и незначительныхъ правонарушеній противъ членовъ корпораціи.

объединеніемъ школы въ лицѣ ректора, юриконсульты истолковали этотъ законъ въ томъ смыслѣ, что теперь ректору какъ высшему представителю корпораціи принадлежитъ и право суда надо всѣми ея членами. Это вошло и въ статуты. Такимъ образомъ профессора изъ судей сдѣлись сами судимыми. Въ 1544 году папа окончательно закрѣпилъ за ректоромъ это общее право суда.

Во внѣшнихъ сношеніяхъ ректоръ обязанъ былъ поддерживать свое представительство съ подобающимъ достоинствомъ. Онъ охранялъ университетскія привилегіи, принималъ въ соблюденіи ихъ присягу отъ городской общины, хлопоталъ о нуждахъ университетскихъ и т. д. Въ публикѣ онъ показывался не иначе какъ съ подобающею его званію пышностью, предшествуемый и сопровождаемый леджіями и студентами. Съ конца XV вѣка онъ называется уже „великолѣпнымъ“ (rector magnificus).

Ректора замѣнялъ въ отправленіи его обязанностей синдикъ (въ нѣкоторыхъ университетахъ значеніе синдика было особаго рода), называемый также проректоромъ или вице-ректоромъ. Онъ также избирался студентами на годъ и былъ подчиненъ общему съ ними суду ректорскому.

Изъ другихъ представителей университетской администраціи имѣютъ для насъ значеніе такъ-называемые совѣтники (consiliarii) и педеля (bidelli).

Студенты каждой народности избирали по одному или по два такъ-называемыхъ совѣтниковъ, которые образовывали съ ректоромъ университетскій совѣтъ (сенатъ). Они наравнѣ со студентами были подчинены общей власти ректора, но имѣли только своею обязанностью представлять достоинство и интересы приславшей ихъ народности. Въ торжественныхъ церемоніяхъ они занимали мѣсто впереди профессоровъ. Но что̀ особенно интересно, совѣтникамъ, напримѣръ въ Перуджіи, принадлежало право иногда уравновѣшивать ректорскую власть: они вѣдали (cognitio) дѣла по оскорбленію ректоромъ студентовъ.

Педелей было, смотря по надобности, большее или меньшее число. Во главѣ ихъ стоялъ старшій педель (bidellus generalis) который избирался (напримѣръ въ Перуджіи) представителями отъ студентовъ, ректоромъ и совѣтниками. Обязанность педелей состояла въ томъ чтобы слѣдить за порядкомъ въ университетѣ, за правильнымъ чтеніемъ лекцій,

ассистировать при этихъ чтеніяхъ и наконецъ секретно слѣдить за самимъ поведеніемъ профессоровъ.*

Рядомъ съ этими представителями университетской администраціи факультетскому собранію профессоровъ предоставлены были лишь заботы о преподаваніи и обо всемъ стоящемъ въ непосредственной съ нимъ связи, какъ-то: экзаменахъ, наблюденіи за порядкомъ въ школѣ и т. п.**

Такъ были обставлены главныя функціи университетской администраціи. Наше вниманіе останавливается главнымъ образомъ на томъ что администрація не находилась ни въ какой зависимости отъ преподавательскаго института. Ректоръ избираемый изъ лицъ всѣми почитаемыхъ могъ безбоязненно отправлять свой высшій контроль надъ тѣмъ что̀ составляетъ все назначеніе университета—надъ преподаваніемъ. Независимый отъ профессоровъ, онъ могъ требовать и требованіе свое подкрѣплять всею властью чтобъ они отправляли какъ слѣдуетъ свои обязанности. Въ случаяхъ злоупотребленій онъ не боялся стать на сторону дѣйствительныхъ интересовъ университетскаго преподаванія. Такъ напримѣръ, когда въ Болоньѣ факультетъ не пожелалъ пропустить кандидатуру лица не состоявшаго въ родственныхъ отношеніяхъ ни съ однимъ изъ профессоровъ (Віанезіо Пасимоверо 1299), то ректоръ открыто принялъ сторону города и университетскихъ интересовъ и заставилъ факультетъ забыть свои домашніе счеты. Но съ другой стороны, отъ злоупотребленія обширною ректорскою властью коллегія была гарантирована контролемъ внѣ университета лежащимъ. Такъ епископъ былъ высшимъ судьей въ столкновеніяхъ профессоровъ съ ректоромъ и студентами.***

Въ современныхъ италіянскихъ университетахъ не имѣется общаго правила о способахъ замѣщенія ректорства. Чаще всего ректоръ назначается министромъ. Это одна форма замѣщенія.**** Въ другихъ университетахъ общее собраніе профессоровъ предлагаетъ по очереди отъ каждаго факультета кандидатовъ (троихъ), и министръ утверждаетъ одного изъ

---

* Coppi. Le univers. ital. p. 161.

** Colle. *Studio di Padova*, I p. 99.

*** Ibid. p. 94; Padelletti. *Studio d. Perugia* p. 28.

**** У насъ она примѣнена для Демид. Юрид. Лицея и Варшавскаго университета.

нихъ * (обыкновенно поименованнаго первымъ). На самомъ дѣлѣ это есть форма избранія ректора профессорами отъ каждаго факультета по очереди. Въ этомъ отличіе отъ нашихъ университетовъ, гдѣ ректоръ избирается общимъ совѣтомъ профессоровъ изъ преподавателей всѣхъ факультетовъ безразлично. Итакъ ректоръ или назначается министромъ, или избирается университетомъ, то-есть профессорами изъ своей среды.

При той власти которую новый регламентъ италіянскихъ университетовъ оставляетъ за ректоромъ, а именно наблюдать за соблюденіемъ регламента и виновныхъ въ нарушеніи его подвергать дисциплинарнымъ наказаніямъ (во главѣ подчиненныхъ ректорской власти поставлены профессора), ректоръ назначенный министромъ уже не есть представитель университетскаго большинства, а исполнитель предписанія министерскаго начальства, которому онъ только и служитъ представителемъ. При такой системѣ заявленія о нуждахъ высшаго преподаванія со стороны профессоровъ и цѣлыхъ факультетовъ могутъ разбиться о ректорскую неприкосновенность, поддерживаемую авторитетомъ высшей канцеляріи. Въ результатѣ въ преподавательскомъ институтѣ можетъ наступить равнодушіе къ общимъ интересамъ школы и она de facto можетъ утратить свободный университетскій характеръ.

Не менѣе несостоятельно крайнее примѣненіе и второй системы. Ректоръ свободно избираемый профессорами по отношенію къ контролю надъ профессорскимъ персоналомъ является совершенно лишнимъ органомъ въ университетскомъ управленіи. Онъ дѣтище и орудіе совѣтскаго большинства. Какъ же осмѣлиться ему стать на сторону интересовъ преподаванія, напримѣръ поднять въ совѣтѣ вопросъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ факультета, предложить вычетъ изъ жалованья пропускающему лекціи профессору и т. п.? Разъ выборъ ректора обусловливается добрымъ согласіемъ съ профессорами, то о контролѣ надъ преподаваніемъ не можетъ быть и рѣчи. Вся дѣятельность ректора при этой системѣ замѣщенія сводится къ канцелярскому начальствованію и почетному предсѣдательству въ совѣтахъ, на актахъ и т. п.

---

* *Regolam. generale universitario* 1875 Art. 5.591.

При современной формѣ университетовъ мнѣ кажется наиболѣе удачнымъ способомъ замѣщенія ректорства тотъ который практикуется въ нѣкоторыхъ италіянскихъ университетахъ (напримѣръ въ Пизѣ). Ректоръ избирается по очереди отъ каждаго факультета. Если срокъ ректорской власти опредѣлить, напримѣръ, въ три года (въ Пизѣ одинъ годъ), то настоящій ректоръ можетъ выступить вновь кандидатомъ лишь чрезъ 12 лѣтъ, при четырехъ факультетахъ. Само собою на такой отдаленный срокъ у людей обыкновенно пожилыхъ не могутъ распространяться планы въ ущербъ добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей. Ректоръ въ такомъ случаѣ является лишь представителемъ университетскаго совѣта и не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ тормазомъ его дѣятельности. Министерская власть является уже стороной лично не заинтересованною, а потому и безпристрастною въ случаяхъ размолвки между ректоромъ и университетомъ.

Переходимъ къ вопросу о *преподаваніи.*

Свободное стеченіе учениковъ, по собственному выбору, къ тому или другому учителю образовало высшую школу. Такое происхожденіе университета отразилось въ юридическомъ правѣ студентовъ избирать профессоровъ. Студенты при первоначальномъ характерѣ высшаго обученія были непосредственно заинтересованы въ томъ чтобъ преподаваніе было обставлено наилучшими силами. Отъ послѣдняго весьма существенно зависѣлъ и интересъ городской общины. Худо обставленное преподаваніе, не привлекая слушателей, вело къ упадку университета. Въ средневѣковой Италіи упоминается масса такихъ университетовъ которые послѣ короткаго блестящаго періода потухали навсегда, какъ напримѣръ прекрасно начатое въ 1204 году преподаваніе въ городѣ Винченцѣ чрезъ пять лѣтъ прекратилось. * Итакъ въ томъ или другомъ составѣ преподавателей были заинтересованы студенты и городскія общины. Поэтому и избраніе профессоровъ зависѣло отъ тѣхъ и другихъ. Обыкновенно каждый годъ происходила такъ-называемая реформа или возобновленіе списка профессоровъ (riformare il rotolo). Совершалась эта реформа въ собраніи ректора, студентовъ (часто только выборныхъ по двое отъ каждой народности) и городскихъ представителей обязанныхъ

* См. перечисленіе другихъ университетовъ съ подобною же судьбой у Coppi.

пещись о процвѣтаніи преподаванія. При этомъ заботились удержать лучшихъ профессоровъ и привлечь изъ другихъ мѣстъ преподавателей съ громкою славой. Въ послѣднемъ случаѣ въ иныхъ городахъ главную роль играла община. Такъ въ Перуджіи туземныхъ профессоровъ избирали студенты, а не туземныхъ—городскіе представители, которые обыкновенно брали во вниманіе голоса и желанія студентовъ. * Приглашеніе дѣлалось иногда въ формѣ даже цѣлыхъ посольствъ. Знаменитость сразу получала приглашенія ото многихъ общинъ, что иногда (напримѣръ по поводу приглашенія нѣкоего Якова де Бельвизо) служило поводомъ къ обмѣну посольскихъ сношеній между городами. **

Приглашали профессоровъ на годъ, иногда на три, на шесть лѣтъ, а иныхъ и на всю жизнь, какъ напримѣръ Бельвизо въ Перуджіи.

Особыхъ какихъ-либо требованій, относительно учености профессора, первоначально не предъявлялось никакихъ. Всякій разчитывавшій на свои научныя силы могъ по желанію открывать курсъ преподаванія. Долгое время профессора преподавали даже не въ публичныхъ аудиторіяхъ, но у себя на дому или въ нанятомъ ими для того помѣщеніи. *** Но позднѣе, по общему правилу могли преподавать только лица выдержавшія подобающее испытаніе. Послѣднее установлено было папой Гоноріемъ III, который съ цѣлью гарантировать преподаваніе отъ возможнаго шарлатанства запретилъ буллой отъ 28 іюля 1219 публичное преподаваніе въ Болоньѣ лицамъ не подвергшимся предварительному испытанію. Для того же чтобы приступить къ экзамену дававшему степень и тѣмъ право на каѳедру необходимо было прослушать полный курсъ наукъ, который напримѣръ въ Падуѣ обнималъ шесть лѣтъ изученія римскаго и три или четыре года каноническаго права, въ Болоньѣ при Одофредѣ курсъ продолжался болѣе пяти лѣтъ: по одному статуту—восемь лѣтъ для цивилиста и пять лѣтъ для канониста. Ученыхъ степеней въ средневѣковыхъ университетахъ обыкновенно было три: бакалавра (bachalarius), лиценціата (licentiatus) и доктора.

---

* Banchi изъ *Archivio storico italiano* p. 8.

** Padelletti въ *Archiv. giurid*, 18 p. 381—385.

*** Coppi. *Le univ ital.* p. 132, 134.

Степень бакалавра предоставлялась однимъ докторомъ или профессоромъ безо всякаго участія другой какой-либо власти, быть-можетъ, простою выдачей свидѣтельства въ томъ что такое-то лицо прошло какую-нибудь цѣлую книгу гражданскаго или каноническаго права подъ руководствомъ его, профессора, а слѣдовательно можетъ правильно толковать книгу и даже преподавать ее другимъ. * Позднѣе эта степень представлялась уже по публичному испытанію и утвержденію коллегіи.

Степень лиценціата получалась послѣ испытанія (examen) частнаго, но торжественнаго, въ присутствіи коллегіи профессоровъ и епископа (обыкновенно оно происходило въ епископскомъ кабинетѣ). Испытаніе это состояло въ томъ что кандидатъ читалъ прежде назначенные ему тезисы (puncta assignata) изъ каноническаго или римскаго, или обоихъ правъ; профессора оспаривали ихъ, а онъ защищалъ.

Докторская степень, laurea, упоминаемая съ половины XII вѣка, давалась послѣ публичнаго испытанія (conventus) въ церкви, при самой торжественной обстановкѣ, въ присутствіи епископа и также въ формѣ защиты тезисовъ. Докторская степень, какъ и теперь, предоставлялась по отдѣльнымъ отраслямъ наукъ.

Въ предоставленіи степеней (исключая степени бакалавра) особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на то что приговоръ коллегіи происходилъ подъ высшимъ и непосредственнымъ наблюденіемъ лица стоявшаго внѣ университета. Епископъ называвшійся апостольскимъ канцлеромъ (въ Болоньѣ, Падуѣ, Пизѣ и др.) присутствовалъ на испытаніи, ему же принадлежало и окончательное утвержденіе (ex indulgentia pontificum по буллѣ Гонорія 1219, 1221) профессорскаго приговора.

Получившіе степени могли свободно открывать преподаваніе. Была нѣкоторая незначительная зависимость отъ коллегіи только для лицъ низшихъ ученыхъ степеней. Всякій же докторъ могъ, по самому свободному характеру высшаго преподаванія, приступать по желанію къ чтенію. Факультетъ былъ не властенъ закрывать ему доступъ къ преподаванію. Мало того, со временемъ эту свободу преподаванія взяла подъ свою защиту внѣшняя власть. Въ интересѣ процвѣтанія

* Colle. *Studio di Padova* 1, p. 101.

университетскихъ чтеній она старалась привлечь лауреатовъ къ преподаванію, уравнивая ихъ во всѣхъ внѣшнихъ правахъ съ читающими уже профессорами. Такъ папы Николай V буллой 1451 и Климентъ VII буллой 1523 предписали чтобы всякій Болонецъ получившій laurea и желающій читать былъ немедленно допущенъ къ каѳедрѣ на равныхъ правахъ съ читающими профессорами.

Но если факультетъ не властенъ былъ непосредственно распоряжаться каѳедрами, то косвенно чрезъ предоставленіе степеней онъ могъ вліять на ихъ замѣщеніе. И такъ какъ съ этимъ связано участіе въ выгодахъ преподаванія и конкурренція, то уже въ средневѣковыхъ университетахъ мы замѣчаемъ тѣ злоупотребленія которыя такъ обычны въ нашихъ университетахъ. Италіянскія коллегіи профессоровъ рано начинаютъ руководствоваться личнымъ расположеніемъ къ кандидату на степень, а то и просто родствомъ съ нимъ. Въ Болоньѣ, напримѣръ, члены факультета обязались клятвенно не возводить въ степени, а слѣдовательно не допускать къ преподаванію всякихъ другихъ Болонцевъ, кромѣ своихъ сыновей, братьевъ и племянниковъ. * Въ 1361 году мы встрѣчаемъ декретъ Флорентинской республики въ которомъ повелѣвается туземнымъ докторамъ воздерживаться отъ преподаванія съ тою цѣлью чтобъ устранить при выборахъ разчеты родства. Подобнымъ же запрещеніемъ объяснятся и то что въ спискахъ Перуджинскаго университета за 1339 не встрѣчаемъ въ числѣ преподавателей ни одного туземца. ** Мы видимъ что противъ факультетскаго пристрастія въ средневѣковой Италіи было еще какое-нибудь средство. Въ университетахъ, мы видѣли, были заинтересованы непосредственно городскія общины. Понятно поэтому что онѣ зорко слѣдили за процвѣтаніемъ преподаванія. И вотъ злоупотребленія при предоставленіяхъ ученыхъ степеней, кромѣ общихъ декретовъ, вызывали и въ другой формѣ вмѣшательство городской власти. Такъ напримѣръ въ 1299 и 1304 годахъ Болонскій муниципалитетъ угрожаетъ наложеніемъ штрафа на профессоровъ упорствующихъ въ отказѣ предоставить опредѣленнымъ лицамъ ученыя степени. Противъ же того чтобы не допускать къ ученымъ степенямъ лицъ бѣдныхъ, кромѣ общаго

* Padelletti. *Studio di Perugia p. 17.*

** Banchi изъ *Archivio storico ital. p. 8.*

непосредственнаго контроля епископа-канцлера, этимъ послѣднимъ были приняты еще особыя мѣры. Напримѣръ, въ Пизѣ при предоставленіи степени присуждающій совѣтъ состоялъ изъ профессоровъ и сверхъ того опредѣленнаго числа докторовъ назначенныхъ самимъ канцлеромъ.

Въ описанной системѣ замѣщенія каѳедръ уже лежалъ зародышъ послѣдовавшаго средневѣковой школы. Въ концѣ Среднихъ Вѣковъ мы замѣчаемъ какъ постепенно профессура изъ выборной становится зависимою отъ внѣшней власти и изъ годовой мало-по-малу дѣлается пожизненною. Это было естественнымъ послѣдствіемъ оплаты профессорскаго труда публичнымъ жалованьемъ, которое придавало преподавательскому персоналу должностной характеръ и ставило его въ зависимость отъ государственной власти. Городская община, назначая жалованье, могла въ своихъ приглашеніяхъ профессора и не заботиться о желаніи корпораціи. Такъ напримѣръ въ Вергелли муниципалитетъ при этихъ приглашеніяхъ совершенно замѣняетъ собою корпорацію; онъ заключаетъ отъ себя условіе съ профессорами (напримѣръ Сальви), отъ себя обращается съ просьбой къ Фридриху II прислать ей профессора и т. п. * Позднѣе, когда высшая власть въ италіянскихъ общинахъ сдѣлалась единоличною, главное вліяніе на приглашеніе профессоровъ переходитъ къ герцогамъ. Не отмѣняя начала выбора профессоровъ корпораціей они накладываютъ на него руку или чрезъ назначенныхъ ими реформаторовъ или самоличнымъ приглашеніемъ профессоровъ, причемъ приказываютъ общинѣ отпускать опредѣленную сумму на жалованье. ** Такъ постепенно исчезаетъ выборное начало при замѣщеніи каѳедръ. Напримѣръ въ 1420 году изъ числа 21 профессора Болонскаго университета выбраннымъ корпораціей былъ только одинъ. Въ Падуѣ сначала только четыре профессора изъ 20 приглашались властью, а остальные избирались корпораціей, позднѣе же всѣ они назначались или Венеціанскимъ правительствомъ или городскими властями. Наконецъ и самый принципъ выборнаго начала былъ отмѣненъ. Въ 1552 году при Юліи II

* Vallauri *Storia delle università degli studi del Piemonte* 2 ed. Torino 1875 p. 23—26.

** Vallauri *Storia* p. 34—47.

статуты Болонскаго университета были пересмотрѣны и совсѣмъ измѣнены, а именно общее направленіе университетскаго преподаванія перешло къ коммиссіи изъ одного сенатора, рыцаря, нобиля, горожанина и купца. Этимъ же лицамъ подъ именемъ реформаторовъ предоставлено было и право замѣщать каѳедры *. Въ Падуѣ Венеціанскій сенатъ закономъ 1560 года прямо уничтожаетъ право студентовъ избирать профессоровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшняя власть, какъ полная распорядительница университетовъ, распространяетъ свое вліяніе и на ученыя степени. Ученая степень была съ одной стороны необходимымъ условіемъ для профессуры, а съ другой—съ докторствомъ, въ скоромъ времени стали соединяться многія и другія внѣшнія привилегіи. И вотъ папы, герцоги, императоры начинаютъ жаловать докторскою степенью своихъ высшихъ придворныхъ лицъ, никогда не посѣщавшихъ университетъ и не державшихъ положеннаго экзамена. Такіе доктора имѣли даже свое особое названіе doctores bollati или codicillari и сильно уронили значеніе степени въ общественномъ мнѣніи. **

Въ современныхъ италіянскихъ университетахъ замѣщеніе каѳедръ производится по назначенію министерской власти. Только въ томъ случаѣ, когда не имѣется по каѳедрѣ ординарнаго и экстраординарнаго профессора, факультету можетъ быть предоставлено право рекомендаціи способныхъ къ преподаванію лицъ. *** Мало того, изъ осторожности принято утверждать молодыхъ преподавателей, какъ-то экстраординарныхъ профессоровъ и лекторовъ (incaricati), на каждый годъ особо. ****

Назначеніе въ профессора обставлено извѣстными условіями. Прежде всего кандидатъ на каѳедру долженъ имѣть ученую степень доктора. Но эту степень въ Италіи получаетъ всякій выдержавшій окончательный экзаменъ и представившій диссертацію. Поэтому de facto министерство отдаетъ при назначеніяхъ предпочтеніе тѣмъ изъ докторовъ которые кромѣ того выдержали спеціальное испытаніе на

---

* Mazzetti. *Memorie storiche sopra l'università di Bologna* 1840 p. 20.

** Colle. *Studio di Podova* 1. p. 107.

*** *Regolam. gener. universitario 1875*, art. *5.493.*

**** *Regolam. gener. univers. 1875*, art. *75.*

„свободныхъ доцентовъ“, * то-есть посвятили по окончаніи курса еще два года на серіозное занятіе наукой и написали диссертацію.

Самое утвержденіе въ докторской степени обставлено въ Италіи различными гарантіями противъ злоупотребленій. Экзаменаціонная коммиссія составлена изъ профессоровъ и лицъ назначаемыхъ извнѣ министромъ. ** Хотя по закону 30 мая 1875 (art. 4) большинство коммиссіи состоитъ изъ офиціальныхъ профессоровъ, но пришлые члены въ случаѣ несогласія съ приговоромъ профессорскимъ могутъ аппеллировать къ министру. Есть голоса раздающіеся *** противъ такого „недовѣрія къ учебному персоналу“. По моему мнѣнію, учебный персоналъ можетъ предъявлять всякія возраженія на это правило, но никакъ не въ силу щепетильности неумѣстной въ вопросахъ такой важности какъ предоставленіе ученыхъ степеней, особенно когда могутъ быть указаны примѣры злоупотребленія коллегіей своимъ правомъ не только въ Италіи, но и въ другихъ странахъ.

Далѣе, замѣщеніе вакантной каѳедры изъ числа лицъ имѣющихъ на то право производится путемъ тщательной оцѣнки научныхъ достоинствъ всѣхъ претендующихъ конкуррентовъ. Для этой оцѣнки въ Римѣ имѣется „высшій совѣтъ“ (consiglio superiore dell'istruzione), состоящій изъ спеціалистовъ лично ничѣмъ не заинтересованныхъ въ предложенномъ вопросѣ. Совѣтъ этотъ дѣлаетъ оцѣнку трудамъ всѣхъ претендентовъ на каѳедру, и министръ даетъ свое рѣшеніе сообразно представленному заключенію.

Такимъ образомъ въ Италіи предоставленіе ученой степени обставлено контролемъ со стороны власти, а самое замѣщеніе каѳедръ исходитъ отъ министерства; причемъ примѣнено самымъ широкимъ образомъ начало конкурренціи. Наконецъ, всѣ возраженія противъ личнаго вліянія министра устранены тѣмъ что заключеніе объ ученыхъ трудахъ претендентовъ на каѳедру предоставлено давать совѣту

* Съ этимъ испытаніемъ приравнивается прохожденіе курса въ Пизанской историко-юридической семинаріи (см. мою статью въ *Журналъ Гражд. и Уголовн. Правъ* 1881, кн. 3).

** *Regolamento per la Facolta di Giurisprud.* art. 13, 14.

*** Schupfer. *Intorno al regolam. della Facolta di Giurisprudenza* въ *Archiv. giurid.* 18 f. 1 p. 55.

спеціалистовъ не заинтересованныхъ лично въ разсматриваемомъ дѣлѣ *.

У насъ, какъ извѣстно, не только предоставленіе степени, но и допущеніе къ преподаванію одинаково предоставлено коллегіи профессоровъ. Поэтому кандидатъ на каѳедру находится въ полной зависимости отъ членовъ той коллегіи въ которую желаетъ проникнуть. Тутъ весьма легко всѣ отношенія къ кандидату могутъ пріобрѣсти чисто личный характеръ. Въ выборномъ отъ самой коллегіи замѣщеніи профессорскихъ должностей лежитъ основа столь общему въ нашихъ университетахъ явленію какъ партизанство. Ограниченное число профессорскихъ вакансій, добавочный окладъ въ формѣ деканства, секретарства, проректорства, ректорства, перебаллотировка съ истеченіемъ срока службы,—всѣ эти такъ-сказать мірскія заботы служатъ сильнымъ стимумуломъ къ энергической дѣятельности въ составленіи партіи большинства, къ которой не приставшіе члены составляютъ немедленно партію оппозиціи. Интересами этихъ партій и опредѣляется успѣхъ новаго кандидата. Послѣднему приходится пройти чрезъ двѣ стадіи: утвержденіе въ степени и выборъ въ преподаватели. Первое не предполагаетъ непремѣнно послѣдняго. Но такъ какъ бывали случаи что меньшинство въ факультетѣ пользовалось большинствомъ въ совѣтѣ, то партіи не безразлично относятся и къ предоставленію степеней дающихъ право баллотироваться въ профессора по предложенію хотя бы одного члена совѣта. Вотъ почему нерѣдко не утверждались представленныя диссертаціи, которыя затѣмъ проходили въ другомъ университетѣ.

При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на одно крайне странное явленіе: въ нашихъ университетахъ сплошь да рядомъ предоставленіе ученыхъ степеней производится по отзыву лицъ или вовсе не имѣющихъ степеней, или даже не спеціалистами по каѳедрѣ. Мнѣ кажется, такую аномалію слѣдуетъ устранить, хотя бы и пришлось кандидату переносить защиту диссертаціи въ другой университетъ.

Предположимъ теперь что кандидатъ пройдетъ чрезъ всѣ препятствія на пути къ пріобрѣтенію ученыхъ степеней. До

---

* Изъ личныхъ разговоровъ со многими италіянскими профессорами я убѣдился что въ самой ученой коллегіи нѣтъ и тѣни недовольства такимъ порядкомъ замѣщенія каѳедръ.

сихъ поръ у насъ стремленіе къ степенямъ имѣетъ почти исключительную цѣль—получить каѳедру. Послѣднее зависитъ отъ выбора въ факультетѣ и совѣтѣ. И вотъ тутъ-то нерѣдко борьба партій за лишній голосъ или противъ него получаетъ крайне ожесточенный характеръ. Ученыя заслуги кандидата, интересы преподаванія, отодвигаются на задній планъ; въ баллотируемомъ видятъ только усиленіе той или другой партіи, если не тотчасъ (въ случаѣ баллотировки на доцентуру), то въ будущемъ. Этимъ только можно объяснить почему во многихъ университетахъ каѳедры, часто самыя основныя, не заняты или обставлены крайне слабыми силами.

По всему этому мнѣ кажется что современная италіянская система замѣщенія каѳедръ имѣетъ значительное преимущество предъ нашею. Предъ начинающимъ италіянскимъ ученымъ нѣтъ такой массы препятствій, ничего общаго съ наукой не имѣющихъ, какъ предъ нашимъ кандидатомъ. Послѣдній долженъ съ первыхъ же шаговъ полагаться болѣе на житейскую мудрость, на умѣніе заинтересовать въ себѣ лично вліятельныхъ членовъ большинства, чѣмъ на добросовѣстный усидчивый трудъ. Но такъ какъ въ порядочномъ молодомъ человѣкѣ рѣдко хватаетъ, помимо желанія, и самаго умѣнія и выдержки для того чтобъ успѣшно вести интригу, то этимъ только можно объяснить, почему у насъ такое малое число лицъ посвящаетъ себя столь рискованной ученой карьерѣ, тогда какъ въ Италіи каждый годъ на арену науки выступаетъ цѣлая масса молодыхъ силъ.

Возвращаемся къ Среднимъ Вѣкамъ. Сказавъ о способѣ замѣщенія каѳедръ, слѣдуетъ упомянуть объ ихъ количествѣ. Послѣднее по самому происхожденію высшаго преподаванія не было сначала опредѣлено. При открытіи курса Ирнеріемъ въ началѣ XII вѣка онъ былъ единственнымъ лекторомъ въ Болоньѣ. * По мѣрѣ возрастанія значенія за высшимъ преподаваніемъ, разработки наукъ, увеличенія числа слушателей, пріумножалось и число профессоровъ. Такъ напримѣръ въ Перуджіи въ началѣ XIV вѣка было три профессора гражданскаго и два каноническаго права, а въ XVI ихъ было уже пять для гражданскаго и четыре для каноническаго права, кромѣ такъ-называемыхъ конкуррентовъ

* Mazzetti. *Memorie*, p. 14.

(см. ниже) при нихъ. * Въ Болоньѣ въ 1300 году было двѣнадцать профессоровъ-юристовъ, въ 1451 же году число каѳедръ превосходило цифру 170. Въ этомъ году папа Николай V издалъ буллу сократившую ихъ до 44. Но при этомъ ординарныхъ профессоровъ осталось двѣнадцать, которые и пользовались нѣкоторыми преимуществами. По образцу Болонскаго и въ другихъ университетахъ находимъ правило чтобы число ординарныхъ профессоровъ не превышало двѣнадцати; число же экстраординарныхъ могло быть и больше. **

Оплачивался профессорскій трудъ первоначально лишь взносомъ слушателей. Но позднѣе, съ раздробленіемъ преподаванія на множество школъ, этого стало недостаточно. Первое публичное жалованье профессорамъ упоминается въ Падуѣ за 1279 годъ. Позднѣе городскія общины постановляютъ обратить опредѣленные общинные доходы на содержаніе профессоровъ. Напримѣръ, въ Падуѣ по требованію студентовъ содержаніе одного профессора гражданскаго права оплачивалось налогомъ на проститутокъ. Величина жалованья (stipendium) зависѣла обыкновенно отъ соглашенія съ профессоромъ при его приглашеніи. Община сама предлагала приглашаемому ту или другую сумму (напримѣръ 100, 150 лиръ) и отъ профессора ожидали согласія (Бельвизо, въ Перуджіи, предложено было 200 флориновъ золотомъ въ годъ). Съ этихъ приглашеній извнѣ ведетъ свое начало оплачиваніе жалованьемъ профессорскаго труда. Поэтому долго въ нѣкоторыхъ университетахъ (напримѣръ въ Падуѣ) жалованье давалось только по немногимъ каѳедрамъ и, вовторыхъ, только пришлымъ профессорамъ; туземнымъ же профессорамъ оставался единственный доходъ отъ студенческихъ взносовъ. *** Разумѣется и для первыхъ жалованье служило только дополненіемъ къ профессорскому содержанію отъ платы слушателей. Есть также извѣстія что такъ-называемымъ заслуженнымъ профессорамъ, то-есть читавшимъ опредѣленное число лѣтъ (въ Болоньѣ по сенатскому декрету 1549 года 20 лѣтъ) назначалось большее жалованье и даже пожизненныя пенсіи.

Городская община заинтересованная въ процвѣтаніи университета рано поняла насколько матеріальная оплата

---

* Padelletti. *Contrib. alla storia d. studio di Perugia* p. 17 u n. 1.

** Wallauri. *Storia delle università degli studi del Piemonte* 2 ed. 1875. p. 93.

*** Colle. *Storia dello studio di Padova* 1 p. 91, 92.

лекцій служитъ сильнымъ средствомъ давленія на факультетъ и поэтому уже, распоряжаясь жалованьемъ, она распространила свое вліяніе и на добровольныя приношенія студентовъ. Такъ съ цѣлью уничтожить факультетскія интриги, угрожавшія уронить научное значеніе школы, въ статутъ XIV вѣка Перуджинскаго университета внесено было такое постановленіе: туземные профессора не получаютъ жалованья и не могутъ принимать платы отъ студентовъ. Косвенно этимъ почти вовсе былъ устраненъ отъ преподаванія туземный элементъ въ пользу приглашаемыхъ по свободному выбору извнѣ. Профессоръ Паделлетти съ большою похвалой отзывался о такой мѣрѣ предупреждать застой въ школѣ. * Дѣйствительно въ Болоньѣ, гдѣ впервые развились злоупотребленія въ promotiones и замѣченъ былъ упадокъ въ преподаваніи, публичное жалованье было поставлено папскими буллами (1451, 1523) въ независимость отъ городской общины: на него имѣлъ право всякій туземецъ получившій докторскую степень и желавшій читать. **

Изъ сказаннаго до сихъ поръ мы видимъ что исторически сложившаяся система преподаванія, ставившая внѣшній успѣхъ его въ зависимость отъ таланта и добросовѣстнаго труда профессора, заставляла послѣдняго посвящать всѣ свои силы на служеніе наукѣ въ формѣ преподаванія. Но былъ еще одинъ стимулъ къ энергичной и добросовѣстной дѣятельности профессора, это—обычай давать ординарнымъ профессорамъ получающимъ жалованье конкуррентовъ (concurrentes dare), которые въ соревнованіи съ первыми преподавали бы одну и ту же науку, почему и назывались антагонистами (antagonistae). Иногда при одномъ профессорѣ приставлялось нѣсколько такихъ конкуррентовъ. По совершенно вѣрному замѣчанію Коппи, „свобода преподаванія не много способствовала бы прогрессу, еслибъ его движенію не данъ былъ могучій стимулъ въ конкурренціи“. *** И насколько въ дѣйствительности нелюбы были профессорамъ эти антагонисты показываютъ также позднѣйшіе примѣры, когда монаршею милостію (principis indulgentia) какому-нибудь отдѣльному профессору разрѣшалось преподавать науку безъ конкуррентовъ.

---

* *Contrib.*, p. 18.

** Mazzetti. *Memorie* p. 27.

*** *Le universita italiane* p. 247.

Обращаясь къ современнымъ италіянскимъ и нашимъ университетамъ, мы не можемъ не замѣтить по поводу только-что сказаннаго важнаго отличія отъ средневѣковой школы. Профессорскіе штаты нынѣ опредѣлены тѣсными рамками и профессора оплачиваются исключительно отъ казны. Нѣтъ болѣе главнаго стимула, заставлявшаго профессора работать по мѣрѣ силъ, а именно свободнаго выбора слушателемъ преподавателя у котораго онъ желалъ бы обучаться. Нельзя не согласиться съ профессоромъ Жіоаннисомъ сказавшимъ: „уничтожьте свободу выбора преподавателей студентами и вы потушите священное пламя соревнованія между профессорами". * Поэтому въ интересѣ преподаванія желательно чтобы доступъ къ нему былъ открытъ возможно большему числу лицъ. Въ литературѣ поднятъ уже давно вопросъ о такъ-называемыхъ приватъ-доцентахъ. Нельзя не согласиться съ основною мыслью объ институтѣ доцентскомъ; все дѣло только въ организаціи его. Въ современной Италіи каждый имѣющій право на свободнаго доцента можетъ съ разрѣшенія ректора открывать чтенія; но положеніе доцентовъ относительно профессорской коллегіи таково что въ Италіи какъ и у насъ приватъ-доцентура не особенно прививается и изъ лагеря ея слышится недовольство. **

Переходимъ къ самому преподаванію. Если обратить вниманіе на дошедшія свѣдѣнія о профессорской дѣятельности въ средневѣковыхъ италіянскихъ университетахъ, то сравненіе ихъ съ современною юридическою школой, по количеству труда и по раціональности преподаванія, едва ли будетъ въ пользу послѣдней.

Прежде всего профессоръ посвящалъ всю свою дѣятельность одному преподаванію. По договору, напримѣръ, съ общиной Вергалли имъ прямо запрещено было заниматься внѣуниверситетскою практикой. Только позднѣе замѣчается вліяніе профессоровъ въ практическихъ дѣлахъ, и по мѣрѣ увеличенія этого вліянія сказываются вредныя послѣдствія для университетской науки. Извѣстно что особое положеніе

* De-Gioannis Gianquinto. *Delle condizioni necessarie all'insegnamento scientifico e letterario* p. 30.

** Напр. см. Tedeschi. *Del metodo nello studio del diritto civile.* Torino, 1877, p. 22.

занятое докторами въ Средніе Вѣка постепенно сдѣлалось для нихъ источникомъ практической служебной карьеры. Такъ во многихъ италіянскихъ городскихъ общинахъ знаменитые доктора стали получать высокое государственное положеніе и отличія. Кромѣ того императоры, отчасти по особой причинѣ покровительствовавшіе докторамъ-юристамъ, создали для нихъ массой отдѣльныхъ декретовъ самое привилегированное положеніе и старались привлечь ихъ на службу. Карлъ V, напримѣръ, называетъ ихъ обыкновенно рыцарями закона, даетъ имъ почетный титулъ привилегированнаго тогда военнаго сословія и разныя общественныя права, подтверждаемыя папой. * Докторская степень открываетъ путь въ императорскіе совѣтники, къ высшему участію въ правительствѣ. И вотъ масса ученыхъ силъ хоронитъ университетскую науку на государственной службѣ и при дворахъ владыкъ. Но этими явленіями, прямо вытекающими изъ положенія занятаго университетскою наукой, отмѣчается уже упадокъ средневѣковой школы въ послѣднемъ ея періодѣ. Учебный годъ продолжался обыкновенно десять мѣсяцевъ, начиная со дня Св. Луки (19 октября). Всѣ вакансіи не превышали девяноста дней въ году.

Въ учебное время профессора обязывались аккуратно читать свои лекціи и притомъ по регламенту, напримѣръ Сіенскаго университета, непремѣнно каждый день. Въ статутахъ различныхъ университетовъ мы находимъ статьи взысканій съ профессоровъ которые не могли привести уважительной причины пропущенной лекціи, или начинали ее пропустивъ часть положеннаго времени. Отмѣчать такую неаккуратность лежало на обязанности педеля ** который въ то же время долженъ былъ немедленно приглашать одного изъ наличныхъ профессоровъ занять свободную каѳедру.

Каждая лекція предолжалась полтора или даже два часа.

Но чтеніемъ лекцій не ограничивался преподавательскій трудъ профессора. Кромѣ этихъ чтеній онъ обязанъ былъ подъ страхомъ денежнаго взысканія принимать участіе въ вечернихъ собраніяхъ, на которыхъ происходили диспуты. Диспуты эти по статуту Падуанскаго университета производились во всѣ тѣ дни когда читались лекціи, въ періодъ отъ

---

* См. Mazzetti, *Memorie storiche.* p. 49.

** См. донесеніе педеля у Coppi. *Le università ital.* 244, 245.

начала года до Пасхи, въ Болоньѣ—отъ карнавала до пятидесятницы, — и продолжались иногда долгое время. Разказываютъ что въ Болоньѣ диспутъ между Балдомъ и Бартоломъ тянулся цѣлыхъ пять часовъ.

На этихъ же засѣданіяхъ происходили и такъ-называемыя репетиціи, которыя въ Болоньѣ производились каждую недѣлю одинъ разъ, по праздничнымъ днямъ, за все время отъ начала учебнаго года до карнавала.

Скажемъ о каждой формѣ преподавательской дѣятельности профессоровъ въ отдѣльности.

Лекціи раздѣлялись на ординарныя и экстраординарныя. Только первыя сначала оплачивались публичнымъ жалованьемъ и состояли изъ преподаванія курса признаннаго необходимымъ. Вторыя — были какъ бы дополненіемъ первыхъ и сначала оплачивались всегда только студенческими взносами. Читались эти лекціи обыкновенно бакалаврами или даже при извѣстныхъ условіяхъ выборными студентами. Такъ если студентъ посѣщалъ университетъ въ продолженіе пяти или шести лѣтъ (болонскій статутъ), то ректоръ могъ допустить его къ публичному толкованію отдѣльнаго титула или даже цѣлой книги. Но также и ординарные профессора по желанію студентовъ читали частнымъ образомъ спеціальные курсы въ дни и часы незанятые ординарными публичными лекціями. Одофредъ, въ одномъ изъ своимъ обращеній къ слушателямъ, говоритъ что будетъ читать свои обязательныя ординарныя лекціи, а частныхъ не станетъ больше читать, ибо студенты хотятъ знать все, а платятъ плохо.

Что касается предметовъ преподаванія, то юридическая школа съ древнѣйшихъ временъ подраздѣлялась на коллегію гражданскаго или имперскаго права и коллегію каноническаго или папскаго права. Главнымъ предметомъ первой было Юстиніаново право, къ которому въ послѣдствіи присоединились другіе спеціальные курсы. Порядокъ чтенія и распредѣленіе предмета между профессорами были подробно обозначены въ статутахъ. Такъ въ Болоньѣ для corpus juris civilis было назначено пять курсовъ, изъ которыхъ два ординарные состояли изъ чтенія Digestum vetus и Codex'а, остальные три были экстраординарными. Всѣ эти курсы продолжались по году. Иногда одинъ и тотъ же профессоръ читалъ всѣ пять курсовъ одинъ за другимъ или одновременно нѣсколько изъ нихъ.

Со второй половины XIV вѣка въ статуты Болонскаго университета вошло такое измѣненіе: каждая часть Дигестъ или Кодекса должна читаться одновременно двумя профессорами, между которыми она раздѣлялась на половину,—и такіе курсы (удвоенные) продолжались не менѣе года. Въ Падуѣ въ концѣ XV вѣка полный курсъ римскаго права продолжался цѣлыхъ пять лѣтъ: годъ для институціи, два года для Digestum vetus и Infortiatum и два года для Кодекса и Digestum novum. Предметомъ спеціальныхъ каѳедръ были обыкновенно Authenticum, Tres libri и феодальное право.

Изъ этого краткаго очерка мы замѣчаемъ прежде всего что курсы читались полные, затѣмъ, не иначе какъ по книгамъ точно обозначеннымъ, хотя по самому методу изложенія прогрессивный порядокъ въ преподаваніи и не считался необходимымъ. Балдъ говоритъ что профессоръ могъ интерпретировать въ публичной школѣ лишь книги одобренныя. * Изъ статутовъ отдѣльныхъ университетовъ видно что въ Средніе Вѣка уже было обращено серіозное вниманіе на учебный планъ. Предъ открытіемъ чтеній профессорская коллегія обсуждала предстоящее преподаваніе; каждый профессоръ представлялъ свою, такъ-сказать, программу (pagina), то-есть обозначалъ предметы которые намѣревался излагать въ учебномъ году. Эти предметы, скрѣпленные университетскою печатью, опубликовывались школьною администраціей (Падуя). ** И въ современныхъ италіянскихъ университетахъ профессору обязательно представить краткую программу чтенія въ наступающемъ году; программа эта вывѣшивается для свѣдѣнія студентамъ. Наконецъ, мы видѣли что изложеніе основнаго предмета римскаго права было такое подробное что благодаря только этому оно могло выработаться въ Средніе Вѣка до понятія права общаго (jus commune) и путемъ наслѣдія составить главную основу тѣхъ началъ которыя регулируютъ правовыя отношенія въ современномъ обществѣ.

Въ нашихъ университетскихъ кружкахъ господствуетъ полное разногласіе по вопросу объ учебномъ планѣ; не рѣдко слышится полное отрицаніе даже необходимости въ такомъ планѣ. Въ частности расходятся въ томъ: слѣдуетъ ли читать курсы въ цѣломъ составѣ предмета, излагать подробно или

* См. мѣсто изъ Балда у Colle, *Studio di Padova* 1 p. 143.

** Colle. *Studio di Padova* 1 p. 100.

въ суммарной формѣ знакомить съ главными положеніями науки и т. п. Въ настоящей статьѣ я не касаюсь этихъ современныхъ вопросовъ, такъ какъ посвятилъ имъ отдѣльный трудъ.

Переходимъ къ важнѣйшему вопросу въ преподаваніи, именно—его методу. По вѣрному замѣчанію профессора Сколяри „полезность школы зависитъ главнымъ образомъ отъ методы ученія и формы преподаванія". * Съ этой же стороны преподаваніе въ средневѣковыхъ университетахъ было въ общемъ несравненно выше современнаго преподаванія въ нашихъ университетахъ.

Какъ показываетъ самое слово „чтеніе" (lectura) основной пріемъ академическаго преподаванія состоялъ въ объясненіи текста закона, который громко прочитывался профессоромъ. Этому обыкновенно предшествовало краткое изложеніе содержанія всего титула (summa). Толкованіе состояло въ указаніи на характеръ закона, въ разрѣшеніи очевидныхъ противорѣчій, въ развитіи общихъ началъ права (brocarda) и въ приведеніи дѣйствительныхъ или измышляемыхъ судебныхъ случаевъ (casus), къ которымъ могъ быть примѣненъ законъ. Впрочемъ послѣднее дѣлалось чаще на репетиціяхъ. Толкованіе происходило всегда на память. Статуты и университетскіе обычаи не дозволяли профессору имѣть при себѣ писанныя замѣтки; послѣднее считалось даже неприличнымъ, и такіе профессора назывались въ насмѣшку людьми съ грамотками (chartacei). Это, съ одной стороны, охраняло за преподаваніемъ характеръ научной бесѣды, всегда легче и съ бо́льшимъ вниманіемъ выслушиваемой аудиторіей, а съ другой—заставляло профессора отдѣлывать свои лекціи съ тѣмъ стараніемъ которое невольно поражаетъ насъ въ дошедшихъ запискахъ слушателей. Кромѣ того въ статутѣ нѣкоторыхъ университетовъ (напр. Перуджинскаго) находимъ подробныя правила чтеній, охраняющія интересъ самаго преподаванія. Такъ иногда профессора обязывались предувѣдомлять студентовъ о чемъ они будутъ читать въ слѣдующія лекціи. Затѣмъ, подъ страхомъ большой пени профессоръ не долженъ былъ пропускать неразъясненными ни одного вопроса, главы, закона, параграфа, не смѣлъ относить болѣе труднаго къ концу лекціи или на

* Scolari въ *Archivio giurid.* 18 p. 564.

одной лекціи оканчивать болѣе одного или двухъ предметовъ и т. п. *

При всемъ этомъ самыя чтенія происходили не въ формѣ сухаго изложенія текста и комментарія на него; они носили скорѣе характеръ ученыхъ сообщеній, причемъ слушатели принимали активное участіе. Мы знаемъ что нѣкоторыми университетскими статутами (напр. въ Перуджіи) ** студентамъ предоставлено было право принимать участіе даже въ выборѣ вопросовъ которые бы излагались на лекціяхъ. Студенты разсматривали профессорскія программы и дѣлали къ нимъ прибавленія и измѣненія. Далѣе, мы знаемъ что студенты имѣли право въ случаяхъ сомнѣнія по поводу читаннаго подавать профессору замѣтки или просто прерывать его вопросами, и профессоръ обязанъ былъ въ тотъ же день или на слѣдующій удовлетворить студентовъ. *** Такимъ образомъ часто лекціи превращались въ діалоги между профессоромъ и студентами. Разказываютъ, напримѣръ, какъ извѣстный Азонъ, переодѣвшись, явился на лекцію своего бывшаго учителя Бассона и сбилъ его своими вопросами.

Мало того, въ Средніе Вѣка рано было признано и оцѣнено высокое воспитательное значеніе ученія. Во многихъ декретахъ, которыми утверждался университетъ, говорится что наука дѣлаетъ людей болѣе добродѣтельными. Поэтому преподавательская обязанность состояла не въ одной передачѣ идей, но и въ развитіи нравственныхъ началъ, въ частности понятій гражданской доблести, какъ прочной основы государственнаго благосостоянія и народнаго счастія. **** Нерѣдко въ лекціяхъ тогдашняго профессора встрѣчаются такія обращенія къ студентамъ, въ которыхъ онъ излагаетъ имъ, какъ бы своимъ интимнымъ друзьямъ, правила морали, вспоминаетъ свою жизнь, дѣлаетъ характеристику людей и т. д. Подобными вещами переполнены лекціи Одофреда. Сознавая такое воспитательное значеніе преподаванія, общество требовало прежде всего отъ самого профессора всѣхъ условій нравственной жизни, чтобы, какъ говорилось, студенты могли поучаться не только изъ лекцій „но имѣли бы въ учителяхъ образецъ для подражанія въ жизни“. Понятно поэтому то

* Padeletti. *Studio di Perugia* p. 45, 46.

** Padeletti. *Studio di Perugia* lib. III rubr. 19.

*** Colle. *Studio di Padova* 1 p. 144.

**** Coppi, p. 258.

глубокое почтеніе съ которымъ средневѣковой студентъ относился къ своему профессору.

Вторая форма преподавательской дѣятельности состояла въ диспутахъ (disputationes), т.-е. въ отстаиваніи профессоромъ своихъ впередъ выставленныхъ положеній (тезисовъ) противъ оппонентовъ. Поставленные вопросы были чаще практическаго свойства. Первымъ оппонировалъ ректоръ, затѣмъ профессора, а наконецъ могли возражать и студенты. Такимъ образомъ студенты не только присутствовали при этомъ оживленномъ обмѣнѣ мнѣній, возраженій и опроверженій профессора, но могли и сами принимать участіе въ этихъ такъ-называемыхъ „аргументаціяхъ“.

Наконецъ, репетиціи (repetitiones) были дальнѣйшимъ развитіемъ читанныхъ лекцій. Онѣ состояли въ томъ что профессоръ бралъ одинъ изъ пройденныхъ на лекціяхъ текстовъ и развивалъ его во всевозможныхъ примѣненіяхъ къ дѣйствительнымъ или измышляемымъ практическимъ случаямъ, разрѣшалъ сомнѣнія и возраженія студентовъ.

Диспуты и репетиціи были какъ бы дополненіемъ къ лекціямъ.

Вотъ краткій очеркъ средневѣковаго университетскаго преподаванія. Мы видимъ постоянный непосредственный обмѣнъ мыслей между профессоромъ и учениками, мы видимъ поэтому и тотъ живой интересъ который питали студенты къ лекціямъ и ту полноту познаній которую они должны были выносить изъ университета. Студенты учатся по мѣрѣ чтенія лекцій и учатся основательно. Поэтому нѣтъ ничего преувеличеннаго въ словахъ профессора Серафини, * сказавшаго что средневѣковые университеты служатъ и всегда будутъ служить недостижимымъ образцомъ свободнаго и плодотворнаго преподаванія. Конечно, сравнивая теперешніе италіянскіе и наши юридическіе факультеты со средневѣковою школой, мы не должны забывать что сами студенты не мало способствовали плодотворности этого преподаванія. Средневѣковые университеты были свободною школой, которая удовлетворяла лишь свободной любви къ познаніямъ, безо всякихъ иныхъ разчетовъ. Единственнымъ импульсомъ заставлявшимъ идти въ университетъ, нерѣдко покидая для того далекую родину, была жажда къ ученію. Въ исторіи университетовъ встрѣчаются примѣры, когда студентъ, въ послѣдствіи

* *Archivio giurid.* v. 21 p. 483.

ученая знаменитость, живетъ подаяніемъ, но не оставляетъ ученія. Для бѣдныхъ студентовъ, жившихъ на чужой счетъ, было даже свое особое названіе „socii doctorum vel scholarium“. При упомянутой массѣ каѳедръ лекціи въ иныхъ университетахъ читались съ ранняго утра до поздняго вечера и всѣ эти лекціи посѣщались массой слушателей. Разказываютъ что въ Римскомъ университетѣ студенты, чтобы занять лучшія мѣста на лекціяхъ любимаго профессора, приходили въ аудиторіи съ полночи и т. д.

Современемъ, когда университетъ сдѣлался мало-по-малу источникомъ общественной карьеры, замѣчается вмѣстѣ съ тѣмъ въ массѣ студентовъ упадокъ рвенія къ ученію. Начинаютъ разказывать, какъ нѣкоторые профессора даютъ студентамъ деньги въ займы съ цѣлью заставить должниковъ посѣщать свои лекціи. Любимою шалостью студентовъ было похищать книги, чтобы лишить профессора возможности читать лекціи и т. п. Достаточно сказать только что въ шестнадцатомъ вѣкѣ герцогъ Феррарскій въ эдиктѣ обращенномъ къ университету говоритъ совсѣмъ противное тому что нѣкогда говорилъ Одофредъ, а именно герцогъ свидѣтельствуетъ что студенты теперь уже не желаютъ заниматься и только нарушаютъ порядокъ чтенія лекцій. Словомъ, первоначальный смыслъ средневѣковой школы измѣнился, измѣнилось и отношеніе къ ней учащагося контигента. Въ этой стадіи развитія средневѣковая школа представляется намъ переходною ступенью къ чистому типу новѣйшихъ университетовъ. Для громаднаго большинства современныхъ студентовъ, университетъ имѣетъ совсѣмъ особое значеніе, а именно, какъ учрежденіе дающее извѣстное общественное положеніе. Поэтому тѣмъ болѣе желательна такая форма преподаванія которая привлекая слушателей къ постоянному занятію способствовала бы солидности выносимыхъ ими изъ университета знаній. На дѣлѣ же настоящій пріемъ преподаванія юридическихъ наукъ дѣлаетъ посѣщеніе лекцій совершенно безполезнымъ. Сколько ни говорить о пользѣ изустнаго слова, но всякій прошедшій университетскій курсъ можетъ личнымъ опытомъ подтвердить что при настоящей формѣ профессорскихъ чтеній посѣщеніе лекцій въ большинствѣ случаевъ — простая трата времени. Въ современной Италіи это сознали ясно и начинаютъ громко высказывать желаніе возвратиться къ той формѣ преподаванія какая

практиковалась въ средневѣковыхъ университетахъ. * Дѣйствительно, студентъ, слушая сплошное устное изложеніе предмета, не въ состояніи ни сохранить сосредоточеннаго вниманія въ продолженіе всей лекціи, ни осмыслить и усвоить себѣ ея содержаніе. Въ головѣ его остаются какія-то отрывочныя фразы профессора, безъ связи и яснаго уразумѣнія. Словомъ, слушатели, какъ выразился одинъ писатель (Боккардо), представляютъ изъ себя стадо которое возвращается съ пастбища напитавшись однимъ вѣтромъ. Поэтому обращая взоръ къ Германіи, въ Италіи начинаютъ приглашать профессоровъ отказаться отъ дорогаго для нихъ пріема чтеній въ формѣ рѣчей, что отдаляетъ ихъ отъ слушателей, а стараться привлечь послѣднихъ къ непосредственнымъ занятіямъ съ собою, превративъ свои лекціи въ бесѣды и даже діалоги со студентами. Этимъ думаютъ увеличить среди студентовъ интересъ къ ученію, принудить ихъ къ нормальнымъ и постояннымъ занятіямъ и такимъ путемъ возвысить не только уровень познаній, но и нравственно облагораживающее значеніе наукъ.

Нельзя сказать чтобъ и у насъ и въ официіальныхъ сферахъ Италіи не сознавалась несостоятельность обычной формы профессорскихъ чтеній. Въ послѣднее время у насъ много говорятъ о семинаріяхъ и даже пытаются провести ихъ на дѣлѣ. Въ италіянскомъ же послѣднемъ университетскомъ регламентѣ имѣется такой параграфъ (65) основныхъ правилъ: „преподаваніе официіальныхъ профессоровъ выражается въ двухъ формахъ: чтенія и конференцій со студентами. Послѣднія профессоръ можетъ производить въ отдѣльные часы или посвящать имъ часть каждой лекціи.“ Но такъ какъ несомнѣнно успѣхъ конференцій обусловливается подготовкой студентовъ лекціями, то вопросъ о несостоятельности формы послѣднихъ остается открытымъ.

Кромѣ всего этого въ современныхъ италіянскихъ университетахъ признано, какъ и у насъ, въ интересѣ успѣшнаго преподаванія необходимымъ обставить его цѣлою системой испытаній студенческихъ.

Мы видѣли что въ Средніе Вѣка успѣшные результаты университетскаго преподаванія зависѣли лишь отъ его метода, примѣняемаго на лекціяхъ, диспутахъ, репетиціяхъ.

---

* См. Del Vecchio. *Del metodo d'insegnamento delle scienze giuridiche ed economiche.* Milano 1875, p. 38—41.

Всякое испытанie которому подвергался студентъ было всегда направлено лишь къ прiобрѣтенiю одной изъ трехъ академическихъ степеней и правъ и привилегiй соединенныхъ съ ними. Другихъ какихъ-либо экзаменовъ не было. Да это и понятно. Самый характеръ средневѣковой школы дѣлалъ иные экзамены лишними. Школа эта не имѣла профессiональной цѣли, не выдавала диплома на общественную карьеру, не подготовляла къ государственной службѣ.

Въ университетъ шли ради того только чтобы прiобрѣсти познанiя, и эта цѣль студента достигалась дѣйствительными его занятiями: постояннымъ посѣщенiемъ лекцiй, диспутовъ, обмѣномъ мыслей съ профессоромъ. Словомъ, университетъ былъ то что принято теперь называть „свободною школой"; поэтому не было и надобности въ какихъ-либо экзаменахъ контролирующихъ дѣйствительные успѣхи студента.

Другое дѣло теперь, когда университеты служатъ подготовкой къ государственной службѣ. При такомъ назначенiи университетовъ, большинство слушающаго контигента всегда будетъ состоять изъ лицъ главная цѣль которыхъ—дипломъ, открывающiй путь къ карьерѣ. Послѣднее обстоятельство, какъ положительный фактъ, засвидѣтельствовано италiянскими писателями по университетскому вопросу. * Это современное положенiе высшей школы, какъ государственнаго учрежденiя, служащаго цѣлямъ государственной же службы, и истекающее изъ этого положенiя отношенiе къ школѣ большинства учащихся, вноситъ условiя отличныя отъ тѣхъ при какихъ дѣйствовала средневѣковая школа. Прежде всего выдача диплома мыслима только по удостовѣренiю что студентъ прiобрѣлъ требуемыя для службы знанiя. А вовторыхъ, учрежденiе заинтересованное въ извѣстныхъ результатахъ ученiя, при внѣшней его цѣли, не можетъ избѣжать извѣстной принудительности въ порядкѣ рацiональныхъ занятiй студентовъ. Даже проповѣдники полной свободы студента распредѣлять свои занятiя какъ ему хочется и нравится признаютъ полезнымъ рацiональный учебный планъ, устанавливающiй взаимное отношенiе и послѣдовательность предметовъ преподаванiя, ** а слѣдовательно и обученiя, если только допустить что руководство

---

* См. напр. Schupfer *Intorno al regolamento della Facoltà de Giurisprudenza* въ *Arhivio giurid.* 18 f. 1 p. 51.

** Ibid. p. 50, 55, 47.

студентовъ въ занятіяхъ профессорами и полезно и желательно. Далѣе, успѣшные результаты ученія обусловливаются трудомъ за все пребываніе въ университетѣ, а не порывчатымъ напряженіемъ силъ въ періодъ предшествующій выходу изъ школы. Большинство же студентовъ при теперешнемъ назначеніи университета несомнѣнно имѣютъ наклонность къ бездѣятельности и только предъ отчетомъ засаживаются работать днемъ и ночью. Италіянцы говорятъ: „наша молодежь требуетъ понужденія, безъ котораго легко предается лѣности". * И вотъ съ цѣлью избѣжать поверхностности знаній, обусловливаемой такими нераціональными занятіями студентовъ, въ италіянскомъ университетскомъ уставѣ установлены максимумы и минимумы обязательно слушаемыхъ недѣльныхъ лекцій: первыхъ 30, вторыхъ—18. ** Но нельзя не сказать что и нынѣ самымъ лучшимъ контролемъ надъ студенческими занятіями было бы конечно постоянное, непосредственное общеніе профессора со студентомъ въ такой формѣ преподаванія какую мы видѣли въ Средніе Вѣка, т.-е. чтобы студентъ могъ сознательно слѣдить за лекціями, разъяснять немедленно свои недоразумѣнія, вступая по этому поводу въ разсужденія съ профессоромъ, чтобъ и профессоръ могъ во всякое время провѣрить успѣшность своихъ чтеній, репетируя пройденное. Но это требуетъ условій кои нынѣ отсутствуютъ. При теперешнемъ положеніи остается формальный принудительный контроль, въ формѣ экзамена.

Остается ждать когда найдено будетъ удачное и практичное разрѣшеніе университетскаго вопроса въ смыслѣ возвращенія къ понятію свободнаго преподаванія. Пока же современные италіянскіе университеты какъ и наши по своему общему характеру рѣзко отличаются отъ свободной школы Среднихъ Вѣковъ, а потому и положенія послѣдней не примѣнимы къ первымъ.

Д. АЗАРЕВИЧЪ.

Флоренція, 1881 года.

---

* Ibid. p. 57.

** *Regolamento gener. univers.* 1876, Art. 20.

* *
*

Дня померкнулъ блескъ веселый,
Смолкнулъ лѣсъ и смолкли селы.
Сна не въ силахъ превозмочь
Молчаливо, безъ привѣта,
Вслѣдъ лучамъ дневнаго свѣта,
Въ ризу темную одѣта
Притекла и стала ночь.

Въ небѣ, гдѣ мечты витаютъ,
Очи яркія сверкаютъ—
Маяки земныхъ надеждъ;
А на долы, на дубровы,
Неподвижны и суровы,
Пали длинные покровы
Голубыхъ ея одеждъ.

Тщетно мѣры ищетъ око:
Все и близко, и далеко;
Нѣтъ началъ и нѣтъ границъ!
Въ безднѣ темнаго молчанья
Потонули очертанья;
Ни движенья, ни мерцанья,
Ни зефира, ни зарницъ!

Но дохнули ароматы,
И волшебствомъ ихъ объятый
Опьяненный грезитъ міръ,
Что слетѣла дѣва рая,
Сладкій сонъ земли лаская,
И поетъ надъ ней, бряцая
На струнахъ небесныхъ лиръ!

Гр. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

ВНѢ КОЛЕИ

РОМАНЪ

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять...

Пушкинъ.

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса.
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И степь отъ края и до края,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму
И одинокую тропинку,
По коей, нищій, я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣду

Гр. А. Толстой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одной изъ низовыхъ губерній, верстахъ въ пяти отъ берега Волги и въ десяти отъ губернскаго города С., лежитъ большое село Бѣлые Столбы. Какъ почти всѣ черноземныя села, оно расположилось на днѣ широкаго оврага. Приземистыя избы, съ соломенными крышами подъ расчестку, въ

безпорядкѣ засѣли по одному изъ отлогихъ береговъ. Почему оно получило такое странное названіе, сказать трудно. Говорятъ, когда-то, лѣтъ за семьдесятъ или болѣе, его бывшій владѣлецъ, обреченный на безвыходное проживаніе въ деревнѣ по всемилостивѣйшему указу императора Павла, вздумалъ было обвести всю обширную барскую усадьбу высокою оградой изъ бѣлаго плитняка и вмѣсто воротъ, у самаго начала вѣковой липовой аллеи, поставилъ два колоссальные каменные столба. Но отъ этихъ памятниковъ барскаго тщеславія не осталось теперь и слѣдовъ, и самый родъ прежнихъ владѣльцевъ исчезъ безслѣдно, какъ только на Руси можетъ исчезать былое. Липовая аллея, сильно порѣдѣвшая отъ времени, попрежнему ведетъ изъ села въ усадьбу, но доступъ къ ней со всѣхъ сторонъ открытъ. Старинный просторный домъ весело и бодро глядитъ на привольную степь. Съ высокаго мѣста на которомъ расположилась усадьба взглядъ свободно обнимаетъ и широкую гладь полей, гдѣ-то вдали слившуюся съ небомъ, и село на противоположномъ берегу рѣки, и громадную плотину которою она запружена. При всей незатѣйливости этой обстановки, когда безоблачное іюньское небо любуется зеленымъ моремъ колосьевъ, почти такимъ же безпредѣльнымъ какъ и оно, или когда вечернее солнце играетъ на крестѣ и на окнахъ деревенской церкви и золотитъ поверхность соннаго пруда, залюбуешься на эту картину, не богатую красками: какимъ-то дивнымъ спокойствіемъ, какою-то природною мощью дышетъ эта не шумная степь!

Только съ одной стороны, за домомъ гдѣ старинный садъ незамѣтно спускается къ плотинѣ, картина замкнута рамкой густой зелени. Здѣсь и вѣковая морщинистая липа, и стройный не по возрасту тополь, и кудрявый вязъ, заслоняютъ своею пестрою листвой весь остальной, чужой міръ. Съ террасы выходящей въ садъ кажется будто зеленая чаща, въ которой чѣмъ дальше тѣмъ гуще стелются тѣни, непроницаемою стѣной заграждаетъ доступъ въ этотъ міръ. Здѣсь исчезаетъ всякое представленіе о возможности степнаго простора. Взглядъ теряется въ глубинѣ тѣни, куда лишь изрѣдка, крадучись, проникаетъ солнечный лучъ. А стóитъ окунуться въ эту чащу, хоть затѣмъ чтобъ испробовать новое впечатлѣніе послѣ широкаго однообразія полей! Садъ постепенно становится лѣсомъ, спускъ дѣлается круче и вдругъ

обрывается почти отвѣсно глубокій оврагъ, на днѣ котораго, освободившись изъ-подъ плотины, рѣчка все глубже и глубже прорываетъ себѣ дорогу къ недалекой Волгѣ. Но не та ужь эта смирная рѣчка чьи берега чуть замѣтно спускаются къ ложбинѣ: здѣсь они ближе подступили къ ней и хмурятся, покрытые густою щетиной бурьяна и репейника, среди которой ползетъ цѣпкій кустарникъ. И сама она бурлитъ и сердится, быстро стекая по каменистому дну. А вокругъ нея, мрачный и безмолвный, вѣковымъ сторожемъ стоитъ непочатый дубовый лѣсъ.

Бѣлые Столбы почти уже сорокъ лѣтъ какъ принадлежатъ Аннѣ Григорьевнѣ Корецкой. Здѣсь она провела свое дѣтство, и они ей достались въ приданое, когда девятнадцати лѣтъ она вышла замужъ за гвардейскаго офицера Алексѣя Николаевича Корецкаго, случайно попавшаго въ С. губернію. Здѣсь она воспитала своихъ сыновей, Митю и Володю, и, овдовѣвъ, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1863 году, продолжала, какъ и при жизни мужа, твердою рукой вести свое хозяйство. Она не запускала его ни до освобожденія крестьянъ, ни послѣ, и гордится тѣмъ что принадлежащія ей пять тысячъ слишкомъ десятинъ земли приносятъ теперь вдвое больше чѣмъ при крѣпостномъ правѣ, что имѣніе ея нигдѣ не заложено и лѣсъ остался нетронутымъ. И порядки въ ея домѣ, хоть они не отличаются роскошью и изысканностью, и здоровыя, массивныя постройки, хотя въ Бѣлыхъ Столбахъ не заведено никакихъ современныхъ улучшеній, свидѣтельствуютъ о томъ что Анна Григорьевна хозяйка отличная. И эта репутація обезпечиваетъ ей, женщинѣ довольно мало образованной и вовсе незнатной, всеобщее уваженіе въ уѣздѣ, далеко за предѣлами сосѣдства. Разчетливая хозяйка Бѣлыхъ Столбовъ была извѣстна своею благотворительностью и еще болѣе своимъ хлѣбосольствомъ; ея домъ, хотя далеко не первый въ уѣздѣ, рѣдко бывалъ пустымъ. Губернскіе тузы считали обязанностью съ ней поддерживать знакомство, хотя она, со своей стороны, ни въ комъ изъ нихъ не заискивала.

Корецкіе вели свой родъ отъ одноименной съ ними польской фамиліи, хотя они давнымъ-давно, живя въ Россіи, утратили съ ней всякую связь и княжескаго титула не носили. Это былъ вполнѣ захудалый родъ, рѣдкій изъ его

представителей выходилъ въ люди, и то не въ самые крупные. Тѣмъ не менѣе они поддерживали съ грѣхомъ пополамъ кое-какія связи и выбивались изъ силъ ради фамильной чести, то-есть попросту сказать, служили постоянно въ гвардіи, либо въ одномъ изъ болѣе видныхъ министерствъ. Таковъ былъ и покойный мужъ Анны Григорьевны, Алексѣй Николаевичъ. Когда судьба его случайно занесла въ С. и тамъ на балу у губернатора онъ увидалъ хорошенькую Анюту Скворцову, наслѣдницу Бѣлыхъ Столбовъ, которой очень скоро вскружилъ голову, онъ сначала раздумывалъ было ли прилично ему предложить свою руку и сердце провинціальной дѣвочкѣ, совершенно чуждой блестящему петербургскому міру. Но практическія соображенія взяли верхъ надъ тщеславіемъ въ сердцѣ небогатаго и къ тому же слегка влюбленнаго офицера. Онъ женился и по настоянію тестя даже вышелъ въ отставку. Но занятіе хозяйствомъ ему не пришлось по вкусу. Алексѣй Николаевичъ скучалъ въ обществѣ своей хорошенькой, но вовсе уже не свѣтской жены. Тщеславіе ему не давало покоя, тѣмъ болѣе что родной братъ его, Петръ Николаевичъ, успѣвшій также выгодно жениться, держалъ въ Петербургѣ открытый домъ и такъ быстро шелъ впередъ по гражданскому поприщу что обѣщалъ вскорѣ сдѣлаться на немъ звѣздой первой величины. Алексѣй Николаевичъ не утерпѣлъ и вновь попросился на службу. Анна Григорьевна, скрѣпя сердце, послѣдовала за нимъ, но лѣтомъ постоянно хотя бы и безъ мужа уѣзжала въ свои Бѣлые Столбы. Ей Петербургъ былъ не по сердцу; отношенія между супругами не могли быть задушевными, практическій смыслъ Анны Григорьевны очень хорошо понялъ слабости ея мужа, и ей было немного стыдно за его мелочное самолюбіе; а онъ со своей стороны не могъ простить ей того что она рѣшительно не годилась въ свѣтскія женщины. Такъ вяло шли года. Анна Григорьевна немного зачерствѣла и замкнулась въ узкій кругъ практическихъ соображеній и сердечной хотя будничной доброты. Алексѣй Николаевичъ дослужился-таки до генеральскаго чина, но даже въ эпоху Восточной войны онъ оставался генераломъ исключительно разводнымъ. Неудовлетворенное самолюбіе его медленно подтачивало. Тѣмъ временемъ подрастали сыновья: старшаго Дмитрія, выказывавшаго большія способности, помѣстили въ Московскій

университетъ въ то горячее время когда подготовлялась крестьянская реформа; младшій былъ тогда еще мальчикомъ. Дѣти были вообще, что̀ очень часто бываетъ, гораздо болѣе привязаны къ матери чѣмъ къ отцу. Для Мити это было впрочемъ большимъ счастіемъ: онъ не вынесъ изъ родительскаго дома ни одного изъ тѣхъ раздражающихъ впечатлѣній которыя потомъ какъ ѣдкая закваска осаждаются въ молодой душѣ и приводятъ ее въ броженіе. Но вотъ наступилъ памятный день 19 февраля, и Алексѣю Николаевичу, принадлежавшему къ числу тѣхъ которые твердо вѣрили что не рѣшатся освободить „этихъ сиволапыхъ" никогда, пришлось убѣдиться на дѣлѣ что насталъ конецъ его патріархальной власти, которою онъ, впрочемъ, пользовался чисто фиктивно. Перваго пріѣзда въ Бѣлые Столбы мироваго посредника онъ не вытерпѣлъ. Онъ попробовалъ было съ нимъ обращаться по генеральски, но почему-то вдругъ замялся и безъ боя уступилъ представителю новаго порядка. Ужиться съ этимъ порядкомъ онъ однако не могъ и поддался болѣзненной раздражительности, роковой предвѣстницѣ конца. На грѣхъ случилась новая бѣда: на одномъ разводѣ что-то вышло неладно съ тою частью которою онъ командовалъ, и ему пришлось изъ очень высокихъ устъ услышать далеко не лестный отзывъ. Алексѣй Николаевичъ захилѣлъ, промаялся еще съ годъ, и вдругъ, послѣ очень сытнаго обѣда, окончилъ свое земное странствіе. Такъ переходитъ въ сумерки иной сѣренькій день, и солнце никѣмъ незамѣченное опускается за безцвѣтныя тучки, изъ-за которыхъ его не было видно.

Анна Григорьевна теперь уже безвыѣздно зажила въ деревнѣ, справилась съ переходнымъ временемъ и стала понемногу тою хлопотливою, добродушною хозяйкой какою застали мы ее теперь. Она и не старалась выйти изъ той узкой рамки которую ей создала жизнь, и ея узкій мірокъ ограничивался хозяйствомъ, въ которомъ она знала толкъ, и дѣтьми, въ которыхъ она души не чаяла, хоть и не задавалась мыслью направлять ихъ развитіе. Она не совсѣмъ ясно понимала что̀ дѣлается въ головѣ ея сыновей, такъ точно какъ не старалась проникать въ явленія общественной жизни. Иногда только она недовѣрчиво качала головой когда слишкомъ рѣзкое, бойкое слово доходило до нея. Ея не касался тотъ новый духъ который вездѣ носился вокругъ нея; но она съ нимъ и не думала бороться. Теперь, когда открывается

нашъ разказъ, ея старшаго сына нѣтъ въ Бѣлыхъ Столбахъ; онъ путешествуетъ за границей. Младшій, Володя, въ прошломъ году окончившій курсъ въ Одесскомъ университетѣ, недавно пріѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ гостилъ. Анна Григорьевна сама только недѣли съ три у себя въ Бѣлыхъ Столбахъ: ей пришлось, а для нея это рѣдкость, побывать въ Москвѣ по дѣлу, и оттуда она, къ великому изумленію домашнихъ и сосѣдей, привезла съ собой молодую дѣвушку, свою дальнюю родственницу, про которую никто до сихъ поръ не слыхивалъ, а теперь всѣ видѣвшіе ее говорили не то съ удивленіемъ, не то съ укоромъ. Надѣ Ольшевской выпала незавидная доля озадачить большинство обитателей того мирнаго уголка въ которомъ она нечаянно явилась.

Анна Григорьевна не считала нужнымъ объяснять почему ей вздумалось привезти съ собой племянницу; ея молчаніе на этотъ счетъ, быть-можетъ, и придавало нѣкоторую загадочность присутствію молодой дѣвушки въ Бѣлыхъ Столбахъ На самомъ дѣлѣ вотъ что случилось: мѣсяца за два предъ тѣмъ къ Аннѣ Григорьевнѣ пришло длинное письмо отъ отца Нади, Сергѣя Ольшевскаго, въ которомъ онъ умолялъ ее принять участіе въ судьбѣ его дочерей, возбуждавшей его живѣйшія опасенія: по матери, тоже Скворцовой по рожденію, Надя приходилась ей внучатною племянницей. Анна Григорьевна, не долго думая, отправилась въ Москву, гдѣ, по словамъ отца ихъ, тогда находились молодыя дѣвушки. Она долго и тщетно разыскивала ихъ по Бѣлокаменной. Старшей, Александры, уже не было тамъ. Съ младшею ее свелъ наконецъ случай. Разъ, когда Анна Григорьевна возвращалась въ свою гостиницу, на лѣстницѣ ей попалась дѣвушка торопливо сходившая по ступенямъ. Глаза ихъ встрѣтились, и обѣ женщины мигомъ узнали другъ друга, хотя предъ тѣмъ и то за нѣсколько лѣтъ имъ всего пришлось свидѣться два-три раза. Надя попробовала было укрыться отъ тетки, и не малаго труда стоило Аннѣ Григорьевнѣ уговорить племянницу войти съ ней въ занимаемый ею нумеръ. Надя видимо дичилась и сначала не поддавалась ни ласкамъ, ни убѣжденіямъ, но прямодушному участію Анны Григорьевны удалось побѣдить ея упорное запирательство; положеніе молодой дѣвушки было въ самомъ дѣлѣ безвыходное. То что Аннѣ Григорьевнѣ пришлось отъ нея услышать, читатель узнаетъ въ послѣдствіи. Сначала она съ недовѣрчивостью пойманной птички отвѣчала

на заботливыя старанія тетки, но послѣ долгаго отпора она наконецъ покорилась, и тутъ же все ея существо, какъ бы возродившееся къ новой жизни, отдалось ласковому добродушію старушки. Рѣшено было что она поселится въ Бѣлыхъ Столбахъ. Но въ виду несовершеннолѣтія Нади, Аннѣ Григорьевнѣ пришлось долго возиться съ разными формальными затрудненіями, пока ее наконецъ офиціально признали попечительницей молодой дѣвушки.

II.

In the Spring a young man's fancy
Lightly turns to thougts of love.
Tennyson.

Было совершенно безоблачное, довольно свѣжее утро въ концѣ апрѣля. Наканунѣ сильная гроза съ ливнемъ пронеслась надъ Бѣлыми Столбами, одна изъ тѣхъ весеннихъ грозъ которыми лѣто вдругъ рѣшительно возвѣщаетъ о своемъ близкомъ наступленіи. На листьяхъ деревьевъ блестѣли еще не испарившіяся дождевыя капли. Трава въ саду, пресыщенная влагой, какъ-то особенно бодро и густо зеленѣла. Вся природа спѣшила проявить во всей полнотѣ свои обновленныя силы. Даже на хмурыхъ дубахъ, всегда недовѣрчиво встрѣчающихъ весну, почка замѣтно повеселѣла. Сирень еще не думала зацвѣтать, но въ воздухѣ уже носился пряный запахъ распускавшейся черемухи.

Молодой человѣкъ, довольно высокаго роста, съ ружьемъ перекинутымъ черезъ плечо, не спѣша пробирался въ садъ по дорожкѣ ведущей изъ лѣса. Одѣтъ онъ былъ въ легкій, сѣрый пиджакъ и хотя съ ногъ до головы онъ былъ покрытъ болотными брызгами, что-то изящное, ловкое было и въ его костюмѣ, и во всей его стройной осанкѣ. Ему было двадцать три года, но казался онъ моложе. Въ легкой, однако не совсѣмъ увѣренной походкѣ, въ блестящихъ подвижныхъ глазахъ, въ красивыхъ, но, казалось, не вполнѣ еще опредѣлившихся чертахъ лица, было еще что-то полудѣтское. Дойдя до лужайки предъ домомъ, онъ съ явнымъ удовольствіемъ опустился на скамейку, досталъ серебряную папиросницу и съ наслажденіемъ затянулся. Какая-то граціозная лѣнь была во всей его позѣ. Черный сетеръ растянулся у его ногъ и

видимо довольный собой урывками поглядывалъ на хозяина своими прищуренными серіозными глазами.

Молодой человѣкъ поглядѣлъ на часы.

— А! девяти еще нѣтъ! Еще добрыхъ полчаса до завтрака, громко сказалъ онъ и досталъ изъ кармана измятую книжку. Но едва развернулъ онъ ее какъ послышался скрипъ отворившейся калитки и изъ-за кустовъ показалось сѣрое женское платье. Собака съ веселымъ лаемъ бросилась къ дамѣ, и молодой человѣкъ мигомъ вскочилъ на ноги.

— Надя, откуда вы такъ рано? живо спросилъ онъ у подходившей молодой дѣвушки, и глаза его заискрились, а по лицу пробѣжалъ легкій румянецъ.

— Я на селѣ была, отвѣтила она ровнымъ, довольно низкимъ голосомъ, и подала ему руку.—Тамъ больныхъ много.

Надѣ Ольшевской только-что минуло осьмнадцать лѣтъ и судя по выраженію ея мягко-очерченныхъ губъ, особенно когда онѣ раскрывались для улыбки, ее почти можно было счесть за ребенка. Но выраженію этому странно противорѣчили ея большіе, темносѣрые глаза и твердыя, правильныя дуги густыхъ черныхъ бровей. Эти глаза умѣли такъ пристально вглядываться, они порой смотрѣли, казалось, изъ такой глубины что въ мысли таившейся въ нихъ уже конечно ничего не было дѣтскаго. Видно было что ея маленькая, изящная головка уже много передумала нелегкихъ думъ, и жизнь своею мрачною печатью легла на ея чистый, высокій лобъ. Одѣта она была очень просто. На сѣрую блузу, стянутую у гибкой таліи чернымъ кожанымъ кушакомъ, была накинута суконная куртка. Голова была повязана бѣлымъ платкомъ, изъ-подъ котораго выбивались густыя пряди волнистыхъ бѣлокурыхъ волосъ.

— Да вы тоже, Володя, сегодня не по обыкновенію рано встали, судя вотъ по этому, продолжала она, подходя къ скамейкѣ и указывая на висѣвшій на немъ ягташъ, въ которомъ виднѣлись четыре застрѣленныя утки.

Володя почему-то сконфузился.

— Не утерпѣлъ, Надя, сказалъ онъ.—Я всего въ первый разъ туда на болото забрелъ.

— Да чего жь вы будто извиняетесь, смѣясь возразила она.—Охота самое здоровое упражненіе, да къ тому же вы, благодаря ей, стряхнули съ себя петербургскую лѣнь. И прекрасно!

Она сѣла и взглянула на него и ласково и шутливо въ то же время.

— А вамъ все кажется что вы непремѣнно обязаны быть серіознымъ человѣкомъ, исключительно занятымъ важными вопросами. Живите такъ какъ хочется, а не какъ должно хотѣться, по заранѣе опредѣленной рамкѣ.

Въ ея тонѣ былъ странный оттѣнокъ снисхожденія. Она говорила съ нимъ почти какъ взрослые говорятъ съ дѣтьми, хотя и была пятью годами его моложе. Володю отъ ея словъ еще луще бросило въ краску.

— Вы, Надя, сказалъ онъ не совсѣмъ рѣшительно,—все вотъ будто надо мной смѣетесь. Развѣ я мальчикъ, неспособный понять высокихъ задачъ нашего поколѣнія. А я вѣдь, даю вамъ слово, готовъ горячо служить общему дѣлу...

Она не дала ему договорить.

— Вы бы лучше матушкѣ помогали въ управленіи,—она и немолода къ тому же, да жили бы себѣ, пока живется...

— Да отчего вы, наконецъ, горячо прервалъ онъ ее, и глаза его вспыхнули такъ же какъ щеки,—отчего вы никогда со мной про это не хотѣли говорить? Вѣдь я же знаю, чѣмъ вы были прежде, вѣдь я тоже изъ вашихъ!

Брови ея сдвинулись, глаза упорно, почти враждебно остановились на немъ.

— Вѣдь я васъ просила, сказала она отрывисто,—никогда мнѣ не говорить про это! Неужели вы не можете понять?... И голосъ ея вдругъ оборвался, и она уже продолжала тихо, почти невнятно:—Дайте же мнѣ забыть про то время, свыкнуться съ новою обстановкой... Развѣ вы думаете это легко?

Но она тотчасъ подавила свое волненіе.

— Покажите лучше, начала она опять весело,—что за романъ вы тутъ читали.

И она протянула руку къ лежавшей на скамейкѣ книгѣ.

— Это не романъ, а рѣчи Лассаля въ собраніи берлинскихъ рабочихъ.

— Вотъ какъ! Ну, я вижу, вы рѣшительно не хотите терять ни минуты. Похвально!

Онъ снова нѣсколько обиженнымъ тономъ сталъ толковать ей про рабочій вопросъ, про свою рѣшимость посвятить ему всю свою жизнь. Но она снова остановила потокъ его горячихъ словъ.

— Ну, Володя, если ужь на то пошло, такъ у васъ здѣсь подъ рукой удобный случай все это доказать на дѣлѣ.

Стóитъ только глаза раскрыть. Вы когда-нибудь бывали у себя на селѣ?

— Конечно бывалъ. Еще бы!

— А въ крестьянскую избу ни разу на своемъ вѣку не заглянули, въ этомъ я твердо увѣрена. Такъ ли?

Володя промолчалъ.

— Ну, вотъ видите. Это вѣдь не какіе-то далекіе, отвлеченные рабочіе, по которымъ такъ удобно сокрушаться, читая Лассаля. Тамъ и грязь, и духота, и больныя дѣти. Все это очень непривлекательно. А я вотъ не бѣлоручка, и всего этого не боюсь.

Володя живо перебилъ ее, устремивъ на нее свои блестящіе черные глаза.

— Да зачѣмъ вы туда чуть не каждый день ходите? Вѣдь вы рискуете въ самомъ дѣлѣ заболѣть, и все ради того чтобъ испробовать цѣлительную силу вашей гомеопатической аптеки.

Надя покачала головой.

— Покорно благодарю за участіе, я вѣдь бывалая. Зачѣмъ я хожу? А затѣмъ что мнѣ захотѣлось узнать каковъ на дѣлѣ тотъ сѣрый народъ о которомъ мы съ вами, культурные люди, такъ любимъ разглагольствовать.

— Ну хорошо, Надя, да все-таки вы не профессоръ соціальныхъ наукъ и не докторъ, это совсѣмъ не ваше дѣло.

Лицо Нади вдругъ какъ-то особенно оживилось. Видно было что въ ней просилось наружу какое-то глубокое, совсѣмъ ужь не ручное чувство, долго сдерживаемое требованіями ея новой, мирной жизни.

— Вы хотите сказать, иронически отвѣтила она,—что это для меня пожалуй неприлично? Полноте, я вѣдь не „барышня“ какая-нибудь. И узнала я въ самомъ дѣлѣ многое, напримѣръ, хоть то что ваши мужички живутъ теперь чуть ли не вдвое хуже чѣмъ при крѣпостномъ правѣ, которое мы вотъ съ вами предаемъ такъ усердно проклятію. У кого было тогда по три лошади, да столько же коровъ, теперь по одной, и то еще хорошо. А есть и такіе которые и совсѣмъ безъ нихъ обходятся, и на другихъ, болѣе достаточныхъ крестьянъ, работаютъ не хуже крѣпостныхъ. И въ этомъ пшеничномъ краю у нихъ бѣлаго хлѣба теперь, при волѣ, въ поминѣ нѣтъ.

— Полноте, съ жаромъ сказалъ Володя.—Вы ли это говорите?

Стало-быть, по вашему такъ выходитъ что имъ лучше было подъ ярмомъ рабства. Стало-быть свобода...

— Да, вотъ и громкія слова явились, перебила она.—„Ярмо рабства, свобода“. Въ томъ-то и дѣло что у васъ, господа радикалы, на все готовы официальныя клички, а что въ дѣйствительности происходитъ, того вы не знаете и, къ сожалѣнію, знать не хотите. Вы напримѣръ хоть бы на то обратили вниманіе что ваши Бѣлые Столбы на даровомъ надѣлѣ, что положимъ для васъ лично очень выгодно, а каковъ этотъ Данаевъ даръ приходится крестьянамъ, какъ вы думаете?

Надя не удерживала болѣе то заглушенное, но все еще непокорное чувство которое теперь все громче сказывалось у нея на душѣ. Но страннымъ образомъ, чѣмъ болѣе расло ея одушевленіе, тѣмъ менѣе, казалось, она находила отголоска въ Володѣ. Слушая ее, молодой человѣкъ повидимому уже не обращалъ вниманія на ея слова, но взглядъ его жадно ловилъ каждое движеніе ея лица, упиваясь лучистымъ блескомъ ея прекрасныхъ глазъ. Она скоро это замѣтила, и ея горячности мигомъ будто не стало. Опять явилась у нея на губахъ полунасмѣшливая, но все же ласковая улыбка.

— Да полно съ вами говорить про это, Володя. Вы меня не слушаете. Вамъ только сладенькаго нужно въ жизни, какъ цвѣтку нужно солнце. И пользуйтесь имъ пока оно свѣтитъ, потому что вы все-таки очень хорошій малый, изъ тѣхъ для которыхъ вся недѣля одинъ праздникъ съ начала до конца, ходите на охоту, любезничайте съ дамами, а Лассаля бросьте—къ чему онъ вамъ!

На террасѣ показался старый дворецкій Терентій, съ дѣтскихъ лѣтъ знавшій только Бѣлые Столбы и служившій господамъ съ тою плутоватою преданностью которою отличалось старосвѣтское отживающее поколѣніе слугъ.

— Барыня изволили къ чаю выйти-съ, сказалъ онъ, подходя къ молодымъ людямъ. И его безбородое лицо, желтое какъ воскъ и сморщенное ото лба до подбородка, какъ-то неодобрительно строго остановилось на Надѣ.

— Ну, ступайте къ матушкѣ, сказала она,—а я пойду переодѣваться. Теперь я опять возьмусь за свою роль благовоспитанной барышни.

Глаза Володи, очарованные и неподвижные, еще долго глядѣли въ ту сторону гдѣ скрылось ея сѣрое платье. Наконецъ онъ всталъ, глубоко вздохнулъ и не считая нужнымъ мѣнять

своей обрызганной одежды, направился къ дому; а Терентій все молчаливо стоялъ въ почтительномъ отдаленіи, насмѣшливо поглядывая на его задумчивое лицо.

— Прикажете принять-съ? обратился онъ къ молодому барину, унося ружье и ягташъ, забытые Володей на скамейкѣ.

— Эхъ! молодая кровь! проговорилъ онъ вслѣдъ молодому человѣку.—Врѣзавшись-таки порядочно Владиміръ Алексѣевичъ-то нашъ въ эту—прости ее Господь—птицу перелетную. А она-то, даромъ что изъ себя ничего, по утрамъ все по деревнѣ по больнымъ изволитъ таскаться, пачкается и папироски покуриваетъ и говоритъ-то какъ рѣшительно, будто не дѣвица! А еще барышня!

III.

О, не пытайся духъ унять тревожный,
Твою тоску я знаю съ давнихъ поръ,
Твоей душѣ покорность невозможна—
Она болитъ и рвется на просторъ.

Гр. А. Толстой.

Не вѣрь мнѣ, другъ, когда въ избыткѣ горя
Я говорю что не люблю тебя.

Гр. А. Толстой.

Володя засталъ Анну Григорьевну за самоваромъ. Каждое утро, ровно въ девять часовъ, она садилась за чайный столъ и сама аккуратная въ высшей степени, требовала того же и отъ домошнихъ. На ней былъ неизмѣнный утренній капотъ коричневаго цвѣта и столь же неизмѣнный старомодный чепецъ; но этотъ невзрачный нарядъ глядѣлъ такимъ же чистымъ и свѣжимъ какъ и она сама. Отпечатокъ спокойствія и доброты лежалъ на ея сморщенномъ, но все еще красивомъ лицѣ. По всей ея осанкѣ, по всѣмъ ея движеніямъ видно было что въ своемъ семейномъ кругу она чувствуетъ себя полновластною и привыкла не встрѣчать отпора своей волѣ.

Володя сперва приложился къ ея рукѣ—необыкновенно бѣлыя и мягкія у нея были руки—и затѣмъ уже она взяла его за голову и поцѣловала. Онъ съ дѣтства такъ привыкъ къ этимъ наружнымъ признакамъ уваженія что ему никогда и въ голову не приходило измѣнить свое поведеніе съ матерью по современнымъ образцамъ.

— Володя, на что ты похожъ, воскликнула Анна Григорьевна, увидавъ его забрызганные высокіе сапоги,—вотъ срамъ-то, въ этакомъ нарядѣ и ко мнѣ ходить!

— Я прямо съ охоты, мама, извинялся онъ,—въ пять часовъ на утокъ пошелъ.

— И проголодался, бѣдняжка, должно-быть? Ну, ничего, выпей чаю, послѣ переодѣнешься.

А для Анны Григорьевны, до страсти любившей во всемъ опрятность, это была не малая уступка. И она подала ему чашку, старательно наложивъ какъ разъ столько сахару и подливъ столько сливокъ какъ именно онъ любилъ.

— А что, Надеждѣ Сергѣевнѣ доложено что чай поданъ? строго обратилась она къ Терентію, показавшемуся въ дверяхъ.

— Надежда Сергѣевна въ саду были-съ, съ Владиміромъ Алексѣевичемъ, отвѣчалъ онъ, и въ лицѣ его былъ нѣмой, но явный укоръ молодой дѣвушкѣ.—Знаютъ-съ. Къ себѣ на верхъ прошли-съ, должно-быть переодѣться. Съ ранняго утра по деревнѣ изволили ходить.

Этотъ маленькій доносъ былъ пущенъ мимоходомъ, съ видомъ полнаго равнодушія. Терентій хорошо зналъ что барыня терпѣть не могла этихъ прогулокъ Нади и ея страсти возиться съ ребятишками.

— Что, вы опять тамъ спорили, должно-быть? спросила Анна Григорьевна у сына, когда вышелъ Терентій.

— Спорили, мрачно и коротко отозвался Володя.

Анна Григорьевна озабоченно покачала головой.

— Ты все не можешь ужиться съ ней, Володя, какъ слѣдуетъ. Какъ ты не хочешь понять что она, бѣдная, сирота настоящая, хоть отецъ у нея и живъ, и попала къ чужимъ людямъ въ домъ, и намъ всѣмъ нужно ее приласкать и пріучить къ себѣ? На чужой сторонѣ не легко живется, а она къ тому же вѣдь къ полной свободѣ привыкла у отца и въ Москвѣ. Надо стараться чтобъ она про все прежнее забыла и къ намъ привыкла. А ты, напротивъ, все ее будто дразнишь, Володя, не хорошо, право не хорошо.

Володя не отвѣчалъ и сумрачно уставился на свою чашку. Не первый разъ ему приходилось это слышать. А какъ мало Анна Григорьевна догадывалась о настоящихъ чувствахъ сына и о причинѣ того что онъ такъ часто спорилъ съ Надей.

— Къ ней надо быть снисходительнымъ, продолжала мать,—

она волкомъ глядитъ, это правда, но сердце у нея доброе, а это главное.

— Отчего вы мнѣ не хотите сказать про то какъ вы нашли ее въ Москвѣ и что было съ ней тамъ? спросилъ теперь Володя, поднимая къ матери свое покраснѣвшее до ушей лицо.

— Не твое дѣло, двадцать разъ я тебѣ говорила, а съ ней, ты мнѣ смотри, про это ни гугу.

Володя хотѣлъ было настаивать, но слова его были прерваны появленіемъ Нади. Свою блузу она промѣняла на простенькое синее платье, очень мило сидѣвшее на ея изящномъ станѣ; свои непослушные волосы она пригладила и спрятала въ шелковую сѣтку—словомъ, по внѣшности она теперь не отличалась отъ сотни другихъ хорошенькихъ провинціальныхъ барышень, скромныхъ и тихихъ, еслибы не глаза ея, такъ строго и повелительно глядѣвшіе на окружавшій міръ, въ которомъ сама она занимала столь невидное мѣсто.

Надя подошла къ теткѣ своей ровною неторопливою походкой; но та не дала ей поцѣловать у себя руку, а нагнувъ къ себѣ ея головку, сама поцѣловала ее и, право, сдѣлала это не хуже родной матери. Приэтомъ, невольно повинуясь своей прирожденной страсти къ аккуратности, она даже пригладила слегка нависшую прядь волосъ и полушутливо, полузаботливо сказала:

— Я увѣрена, мой другъ, ты опять безъ шляпы сегодня ходила. Смотри какъ ты загорѣла, съ апрѣльскимъ солнцемъ шутить не надо. Охъ ужь эти мнѣ твои прогулки по селу!

Несмотря на добродушный тонъ этихъ словъ, у Нади тотчасъ заговорило строптивое чувство самостоятельности; головка ея гордо откинулась назадъ и что-то непокорное, почти вызывающее было въ этомъ движеніи которымъ она будто отстраняла руку тетки. Она походила въ эту минуту на молодую невыѣзженную лошадь, нетерпѣливо выносящую узду и неохотно принимающую ласку.

Но Анна Григорьевна этого не замѣтила и продолжала, впрочемъ попрежнему мягко, выговаривать ей за ея страсть ходить по избамъ и водиться съ мужиками. Нѣсколько разъ у Нади запальчивый отвѣтъ просился на языкъ, но она умѣла сдержать себя, хотя краска и усилилась на ея лицѣ и брови замѣтно надвинулись.

— Народъ здѣсь грубый и твоей доброты не пойметъ, говорила Анна Григорьевна.—Ты не смотри на то что онъ на

видъ такъ покоренъ и предо всякимъ изъ насъ шапку снимаетъ. Чуть съ нимъ забудешься и станешь за панибрата онъ насъ всѣхъ и въ грошъ не поставитъ.

Володя, не проронившій ни слова съ тѣхъ поръ какъ вошла Надя, тутъ счелъ долгомъ вмѣшаться. Онъ видѣлъ какихъ усилій Надѣ стоило ея молчаніе и пришелъ къ ней на помощь: не мѣшало кстати блеснуть предъ ней своимъ либерализмомъ и отпустить двѣ-три задорныя фразы.

— Какъ можно, быстро заговорилъ онъ,—придерживаться этихъ устарѣвшихъ понятій. И зачѣмъ вы крестьянъ—съ секунду онъ недоумѣвалъ не лучше ли ихъ назвать „сельскими обывателями"—называете все „народомъ", точно и мы не такой же народъ, а они не полноправные граждане, съ которыми мы должны подѣлиться своимъ избыткомъ образованія? Мнѣ кажется, только простотой обращенія съ ними мы можемъ избѣжать ихъ заслуженнаго недовѣрія.

И сказавъ это, Володя глядѣлъ на кузину вполнѣ довольный собой.

Но ожидаемаго впечатлѣнія его слова не произвели. Анна Григорьевна только снисходительно улыбнулась да сказала:

— Я, мой другъ, съ мужиками почти сорокъ лѣтъ вожусь, а ты ихъ видѣлъ только съ боку, какъ на картинкѣ; такъ мнѣ, я думаю, они лучше извѣстны чѣмъ тебѣ, вотъ я и не говорю такъ мудрено какъ ты вотъ сейчасъ.

Но обиднѣе всего было то что и Надя ему повидимому не сочувствовала. Напротивъ, на ея лицѣ негодующее выраженіе смѣнилось насмѣшливымъ.

— Это вы въ какомъ журналѣ такихъ либеральныхъ рѣчей начитались? спросила она.—Вы кажется на мужиковъ смотрѣли какъ на балетныхъ пейзановъ и интересуетесь ими оставаясь на почтительномъ отдаленіи. Это и современно, и очень удобно.

Володя собирался колко отвѣтить, но въ комнату снова вошелъ Терентій, съ письмами на подносѣ.

— Заграничное-съ, сказалъ онъ, подавая Володѣ письмо.

— Отъ Мити! воскликнулъ тотъ, живо вскрывая конвертъ.

— Староста деревенскій пришелъ, ваше превосходительство спрашиваетъ, обратился Терентій къ Аннѣ Григорьевнѣ.

— Пусть подождетъ на крыльцѣ.

— Отъ мужиковъ, кажись, присланъ. Говоритъ по важному дѣлу. Все насчетъ земли должно-быть.

— Знаю, скажи чтобы подождалъ. За Яковомъ послать.

По лицу Нади вспыхнулъ легкій румянецъ и брови ея опять сдвинулись, но она удержала слово готовое сорваться у нея съ языка. Надя знала въ чемъ заключались переговоры крестьянъ съ барыней „насчетъ земли“.

— Яковъ Савельичъ здѣсь тоже дожидается, уходя отвѣтилъ Терентій.

— Что же пишетъ Митя? спросила Анна Григорьевна у сына.

— Митя сюда ѣдетъ! Сейчасъ, сейчасъ. Я вотъ докончу—полстраницы осталось.

Володя жадно дочитывалъ письмо, часто прерывая чтеніе смѣхомъ и восклицаніемъ:—Хорошо! браво! молодецъ! Онъ былъ видимо крайне доволенъ и заинтересованъ тѣмъ что писалъ братъ, in high spirits, какъ говорятъ Англичане.

— Онъ окончилъ свои занятія въ Гохенгеймѣ, безсвязно сталъ разказывать Володя,—и ѣдетъ на двѣ недѣли осматривать въ Богеміи какія-то имѣнія; его туда пригласили.

— Да когда онъ будетъ? перебила его мать.

— Чрезъ три недѣли, въ первыхъ числахъ, я же вамъ сказалъ; онъ очень доволенъ тѣмъ что видѣлъ за границей и службу онъ оставилъ совсѣмъ: онъ хочетъ здѣсь поселиться.

— Какъ службу оставилъ?

— Да такъ, вотъ дядюшка Петръ Николаевичъ ему написалъ, вы знаете, съ достоинствомъ тайнаго совѣтника и многихъ орденовъ кавалера: что нельзя цѣлые два года прогуливаться и баклуши бить,—такъ изволилъ выражаться его превосходительство это про Митю: баклуши бить.

— Да ты говори толкомъ, Володя! нетерпѣливо сказала Анна Григорьевна.

— И что онъ карьеру свою испортитъ, и самъ онъ, превосходительный дядя, не будетъ уже въ состояніи оказать ему содѣйствіе—такъ по канцелярски и выражаться изволитъ, а Митя ему отвѣчалъ что карьеры вашей мнѣ совсѣмъ не нужно, потому что я буду жить въ Бѣлыхъ Столбахъ и заниматься по земству—молодецъ! Такъ и отвѣчалъ любезному дядюшкѣ и подалъ въ отставку.

Анна Григорьевна не раздѣляла, однако, повидимому восторговъ своего сына. Она была, конечно, очень довольна тѣмъ что ея дорогой Митя, котораго она всегда считала умницей какихъ мало, поселится у нея въ деревнѣ. Но по своимъ понятіямъ она не могла одобрить этого отреченія отъ

службы, представлявшей такую блестящую будущность подъ покровительствомъ дяди, хотя этого самаго дядю она въ то же время крѣпко не долюбливала. Анна Григорьевна однако ничѣмъ не выразила своихъ мыслей и нѣсколько минутъ задумчиво промолчала.

— Ему, конечно, лучше знать что ему дѣлать, проговорила она про себя: она издавна привыкла довѣряться уму и разсудительности старшаго сына.—Дай мнѣ письмо брата, Володя.

Надя между тѣмъ допила свой чай, достала изъ кармана старенькую кожаную папиросницу и закурила. Она знала очень хорошо что Анна Григорьевна питаетъ отвращеніе къ табачному дыму, но ей на этотъ разъ почему-то именно хотѣлось досадить теткѣ: не зачѣмъ было, конечно, обращать вниманіе на эту причуду капризной, избалованной старой барыни. Анна Григорьевна только вскинула на нее взглядомъ и, не сказавъ ни слова, отодвинулась отъ Нади и продолжала читать письмо сына. Она поставила себѣ за правило ничѣмъ не мѣшать Надѣ и никогда не обращаться къ ней съ какими-либо требованіями. Этимъ она думала смягчить ея обидчивый нравъ, вѣчно готовый вспыхнуть и возстать противъ стѣсненій. И въ самомъ дѣлѣ, не прошло и минуты какъ Надя бросила свою недокуренную папироску, хотя въ то же время на лицѣ ея можно было прочесть что она вовсе не намѣрена соображаться съ чужими вкусами и жертвовать чѣмъ-либо изъ своихъ привычекъ.

— Я очень радъ, обратился къ молодой дѣвушкѣ Володя,— что вы скоро познакомитесь съ братомъ. Въ немъ вы найдете достойнаго противника когда вамъ захочется спорить, и его, конечно, вы не станете упрекать въ недостаткѣ серіозности.

Володя казался все еще сильно обиженнымъ за утренній разговоръ съ кузиной.

— Съ чего вы взяли что я охотница спорить? Могу васъ увѣрить что я вовсе не намѣрена вашего ученаго брата подчивать своими мнѣніями, совсѣмъ для него неинтересными, и чѣмъ-либо мѣшать его серіознымъ занятіямъ.

Въ этихъ словахъ звучала плохо скрытая насмѣшка, и Володя, несмотря на свое поклоненіе молодой дѣвушкѣ, тотчасъ заступился за горячо любимаго брата.

— Ваша иронія, Надя, тутъ совершенно неумѣстна. Хотя я и расхожусь во многомъ съ братомъ Дмитріемъ,—онъ

сказалъ это съ важностью человѣка глубоко сознающаго свою двадцатитрехлѣтнюю зрѣлость, — я долженъ признать въ немъ обширныя свѣдѣнія и рѣдкую для Русскаго преданность труду.

Володя самъ не примѣчалъ того что, говоря съ Надей, онъ постоянно впадалъ въ высокопарный тонъ и тѣмъ давалъ пищу ея насмѣшливости.

— Во всемъ этомъ, Владиміръ Алексѣевичъ, я не сомнѣваюсь. Вашъ братъ окажетъ вѣроятно большія услуги химіи, точно также какъ вы—русскому краснорѣчію. У него даже, кажется, докторскій дипломъ есть, и несомнѣнно что его ученыя путешествія по живописнымъ мѣстамъ за границей принесутъ великую пользу Россіи вообще, и крестьянамъ Бѣлыхъ Столбовъ въ особенности...

Тутъ Анна Григорьевна оторвалась отъ письма которое она все еще перечитывала, и сочла нужнымъ вмѣшаться.

— Я не знаю, Володя, холодно сказала она сыну,—съ чего ты вздумалъ расхваливать Дмитрія: онъ ни въ чьей защитѣ не нуждается. А Бѣлые Столбы мои, а не его, это Надя вѣроятно знаетъ.

Володя былъ крайне недоволенъ Надей и самимъ собой. Онъ отошелъ къ окну, слегка пожавъ плечами, и сталъ что-то насвистывать. Вдругъ онъ обернулся къ матери и порывисто сказалъ:

— Я пройду къ себѣ заняться кой-чѣмъ. Да и письмо нужно отправить къ Нерадовичу.

Это послѣднее имя онъ произнесъ возвышая голосъ, какъ такое предъ которымъ всѣ должны преклониться. Страннымъ образомъ Надя, услыхавъ его, измѣнилась въ лицѣ и почти съ испугомъ обратилась къ молодому человѣку:

— Володя, вы про какого Нерадовича говорите?

— Какой Нерадовичъ? Тотъ самый котораго у насъ тамъ въ Одессѣ вся университетская молодежь знаетъ и чтитъ какъ одного изъ самыхъ честныхъ и передовыхъ дѣятелей. Я тоже имѣлъ случай съ нимъ познакомиться. А вы, Надя, почему же имъ интересуетесь?

Все это Володя произнесъ такъ самодовольно и гордо какъ будто великою честью для него было знакомство съ этимъ виднымъ передовымъ дѣятелемъ. Но молодая дѣвушка повидимому думала иначе.

— И къ этому Нерадовичу вы собираетесь писать? съ возрастающимъ безпокойствомъ спросила она.

— Съ вашего разрѣшенія, конечно, иронически и важно произнесъ Володя.

— Такъ я скажу вамъ въ такомъ случаѣ, запальчиво продолжала она,—что еслибы вы знали кто этотъ Нерадовичъ, вы стали бы избѣгать всякихъ сношеній съ нимъ. Я обязана предостеречь васъ.

Володя такъ и ахнулъ, услышавъ это. Не ожидалъ онъ получить такой совѣтъ отъ своей пылкой кузины, да и прилично ли было ему, представителю молодаго поколѣнія принимать въ соображеніе осторожность? Молодой человѣкъ вспылилъ и воскликнулъ что къ чорту осторожность и что всякій порядочный человѣкъ долженъ въ огонь лѣзть за свои убѣжденія.

— Вы хотите мнѣ сказать что Нерадовичъ изъ красныхъ и потому у этихъ подлецовъ-сыщиковъ на дурномъ счету? Да это я давно знаю! И вы меня думали испугать?

— Этого мало, Володя; Нерадовичъ не сегодня, такъ завтра можетъ быть арестованъ, и тѣмъ не поздоровится кто былъ съ нимъ въ перепискѣ.

Володя вспыхнулъ.

— Прекрасно! воскликнулъ онъ,—и въ виду этого вы мнѣ совѣтуете отъ него отречься? И говоритъ мнѣ это никто иной какъ Надя Ольшевская, которая сама была недавно изъ „ихнихъ"! Я вѣдь, знаю, Надежда Сергѣевна, все знаю. И откуда вамъ иначе добыть тѣ свѣдѣнія которыя вы теперь мнѣ передаете такъ предупредительно?

Чувство оскорбленнаго достоинства вылилось у молодаго человѣка. Онъ былъ радъ случаю блеснуть предъ Надей твердостью убѣжденій, которую она въ немъ всегда такъ обидно для него отрицала.

Но и ея терпѣнію насталъ конецъ. Своей преданности семьѣ Корецкихъ она только-что принесла въ жертву самыя дорогія свои убѣжденія, стала почти доносщицей, и вотъ какъ ее за то благодарили! „Вѣдь это гадко, глупо что̀ я сейчасъ говорила!" пронеслось у нея въ головѣ, „это просто шпіонство, оговоръ какой-то!" и краска выступила у нея на лицѣ. Впрочемъ, не противъ Володи только у нея поднималось раздраженіе: хороша была и тетка, такъ думалось Надѣ,—все время молча слушавшая ея объясненіе съ Володей, не вступаясь за нее, между тѣмъ какъ она вѣдь только изъ-за него безпокоилась, изъ-за его безопасности. Безопасности! одно это слово,

промелькнувшее у нея въ умѣ, возбудило ея презрѣніе къ этимъ людямъ. Развѣ для себя она когда-нибудь подумала бы о безопасности?

Все это вихремъ пронеслось въ ея головѣ.

— Вы мнѣ напоминаете чѣмъ я была прежде моего пріѣзда въ вашъ домъ! вспыхнувъ, воскликнула она,—чѣмъ я перестала быть ради васъ, ради вашихъ глупыхъ приличій и предразсудковъ. И зачѣмъ я вошла въ него, какъ будто я не знала что намъ не ужиться никогда, потому что я и теперь такая какая была и всегда такой останусь!

Анна Григорьевна испуганно взглянула на племянницу. Она не вмѣшивалась до того въ споръ молодой дѣвушки съ Володей потому что ее какъ мать оскорбило пренебреженіе съ которымъ Надя говорила про ея безцѣннаго Митю, но теперь она перепугалась не на шутку.

— Что съ тобой, Надя? съ чего ты взяла? Опомнись! тревожно проговорила Анна Григорьевна, подходя къ племянницѣ.

Та окинула ее быстрымъ, гнѣвнымъ взглядомъ.

— То развѣ, тетушка, что давно пора вамъ всю правду высказать и убраться изъ вашего дома и ото всей вашей хваленой доброты ко мнѣ! Я вѣдь знаю какова эта доброта. Никто здѣсь меня не любитъ и не станетъ любить, это я чувствовала съ перваго дня. Къ чему только, не понимаю, вы меня уговорили сюда пріѣхать?

Все заносчивѣе и враждебнѣе звучали ея слова. Анна Григорьевна усердно старалась ее приласкать и успокоить.

— Довольно, рѣзко перебила ее Надя.—Не лгите и не удерживайте меня. Говорю вамъ, чѣмъ скорѣе я уберусь отсюда тѣмъ лучше и для меня, и для васъ.

И проговоривъ это быстро и рѣшительно, она вышла изъ гостиной, хлопнувъ дверью.

Володя не проронилъ ни слова. Онъ почти съ испугомъ глядѣлъ на молодую дѣвушку и продолжалъ глядѣть ей въ слѣдъ когда она скрылась. Онъ не могъ простить себѣ что своею неумѣстною выходкой оскорбилъ ту къ стопамъ которой вѣдь онъ готовъ былъ восторженно упасть... И чувство смущенія и стыда овладѣло имъ при мысли что никто другой какъ онъ однако вызвалъ со стороны дорогой дѣвушки этотъ потокъ бурныхъ, негодующихъ словъ.

А Анна Григорьевна сидѣла подперевъ рукой сѣдую голову. Невеселыя мысли у нея копошились тамъ.

— Да, проговорила она,—нелегко будетъ справиться съ такимъ нравомъ. Ну, Богъ поможетъ, какъ-нибудь...

Анна Григорьевна недолго оставалась въ раздумьи. Она знала цѣну времени и вспомнивъ что ея дожидаются по дѣлу, направилась къ крыльцу своею твердою, неспѣшною поступью.

IV.

Vor dem Baum, davon man Schatten hat, soll man sich beugen.
(Нѣмецкая пословица.)

Сельскій староста Бѣлостолбовскаго общества, Трофимъ Мироновъ, не одинъ дожидался барыни на крыльцѣ. Вслѣдъ за нимъ собралась кучка домохозяевъ, посланныхъ отъ крестьянъ для переговоровъ. Они стояли немного поодаль, но едва Анна Григорьевна показалась на крыльцѣ, всѣ они, скинувъ шапки, подошли къ дому, впрочемъ довольно медленно.

— Что̀ это значитъ? строго начала Анна Григорьева, остановившись на крыльцѣ.—Въ который разъ тебѣ повторять, Трофимъ, что я съ цѣлою толпой разговаривать не стану. Ты одинъ ко мнѣ объявился, съ тобой однимъ я и стану вести дѣло. На это вѣдь ты и староста.

Трофимъ Мироновъ, высокій, коренастый старикъ, съ деревяннымъ лицомъ на которомъ странно искрились прыткіе плутовскіе глаза, посмотрѣлъ внизъ предъ собой, помялъ шапку въ рукахъ, потомъ наискось щурясь, поглядѣлъ на крестьянъ, какъ бы ища въ нихъ поддержки.

— Отъ міра тоже посланы, матушка ваше превосходительство, пробормоталъ онъ нерѣшительно, почесывая затылокъ и почему-то глубоко вздохнулъ.—Безъ нихъ вишь ужь никакъ нельзя.

— Гдѣ Яковъ? спросила Анна Григорьевна, оглядываясь на сторону.

Изъ-за угла дома тотчасъ показался, будто разомъ отдѣлившись отъ стѣны, невысокаго роста, черноволосый мужикъ въ опрятномъ синемъ кафтанѣ. Его почти безбородое продолговатое лицо было необыкновенно сурово и неподвижно: будто это было не живое, а вылитое изъ чугуна лицо. Брови были постоянно сдвинуты, глаза упорно глядѣли внизъ. Это былъ господскій староста Яковъ Савельевъ, обладавшій полнымъ довѣріемъ хозяйки, человѣкъ удивительно молчаливый

и ни съ кѣмъ въ околоткѣ не водившійся. Онъ былъ изъ другаго уѣзда и несмотря на свои сорокъ лѣтъ еще не женатъ.

— Чего они хотятъ, Яковъ? спросила у него Анна Григорьевна.

— Не могу знать, сумрачно, не поднимая глазъ, отвѣтилъ онъ.—Сами у нихъ изволите спросить. Все насчетъ земли должно-быть.

— Да кому же знать, какъ не вамъ, Яковъ Савеличъ, заискивающимъ голосомъ обратился къ нему Трофимъ, а быстрые глазки такъ и перебѣгали отъ Анны Григорьевны на Якова и отъ него на кучку мужиковъ.

Яковъ въ отвѣтъ только моргнулъ лѣвымъ глазомъ и презрительно посмотрѣлъ въ сторону.

— Такъ говори же зачѣмъ пришелъ? нетерпѣливо сказала Анна Григорьевна.

— Такъ вотъ, господа, обратился къ крестьянамъ Трофимъ,—объясняйте зачѣмъ вы посланы отъ міра къ барынѣ.

По кучкѣ пронесся нестройный говоръ.

— Нѣтъ, ужь пусть кто-нибудь одинъ говоритъ, строго остановила крестьянъ Анна Григорьевна.—Очень нужно сюда этихъ горлановъ высылать, какъ будто я съ тобой однимъ всего не могу покончить, снова обратилась она къ сельскому старостѣ.

Но Трофимъ попрежнему не рѣшался начать. Онъ видимо остерегался барыни и въ то же время не хотѣлъ, изъ страха предъ крестьянами, вести переговоры въ черезчуръ примирительномъ духѣ.

Изъ толпы, наконецъ, выступили впередъ двое мужиковъ, которыхъ остальные сперва довольно долго подталкивали за локоть, стараясь имъ придать необходимую рѣшимость.

— Очень обижены мы вами, Анна Григорьевна, вотъ что, началъ одинъ изъ нихъ, молодой еще человѣкъ, потряхивая своими черными, курчавыми волосами.—И Якову Савельичу свое мнѣніе объясняли,—продолжалъ онъ злобно и наискось поглядывая на старосту,—хоть ему теперь и вздумалось отнѣкиваться. И землю вашу господскую на озимой посѣвъ брать не станемъ, коли вы намъ настоящій надѣлъ какъ слѣдуетъ не отведете. Такъ ли, братцы? повернулся онъ къ мужикамъ.

А Яковъ продолжалъ стоять, насупивъ брови, будто все это его нисколько не касалось.

— Такъ, такъ, ладно, посыпалось въ кучкѣ.

— Надѣлъ? Какой же вамъ еще надѣлъ отводить, когда вы же сами отъ своей же земли отказались и на даровую стали?

— Хороша-то она даровая, съ нею сытъ не будешь, сказали два, три голоса въ толпѣ.

— Вотъ какъ! строго и рѣшительно проговорила Анна Григорьевна.—Вольно жь вамъ было отказываться. А теперь какъ земля вздорожала, вы вздумали что я вамъ ее за оброкъ отдамъ? Сто разъ вамъ говорила что этому не бывать.

— Да какъ же, матушка, земля-то, кажись, наша. Отцы и дѣды наши ее пахали, страннымъ, пискливымъ дискантомъ произнесъ другой выступившій мужикъ, высокій, бородастый дѣтина, отъ котораго никакъ нельзя было ожидать такого тонкаго голоса.

— Да ты что̀ жь такимъ чурбаномъ стоишь, будто бы языка лишился? внушительно обратилась Анна Григорьевна къ Трофиму.—Что̀ жь ты имъ не объяснишь что они пустое говорятъ? Самъ, кажется, знаешь что земля ужь не ихъ коли они на даровомъ надѣлѣ?

Трофимъ промолчалъ нѣсколько секундъ, разводя нерѣшительно руками.

— Да что̀, матушка, и говорить, сказалъ онъ мягкимъ, заискивающимъ голосомъ.—Развѣ ихъ вразумишь? Да и то, правду сказать, что больно трудно ужь намъ приходится на этомъ самомъ на нищенскомъ надѣлѣ. Да и сами изволите знать—неурожай.

— Неурожай тутъ не причемъ, оборвала его Анна Григорьевна.—Коли не хотите попрежнему брать землю подъ озимь, Никольскіе съ полнымъ удовольствіемъ возьмутъ. Пустовать не станетъ!

Никольское было сосѣднее большое имѣнье, принадлежавшее несовершеннолѣтней дочери одного богатаго петербургскаго барина, недавно умершаго.

— А теперь ступайте, закончила она, обратясь разомъ ко всѣмъ крестьянамъ.—Не стану я съ вами на пустыя рѣчи время терять.

Но крестьяне не двигались съ мѣста, молча переглядываясь между собой, хоть они и знали по опыту что Анна Григорьевна своего слова никогда не мѣняла.

— Ну, а какъ же будетъ насчетъ покоса? Маховатовскій буеракъ нонѣ отдавать станете? нерѣшительно спросилъ высокій дѣтина съ дискантомъ.

Не въ обычаѣ у крестьянъ сразу кончать переговоры, и сбитые на одномъ пунктѣ они рѣдко отчаиваются въ томъ чтобы на другомъ что-нибудь не выгадать.

Насчетъ Маховатовскаго буерака Анна Григорьевна оказалась сговорчивѣе. Рѣшивъ дѣло и подозвавъ къ себѣ Якова, она собиралась уйти; но вдругъ два другіе мужика, выйдя изъ кучки, бросились предъ ней на колѣни. Это были какъ разъ двое изъ самыхъ рьяныхъ говоруновъ на сходкахъ, всегда подбивавшіе прочихъ. Такіе говоруны не рѣдко въ присутствіи господъ прикидываются тихонями и лучше другихъ стараются ихъ разжалобить просьбами.

— Матушка, Анна Григорьевна! Не губи насъ, будь къ намъ матерью родною! говорили они чуть ли не со слезами.

Оказалось что у нихъ были отобраны полевымъ сторожемъ и отобраны послѣ крупной руготни и сопротивленія ихъ лошади травившія барскія зеленя.

Анна Григорьевна разрѣшила и эту просьбу къ удовольствію просившихъ: въ частностяхъ она охотно была мягка и снисходительна.

— А теперь ступайте съ Богомъ, сказала она,—а ты,—обратилась она къ Трофиму,—объяви Павлу Карлову что я ему разрѣшаю изъ лѣса взять пять дубовъ пятивершковыхъ. Смотри только чтобы вѣрно было, ни больше, ни меньше, строго закончила она.

У Павла Карлова недавно прогорѣла надворная постройка.

— Что, Яковъ, ничего вѣдь съ ними не подѣлаешь, сказала она, когда отошли прочіе крестьяне.

— Да такъ точно, Анна Григорьевна, какъ есть не подѣлаешь, отвѣчалъ тотъ, ни чуть не измѣняясь.—Сами изволите знать какой народъ нонче сталъ. Медвѣдь—одно слово...

Приближавшійся звонъ колокольчиковъ перебилъ Якова, который, впрочемъ, радъ былъ случаю сберечь нѣсколько лишнихъ словъ. Больно неохотникъ былъ высказывать свое мнѣніе Яковъ Савельичъ.

— Это сюда кажется? спросила Анна Григорьевна, прислушиваясь.

— Сюда, проговорилъ Яковъ, равнодушно посмотрѣвъ въ сторону дороги.—Исправникъ должно-быть къ вамъ ѣдетъ, его, кажись, тройка.

Исправникъ, отставной штабсъ-капитанъ Берендѣевъ, былъ человѣкъ далеко уже не молодой, но очень еще бодрый,

аккуратный до-нельзя и съ дамами любезный до приторности. Сюртукъ на немъ былъ всегда съ иголочки, усы его были тщательно напомажены и подкрашены и лайковыя перчатки у него всегда были ослѣпительной бѣлизны. Выражался онъ необыкновенно мягко и, хоть былъ человѣкъ совсѣмъ стараго покроя, охотно щеголялъ современными выраженіями. А когда ему случалось быть съ женщинами, и голосъ его, и манеры принимали оттѣнокъ изысканной нѣжности и непремѣнною своею обязанностью онъ считалъ поднести къ своимъ нафабренымъ усамъ всякую дамскую ручку, будь она молодая или сморщенная. И при всемъ томъ онъ былъ исполненъ сознанія важности занимаемаго имъ мѣста и слегка даже обижался тѣмъ что полиціи въ обществѣ не воздаютъ должнаго ей уваженія; при случаѣ онъ не прочь былъ не однимъ крестьянамъ выказать свою власть, а и господамъ помѣщикамъ напомнить про свои офиціальныя права, и тогда именно когда этотъ случай представлялся, почтенный исправникъ любилъ сыпать либеральными фразами о равенствѣ всѣхъ предъ закономъ. Съ Анной Григорьевной, впрочемъ, онъ никогда не пускалъ въ ходъ свои полицейскіе громы. Вопервыхъ, съ ней какъ съ дамой онъ всегда былъ изысканно любезенъ; а вовторыхъ, онъ ея слегка побаивался, оттого можетъ-быть что она его не особенно жаловала.

И на этотъ разъ Амфилохій Никандровичъ, такъ звали уѣзднаго властелина, почтительно расшаркался предъ хозяйкой Бѣлыхъ Столбовъ и еще почтительнѣе приложился къ ея рукѣ. Но хотя онъ и разспрашивалъ ее съ видимымъ участіемъ про то какъ идутъ у нея посѣвы и похвалилъ ея пышные озимые всходы, Анна Григорьевна тотчасъ смѣтила что у него совсѣмъ не то на умѣ и вовсе не затѣмъ онъ къ ней заѣхалъ чтобъ ей наговорить комплиментовъ. Она дала ему однако въ сласть разводить узоры своего краснорѣчія: „пусть онъ себѣ болтаетъ, думала она,—пока кофе подадутъ,—незванаго гостя не гнать же со двора!“ Тогда только когда онъ успѣлъ разказать ей и про то какъ понесли рысаки купца Алтынникова, и про насморкъ губернатора, и про новую актрису изъ Москвы отъ которой всѣ безъ ума, потому что она куплеты поетъ не хуже любой Француженки, Анна Григорьевна его наконецъ остановила:

— У васъ, Амфилохій Никандровичъ, до меня однако дѣло есть, должно-быть?

— Помилуйте, какое дѣло! Я счелъ долгомъ васъ посѣтить проѣздомъ въ Никольское: къ новой помѣщицѣ ѣду, къ Еленѣ Михайловнѣ, обѣдать, да кстати думалъ племянницѣ вашей отрекомендоваться, которая у васъ съ недавнихъ поръ живетъ.

Анна Григорьевна посмотрѣла ему прямо въ глаза. „А! вотъ зачѣмъ пожаловалъ!“ пришло ей на мысль.

— Нади, кажется, нѣтъ дома, сказала она громко.

— Очень жаль, любезно продолжалъ исправникъ.—Много я наслышался про Надежду Сергѣевну, дѣвица, говорятъ, прекрасная и доброты такъ-сказать ангельской.

Анна Григорьевна не отвѣчала.

— Только вотъ что-съ, ваше превосходительство, уже вполголоса повелъ свою рѣчь исправникъ, нагнувшись къ креслу Анны Григорьевны.—По нашей должности, вы знаете формальности есть такія. Что дѣлать? Хе, хе, хе! начальству стало извѣстно что дѣвица Ольшевская, прежде чѣмъ вамъ угодно было принять ее къ себѣ въ домъ, имѣла сношенія съ лицами не вполнѣ благонадежными.

— Позвольте, Амфилохій Никандровичъ, рѣзко перебила его Анна Григорьевна,—это до васъ, кажется, не касается. Надя у меня въ домѣ, я ея попечительница и сама за нее отвѣчаю.

— Знаю, знаю, возразилъ заискивающимъ тономъ исправникъ.—Неужели вы думаете что я могъ заподозрить, отнестись къ вамъ съ недовѣріемъ... Молодые годы, извѣстное дѣло, увлеченіе, да и кто теперь, скажите пожалуста, не увлекается? Это такъ-сказать въ воздухѣ носится, какъ запахъ черемухи теперь. И въ этомъ, если хотите, много есть даже очень хорошаго. Но все-таки мы обязаны слѣдить, наблюдать, и хотя молодыя лѣта вашей племянницы и ея присутствіе въ вашемъ домѣ исключаютъ всякую возможность опасности,—тутъ исправникъ сталъ очень важенъ и былъ видимо доволенъ собой за произнесенныя имъ отборныя слова,—но потому самому вы не откажетесь конечно въ ручательствѣ за нее...

— Да я жь вамъ сейчасъ сказала что ручаюсь за нее вполнѣ, нетерпѣливо возразила Анна Григорьевна.

— Конечно, конечно! сладко улыбаясь продолжалъ Амфилохій Никандровичъ;—я и буду только просить васъ написать маленькое удостовѣреньице въ томъ что ваша племянница...

— Вы моему слову что ли не вѣрите, Амфилохій Никандровичъ? опять перебила его Анна Григорьевна.

— Помилуйте, это только такъ, формальность маленькая, хе, хе, хе! Удостовѣреньице, такое что вы ручаетесь за то что Надежда Сергѣевна не будетъ имѣть уже никакихъ сношеній.

Анна Григорьевна поднялась со своихъ креселъ, выпрямилась предъ нимъ во весь ростъ и вперила въ него свои быстрые сѣрые глазки...

— Сношеніе?! въ моемъ домѣ! Да за кого вы меня принимаете? И съ чего вы взяли что я вамъ стану какія-то тамъ письменныя ручательства сочинять? Съ полиціей, государь мой, ни съ тайною, ни съ явною, я никогда не водилась; а то что я за Надю ручаюсь какъ за себя, я хоть сто разъ вамъ готова повторить, да и самому губернатору также скажу, когда онъ ко мнѣ пожалуетъ.

Бѣдный Амфилохій Никандровичъ такъ оплѣшилъ что не нашелъ отвѣта, и всей его полицейской важности какъ не бывало.

— А вотъ кофе несутъ, не откушаете-ли чашечку? И голосъ хозяйки звучалъ ласково и гостепріимно.

Но Амфилохій Никандровичъ отъ кофе отказался, увѣряя что ему надо спѣшить въ Никольское.

Едва успѣлъ онъ выйти изъ гостиной какъ въ противоположныхъ дверяхъ показалась Надя. Она быстро, почти бѣгомъ подошла къ Аннѣ Григорьевнѣ и стремительно бросилась предъ нею на колѣни.

— Тетя милая, проговорила она горячо,—простите меня за то что̀ было сегодня утромъ! Я такая дурная! Я сладить съ собой не могу; я не сто́ю вашей доброты!

Молодая дѣвушка вся дрожала отъ волненія и порывалась обѣими руками обнять тетку. И теперь, когда она хотѣла загладить свою утреннюю выходку, въ ней было что-то страстное, порывистое, необузданное.

— Да я давно тебя простила, мой другъ, ласково сказала Анна Григорьевна, гладя Надю по головѣ.—Вѣдь я знаю что отъ тебя нельзя требовать того же что̀ отъ другихъ.

— Нѣтъ, я дурная, неблагодарная, твердила Надя, и лицо ея уткнулось въ колѣни Анны Григорьевны.—Я слышала что̀ этотъ человѣкъ сейчасъ говорилъ вамъ про меня, и что̀ за непріятности вамъ угрожаютъ потому что я въ вашемъ

домѣ.—Она подняла голову и заговорила еще быстрѣе:—Я шла къ вамъ сюда чтобы сказать вамъ, какъ мнѣ совѣстно предъ вами, и у самыхъ дверей я услышала свое имя и остановилась... вѣть это я не дурно поступила—вдругъ прибавила она совершенно инымъ, уже не смиреннымъ, а вызывающимъ голосомъ,—что стала подслушивать? Вѣдь я въ самомъ дѣлѣ подслушивала! И по лицу ея было замѣтно чего стоило ей сказать одно слово упрека, и непокорное чувство опять въ ней готово заговорить.

— Подслушивать не хорошо, положимъ, улыбаясь отвѣчала Анна Григорьевна;—но на этотъ разъ бѣда не велика.

— Да, но вы не понимаете, тетя; что теперь мнѣ въ самомъ дѣлѣ оставаться нельзя, поспѣшила она прибавить,—не оттого чтобъ я не хотѣла, а потому что ради меня, вы рискуете подвергнуться всѣмъ этимъ глупымъ и несноснымъ дрязгамъ, а этого я не могу и не хочу допустить!

Надя все еще стояла на колѣняхъ и руки ея все еще обнимали старушку. Яркая краска разлилась по ея лицу, на которомъ было и раскаяніе, и стыдъ, и негодованіе, и всѣ эти чувства выражались съ тою искреннею бурною страстью, которая всегда примѣшивалась къ каждому ея чувству.

— Это что̀ еще такое?! удивленно воскликнула Анна Григорьевна.—Ты за меня боишься? Ты, кажется, слышала, какъ я отвѣчала этому шуту гороховому? Отъ меня вздумалъ удостовѣренія какого-то спрашивать! Хотѣла бы я видѣть, какихъ они мнѣ надѣлаютъ непріятностей!

— Нѣтъ, тетя, отвѣтила Надя, вставая,—что̀ бы вы ни говорили, изъ-за меня не должно быть у васъ и тѣни какого-нибудь столкновенія. Отпустите меня! Я для вашего дома не гожусь.

— Нѣтъ, мой другъ, спокойно и рѣшительно отвѣчала Анна Григорьевна,—я тебя не пущу ни за что̀. Послѣ того что̀ было сейчасъ, ты объ этомъ и думать перестань. Я дала слово твоему отцу и сдержу его: тебя мы уберечь сумѣемъ, а обо мнѣ не безпокойся! Но вотъ что̀ ты мнѣ обѣщай, Надя, прибавила она чрезъ минуту:—не затѣвай тайкомъ отъ меня никакихъ переписокъ или иныхъ сношеній... ты уже знаешь, съ кѣмъ; ну, хоть съ этимъ Нерадовичемъ, изъ-за котораго ты спорила сегодня утромъ съ Володей. Коли ты слышала что̀ говорилъ исправникъ, ты должна понять что это необходимо. Ты обѣщаешь? да?

Надя съ минуту простояла предъ ней молча, скрестивъ руки на груди и упорно смотря внизъ. Замѣтно было что она не могла рѣшиться, не взвѣсивъ, на что она обязывается.

— Да, тетя, обѣщаю, тихо проговорила она и отвернулась чтобы выйти. Но Анна Григорьевна снова притянула къ себѣ голову молодой дѣвушки...

V.

То было въ утро нашихъ лѣтъ.
О счастіе, о слезы!
О лѣсъ, о жизнь, о солнца свѣтъ,
О свѣжій духъ березы!

Гр. А. Толстой.

Володя весь этотъ день ходилъ съ понуренною головой, слоняясь изъ угла въ уголъ и рѣшительно не зная что дѣлать. Онъ чувствовалъ себя ужасно виновнымъ предъ кузиной Надей и не могъ понять, какъ это онъ, такъ безпредѣльно ей преданный, наговорилъ ей кучу жесткихъ, несправедливыхъ словъ. А между тѣмъ какъ разъ въ этотъ день ему казалось что чувство его къ Надѣ навсегда овладѣло его сердцемъ и счастье для него впереди возможно только съ ней. Да, онъ долженъ объясниться съ Надей, вымолить ея прощеніе и сказать ей про свою любовь. Онъ сдѣлаетъ это непремѣнно сегодня же, потому что ему нельзя прожить и нѣсколькихъ часовъ безъ того чтобы не заставить ее позабыть про утреннюю сцену. Онъ искалъ случая переговорить съ ней; но страннымъ образомъ, всякій разъ какъ ему приходилось ее встрѣтить или увидать издали, онъ не рѣшался поднять на нее глаза и даже просто избѣгалъ ее. Такъ проходилъ день, и Володя, въ десятый разъ собиравшійся отыскать Надю, стоялъ въ безплодной задумчивости на террасѣ и тормошилъ концомъ своей тросточки своего курчаваго чернаго сетра Нерона, спокойно лежавшаго у ногъ хозяина. И собака, тревожимая въ своемъ лѣнивомъ покоѣ, вѣроятно думала про себя что одни только люди настолько неразумны чтобы волноваться въ такой день, когда апрѣльское солнце такъ ярко свѣтитъ и вся природа будто приглашаетъ къ полному наслажденію жизнію.

Вдругъ изъ раствореннаго окна втораго этажа раздался звонкій смѣхъ. Володя быстро поднялъ голову.

— Знаете, Володя, сказала Надя,—что я вами цѣлыхъ полчаса любуюсь! Что̀ вы тутъ дѣлаете? Давайте лучше погуляемъ до обѣда! Хотите, я сейчасъ къ вамъ сойду?

Озадаченный молодой человѣкъ не успѣлъ отвѣтить, какъ Надя уже накинула шляпку, захватила зонтикъ и къ лѣстницѣ донеслись звуки какого-то мотива, который она весело напѣвала. Володя не могъ надивиться случившейся перемѣнѣ: такъ мало походила эта Надя, вся сіявшая жизнію, на ту мрачно глядѣвшую дѣвушку, которая ему въ это же утро такъ горько и запальчиво отвѣчала.

— Неужели вы такъ на меня и не сердитесь, Надя? неловко и краснѣя спросилъ онъ ее.

— Вы кажется, Владиміръ Алексѣевичъ, по одному моему виду можете судить насколько я сержусь.

Молодые люди прошли чрезъ усадьбу въ поле, и Надя была до того весела что рѣзвилась какъ ребенокъ. У ней въ самомъ дѣлѣ было легко на душѣ. А Володя все собирался начать свое объясненіе, и оттого можетъ-быть что онъ не зналъ какъ за него приняться, веселость молодой дѣвушки его не заражала и онъ отвѣчалъ ей лишь односложно, не впопадъ.

Надя ему наконецъ разсмѣялась прямо въ лицо:

— Что̀ вы такъ раскисли сегодня, Володя? Точно васъ обидѣлъ кто-то или вы чего-нибудь очень стыдитесь?

Володя пробормоталъ что-то очень невнятно.

— А я знаю, продолжала Надя тѣмъ же шаловливымъ тономъ,—что вамъ ужасно хочется мнѣ кое-что сказать, а между тѣмъ вы никакъ не смѣете. Такъ? угадала? спрашивала она въ виду его упорнаго молчанія. Но отвѣта она все-таки не получила, и Володя сталъ только порывисто отбивать своею тростью молодые побѣги ракитовыхъ кустовъ.

Лицо Нади мгновенно опять стало серіозно.

— Повѣрьте мнѣ, Володя, сказала она дотрогиваясь до его локтя,—что гораздо лучше будетъ для насъ обоихъ если вы никогда не станете заговаривать со мной о томъ про что̀ вы хотѣли сказать мнѣ теперь, и даже совсѣмъ забудьте про это.

Но это было конечно совсѣмъ неисполнимое требованіе и на Володю оно подѣйствовало какъ разъ наоборотъ. Признаніе долго сдерживаемое застѣнчивостью теперь сорвалось съ его губъ тѣмъ неудержимѣе. Надя сама удивилась откуда взялась у него вдругъ эта прыть. У нея прошла охота смѣяться. Она даже не перебивала его, хоть и покачивала иногда

нетерпѣливо головой какъ бы отрицая возможность того чтò онъ говоритъ ей. Только тогда остановила она его когда онъ спросилъ у нея наконецъ согласится ли она стать его женой, потому что мечта объ этомъ какъ о единственно возможномъ для него счастьи овладѣла всѣмъ его существомъ.

— Вашею женой, Володя? сказала она и удивительно мягко, почти грустно звучалъ ея голосъ.—Полноте! Развѣ это возможно? развѣ мы годимся другъ для друга?... Ну, скажите пожалуста, какая я вамъ буду жена? И Надя попробовала улыбнуться.

Но эти слова только подлили масла въ огонь, и Володя стремительнѣе прежняго сталъ доказывать ей что это не только возможно, но и разумно въ высшей степени; что они заживутъ отлично вмѣстѣ, а главное—такъ по крайней мѣрѣ выходило изъ его словъ—что ему страстно и неудержимо этого хочется.

Надя увидала что эту полудѣтскую вспышку не такъ легко потушить какъ ей думалось. Она стала говорить съ нимъ ласково и нѣжно, почти такъ какъ большіе говорятъ съ дѣтьми. Но отъ этой ласки, отъ этой нѣжности было такъ неизмѣримо далеко до того чувства о которомъ просилъ Володя что и ему не трудно было разглядѣть это очень скоро. Онъ опустилъ голову и сталъ уже молча выслушивать то чтò говорила ему Надя. Иногда только онъ глубоко вздыхалъ, но и это походило отчасти на то какъ дѣти вздыхаютъ по разбитой игрушкѣ.

— Ну, гдѣ вамъ жениться, Володя, въ ваши годы да съ вашимъ характеромъ и еще на такой дѣвушкѣ какъ я? говорила Надя.—Вѣдь я не изъ такихъ которымъ можно поручить свое счастье и потомъ спокойно глядѣть сложа руки какъ гладко стелется жизнь... Ваша любовь, повѣрьте мнѣ, не выдержала бъ и десятой доли тѣхъ столкновеній которыя пришлось бы вамъ имѣть въ первый же мѣсяцъ съ такимъ строптивымъ существомъ какъ я. Развѣ мы не можемъ и такъ оставаться друзьями и, повѣрьте мнѣ, гораздо лучшими, болѣе вѣрными друзьями? Я вамъ конечно предлагаю то чтò принято считать плохимъ утѣшеніемъ; но вы очень скоро увидите что вамъ жалѣть не о чемъ, а самолюбіе ваше тутъ, разумѣется, не причемъ,—его впрочемъ я бъ и утѣшать не стала.

При словѣ „самолюбіе“ Володя сдѣлалъ негодующее движеніе

рукой, хоть оно конечно во глубинѣ его сердца немножко и страдало въ эту минуту. Но это очевидно ничего не значило въ сравненіи съ другимъ болѣе жгучимъ страданіемъ, а между тѣмъ когда Володя, понуривъ голову, шелъ рядомъ съ Надей по направленію къ дому, въ немъ поднимался сначала едва замѣтно вопрошающій голосъ: „Неужели такъ легко перенести то что сейчасъ произошло между нами?“ удивленно спрашивалъ Володя самого себя. Неужели горячія надежды могутъ разбиваться, не оставляя за собой болѣе глубокихъ слѣдовъ чѣмъ то ноющее, но вовсе ужь не столь горькое чувство какое онъ испытывалъ теперь? У Нади между тѣмъ прошелъ ея припадокъ веселости.

— Наши дороги въ жизни, Володя, говорила она ему когда они подошли къ усадьбѣ,—неизбѣжно разойдутся и разойдутся очень скоро. Вы не можете да и не захотите идти со мною по тому пути на который меня поставили обстоятельства.

Володя горячо возсталъ противъ этого, увѣряя ее что она несправедлива къ нему и что онъ не менѣе ея способенъ на самоотверженіе.

— Я увѣрена, Володя, тихо возразила Надя,—что вы говорите вполнѣ искренно. Но я думаю, я знаю васъ можетъ-быть лучше чѣмъ сами вы себя знаете. И повѣрьте мнѣ, очень скоро васъ потянетъ въ другую сторону. И нечего вамъ сожалѣть объ этомъ. Счастливы тѣ которымъ легко дается жизнь и которые не задаютъ своему будущему слишкомъ трудные вопросы!

Володя не отвѣчалъ. Быть-можетъ у него тоже прокрадывалось сознаніе что не зачѣмъ искать далекихъ сложныхъ задачъ, когда и безъ нихъ такъ легко и просто живется.

Къ дому между тѣмъ подъѣзжалъ тарантасъ съ тройкой вороныхъ.

— Опять кто-то ѣдетъ, недовольнымъ голосомъ проговорила Надя.

Они были уже такъ близко что легко было разглядѣть лица тѣхъ кто теперь высаживался изъ тарантаса, уже подкатившаго къ крыльцу.

— А! Да это Томилинъ, Өедоръ Васильевичъ! живо воскликнулъ Володя, узнавъ высокую фигуру немолодаго уже, но замѣчательно бодраго мущины, съ длинными, большими усами и съ очень замѣтнымъ военнымъ оттѣнкомъ во всей осанкѣ.

— Что̀ за тройку подъ масть подобралъ! Прелесть! Вырвалось у Володи, восторженно глядѣвшаго на славныхъ вороныхъ Ѳедора Васильевича.

Надя слегка насмѣшливо посмотрѣла на молодаго человѣка, замѣтивъ какъ сильно приглянулись ему лошади.

— Вы какъ будто не рады, Надя, что пріѣхалъ Томилинъ? продолжалъ Володя.—А онъ такой славный старикъ!

— Скучно, равнодушно проговорила Надя. — Вѣдь рѣдкій день безъ гостей проходитъ! А кто бы это могъ быть, что̀ съ нимъ пріѣхалъ?

На крыльцѣ стоялъ рядомъ съ Ѳедоромъ Васильевичемъ молодой человѣкъ съ продолговатымъ, почти желтымъ лицомъ, похожимъ на фигуры изъ гуттаперчи, такъ странно вытянуто было оно и такъ приплюснутыми казались его впалыя щеки! Онъ тщательно отряхивалъ пыль со своего чрезчуръ изысканнаго костюма. Странной формы дорожная шапочка съ кисточкой висѣвшею позади и монокль, вдавленный въ лѣвый глазъ, придавали что-то комическое его длинной фигурѣ.

— Это какой-то франтъ, совершенно невиданный въ здѣшнихъ мѣстахъ. И что̀ его угораздило пожаловать сюда? Какой уморительный! Дѣлать нечего, придется занимать эту модную картинку. Ахъ, кабы ваша матушка разъ навсегда рѣшилась не впускать въ свой домъ всѣхъ этихъ незваныхъ гостей! И съ этими словами Надя быстро побѣжала къ себѣ на верхъ, предоставивъ Володѣ заняться съ пріѣзжими.

VI.

Мечты поэзіи, творенія искусства
Теперь нашъ праздный умъ уже
не шевелятъ.
Лермонтовъ (Дума).

Въ Бѣлыхъ Столбахъ обѣдали ровно въ половинѣ четвертаго, и всѣ сосѣди Анны Григорьевны очень хорошо знали что за ея столомъ всегда было мѣсто для лишняго гостя, но что за то у нея не дожидались никого. Ѳедоръ Васильевичъ Томилинъ, мировой судья того участка въ которомъ лежали Бѣлые Столбы, былъ ея давнишній пріятель. Его маленькое

имѣніе,—Θедоръ Васильевичъ былъ очень небогатый человѣкъ,—находилось въ ближайшемъ сосѣдствѣ Бѣлыхъ Столбовъ, и живя безвыходно въ деревнѣ многіе годы, Θедоръ Васильевичъ всегда радъ былъ подѣлиться своею опытностью съ сосѣдкой, уважаемою имъ глубоко за то что она, одинокая женщина, давала рѣдкій на Руси примѣръ аккуратности и порядка въ своемъ хозяйствѣ. Какъ бывшій мировой посредникъ и къ тому же въ тревожные дни введенія уставныхъ грамотъ, Θедоръ Васильевичъ очень хорошо помнилъ что Анна Григорьевна одна въ уѣздѣ не потеряла голову и не смотрѣла на 19 февраля какъ на повтореніе всемірнаго потопа. Онъ помнилъ это тѣмъ лучше что покойный ея мужъ, котораго онъ сильно недолюбливалъ, умѣлъ только безтолково волноваться и кричать по генеральски, что дѣлу конечно не помогало. Съ тѣхъ поръ много воды утекло, и порядки въ уѣздѣ, да и самъ Θедоръ Васильевичъ, снова вошли въ правильную колею. Между нимъ и хозяйкой Бѣлыхъ Столбовъ установились самыя дружескія отношенія и онъ наѣзжалъ къ ней чаще всѣхъ прочихъ; къ ея сыновьямъ онъ былъ привязанъ, будто они были ему родные. Въ этотъ день онъ пріѣхалъ изъ губернскаго города вмѣстѣ со вновь назначеннымъ судебнымъ слѣдователемъ Коневецкимъ, недавно оперившимся птенцомъ Школы Правовѣдѣнія. Коневецкій привезъ съ собой изъ Петербурга платье самаго моднаго покроя отъ лучшихъ портныхъ, самоувѣренную развязность франта средней руки и необычайное пренебреженіе къ той должности которую ему приходилось занимать, конечно, какъ переходную ступень. Онъ считалъ нужнымъ лично отрекомендоваться наиболѣе крупнымъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, но приэтомъ онъ не думалъ скрывать своего презрительнаго снисхожденія къ этой провинціальной средѣ, куда его занесли воля начальства и чаяніе карьеры. Онъ говорилъ въ носъ и намѣренно картавилъ. „Я такъ 'адъ что здѣсь въ п'овинціи можно вст'ѣтить хотя нѣсколько по'ядочныхъ и об'азованныхъ людей", такъ выражался онъ, думая что это очень любезно. На Анну Григорьевну, впрочемъ, его самодовольный тонъ не произвелъ ровно никакого впечатлѣнія. „Что этотъ молокососъ сюда учиться пріѣхалъ?"

Были уже за третьимъ блюдомъ, когда въ столовую вошла Надя. Она коротко мимоходомъ поклонилась гостямъ и молча заняла свое мѣсто рядомъ съ Володей. Юный питомецъ

римскаго права, должно-быть, нашелъ что Надя привлекательное явленіе въ провинціальной глуши; только онъ плотнѣе прежняго ввернулъ въ глазъ свой монокль и пустился съ ней во всю прыть своей любезности. Но, увы! онъ потерпѣлъ неудачу. Надя едва ему отвѣчала, не скрывая даже отъ него отталкивающее впечатлѣніе которое производили на нее его старапіе и тотъ подборъ плоскихъ французскихъ остротъ, которыя онъ подносилъ ей самодовольно и въ особенности сопровождавшіе ихъ сладкіе взгляды его заискрившихся глазъ. Но бѣдный малый едва ли примѣчалъ это. Онъ продолжалъ охорашиваться и сыпалъ каламбурами какъ будто ни въ чемъ не бывало. Онъ даже сталъ увѣрять Надю что ей грѣшно запираться въ глуши и что Аннѣ Григорьвнѣ непремѣнно такъ и слѣдуетъ вывозить ее по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, потому что „хотя la Bielokámennaja est très province, mais enfin déjà on y trouve une espèce de société qui ressemble à l'Europe, et comme de raison vous y serez la reine de tous les bals.“ Такъ выражался онъ на томъ чистомъ парижскомъ діалектѣ, который процвѣтаетъ въ ресторанахъ Невскаго Проспекта.

— Я была въ Москвѣ, отвѣчала Надя по-русски,—но только не ради московскихъ баловъ. А вы сами,—прибавила она уже съ явною враждебностью,—конечно привыкли жить совершенно по-европейски.

— On fait ce qu'on peut, отвѣчалъ онъ, пожимая плечами.—Вы мнѣ сказали,—обратился онъ къ Ѳедору Васильевичу,—что мнѣ можно будетъ достать здѣсь въ деревнѣ лошадей чтобы доѣхать до Златоустовки, гдѣ у меня назначено слѣдствіе? а оттуда, если позволите, я уже поѣду ночевать къ вамъ.

— Вы, я думаю, врядъ ли успѣете; златоустовское дѣло изъ крупныхъ и, какъ всѣ дѣла о сопротивленіи властямъ, не скоро можетъ быть кончено.

— Ничего, развязно возразилъ мододой человѣкъ.—Кончимъ завтра. Исправникъ тоже хотѣлъ туда пріѣхать къ вечеру. Ces braves paysans peuvennt attendre. Впрочемъ свидѣтели были мною вызваны сегодня къ двѣнадцати часамъ.

— И ждутъ до сихъ поръ? Напрасно вы мнѣ про это не сказали утромъ въ городѣ.

— Да я же вамъ говорю, исправникъ... ничего, подождутъ.

— И стало-быть, рѣзко оборвала его Надя,—вмѣсто того чтобы производить слѣдствіе вы пріѣхали сюда обѣдать? Это тоже совершенно по-европейски?

Молодой человѣкъ потупился и не отвѣчалъ. Анна Григорьевна, удивленно посмотрѣвъ на племянницу, поспѣшила замять разговоръ.

Златоустовское дѣло о сопротивленіи властямъ естественно привело ей на память ея утренній разговоръ съ крестьянами. Она пожаловалась Өедору Васильевичу на то что крестьяне съ каждымъ годомъ все настойчивѣе требуютъ надѣленія ихъ землей и все сильнѣе возстаютъ противъ возрастанія съемочныхъ цѣнъ.

— Удивительно, говорила она,—какъ упорно держится увѣренность къ томъ что будетъ дана новая воля. Сколько имъ ни толкуй, а они все одно: „мы ваши, а земля наша". Даже въ аренду не хотятъ снимать.

— Да вы скорѣе тому удивляйтесь, Анна Григорьевна, какъ съ этою вѣчно обманутою надеждой они живутъ еще такъ мирно, особенно въ виду стараній которыя прилагаютъ извѣстные господа чтобы подбить ихъ. Не дальше какъ третьяго дня одного такого франта связаннаго въ волость представили, и кто бы вы думали? Тѣ самые Златоустовскіе мужики которые судятся за сопротивленіе властямъ. Мнѣ его право жаль стало, худенькій такой, щедушный, платье все изодрано, должно-быть пощипали его мужики. Онъ тамъ у златоустовскаго дьячка жилъ, а самъ землемѣромъ объявился и все крестьянамъ раздавалъ тамъ разныя книжечки: „Сказку о четырехъ братьяхъ" „Исторія одного французскаго крестьянина" и всю эту ихнюю ерунду. Одинъ мужичокъ у него и спрашиваетъ въ кабакѣ: „что̀, батюшка, это Псалтирь что ли? Ты знать у кутейниковъ живешь, такъ больше все духовныя книжки должно-быть раздаешь?" Ну онъ, сердечный, и оплошалъ и давай имъ толковать что Бога нѣтъ, а царя и господъ надо по шапкѣ, и тогда настанетъ для народа настоящее житье. А они его въ награду за то взяли да прямо въ полицію. И то сказать, молодцы!

Надя слушала этотъ разказъ, едва сдерживая свое негодованіе. Въ ея глазахъ предметъ насмѣшекъ Өедора Васильевича былъ мученикъ, можетъ-быть ей лично не особенно симпатичный, такъ какъ вѣра въ то дѣло за которое онъ страдалъ въ ней слегка пошатнулась; но во всякомъ случаѣ безкорыстный защитникъ этого дѣла, стоявшій неизмѣримо выше той среды которая встрѣчаетъ однимъ глумленіемъ его неумѣлыя попытки.

— Это здѣшніе неграмотные мужики такъ наивны? вмѣшался Володя.

— И знаете, Володя, что̀ дѣлаютъ тѣ которые поразвитѣе и посмышленѣе? Они своею грамотностью для того пользуются чтобы нажиться и свою же братію давить что есть мочи. Да-съ, нашъ русскій мужичокъ существо весьма практическое и ужь вовсе не сентиментальное. Всякія улучшенія своего быта онъ понимаетъ въ видѣ барыша и только для себя лично, замѣтьте, а за французскую троицу: liberté, égalité fraternité, онъ гроша мѣднаго не дастъ!

— Да вы же сами говорите что крестьяне требуютъ себѣ новаго земельнаго надѣла и вполнѣ законно требуютъ, потому что община тружениковъ есть настоящій землевладѣлецъ?

У Володи даже лицо разгорѣлось отъ воодушевленія, а сидѣвшій противъ него юный правовѣдъ такъ и вытаращилъ свой лѣвый глазъ изъ-подъ монокля, услышавъ такія странныя рѣчи въ домѣ степной помѣщицы.

— Ого! перебилъ Володю Ѳедоръ Васильевичъ,—община! Вотъ оно, по вашему, гдѣ настоящее царство справедливости и послѣднее слово русскаго развитія! Знаете пословицу: съ міра по ниткѣ—нищему на рубашку? Ну, а какъ вы думаете, коли наоборотъ, рубашку на цѣлый міръ надѣлишь, много больше нитки на каждаго достанется? И давно это поняли наши мужики, и въ этихъ вашихъ хваленыхъ общинахъ тому кто посильнѣе и въ голову не приходитъ слабому помочь.

— Либерально, нечего сказать! сквозь зубы пропустилъ Володя.

— А вамъ непремѣнно хочется все на либеральный аршинъ мѣрить? Вотъ у насъ на земскомъ собраніи тоже одинъ такой помѣщикъ есть, богатый человѣкъ, который тѣмъ только и занятъ какъ бы ему и говорить и думать какъ можно либеральнѣе. Чуть что̀ скажетъ онъ въ земскомъ собраніи, онъ тревожно прочитываетъ по утрамъ газеты, а ну, какъ вздумается мѣстному корреспонденту обвинить его въ отсталости? Въ газетахъ, разумѣется, про него не писали ни разу. Но за то одинъ изъ крестьянъ-гласныхъ ему разъ какъ-то послѣ засѣданія сказалъ: „Шутникъ ты, баринъ, право,—мы все это вотъ въ толкъ никакъ взять не можемъ: почему это ты все за насъ такъ хлопочешь? Наши думали что вотъ насъ кто обижать собирается. Нѣтъ: видимъ—ничего, ладно.

Лучше бы ты, баринъ, свое дѣло зналъ, а мы ужь сами за себя постоимъ“.

— Ну, а вы какъ объ этомъ думаете, Надежда Сергѣевна? неожиданно обратился Томилинъ къ молодой дѣвушкѣ.

— Я разказа вашего, признаюсь, и не слушала, рѣзко отвѣтила Надя;—а думаю я что конечно гораздо удобнѣе, сидя за обѣдомъ, острить насчетъ мужика, чѣмъ подвергать себя опасности, помогая ему.

Анна Григорьевна живо взглянула на Томилина, какъ бы упрашивая его не продолжать этотъ разговоръ. Ѳедоръ Васильевичъ и не отвѣчалъ Надѣ и только задумчиво сталъ покручивать свои волнистые усы. Наступило довольно продолжительное, натянутое молчаніе.

Послѣ обѣда Надя тотчасъ же усѣлась возлѣ окна за вышиваніе, какъ бы отстраняя себя отъ остальныхъ. Володя между тѣмъ вступилъ съ Ѳедоромъ Васильевичемъ въ горячій споръ о современной литературѣ. Очень любилъ Володя эти споры, хотя старики и не щадили обыкновенно современныхъ взглядовъ молодаго человѣка. Ѳедоръ Васильевичъ остался вѣренъ вкусамъ своей молодости и несмотря на свои сѣдые волосы и на долгую возню съ реальною обстановкой деревни, продолжалъ восторженно поклоняться своимъ давнишнимъ любимцамъ—поэтамъ начала столѣтія. Онъ даже совсѣмъ увлекся, разказывая Володѣ, какъ онъ, будучи еще студентомъ, задумалъ со своими товарищами поставить *Разбойниковъ* Шиллера и какъ попечительное начальство, узнавъ объ этомъ, замѣнило актерамъ представленіе карцеромъ, а одного изъ нихъ, слишкомъ уже хорошо игравшаго Карла Моора, снарядило въ Вятку...

— Да, вотъ какое время тогда было! Даже Шиллеръ былъ запретнымъ плодомъ! сказалъ онъ.—И молодежь тогда была настоящая: была у нея и вѣра въ будущее, и одушевленіе искусствомъ, и хоть всѣ мы очень хорошо знали тогда что не пройдетъ намъ даромъ эта штука, благоразумная осторожность никому не приходила въ голову.

Надя сложила свою работу и поднялась съ мѣста.

— Благоразумною осторожностью вы всего менѣе, съ горечью обратилась она къ Ѳедору Васильевичу,—имѣете право попрекать современную молодежь, хотя бы припомнивъ то что̀ вы недавно разказывали про щедушнаго, худенькаго малаго котораго привели въ волость крестьяне.

— Кажется, Надежда Сергѣевна, на этотъ разъ возразилъ Томилинъ, и старческіе глаза его заискрились,—Шиллеръ и „всеобщій передѣлъ“ совсѣмъ не то же самое, и увлеченіе искусствомъ мало имѣетъ сходства съ идеалами людей для которыхъ само творчество—ни что иное какъ одно изъ отправленій черезчуръ нервнаго организма.

— Да? медленно проговорила Надя,—сладенькіе и безмятежные восторги какимъ-нибудь Шиллеромъ по вашему чище и выше, и поѣздка въ „Вятку“ ради представленія *Разбойниковъ* гражданскій подвигъ? Это конечно, изящнѣе, эстетичнѣе—послѣднее слово она произнесла съ особенно презрительнымъ удареніемъ—чѣмъ возня съ чернымъ народомъ. И конечно также можно въ свои молодые годы восторгаться пылкими рѣчами романическихъ героевъ о священныхъ правахъ человѣка и въ то же время, вотъ какъ вы, Өедоръ Васильевичъ, будучи посредникомъ, преспокойно вводить уставныя грамоты оставляющія крестьянъ безъ земли...

Проговоривъ это, Надя медленно вышла изъ комнаты. Часъ спустя она сидѣла съ книгой въ рукахъ въ садовой бесѣдкѣ. Но книги она не читала и невеселыя мысли толпились у нея въ головѣ; а изъ дома до нея доносились оживленные голоса Володи и молодаго правовѣда, усердно занятыхъ игрой на билліардѣ. Вдругъ предъ ней очутилась высокая фигура Томилина. Надя хотѣла встать и уйти, но Өедоръ Васильевичъ удержалъ ее.

— Надежда Сергѣевна, началъ онъ,—мнѣ нужно переговорить съ вами. Вы меня оскорбили сегодня и оскорбили незаслуженно. А мнѣ, старику, вмѣсто того чтобы на васъ обижаться, показалось что лучше будетъ если я попробую измѣнить ваше дурное мнѣніе обо мнѣ. Подумалъ я такъ потому что мы когда-то были дружны съ вашимъ батюшкой, съ которымъ я служилъ подъ Севастополемъ, хотя онъ и многимъ былъ меня моложе.

Надя хотѣла было прервать съ первыхъ же словъ Өедора Васильевича: наставленій себѣ она вообще не допускала. Но голосъ старика былъ такъ мягокъ и искрененъ что она невольно дослушала его до конца.

— Воспоминаніе о моемъ отцѣ во всякомъ случаѣ, однако, возразила она,—не особенно меня трогаетъ, Өедоръ Васильевичъ. Вы легко поймете почему, если были съ нимъ близки.

— Но я не совсѣмъ понимаю, какъ мнѣ приходится слышать

это отъ васъ, его дочери. Въ нашемъ поколѣніи не привыкли высказывать чужимъ своего дурнаго мнѣнія о родителяхъ.

На этотъ разъ молодая дѣвушка не отвѣтила вовсе.

— И вотъ, продолжалъ Θедоръ Васильевичъ,—мнѣ хотѣлось разказать вамъ кое-что про житье-бытье этого поколѣнія которое вы повидимому такъ презираете. Повѣрьте мнѣ, обстановка, задачи жизни мѣняются какъ декораціи въ театрѣ; но люди остаются все тѣми же. Молодежь увлекается и теперь какъ и прежде увлекалась, и одного только я ей отъ души желаю, чтобы предметъ ея увлеченій всегда оставался въ самомъ дѣлѣ высокимъ; чтобы, воображая что она идетъ въ гору, она не шлепнулась въ болото....

Надя вспыхнула и хотѣла что-то возразить.

— Позвольте, Надежда Сергѣевна, остановилъ онъ ее,— выслушайте меня немного сначала; вѣдь мы, старики, чего грѣха таить, болтливы.

Они пошли рядомъ по дорожкѣ. Молодая дѣвуша не отдавала себѣ отчета почему она теперь безпрекословно слѣдуетъ за нимъ, котораго только за часъ назадъ она считала представителемъ ненавистнаго ей образа мыслей.

— Было время, продолжалъ Θедоръ Васильевичъ, — и недавнее еще время, хоть вы и не можете его помнить, когда эта самая свобода которая вамъ теперь кажется стѣсненіемъ была для насъ недосягаемою мечтой. Надо всею нашею молодежью черною тѣнью легла несчастная память 14 декабря. Тогда въ самомъ дѣлѣ быть молодымъ чуть ли не считалось быть заподозрѣннымъ. Вы вотъ почти смѣялись надъ тѣмъ что̀ я вамъ разказалъ про Шиллеровскихъ *Разбойниковъ*. А я бы вамъ могъ сотни такихъ случаевъ привести когда по такому же невинному поводу губилась молодая жизнь. А вѣдь кровь тоже живо струилась, хотѣлось тоже дышать; а что̀ же было дѣлать когда отъ узкихъ рамокъ жизни можно было найти спасенье только въ мірѣ отвлеченности и поэзіи?! Это была въ вашихъ глазахъ мелкая борьба и мелкія страданія. Да развѣ легче оттого что мысли не даютъ и самаго слабаго полета? А все-таки, какъ ни тѣсна была наша жизнь, какъ ни призрачны были наши интересы, одного мы никогда не теряли,—вѣры въ будущее, вѣры въ Россію, и ея-то именно теперь и нѣтъ. А вѣдь одною только вѣрой и крѣпокъ человѣкъ.

Надя его слушала молча, да и теперь она какъ-то нерѣшительно заговорила, возражая ему:

— Однакоже, Ѳедоръ Васильевичъ, изо всѣхъ этихъ прекрасныхъ идеаловъ не вышло ровно ничего, и тогдашняя ручная оппозиція преспокойно сидѣла у себя въ деревняхъ, наслаждаясь плодами крѣпостнаго права.

— Какъ ничего? воскликнулъ Томилинъ.—А 19 февраля, не стоившее Россіи почти ни капли крови! Ручная оппозиція, говорите вы! А мало вы думаете было жертвъ этой ручной оппозиціи?

И Ѳедоръ Васильевичъ разказалъ молодой дѣвушкѣ кое-что изъ своихъ прошлыхъ воспоминаній. Онъ привелъ ей длинный перечень талантливыхъ молодыхъ силъ угасшихъ въ глуши, не имѣя даже возможности испробовать себя на служеніи родинѣ. Онъ разказалъ какъ онъ самъ въ концѣ 40хъ годовъ, хотя и былъ тогда на службѣ въ Петербургѣ и на хорошемъ счету, однако разъ ночью былъ отправленъ съ фельдегеремъ въ Пермь за то только что у него по вечерамъ частенько собиралась молодежь.

— И прожилъ я тамъ пять лѣтъ безъ видовъ на будущее, почти безъ средствъ и кажется просто забытый. И только когда началась Восточная война мнѣ разрѣшили поступить офицеромъ въ армію. Много тамъ, подъ Севастополемъ, я нашелъ своихъ сверстниковъ которыхъ жизнь была испорчена какъ моя. И всѣ они не проклинали своей родины, не ждали спасенья отъ какихъ-то самозванныхъ заграничныхъ освободителей, а до конца исполняли свой долгъ предъ царемъ и Россіей. Ну, а если теперь въ своей деревушкѣ я на старости лѣтъ вмѣсто того чтобъ отрицать и браниться съ удовольствіемъ перечитываю Пушкина, да Шиллера, да нянчусь съ цвѣтами, которые вывожу въ теплицѣ, какъ вы думаете, это очень достойно порицаній и насмѣшки?

Надя только взглянула на него, но должно-быть онъ прочелъ хорошій отвѣтъ въ ея глазахъ, такъ какъ его рука крѣпко пожала руку молодой дѣвушки.

Въ саду стало темнѣть и сквозь весенніе сумерки мѣсяцъ на ущербѣ бѣлѣлъ на безоблачномъ небѣ. Птичьи голоса умолкли съ закатомъ и какъ мирное чувство въ успокоенной душѣ вечерняя тишина опустилась на землю.

— Надежда Сергѣевна! Барыня васъ проситъ чай разливать!

Послышался съ террасы голосъ Терентія.—Николай Осиповичъ Боровской пріѣхали-съ.

— Ахъ! нашъ высокоторжественный прокуроръ! сказалъ Ѳедоръ Васильевичъ.—Ну, прощайте! Мнѣ пора; да и недолюбливаю я, признаться, этого господина.

— Онъ, говорятъ, очень уменъ?

— Уменъ... д-да... Впрочемъ вы сами увидите.

И хотя Надя его удерживала къ чаю, Ѳедоръ Васильевичъ объявилъ что у него яровые посѣвы не кончены, а для этого вставать надо рано и минуя домъ онъ пошелъ отыскивать свой тарантасъ.

VII.

Tout chemin mène ici vers un but de mystère
Où va l'esprit dans l'homme, où va l'homme sur terre
Seigneur! Seigneur! où va la terre dans le ciel.
V. Hugo.

Николай Осиповичъ Боровской былъ назначенъ прокуроромъ въ С** за годъ предъ тѣмъ. За это время онъ успѣлъ пріобрѣсти репутацію человѣка недюжиннаго и совсѣмъ не подходящаго подъ какую-нибудь общую мѣрку. Что-то загадочное было и въ складѣ его ума и въ манерѣ его говорить и держать себя съ людьми... Многимъ казалось что онъ никогда не высказывалъ вполнѣ своей мысли и оттого можетъ-быть въ его словахъ имъ часто слышалась затаенная насмѣшка. При всемъ томъ Николай Осиповичъ вовсе не былъ что̀ называется сухимъ человѣкомъ: какъ всѣ люди хорошо владѣющіе словомъ, онъ, напротивъ, вступалъ легко и охотно въ бесѣду и въ его обращеніи не было и слѣда той сдержанной холодности, которую такъ любятъ напускать на себя посредственности бьющія на званіе серіозныхъ людей. Но за то всякій разговоръ съ нимъ оставлялъ такое впечатлѣніе что совсѣмъ нельзя было выяснить себѣ какого собственно былъ мнѣнія Николай Осиповичъ о томъ о чемъ говорилъ со своимъ собесѣдникомъ. Не мудрено что онъ ни съ кѣмъ не сошелся за этотъ годъ и особенною любовью мѣстнаго общества не пользовался. Впрочемъ этому способствовало и то что Николай Осиповичъ мало удостоивалъ своего вниманія провинціальныхъ дамъ: а этого онѣ, разумѣется,

простить не могли тридцати двухлѣтнему холостяку, тѣмъ болѣе что многимъ нравилась его высокая, стройная фигура съ выразительными, если не красивыми чертами лица и его глубокіе, такъ пристально и спокойно глядѣвшіе темносѣрые глаза. Дамы, извѣстное дѣло, и провинціальныя въ особенности, большія охотницы до загадочнаго: то обстоятельство что Боровской такъ мало походилъ на остальныхъ, что разгадать его было такъ мудрено, конечно очень возвышало его въ женскихъ глазахъ и усиливало негодованіе на то что такой интересный человѣкъ, да еще вдобавокъ обѣщающій такъ быстро идти впередъ, ускользаетъ отъ сѣтей мѣстныхъ очаровательницъ. А къ этому смертному грѣху прибавлялись еще два довершавшіе его непопулярность: Николай Осиповичъ картъ не бралъ въ руки и сплетни выслушивалъ съ нетерпѣніемъ.

Въ Бѣлыхъ Столбахъ Боровской былъ очень рѣдкимъ гостемъ: слишкомъ уже мало общаго было у него съ Анной Григорьевной. Въ этотъ вечеръ онъ заѣхалъ къ ней возвращаясь въ городъ изъ Никольскаго, гдѣ онъ обѣдалъ, чтобы передать ей порученіе отъ ея новой сосѣдки—Елены Михайловны Ардынцовой.

Елена Михайловна, овдовѣвшая около года предъ тѣмъ, недавно пріѣхала въ Никольское, года два тому назадъ купленное ея покойнымъ мужемъ. Опекуномъ ея падчерицы, единственной дочери и наслѣдницы этого мужа, пятнадцатилѣтней Жени, по завѣщанію покойнаго былъ назначенъ шуринъ Анны Григорьевны Петръ Николаевичъ Корецкій. Обстоятельство это, которое, мимоходомъ сказать, пришлось вовсе не по вкусу Еленѣ Михайловнѣ, заставляло его искать сближенія съ хозяйкой Бѣлыхъ Столбовъ, и Боровскому, съ которымъ она была хорошо знакома еще въ Петербургѣ, она поручила извѣстить Анну Григорьевну о своемъ намѣреніи побывать у нея на дняхъ съ падчерицей. Но у Николая Осиповича, когда онъ ѣхалъ въ Бѣлые Столбы, было въ виду и нѣчто иное, о чемъ онъ Аннѣ Григорьевнѣ не передалъ. Въ Никольскомъ онъ встрѣтился съ исправникомъ, который за столомъ разказалъ про странную молодую дѣвушку привезенную Анной Григорьевной изъ Москвы и возбудившую заботливое опасеніе властей. То немногое что̀ было изъ прошлаго Нади извѣстно Амфилохію Никандровичу по офиціальной перепискѣ, онъ передалъ слушателю съ самою милою

откровенностью: „Говорятъ она изъ самыхъ опасныхъ“, прибавилъ онъ уже отъ себя, неизвѣстно на какомъ основаніи,—„и въ то же время красавица писаная.“

— Такъ вотъ почему вамъ ее и увидать захотѣлось! сталъ подшучивать одинъ изъ присутствующихъ надъ извѣстною слабостью почтеннаго исправника къ прекрасному полу.

Николай Осиповичъ молча выслушалъ разказъ исправника; но въ немъ самомъ зародилось желаніе увидать загадочную молодую особу, соединявшую привлекательную внѣшность съ такимъ пылкимъ увлеченіемъ что въ восемнадцать лѣтъ она уже становилась предметомъ офиціальной тревоги: слухи про Надю Ольшевскую не въ первый разъ доходили до Боровскаго и ему хотѣлось воспользоваться случаемъ чтобы покороче узнать одну изъ тѣхъ которыя такъ рѣшительно сворачиваютъ въ сторону отъ обычной дороги женскаго призванія. Увидать ее среди мирной сельской обстановки ему казалось вдвойнѣ заманчиво. Съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ въ С** случай или даже можетъ-быть собственный выборъ его постоянно наталкивалъ на дѣла съ политическою окраской. Изъ нихъ онъ сдѣлалъ для себя почти спеціальность и въ обществѣ успѣлъ прослыть за неумолимаго гонителя тѣхъ которые, не задумываясь, хотятъ поставить созданіе своей фантазіи на мѣсто всего того что выработала суровая дѣйствительность. Увѣряли даже что Николай Осиповичъ гораздо болѣе и ужь конечно основательнѣе самого голубаго полковника знакомъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ и съ признаками того движенія которое такъ усиленно бродитъ по молодымъ умамъ.

Первое лицо на которое въ Бѣлыхъ Столбахъ наткнулся Боровской былъ юный представитель слѣдственной власти, совершенно забывшійся среди прелестей билліарда. Коневецкому пришлось выслушать наставленіе, повидимому очень внушительное, хотя оно было высказано въ самомъ миломъ тонѣ: по крайней мѣрѣ онъ тотчасъ бросился искать лошадей и долженъ былъ довѣрить крестьянской телѣгѣ свою изнѣженную особу и свой изящный костюмъ. Николай Осиповичъ держалъ подчиненныхъ въ ежевыхъ рукавицахъ и рѣшительно отклонилъ предложеніе Анны Григорьевны дать Коневецкому своихъ лошадей.

— Зачѣмъ баловать молодыхъ людей, сказалъ онъ;—тѣмъ

лучше коли его поломаетъ немножко. Завтра съ разсвѣтомъ онъ тѣмъ охотнѣе примется работать.

Когда Надя вошла въ гостиную, она собиралась встрѣтить Боровскаго далеко не дружелюбно. То что она неоднократно слышала про него не располагало ее въ пользу энергичнаго обвинителя по профессіи, хотя въ то же время къ этому враждебному чувству примѣшивалось у нея и нѣкоторое любопытство. Въ ея глазахъ Николай Осиповичъ былъ какъ разъ олицетвореніемъ и къ тому же довольно крупнымъ ненавистнаго ей порядка вещей и еще болѣе ненавистнаго образа мыслей. „Къ такимъ людямъ", думала Надя, „слѣдовало относиться съ самымъ холоднымъ презрѣніемъ". Но одного взгляда на Боровскаго было для нея достаточно чтобъ убѣдиться какимъ безсильнымъ окажется противъ него это презрѣніе. Ей показалось что предъ нимъ она почти ребенокъ и что всѣ ея слова и все ея негодованіе могутъ вызвать одну улыбку. А онъ увидавъ ее всталъ медленно, почти торжественно ей поклонился и снова занялъ свое мѣсто не сказавъ ей ни слова. Только глаза его на мигъ обратились на нее, и она должна была сознаться предъ собой что до сихъ поръ ни чьи глаза не смотрѣли на нее изъ такой глубины и въ то же время такъ невозмутимо и повелительно. Ей стало почему-то досадно: она молча поклонилась, отошла къ чайному столу и будто укрылась за шипѣвшимъ на немъ самоваромъ.

Ея появленіе даже не прервало спора успѣвшаго уже возникнуть между Боровскимъ и Володей. Николай Осиповичъ, извиняясь въ томъ что онъ такъ безцеремонно услалъ Коневецкаго, принялся доказывать что Златоустовское дѣло, какъ всѣ дѣла возникающія по поводу крестьянскихъ безпорядковъ, совершенно нелѣпое и въ то же время важное дѣло, которое слѣдуетъ разрѣшить какъ можно скорѣе и притомъ съ неумолимою строгостью.

— За послѣднее время, говорилъ онъ,—эти волненія стали повторяться очень часто, и потому острастка необходима: такіе безсильные и безтолковые порывы неповиновенія приносятъ одинъ только вредъ и крупный вредъ тѣмъ кто ихъ затѣваетъ, и потому для ихъ же пользы надо ихъ останавливать и наказывать какъ можно круче.

— Стало-быть, возразилъ Володя, — по вашему изъ-за

состраданія къ этимъ бѣднымъ людямъ ихъ надо сажать въ тюрьму, да ссылать по Владимірkѣ?

— Конечно, а вы хотѣли бы каждому изъ нихъ прочитать лекціи государственнаго права и убѣдить ихъ путемъ логики? Ничего нѣтъ глупѣе безсильнаго возстанія, толку изъ него не можетъ быть никакого.—И по выраженію лица Николая Осиповича никакъ нельзя было узнать, сожалѣлъ онъ объ этомъ или находилъ это въ порядкѣ вещей.—Бунтъ въ нашей деревнѣ—это то же что дикій звѣрь сорвавшійся съ цѣпи, онъ кидается на что ни попало, а себѣ все-таки свободы возвратить не можетъ. Тутъ одно средство—военная сила, гуманностью не пособишь.

Володя отвѣчалъ довольно запальчиво, но Боровскому не особеннаго труда стоило сбить одинъ за другими всѣ доводы молодаго человѣка, и голосъ его при этомъ все время оставался мягкимъ, почти ласкающимъ. И странное дѣло! хотя молодость нетерпѣливо сноситъ чье-либо превосходство, Володя при всемъ своемъ негодованіи противъ безсердечныхъ словъ Боровскаго, невольно про себя восхищался его ровною вкрадчивою рѣчью и готовъ былъ признать его почти такимъ же авторитетомъ какимъ въ его глазахъ были патентованные запѣвалы радикализма.

— Разговоръ, между прочимъ, коснулся и того злополучнаго юноши котораго Златоустовскіе крестьяне съ такою черною неблагодарностью предали въ руки власти.

— А что, какъ вы думаете, спросилъ Володя,—народъ никогда не откликнется на пропаганду?

Улыбка заиграла на тонкихъ губахъ Боровскаго.

— Горючаго матеріала набралось-таки довольно, уклончиво отвѣчалъ Николай Осиповичъ,—только сдается мнѣ что не годятся тѣ фитили которыми его стараются зажечь. А впрочемъ, кто знаетъ? и вѣрнѣе всего конечно эти фитили тушить какъ можно усерднѣе...

— Тетушка, чай готовъ, проговорила Надя, и всѣхъ поразила странная рѣзкость съ которою были сказаны эти немногія слова.

Боровской помѣстился у стола рядомъ съ ней, и когда онъ принимая чашку изъ ея рукъ вскинулъ на нее глазами, и во взглядѣ его, и въ сопровождавшей его улыбкѣ было что-то самоувѣренное, почти вызывающее. „Несмотря на все ваше теперешнее отвращеніе ко мнѣ“, казалось говорили его глаза,

„я сумѣю заставить васъ слушать меня со вниманіемъ и даже съ сочувствіемъ.“

Онъ продолжалъ почему-то теперь обращаясь къ ней:

— Вы видѣли когда-нибудь какъ освѣщаютъ очень большую залу посредствомъ селитряной нити и огонь вдругъ пробѣгаетъ съ одного конца на другой? Ну, такъ вотъ наша страна представляется мнѣ такою залой, только уже очень, очень большою, и давно ее старались зажечь этимъ способомъ, только нити должно-быть не хватаетъ или не умѣютъ приложить ее какъ слѣдуетъ, и выходитъ что огонь вспыхиваетъ только кое-гдѣ.

И снова показалось на его лицѣ загадочное выраженіе, будто онъ пожалуй и не прочь былъ увидать какъ загорѣлось бы въ залѣ на четырехъ концахъ...

Надя не отвѣчала. Николай Осиповичъ на этомъ круто оборвалъ разговоръ и теперь все тѣмъ же вкрадчивымъ голосомъ сталъ разказывать про разныя мелочи изъ мѣстной жизни, повидимому очень безобидныя мелочи, но все-таки какъ разъ подобранныя съ намѣренною, мѣткою ироніей. Мимоходомъ, какъ бы невзначай, Николай Осиповичъ задѣвалъ такихъ лицъ и такіе вопросы которые стояли гораздо выше маленькой провинціальной рамки; и Володя, въ отвѣтъ ему, не скупился на сочувственный смѣхъ. Но выходило это впрочемъ такъ какъ будто самъ Боровской оставался въ сторонѣ какъ безучастный зритель всего того что̀ передавали его ѣдкіе но спокойные разказы.

— Вы какъ будто лекцію изъ древней исторіи читаете, перебила его Надя,—такъ мало все это васъ трогаетъ.

Должно-быть Николаю Осиповичу хотѣлось вызвать молодую дѣвушку на споръ, только по лицу его, въ отвѣтъ на ея слова, пробѣжала веселая улыбка.

— Меня не трогаетъ? сказалъ онъ смѣясь.—Развѣ вы не знаете что моя прямая обязанность—обвинять и преслѣдовать.

— Я знаю что̀ и кого вы преслѣдуете, живо, съ пылающимъ лицомъ перебила его Надя,—и вдобавокъ какъ вы преслѣдуете!

— Вотъ на этотъ счетъ вы и ошибаетесь, Надежда Сергѣевна;—вамъ конечно меня представили какимъ-то кровожаднымъ гонителемъ, не правда ли? Могу васъ увѣрить что, исполняя свои обязанности, ни малѣйшей вражды я не

ощущаю къ тѣмъ кого мнѣ приходится обвинять. Положимъ, во мнѣ нѣтъ къ нимъ особаго сердобольнаго чувства; но когда приходится выбирать изъ поля сорную траву, развѣ эта операція не производится и безъ злобы, и безъ состраданія?

— И вы не видите что это хладнокровіе во сто разъ хуже самой рьяной нетерпимости?

— Можетъ-быть. Это зависитъ отъ точки зрѣнія. Для меня, признаюсь, эти различія между тѣмъ что̀ лучше и что̀ хуже вовсе не существуютъ. Хуже или не хуже насъ тѣ кого намъ приходится обвинять по такъ-называемымъ „политическимъ“ дѣламъ, я не знаю и это насъ не касается; они просто не укладываются въ данный общественный строй, и строй этотъ ихъ давитъ, какъ поѣздъ давитъ все то что̀ лежитъ поперекъ рельсовъ и какъ они бы насъ давили еслибы были покрѣпче.

— Поѣзда и соскакиваютъ иногда,—не забудьте.

— Ну что̀ же, проговорилъ Боровской,—коли соскочитъ, разговоръ будетъ другой.

Надя удивленно и пристально взглянула на него. Ей опять стало досадно на себя за то что она, несмотря на свое презрѣніе къ этому человѣку, была взволнована этимъ разговоромъ; а у него даже полутономъ не повысился его ровный спокойный голосъ.

— И того мальчика вы тоже собираетесь пустить по знакомой дорожкѣ, спросила Надя,—котораго крестьяне третьяго дня привели въ волость, несмотря на то что ему еще и двадцати лѣтъ нѣтъ?

— Что̀ дѣлать? Улики налицо, отвѣчалъ Боровской слегка пожимая плечами;—а вы его знаете?

— Видѣла.

— Да гдѣ же ты съ нимъ встрѣтилась? тревожно спросила Анна Григорьевна.—Ты въ Златоустовской волости вѣдь не была никогда?

— Я его видѣла не въ Златоустовѣ, нехотя отвѣчала молодая дѣвушка.

— Вы мнѣ позволите дополнить ваше показаніе? вмѣшался Николай Осиповичъ.—Вы по всей вѣроятности встрѣтили его въ самыхъ Бѣлыхъ Столбахъ, куда онъ хаживалъ къ сыну здѣшняго священника? Такъ ли? Вы видите что у меня довольно точныя и вѣрныя свѣдѣнія, добавилъ онъ не дождавшись отвѣта.

Анна Григорьевна всплеснула руками. Какъ, у нея, въ ея

родныхъ Бѣлыхъ Столбахъ оказался пропагандистъ и вдобавокъ онъ состоялъ въ дружбѣ съ сыномъ отца Зосимы, который слишкомъ двадцать лѣтъ священствуетъ въ Бѣлостолбовской церкви!

Боровской поспѣшилъ ее успокоить, увѣряя что ровно никакого сочувствія молодой представитель *Земли и Воли* среди крестьянъ не встрѣтилъ.

— А теперь позвольте мнѣ у васъ на балконѣ папироску выкурить. Я знаю что вы табаку не терпите; а я, грѣшный человѣкъ, безъ него обходиться не умѣю.

Володя провелъ Николая Осиповича на террасу. Молодой человѣкъ уже пришелъ къ заключенію что Боровской—личность выдающаяся, хотя и принадлежащая ко враждебному лагерю. Рѣшивъ это, онъ сталъ закидывать Николая Осиповича вопросами и замѣчаніями, ходя съ нимъ взадъ и впередъ по террасѣ, но Боровской лишь разсѣянно внималъ этимъ изліяніямъ и уже собирался вернуться въ гостиную, какъ вдругъ на порогѣ показалась стройная фигура Нади.

— Что вы дѣлаете? Какъ можно выходить въ одномъ платьѣ? Вы простудитесь! Съ апрѣльскими ночами не шутятъ! живо проговорилъ Боровской быть-можетъ съ оттѣнкомъ черезчуръ живаго участія. Володя бросился въ домъ за вещами Нади.

— Мнѣ нужно переговорить съ вами, сказала она, быстро и рѣшительно подходя къ Боровскому,—а обо мнѣ пожалуста не безпокойтесь! Я хотѣла просить васъ насчетъ... ну, этого молодаго человѣка, котораго вы сегодня допрашивали...

— И съ которымъ вы познакомились у отца Зосимы? не безъ ироніи перебилъ ее Боровской. Лицо его сдѣлалось очень неподвижнымъ и на губахъ только показалась слабая, насмѣшлвая улыбка.

— Неужели вы не можете хоть на этотъ разъ... посмотрѣть сквозь пальцы? продолжала она, не обращая вниманія на выраженіе его лица.—Или, можетъ-быть, вамъ кажется страннымъ что я съ такою просьбой обращаюсь къ вамъ, котораго почти не знаю?

— Нисколько. Но я не объясняю себѣ вашего заступничества.—Ироническое выраженіе у него теперь исчезло.—Для васъ, именно для васъ, такой энергической и умной, можетъ имѣть значеніе дѣло, а не тѣ кто за него берутся. Что значитъ въ громадной вѣковой борьбѣ какой-нибудь одинъ

человѣкъ, да еще такой ничтожный какъ этотъ... Или, можетъ-быть,—добавилъ онъ, пристально всматриваясь въ нее,—вы имѣете иныя, личныя причины заботиться о немъ?

— За кого вы меня принимаете? Развѣ въ такомъ случаѣ я бы стала о немъ просить? Онъ молодъ, слабъ, положимъ даже ограниченъ,—вотъ вамъ мои причины. Что же вамъ еще?

Володя прибѣжалъ съ бурнусомъ и бережно укуталъ имъ кузину. Наступило молчаніе.

— Вы поймите, Надежда Сергѣевна, спустя минуту сказалъ Боровской,—что мною руководятъ такіе же безличные мотивы какъ и вами, и они заставляютъ меня отказать вамъ. Не гнѣвайтесь на меня за то; повѣрьте мнѣ, наши взгляды гораздо болѣе сродны, чѣмъ вы думаете. Когда вы будете постарше, вы сами увидите какъ ничтожна цѣнность отдѣльной человѣческой жизни.

И въ самомъ дѣлѣ, слушая эти жесткія слова, Надя вовсе не ощущала того презрительнаго негодованія, котораго они очевидно заслуживали.

— Настоящая сила вездѣ возьметъ свое, Надежда Сергѣевна, продолжалъ Боровской,—и благо тѣмъ кто сумѣлъ обезпечить ее за собой. Въ нашъ вѣкъ это, разумѣется, не одна физическая сила, и побѣжденный сегодня, можетъ надѣяться что современемъ она будетъ на его сторонѣ. Я, помните, сравнилъ бунтующій народъ съ дикимъ звѣремъ... коли хотите, это не совсѣмъ такъ. У звѣря—всегда одни его мускулы да зубы, а въ политической борьбѣ каждая сторона можетъ пріискать себѣ усовершенствованныя орудія и побѣдить! Теперь это оружіе въ нашихъ рукахъ,—вы понимаете кто эти „мы",—и пока оно въ нашихъ, было бы глупо, разумѣется, имъ не пользоваться. Но когда-нибудь оно можетъ оказаться и не у насъ. Въ томъ-то и заключается прогрессъ что болѣе надежное оружіе не составляетъ ни чьей привилегіи, а переходитъ изъ рукъ въ руки, и стало-быть торжество наше не что иное какъ торжество ума! А вамъ уже не трудно отсюда вывести какую угодно мораль.

Надя посмотрѣла на него въ недоумѣніи. Она была не въ состояніи подвести итогъ этимъ загадочнымъ рѣчамъ.

— А теперь я пойду проститься съ вашею тетушкой, становится поздно, продолжалъ онъ, подавая руку молодой дѣвушкѣ, и Надя почти безсознательно пожала эту руку.—

Только позвольте мнѣ на прощанье дать вамъ небольшой совѣтъ. Избѣгайте впредь такихъ встрѣчъ какъ вотъ эта у отца Зосимы. Вѣдь повести онѣ ни къ чему не могутъ; а кто знаетъ? какому-нибудь педанту-законнику, вотъ какъ я, можетъ придти въ голову обратиться къ вамъ на этотъ счетъ съ нескромнымъ вопросомъ...

Онъ быстро вышелъ, не давъ ей времени отвѣтить. А Надѣ показалось что въ самомъ дѣлѣ, не было бы ничего удивительнаго, еслибъ этотъ человѣкъ, только-что съ ней говорившій, когда-нибудь отнесся къ ней какъ къ подсудимой...

Поздно вечеромъ, когда Надя зашла въ спальню Анны Григорьевны чтобы проститься, тетка ее слегка пожурила за ея рѣзкое обращеніе съ Томилинымъ. Надя съ удивительною покорностью выслушала этотъ упрекъ.

— Мы съ нимъ помирились, тетенька, и будемъ съ нимъ кажется впредь друзьями.

— Ну, а этотъ прокуроръ-то, нравится тебѣ? Ты съ нимъ, кажется, долго разговаривала?

— Мудреный онъ, тетенька, нерѣшительно отвѣчала Надя,— съ разу не поймешь.

И въ самомъ дѣлѣ, то что̀ она слышала отъ Боровскаго глубоко засѣло у нея въ головѣ и путало прежде установившіяся у нея понятія. Она привыкла до сихъ поръ дѣлить людей на два лагеря, съ одной стороны, какъ ей казалось, были и большее образованіе, и безкорыстіе, и готовность жертвовать собой, съ другой—противоположныя качества. И что̀ же? Двое людей съ которыми она встрѣтилась въ этотъ день принадлежали оба къ этому ненавистному ей лагерю, а между тѣмъ они какъ разъ стояли на двухъ противоположныхъ полюсахъ, и у старшаго изъ нихъ она находила какъ разъ тѣ дорогія ей качества которыя она считала достояніемъ людей своего лагеря. А тотъ, другой, который обвиняетъ и ссылаетъ съ полнымъ хладнокровіемъ сторонниковъ ея образа мыслей, развѣ онъ на самомъ дѣлѣ не стоитъ на той же почвѣ какъ они? „Не люди дороги, а дѣло“, говорилъ онъ, „тотъ побѣждаетъ, у кого лучшее оружіе; стало-быть тотъ кто развитѣе и образованнѣе“, развѣ это не тѣ же мысли которыя ей приходилось такъ часто слышать отъ своихъ передовыхъ друзей? И однако эти мысли, считавшіяся всегда просвѣщенными, могутъ логически вести къ тѣмъ выводамъ которые изъ нихъ дѣлаетъ Боровской.

Молодая дѣвушка долго не ложилась. Вся ея короткая, но уже тревожная жизнь представлялась ей какъ загадка, къ которой она потеряла ключъ. Нѣтъ, жизнь не проста,— въ ней и люди, и мысли не укладываются въ готовыя рамки. А все-таки, думалось ей, должна же быть приводная часть, твердая опора. И Надя углубилась въ воспоминаніе минувшихъ дней, любуясь въ то же время спокойною весеннею ночью. И темныя очертанія села, по которому слабо мерцалъ серебристый отливъ луны, являлись ей окруженными тѣмъ полнымъ, торжественнымъ покоемъ, который свойственъ природѣ только и котораго не знаетъ никогда людская жизнь, вѣчно ищущая настоящей дороги и постоянно увлекаемая въ двѣ разныя стороны.

(Продолженіе будетъ)

К. ОРЛОВСКІЙ.

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНІЙ БАЙРОНА *

I.

Прощаніе съ Музой.

О, сила въ быломъ управлявшая мною,
Мечтанье, пора мнѣ разстаться съ тобою!
Вздымайся жь надъ бурей ты, пѣсня моя,
Какихъ холоднѣе не писывалъ я!

Та грудь, гдѣ отвѣта восторгъ не находитъ,
Сумѣетъ въ себѣ усыпить звуковъ рой;
Тѣ жь чувства что̀ съ дѣтства въ восторгъ насъ приводятъ,
Умчались на крыльяхъ апатіи злой.

Хоть звуки тѣхъ пѣсенъ и были простые,
Но я не услышу ужь ихъ никогда;
Блескъ глазъ не наводитъ на сны золотые,
И скрылись видѣнья мои навсегда.

Когда я бокалъ свой до дна осушаю,
Что̀ въ силахъ мое наслажденье продлить?
Когда въ красотѣ равнодушье встрѣчаю,
Что̀ въ силахъ заставить меня вновь любить?

---

* Стихотворенія эти въ первый разъ являются въ русскомъ переводѣ. *Прим. переводчика.*

Возможно ль въ пустынѣ слагать пѣснопѣнья
О сладостныхъ ласкахъ погибшей любви,
Иль радостно думать о дняхъ наслажденья?
Нѣтъ, больше не будетъ волненья въ крови!

Какъ рѣчи вести о друзьяхъ мнѣ живыя?
Любовь умягчаетъ бряцанье цѣвницъ,
Но какъ возбудить мнѣ ихъ чувства благiя,
Когда не надѣюсь увидѣть ихъ лицъ?

Могу ли воспѣть моихъ предковъ дѣянья
И въ сердцѣ на это достанетъ ли силъ?
Я молодъ и голосъ мой слабъ для созданья
Героевъ и холодомъ дышетъ мой пылъ.

Итакъ моя лира молчитъ—не звучать ей,
Умолкла, а съ ней и желанье бряцать;
Тѣ жъ кто ее слышали прежде простятъ ей,
Узнавъ что она ужъ не будетъ звучать.

И звуки ея заглушатся забвеньемъ,
Какъ дѣтская въ раннiе годы любовь.
О, еслибъ за первымъ любви пѣснопѣньемъ
Такое жъ потомъ не являлося вновь!

Прощай! Тебя, муза, твой другъ не забудетъ!
Пусть въ нашихъ созданьяхъ и мало пути—
Ихъ мало, за то настоящее жъ будетъ
Счастливо и свяжетъ насъ въ нашемъ „прости".

II.

Отрывокъ.

Когда бъ я могъ придти теченьемъ жизни грозъ
Къ источнику людскихъ улыбокъ злыхъ и слезъ,
Назадъ бы не пошелъ я тѣми же путями,
Усыпанными вкругъ поблекшими цвѣтами;
Ручью жъ велѣлъ бы течь, пока не слился бъ онъ
Съ другими чьихъ никто не слыхивалъ именъ.

Но что такое смерть, то ль чѣмъ себя смиряемъ,
То цѣлое чего мы часть лишь составляемъ?

Жизнь есть видѣнье, сонъ. Лишь тѣ что̀ предо мной
Живутъ во мнѣ; но тѣ которыхъ нѣтъ со мной
Подобны мертвецамъ, гнетущимъ нашъ покой,
Что̀ саванъ гробовой предъ нами разстилаютъ
И скорбію часы досуга отравляютъ.

Отсутствующихъ я считаю мертвецами,
Затѣмъ что, разлучась, являются предъ нами
Не прежними они, а злы и холодны,
И если прежнихъ чувствъ не вовсе лишены,
То все жь для нихъ тогда бываетъ безразлично,
Что̀ бъ ни дѣлило ихъ, смѣняяся обычно,
Вода или земля, такъ какъ въ концѣ концовъ
Исходъ для всѣхъ одинъ—могилы мертвецовъ.
Ужель громадный сонмъ почившихъ вкругъ страдальцевъ
Не болѣе какъ смѣсь мильярдовъ тѣхъ скитальцевъ,
Что̀ населяли міръ и превратились въ прахъ,
Слоящійся вѣка на вспаханныхъ поляхъ,
Что̀ человѣкъ топталъ вѣка и вѣчно будетъ
Топтать, иль можетъ-быть лежать ихъ время нудитъ
Въ сырыхъ стѣнахъ своихъ безмолвныхъ городовъ,
Въ отдѣльной кельѣ всякъ, безъ оконъ и засовъ?
Богатъ ли ихъ языкъ и рѣчь ихъ произвольна ль
И бытіемъ своимъ во тьмѣ они довольны ль,
Затѣмъ что жизнь въ землѣ печальна и мрачна,
Какъ полночи глухой святая тишина?

Земля, скажи куда умершіе укрылись
И объясни зачѣмъ на свѣтъ они родились?
Вѣдь мертвецы твои наслѣдники, а мы
Лишь пузыри на свѣтъ исшедшіе изъ тьмы,
А ключъ отъ глубины лежитъ на днѣ могилы
Въ преддверіи твоей пещеры, полной силы,
Въ которую бъ хотѣлъ проникнуть я душой,
Чтобъ увидать какъ хоръ стихій во тьмѣ нѣмой
Перерождается изъ силы въ звукъ пустой,
Проникнуть въ чудеса и изучить составы
Великихъ душъ, весь свѣтъ забывшихъ изъ-за славы.

III.

Первый поцѣлуй любви.

Прочь съ фантазіей хитрой—ее мнѣ не надо,
Съ ея тканію лжи изъ безумія струй!
Лучше дайте мнѣ лучъ животворнаго взгляда
Или пламенный первый любви поцѣлуй!

Риѳмачи, чьи сердца лишь фантазіей пышутъ
И питаются въ рощахъ лишь говоромъ струй,
О, какимъ вдохновеньемъ стихи ваши дышутъ
Возвѣщая вашъ первый любви поцѣлуй!

О, поэтъ, когда Фебъ отъ тебя отвернется,
Или муза покинетъ тебя — не тоскуй,
Не взывай къ ней... напротивъ, пускай уберется:
То ли дѣло нашъ первый любви поцѣлуй!

Ненавижу васъ гордыя дщери искусства;
Ты жь, ханжа, возраженьемъ меня не волнуй!
Я люблю лишь изъ сердца идущія чувства
И полученный первый любви поцѣлуй.

Скептикъ злой утверждаетъ что люди съ рожденья
Лишь боролись съ несчастьемъ. Постой, не ликуй.
Вѣдь частица Эдема цѣла безъ сомнѣнья
И частица та — первый любви поцѣлуй.

Когда крови горячей и счастья убудетъ —
Вѣдь года прибываютъ, что тамъ ни толкуй —
Мысль о лучшемъ въ прошедшемъ послѣднею будетъ
И то будетъ твой первый любви поцѣлуй.

IV.

Флорансѣ.

Когда я берегъ покидалъ,
Далекій берегъ гдѣ родился,
Я вновь грустить не помышлялъ
Нигдѣ куда бъ ни удалился;

Но здѣсь, на островѣ глухомъ,
Гдѣ все вкругъ никнетъ головою,
Гдѣ ты одна свѣтла лицомъ,
Боюсь разстаться я съ тобою.

Хотя меня отъ скалъ родныхъ
И отдѣляетъ зѣвъ пучины,
Но годы золъ пройдутъ какъ мигъ—
И мнѣ предстанутъ ихъ вершины.

Гдѣ бъ ни былъ я, вездѣ могу
Услышать голосъ и примчаться
На зовъ къ родному очагу;
Съ тобой же мнѣ ужь не видаться.

Съ тобой съ которой сочетать
Пришлося прелести природѣ,
Кого довольно увидать
Чтобъ предпочесть любовь свободѣ.

Прости тому кто никогда
Не повторитъ ужь это слово!
Но если сердца никогда
Мнѣ не отдать, не будь сурова.

Кто бъ могъ холоднымъ быть такимъ,
Чтобъ встрѣтивъ разъ твой взоръ небесный,
Не быть защитникомъ твоимъ
И красоты твоей чудесной?

Кто бъ думать могъ что ты прошла
Сквозь взмахи крылій Океана
И средство вѣрное нашла
Спастись отъ ярости тирана?

Когда увижу гребни стѣнъ,
Среди которыхъ Византія
Еще не мыслила про плѣнъ
И гдѣ теперь тираны злые,

Стамбулъ дороже будетъ мнѣ
Какъ колыбель моей безцѣнной,
Чѣмъ еслибъ былъ онъ вновь вполнѣ
Славнѣйшимъ городомъ вселенной.

Теперь прощаюсь я съ тобой,
Затѣмъ что жить здѣсь нѣтъ мнѣ цѣли;
Но будетъ радостью большой
И видъ твоей мнѣ колыбели.

V.

Времени.

О, время, чье всевластное крыло
Полетъ часовъ гнететъ и возбуждаетъ
И чье зимы суровое русло
Въ могилу насъ всевластно увлекаетъ!

Что отъ тебя съ рожденья получалъ
Я наравнѣ съ другими—все я знаю,
Но всей твоей я тягости не зналъ
Затѣмъ что я ея не раздѣляю.

Я не хочу чтобъ другъ со мной дѣлилъ
Тобою мнѣ ниспосланное бремя;
Ты пощадило тѣхъ кто былъ мнѣ милъ,
И я за то тебѣ прощаю, время.

Да будетъ ихъ удѣломъ лишь покой,
Но зло моимъ не будетъ достояньемъ!
Что ужъ прошло за то должникъ я твой;
Но долгъ я тотъ ужъ уплатилъ страданьемъ.

Не были мнѣ страданья тѣ легки,
Хотя права твои не забывались;
Но длился ходъ тревоги и тоски,
Хотя часы при этомъ не считались.

При счастьи я вздыхалъ что твой полетъ
Изъ быстраго въ ползущiй превратится,
Что можетъ мракъ скрыть путь, но въ свой чередъ
На ночь одну не можетъ скорбь продлиться.

Какъ ни была душа моя мрачна,
Ее твоя плѣняла безконечность,
Въ которой тлѣла искра лишь одна,
Чтобъ доказать что ты совсѣмъ не вѣчность.

Но искры нѣтъ, и ты теперь — ничто:
Тебя считать и клясть лишь остается
Среди пустой и скучной роли что —
Какъ ни кляни—исполнить все жъ придется.

Но и къ тебѣ твой грозный часъ придетъ,
Предѣлъ твоихъ стремленій и медленій,
Когда гроза на новый родъ ладетъ,
Не разрушая нашихъ сновидѣній.

Я улыбаюсь, думая о томъ
Какъ скоро въ прахъ твои склонятся силы
И весь свой гнѣвъ въ стремленіи своемъ
Ты изливать лишь будешь на могилы.

VI.

Стансы.

Ты умерла и юной и прекрасной,
Ты лучшая изъ жившихъ на землѣ
И нѣжность формъ и взоръ живой и ясный,—
Все слишкомъ рано скрылося во мглѣ.
Хоть прахъ лежащій на твоей могилѣ
И попираетъ шумная толпа,
Но есть глаза которые не въ силѣ
Глядѣть на крестъ могильнаго столпа.

Я узнавать не буду гдѣ судьбою
Тебѣ въ землѣ назначено лежать;
Пускай растутъ на ней цвѣты съ травою,
Мнѣ самому ихъ только бъ не видать.
Для моего блуждающаго взгляда
Довольно знать что ты мертва и то
Что̀ я любилъ есть прахъ, и мнѣ не надо
Твой видѣть гробъ чтобъ знать что ты ничто.

Тебѣ пришлись на долю дни лазури,
Моими жь лишь могли дурные быть.
Ни солнца свѣтъ, ни вой грозящей бури—
Тебя, увы, ужь имъ не поразить!
Молчанье сна безъ лживыхъ сновидѣній
Ужь слишкомъ мнѣ завидно чтобъ роптать
На то что все исчезло какъ видѣнье,
Чье увяданье могъ бы наблюдать.

Цвѣтокъ въ красѣ полнѣйшаго разцвѣта
Всѣхъ прежде злой кончинѣ обреченъ
И если прочь не сгонится со свѣта,

Все жь будетъ онъ листковъ своихъ лишенъ.
Еще грустнѣй глядѣть на увяданье
И всѣхъ листковъ паденье по листу.
О, кто бы могъ увидѣть безъ страданья,
Какъ безобразье гонитъ красоту!

Не знаю, снесть я могъ ли бъ терпѣливо
Видъ красоты увянувшей твоей?
Ночь вслѣдъ за днемъ идущая сонливо,
Еще того намъ кажется мрачнѣй.
Твой день прошелъ безоблачно сверкая
И ты была прекрасна до конца
И умерла какъ звѣздочка ночная,
Упавшая съ небеснаго лица.

Будь въ силахъ я лить слезы какъ когда-то
Я плакалъ бы при мысли что не могъ
Быть близь тебя чья память мнѣ такъ свята,
Лобзая прахъ твоихъ холодныхъ ногъ,
И уловить стараясь мигъ удобный
Чтобъ головой подушку приподнять
И доказать что мы любви подобной
Ужь никогда не будемъ больше знать.

VII.

Молодому другу.

Еще недавно насъ съ тобой
Прiязнь наружная скрѣпляла
И нашей искренности строй
Невинность сердца охраняла.

Теперь же, какъ ты знаешь самъ,
Сердецъ ужь дружба не питаетъ—
И тотъ кто служитъ лишь страстямъ,
Скорѣй другихъ охладѣваетъ.

Въ дни дѣтства дружба не вѣрна,
А сердце шатко такъ бываетъ
Что часто мѣсяца она
Въ груди иныхъ не доживаетъ.

Но если такъ, не я жалѣть
И плакать буду объ избранномъ:
Природѣ слѣдуетъ скорбѣть,
Создавъ тебя непостояннымъ.

Какъ волны мечутся въ прибой,
Такъ чувства въ сердцѣ чередуютъ.
Какъ довѣрять груди людской
Въ которой страсти такъ бушуютъ.

Хотя мы вмѣстѣ здѣсь росли,
Не разставаясь съ пеленокъ,
Но дни весны моей прошли
И ты ужь больше не ребенокъ.

Когда мы дѣтству говоримъ:
„Прости“ — рабы законовъ свѣта,
Отъ правды мы тогда бѣжимъ
И сердце въ насъ ужь не согрѣто.

О, счастья мигъ! Тогда душа
На все откликнуться готова.
И мысль, въ міръ вырваться спѣша,
Горитъ въ очахъ и ждетъ лишь слова.

Но въ болѣ зрѣлые года
Орудьемъ дѣлается каждый:
Кипитъ осмысленно вражда
И пышетъ грудь любовной жаждой.

Мы у глупцовъ подобныхъ намъ,
Свои заимствуемъ пороки
И причисляемъ ихъ къ друзьямъ
И усвояемъ ихъ уроки.

Такимъ бываетъ человѣкъ;
Но кто съ безуміемъ не связанъ?
Возможно ль съ злымъ бороться вѣкъ
И быть не тѣмъ чѣмъ быть обязанъ?

Судьба моя тюрьмы чернѣй,
А жизнь во всемъ мнѣ измѣняетъ:
Я ненавижу свѣтъ, людей,
И смерть меня не устрашаетъ.

Душа жъ твоя слаба и такъ
Горитъ измѣнчиво при свѣтѣ

Что блещетъ ночью какъ свѣтлякъ
И потухаетъ на разсвѣтѣ.

Куда бъ къ князьямъ льстецы на зовъ
Безумья злаго не сбирались
(Вѣдь и подъ сѣнiю дворцовъ
Пороки ласково встрѣчались),

Вездѣ ты ту толпу собой
Ежеминутно умножаешь
И безъ борьбы свой пылъ святой
Передъ тщеславiемъ склоняешь.

Тамъ взоръ твой страстный средь рядовъ
Красавицъ радостно витаетъ,
Подобно мухѣ межъ цвѣтовъ
Что только запахъ ихъ вкушаетъ.

Какая нимфа дорожитъ
Огнемъ который безъ разбора
По всѣмъ красавицамъ скользитъ
Подобно искрамъ метеора.

Такую жизнь дѣлить съ тобой
Другъ самый вѣрный не польстится
И гордый духъ унизить свой
Любовью общей не рѣшится.

Остановись и позабудь
Свою ты роль въ успѣхѣ ложномъ,
Трудись и будь хоть чѣмъ-нибудь,
Но, другъ мой, только не ничтожнымъ.

Н. ГЕРБЕЛЬ.

Ницца. 1881.

ЗЛОЙ ДУХЪ*

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXV.

Марья Ивановна была безконечно довольна, замѣчая что Лариса какъ будто опять повеселѣла. „Ну слава Богу, должно-быть перестала думать объ Ипполитѣ Сергѣичѣ“, соображала она, приглядываясь къ ея чѣмъ-то тайно оживленному лицу, прислушиваясь какъ она охотно со всѣми разговаривала и какъ снисходительно обо всѣхъ отзывалась. Что-то разцвѣтающее, зазвучавшее полными звуками чувствовалось ей въ этой спокойной веселости, въ задумчивомъ, но не грустномъ блескѣ глазъ, въ скользящей по всему лицу улыбкѣ. Марья Ивановна торжествовала и вмѣстѣ съ тѣмъ недоумѣвала. Сначала ей казалось что Лариса, втягиваясь въ петербургскую жизнь, отвыкла отъ деревенской романтичности и мечтательности, и по ея мнѣнію такъ было всего лучше. Какъ всѣ женщины не испытавшія любви, Марья Ивановна считала это чувство большою слабостью и одобряла его только въ мущинахъ, и то больше въ смыслѣ

---

* *См. Русск. Вѣст.* 1881, №№ 4, 5, 7, 9, 10 и 11.

возмездія за свойственные этому полу недостатки. Къ мущинамъ она вообще относилась нѣсколько враждебно и допускала ихъ только какъ неизбѣжное зло, въ необходимости котораго она впрочемъ не была вполнѣ увѣрена. Въ молодости она даже считала всякую женщину способную раздѣлять любовь существомъ нѣсколько низшимъ и даже недостойнымъ; съ годами, привыкнувъ встрѣчаться съ такими женщинами, она стала относиться къ нимъ снисходительнѣе, но и до сихъ поръ каждый разъ слабо вспыхивала въ лицѣ когда при ней намекали на возможность любить мущину точно такъ какъ мущины любятъ женщинъ. Романъ завязавшійся между Ларисой и Нестужевымъ, несмотря на его почти дѣтскій характеръ, стоилъ ей многихъ никому непонятныхъ терзаній, оскорбленій, борьбы съ самой собою. Марья Ивановна была изъ тѣхъ нерѣдко встрѣчавшихся въ старые годы натуръ которыя, оставаясь чистыми какъ кристаллъ и безропотно неся вѣнецъ страдалицъ, въ сущности сами толкали мужей въ развратъ и губили семью.

Замѣчая что Лариса какъ будто повеселѣла, Марья Ивановна рѣшила воспользоваться удобною минутой чтобъ окончательно, какъ она думала, заставить ее забыть все прежнее и сдѣлаться тѣмъ чѣмъ она больше всего хотѣла бы ее видѣть—изящною барышней петербургскаго свѣта, спокойно и съ достоинствомъ выжидающею „партіи“. По понятіямъ Марьи Ивановны, женское счастье заключалось въ томъ чтобы выйти замужъ за человѣка достойнаго и подходящаго во всѣхъ отношеніяхъ, за такого человѣка съ которымъ можно жить дружно, котораго можно даже полюбить, но не тою конечно „безстыдною“ любовью какою любятъ своихъ мужей иныя женщины. И такое счастье, по ея мнѣнію, непремѣнно должно было выпасть ея ненаглядной Ларочкѣ, если только она не вздумаетъ опять влюбляться и дѣлать глупости. Такъ какъ квартира была наконецъ отдѣлана во всѣхъ подробностяхъ, а кругъ знакомыхъ уже очень расширился, то Марья Ивановна рѣшила дать вечеръ.

— Я всѣхъ позову, объявила она дочери.

— Позовите, отвѣтила почти весело Лариса.

Вечеръ очень удался. По крайней мѣрѣ Марья Ивановна, видя какъ много собралось и какое оживленное лицо было у Ларисы, вся сіяла. Она не подозрѣвала что было нѣчто ироническое въ этомъ оживленіи...

Лариса почти весь вечеръ оставалась на ногахъ, и не потому чтобы хотѣлось оказать преувеличенную любезность гостямъ, но потому что не было охоты присѣсть къ кому-нибудь. Ей казалось удобнѣе выслушать фразу на ходу, отвѣтить, улыбнуться и повернуться къ другому. Гости поочередно обступали ее и отходили. Изъ отрывочныхъ фразъ составлялось нѣчто общее, густо окрашенное одною и тою же нестерпимою краской. Кажется ни у кого въ этой толпѣ не было другой мысли и другаго стремленія какъ заявить о своемъ значеніи и о своей принадлежности къ лучшему обществу. Раутъ, какъ всѣ петербургскіе рауты, представлялъ ярмарку тщеславія въ самомъ низменномъ смыслѣ. Мущины заявляли что они явились съ обѣда у князя N или у графа Z, или по меньшей мѣрѣ въ Англійскомъ клубѣ; дамы точно извинялись что этотъ вечеръ оказался у нихъ свободнымъ, тогда какъ вообще онѣ засыпаны приглашеніями. Все это имѣло видъ какой-то безпричинный и вызывающей гримасы, отзывалось кислотой безмысленнаго самолюбія, непостижимою потребностью подняться на цыпочки другъ предъ другомъ. Лариса улыбалась и дѣлала невинные глаза... Встрѣчая вновь пріѣзжавшихъ дамъ, она уже прямо говорила:

— Maman нарочно выбрала этотъ день, потому что сегодня ничего нѣтъ при дворѣ...

— Да, да, это очень внимательно съ вашей стороны, отвѣчала гостья.—Мнѣ предстоялъ выборъ изъ четырехъ вечеровъ, и вотъ видите, я остановилась на вашемъ. Я даже пожертвовала *Лючіей*...

— Какъ, вы не въ первомъ абонементѣ? удивлялась другая дама.—Но все наше общество абонировано по понедѣльникамъ...

— Да, но я два года жила въ Парижѣ и потеряла абонементъ. Въ бельэтажѣ ничего не было, а ужь въ ярусахъ я какъ-то не умѣю... спѣшила отомстить первая, намекая на очень непредставительную ложу другой.

Новая гостья прекращала разговоръ, извиняясь что опоздала, потому что должна была быть на свадьбѣ своего кузена, извѣстнаго красавца князя Чукчулидзева.

— Ахъ да, я слышала... только не помню на комъ онъ женится... вмѣшивалась какая-то адмиральская вдова, совершенно убѣжденная въ своемъ исключительно аристократическомъ происхожденіи.

— На Черноземовой! отвѣчала съ величайшимъ и даже непонятнымъ апломбомъ первая.

— Ну да, что-то въ этомъ родѣ: я никогда не помню такихъ фамилій... отзывалась адмиральша.

— Но вы ошибаетесь, это очень хорошая фамилія! возражала уязвленная до глубины души дама.—Черноземовы старинные дворяне.

— Не знаю, не знаю, качала головой адмиральша.—У насъ въ Симбирской губерніи нѣтъ Черноземовыхъ.

— Но почему жь вы думаете что только и есть дворяне въ Симбирской губерніи?

— Ah, mon Dieu, кто жь этого не знаетъ! изумилась адмиральша, въ самомъ дѣлѣ искренно убѣжденная что настоящіе дворяне только и водятся нынче въ Симбирской губерніи.

Лицо Ларисы, слушавшей этотъ споръ, имѣло то улыбающееся выраженіе, которое такъ радовало Марью Ивановну...

Мущины, отряхая аксельбанты или украшенные бутоньеркой отвороты фрака, выражали удовольствіе что ихъ не потребовали сегодня къ высокопоставленному лицу.

— Вы знаете, при тѣхъ отношеніяхъ какія существуютъ у меня съ моимъ chef, никогда нельзя быть вполнѣ свободнымъ, говорилъ одинъ.

— Нѣтъ, я не знаю, отзывалась, глядя на него невинными глазами, Лариса.

— Но вѣдь я въ родѣ личнаго дежурнаго! объяснялъ съ блистающимъ лицомъ совершенно счастливый юноша.—Почти всѣ министры такъ начинали.

— Меня восхищаетъ вашъ туалетъ, говорилъ другой оглядывая Ларису въ пенсне.—Вчера точь-въ-точь такой былъ на...

И онъ, отчеканивая и слегка озираясь по сторонамъ, звучно произносилъ титулъ.

Подходилъ моложавый съ затянутою таліей генералъ съ султаномъ ловко положеннымъ на локтѣ руки, и какъ бы подшучивая надъ собой, объявлялъ что вчера на придворномъ балѣ онъ долженъ былъ сдѣлать туръ вальса. Бѣлые аксельбанты, отходя, вполголоса сообщали другъ другу на его счетъ ядовитыя замѣчанія...

Лариса все съ тою же какъ будто не ей принадлежащею улыбкой на лицѣ стояла опершись пальцами о спинку стула

и глядѣла черезъ головы дамъ на Глѣба Дмитріевича, разговаривавшаго въ сторонѣ съ княземъ Павломъ Платоновичемъ. Онъ пріѣхалъ однимъ изъ первыхъ, но обмѣнявшись съ Ларисой нѣсколькими словами, больше не подходилъ къ ней, не желая отвлекать ея вниманіе посвященное сегодня такому многочисленному обществу. Павелъ Платоновичъ, пріѣхавшій на минутку чтобы только не обидѣть Марью Ивановну, съ усталымъ и скучающимъ видомъ обводилъ гостей. Онъ замѣтно перемѣнился и на его львиной головѣ прибавилось много сѣдыхъ волосъ.

— Что за прелесть эта Лариса Григорьевна! сказалъ онъ издали встрѣтясь съ ней глазами.—Я ее въ первый разъ вижу среди нашего „свѣта“ и мнѣ какъ-то обидно за нее. Всѣ они недостойны даже дышать однимъ воздухомъ съ ней.

Глѣбъ Дмитріевичъ ничего не сказалъ и только обвелъ общество такимъ выразительнымъ взглядомъ который сильнѣе всякихъ словъ могъ подтвердить замѣчаніе князя.

— И вѣдь это не просто „свѣтъ“, сказалъ онъ черезъ минуту;—вѣдь всѣ эти господа несутъ общественныя обязанности, управляютъ или готовятся управлять... Это наше политическое сословіе. А я въ Берлинѣ недоумѣвалъ, волновался, ждалъ чего... Точно я раньше не видалъ ихъ всѣхъ!

Лариса, пробираясь между креслами, маленькими шажками подошла къ нимъ. Натянутая улыбка сбѣжала съ ея лица.

— Я кажется не умѣю принимать... сказала она, съ виноватымъ видомъ поведя плечами.

— Развѣ только въ томъ смыслѣ что вы слишкомъ любезны, отвѣтилъ Павелъ Платоновичъ и нагнувшись поцѣловалъ ея руку.—Это я съ вами прощаюсь,—объяснилъ онъ:— вы мнѣ ужь позвольте скрыться и похлопочите чтобы мамаша не сердилась. Я лучше къ вамъ завтра обѣдать приду.

Лариса, зная что князь въ послѣднее время почти не показывался въ свѣтѣ, не стала его удерживать.

— А знаете кто у насъ? Mme Хвощева! обратилась она къ Глѣбу Дмитріевичу.—Пойдемте, я поведу васъ къ ней.

Клеопатра Михайловна нѣсколько дней какъ вернулась изъ Волчьяго Дола и привезла съ собой печальный разказъ обо всемъ происходившемъ тамъ по отъѣздѣ Марьи Ивановны и Ларисы. Разказъ заставилъ обѣихъ немножко поплакать; и даже сегодня, среди суеты многолюднаго раута, минутами какъ будто траурная тѣнь порхала въ блескѣ люстръ и лампъ...

Зимовьевъ предложилъ руку, и Лариса повела его въ дальнюю маленькую гостиную, гдѣ Клеопатра Михайловна разказывала о своихъ провинціальныхъ впечатлѣніяхъ окружавшему ее небольшому обществу. Она забралась такъ далеко чтобы выкурить пахитоску и чтобы привыкнуть, какъ она говорила, къ петербургскому свѣту, слишкомъ сильно дѣйствовавшему на нее послѣ деревенскихъ потемокъ. Въ этомъ заключалась игра словъ, которую присутствующіе тѣмъ болѣе оцѣнили что имъ рѣдко приходилось говорить по-русски.

XXVI.

Предъ портьерой отдѣлявшею маленькую гостиную Глѣбъ Дмитріевичъ вдругъ остановился.

— Развѣ вамъ непремѣнно надо отослать меня туда? спросилъ онъ.

Лариса засмѣялась.

— Какъ хотите, отвѣтила она и, оглянувшись, сѣла къ шахматному столику.—Я немножко устала... сказала она.

Глѣбъ Дмитріевичъ подвинулъ стулъ, но не сѣлъ, а только оперся обѣими руками о спинку.

— Вы сумѣли сразу войти въ новую роль, замѣтилъ онъ;—глядя на васъ не повѣришь что вы въ первый разъ принимаете у себя такое большое общество. А между тѣмъ эта роль вамъ не очень нравится.

— Вы догадались? улыбнулась Лариса.

— Представьте себѣ: догадался! отвѣтилъ съ такою же улыбкой Зимовьевъ.—И право, напрасно вы даете себѣ столько труда,—добавилъ онъ;—это плохое средство отъ скуки, я много разъ испыталъ.

— Вы предполагаете что мнѣ скучно? спросила Лариса.

— Развѣ вы забыли нашъ разговоръ въ вагонѣ когда мы возвращались изъ Павловска? отвѣтилъ другимъ вопросомъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Ахъ, вы вспомнили! произнесла Лариса, и ея прозрачные глаза скрылись подъ тѣнью медленно опустившихся рѣсницъ.

Со времени того разговора прошло уже много дней, и оба они какъ будто боялись возобновить его. Каждый разъ когда Ларисѣ слышался намекъ въ словахъ Зимовьева она точно

отскакивала въ сторону, испытывая опять необъяснимое и соединенное съ тайнымъ наслажденіемъ чувство испуга которое овладѣвало ею раньше въ Волчьемъ Долѣ. Это чувство раздражало ее, сбивало съ толку...

Бываютъ минуты когда мы внезапно, безо всякаго видимаго толчка, даже не задумавшись, взглядываемъ куда-то внутрь, и что-то сокровенное вдругъ озаряется необычайнымъ свѣтомъ. Въ такія минуты Ларисѣ казалось понятнымъ то странное чувство которое стояло между ней и Зимовьевымъ. Онъ самъ вдругъ становился понятенъ ей съ какой-то совсѣмъ другой стороны, не съ той съ какой она смотрѣла на него пока не возникалъ окончательный, страшный вопросъ. Съ Нестужевымъ ничего подобнаго не было, она могла спокойно думать о немъ какъ о своемъ мужѣ. Ей нравилось когда онъ жалъ ей руку, когда его глаза, разгораясь, выражали что-то ласково и задорно проникавшее въ ея собственные нервы. А къ Зимовьеву она чувствовала другое. Въ тотъ вечеръ, въ Павловскѣ, она вся радостно вспыхнула когда онъ сказалъ что пріѣхалъ для нея въ Петербургъ. Она понимала что онъ крупнѣе Нестужева, что онъ совсѣмъ большой человѣкъ рядомъ съ Нестужевымъ. Она гордилась чувствомъ которое внушала ему, гордилась имъ самимъ. Если кто-нибудь былъ сочувственно близокъ ей послѣ разрыва съ Нестужевымъ, то конечно только одинъ Зимовьевъ. И еслибы не это необъяснимое, раздражающее *что-то*, втѣснившееся въ ихъ отношенія, она конечно считала бы счастьемъ пройти жизнь объ руку съ этимъ большимъ человѣкомъ, умѣвшимъ такъ глубоко любить и такъ гордо страдать. Но когда, въ минуты необычайнаго и страннаго озаренія, мысль внезапно получала остроту и силу двойнаго зрѣнія, и становилось понятно то предъ чѣмъ она такъ долго и мучительно недоумѣвала, она говорила себѣ: „да, я люблю его; но только это... не любовь“.

— Что̀ же я сказала тогда? спросила она, вдругъ поднявъ на Зимовьева глаза.

Его лицо внезапно приняло угрюмое выраженіе.

— Или то о чемъ мы тогда говорили не имѣетъ значенія, или вы сами помните, отвѣтилъ онъ.

— Боже, какъ вы строги... молвила со своею скользящею улыбкой Лариса.—Мнѣ кажется, я припоминаю. Я говорила

что скучно жить изо-дня въ день, жить вполовину... Но что̀ жь съ этимъ дѣлать? Надо ждать.

— Ждать—чего? спросилъ Зимовьевъ.

— Ахъ, развѣ я знаю? Это должно само придти. Новая весна, новыя пѣсни... Я жду весны.

Она положила обѣ руки на шахматный столикъ и качала его, разсѣянно прислушиваясь къ негромкому шуму достигавшему изъ сосѣднихъ комнатъ. Что-то своевольное и почти жестокое свѣтилось въ этомъ разсѣянномъ взглядѣ.

— Я еще не видала петербургской весны, прибавила она;—говорятъ она коротка и внезапна, какъ... любовь.

У Зимовьева зрачки загорались тѣмъ сухимъ, сдержаннымъ блескомъ, котораго она такъ боялась. Но сегодня ея не пугало скользить надъ чѣмъ-то страшнымъ, дразнить и вызывать его: они не были одни, каждую минуту могъ кто-нибудь войти и прервать ихъ разговоръ.

— Вамъ сегодня нравится клеветать на себя! сказалъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Въ чемъ же вы видите клевету? возразила Лариса.—Новая весна, новыя птицы, новыя пѣсни, новая любовь... это споконъ вѣку такъ было.

И глаза, и губы ея смѣялись, и она глядѣла на Зимовьева какъ будто не видя его.

— Простите если я вамъ скажу что это кокетство не въ моемъ вкусѣ, проговорилъ онъ, и легкая нервная судорога пробѣжала по его смуглому лицу.

Свѣтящіеся глаза Ларисы продолжали все такъ же глядѣть на него, словно чрезъ какую-то занавѣску за которою онъ ничего не видѣлъ.

— Полноте, не серіозничайте, сказала она;—я даже не понимаю что̀ васъ такъ удивляетъ. Развѣ вы не знаете старинную пѣсенку:

La femme souvent varie,
Bien fol est qui s'y fie...

Она встала, и напѣвая вполголоса, хотѣла пройти мимо него. Онъ вдругъ схватилъ ее за руку.

— Лариса Григорьева, позвольте мнѣ напротивъ просить васъ быть серіозною... хоть на одну минуту... заговорилъ онъ голосомъ въ которомъ слышалось что-то глухо накипавшее.— Вы шутили; объясните же что̀ вы хотѣли сказать этою шуткой?

— Да ничего особеннаго... вы напомнили нашъ разговоръ въ вагонѣ, я продолжала его... отвѣтила съ нервною веселостью Лариса.—Развѣ я не говорила вамъ тогда что мнѣ скучно, что осталась пустота послѣ того что было, и что жить вполовину несносно... Развѣ это такъ удивительно? Развѣ я не могу ждать новой весны, новаго счастья? Посмотрите сколько тутъ народу—и мнѣ скучно. А когда-нибудь явится съ кѣмъ будетъ весело. Весело и больно... „Научитесь и настрадаетесь"—помните ваши слова? И тогда можетъ-быть жаль будетъ этихъ скучныхъ и спокойныхъ дней, а теперь спокойствіе тяготитъ какъ хворость.

Глѣбъ Дмитріевичъ стоялъ предъ нею, какъ будто съ намѣреніемъ заступивъ дорогу. По лицу его продолжало пробѣгать нервное подергиванье.

— Вы хотѣли знать люблю ли я васъ. Я сказалъ что люблю. Для чего-нибудь вамъ надо было знать! проговорилъ онъ почти сурово.

Лариса перестала улыбаться.

— Развѣ вамъ такъ тяжело было сознаться? сказала она.

— Вы это знали безъ моего признанія, отвѣтилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.—Вы знали что я пріѣхалъ въ Петербургъ какъ только вы стали свободны. Вы не могли и не можете сомнѣваться въ моей цѣли. Я не торопилъ васъ, я ждалъ. Вы сами заговорили. Теперь я прошу васъ сказать послѣднее слово. Вы ничѣмъ не связаны, и только отъ васъ самихъ, отъ вашего личнаго чувства зависитъ принять или отвергнуть то что уже давно сказано, предложено...

Онъ замолчалъ и прямо, въ упоръ взглянулъ въ глаза Ларисы странными, суровыми и блистающими глазами. Она вдругъ присѣла на тотъ самый стулъ который онъ машинально раскачивалъ, держась обѣими руками за спинку.

— Отчего вы раньше не хотѣли сказать? проговорила она, скользнувъ мимо него взглядомъ, и слова ея прозвучали укоризненно и сухо.

— Какъ я могъ раньше? возразилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.—Я считалъ что вы связаны словомъ. Я подозрѣвалъ, наблюдалъ, ждалъ. Заговорить о себѣ, когда еще было живо только-что миновавшее, было бы грубостью.

Лариса слушала не глядя на него, и онъ видѣлъ только какъ слабо вздрагивали ея рѣсницы и опущенныя руки все ниже скользили вдоль изящнаго стана.

— Но дѣло не въ этомъ, продолжалъ Глѣбъ Дмитріевичъ.— Если я и теперь дурно выбралъ минуту, простите во вниманіе къ тому что это такъ важно... Лариса Григорьевна, да или нѣтъ?

Въ маленькой комнатѣ гдѣ происходилъ этотъ разговоръ стало такъ тихо что каждое слово произосимое за стѣной слышалось явственно и рѣзко. „Какъ это они столько времени тутъ вдвоемъ, и никто не вошелъ?“ скользило въ умѣ Ларисы, и эта ничтожная мелочь точно на-смѣхъ выдѣлялась изо всей массы мыслей вихремъ кружившихся въ ея головѣ и словно тянувшихъ куда-то.

Глѣбъ Дмитріевичъ наклонился надъ ея стуломъ.

— Да или нѣтъ? повторилъ онъ такъ близко что она казалось чувствовала жаръ его лица. Она подняла голову.

— Вы видите я въ траурѣ, сказала она, медленно поводя мимо него взглядомъ по мягкимъ чернымъ складкамъ драпировавшимъ ея изящно-неподвижную фигуру.

По лицу Зимовьева пробѣжала тѣнь.

— Я умѣю ждать, сказалъ онъ тѣмъ же страннымъ, страстнымъ и почти суровымъ тономъ.—Я прошу васъ только сказать: ждать ли мнѣ?

Лариса не отвѣчала. Закинувъ голову, она глядѣла предъ собой, и что-то неуловимое пробѣгало по ея лицу, теряясь въ темной глубинѣ глазъ. Вдругъ она встала и точно облила Зимовьева внезапно раскрывшимся взглядомъ.

— Да... сказала она, быстро обойдя его и исчезая за портьерой.

Глѣбъ Дмитріевичъ остался одинъ, озираясь въ этой маленькой комнатѣ и задыхаясь въ тепломъ и слегка пахучемъ воздухѣ, которому все происшедшее здѣсь какъ-будто сообщило опьяняющее свойство. Словно удрученный своимъ безмѣрнымъ счастіемъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по ковру и сѣлъ въ слабо-освѣщенномъ углу, не замѣчая смѣшаннаго гула голосовъ, доносившагося изъ другихъ комнатъ.

Лариса тихо вошла въ большую гостиную, остановилась предъ какими-то поднявшимися ей навстрѣчу гостями и молча улыбнулась на неразслышанныя слова. Ее, также какъ и Глѣба Дмитріевича, какъ-будто удивляла въ эту минуту многолюдная толпа, съ которою она не знала что дѣлать. Выраженіе чего-то своего, личнаго, не связаннаго съ этимъ раутомъ, съ этими разговорами, съ этими брилліантами на

туалетахъ дамъ, даже съ этимъ маленькимъ бѣлымъ букетикомъ на ея собственномъ плечѣ, приколотомъ по настоянію Марьи Ивановны для какой-то уже забытой цѣли,—это выраженіе властительно лежало на ея лицѣ и отражалось въ ничего не видящемъ взглядѣ и въ машинальной улыбкѣ. Но такъ продолжалось только минуту. Лариса пошевелила слабо скрученными локонами, какъ будто желая стряхнуть съ себя что-то тяготившее ее, повела плечами, такъ что вздрогнули до кистей ея опущеныя руки, и съ нервнымъ оживленіемъ обратилась къ какому-то генералу пожиравшему ее кротко улыбающимися глазами.

Гости начинали разъѣзжаться. Анна Всеволодовна подошла къ Ларисѣ и прощаясь не спѣша застегивала перчатки, перекладывая изъ руки въ руку мѣшавшій ей вѣеръ. Обыкновенно оживленное лицо ея сегодня казалось утомленнымъ и печальнымъ.

— Вы не звали Жедровскаго? вдругъ спросила она, не глядя на Ларису и стараясь дать этому вопросу тонъ незначительности.

Сегодняшній раутъ у Волчецъ-Соколинскихъ пришелся въ самомъ концѣ тѣхъ долгихъ двухъ недѣль въ теченіе которыхъ Анна Всеволодовна напрасно искала встрѣтиться съ Жедровскимъ.

— Maman посылала къ нему приглашеніе, я не знаю почему онъ не пріѣхалъ, отвѣтила Лариса.

— Можетъ-быть онъ уѣхалъ изъ Петербурга, предположила маленькая княгиня.

Лариса пожала плечами.

— Странно если онъ не заѣхалъ проститься, сказала она.

— Ахъ, вѣдь онъ... чудакъ! проговорила княгиня, и на скучающемъ лицѣ ея мелькнула напряженная, словно виноватая улыбка.

Эта улыбка вдругъ что-то объяснила Ларисѣ.

— Можетъ-быть онъ почему-нибудь нарочно скрывается... сказала она.

— Но почему же? возразила Анна Всеволодовна.

— Можетъ-быть потому что кокетничаетъ съ кѣмъ-нибудь... продолжала Лариса и весело взглянула въ ея печальные глаза.

Княгиня, несмотря на неимовѣрныя усилія которыя она сдѣлала надъ собой, вся вспыхнула подъ этимъ взглядомъ.

— Какой скучный способъ кокетничать, сказала она, и

чувствуя что готова заплакать, быстро протянула руку и простилась.

Лариса съ задумчивымъ видомъ проводила ее въ переднюю. Ей хотѣлось обнять и разцѣловать ее и она не смѣла.

XXVII.

Глѣбъ Дмитріевичъ пошелъ домой пѣшкомъ. Ему было жарко и онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ сырой и холодный воздухъ насыщенный туманомъ. Фонари едва мелькали, но онъ былъ почти радъ этой закопченой темнотѣ петербургской ночи. Онъ въ ней чувствовалъ себя болѣе наединѣ съ самимъ собою, съ тѣмъ страннымъ, охмѣляющимъ, отрывающимъ ото всего дѣйствительнаго ощущеніемъ счастья, которое онъ несъ въ себѣ. Онъ испытывалъ какую-то непривычную лѣность мысли, нервы поддавались радостной истомѣ, точно клонили ко сну, между тѣмъ какъ онъ ясно ощущалъ удесятеренную силу жизни и такой приливъ молодости и свѣжести, какъ будто вдругъ волшебною властью были сняты съ него годы одинокой тоски и изнурительной вынужденной праздности. Что-то загоралось впереди, будило и звало, обѣщая новую молодость и новый праздникъ жизни. „У счастья нѣтъ сроковъ, нѣтъ возраста... оно само и молодость, и сила, и власть, и надежда...“ думалось ему...

Онъ продолжалъ большими, скорыми шагами идти по улицѣ и вдругъ замѣтилъ что нагоняетъ какую-то медленно двигавшуюся впереди фигуру, въ походкѣ и во всемъ складѣ которой ему показалось что-то чрезвычайно знакомое. Поравнявшись онъ при свѣтѣ фонаря къ величайшему своему удивленію узналъ Извоева.

— Михайло Иванычъ, да вы ли это! окликнулъ онъ.

Извоевъ вздрогнулъ, оглянулся пугливо, и признавъ Глѣба Дмитріевича, видимо смутился и даже какъ будто весь съежился.

— Вотъ не ожидалъ... я вѣдь тутъ всего нѣсколько дней... хотѣлъ васъ разыскать, да не успѣлъ еще... пробормоталъ онъ какъ-то странно скользя взглядомъ и уходя лицомъ въ поднятый воротникъ, точно хотѣлъ совсѣмъ спрятаться въ немъ.

— Но какими судьбами? почему? на долго ли? спрашивалъ Зимовьевъ.

— Да такъ, не почему собственно... дико отвѣтилъ Извоевъ.—Обстоятельства кое-какія сложились... мало ли сколько народу пріѣзжаетъ сюда!

— Вы одни пріѣхали? отецъ вашъ дома остался? продолжалъ Зимовьевъ.

— Отецъ померъ, отвѣтилъ Извоевъ.—Онъ вѣдь давно уже плохъ былъ, а чрезъ мѣсяцъ послѣ вашего отъѣзда и скончался. Хуторокъ продалъ. Пустобрюховъ, помните? онъ вѣдь ничѣмъ не брезгаетъ, купилъ.

— Значитъ вы совсѣмъ сюда перебрались? Что же вы намѣрены дѣлать? спрашивалъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

Извоевъ поправилъ шапку, нахлобучивъ ее на самый носъ и еще больше ушелъ въ плечи, такъ что изъ-за воротника его почти только и видна была выпяченная русая бородка.

— Не знаю, самъ еще не знаю... какое-нибудь дѣло сыщется... какъ ему не сыскаться! проговорилъ онъ, не оборачиваясь къ Зимовьеву и выдувая прямо предъ собой паръ изо рта.

„Замысловатъ онъ что-то сдѣлался... подумалъ, покосясь на него, Глѣбъ Дмитріевичъ. Неужто Клеопатра Михайловна его вывезла?“

— Ну разкажите же что тамъ въ нашихъ мѣстахъ, вѣдь вы прямо оттуда! сказалъ онъ. — Григорія Никитича похоронили?

— Похоронили, кратко подтвердилъ Извоевъ.

— Клеопатра Михайловна всѣмъ распоряжалась?

— Да, она... больше впрочемъ каналья этотъ, Миловановъ... вотъ кого бы я... того...

И Извоевъ сдѣлалъ странное и чрезвычайно выразительное движеніе шеей, отчего вся фигура его приняла видъ человѣка котораго вздергиваютъ на висѣлицу. Это мгновенно мелькнувшее выраженіе почему-то чрезвычайно поразило Зимовьева, такъ что онъ никогда потомъ не могъ забыть его...

— А вы тѣмъ временемъ за Клеопатрой Михайловной ухаживали? спросилъ онъ чрезъ минуту шутливо.

— Вотъ, вы все объ этомъ! отозвался съ явнымъ неудовольствіемъ Извоевъ, и вдругъ остановившись, быстро прибавилъ, мотнувъ головой по направленію какого-то темнаго переулка:

— Однако прощайте, мнѣ сюда...

— Постойте, вѣдь вы даже не полюбопытствовали узнать

гдѣ я живу. Развѣ вы не намѣрены зайти когда-нибудь ко мнѣ? сказалъ тѣмъ же шутливымъ тономъ Зимовьевъ.

— Ахъ да, непремѣнно. На этихъ же дняхъ, непремѣнно зайду... Гдѣ же вы живете?

Глѣбъ Дмитричъ назвалъ свой адресъ.

— Найду, найду. Такъ до свиданья, мнѣ вотъ этимъ переулочкомъ. Я не здѣсь, а далеко еще, полгорода надо пройти...

И торопливо пожавъ руку, Извоевъ исчезъ въ темнотѣ.

„Загадачно!“ пожалъ плечами Зимовьевъ, на котораго ужимки и тонъ деревенскаго сосѣда и пріятеля произвели самое странное и даже безпокойное влечатлѣніе. „Неужели Хвощева?“ повторилъ онъ свой вопросъ. Но невѣроятно чтобы только эта причина могла заставить Извоева такъ пугаться и прятаться. И вдругъ новая догадка внезапно возникла въ умѣ Глѣба Дмитріевича. Онъ даже вздрогнулъ за своего пріятеля, какъ будто съ этою догадкой вдругъ связалось то странное выраженіе которое двѣ минуты назадъ поразило его въ фигурѣ Извоева, съ выпяченною бородой и покривившеюся шеей.

„Глупости... нервы“... сказалъ онъ мысленно, и рѣшился, какъ только заѣдетъ къ нему Извоевъ, поразспросить его и поговорить съ нимъ серіозно. Но Извоевъ не приходилъ, и Глѣбъ Дмитріевичъ, слишкомъ занятый своимъ личнымъ интересомъ, скоро пересталъ о немъ думать.

Но этотъ поглощавшій его личный интересъ оставлялъ ему слишкомъ много незанятаго времени. Тамъ, въ деревнѣ или за границей, вынужденное бездѣлье переносилось терпѣливѣе, потому что окружающее менѣе напоминало о немъ, менѣе раздражало. Но къ петербургской праздности Зимовьевъ никакъ не могъ привыкнуть. Онъ не зналъ чѣмъ занять утро, что сдѣлать со своимъ вечеромъ, если нельзя было провести его у Волчецъ-Соколинскихъ. Общество наводило скуку, опера была не блестящая, а репертуаръ гжи Дика-Пети не возбуждалъ интереса. И изъ-за чего собственно тратились эти незанятые дни и скучные вечера? Онъ разъ сказалъ Ларисѣ:

— Какъ долго еще ждать конца вашего траура! Вы придаете такое значеніе формальностямъ?

Лариса задумчиво повела своими прозрачными глазами и какъ будто затруднялась отвѣтить.

— Мнѣ бы не хотѣлось чтобы вы торопили меня, сказала

она, и встрѣтивъ вопрошающій взглядъ Глѣба Дмитріевича, прибавила:

— Мнѣ кажется что я еще не готова.

Брови Зимовьева чуть примѣтно сдвинулись.

— Эти слова могутъ значить очень много, проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, поймите меня какъ можно проще, продолжала Лариса.—У меня характеръ не очень удобный, я не легко привыкаю къ новому чувству. А мнѣ притомъ надо забыть многое что̀ было такъ недавно, съ чѣмъ я почти выросла...

— Мнѣ казалось что въ сущности вы уже забыли, и помните только потому что заставляете себя думать... сказалъ Зимовьевъ.

Лариса съ тѣмъ же замысловатымъ выраженіемъ покачала головой.

— Во всякомъ случаѣ надо дождаться конца траура, возразила она, какъ бы избѣгая прямаго отвѣта на замѣчаніе Глѣба Дмитріевича.

— А до тѣхъ поръ вы не разрѣшаете мнѣ даже объяснить свои намѣренія вашей maman?

— Разрѣшаю, улыбнулась Лариса, и добавила шутливымъ тономъ:—только неужели намъ необходимо такъ задолго сдѣлаться женихомъ и невѣстой? Это такъ скучно.

— Но тогда не будутъ удивляться видя меня такъ часто подлѣ васъ, сказалъ Зимовьевъ.

— Ахъ, какое же намъ дѣло если кому угодно удивляться? возразила Лариса.

Глѣбъ Дмитріевичъ замолчалъ и въ тотъ же день объяснился съ Марьей Ивановной. Она сначала ужасно перепугалась, боясь что Лариса ни за что̀ не приметъ предложенія и такимъ образомъ придется потерять самаго близкаго имъ человѣка, но когда Зимовьевъ сообщилъ что Ларисѣ Григорьевнѣ извѣстны его намѣренія и что она сама разрѣшила ему обратиться къ maman,—на Марью Ивановну точно столбнякъ нашелъ. Ошеломленные, широко-раскрытые глаза и губы ея были такъ выразительны что Глѣбъ Дмитріевичъ невольно смутился.

— Васъ поражаетъ что Лариса Григорьевна могла благосклонно принять мое предложеніе! сказалъ онъ.

Марья Ивановна была еще болѣе смущена и сконфужена.

— Она вѣдь скрытная, не разберешь ее! Ничего она про это мнѣ не говорила! промолвила она торопливо, собирая концы

своего вязанаго платка, который какъ будто помогалъ ей во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ.—Что жь, ея воля,—продолжала она.—Я думала она здѣсь, въ Петербургѣ, а вотъ вышло что дѣло-то съ начала начинается. Не даромъ видно говорится: суженаго конемъ не объѣдешь. Значитъ еслибъ Ипполитъ Сергѣичъ тогда не помѣшалъ, давно бы все сдѣлалось, и въ Петербургъ пожалуй не пріѣзжали бы...

У нея въ глазахъ стояли слезы.

— Что жь, дай Богъ счастья. Я на васъ всегда какъ на роднаго смотрѣла... Дѣдушка-то покойный тоже желалъ. Радъ бы былъ старикъ, никого вѣдь онъ кромѣ какъ васъ не хотѣлъ для Ларисы. Ну, тогда другое на умѣ было. Ахъ, не думала я, не гадала. Какъ вспомнишь сколько всего было, а вотъ на прежнее вышло.

Она взглянула на Глѣба Дмитріевича и ей страннымъ показалось что лицо его мало-по-малу приняло задумчивое и почти угрюмое выраженіе. Она мысленно попеняла на себя, предполагая что ему тяжелы были эти воспоминанія недавняго прошлаго.

— А вѣдь на все воля Божія, сказала она.—Можетъ-быть и къ лучшему все это. Ларочка-то тогда ребенокъ была, не понимала.

Глѣбъ Дмитріевичъ поцѣловалъ Марьѣ Ивановнѣ руку и, обмѣнявшись обязательными фразами, простился. Все то же задумчивое выраженіе лежало на его лицѣ, и то что онъ думалъ въ эти минуты, не походило на веселыя думы счастливаго жениха.

„Вздоръ...“ сказалъ онъ самъ себѣ садясь въ экипажъ. „Счастье не стоитъ готовое какъ въ магазинѣ, надъ нимъ работать надо.“

XXVIII.

Марья Ивановна по уходѣ Зимовьева стремительно прошла въ комнату дочери. Лариса сидѣла на кушеткѣ, подобравъ ножки и наклонясь надъ маленькимъ столикомъ на которомъ лежала раскрытая книга. Рука, поддерживавшая голову, привела въ безпорядокъ волосы и темнозолотистыя пряди ихъ сползли на лобъ, придавая лицу своевольное, вызывающее выраженіе.

— А ко мнѣ сейчасъ Глѣбъ Дмитричъ заходилъ... начала какимъ-то осторожнымъ тономъ Марья Ивановна.

— Да, я ему сказала... равнодушно промолвила Лариса.

— Ты значитъ серіозно рѣшилась!

— Я ему позволила объясниться съ вами, повторила Лариса.

Марья Ивановна сѣла. „Вонъ вѣдь она какая. Ну что съ ней сдѣлаешь, какъ съ ней поговоришь?“ выражали ея безпокойно-любопытные глаза.

— Я ему сказала: твоя воля; а я рада, продолжала она.— Мы вѣдь давно привыкли къ нему. Человѣкъ хорошій, что ужъ объ этомъ говорить. Дай Богъ счастья.

Она встала, осторожно поцѣловала наклоненную головку дочери и опять сѣла.

— А все-таки странная ты какая-то, право. Дикая... промолвила она голосомъ въ которомъ робко дрожали слезы.

— Отчего, мама? отозвалась не подымая головы Лариса.

— Да какъ же, вѣдь не для него же въ Петербургъ ѣхали. Мало ли тутъ народу видѣла... объяснилась Марья Ивановна.—Даромъ всю эту суматоху затѣвали тогда.

Лариса молча перевернула страницу.

„Не хочетъ поговорить, не заставишь. А потомъ сама скажетъ“, подумала Марья Ивановна.

Но она никогда не умѣла ждать, пока Лариса сама скажетъ.

— Любишь ты его что ли? вдругъ спросила она въ упоръ.

Лариса отодвинула книгу, подняла голову и взглянула на мать смѣющимися глазами.

— А вы не замѣтили, не догадались! сказала она прозрачнымъ, отзывавшимся скрытною ироніей голосомъ. На Марью Ивановну непріятно подѣйствовалъ этотъ тонъ.

— Что тутъ догадываться, тебя разберешь развѣ! отозвалась она.—Я думала никогда этому не бывать.

— Отчего? спросила какъ будто смѣясь Лариса.

— Да вѣдь ты же не хотѣла, вѣдь не сегодня началось это. И вдругъ рѣшила!

— Да, вдругъ... подтвердила Лариса, отбрасывая ото лба волосы, щекотавшіе ей рѣсницы.

Марья Ивановна пересѣла къ ней на кушетку и обняла ее, пристально заглядывая ей въ лицо, по которому бродило

все то же странное выраженіе какого-то не веселаго смѣха.

— Да ты что же? Лара, вѣдь не шутятъ съ этимъ-то... продолжала она явно встревоженнымъ тономъ.—Непонятная ты, право. Хоть сама-то пойми себя. Не любя думаешь пойти за него что ли?

Лариса тихонько освободилась и встала. Ея лицо ужь не смѣялось, на немъ точно злая тѣнь легла.

— Ахъ, мама, почемъ же я знаю! сказала она тономъ нетерпѣнія, и подойдя къ маленькому бюро, машинально раскрыла альбомъ.

Марья Ивановна притихла и молча слѣдила за нею глазами. Съ минуту въ комнатѣ слышно было только какъ хлопали листы альбома, переворачиваемые тонкими, блѣдными пальцами.

— Какія все противныя, глупыя лица! сказала наконецъ Лариса, отталкивая отъ себя альбомъ.

— Гдѣ жь другихъ-то взять! молвила на это Марья Ивановна.—На вечерѣ у насъ столько народу было... Неужели никто по твоему вкусу не пришелся?

Лариса вдругъ разсмѣялась продолжительнымъ, злымъ смѣхомъ.

— Мама, какія вамъ иногда смѣшныя мысли приходятъ! сказала она, запрокидывая голову.

— Что жь тутъ смѣшнаго? слегка какъ будто даже обидѣлась Марья Ивановна.—Вся почти молодежь здѣшняя была у насъ. Неужто такъ-таки никого, никого по-твоему интереснаго нѣтъ?

— Вотъ никого! что жь я буду дѣлать! отвѣтила со смѣхомъ Лариса.

Она, забавляясь, раскачивала стулъ на которомъ сидѣла и вертѣла въ рукѣ черепаховый ножикъ.

— Нѣтъ, одинъ есть интересный, только его не было на нашемъ раутѣ... и въ альбомѣ этомъ его нѣтъ... сказала она совершенно незначительнымъ тономъ.

— Кто жь такой? удивилась Марья Ивановна.

— Жедровскій! отвѣтила Лариса.

— Это распутный-то тотъ! воскликнула даже всплеснувъ руками Марья Ивановна.—Ну ужь нашла! Я такъ даже рада была что его тогда не было. Закружилъ бы кого-нибудь, а потомъ на насъ же претензія была бы.

Лариса снова засмѣялась все тѣмъ же неудержимымъ и какъ будто злымъ смѣхомъ.

— Ахъ, мама, какъ вы иногда забавно выражаетесь! сказала она.—Объясните, какъ бы это онъ закружилъ? какъ это онъ дѣлаетъ?

— А кто жь его знаетъ! отвѣтила простодушно Марья Ивановна.—Такіе-то какъ онъ и сбиваютъ молоденькихъ женщинъ съ толку.

— На раутѣ, сразу?

— Да почемъ я знаю. Мало развѣ шалыхъ барынь тутъ въ Петербургѣ. Наговоритъ разныхъ разностей, закружитъ, а вѣдь того не скажетъ что ему это одна забава.

Лариса продолжала хохотать, запрокинувъ голову.

— Чего смѣешься? разумѣется бываетъ. Въ такихъ-то больше всего и влюбляются.

— Да почему же? отчего вы думаете что онъ долженъ всѣмъ нравиться? приставала Лариса.

— Потому что ловокъ очень, собой красивъ и болтать умѣетъ. Я вѣдь слушала его, понимаю тоже. Онъ только тѣмъ и занятъ, женщинами-то.

— Онъ художникъ...

— Туда же, еще бы! А вотъ пусть бы женился, такъ небось нѣтъ.

— Мама, не смѣшите! прервала Лариса, усиливаясь удержать смѣхъ, переходившій уже во что-то истерическое.

— Да чего ты? отозвалась съ неудовольствіемъ Марья Ивановна.—Вѣдь вотъ же сама сказала что онъ интереснѣе всѣхъ.

— Я сказала? Но вѣдь я только потому сказала что онъ занятъ другою, что въ него влюблены и еще какъ! возразила со внезапнымъ раздраженіемъ Лариса.

— Кто жь такая? почемъ ты знаешь? захотѣлось полюбопытствовать Марьѣ Ивановнѣ.

— Ну, ужь кто бы то ни былъ... А знаю я потому что должно-быть когда въ него влюбляются, то... даже скрыть этого не умѣютъ, отвѣтила съ новымъ спазмомъ смѣха Лариса.

Марья Ивановна потупилась и собрала концы своего платка.

— Сколько ужь пожалуй женскихъ слезъ-то изъ-за него было! сказала она и прибавила словно лично оскорбленнымъ тономъ:—Стóитъ онъ того, комедіантъ этакой!

— Для него одна забава? вопросительнымъ и какъ бы кого-то подразнивающимъ тономъ напомнила Лариса.

— Разумѣется. Закружитъ одну-то, да сейчасъ къ другой, съ убѣжденіемъ подтвердила Марья Ивановна.

Лариса помолчала и съ запрокинутою головой задумчиво смотрѣла вверхъ.

— Что жъ и подѣломъ, сказала она наконецъ.

— Кому? не поняла Марья Ивановна.

— А тѣмъ кого онъ бросаетъ. Значитъ не умѣютъ.

— Что не умѣютъ?

— Сдѣлать чтобы не бросилъ, объяснила Лариса и вдругъ встала и принялась приводить въ порадокъ вещи на письменномъ столикѣ, торопясь и напѣвая что-то вполголоса.

— Мама, поѣдемъ кататься! неожиданно предложила она, взглянувъ въ окно.

Въ тотъ день Глѣбъ Дмитріевичъ не заѣхалъ вечеромъ къ Волчецъ-Соколинскимъ, хотя они были дома и ждали его, а когда онъ явился на слѣдующій день, и Марья Ивановна, и Лариса замѣтили что смуглое лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго, и въ глазахъ вспыхивали тѣ недобрыя искры, которыхъ такъ боялась въ деревнѣ Настя.

Оставшись съ Ларисой вдвоемъ, онъ сказалъ ей:

— Я воспользовался вчера вашимъ разрѣшеніемъ и кажется очень удивилъ вашу maman.

— Удивили? переспросила Лариса чуть примѣтно шевельнувъ бровями.

— Мнѣ такъ показалось, продолжалъ Глѣбъ Дмитріевичъ,— повидимому она была убѣждена что вы никогда не согласитесь быть моею женой.

— Мы не говорили объ этомъ, отвѣтила съ признаками нетерпѣнья Лариса.

— Вы знаете какъ я счастливъ получивъ ваше согласіе, продолжалъ Зимовьевъ,—и потому простите мнѣ эту потребность откровенности, которой не должно бояться никакое искреннее чувство. Я ни минуты не обманывалъ себя, я зналъ что не имѣлъ счастья внушить вамъ ничего болѣе кромѣ дружеской благосклонности и можетъ-быть нѣкотораго уваженія. Я уже не такъ молодъ чтобы разчитывать на другое. Но самъ я, вы знаете, люблю васъ иначе. Васъ не пугаетъ это?

— Почему вы думаете что такъ вѣрно и точно опредѣлили

наши отношенія? отозвалась тѣмъ же нетерпѣливымъ тономъ Лариса.—Что вы можете обо мнѣ знать, когда я сама ничего не знаю?

— Еслибы вы такъ сказали два года назадъ, я не продолжалъ бы этого разговора, возразилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.—Но вы не можете не знать себя. Вы любили.

— Ребячество, которое не повторится, отвѣтила Лариса.

— Потому что ваше сердце созрѣло для болѣе серіознаго чувства? неспокойно молвилъ Зимовьевъ.

Лариса повела мимо него своими прозрачными глазами.

— Можетъ-быть потому что я совсѣмъ не умѣю любить такою любовью о которой вы говорите, сказала она.—Вы вѣроятно не думаете что я приняла ваше предложеніе только для того чтобы не упустить выгодную партію. Постойте, дайте мнѣ сказать,—продолжала она съ оживленіемъ, замѣтивъ его протестующее движеніе:—еслибъ я имѣла поводъ предвидѣть впереди ту опасность о которой вы намекаете, я не стала бы путать наши двѣ судьбы. Но я ничего не предвижу и ничего не знаю. Я никого не люблю... въ вашемъ смыслѣ. Если это не удовлетворяетъ васъ, вы свободны.

Глаза Глѣба Дмитріевича вспыхнули.

— Вы не поняли меня, сказалъ онъ.—Мнѣ не нужна свобода, и я не возвращу ея вамъ. Я слишкомъ долго и мучительно ждалъ вашего слова чтобы такъ легко отдать его назадъ. Что рѣшено то невозвратно. Я сумѣю быть счастливъ тѣмъ неполнымъ счастіемъ которое выпало на мою долю. Но самъ я не перестану любить васъ иначе... со всею ненасытною жадностью и эгоизмомъ страсти. И вотъ почему я спрашиваю васъ: вы не боитесь?

Длинныя рѣсницы Ларисы замѣтно дрогнули.

— Это угроза? молвила она, хмуря брови и блѣднѣя.

— Нѣтъ, только признаніе, отвѣтилъ Зимовьевъ.

Ощущеніе чего-то жуткаго, страннаго и задорнаго въ одно время, холодкомъ пробѣжало по нервамъ Ларисы. Ей мгновенно вспомнились ея прежніе страхи, вспомнились разказы Насти о первой женѣ Глѣба Дмитріевича, о томъ какъ она медленно умирала въ деревнѣ подъ его мстительнымъ призоромъ. Опущенныя рѣсницы ея продолжали вздрагивать... Вдругъ она широкимъ взмахомъ подняла ихъ и смѣло взглянула въ блиставшіе угрюмымъ и жаднымъ блескомъ глаза Зимовьева.

— Я ничего не боюсь, сказала она.

Глѣбъ Дмитріевичъ наклонился, схватилъ ея руку. Рука была горяча.

— Одно условіе: вы согласны будете не увозить меня въ деревню если... если я не захочу? прибавила Лариса.

— Вы будете безусловно распоряжаться моею жизнью, спокойно отвѣтилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

XXIX.

Анатолю Ладожскому удалось наконецъ привести свою квартиру въ самый модный видъ и возобновить „вторники“. Этими „вторниками“ онъ чрезвычайно дорожилъ, находя что очень немногіе въ Петербургѣ умѣютъ устроить reunions такъ изящно и безъ претензій. Въ сущности же претензій было очень много и можно сказать что самая значительная часть времени уходила у него именно на заботы объ этихъ вечерахъ. Надо было, приглашая всѣхъ и вообще, сдѣлать однако такъ, чтобы знакомые группировались какъ бы отдѣльными смѣнами чтобы встрѣчались люди наиболѣе подходящіе другъ къ другу. Двѣ или три партіи въ винтъ и непремѣнно такъ чтобы каждый партнеръ игралъ по своему кушу и съ равносильными игроками и чтобы никто изъ привыкшихъ играть не остался безъ мѣста. Особый столикъ для дамъ, по маленькой и непремѣнно съ услужливымъ молодымъ человѣкомъ или со старымъ, но пріятнымъ генераломъ. Затѣмъ нѣсколько не играющихъ, но непремѣнно интересныхъ другъ для друга и могущихъ вести общій разговоръ. Чтобъ устроить всѣ эти сочетанія, приходилось хлопотать цѣлую недѣлю. Но была еще и другая забота. Анатоль хотѣлъ чтобъ его ужины не зависѣли отъ случайнаго числа гостей. Онъ находилъ что тонкій ужинъ можно подать только при ограниченномъ числѣ лицъ и потому надо было распорядиться такъ чтобы половина гостей разъѣхалась и осталось бы ужинать только двѣнадцать или пятнадцать человѣкъ. Все это требовало тонкаго разчета, большой ѣзды по городу и почти дипломатической ловкости. И въ теченіе многихъ лѣтъ тяжкая повидимому забота эта была одною изъ самыхъ пріятныхъ для Анатоля и никогда кажется не былъ онъ такъ счастливъ, какъ въ тѣ полчаса которые онъ проводилъ съ женой послѣ разъѣзда, прилегши съ видомъ

блаженнаго утомленія на кушеткѣ и обмѣниваясь впечатлѣніями и наблюденіями.

— Сегодня кажется все очень удачно было, замѣчалъ онъ.

— Очень мило, соглашалась Анна Всеволодовна.

— Я боялся что графъ Лонскій не пріѣдетъ: Семенъ Михайловичъ такъ любитъ съ нимъ винтить.

Семенъ Михайловичъ былъ государственный мужъ, благосклонностью котораго Анатоль особенно дорожилъ.

— Да, онъ очень кстати пріѣхалъ... отзывалась сквозь легкій зѣвокъ княгиня.

— А баронъ Кристинъ очень кстати не пріѣхалъ, продолжалъ Анатоль:—пришлось бы посадить пятымъ, а Семенъ Михайловичъ терпѣть не можетъ впятеромъ. Но какъ Пахтаевъ былъ милъ съ дамами и какъ это любезно съ его стороны что онъ сѣлъ по маленькой. Признаться, съ баронессой Марьей Егоровной не очень пріятно, она ступить не умѣетъ и еще распекаетъ всѣхъ.

— Пахтаевъ всегда очень милъ и любезенъ.

Анатоль раскуривалъ папироску и съ видомъ скромнаго, но вполнѣ удовлетвореннаго торжества пускалъ клубъ дыму.

— Ну, а не играющіе... кажется имъ не очень скучно было?.. спрашивалъ онъ какъ бы небрежно.

— Нѣтъ, я не замѣтила чтобы скучали... Жѣдровскій очень занималъ всѣхъ... отвѣчала Анна Всеволодовна.

— Да, онъ болтунъ. Слишкомъ много претензій на умъ, но все-таки онъ очень полезенъ для нашихъ вторниковъ. Ты хорошо сдѣлала что приручила его.

Анна Всеволодовна при этихъ словахъ обыкновенно наклонялась къ зеркалу и принималась медленно расплетать волосы.

— Я жалѣю что Волчецъ-Соколинскіе не остались ужинать, продолжалъ Анатоль:—суфлѐ изъ рыбы было превосходно. Знаешь, Антонъ положилъ туда черепахи.

— Въ самъ дѣлѣ? отзывалась Анна Всеволодовна.

— А ты не замѣтила! Въ этомъ весь шикъ. Только у насъ и даютъ это. Семенъ Михайловичъ вслухъ сказалъ что онъ нигдѣ не ѣлъ такого суфлѐ. Мнѣ тогда пришла идея—заказать форму въ видѣ черепахи, чтобы всѣ поняли. Иные вѣдь ѣдятъ и сами не знаютъ что̀. Но вообще... какъ тебѣ кажется? вѣдь все очень хорошо было?

— Конечно очень хорошо.

— Нѣтъ, безпристрастно говоря?

— Да безпристрастно же... подтверждала съ выраженіемъ непреодолимой скуки на лицѣ Анна Всеволодовна.

Анатоль вставалъ съ кушетки и дѣлалъ нѣсколько лѣнивыхъ шаговъ по ковру.

— Ты утомлена? устала? спрашивалъ онъ съ какимъ-то многознаменательнымъ выраженіемъ въ голосѣ и въ глазахъ.

— Да, ужасно! отвѣчала Анна Всеволодовна, далеко протягивая руку.

Анатоль цѣловалъ кончики пальцевъ и уходилъ совершенно счастливый.

Анна Всеволодовна быстро доканчивала ночной туалетъ, отпускала горничную и тушила лампу. Нѣжный холодъ постели охватывалъ легкимъ трепетомъ ея горѣвшее тѣло. И долго, долго закрытые глаза ея не находили сна, и нервы чутко вздрагивали, раздражаемые ощущеніемъ счастья и тоски. Она кого-то видѣла и слышала въ темнотѣ и тишинѣ ночи. Тонкій запахъ бѣлья слегка кружилъ голову, и влюбленная мысль припоминала слова, взгляды, замедленное, много разъ повторенное пожатіе руки.

„Ты не знаешь, не чувствуешь, а я вся, вся твоя"... шептали въ забытьи полуоткрытыя, влажныя и горячія губы...

Анатоль просыпался на другой день пріятно возбужденный впечатлѣніями вчерашняго вечера, и позвавъ повара Антона, медленно, съ фамильярностью очень счастливаго барина, сообщалъ ему свои замѣчанія и соображенія. Это былъ тоже одинъ изъ самыхъ счастливыхъ часовъ въ его недѣлѣ. Заложивъ обѣ руки подъ фартукъ и поправляя однимъ движеніемъ бровей свой бѣлоснѣжный колпакъ, Антонъ, красивый брюнетъ съ налитыми смуглыми щеками, задумчиво вникалъ въ рѣчь барина, выражая всѣми чертами лица и всею своею позой что хотя ему и пріятно отличиться, но лишь потому что его умѣютъ цѣнить. А князь цѣнилъ его не только за искусство, но и за то что Антонъ зналъ всѣхъ его знакомыхъ, никогда никого изъ нихъ не видавъ въ глаза, и понималъ что̀ каждому надо подать. Часто, выслушавъ приказанія на счетъ ужина, онъ вдругъ спрашивалъ:

— А Семенъ Михайловичъ нынче будутъ у насъ?

И если оказывалось что Семена Михайловича ждутъ, то тутъ же рѣшалъ:

— Въ такомъ случаѣ, ваше сіятельство, гурьевскую кашу безпремѣнно подать надо; а московитъ они не уважаютъ.

— Гм... ну пускай... въ самомъ дѣлѣ!... задумчиво соглашался князь.

— А не прикажете ли, ваше сіятельство, еще кокиль изъ ершей приготовить; ерши нынче крупные есть, и баронесса Марья Егоровна очень любятъ, продолжалъ Антонъ.

— Да баронесса наврядъ ли будетъ, потому сегодня у Евграфа Матвѣевича вечеръ, возражалъ Анатоль.

— Ну, въ такомъ разѣ онѣ никакъ къ намъ не пріѣдутъ, соглашался Антонъ.—Если нынче у Евграфа Матвѣича, такъ онѣ безпремѣнно тамъ будутъ: потому тамъ аглицкій вистъ, а у насъ винтъ; то игра старинная, суріозная, а эта нонѣшная, легкая... Тогда ужь лучше форель пустить. Раками обложить можно, а не то провансаль. Только съ бордюромъ, я полагаю, правильнѣе будетъ.

Анатоль, считавшій хорошую прислугу одною изъ монополій людей высшаго круга, послѣ такого совѣщанія являлся къ женѣ въ состояніи нѣкотораго восторга, и называя Антона бестіей и подлецомъ, передавалъ въ точности всѣ его замѣчанія и соображенія, заставляя Анну Всеволодовну вмѣстѣ съ нимъ удивляться и недоумѣвать предъ высокимъ развитіемъ своего chef de cuisine.

— Изумительно какъ они вырабатываются въ большихъ домахъ! повторялъ онъ, сіяя глазами.

И увлеченный потокомъ самыхъ пріятныхъ ощущеній, Анатоль задавался внезапными новыми идеями, которыя устанавливали нѣкоторое сходство между нимъ и Коко. Самые даже различные люди бываютъ иногда похожи другъ на друга съ какой-нибудь стороны... Послѣ идеи рыбнаго суфле, подаваемаго въ формѣ черепахи, Анатолемъ овладѣла мысль о ливреяхъ. Почему всѣ бросили одѣвать прислугу въ ливреи? Почему у всѣхъ лакеи ходятъ во фракахъ? Это имѣетъ видъ ресторана, чего-то буржуазнаго, принадлежащаго всѣмъ и каждому. Хорошо обдуманная ливрея, съ гербовыми пуговицами и басонами, даетъ дому гораздо больше представительности. Онъ сообщилъ эту мысль женѣ.

— Перестань пожалуста, всѣ смѣяться будутъ, пробовала отговорить его Анна Всеволодовна.

— Ничего тутъ не будетъ смѣшнаго, и увидишь что многіе то же самое сдѣлаютъ, возразилъ съ неудовольствіемъ Анатоль.

Онъ-таки поставилъ на своемъ, и въ одинъ изъ вторниковъ

лакеи его предстали взорамъ гостей облеченные въ круглые свѣтлокоричневые фраки съ огромными золочеными пуговицами и пестрыми басонами, въ жилетки песочнаго цвѣта и въ штиблеты. Всѣ обратили вниманіе, находили что такъ очень мило. Семенъ Михайловичъ, поглаживая отлично выбритый подбородокъ огромными и уже плохо сгибающимися пальцами, сказалъ:

— Отлично! отлично вы это придумали, князь! Барственно, хорошо!

Анатоль объяснялъ всѣмъ что онъ сдѣлалъ это только такъ, на-пробу, собственно потому что въ ливреѣ человѣкъ смотритъ какъ-то чище.

— Знаете, фракъ долженъ быть ужь очень хорошъ, хотя бы и на лакеѣ, говорилъ онъ.—А вамъ нравится? вдругъ обратился онъ между прочимъ къ Жедровскому.

— Да, со стороны живописности, отвѣтилъ тотъ самымъ серіознымъ тономъ.

Анна Всеволодовна, глядя на нихъ обоихъ, кусала губы и была почти зла.

Одинъ Павелъ Платоновичъ при видѣ новой затѣи сына пожалъ плечами и сказалъ что находитъ ее нелѣпою.

— Ты хоть бы съ женой посовѣтовался, прибавилъ онъ, догадавшись что его любимица невѣстка должна почти страдать ото всѣхъ подобныхъ пошлостей.

— Вамъ съ Аннетъ никогда не нравится все что я придумаю, отвѣтилъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ Анатоль.

„И не мудрено“, подумалъ Павелъ Платоновичъ, проходя въ кабинетъ.

XXX.

Крупная, львиная голова стараго князя значительно посѣдѣла въ послѣдніе мѣсяцы, и голубые, мягкіе, вдумчиво-веселые глаза его потеряли прежнее выраженіе. И ни однѣ только семейныя непріятности сдѣлали эту перемѣну. На немъ отяготѣло общее томленіе и недомоганье, чувствовавшееся всѣми въ тотъ тяжелый годъ, даже тѣми кто какъ будто ничѣмъ не отзывался на политическую жизнь. Скорбь и нѣчто худшее скорби, какая-то скука унизительнаго самоупраздненія, залегли въ его глазахъ. Онъ пожалъ протянутыя къ нему со всѣхъ сторонъ руки, раскурилъ сигару и присѣлъ подлѣ Зимовьева.

— Хочу научиться въ карты играть, сказалъ онъ ему.

— Что такъ? улыбнулся Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Да помилуйте, что же еще дѣлать? Всѣ ужь бросились къ этому единственному средству спасенія. Вѣдь непріятно чувствовать себя лишнимъ человѣкомъ; говорить нынче не о чемъ и не съ кѣмъ, надо же какое-нибудь занятіе имѣть. Право, никогда не думалъ чтобы жить изо дня въ день сдѣлалось такою трудною задачей.

— А знаете, въ самомъ дѣлѣ никогда это не замѣчалось въ такой степени, сказалъ Зимовьевъ.—Петербургская жизнь для меня всегда казалась несносною, но потому что ея внѣшнее оживленіе раздражало своею безсодержательностью и ложью. А нынче и этого даже нѣтъ. Прежде отъ болтуновъ и спорщиковъ не было спасенія, а теперь никому говорить не хочется, и спорить какъ будто стыдно. Пришибло насъ.

— Серіозно говорю: жить нельзя, дѣваться некуда. Къ знакомымъ пріѣдешь—хозяева пересчитываютъ партнеровъ, въ клубахъ кромѣ ломберныхъ столиковъ ничего не увидишь; въ театрахъ—тоска или на столѣтнюю мелодраму наткнешься, или со сцены кабакомъ потянетъ... Да еще хоть бы пьяныхъ-то умѣючи играли, а то вѣдь нашимъ лицедѣямъ не вдомекъ что каждый человѣкъ по своему пьянъ бываетъ. А дома сидѣть—читать нечего. Я ужь за французскіе романы принялся, Зола читаю. Кабы моложе былъ: влюбился бы въ первую попавшуюся женщину, и все подъ ее окнами ходилъ бы.

Сановитый Семенъ Михайловичъ, томившійся въ ожиданіи запоздавшаго партнера, засмѣялся.

— Съ гитарой бы... Эхъ, князь, вѣдь это все война избаловала васъ всѣхъ, неѳжиданно прорекъ онъ.—Привыкли телеграммы да корреспонденціи глотать, вотъ и скучно теперь. Вамъ, какъ испорченнымъ Римлянамъ, panem et circenses подавай. Ну, panis-то у насъ слава Богу есть, а вотъ зрѣлищъ хотятъ. Плевна видно понравилась.

— Подъ Плевной мнѣ не привелось быть, а вотъ Берлинскій конгрессъ я почти что видѣлъ... И если это тоже относится къ зрѣлищамъ, то я ихъ не потребую... сказалъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

Семенъ Михайловичъ всосалъ губы, что, по его мнѣнію, придавало его лицу высше-административное выраженіе.

— Теперь мода у всѣхъ ворчать на Берлинскій трактатъ,

а современемъ исторія оцѣнитъ его какъ актъ величайшей государственной мудрости, сказалъ онъ.—Въ Берлинѣ спасли Россію.

Присутствующіе переглянулись и промолчали. Только Жéдровскій, стоявшій тутъ же, сдѣлалъ серіозное лицо и сказалъ:

— Я совершенно понялъ геніальную мысль Семена Михайловича: въ Берлинѣ дѣйствительно спасли Россію... отъ себя самой. А извѣстно что всякій самъ себѣ величайшій врагъ.

Послѣднія слова онъ произнесъ чуть-чуть въ носъ и что-то сдѣлалъ съ губами, такъ что получилось сходство съ голосомъ и даже съ физіономіей сановника.

Семенъ Михайловичъ, очень мало знавшій Жéдровскаго, привсталъ и протянулъ ему руку.

— Благодарю васъ, молодой человѣкъ... вы прекрасно истолковали мою мысль... произнесъ онъ почти величественно и двинулся навстрѣчу хозяину, вбѣжавшему въ кабинетъ съ распечатанною колодой: запоздавшій партнеръ наконецъ пріѣхалъ!

Сдѣлавъ однако нѣсколько шаговъ, Семенъ Михайловичъ что-то вспомнилъ, остановился и обернулся къ Жéдровскому

— Но вы назвали мою мысль геніальною. Это... этого я не принимаю! не могу принять! произнесъ онъ, и сдѣлавъ нѣкоторое движеніе рукой, удалился.

— Этакая звѣздоносная Перепетуя Петровна! выругался ему вслѣдъ Павелъ Платоновичъ, наклоняясь къ Зимовьеву.

— А вы думаете что онъ это отъ себя? отозвался Глѣбъ Дмитріевичъ.—Нѣтъ, эти господа пасутся на казенномъ корму они повторяютъ только то что слышатъ отъ людей власти Да вѣдь и сами они власть! Милѣйшій князь, пойдемте лучше къ дамамъ.

Въ гостиной Анна Всеволодовна, въ прелестномъ новомъ туалетѣ, въ которомъ вся она казалась облитою мягкимъ сѣрымъ блескомъ, разговаривала съ Ларисой:

— Когда вы наконецъ сбросите этотъ вѣчный вашъ трауръ! говорила она оглядывая любующимися глазами изящную фигуру дѣвушки, которая казалась еще выше и стройнѣе отъ строгихъ черныхъ складокъ обтягивавшихъ талію!—Вѣдь уже полгода прошло?

— Нѣтъ, еще мѣсяцъ остается, отвѣтила Лариса.—И я такъ привыкла что мнѣ страннымъ покажется надѣть цвѣтное.

— Правда, вамъ удивительно хорошо такъ, продолжала княгиня протягивая руку вокругъ ея серебрянаго пояса.— Черный цвѣтъ къ вамъ идетъ. Но это такъ скучно!

Не отнимая руки, она тихонько потянула Ларису въ глубину комнаты и усадила ее на маленькомъ диванчикѣ заслоненномъ трельяжемъ. Она была вся охвачена тихимъ и радостнымъ возбужденіемъ: Жéдровскій пріѣхалъ, томительныя минуты ожиданія прошли, впереди былъ цѣлый вечеръ... Она уже забыла о несчастныхъ тороховыхъ ливреяхъ и о всѣхъ глупостяхъ мужа. Ей хотѣлось подѣлиться своимъ счастьемъ, разбудить въ другихъ что-то тревожно-блаженное, что̀ она ощущала въ себѣ. Быть въ первый разъ счастливою такъ трудно, такъ стыдно за эгоизмъ этого счастья!

— Знаете почему я завела рѣчь о вашемъ траурѣ? Потому что съ нимъ что-то связано для васъ, для вашего будущаго... я увѣрена, я замѣтила... заговорила она почти на ухо Ларисѣ, близко вглядываясь въ нее свѣтящимися глазами.—Простите за нескромность, но вѣдь вы знаете какъ я васъ люблю, какъ бы я хотѣла вашего счастья!

Лариса пугливо вздрогнула рѣсницами.

— Но я вовсе и не мечтаю ни о какомъ счастьи, молвила она съ явно зазвучавшею въ ея тонѣ сдержанностью.

— О, хитрая! какъ будто я не поняла съ той самой минуты какъ въ первый разъ увидѣла его съ вами... продолжала, ласкаясь къ ней, Анна Всеволодовна.—Не бойтесь, вѣдь я не выдамъ вашего секрета, я только хочу чтобы вы знали какъ я рада... ужасно, ужасно рада!

Она прижалась щекой къ ея плечу и быстро, крѣпко стиснула ей руку.

Ларисѣ было досадно, и въ то же время невольная улыбка мелькнула на ея губахъ. „И я тоже не стану выдавать вашего секрета, милая княгиня...“ думала она, сразу понявъ своимъ женскимъ инстинктомъ эту возбужденную, обнаруживающую себя ласку.

Въ эту миниту въ гостиной появились Павелъ Платоновичъ съ Зимовьемымъ и Жéдровскій. Оба послѣдніе въ одно время подошли къ дамамъ.

— Я вчера встрѣтился съ однимъ вашимъ хорошимъ знакомымъ, сказалъ Жéдровскій, обращаясь къ Ларисѣ.—Онъ изъ вашихъ мѣстъ, и такъ много разказывалъ о вашемъ Волчьемъ Долѣ что заставилъ меня затосковать по деревнѣ.

— Кто же это? спросила недоумѣвая Лариса.

— Нестужевъ, отвѣтилъ Жѐдровскій.—Я съ нимъ знакомъ по Москвѣ.

Глѣбъ Дмитріевичъ, стоя рядомъ съ Жѐдровскимъ, уронилъ на Ларису быстрый взглядъ.

— А, Нестужевъ! отозвалась она совершенно равнодушно.— Это правда, онъ прошлымъ лѣтомъ гостилъ у насъ въ Волчьемъ Долѣ. Но здѣсь онъ какъ-то отсталъ отъ насъ, я его давно не видала.

— Онъ вѣрно очень занятъ... сказалъ Жѐдровскій.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я рада если онъ нашелъ здѣсь какое-нибудь дѣло. Онъ кажется затѣмъ и пріѣхалъ въ Петербургъ... продолжала тѣмъ же спокойнымъ тономъ Лариса.—И чѣмъ же собственно онъ занятъ?

— Ну, этого я не сумѣю объяснить, не разспрашивалъ.. отвѣтилъ Жѐдровскій.—Только онъ имѣетъ видъ человѣка разрывающагося на куски. Онъ куда-то торопится, ему надо съ кѣмъ-то видѣться, его гдѣ-то ждутъ. Что-то очень безпокойное, однимъ словомъ. Я такихъ людей боюсь, они слишкомъ шевелятъ мою совѣсть.

— Почему? равнодушно улыбнулась Лариса.

— Помилуйте, мнѣ, закоренѣлому тунеядцу, очень обидно смотрѣть на такихъ людей, объяснилъ Жѐдровскій.—Все кажется будто они за меня что-то дѣлаютъ, и что я въ долгу предъ ними. Притомъ это дѣйствуетъ на нервы. Sauf mes respects къ monsieur Нестужеву, я терпѣть не могу хлопотливыхъ людей. Въ довершеніе всего онъ участвуетъ въ какой-то газетѣ, и пока мы шли съ нимъ по улицѣ, онъ два раза вынималъ записную книжку. Я боюсь что рядомъ съ нумеромъ бляхи городоваго онъ отмѣтилъ одну изъ возмутительныхъ мыслей, какія я имѣю привычку высказывать.

— Но вы забываете что назвали этого господина хорошимъ знакомымъ Ларисы Григорьевны! напомнила Анна Всеволодовна, которой вдругъ непріятно стало что Жѐдровскій какъ будто слегка рисуется предъ Ларисой.

— Вы не хотите повѣрить что я говорю о monsieur Нестужевѣ съ нѣкоторымъ чувствомъ зависти! возразилъ Жѐдровскій.

— Я немножко знаю васъ, Сергѣй Алексѣичъ! сказала тѣмъ же натянутымъ тономъ Анна Всеволодовна.—Вы неисправимы.

Жѐдровскій покорно склонилъ голову.

— „Хоть брось“, досказалъ онъ.

Слово сорвалось нечаянно, просто потому что пришелъ на память Грибоѣдовскій стихъ, и что онъ имѣлъ привычку тотчасъ отвѣчать на всякую сказанную ему фразу. У него на умѣ не было никакого отдаленнаго смысла, который можно было бы подложить подъ это чужое слово. Но Анна Всеволодовна вдругъ встала и съ лицомъ внезапно омрачившимся ревнивою тоской подошла къ ломберному столику, за которымъ баронесса Марья Егоровна громко распекала своего партнера.

XXXI.

Анна Всеволодовна выросла въ свѣтѣ, и при ея наблюдательномъ умѣ ей легко досталось знаніе людей и жизни, по крайней мѣрѣ той жизни какою жилъ близкій ей кругъ. Но она сохранила неопытность сердца, и исполненная загадочныхъ недоразумѣній, драма страсти, такъ внезапно охватившая ее своимъ опаснымъ счастьемъ и своими жуткими страхами, застала ее неприготовленною. Какъ путникъ занесенный въ невѣдомыя страны, она преувеличивала всякое впечатлѣніе, пугалась всякаго призрака и разгоралась жаднымъ любопытствомъ при всякой случайной загадкѣ.

Незначительное слово, нечаянно сказанное Жѣдровскимъ, тоскливо сжало ей сердце. Съ быстротой болѣзненной нервозности воображеніе связало его съ цѣлымъ рядомъ другихъ ревнивыхъ замѣтокъ влюбленной и мнительной памяти. Она вспомнила какъ вначалѣ ихъ сближенія, за однимъ изъ тѣхъ безконечныхъ споровъ, которые завязываются вмѣстѣ съ раждающимся чувствомъ, изъ непреодолимой потребности заглянуть другъ другу въ душу ненасытными и тревожными глазами, Жѣдровскій сказалъ ей внезапно похолодѣвшимъ тономъ.

— Что̀ дѣлать, мнѣ поздно исправляться. C'est à prendre ou à laisser.

Она тогда почувствовала себя очень оскорбленною этою фразой, въ ней слышалась какая-то грубая угроза. И развѣ не чувствовалась такая же угроза въ томъ что̀ онъ сейчасъ шутя кинулъ ей въ лицо? „Хоть брось...“ Это не могло быть сказано безъ намѣренія, безъ намека; это хуже чѣмъ à prendre ou à laisser.

Она вдругъ сдѣлалась зла, почувствовала что ненавидитъ его. Зачѣмъ ему надо было разговаривать съ Ларисой и такъ явно желать обратить на себя ея вниманіе? Онъ кокетничалъ предъ ней своею ироніей, и его глаза все время любовались ею. Онъ готовъ кокетничать со всякою хорошенькою женщиной, и все что онъ говоритъ—фразы, фразы, фразы! „Противный, какъ я ненавижу его!"

Она присѣла подлѣ Марьи Егоровны и слушала, ничего не понимая, какъ та доказывала что ея партнеръ не имѣлъ права объявить три въ бубнахъ, такъ какъ она все время говорила пасъ и пасъ.

— Мнѣ кажется что вы совершенно правы... повторяла Анна Всеволодовна безсознательнымъ тономъ.

Оглядываясь, она видѣла что Жéдровскій отошелъ отъ Ларисы и разговаривалъ у круглаго стола съ Павломъ Платоновичемъ. Она тоже встала и не взглянувъ на Жéдровскаго прошла мимо него и остановилась предъ жардиньеркой, отбирая мелкіе подсохшіе листья. Голосъ Жéдровскаго раздавался сзади нея и наконецъ затихъ. „Онъ куда-нибудь пойдетъ", подумала Анна Всеволодовна и не оглянувшись, маленькими шажками прошла налѣво, въ другую гостиную, гдѣ игралъ по большой Семенъ Михайловичъ, и оттуда въ свой кабинетикъ, освѣщенный однимъ фонаремъ и потухающимъ пламенемъ камина. Она взяла щипцы и принялась поправлять уголь. Ее обдало жаромъ и красное зарево залило ей лицо и зажгло льдистый блескъ ея платья.

— Позвольте мнѣ самому это сдѣлать, произнесъ подлѣ нея Жéдровскій, и его рука, протянувшись къ щипцамъ, коснулась ея руки.

— Merci, я уже поправила, отвѣтила Анна Всеволодовна бросая щипцы.

Она перешла въ бюро, подвинула бюваръ, переставила кое-какія мелочи.

— Какъ жарко отъ камина! проговорила она прижимая къ горѣвшему лицу холодныя ладони.

Жéдровскій стоялъ противъ нея съ выраженіемъ ожиданія въ недовольныхъ и немножко лукавыхъ глазахъ.

— Отчего вы вдругъ разсердились? сказалъ онъ.

— Я? И не думала! отвѣтила Анна Всеволодовна скользнувъ холоднымъ взглядомъ.

И вдругъ она заговорила скороговоркой, волнуясь и выдавая свою ревнивую мысль:

— Это не значитъ сердиться, если я полагаю что между нами могло бы не быть этихъ постоянныхъ недоразумѣній; отъ которыхъ люди только дальше раздвигаются, вмѣсто того чтобы сближаться... Право, Сергѣй Алексѣичъ, я все меньше понимаю васъ. У васъ точно какая-то злость ко мнѣ есть, мстительное что-то... за что̀, Боже мой? Развѣ я кокетничала, завлекала васъ? Вы сами вздумали увѣрить себя, увѣрить меня... Какъ будто я обидѣла васъ или зло вамъ сдѣлала тѣмъ что имѣла неосторожность повѣрить вамъ... Вы неисправимы, да, я знаю, я знала это съ самой первой встрѣчи; и между тѣмъ вы видите, это не помѣшало мнѣ...

Она хотѣла сказать: „полюбить васъ", но внезапно поднявшись чувство гордости оледенило горѣвшія губы, и она, не взглянувъ на Жéдровскаго, перешла чрезъ всю комнату и опустилась на диванъ.

Онъ быстро прошелъ вслѣдъ за нею и сѣлъ подлѣ нея.

— Вы не хотите недоразумѣній; но есть недоразумѣніе котораго ни одна женщина не можетъ понять! сказалъ онъ.

— Какое? отозвалась тономъ утомленія и досады княгиня.

— Ахъ, все то же! вздохнулъ Жéдровскій.—Вы хотите сосчитать и измѣрить, предложить условія, провести черту. Старая и вѣчно возобновляющаяся исторія! Повидимому женщины находятъ какое-то необъяснимое удовольствіе въ томъ чтобы чувствовать себя насторожѣ, напоминать, взывать къ благоразумію въ тѣ минуты когда благоразумнѣе всего было бы ничего не помнить и ни о чемъ не думать. Для меня, позвольте вамъ напомнить, этого огромнаго удовольствія не существуетъ. Любовь—счастье, единственное настоящее счастье въ нашемъ печальномъ существованіи. И пока я люблю, я кромѣ счастья ни о чемъ не думаю.

— Потому что вы любите эгоистически, сказала Анна Всеволодовна.

— Можетъ-быть. Искать счастья безъ эгоизма—нелѣпость, продолжалъ Жéдровскій. — Я на мѣстѣ женщины за такую страсть гроша бы не далъ. Я хочу сказать—на мѣстѣ такой женщины которая знаетъ что̀ такое страсть. Въ сущности только такихъ женщинъ и любятъ, потому что страсть и сильнѣе, и умнѣе насъ, и научаетъ любить тѣхъ кто самъ умѣетъ любить.

— То-есть любятъ тѣхъ кто уступаетъ? а по-моему вотъ именно такая любовь ничего не сто̀итъ, сказала Анна Всеволодовна.

Жедровскій пожалъ плечами.

— Вѣдь я предупредилъ что этого недоразумѣнія ни одна женщина не можетъ понять, продолжалъ онъ.—Вамъ нравится слово „уступать". Да, конечно, уступать. Когда пламя охватываетъ какой-нибудь предметъ, оно должно зажечь его, иначе оно само потухнетъ. Это только бенгальскіе огни горятъ для того чтобы любовались ими.

Анна Всеволодовна молчала, откинувшись въ глубину дивана. Она оставалась почти неосвѣщенною въ темной полосѣ образовавшейся отъ экрана.

— Вы хотите философскимъ образомъ объяснить мнѣ что ваше чувство начинаетъ гаснуть? сказала она съ короткимъ, натянутымъ смѣхомъ, отъ котораго жутко вздрогнули ея собственные нервы.—Что жь, вы правы: вѣдь вы объявили съ самаго начала что все въ жизни вы мѣрите часами и минутами и что вы безсильны противъ скуки.

Жедровскій повторилъ движеніе плечами.

— Мнѣ не скучно съ вами, княгиня, сказалъ онъ замѣтно похолодѣвшимъ тономъ,—и я борюсь не со скукой, а съ вами, и въ этой борьбѣ дѣйствительно безсиленъ. Вы уходите въ такую раковину изъ которой васъ нельзя достать. Я и не пробую, я подчиняюсь. Я имѣлъ несчастіе полюбить васъ— пусть это будетъ лишняя кара за все чѣмъ я грѣшенъ предъ другими женщинами которыя сами любили меня.

— Какой вы актеръ, Жедровскій! вы теперь заговорили тономъ кающагося грѣшника... сказала съ тою же натянутою ироніей Анна Всеволодовна.

— Для актера надо немножко лицемѣрія, а у меня къ сожалѣнію нѣтъ его, возразилъ Жедровскій.—Простите если я скажу что вы плохо различаете тонъ. То что я говорилъ сейчасъ, было голосомъ благоразумной покорности. Мы понимаемъ счастье каждый по-своему. Понять его по-вашему я не могу, и потому просто отказываюсь отъ него. Мое чувство не гаснетъ, а только входитъ въ тѣ рамки которыя вы назначили для него. Будемъ любить другъ друга на разстояніи двадцати шаговъ, какъ противники на дуэли... Будемъ встрѣчаться иногда въ обществѣ, въ театрѣ, по вторникамъ у васъ... Вы играете въ карты?—я буду вашимъ партнеромъ. Но пожалуста будьте же справедливы, не требуйте чтобъ я выражалъ то въ чемъ выражается другое чувство, такъ строго отвергнутое вами... Я хотѣлъ счастья, вы хотите обожанія; обожать васъ такъ легко, княгиня!

Онъ всталъ. Анна Всеволодовна оставалась неподвижною въ своемъ темномъ углу. Странная игра выраженій пробѣгала по ея лицу, трогая брови и уголки губъ.

— Вы хотѣли счастья... а если я не вѣрю въ это счастье! сказала она.

— Я не умѣю заставить васъ повѣрить, печально отвѣтилъ Жéдровскій.

Анна Всеволодовна отвернулась и прижала руку къ глазамъ. Оба они молчали, и одно и то же страдающее, томящее и неудержимо влекущее чувство леденило и жгло ихъ обоихъ.

— Я лгу. Я знаю, я вѣрю! сорвалось наконецъ съ блѣдныхъ и изогнутыхъ мучительною улыбкой губъ княгини.

Она поднялась и почти шатаясь сдѣлала нѣсколько шаговъ по ковру. Жéдровскій схватилъ ея руку и жадно прильнулъ къ ней. Она чрезъ плечо взглянула на него странными, какъ будто хмѣльными глазами, поправила слегка опустившіяся изъ-подъ гребня косы и лѣнивою, словно виноватою походкой прошла въ гостиную.

(До слѣд. №.)

В. АВСѢЕНКО.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ*

БЕСѢДЫ О РЕВОЛЮЦІИ

НАБРОСКИ И ОЧЕРКИ ВЪ РАЗГОВОРАХЪ ДВУХЪ ПРІЯТЕЛЕЙ

РАЗГОВОРЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

Авторъ. Движеніе въ пользу средняго сословія противъ привилегированныхъ классовъ получило силу и овладѣло мнѣніемъ главнымъ образомъ и почти исключительно благодаря правительственнымъ мѣропріятіямъ. Предреволюціонное правительство во Франціи было безсильно и ничтожно какъ движущая мощь, но какъ механизмъ представляло собой сложную, крѣпкую, вѣками выработавшуюся машину, проникавшую своими рычагами и колесами всѣ углы страны, способную когда есть двигатель произвести огромное дѣйствіе. Еще при Бріенѣ, въ угоду бродившимъ идеямъ, представлявшимся согласными съ либеральными ученіями, были приняты двѣ мѣры, по выраженію гжи Сталь (*Considér.*, *Oeuvres*, XII, 177), „удивительно подготовившія общественное мнѣніе“. Объ одной изъ этихъ мѣръ мы говорили: приглашеніе писателей высказать ихъ мнѣніе о способѣ созванія сословныхъ представителей,

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1881 г. №№ 3, 6 и 10.

приглашеніе породившее цѣлый литературный походъ противъ привилегированныхъ классовъ. Другою мѣрой было учрежденіе по всей Франціи земскихъ собраній (assemblées provinciales), въ томъ видѣ какъ они были устроены правительствомъ. Было принято что число представителей средняго сословія на этихъ собраніяхъ должно быть двойное, равное совокупному числу представителей духовенства и дворянства, и что голоса должны подаваться не по сословіямъ, а поголовно. Это какъ бы предрѣшало будущее устройство національнаго собранія. Бріенъ при закрытіи собранія нотаблей въ маѣ 1787 года, возвѣщая рѣшеніе короля относительно земскихъ собраній, говорилъ въ своей рѣчи: „Справедливо чтобъ эта часть подданныхъ его величества (среднее сословіе) столь многочисленная, столь заслуживающая вниманія (si intéressante), столь достойная его покровительства, получала по крайней мѣрѣ въ числѣ голосовъ вознагражденіе способное нѣсколько уравновѣсить вліяніе необходимо доставляемое богатствомъ, саномъ, рожденіемъ. Согласно тому же воззрѣнію король повелѣваетъ чтобы голоса собирались не по сословіямъ, а поголовно. Большинство по сословіямъ не всегда представляетъ то дѣйствительное большинство которое одно выражаетъ истинное желаніе собранія“ (Эггерсъ, II, 261). Достойно замѣчанія что рѣшеніе это не было вызвано какимъ-либо давленіемъ. Оно шло далѣе высказанныхъ желаній самого средняго сословія. На это намекаетъ Бріенъ, упоминая что когда два первыя сословія „требовали формъ и привилегій, *присоединеніе къ ихъ настояніямъ городскихъ представителей* показало ясно что требованія эти были продиктованы любовью къ общему благу.“ Итакъ идеи получившія потомъ такое роковое значеніе проводились самимъ правительствомъ.

На среднее сословіе само по себѣ мало надеждъ, для революціонныхъ цѣлей, возлагали сами революціонные ходатаи по его дѣламъ. Мирабо въ одномъ изъ писемъ къ Черутти высказываетъ опасенія что среднее сословіе само по себѣ, въ его истиномъ составѣ, не пойдетъ, изъ-за ближайшаго своего интереса, противъ привилегированныхъ классовъ. „Среднее сословіе, пишетъ Мирабо, состоитъ изъ такой массы людей безъ силы (tant de gens sans vigueur), деревенскихъ жителей привыкшихъ къ феодальнымъ порядкамъ, горожанъ думающихъ только о деньгахъ, всякаго буржуазнаго люда помышляющаго только какъ бы извлечь выгоду

изъ покровительства тѣхъ или другихъ благородныхъ милостивцевъ (protections et patronage de Messieurs tels et tels), что страшно подумать что̀ выйдетъ если съ созваніемъ собранія они будутъ помѣщены въ одну палату съ нашими господами (nos seigneurs) всякаго рода. Приходится быть-можетъ прежде чѣмъ добиваться преній при которыхъ бы считались всѣ голоса, пожелать чтобы слабое среднее сословіе было отдѣлено въ особую палату, разгорячилось, раздражилось и въ гнѣвѣ нашло опору противъ veto высшихъ палатъ.“ (*Mém.* de Mirabeau, V, 212). И это было писано уже въ январѣ 1789. Этотъ процессъ разгоряченія, хотя и безъ отдѣльной палаты, произошелъ, по свидѣтельству аббата Мореле, въ тѣ полтора мѣсяца когда, по съѣздѣ депутатовъ въ апрѣлѣ 1789 года, общее собраніе еще не открылось, вслѣдствіе отказа дворянства и духовенства сообща повѣрять полномочія. „Въ этотъ промежутокъ, пишетъ Мореле (*Mém.* I, 348), поднялся предъ глазами депутатовъ идолъ популярности, безжалостный идолъ которому скоро, какъ Молоху, понадобились человѣческія жертвы. Въ эти шесть недѣль среднее сословіе мало-по-малу стало смотрѣть на себя какъ на составляющее всю націю. Съ помощію софизмовъ Сіеса депутаты освоились со странною ошибкой будто вся нація представлена собраніемъ гдѣ нѣтъ ни дворянъ, ни духовенства, владѣтелей большей части народной собственности и народнаго богатства.“

25 августа 1788 года архіепископъ Бріенъ подалъ въ отставку и его замѣстилъ протестантъ Неккеръ. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, 25 сентября, послѣдовало королевское объявленіе назначавшее созывъ сословныхъ представителей на январь 1789 года.

Пріятель. Откуда эта странная поспѣшность? Вѣдь почти только-что, а именно постановленіемъ совѣта 8 августа, состоялось объявленіе о созывѣ представителей на май мѣсяцъ. Къ чему потребовалось ускореніе на четыре мѣсяца, оказавшееся къ тому же несостоятельнымъ, такъ какъ пришлось вернуться къ первому распоряженію?

Авторъ. Дѣйствительно эта торопливость удивила многихъ. Эггерсъ замѣчаетъ (IV, 391): „трудно понять почему Неккеръ сдѣлалъ это обѣщаніе“. Поспѣшность объясняется, повидимому, лихорадкой популярничанья, проникавшею все существо Неккера. Требовалось во всемъ поступать иначе чѣмъ непопулярный предшественникъ, хотя во

всемъ существенномъ приходилось идти по тому же пути, и между политическими воззрѣніями архіепископа-философа и философа-финансиста (философами называли тогда всѣхъ строителей политическихъ теорій на началахъ разума) вовсе не было пропасти. Но надлежало хоть по наружности все сдѣлать по новому. Принято было много финансовыхъ мѣръ, финансовъ не улучшившихъ, но внесшихъ успокоеніе, возродившихъ кредитъ. Надо отдать справедливость Неккеру. Онъ внесъ въ казенныя операціи значительную часть собственнаго капитала, получивъ чрезъ то право высказать эффектную сентенцію: „когда человѣкъ рискуетъ своимъ спокойствіемъ и здоровьемъ, онъ можетъ, конечно, рискнуть и своими деньгами“ (Эггерсъ, IV, 351). Раздражительный Бріенъ нерѣдко прибѣгалъ къ политическимъ арестамъ. Неккеръ поспѣшилъ освободить немедленно всѣхъ задержанныхъ по политическимъ дѣламъ. Бріенъ воевалъ съ парламентами. Неккеръ поспѣшилъ возстановить ихъ во всемъ прежнемъ значеніи, въ надеждѣ найти ихъ благодарными и въ силу того благосклонными къ новымъ мѣропріятіямъ. Возстановленіе было сдѣлано тою же декларацiей 23 сентября, которою былъ ускоренъ срокъ созыва представителей. Парламенты благодарными не оказались. Самое занесеніе деклараціи въ сводъ узаконеній сопровождалось протестомъ противъ слова *возстановленіе*. * Парижскій парламентъ протестовалъ, заявляя что законно онъ не прекращалъ своего дѣйствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ парламентъ заявилъ требованіе чтобъ собраніе сословныхъ представителей было созвано и устроено „согласно формамъ соблюдавшимся въ 1614 году“. Это заявленіе быстро лишило парламентъ пріобрѣтенной популярности. Появились памфлеты направленные противъ парламентовъ, осмѣивавшіе и порицавшіе формы 1614 года, появились, повидимому, съ поощренія правительства, какъ можно заключить изъ того факта что многіе интенданты въ своихъ округахъ разсылали подобныя брошюры священникамъ по приходамъ. (Raudot, *La France av. la rév.*, 317.)

Неудача съ парламентомъ, при желаніи найти опору въ какомъ-либо внушительномъ собраніи и уменьшить личную

---

* Въ деклараціи было сказано: „Nous nous determinons de *rétablir* tous les tribunaux dans leur ancien état jusqu'au momeut où eclairé par la nation assemblée nous pourrons adopter un plan fixe et immuable“ (*Arch. parl.* I, 388).

отвѣтственность, побудила Неккера обратиться къ собранію нотаблей разошедшихся годъ тому назадъ въ сіяніи популярности. Въ началѣ ноября были собраны тѣ самыя лица которыя въ прошломъ году составили собраніе низложившее Калона. Неккеръ былъ увѣренъ что нотабли, дорожа пріобрѣтенною популярностью, не рѣшатся пойти противъ требованій заявленныхъ „мнѣніемъ". Разчетъ и тутъ оказался невѣрнымъ.

Въ своемъ сочиненіи о революціи Неккеръ очень кратко, почти вскользь говоритъ объ этомъ второмъ собраніи нотаблей. Его дочь, гжа Сталь, даетъ (*Oeuvr.* XII, 177) болѣе полное показаніе, нѣсколько освѣщающее дѣло.

„Неккеръ, говоритъ она, не взялъ на себя принять рѣшеніе которое считалъ разумнѣйшимъ и слишкомъ, надо признаться, довѣряя владычеству разума, посовѣтовалъ королю созвать нотаблей которые были уже собираемы Калономъ. Неккера упрекали что онъ совѣщался съ нотаблями затѣмъ чтобы не послѣдовать ихъ мнѣнію. Его ошибка дѣйствительно была въ томъ что онъ обратился къ нимъ за совѣтомъ. Но могъ ли онъ вообразить что эти представители привилегированнаго класса, еще вчера показавшіе себя столь горячими противниками злоупотребленій королевской власти, на другой же день станутъ ожесточенно защищать всѣ несправедливости собственной власти, вопреки общему мнѣнію."

Собраніе нотаблей открылось 6 ноября 1788 года. Въ рѣчи произнесенной Неккеромъ при открытіи вопросъ о среднемъ сословіи занимаетъ главное мѣсто. И замѣчательно что въ сферѣ этого сословія на первомъ планѣ Неккеръ ставитъ финансовый людъ. „Значительное увеличеніе количества обращающихся денегъ (l'accroissement considérable du numéraire), говоритъ Неккеръ (*Arch. parl.*, I, 393), ввело какъ бы новый видъ богатства, а громадность государственнаго долга выдвинула цѣлый многочисленный классъ гражданъ связанныхъ съ благосостояніемъ государства узами которыхъ не знали прежнія времена монархіи. Торговля, мануфактуры, искусства всякаго рода, достигшія степени о какой прежде не могли имѣть и понятія, нынѣ оживляютъ королевство всѣми способами зависящими отъ просвѣщенной дѣятельности, и мы окружены многоцѣнными гражданами (précieux citoyens) труды коихъ обогащаютъ государство и коимъ государство, въ справедливый возвратъ, обязано уваженіемъ и довѣріемъ."

Пріятель. Какое значеніе имѣлъ въ то время, особенно въ глазахъ Неккера, финансовый классъ, можно судить по факту сообщаемому Мирабо. Въ письмѣ къ Черутти въ январѣ 1789 (напечатанномъ впервые въ *Мемуарахъ* Мирабо, (V, 216), обращаясь къ прежнимъ своимъ письмамъ, онъ говоритъ: „Я вовсе не предсказывалъ что удвоеніе средняго класса будетъ отвергнуто, я высказывалъ только опасеніе чтобы такой отказъ не состоялся. Опасеніе это было не безъ основанія, ибо Неккеръ долго колебался, разныя внутреннія рѣшенія предписывали обратную пропорцію и только *представительство финансовыхъ дѣльцовъ*, ссудителей деньгами, доставило благопріятное рѣшеніе. Да, только *протекціи банкировъ* обязана нація рѣшеніемъ министра (27 декабря 1788) которому она хотѣла воздвигнуть алтари."

Авторъ. Справедливъ или нѣтъ этотъ разказъ, вѣрно то что печать и финансовый міръ были сильнѣйшими стимулами для Неккера.

На обсужденіе нотаблей было предложено правительствомъ нѣсколько вопросовъ, а именно: о составѣ будущаго собранія, о формахъ созыва, порядкѣ выборовъ, устройствѣ совѣщаній для составленія наказовъ выборнымъ. Важнѣйшій вопросъ былъ объ удвоеніи представителей средняго сословія. Изъ семи отдѣленій, на какія раздѣлялось собраніе, лишь первое находившееся подъ предсѣдательствомъ старшаго брата короля (графа Прованскаго, будущаго Лудовика XVIII) служившаго всегда отголоскомъ воли брата, высказалось въ пользу удвоенія, какъ того желалъ Неккеръ и согласно мнѣнію къ какому склонялся король. Всѣ другіе—за сохраненіе по этому пункту порядка 1614 года. Вообще за удвоеніе было 33 голоса противъ 112. Другія рѣшенія были въ духѣ „либеральныхъ требованій" эпохи. „Всѣ отдѣленія, говоритъ Булье (самъ бывшій въ числѣ нотаблей), приняли демократическую форму народнаго представительства, давъ возможность классу, безъ положенія и собственности (à tous les hommes sans état et sans propriété), въ каждомъ изъ трехъ сословій, быть и избирателемъ, и выборнымъ." Это не избавило нотаблей отъ нареканій и собраніе, вчера популярное, быстро утратило обаяніе. Популярность Неккера еще возрасла. Пока засѣдали нотабли и непосредственно послѣ ихъ собранія, происходила усиленная работа общественнаго мнѣнія. Изъ провинцій отъ разныхъ корпорацій, муниципалитетовъ, коммиссій притекала къ

правительству масса адресовъ, поощрительно принимаемыхъ, курившихъ ѳиміамъ Неккеру и самое появленіе которыхъ очевидно было вызвано увѣренностью что правительство стоитъ на сторонѣ мнѣнія объ удвоеніи, сдѣлавшагося пунктомъ соединенія всей партіи движенія. Враждебный Неккеру и справедливо считавшій „его способности несоразмѣрными съ обстоятельствами", Мирабо пріостановился въ своихъ нападкахъ и въ разговорѣ съ Дюмономъ (*Souvenirs de Dumont*, цитата въ *Mém. de Mirabeau*, V, 205), говорилъ: „Неккеръ необходимъ для образованія собранія сословныхъ представителей, тутъ требуется его популярность", а въ письмѣ къ Монморену отъ 4 декабря 1788, писалъ: „Я могу обѣщать щадить извѣстную персону (je puis promettre d'épargner l'individu)".

Въ виду возраставшихъ требованій и усиливающагося движенія принцы крови (д'Артуа, Конде, Бурбонъ, Энгіенскій и Конти; не участвовали Monsieur и герцогъ Орлеанскій) представили королю знаменитое письмо, о которомъ мы говорили въ двѣнадцатой бесѣдѣ нашей и которое указывало на опасности какими грозятъ государству овладѣвающія умами крайнія политическія ученія и возрастающія требованія отъ имени средняго сословія.

Пріятель. Ты упомянулъ объ усиленной работѣ общественнаго мнѣнія въ эпоху созванія нотаблей и намекаешь что движеніе это потому и было сильно что имѣло поддержку въ правительствѣ, имъ косвенно было вызвано. Но дочь Неккера представляетъ дѣло нѣсколько иначе.

Послѣ того какъ высказались нотабли, говоритъ она (*Oeuvr.*, XII, 178). „Неккеръ *пріостановилъ* всякое рѣшеніе относительно удвоенія депутатовъ средняго сословія, когда увидѣлъ что большинство нотаблей держатся мнѣнія противнаго его собственному. Прошло *болѣе двухъ мѣсяцевъ* между окончаніемъ ихъ засѣданій и результатомъ королевскаго совѣта 27 декабря 1788. Въ продолженіе этого времени Неккеръ постоянно изучалъ общественное настроеніе, какъ компасъ съ которымъ въ этомъ случаѣ должны были сообразоваться рѣшенія короля. Письма и извѣстія приходившія изъ провинціи были единогласны относительно необходимости дать среднему классу то чего онъ требовалъ, ибо партія чистыхъ аристократовъ была, какъ всегда, очень малочисленна; многіе изъ дворянъ и изъ духовныхъ, особенно изъ класса приходскихъ священниковъ,

присоединялись къ національному мнѣнію. Въ Дофинэ, въ Романсѣ, происходило, въ силу древняго установленія, собраніе сословныхъ представителей, вышедшее было изъ употребленія, и на немъ было допущено не только удвоеніе представителей средняго класса, но и поголовная подача голосовъ. Значительное число офицеровъ въ арміи благопріятствовало желанію средняго сословія. Всѣ кто имѣли въ высшемъ кругѣ вліяніе на мнѣніе горячо высказывались въ пользу національнаго дѣла: такова была *мода*. Это былъ результатъ всего восемнадцатаго вѣка и старые предразсудки боровшіеся изъ-за древнихъ учрежденій имѣли тогда много менѣе силы чѣмъ въ какую-либо эпоху послѣдовавшаго двадцатипятилѣтія."

Авторъ. Въ этомъ показаніи г-жи Сталь есть очень важная неточность. Она говоритъ о *двухъ мѣсяцахъ* между окончаніемъ засѣданій нотаблей и рѣшеніемъ совѣта. Это совершенно невѣрно. Послѣднее засѣданіе нотаблей было 12 декабря, а рѣшеніе состоялось 27 декабря. Наблюденіе за компасомъ мнѣнія должно назвать скорѣе возбужденіемъ этого мнѣнія. Кому могло быть неизвѣстнымъ что высшій правительственный авторитетъ — вліятельнѣйшій министръ и самъ монархъ на сторонѣ требованій приписываемыхъ среднему классу. Говоръ въ бесѣдахъ и печати становился общественнымъ требованіемъ благодаря правительственной поддержкѣ. Такъ бываетъ. Поднимающаяся волна охватываетъ повидимому правительство, послѣ замѣчается что она поднята силой того же правительства. Не дочь только его, но и самъ Неккоръ, какъ увидимъ, приписываетъ тогдашнія правительственныя дѣйствія неотразимому давленію общественнаго мнѣнія. Отношенія Неккера къ общественному мнѣнію заслуживаютъ разсмотрѣнія, и мы ими еще займемся.

Правительственное рѣшеніе вопроса о составѣ будущаго собранія, состоявшееся 27 декабря 1788, чрезъ двѣ недѣли послѣ послѣдняго засѣданія нотаблей есть важнѣйшій актъ въ политической дѣятельности Неккера. Онъ не говоритъ въ пользу его государственныхъ способностей. Потомъ обнаружились всѣ роковыя послѣдствія принятыхъ мѣръ. Но въ началѣ онѣ были привѣтствованы съ великимъ энтузіазмомъ. „Никогда, пишетъ г-жа Сталь (*Oeuvr.*, XII, 184), рѣшеніе исходящее отъ трона не возбуждало такого энтузіама какой произвело постановленіе 27 декабря. Поздравительные адресы приходили со всѣхъ сторонъ... Авторитетъ

короля надъ умами сдѣлался могущественнѣе чѣмъ когда-либо. Удивлялись силѣ разума и благородству чувствъ побуждавшихъ его идти на встрѣчу преобразованій требуемыхъ націей.“ Скоро обнаружилась вся тщета временнаго успѣха сентиментальной политики основанной на томъ чтобы получить поддержку общественнаго мнѣнія, уступая его требованіямъ и забѣгая впередъ его желаній. Сентиментальность Неккера оказалась не менѣе пагубною чѣмъ нахальная отвага Калона и фальшь Бріена. Постановленіе осыпавшее повидимому страну либеральными благами оказалось дѣломъ великой государственной непредусмотрительности. Познакомимся ближе съ этимъ капитальнымъ документомъ. Онъ состоитъ изъ краткаго „заключенія государственнаго совѣта засѣдавшаго въ Версалѣ 27 декабря 1788 года“, въ которомъ установлено общее число депутатовъ, „не менѣе тысячи“, и принято удвоенное число представителей средняго сословія, и обширнаго „донесенія представленнаго королю въ его совѣтѣ министромъ его финансовъ, 27 декабря 1788 года“. Въ донесеніи заключается изложеніе мотивовъ принятой мѣры и высказаны либеральнѣйшія обѣщанія относительно будущаго. Приведемъ нѣкоторыя изъ соображеній Неккера (*Arch. Parl.* I, 489). Указавъ что правительству предстояло рѣшить три главные вопроса: какое должно быть общее число депутатовъ, должно ли число депутатовъ средняго сословія быть равнымъ совокупному числу депутатовъ двухъ другихъ и должно ли каждое сословіе выбирать своихъ представителей исключительно изъ своей среды,—и разрѣшивъ кратко первый, не дававшій повода къ особымъ спорамъ, Неккеръ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на второмъ. „Этотъ вопросъ, говоритъ онъ, важнѣйшій изо всѣхъ, раздѣляетъ нынѣ націю. Интересъ съ нимъ соединяемый быть-можетъ преувеличенъ съ той и съ другой стороны. Такъ какъ древняя конституція или лучше сказать древніе обычаи уполномочиваютъ три сословія обсуждать вопросы и подавать голоса въ собраніи отдѣльно, то число депутатовъ не должно бы, казалось, возбуждать ту степень горячности какую оно возбуждаетъ. Было бы безъ сомнѣнія желательно чтобы сословія по собственному изволенію соединились въ разсмотрѣніи всѣхъ предметовъ относительно которыхъ ихъ интересы вполнѣ одинаковы. Но такое рѣшеніе зависитъ отъ желанія въ отдѣльности

каждаго сословія и его надлежитъ ждать отъ общей любви къ государственному благу".

Пріятель. Странное благодушіе! Да вѣдь весь интересъ удвоенія очевидно основывался на невысказываемой увѣренности въ поголовной подачѣ голосовъ. Иначе удвоеніе не имѣло бы, разумѣется, никакого значенія. Предоставляя рѣшеніе капитальнаго вопроса самому собранію, правительство прямо вызывало смуту при первомъ же соединеніи депутатовъ, какъ и случилось. Умаливъ на словахъ значеніе уступки, правительство утѣшается—какъ будто умалило его на дѣлѣ. Удвоеніе очевидно имѣло смыслъ только какъ предрѣшеніе вопроса о преобладаніи средняго сословія въ палатѣ и объ обращеніи собранія чиновъ въ одну палату съ уничтоженіемъ сословныхъ рамокъ. Неккеръ утѣшаетъ себя что эти вопросы разрѣшатся сами собой наилучшимъ образомъ и правительству безпокоиться не о чемъ.

Авторъ. Ты видишь я правъ говоря о непредусмотрительности Неккера. Онъ упоялся ѳиміамомъ минуты, а въ будущемъ разчитывалъ на торжество добродѣтели. Приведя аргументы выставленные за и противъ удвоенія, Неккеръ заключаетъ такъ: „обязанный подать свой голосъ вмѣстѣ съ другими министрами, я по совѣсти и чести какъ вѣрный слуга государя рѣшительно полагаю что его величество можетъ и долженъ призвать въ собраніе представителей число депутатовъ средняго сословія равное совокупному числу двухъ другихъ, не для того чтобы форсировать, какъ повидимому опасаются, поголовную подачу голосовъ, но чтобъ удовлетворить общему и разумному желанію общинъ королевства, какъ скоро это можно сдѣлать не вредя интересамъ двухъ другихъ сословій." Въ пользу удвоенія высказываются „поверхъ всего, безчисленные адресы городовъ и общинъ королевства и общественное желаніе этой обширной части вашихъ подданныхъ, какая зовется среднимъ сословіемъ. Могу прибавить, и глухой гулъ цѣлой Европы, всегда благопріятствующей идеямъ общей справедливости (je pourrais ajouter encore ce bruit sourd de l'Europe entière qui favorise confusement toutes les idées d'equité générale)... Дѣло средняго сословія всегда будетъ имѣть за себя общественное мнѣніе, ибо дѣло это связано съ великодушными чувствованіями каковыя единственно можно вслухъ высказывать. Потому оно постоянно будетъ поддержано въ разговорахъ и въ писаніяхъ людьми

исполненными одушевленія и способными увлечь читателей и слушателей... Ваше величество прочитали всѣ замѣчательныя писанія опубликованныя относительно вопроса повергаемаго нынѣ на ваше усмотрѣніе и припомните соображенія какія не упомянуты въ настоящемъ докладѣ.“ Неккеръ не хочетъ и допустить опасенія „что если первая претензія (средняго сословія) будетъ удовлетворена, то послѣдуютъ новыя требованія и нечувствительно приблизятъ страну къ демократіи“, но относительно двухъ первыхъ классовъ считаетъ не излишнимъ предостереженіе. „Два первыя сословія лучше чѣмъ третье знаютъ дворъ и его бури и еслибы пожелали могутъ съ большею увѣренностію войти въ соглашеніе относительно образа дѣйствій могущаго затруднить министерство, утомить его постоянство и сдѣлать его безсильнымъ.“

Итакъ политика сопротивленія, какой держались по отношенію къ правительству въ послѣдніе годы привилегированные классы, принесла плоды. Заключенъ при посредствѣ увлеченнаго популярничаніемъ министра союзъ короля, повидимости со среднимъ классомъ или народомъ, на дѣлѣ съ тѣми кто уполномочивали себя говорить отъ его имени. „Монархъ, замѣчаетъ аристократъ Булье, сталъ во главѣ заговора противъ монархіи, въ надеждѣ сдѣлать своихъ подданныхъ болѣе счастливыми, ибо ни одинъ государь не любилъ болѣе его свой народъ, какъ ни одинъ не испыталъ въ такой мѣрѣ его неблагодарность. Французы! какихъ жертвъ не принесъ онъ если, какъ оказалось, и не для счастья вашего, то по крайней мѣрѣ чтобы вамъ угодить и удовлетворить ваши желанія.“

Послѣдняя часть донесенія Неккера наполнена сентиментальными обращеніями и либеральными чаяніями будущихъ благъ. Чаянія эти, высказанныя въ документѣ исходившемъ отъ королевскаго совѣта, одобренномъ верховною властью, были равнозначительны съ обѣщаніями безъ нужды заручавшими монарха съ цѣлью возбужденія общественнаго восторга, на продолжительность котораго Неккеръ имѣлъ розовыя надежды. „Государь, восклицаетъ Неккеръ, еще немного времени, и все хорошо кончится (!). Не всегда будете вы говорить то что слышали отъ васъ въ разговорѣ объ общественныхъ дѣлахъ: „„вотъ уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ я имѣлъ „только нѣсколько минутъ счастія““. Вы найдете это счастіе, государь, вы будете имъ наслаждаться!“

Но еслибы, наконецъ, сверхъ ожиданія, всѣ эти распоряженія,

уступки, обѣщанія не удовлетворили общество; недовольство и сопротивленіе продолжались, то что тогда дѣлать? Неккеръ, не безъ наивности, указываетъ: „Еслибы воля вашего величества не была достаточна дабы побѣдить эти препятствія,—я отвращаю взоры отъ этихъ идей, не могу на нихъ остановиться, не могу имъ вѣрить,—тогда однакоже какой совѣтъ могъ бы я дать вашему величеству? Одинъ, и это былъ бы послѣдній—тотчасъ удалить министра на котораго падала бы наибольшая доля въ вашемъ рѣшеніи (de sacrifier à l'instant le ministre qui aurait eu le plus de part à votre delibération)". Утѣшеніе едва ли достаточное!

Въ письмѣ къ королю отъ бывшаго министра Калона, (*Lettre adressée au Roi*, 18) напечатанномъ въ Лондонѣ и помѣченномъ 9 февраля 1789 года, встрѣчается основательный, весьма любопытный разборъ донесенія Неккера. Письмо звучитъ полнымъ диссонансомъ съ трогательными завѣреніями Неккера, но имѣетъ достоинство слова оправданнаго событіями. Оно не открыло глазъ Лудовику XVI. Да уже было и поздно. Письмо это такъ поучительно что съ нимъ стóитъ познакомиться.

„Рѣшенія ваши, государь, отъ 27 декабря, пишетъ Калонъ, были конечно привѣтствованы рукоплесканіями и министры ихъ посовѣтовавшіе были, конечно, вознесены до облаковъ толпой. Какъ было ей не восторгаться, когда среднее сословіе какъ бы по праву получило то о чемъ до послѣдняго времени не помышляло ходатайствовать даже какъ о милости; когда съ другой стороны, не дожидаясь чего могутъ попросить сословные представители, уже теперь въ донесеніи опубликованномъ по повелѣнію вашего величества возвѣщается:

„что вы признаете себя обязаннымъ не налагать никакого налога безъ согласія собранія сословныхъ представителей и желаете продлить существующіе не иначе какъ подъ этимъ условіемъ;

„что желате обезпечить періодическое возвращеніе собраній, испросивъ совѣтъ представителей относительно промежутка между собраніями;

„что обсудите съ ними средства предотвратить безпорядки какіе министры ваши дурнымъ веденіемъ дѣлъ могутъ внести въ финансы..."

Перечисливъ эти и другія уступки, Калонъ продолжаетъ:

„Легко понять что столько собранныхъ уступокъ должны были породить великій взрывъ общественной благодарности kъ вашему величеству и энтузіазмъ по отношенію kъ тому kто озаботился не оставить безызвѣстнымъ что онъ ихъ посовѣтовалъ. Но признавая цѣну этихъ распоряженій дышащихъ справедливостью и благостью, позволю, государь, себѣ спросить: kакая цѣль, kакая польза предупреждать таkимъ образомъ моментъ kогда вамъ будетъ можно обнаружить ваши намѣренія прямо собранію представителей? Зачѣмъ понадобилось теперь же дѣлать о томъ преждевременное заявленіе? Всякій увидѣлъ министра жаднаго до общественнаго одобренія, ничего не щадящаго чтобы пріобрѣсти популярность, но всякій увидѣлъ также что еслибы министръ этотъ принималъ kъ сердцу ваши интересы, болѣе былъ занятъ тѣмъ чтобы дѣлать добро чѣмъ тѣмъ чтобы прельщать толпу и дѣлать изъ нея себѣ опору, онъ нашелъ бы болѣе мудрымъ и болѣе сообразнымъ съ хорошею политиkой, сохранить kъ kонцу собранія то что̀ естественно должно служить его увѣнчаніемъ, что̀ могло бы поддерживать рвеніе, а въ заключеніе увѣнчать желанія собранія представителей. Не значитъ ли нѣkоторымъ образомъ вызывать новыя требованія такъ либерально предупреждая тѣ kоторыя еще и не обозначились? Что̀ же придется затѣмъ дать еще, государь? Чѣмъ остается вамъ еще пожертвовать?

„Съ другой стороны, kакая была ему надобность давать среднему сословію двойное число голосовъ сравнительно съ двумя другими, kогда мотивъ kоторый прежде можно было приводить kакъ побуждающій kъ тому устранялся самъ сабою: ибо дворянство чрезъ посредство принцевъ и перовъ, духовенство чрезъ своего предсѣдателя объявили свою готовность пожертвовать привилегіями въ дѣлѣ налоговъ и нести всѣ общественныя тягости пропорціонально имуществу безо всякаго денежнаго изъятія? Не лучше ли было укрѣпить это расположеніе, заручиться имъ и выставить его kакъ мотивъ не дѣлать нововведенія, вмѣсто того чтобы предполагать потребность вооружить народъ преобладаніемъ kакого онъ не имѣлъ по старымъ установленіямъ и kоторое, ставъ ненужнымъ для обезпеченія равенства въ распредѣленіи податей, могло сдѣлаться вреднымъ въ другихъ отношеніяхъ? Торжественное заключеніе представленное собраніемъ перовъ

20 декабря 1788 вашему величеству, и постановленіе парламента отъ слѣдующаго 22 числа, въ которомъ онъ выражаетъ формальное желаніе уничтоженія всякихъ денежныхъ изъятій, не представляли ли благонамѣренному министру прекрасный случай скрѣпить единство трехъ сословій и дать понять среднему сословію что оно не имѣетъ болѣе основанія претендовать на увеличеніе вліянія въ совѣщаніяхъ, дабы получить то что дворянство и духовенство непринужденно отдаютъ ему? Не лучше ли было въ эту сторону направить свою ловкость вмѣсто того чтобы пользоваться ею къ возбужденію недовѣрія къ двумъ первымъ сословіямъ и замѣчать вашему величеству что сословія эти, лучше чѣмъ третье зная дворъ и его бури, могутъ, если пожелаютъ, съ бо́льшею увѣренностію войти въ соглашеніе относительно образа дѣйствія могущаго затруднить министерство, утомить его постоянство и сдѣлать его безсильнымъ.

„Нѣтъ надобности напоминать вашему величеству насколько доброе и честное служеніе двухъ первыхъ сословій государства говоритъ противъ такихъ инсинуацій. Но указавъ что не было мотива который побуждалъ бы усиливать значеніе средняго сословія, прибавлю что если уже несмотря на то находили все-таки основаніе измѣнить старый порядокъ, то можно было по крайней мѣрѣ лучше взяться за дѣло и достигнуть цѣли средствомъ менѣе отталкивающимъ (moins choquante). Такъ какъ хотѣли равновѣсія, но не должны были желать разрушенія преимуществъ столь же древнихъ какъ монархія, то кажется мнѣ можно было бы достигнуть цѣли, помѣщая на одну чашку вѣсовъ два первыя сословія слитыя воедино, на другую среднее сословіе, которому можно было тогда дать число равное корпораціи происшедшей отъ слiянія двухъ первыхъ, не отнимая у нихъ отличій которыя справедливо было за ними сохранить. Такое распредѣленіе было бы нововведеніемъ, но я и выхожу изъ того предположенія что таковое считается необходимостью и думаю что указываемое мною было бы менѣе непріятно, получило бы болѣе общее одобреніе и было бы полезнѣе для дальнѣйшихъ видовъ. Во всякомъ случаѣ этимъ ли, другимъ ли средствомъ направленнымъ равнымъ образомъ къ тому чтобы не нарушать преимуществъ первыхъ классовъ и оградить интересы третьяго, несомнѣнно можно было избѣгнуть того чтобы показать себя безпомощно уступающими требованіямъ народа. Какой

государственный человѣкъ не знаетъ какъ опасно слишкомъ поощрять притязательность уступками и какъ трудно потомъ остановить излишнюю требовательность?

„Народъ французскій, безъ сомнѣнія, государь, лучшій, преданнѣйшій королямъ, наиболѣе покорный ихъ волѣ, но въ то же время онъ крайне способенъ увлекаться. А кто не знаетъ что толпу ведутъ не наиболѣе благоразумные, а увлекаютъ наиболѣе бурливые. Почуявъ свою силу въ первомъ успѣхѣ, можно ли думать чтобъ она остановилась въ предѣлахъ мудрой умѣренности? Отвѣтитъ ли вамъ, государь, тотъ кто подвергъ васъ опасности противнаго, отвѣтитъ ли онъ что, допустивъ такой шагъ къ равенству, онъ въ состояніи будетъ остановить дальнѣйшіе; что возвѣстивъ намѣреніе стереть самое названіе налога напоминающаго среднему сословію его сравнительно низшее положеніе, онъ недопуститъ чтобы въ силу этого были стерты и всѣ другіе знаки этого положенія; что отъ вывода къ выводу, отъ опьянѣнія къ опьянѣнію не пойдутъ къ тому чтобъ уничтожить оброки, взглянуть на феодальныя обязанности какъ на варварское подчиненіе и наконецъ порвать всѣ связи собственности, какъ указываютъ принцы вашей крови въ своемъ благородномъ и серіозномъ представленіи, которое общественная распущенность уже успѣла осмѣять?

„О, какъ желалъ бы я чтобы геній хранитель Франціи сдѣлалъ эти опасенія мои столь же тщетными сколько они зловѣщи! Да окажутся подданные ваши настолько благоразумны чтобы сами оградить себя отъ золъ скрывающихся за обманчивыми приманками имъ разставляемыми! Да будетъ чувствительное и доброе сердце ваше навсегда ограждено отъ жестокихъ крайностей, какихъ нерѣдко требуютъ послѣдствія роковаго неблагоразумія!

„Всею душой желаю этого и, не стремясь проникнуть въ туманное будущее, спѣшу остановить вниманіе вашего величества на важнѣйшемъ изъ размышленій внушаемыхъ чтеніемъ донесенія 27 декабря. Этого размышленія нельзя не сдѣлать въ виду тѣхъ мѣстъ донесенія какія касаются законодательства королевства. Они представляются въ нѣкоторой свѣто-тѣни, сквозь которую сквозитъ намѣреніе дать понять болѣе чѣмъ сказано и при нуждѣ отказаться отъ того что̀ въ даваемомъ понять могло бы шокировать ваше величество и показаться возмутительнымъ въ устахъ государственнаго министра. Было

бы позоромъ для члена вашего совѣта дать поводъ къ мысли будто ваше величество желаете и должны отказаться отъ законодательной власти, этой первой принадлежности короны. Чѣмъ же можетъ оправдать себя тотъ кто осмѣлился выразиться такъ что всѣ поняли высказанное именно въ этомъ смыслѣ? Да и какъ иначе должно было понять этотъ рядъ фразъ изъ коихъ я привелъ нѣкоторыя и которыя, помѣщая все относящееся до законодательства королевства „въ нѣдра собранія сословныхъ представителей", возвѣщаютъ что отнынѣ ваше величество, „„предпочитая совѣщанія собранія „мнѣніямъ министровъ и не будучи болѣе тревожимы разнообразіемъ системъ, не будете и подвергаться тому чтобы „своимъ авторитетомъ прикрывать множество распоряженій, „слѣдствія коихъ нельзя предвидѣть, не будете вынуждены ихъ „поддерживать хотя бы сомнѣвались въ ихъ достоинствѣ; и „будете слѣдовательно освобождены навсегда отъ недоумѣній, „сожалѣній и пр."" А во главѣ параграфа гдѣ все это находится, говорится, при ссылкѣ на „особое счастіе вашего вели„чества", что „„удовлетвореніе связанное съ неограниченною „властью есть чисто воображаемое, и если государь имѣетъ въ „виду только благо государства и наибольшее счастіе поддан„ныхъ, то пожертвованіе нѣкоторыми прерогативами, для до„стиженія такой двойной цѣли, есть безъ сомнѣнія наипре„краснѣйшее употребленіе власти"".

„Когда такимъ языкомъ заставляютъ говорить ваше величество, послѣ того что печаталось въ послѣдніе пять мѣсяцевъ о необходимости отдѣленія законодательной власти отъ исполнительной; и когда это происходитъ послѣ того какъ парламентъ,—желая безъ сомнѣнія узнать ваши чувствованія относительно мнѣнія которому правительство дало укрѣпиться допустивъ эту массу писаній,—въ постановленіи своемъ выразилъ желаніе быть уполномоченнымъ вами содѣйствовать исполненію законовъ не иначе какъ если они вызваны или получили одобреніе со стороны собранія сословныхъ представителей,—не ясно ли что всѣ должны были подумать будто новое ученіе принято и поддерживается.

„Иностранная нація, среди которой я нахожусь въ эту минуту, была поражена въ этомъ смыслѣ и не приходила въ себя отъ удивленія, видя что казавшееся столь существеннымъ различіе полной и цѣльной монархіи, какова монархія французскихъ королей, отъ монархіи частной и ограниченной,

какова англійская, нынѣ повидимому уничтожается не только дѣйствіемъ системъ недавно между нами распространенныхъ, но и собственнымъ согласіемъ государя, или, лучше сказать, рукою вашихъ министровъ и въ особенности того который повидимому имѣетъ наибольшее вліяніе.

„Я ношу еще титулъ вашего министра и сохраняю нѣчто большее чѣмъ другіе—вѣрность. Я далекъ отъ желанія когда-нибудь имѣть власть—она мнѣ слишкомъ дорого обошлась. Но въ сердцѣ моемъ написанъ священный долгъ, не позволяющій мнѣ молчать въ минуту отъ которой можетъ-быть зависитъ участь всего вашего царствованія и судьба всего государства“.

РАЗГОВОРЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

Авторъ. Когда потомъ обнаружились роковыя послѣдствія рѣшеній 27 декабря, на Неккера со стороны пострадавшихъ отъ революціоннаго погрома пало обвиненіе что онъ былъ истиннымъ разрушителемъ французской монархіи. Неккеръ въ своемъ сочиненіи о революціи не отказывается отъ отвѣтственности за мѣру которую, говоритъ, онъ считалъ справедливою и полезною и которая, по его убѣжденію, могла бы принести плодотворные плоды еслибы не послѣдовало ошибокъ отъ него независѣвшихъ. Но онъ указываетъ что увлеченіе этою мѣрой было общее, раздѣлявшееся и членами совѣта, и самимъ королемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ старается показать что мѣра эта была неотразимою необходимостью, ибо общественное мнѣніе такъ громко высказалось въ ея пользу что уступать было де невозможно. Вотъ что̀ говоритъ Неккеръ (*De la Rév. franç.* I. 89): „27 декабря 1788 года прокламаціей, наименованною *Заключеніе совѣта* (*Résultat du Conseil*), король всенародно утвердилъ общее число депутатовъ въ собраніи сословныхъ представителеній и относительное ихъ число для каждаго сословія. Это заключеніе въ свое время надѣлало много шуму и хотя постоянно соединялось съ моимъ именемъ, доставило мнѣ много похвалъ и навлекло много вражды,—не принадлежитъ однако мнѣ исключительно. Заключеніе было опубликовано въ сопровожденіи донесенія отъ имени меня какъ государственнаго министра. Но всякій тогда зналъ, по крайней мѣрѣ всякій слѣдившій за дѣлами, что рѣшеніе совѣта

вовсе не было вызвано или подготовлено моимъ донесеніемъ. Донесеніе было составлено *послѣ* рѣшенія дѣла и составлено чтобы замѣнить обычное введеніе, родъ разсужденія въ которомъ отъ имени монарха излагаются мотивы закона и рѣшенія. Думали что въ этомъ случаѣ требовалось болѣе подробное развитіе, которое трудно бы согласовалось съ возвышеннымъ и точнымъ языкомъ приличествующимъ королевскому величеству. Донесеніе существенно предназначенное чтобы просвѣтить общественное мнѣніе (éclairer l'opinion publique) было тщательнѣйше разобрано во многихъ комитетахъ министровъ, затѣмъ въ присутствіи короля. И королева присутствовала на послѣднемъ совѣщаніи. Въ этомъ окончательномъ засѣданіи, если выключить противорѣчіе одного министра направленное на одинъ только пунктъ, всѣ голоса и мнѣнія соединились въ пользу донесенія и заключенія въ томъ видѣ какъ они и были опубликованы. Для репутаціи совѣта, а можетъ-быть и для памяти короля, надлежитъ не злоупотреблять формой приданною объявленію 27 декабря 1788 года. А между тѣмъ это безцеремонно дѣлаютъ, выставляя мое донесеніе какъ полную картину соображеній опредѣлившихъ рѣшеніе правительства. Слова *необходимость* въ донесеніи не встрѣчается. Ужь одно это замѣчаніе должно дать понять что въ донесеніи *не все* высказано и ему предшествовало болѣе обширное обсужденіе дѣла. Одною изъ обязанностей министра въ донесеніи назначенномъ для обширной гласности было набросить покровъ на всякую идею о принужденіи и необходимости, дабы поддержать королевское величіе во всемъ блескѣ и еще можетъ-быть болѣе, дабы сберечь монарху любовь и признательность наибольшей части націи. Я никому не наносилъ ущерба поставивъ на счетъ короля долю которая могла принадлежать обстоятельствамъ. Свидѣтельства нынѣ живущихъ людей достаточно чтобъ удостовѣрить пылкое увлеченіе съ какимъ Франція каждый день ожидала чѣмъ рѣшитъ королевскій совѣтъ.“

Такъ послѣ событій, нѣсколько запутанно изображаетъ дѣло Неккеръ. Правительственное рѣшеніе въ пользу преобладанія средняго сословія было де вызвано необходимостью. Правительство было къ тому вынуждено общественнымъ требованіемъ. Такъ ли это, и что обусловило такую необходимость? Можно признать что рѣшеніе дѣйствительно было необходимостію, но не для короля и правительства вообще,

а для Неккера; и если возбужденное въ обществѣ желаніе обратилось въ декабрѣ 1788 года въ требованіе съ которымъ приходилось дѣйствительно серіозно считаться, то опять-таки чрезъ посредство того же Неккера.

Неккеръ не могъ дѣйствовать иначе. Онъ былъ призванъ во имя популярности, которая, давая силу, налагала и обязательства. Когда во власть вступаетъ человѣкъ выдвинутый извѣстною партіей или извѣстнымъ политическимъ направленіемъ, онъ является связаннымъ условіями призыва. Навязанный „мнѣніемъ", онъ долженъ былъ обязательно служить орудіемъ мнѣнія въ правительствѣ, и когда въ послѣдствіи отступилъ отъ такой задачи, немедленно утратилъ популярность и силу.

Пріятель. Человѣкомъ партіи въ смыслѣ личной связи съ тою или другою группой единомышленныхъ людей, мнѣ кажется, Неккера назвать нельзя. Кто лица составлявшія партію Неккера?

Авторъ. Если я сказалъ о Неккерѣ какъ человѣкѣ партіи, то не въ томъ смыслѣ. Можетъ быть безличная принадлежность къ партіи, особенно когда сама партія не есть нѣчто опредѣленно-организованное: принадлежность къ явно организованнымъ партіямъ, какъ въ Англіи, можетъ вести къ весьма правильному ходу дѣлъ. Эта безличная принадлежность къ партіи намъ можетъ быть болѣе понятна чѣмъ кому-либо. Мы имѣли примѣры вліятельныхъ и во власти находившихся лицъ за которыми стоялъ длинный конституціонно-нигилистическій хвостъ наименованный либеральною партіей, дававшею опору, налагавшею обязательства, вмѣстѣ подымавшеюся и опускавшеюся, но связь съ которою была не личная и прямая, а незамѣтными градаціями отъ ближайшаго окруженія къ крайнимъ узламъ сѣти.

Исканіе популярности было главнымъ стимуломъ Неккера. Средство къ ея пріобрѣтенію — угода общественному мнѣнію. Неккеръ безпрерывно говоритъ о неодолимой силѣ общественнаго мнѣнія и всю мудрость государственнаго человѣка полагаетъ въ томъ чтобъ имѣть эту „могущественную силу" на своей сторонѣ. Общественное мнѣніе, говоритъ онъ (*De la rév.* I, 224), „было союзникомъ становившимся со всякимъ днемъ могущественнѣе и ко благорасположенію котораго вынужденъ былъ бережно относиться самъ монархъ. Это мнѣніе, тогда еще въ своей чистотѣ, слагавшееся изъ идей и

чувствованій имѣвшихъ центромъ общее благо, издавна уже оказывало благодѣтельное дѣйствіе. Оно пресѣкало попытки деспотизма; давало мужество властямъ посредствующимъ между монархомъ и народомъ; часто служило щитомъ угнетаемой невинности, окружало своимъ блескомъ прекрасныя пожертвованія и высокія добродѣтели; утѣшало великихъ людей преслѣдуемыхъ завистью и невзгодами судьбы; было столь же сурово въ наказаніяхъ какъ великодушно въ наградахъ; отмѣчало своею грозною печатью министровъ недостойныхъ довѣрія монарха и погубляло ихъ презрѣніемъ на высотѣ ихъ кредита и тріумфовъ"...

Пріятель. Дѣло идетъ, можно догадываться, о добродѣтеляхъ Неккера и коварствѣ его врага Калона.

Авторъ. „Наконецъ общественное мнѣніе, утомленное безплодностію своихъ отдѣльныхъ приговоровъ и отчаиваясь въ будущемъ, зная прошедшее, собрало всѣ свои силы чтобы настоять на созывѣ собранія представителей націи."

Пріятель. Это весьма не точно. Неккеръ умалчиваетъ о собраніи нотаблей устроенномъ самимъ правительствомъ въ лицѣ Калона, какъ мы видѣли, вовсе не по настойчивому вызову общественнаго мнѣнія.

Авторъ. „Оно вліяніемъ своимъ достигло равенства въ числѣ представителей средняго сословія и привилегированныхъ классовъ, и вся Франція въ своемъ послѣднемъ рѣшительнѣйшемъ желаніи потребовала чтобы столько надеждъ связанныхъ съ собраніемъ представителей не погибло въ ихъ рукахъ и не обратилось въ ничто притязаніями враговъ общаго блага. На этомъ останавливались тревожныя желанія гражданъ и нація казалась расположенною принять съ благодарностію жертвы какія пожелали бы сдѣлать для установленія гармоніи на которую единодушно указывалось какъ на первое условіе уврачеванія золъ Франціи. Да, нація тогда свободная въ своемъ мнѣніи, нація еще не принявшая никакихъ обязательствъ, была готова стать на сторонѣ тѣхъ кто первые сгладили бы путь къ установленію желаннаго согласія". Другими словами, Неккеръ упрекаетъ привилегированныя сословія что они не привлекли общественное мнѣніе на свою сторону вступивъ съ нимъ въ союзъ. Если высвободить мысль Неккера изъ-подъ украшающихъ ее цвѣтовъ краснорѣчія, то замѣтимъ что этотъ поклонникъ „мнѣнія" видитъ въ немъ, въ минуту столь рѣшающую какъ эпоха

созыва представителей, не иное что какъ неопредѣленное возбужденіе, само ищущее указаній вмѣсто того чтобъ ихъ давать, способное пристать къ тому кто имъ овладѣетъ. Въ дальнѣйшемъ оказывается что это мнѣніе владаетъ въ заблужденія дѣлающіяся источникомъ бѣдствій. Не есть ли это опровержение всей теоріи Неккера по части государственной мудрости—слѣдовать указаніямъ общественнаго мнѣнія, угадывая ихъ? Неккеръ повидимому не замѣчалъ что это угадываніе мнѣнія есть обыкновенно фабрикація мнѣнія, операція въ которой, надо признаться, онъ не былъ искусенъ. Чрезъ это политика его становилась системой уступокъ тѣмъ кто мнѣніе фабриковали. Мирабо и Калонъ не безъ основанія указывали въ Неккерѣ отсутствіе государственнаго ума.

Чрезъ какія посредства, чрезъ чьи уста слышалъ онъ велѣнія своего божества? Кто были для него носителями мнѣнія? Въ этомъ онъ не даетъ отчета. Это не были парламенты съ ихъ временною и фальшивою популярностію, имѣвшею исчезнуть при первомъ ихъ поворотѣ къ своимъ кореннымъ преданіямъ. Это не были нотабли, которыхъ не послушался Неккеръ, но на которыхъ разчитывалъ чтобы провести идеи продиктованныя „мнѣніемъ", подобно тому какъ Калонъ разчитывалъ провести свои финансовые планы. Дворъ и прикасающіяся къ нему сферы еще менѣе того. Чрезъ кого же давало мнѣніе свои рѣшенія? Можно усматривать что носителями его для Неккера были: вопервыхъ, финансовый міръ съ его салонами и конторами, и вовторыхъ, публицисты наводнившіе Францію политическими писаніями, сдѣлавшіе политическія теоріи „разума" предметомъ общихъ разговоровъ, придавшіе имъ характеръ и силу моды. Втретьихъ, наконецъ, начавшіе образовываться вліятельные политическіе кружки и клубы.

Въ какой мѣрѣ Неккеръ былъ чувствителенъ, хотя и скрывалъ это, къ печатнымъ отзывамъ, можно видѣть изъ слѣдующаго анекдота разказаннаго Бертранъ де-Молевилемъ въ его мемуарахъ. (*Mém*, I, 59). Это было въ началѣ еще перваго министерства Неккера. Графъ Водрэйль (Vaudreuil), самъ разказывавшій это Бертранъ де-Молевилю, былъ однажды у Неккера. Тотъ съ горечью жаловался что на него нападаютъ въ печати. Водрэйль замѣтилъ что это общая участь людей находящихся у власти. „Я согласенъ, отвѣчалъ Неккеръ, но

для чувствительной души, какъ моя, крайне трудно переносить несправедливость, и между этими презрѣнными брошюрами есть которыя наносятъ чувствительные удары, а публика ихъ жадно расхватываетъ". Я думалъ, продолжаетъ Водрэйль, что Неккеръ говоритъ о только что появившемся сочиненіи Лорагэ и неблагоразумно сказалъ ему: „Прочтите сами сочиненіе Лорагэ и вы успокоитесь. Убѣдитесь что онъ слишкомъ слабъ чтобы задѣть вашу репутацію." Въ эту минуту министръ измѣнился въ лицѣ, гнѣвъ заблисталъ въ глазахъ. „Какъ, воскликнулъ онъ, этотъ нищій написалъ сочиненіе противъ меня? О, какъ ужасно быть удержаннымъ министерскимъ положеніемъ. Съ какимъ бы наслажденіемъ вонзилъ я ему кинжалъ въ сердце". Водрэйля поразила эта горячность человѣка отличавшагося по видимости холодною невозмутимостью.

Какими путями Неккеръ узнавалъ мнѣніе политическихъ кружковъ, можно видѣть изъ любопытнаго разказа Вебера (I, 267).

„Въ промежутокъ времени, пишетъ Веберъ, между вторымъ собраніемъ нотаблей и созывомъ представителей и даже нѣсколько мѣсяцевъ послѣ открытія ихъ засѣданій, Неккеръ имѣлъ на жалованьи бывшаго редактора *Авиньйонскаго Курьера* г. Арто, второстепеннаго литератора, автора нѣсколькихъ театральныхъ піесъ. На этого господина Неккеръ возложилъ спеціальную обязанность держать у себя въ Пале-Роялѣ родъ клуба, отъ времени до времени дѣлать политическія собранія и обѣды на которыхъ присутствовали, между прочимъ, Мирабо, Клерманъ-Тоннеръ, Дюпоръ и Фрето, совѣтники въ парламентѣ; нѣсколько академиковъ, какъ гг. Сюаръ, Рюльеръ и Шамфоръ, швейцарскіе и протестантскіе банкиры, лица принадлежавшія ко двору герцога Орлеанскаго, аббатъ Сіесъ, аббатъ Сабатье, аббатъ Дюбиньйонъ, и нѣкоторыя другія лица того же закала, всѣ, за незначительными исключеніями, или мятежники, или отъявленные враги существующаго порядка (factieux ou frondeurs déterminés). Неккеръ давалъ на это по четыре тысячи франковъ въ мѣсяцъ и ему каждое утро сообщалось что̀ было говорено наканунѣ и какія мѣры имѣли за себя большинство. Донесенія выходившія изъ этого вертела часто имѣли большое вліяніе на правительственныя рѣшенія. У Арто открыто хулили дворъ и даже парламентъ. Мнѣнія принятыя въ этихъ собраніяхъ дѣятельно

распространялись подчиненными агентами въ клубахъ низшаго порядка и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ въ Парижѣ. Передавались также вожакамъ провинціальныхъ собраній. А изъ провинціи возвращались въ Парижъ подкрѣплять систему нововводителей. Это повтореніе мятежныхъ (factieux) мнѣній Неккеръ называлъ неяснымъ гуломъ Европы (bruit sourd de l'Europe).“

Указаніе Вебера весьма правдоподобно. Фабрикованное въ Парижѣ ѣхало въ провинцію и возвращалось якобы общественное мнѣніе страны и неотразимый аргументъ для правительства!

Нѣкоторымъ оправданіемъ Неккера, но вмѣстѣ и обвиненіемъ въ недальновидности, можетъ служить то обстоятельство что въ то время удвоеніе числа представителей средняго сословія не казалось грозящимъ въ такой мѣрѣ преобладаніемъ вожаковъ этого сословія въ собраніи, какъ вышло на дѣлѣ. „Я вспоминаю, свидѣтельствуетъ аббатъ Мореле (*Mém.* I, 350), что люди просвѣщенные и самыхъ прямыхъ намѣреній полагали что среднее сословіе, даже удвоенное въ числѣ, но подавляемое вліяніемъ и естественнымъ превосходствомъ дворянства и духовенства, едва будетъ въ состояніи защитить свои справедливѣйшія права и достичь со стороны первыхъ двухъ сословій законнѣйшихъ пожертвованій. При этомъ конечно предполагали дворянство не раздѣленнымъ на партіи и *veto* сохраненное за королемъ.“ Очевидно когда говорили о среднемъ сословіи имѣли въ виду сословіе это въ его дѣйствительномъ составѣ, а не въ томъ въ какомъ оно явилось въ собраніи, будучи тамъ представлено группой которую мы характеризовали наименованіемъ интеллигентныхъ разночинцевъ, честолюбивыхъ ходатаевъ по чужимъ дѣламъ.

Удвоеніе представителей средняго класса было главнымъ изъ мѣропріятій 27 декабря. Но не лишены существеннаго значенія и другія принятыя мѣры, опредѣлившія составъ будущаго собранія. Здѣсь все было предпринято на самыхъ широкихъ и либеральныхъ основаніяхъ. Старались избѣгнуть всяческаго ограниченія, какъ по отношенію къ избирателямъ, такъ и по отношенію къ выборнымъ.

Аббатъ Мореле обращаетъ особое вниманіе на устраненіе ценза.

„То обстоятельство, говоритъ онъ (*Mém.*, I, 359), что при

составленіи собранія забыли о значеніи собственности было истиннымъ источникомъ нашихъ бѣдствій. Очевидно что при расположеніи умовъ въ моментъ этого великаго политическаго акта требовалось поставить самый крѣпкій оплотъ собственности, со всѣхъ сторонъ угрожаемой народными движеніями. Въ особенности нуждалась въ покровительствѣ земельная собственность...

„Но совѣтъ, прельщенный идеями пользовавшимися популярностью, поставилъ для избирателей условія сводившіяся къ нулю по своей легкости удовлетворенія: требовалось чтобы быть допущенными въ начальныя избирательныя собранія платить налогъ равняющійся платѣ трехъ рабочихъ дней. Это открывало доступъ въ собранія пяти шестымъ взрослыхъ людей мужескаго пола, то-есть около пяти милліоновъ человѣкъ. А чтобы быть представителемъ требовалась уплата налога цѣной въ марку серебра. Это не предполагаетъ собственности которая давала бы возможность жить собственнику и не обусловливало въ избираемомъ ни истиннаго интереса къ общественному процвѣтанію, ни образованія, ни досуга, словомъ, ни одного изъ качествъ необходимыхъ для представителей великой націи... Что можетъ сдѣлать собраніе состоящее въ значительной долѣ изъ людей неимущихъ? Выбрать представителей изъ такихъ же въ большинствѣ неимущихъ. Такимъ образомъ участь собственности очутится въ рукахъ собранія въ которомъ болѣе половины членовъ не будутъ имѣть никакого интереса въ ея охраненіи и значительное число будетъ имѣть интересы противные.“

Со своей стороны, маркизъ Булье, указывая на „великія ошибки Неккера касательно состава собранія представителей“ обозначаетъ какъ такія: „недостаточность качественныхъ требованій отъ избирателей и выборныхъ, что̀ дало возможность людямъ безъ собственности войти въ собраніе; жалованье данное депутатамъ, привлекшее разныхъ искателей фортуны не имѣвшихъ иныхъ рессурсовъ“...

Пріятель. Развѣ депутаты получали жалованье?

Авторъ. Прежде чѣмъ я встрѣтилъ это указаніе у Булье меня давно интересовалъ этотъ вопросъ. Нигдѣ у историковъ революціи мнѣ не случалось наткнуться на указаніе въ этомъ отношеніи. Не встрѣтилъ указанія и въ документахъ напечатанныхъ въ *Archives parlementaires.* Между тѣмъ вопросъ имѣетъ интересъ и странно что его обходятъ безо всякаго

вниманія. Припоминается только мимоходомъ сдѣланный намекъ въ исторіи Карлейля. Какое вознагражденіе положено было депутатамъ, я впервые встрѣтилъ у Калона въ его книгѣ *De l'état de la France* (Londres, 1790, стр. 43) при разборѣ бюджета 1789 года. Перечисляя увеличеніе издержекъ, онъ обозначаетъ: „2° издержка національнаго собранія составляетъ новую статью расхода которую я положу много ниже чѣмъ какъ она есть нынѣ. Когда собраніе состояло изъ 1.200 членовъ, *ихъ вознагражденіе, назначенное по 18 ливровъ въ день*, составляло до 22 тысячъ ежедневно. Такъ какъ теперь число уменьшилось на треть, то издержка составитъ около 15 тысячъ ливровъ ежедневно. Но такъ какъ въ послѣдствіи будетъ только четыре мѣсяца засѣданій при семи или восьмистахъ депутатовъ, то по этой статьѣ положу, присоединяя издержки по обнародованію декретовъ, печатанію, разсылкѣ и пр., всего 2.500.000 ливровъ.“ Отсюда слѣдуетъ что депутаты получали въ продолженіе сессіи по 18 франковъ въ день суточныхъ денегъ, сумма которая для большинства депутатовъ составляла замѣтный доходъ. Французское представительство съ самого начала было поставлено въ условія отличныя отъ англійскаго.

Но окончимъ перечисленіе Булье: ...„выборъ Версаля мѣстомъ собранія; свобода предоставленная имѣющимъ земли и помѣстья въ разныхъ провинціяхъ принимать участіе во всѣхъ выборахъ, передавая своимъ уполномоченнымъ (à leurs procureurs) всѣ права избирателей, какія имѣли бы сами; наконецъ недосмотръ который можетъ показаться мелочнымъ, но который повелъ къ важнымъ послѣдствіямъ, а именно что были построены только двѣ отдѣльныя залы—для духовенства и для дворянства, и не было отдѣльной залы для средняго сословія, такъ что въ его обладаніи осталась зала общихъ собраній, что̀ и дало ему предлогъ приглашать другія сословія тамъ къ себѣ присоединиться.“ По описанію Мармонтеля одна эта зала была окружена галлереей для публики (*Mém.*, IV, 57).

Пріятель. Припоминаю что Бальи (*Mém.*, I, 18), говоря о предварительныхъ собраніяхъ сословій въ Парижѣ и упоминая что среднему сословію была предоставлена большая зала общихъ собраній, дѣлаетъ точно такое же замѣчаніе. „Отмѣчаю, говоритъ онъ, это обстоятельство, такъ какъ

малыя вещи ведутъ къ большимъ послѣдствіямъ и *такое распредѣленіе было намъ чрезвычайно благопріятно въ Версалѣ*".

Авторъ. Неккеръ, продолжаетъ Мармонтель, воображалъ себѣ будущее собраніе „мирнымъ, внушительнымъ, торжественнымъ, возвышеннымъ зрѣлищемъ которымъ народъ будетъ наслаждаться". Онъ „не видѣлъ что надъ народомъ, но примыкая къ народу, была масса людей со страстями темными и опасливыми, ожидавшими только соединительнаго фокуса чтобъ открыться, возгорѣться и разразиться. Онъ казалось не замѣчалъ что вѣчные зародыши заговоровъ и раздоровъ суть—суетность, гордость, зависть, желаніе господствовать или по крайней мѣрѣ унизить тѣхъ кого завистливые глаза усматривали выше себя, побужденія и пороки еще болѣе гнусные и низкіе, разчеты жадности, всякіе замыслы продажныхъ душъ. Его умъ былъ полонъ отвлеченною идеей націи нѣжной, любезной, великодушной".

Пріятель. А какъ отнеслись парламенты къ правительственнымъ рѣшеніямъ 27 декабря?

Авторъ. Поведеніе Парижскаго парламента въ эпоху втораго собранія нотаблей было весьма замѣчательно. Мы видѣли что въ концѣ сентября парламентъ высказался за сохраненіе формъ 1614 года. Въ началѣ декабря состоялось постановленіе совершенно инаго характера. Теперь парламентъ требовалъ періодическаго возобновленія собранія представителей, наложенія налоговъ не иначе какъ съ согласія собранія, отмѣны lettres de cachet, отвѣтственности министровъ не только предъ собраніемъ представителей, но и предъ парламентами,* личной свободы, законной свободы печати, — словомъ, предлагалась цѣлая либеральная программа.

Относительно капитальнаго вопроса объ удвоеніи представителей средняго сословія парламентъ высказался уклончиво, но явно въ пользу стремленій считавшихся либеральными. „Что касается относительнаго числа депутатовъ, то такъ какъ оно не опредѣлено никакимъ закономъ и никакимъ постояннымъ обычаемъ, то парламентъ не имѣетъ ни намѣренія, ни

* „La responsabilité des ministres: le droit des Etats Généraux d'accuser et traduire devant les cours dans tous les cas interessant directement la nation entière sans prejudice des droits du procureur général dans les mêmes cas" *(Arch. parl.* I, 551*)*.

возможности сдѣлать тутъ какое-либо дополненіе. Парламентъ можетъ въ этомъ отношеніи только обратиться къ мудрости короля касательно мѣръ какія надлежало принять дабы достичь измѣненій какія могутъ указать разумъ, свобода, справедливость и общее желаніе" (постановленіе 5 декабря 1788 года, *Arch. Parl.* I, 550). Этотъ удивительный поворотъ парламента маркизъ Булье объясняетъ слѣдующимъ образомъ (*Mém.*, 65): „Парламентъ раздѣлялся на двѣ партіи: старшіе желали переворота въ правительствѣ, который осуществилъ бы честолюбивые виды ихъ корпорацій, понудивъ верховную власть подѣлить съ ними законодательную часть. Молодые хотѣли общаго переворота который удовлетворилъ бы ихъ личное честолюбіе. Въ этомъ случаѣ послѣдніе получили верхъ надъ первыми и рѣшеніе 5 декабря было подготовлено въ клубѣ Бѣшеныхъ (des Enragés) который организовалъ въ этомъ году герцогъ Орлеанскій... Во мнѣніи что постановленіе продиктовано было молодежью укрѣпилъ меня разговоръ какой я имѣлъ съ д'Ормессономъ, первымъ президентомъ Парижскаго парламента, моимъ сосѣдомъ по деревнѣ, однимъ изъ достойнѣйшихъ людей какихъ я только зналъ и который сохранилъ всю чистоту нравовъ старой магистратуры. Я спросилъ его чрезъ нѣсколько дней послѣ постановленія — какъ могъ парламентъ сдѣлать шагъ столь непослѣдовательный, неразумный и опасный. Онъ увѣрилъ меня что всѣ старшіе члены были отъ того въ отчаяніи, употребляли всѣ силы чтобы воспротивиться рѣшенію, но были увлечены молодежью, горячею и многочисленною, господствовавшею въ засѣданіяхъ. Онъ присовокупилъ что парламенты теперь не что̀ иное какъ демократическія общества управляемыя молодыми людьми."

Наступилъ новый годъ. Курьеры развезли королевское рѣшеніе, административная машина приведена въ усиленную дѣятельность, циркуляры и разъясненія слѣдуютъ одинъ за другимъ. Начинаются выборы, составляются наказы, при полномъ невмѣшательствѣ правительства, свободѣ сходокъ и печати и сильномъ возбужденіи общественнаго энтузіазма. Революціонному классу, на который указываетъ Мармонтель, открывается широкое поприще дѣятельности... Въ городѣ Аррасѣ тридцатилѣтній адвокатъ Робеспьеръ, обращаясь къ „артезіанской націи" (въ брошюрѣ *Adresse à la nation Artésienne*), въ пышныхъ выраженіяхъ изображаетъ качества

требуемыя отъ народнаго представителя дабы быть достойнымъ выборовъ отъ которыхъ „Франціи предстоитъ или возродиться, или погибнуть“. Даетъ ясно понять что именно онъ есть лицо обладающее этими качествами...

РАЗГОВОРЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

Авторъ. Начались выборы въ члены собранія сословныхъ представителей. Политическіе разговоры стали политическими дѣйствіями, отъ которыхъ зависѣла ближайшая участь страны. Всеобщность выборовъ должна была всю страну охватить политическою лихорадкой, „до послѣдней хижины“ какъ говорилось въ королевской деклараціи, высказавшей желаніе чтобы правда дошла до престола изо всѣхъ уголковъ государства. Къ участію въ выборахъ прямо или косвенно были призваны всѣ совершеннолѣтніе Французы; устранена только прислуга. Выборы, въ среднемъ сословіи, раздѣлялись на два отдѣла: первичныя собранія выбирали избирателей; избиратели собравшись выбирали депутатовъ. На практикѣ оказалось явленіе обычное при выборахъ. Огромная масса имѣвшихъ право на участіе въ избраніяхъ уклонилась отъ пользованія предоставленнымъ правомъ, одни по равнодушію къ дѣлу, нѣкоторые изъ осторожности, предчувствуя что совѣщанія немедленно примутъ направленіе враждебное правительству. Такъ по крайней мѣрѣ надлежитъ, повидимому, объяснять фактъ указываемый Бальи (*Mém.* I, 11). „По равнодушію ли, говоритъ онъ, или по политикѣ въ дѣлѣ которое нѣкоторые могли считать непріятнымъ для правительствъ, не всѣ граждане участка (district des Feuillans въ Парижѣ) собрались на избирательное совѣщаніе. Могъ бы назвать одного который потомъ явился самымъ горячимъ приверженцемъ свободы, самымъ дерзкимъ хулителемъ власти, но который между тѣмъ по тому или другому соображенію уклонился отъ присутствія на этомъ собраніи“. Люди чистые, но уже захваченные потокомъ политическаго честолюбія, какъ Бальи, чувствовали наслажденіе быть частицей верховной воли держащей въ рукахъ судьбы страны. „Когда я очутился, говоритъ Бальи (*Mém.* I, 11), среди собранія округа, мнѣ казалось что дышу новымъ воздухомъ. Такъ чудно было стать чѣмъ-то въ политическомъ строѣ и единственно въ качествѣ гражданина или точнѣе

горожанина Парижа, ибо въ тѣ дни мы еще были *горожане*, а не *граждане* (bourgois et non citoyens)". Люди пріобыкшіе говорить публично, какъ адвокаты, захлебывались наперерывъ своимъ краснорѣчіемъ. Настоящіе честолюбцы, будущіе вожаки, хлопотливо интриговали чтобы попасть въ избиратели. Аббатъ Мореле въ февралѣ 1789 участвовалъ въ начальныхъ собраніяхъ въ Шатонефъ. Вотъ впечатлѣніе которое онъ вынесъ. „Я аккуратно, говоритъ онъ (*Mém.* I, 361), въ нихъ присутствовалъ и убѣдился, чего прежде не зналъ, что собранія эти, составленныя изъ того люда какой я тамъ видѣлъ, были рѣшительно недоступны порядку, здравому смыслу, правильности преній; словомъ, управиться съ нимъ было невозможно (ingouvernables enfin). Съ тѣхъ поръ я получилъ очень дурное мнѣніе о людскихъ сборищахъ, которое потомъ только укрѣпилось и подтвердилось".

Относительно того какъ происходили выборы въ Парижѣ есть два источника: весьма подробное и обстоятельное описаніе Бальи и описаніе Мармонтеля, принадлежавшихъ притомъ къ одному и тому же округу. Эти описанія, пополняясь взаимно, даютъ вѣрную картину первыхъ собраній.

Пріятель. Но исходъ выборовъ для Бальи и для Мармонтела былъ весьма различенъ. Бальи былъ избранъ изъ первыхъ, Мармонтель не попалъ въ депутаты. Это должно отражаться въ сужденіяхъ.

Авторъ. Безъ сомнѣнія. Тѣмъ дороже сопоставленіе ихъ показаній, ни въ чемъ существенномъ не разнящихся особенно по отношенію въ фактической сторонѣ дѣла. Оба люди политически чистые, весьма извѣстные, высокаго умственнаго развитія, таланта и крѣпкихъ нравственныхъ началъ. Прельщенія честолюбія мелькали предъ ихъ глазами особенно предъ глазами Бальи, оказавшагося весьма чувствительнымъ къ наслажденію популярностью; но отъ интриги оба были безконечно далеко. Что же было усмотрѣно ими? На начальномъ собраніи, имѣвшемъ задачей выбрать избирателей и составить первый наказъ отъ округа, оба были дѣятелями. Наказъ даже редактированъ Мармонтелемъ въ формѣ умѣренно либеральной. „Духъ этого перваго собранія, замѣчалъ Мармонтель, былъ благоразумный и умѣренный". Трудилися цѣлыя сутки. Приходили многія депутаціи отъ дворянъ и отъ средняго класса. Бальи отмѣчаетъ это „согласіе между гражданами". „Это были, говоритъ онъ, какъ бы

братья расположившіеся въ добромъ согласіи вступить въ обладеніе наслѣдствомъ." Нѣсколько наивно сожалѣетъ что такого духа не оказалось потомъ въ Версалѣ. Интриганы еще не выступили. Въ началѣ произошло столкновеніе, потомъ уладившееся. Дума для предсѣдательства въ округѣ назначила своего делегата. Собраніе нашло что предсѣдать должно лицо по его выбору; и тотчасъ же акkламаціей выбрало предсѣдателемъ того же делегата, и онъ послѣ нѣкотораго колебанія согласился принять предсѣдательство въ силу этого избранія, а не назначенія, въ удовлетвореніе тонкости различенія потребованнаго собраніемъ.

Не такъ пошло дѣло, говоритъ Мармонтель, въ собраніи избирателей. Бóльшая часть прибыла еще въ здравомъ настроеніи. Но тутъ опустилась на насъ цѣлая туча интригановъ, принесшая заразительное вѣяніе какимъ она надышалась въ совѣщаніи Дюпора, одного изъ главныхъ парламентскихъ мутителей... Предыдущею зимой онъ открылъ какъ бы школу республиканизма, куда друзья его привлекали умы наиболѣе экзальтированные или способные сдѣлаться таковыми. Я наблюдалъ этотъ разрядъ людей, толкущихся и шумящихъ, перебивающихъ рѣчь одинъ другаго, нетерпѣливыхъ какъ бы выставиться, старающихся скорѣе записаться на спискѣ ораторовъ. Не много времени потребовалось чтобъ усмотрѣть какое будетъ ихъ вліяніе. А переходя мыслію отъ частнаго примѣра къ общему наведенію, я убѣдился что такъ было во всѣхъ общинахъ: всюду тѣ же органы партіи смуты,—судейскій людъ знакомый съ шиканой и пріобыкшій говорить публично. Дознанная истина — никакой народъ не управляется самъ собою. Мнѣніе, воля собранной, болѣе или менѣе многочисленной, группы людей всегда, или почти всегда, есть не иное что какъ толчокъ данный ей небольшимъ числомъ людей, иногда однимъ человѣкомъ, заставляющимъ ее думать и хотѣть, движущимъ ею и ее направляющимъ. У народа есть свои страсти, но страсти эти какъ бы спятъ, ожидая голоса который ихъ разбудитъ и раздражитъ. Ихъ сравниваютъ съ парусами корабля остающимися праздно повисшими пока не надуетъ ихъ вѣтеръ. Но кто не знаетъ что двигать страсти всегда было задачей краснорѣчія и трибуны; а у насъ судебная трибуна была единственною школой этого популярнаго краснорѣчія, и тѣ которые въ своихъ судебныхъ рѣчахъ привыкли дѣйствовать

дерзостью, движеніемъ, восклицаніями, имѣли большое преимущество предъ простыми смертными. Холодная строгость сужденія, умъ солидный и мыслящій, но которому не достаетъ обилія и легкости словъ, всегда уступитъ пылкости обстрѣленнаго декламатора. Вѣрнѣйшимъ средствомъ распространить въ странѣ революціонную доктрину было такимъ образомъ завербовать въ свою партію корпусъ адвокатовъ. И ничего не было легче. Республиканское по характеру, гордое и ревнивое своею свободой, склонное къ господству, вслѣдствіе привычки держать въ своихъ рукахъ судьбу своихъ кліентовъ, распространенное по всему королевству, пользующееся уваженіемъ и довѣріемъ общества, находившееся въ постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми классами, изощренное въ искусствѣ двигать и покорять умъ,—сословіе адвокатовъ должно было имѣть необходимое вліяніе на толпу. Дѣйствуя, одни истинною силой краснорѣчія, другіе шумихой словъ одуряющихъ слабыя головы, они господствовали въ общественныхъ собраніяхъ и управляли мнѣніемъ, выступая какъ бы мстители народныхъ обидъ и защитники народныхъ правъ. Извѣстно какой интересъ имѣлъ этотъ корпусъ въ томъ чтобы преобразованіе стало революціей, монархія обратилась въ республику. Для него дѣло шло о томъ чтобъ организовать свою безсмѣнную аристократію (une aristocratie perpetuelle). Людямъ честолюбивымъ улыбалось быть послѣдовательно—двигателями республиканскаго замысла, избранниками призванными къ государственной дѣятельности, законодателями страны, первыми ея сановниками, а затѣмъ и истинными властителями. И эта перспектива открывалась не только судейскому люду, но и всѣмъ классамъ образованныхъ гражданъ*...

Пріятель. Мнѣ кажется, по связи со слѣдующею фразой, надлежитъ перевести нашемъ терминомъ—„интеллигентному разночинству“.

Авторъ. Согласенъ... „и всему интеллигентному разночинству, въ средѣ котораго каждый имѣлъ настолько высокое мнѣніе о своихъ талантахъ чтобы питать тѣ же надежды съ тѣмъ же честолюбіемъ... Подъ неопредѣленнымъ, весьма прельсти-

* „Cette perspective était la même non seulement pour les gens de loi, mais pour toutes les classes de citoyens instruits, où chacun presumait assez de ses talens pour avoir la même espérance avec la même ambition.“

тельнымъ именемъ преобразованія скрывали революцію Эта ошибка объясняетъ успѣхъ, почти всеобщій, плана который, выдвигая впередъ, подъ разными видами, честное, полезное, справедливое, принаравливался ко всѣмъ характерамъ и соглашалъ всѣ желанія. Лучшіе граждане считали себя въ согласіи воли и намѣреній съ самыми злоумышленными. Умы воодушевленные желаніемъ славы и господства слѣдовали одному импульсу съ тѣми кѣмъ двигала низкая зависть или позорная страсть хищеній и разбоя. И изъ разнообразныхъ движеній этихъ выходилъ одинъ результатъ—крушеніе государства. Въ этомъ оправданіе очень многихъ считавшихся злоумышленными, но бывшихъ только заблудшимися.

„Что нѣсколько человѣкъ съ природой тигра дѣйствительно замыслили революцію въ томъ видѣ какъ она свершилась—это можно понять. Но чтобы французская нація и даже простой народъ, не бывшій еще развращеннымъ, дали свое согласіе на этотъ варварскій, нечестивый, святотатственный заговоръ—этого никто, полагаю, не осмѣлится утверждать. Ложно, слѣдовательно, говорить что преступленія революціи были преступленіями націи, и я далекъ отъ мысли чтобы кто-нибудь изъ товарищей моихъ въ избирательномъ собраніи могъ сколько-нибудь ихъ предвидѣть. Я увѣренъ что группа адвокатовъ и судейскихъ, поддержанная кортежемъ честолюбивыхъ республиканцевъ жаждавшихъ, какъ и они, прославиться въ совѣтахъ свободнаго народа, прибыла къ намъ исполненная слѣпаго энтузіазма къ общественному благу. Тарже, отличавшійся какъ адвокатъ и пользовавшійся впрочемъ у насъ хорошею репутаціей, игралъ первую роль. Правительство прислало предсѣдать въ нашихъ собраніяхъ гражданскаго намѣстника (lieutenant civil). Это была ошибочная мѣра, которая не могла удержаться. Собраніе существенно свободное должно было имѣть предсѣдателя изъ своей среды и по выбору. Намѣстникъ съ достоинствомъ исполнилъ свое порученіе, и мы удивлялись его твердости и благоразумію. Но это было тщетно. Адвокатъ Тарже поддерживалъ противную сторону и за такую защиту правъ собранія былъ провозглашенъ его предсѣдателемъ. Боецъ, давно испытанный въ судебныхъ схваткахъ, вооруженный увѣренностію и дерзостію, снѣдаемый честолюбіемъ, окруженный свитой шумныхъ хлопальщиковъ, онъ началъ вкрадываться въ умы въ качествѣ человѣка миролюбиваго, склоннаго къ соглашеніямъ. Но когда овладѣлъ

собраніемъ состоявшимъ изъ новичковъ въ общественныхъ дѣлахъ, онъ поднялъ голову и сталъ держать себя съ высокомѣріемъ. Онъ диктовалъ мнѣніе вмѣсто того чтобы, какъ требовала его должность, вѣрно излагать положеніе обсуждаемыхъ вопросовъ, собирать, резюмировать, выражать мнѣніе собранія. Наша обязанность не ограничивалась выборомъ депутатовъ; мы должны были кромѣ того выразить въ наказахъ наши желанія, жалобы, просьбы. Это давало поводъ къ новымъ декламаціямъ. Неопредѣленныя слова: равенство, свобода, верховенство народа, звучали въ нашихъ ушахъ. Каждый понималъ и излагалъ ихъ по-своему. Всюду, въ постановленіяхъ полиціи, финансовыхъ распоряженіяхъ, во всей градаціи властей, на которыхъ покоились общественный порядокъ и общественное спокойствіе,—не было ничего въ чемъ бы не усматривалась тираннія. Приписывали смѣшную важность самымъ мелкимъ подробностямъ. Ограничусь однимъ примѣромъ. Шла рѣчь о городской стѣнѣ и парижскихъ заставахъ выставлявшихся какъ ограда звѣрей, оскорбительная для человѣка. „Я видѣлъ, говоритъ одинъ изъ ораторовъ, да, я видѣлъ, граждане, на заставѣ Св. Виктора, на одномъ изъ столбовъ, скульптурное изображеніе, повѣрите ли какое? Я видѣлъ огромную голову льва съ отверстою пастью, изрыгающаго цѣпи коими онъ какъ бы грозилъ проходящимъ. Можно ли придумать болѣе страшную эмблему деспотизма и рабства.“ Ораторъ подражалъ даже рыканью льва. Аудиторія была взволнована. А такъ какъ я очень часто проходилъ мимо заставы Св. Виктора, то дивился какъ не поразила меня такая ужасающая фигура. Въ тотъ же день, проходя мимо заставы, я обратилъ на нее особое вниманіе. И что же увидѣлъ? На пилястрѣ для украшенія былъ сдѣланъ щитъ повѣшенный на тонкой цѣпи, которую скульпторъ прикрѣпилъ къ небольшой львиной мордѣ, какъ бываетъ у дверныхъ молотковъ или у фонтанныхъ крановъ!

„Интрига также имѣла свои тайные комитеты, гдѣ совлекала съ себя всякое уваженіе къ нашимъ святѣйшимъ правиламъ и священнѣйшимъ предметамъ. Не щадились ни нравы, ни религіозное почтеніе. По ученію Мирабо, разсматривались какъ несогласныя и несовмѣстныя политика и нравственность, религіозный духъ и духъ патріотическій, старые предразсудки и новыя добродѣтели. Указывали что при единоличномъ правленіи королевская власть и тираннія, повиновеніе

и рабство, сила и притѣсненіе нераздѣлимы между собой. Напротивъ того, безумно преувеличивались надежды и обѣщанія съ того момента какъ народъ войдетъ въ свои права равенства и независимости. Казалось что тогда начнется управленіе людей изъ золотаго вѣка. Народъ свободный, справедливый, мудрый, всегда вѣрный себѣ, всегда удачно выбирающій своихъ совѣтниковъ и министровъ, умѣренный въ употребленіи своей силы и своего могущества, никогда не впадетъ въ заблужденіе, никогда не будетъ обманутъ, никогда не подпадетъ господству тѣхъ кому довѣрилъ власть, никогда не будетъ порабощенъ ими. Его изволенія будутъ его законами, его законы составятъ его счастье. Хотя я былъ почти одинокъ и партія моя ослабѣвала ото дня ко дню въ избирательномъ собраніи, я не переставалъ твердить всѣмъ кто хотѣлъ меня слушать, какъ грубъ и легокъ казался мнѣ этотъ способъ импонировать помощію безстыдныхъ декламацій. Мои правила были извѣстны и я не скрывалъ ихъ. Нашлись люди на ухо сообщавшіе—онъ де другъ министровъ, осыпанъ благодѣяніями короля. Выборы произошли. Я выбранъ не былъ, мнѣ предпочли аббата Сіеса. Я благодарилъ судьбу за мое исключеніе, ибо начиналъ предвидѣть что будетъ происходить въ національномъ собраніи.“ Мармонтель приводитъ затѣмъ свой разговоръ съ Шамфоромъ, на который мы уже обратили вниманіе.

О депутатствѣ Мармонтеля есть у Бальи любопытныя строки. 8 мая (когда національное собраніе уже открылось, но парижскіе депутаты еще не были выбраны) Тарже сообщилъ собранію избирателей что правительство запретило появившійся первый нумеръ журнала Мирабо *Journal des États Généraux*. Начались длинныя пренія о дѣлѣ на обсужденіе котораго собраніе избирателей не имѣло никакого права. Рѣшено протестовать противъ распоряженія, не высказывая впрочемъ ни одобренія, ни порицанія журналу, но ссылаясь на „свободу печати требуемую всею Франціей“ и фактически,—прибавляетъ Бальи,—допущенную правительствомъ въ послѣднее время, когда „всяческія писанія встрѣчали явную терпимость, и терпимость эта, продолжаясь, стала дѣйствительною свободой“. Дворянство высказалось въ томъ же духѣ, прибавивъ что самый журналъ не одобряетъ. Духовенство признало что распоряженіе сдѣлано въ силу неотмѣненныхъ законовъ и потому протесту не подлежитъ. Бальи

замѣчаетъ что на законной почвѣ духовенство было право, но прибавляетъ что „постановленіе двухъ другихъ сословій было продиктовано силой обстоятельствъ и общественною пользой". Замѣчаніе не лишенное поучительности. Въ эту эпоху слово законъ не сходило съ ума, но на дѣлѣ все было актомъ рѣшительнаго произвола. „Я сказалъ, продолжаетъ Бальи, что рѣшеніе было принято единогласно. Это правда, но за исключеніемъ одного члена. Когда пошли на голоса, я замѣтилъ что не поднялся только г. Мармонтель. Онъ сидѣлъ во второмъ ряду и слѣдовательно былъ закрытъ тѣми которые поднялись. Я ничего не сказалъ. Но несмотря на видимое единогласіе, кто-то, безъ сомнѣнія изъ злой шутки, потребовалъ чтобы было также спрошено—кто не согласенъ, что тогда не всегда соблюдалось. Предсѣдатель долженъ былъ исполнить требованіе. Мармонтель имѣлъ мужество подняться одинъ. Не будучи его мнѣнія, я удивился однако его твердости дѣлающей ему честь въ этомъ отношеніи. Но неудовольствіе какое онъ навлекъ на себя сущностью своего мнѣнія заставило меня предвидѣть что депутатомъ онъ не будетъ."

Бальи въ своихъ мемуарахъ подробно, по днямъ, описываетъ что происходило въ собраніи избирателей. „Въ собраніи, говоритъ онъ, было два господствующіе класса: купцы и адвокаты... Относительно писателей и академиковъ я замѣтилъ въ собраніи нѣкоторое нерасположеніе... Купцы мало знали писателей, а адвокаты, которые могли ихъ оцѣнить, были постоянно съ ними въ соперничествѣ. Оттого писатели и не выдвинулись. А имъ слѣдовало бы быть въ единеніи съ адвокатами. Писатели и адвокаты были самые свободные люди при старомъ порядкѣ... Но почему же такъ немногіе изъ писателей выдвинулись въ первый рядъ въ революціи?" Не забудемъ что Бальи говорилъ о писателяхъ перворазрядныхъ и о первыхъ рядахъ революціи. Явленіе объясняетъ онъ главнымъ образомъ философскою и простою осторожностью. „Многіе среди борьбы силъ могли имѣть обманчивую мудрость выжидать событій и не спѣшить признать новую и законную (?) власть. Такіе разчеты свойственны людямъ слабымъ, но у многихъ эта робость проистекла изъ болѣе благороднаго источника. Философъ любитъ свободу, знаетъ достоинство человѣка, но прежде всего требуетъ чтобы миръ былъ вокругъ него; онъ желаетъ чтобы свѣтъ распространялся, человѣчество

восполучило свои права, но постепенно, безъ усилія. Онъ боится потрясеній и насильственныхъ революцій.“ Признавая что „нѣсколько побольше этого филофскаго духа не повредило бы національному собранію“, свой собственный образъ мыслей Бальи объясняетъ такъ. „Для меня, говоритъ онъ, первый законъ былъ воля націи. Какъ только она была собрана я зналъ только ея верховную волю. На моихъ мѣстахъ я былъ человѣкомъ націи: я умѣлъ только повиноваться.“ Нѣтъ основаній заподозрѣвать искренности этой исповѣди. Первые успѣхи на аренѣ политической популярности,—для которой краеугольнымъ камнемъ послужилъ академическій отчетъ о печальномъ состояніи госпиталей, успѣхи, встрѣченные съ опасеніемъ и робкою радостію, неожиданые и смутно ожидаемые увлекли мягкаго академика трехъ академій (Бальи былъ членомъ Академіи Наукъ, Академіи Надписей и Французской Академіи). Помогали также значительно развитый инстинктъ внѣшней представительности и вкусъ ко внушительной пышности власти. Ливрейныхъ лакеевъ какихъ завелъ Бальи будучи потомъ меромъ Парижа не могли простить ему демократическіе журналисты. Въ запискахъ онъ очень сожалѣетъ что депутаты не соблюдали формы, такъ что входившій въ собраніе „видѣлъ законодателей въ томъ же костюмѣ въ какомъ встрѣчалъ молодыхъ глупцовъ на улицахъ, пѣшкомъ или въ *виски*“ (модная двухколеска). Но разъ увлеченный потокомъ, Бальи въ дальнѣйшей дѣятельности обнаруживалъ неуклонную преданность волѣ собранія, въ которомъ видѣлъ націю. Воля эта была для него нѣчто священное. Республиканцемъ онъ не былъ, и оскорбительно привѣтствуя короля при въѣздѣ послѣ 5 октября въ Парижъ подъ эскортой пьяныхъ бабъ и дикой черни, словами „народъ завоевалъ своего короля“, искренно думалъ что миритъ монархическое начало съ началомъ народнаго верховенства. Жена Бальи была проницательнѣе мужа. Когда будущій первый депутатъ Парижа сообщилъ ей о происходившемъ въ избирательномъ собраніи, „ея воображеніе рисовало перспективу будущихъ бѣдъ, и частныхъ и общихъ бѣдъ,—гражданской войны. Она желала чтобъ я не вмѣшивался въ эту междуусобицу“. Рокъ увлекъ „до излишества робкаго“, по его выраженію, Бальи, колебавшагося между спокойствіемъ скромной доли и тревогами политической дѣятельности.

Бальи смотрѣлъ на собраніе избирателей сквозь радужную

призму неожиданнаго успѣха. Но и изъ его описанія уже видно какая неурядица царствовала въ этомъ первомъ представительномъ собраніи. На первомъ планѣ упоеніе своими „правами“ и самое ревнивое отношеніе ко всякой иной власти кромѣ собственной. Даже уступчивый и самъ уже возбужденный Бальи, рискуя выборомъ, нашелъ что въ первомъ параграфѣ наказа выборнымъ собраніе перешло мѣру, именуя права представителей *верховными*. Наказъ начинался, говоритъ Бальи, „воспрещеніемъ депутатамъ всякаго дѣйствія которое бы могло унизить достоинство свободныхъ гражданъ идущихъ пользоваться верховными правами (qui viennent exercer les droits souverains).“ Воспрещеніе подразумѣвало главнымъ образомъ унизительный обычай, согласно которому среднее сословіе должно было обращаться къ королю на колѣнахъ.“ Вѣрный исторіи моихъ мыслей, говоритъ Бальи, возвышавшихся, но съ умѣренностію, къ свободѣ, помню что рукоплеща ото всего сердца уничтоженію этого обычая, я не одобрялъ эпитета *верховный* не потому чтобы собранная нація не могла и не должна была пользоваться своими правами верховенства (ses droits de souverain), но мнѣ казалось что таковое заявленіе могла сдѣлать цѣлая нація, а не часть ея какую мы представляли собою. Мы не могли скрывать отъ себя что верховныя права доселѣ находились въ другихъ рукахъ, и проистекавшая изъ нихъ власть была налицо“ (*Mém.*, I, 35). Первый параграфъ прошелъ въ такой редакціи: „предписываемъ нашимъ представителямъ безусловно не подчиняться ничему что могло бы оскорбить достоинство свободныхъ гражданъ пришедшихъ чтобы пользоваться верховными правами націи“

Согласно королевскому регламенту на собраніи долженъ былъ предсѣдать гражданскій намѣстникъ. Собраніе, какъ мы уже знаемъ изъ разказа Мармонтеля, немедленно заявило что само должно избрать предсѣдателя и съ акклamаціей готово было выбрать того же намѣстника. Начались безконечныя пренія будетъ ли онъ предсѣдать въ качествѣ назначеннаго по регламенту или въ качествѣ свободно избраннаго. Кончилось тѣмъ что намѣстникъ удалился. Ораторствовавшій Тарже былъ выбранъ предсѣдателемъ, Бальи секретаремъ. При повѣркѣ полномочій въ послѣдствіи въ Національномъ Собраніи отступленіе отъ регламента было замѣчено, но собраніе не сочло неправильностію

это явное нарушеніе. Предсѣдатель и секретарь принесли присягу „націи и собранію“ непредвидѣнную регламентомъ. Начались занятія, сношенія съ другими сословіями, составленіе наказа. Рѣшено требовать чтобы будущая конституція начиналась объявленіемъ правъ человѣка. Составленъ проектъ объявленія, заключавшій въ себѣ главныя изъ положеній наименованныхъ въ послѣдствіи „принципами 1789 года.“ Всѣ люди равны въ правахъ; законъ есть выраженіе общей воли; государственная власть обезпечиваетъ его исполненіе и т. д. Затѣмъ—основанія конституціи тѣ самыя которыя потомъ получили осуществленіе. Наказъ оканчивался пожеланіемъ чтобы Бастилія была разрушена, площадь сравнена и на ней поставленъ монументъ—колонна благородной и простой архитектуры съ надписью: „Лудовику XVI возстановителю общественной свободы“ (à Louis XVI restaurateur de la liberté publique). Подобныя желанія, чтобы былъ воздвигнутъ монументъ Лудовику XVI, были высказаны не въ Парижѣ только. Они встрѣчаются въ наказахъ Ліона, Марселя, Манта, въ Э (Aix),—всюду въ болѣе или менѣе восторженныхъ выраженіяхъ. Въ Мантѣ предлагается наименовать короля Лудовика XVI „Французомъ“ (surnommé le Français en consideraiion de tout ce que la France devra à ce prince magnanime. *Arch. parl.* III, 665). Городъ Ліонъ требуетъ поставить „Лудовику XVI, возстановителю свободы и правъ націи, памятникъ который навѣки сохранилъ бы воспоминаніе о его благодѣяніяхъ и нашей благодарности“.

Пріятель. Такъ говорила революція о королѣ въ 1789 году. Могъ ли кто во Франціи предвидѣть что̀ будетъ чрезъ четыре года говориться офиціально въ высшемъ государственномъ учрежденіи о томъ же несчастномъ королѣ? Какая пропасть между этими словами и тѣмъ что̀ произносилъ напримѣръ съ трибуны Конвента на позоръ своей страны и ея исторіи, слабодушный, не знавшій никакого нравственнаго удержа Камиль Демуленъ. „Для республиканца,—говорилъ этотъ рабъ краснаго словца, дорого потомъ поплатившійся,—для республиканца всѣ люди равны. Я ошибаюсь. Вы знаете что есть одинъ человѣкъ на котораго истинный республиканецъ не можетъ смотрѣть какъ на человѣка. Въ немъ можетъ онъ видѣть, какъ Гомеръ или Катонъ (?), только двуногаго людоѣда (une bipède antropophage). Этотъ враждебный звѣрь есть король“ (*Oeuvres de C. Demoulins*, II, 95).

Авторъ. Въ первые дни собранія избирателей на улицахъ Парижа произошелъ эпизодъ на которомъ слѣдуетъ остановиться съ нѣкоторымъ вниманіемъ. Мы мимоходомъ упоминали объ этомъ эпизодѣ въ нашей восьмой бесѣдѣ 27 апрѣля въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ была разграблена обойная фабрика Ревельйона, человѣка весьма уважаемаго, бывшаго избирателемъ вмѣстѣ съ Бальи. Это было первое серіозное уличное движеніе, проба и прелюдія революціонныхъ дней. Для насъ событіе интересно чертами аналогіи съ недавними печальными эпизодами въ разныхъ городахъ—разграбленіемъ еврейскихъ лавокъ и жилищъ, аналогіи не въ смыслѣ революціонной прелюдіи, а въ томъ отношеніи какъ трудно бываетъ въ случаяхъ уличныхъ безпорядковъ раскрыть движущія нити. Сохранилось не мало показаній и описаній разгрома фабрики Ревельйона, о многомъ можно догадываться, но нити такъ и остались не прослѣженными. Дѣло очевидно было подстроено. Въ карманахъ нѣкоторыхъ убитыхъ оборвышей находили деньги, очевидно выданныя за участіе въ разгромѣ. Когда безпорядки подготовлялись, полицейскіе шпіоны сообщали (Besenval *Mém*, 354) что „видѣли людей возбуждавшихъ волненія и даже раздававшихъ деньги". Несомнѣнно дѣло шло со стороны революціонной партіи, но отъ кого именно, съ какими ближайшими цѣлями? Это, полагать надо, навсегда останется столь же не яснымъ какъ не ясны доселѣ мотивы и нити нашего еврейскаго погрома. Есть еще черта сходства. Она отмѣчена Тулонжономъ (современникомъ — авторомъ исторіи революціи, членомъ Національнаго Собранія). „Въ толпѣ, говоритъ онъ, была замѣтна своего рода полиція, вмѣстѣ и варварская и безкорыстная. Явно былъ приказъ все жечь и разрушать; но кто осмѣливались утаскивать, воровать, были тотчасъ избиваемы. Едва одѣтые, въ лохмотьяхъ, оборванцы приносили часы, дорогія вещи и бросали въ огонь, крича: „ничего не хотимъ уносить". Очевидно что люди эти были не иное что̀ какъ преданныя орудія тѣхъ кто ими заправляли". Фактическая часть событія особенно точно изложена Тэномъ (II, 37) главнымъ образомъ на основаніи архивныхъ документовъ и показаній Безанваля распорядившагося усмиреніемъ волненія и самого Ревельйона (послѣднее напечатано въ числѣ pièces justificatives при мемуарахъ Ферьера). Предъ событіемъ, въ столицу былъ значительный наплывъ „сторонней

сволочи“ которая, вмѣстѣ съ туземною, среди низшаго класса, сильно угнетеннаго дороговизной хлѣба въ этотъ голодный годъ, составила обильный матеріалъ для вербовки революціонныхъ шаекъ. Пущенъ былъ слухъ будто богатый фабрикантъ Ревельйонъ въ избирательномъ собраніи своего округа „дурно говорилъ“ о народѣ, сказалъ будто бы что пятнадцати су въ день довольно чтобы прокормиться работнику съ семьей. Это была чистая клевета; ничего даже подобнаго не говорилъ Ревельйонъ.

Пріятель. Не было бы кажется особаго преступленія еслибъ и сказалъ.

Авторъ. У Ревельйона не было рабочаго получавшаго менѣе двадцати пяти су; и въ 1788 году, сокративъ работы, онъ не отпустилъ ни одного рабочаго. Всѣ свидѣтельства въ его пользу. Онъ повидимому былъ жертвой чьей-то личной злобы. Броженіе среди черни обнаружилось въ воскресенье 26 апрѣля. Въ понедѣльникъ, день когда „опохмѣлялись“ (l'autre jour d'oisiveté et d'ivrognerie, по выраженію Тэна) на улицахъ бродили толпы. Купцы стали запирать лавки. Густая шайка съ дубинами шла по улицѣ Св. Северина посылая проклятія духовенству. Другая—тащила чучело изображавшее Ревельйона украшеннаго орденомъ Св. Михаила (въ числѣ преступленій Ревельйона распускали что онъ долженъ получить отъ правительства эту награду). Чучело было сожженно на Гревской площади. Толпа направилась къ дому Ревельйона, но тамъ успѣли собрать стражу и толпа двинулась все разносить въ домѣ одного пріятеля Ревельйона. Угомонились только въ полночь. На другой день буйства продолжались цѣлый день. У Сентъ-Антуанскихъ воротъ останавливаютъ проходящихъ, спрашиваютъ за среднее ли они сословіе или за дворянское, заставляютъ дамъ выходить изъ каретъ и кричать; да здраствуетъ среднее сословіе! Лозунгъ повторялся со смысломъ и безъ смысла: вечеромъ нищіе-оборвыши просили милостыню—„сжальтесь надъ бѣднымъ среднимъ сословіемъ“. Домъ Ревельйона разнесенъ. „Выламываютъ, описываетъ онъ, двери, снимаютъ ихъ, врываются въ садъ, предаются неистовствамъ невообразимымъ. Въ трехъ мѣстахъ поджигаютъ и бросаютъ въ огонь дорогія вещи, затѣмъ мебель, провизію, бѣлье, экипажи, счеты. Когда нечего жечь, бросаются на внутреннія украшенія комнатъ: ломаютъ двери, рамы, разбиваютъ въ куски или точнѣе въ пыль

зеркала, отрываютъ мраморные наличники съ каминовъ, вырываютъ даже желѣзныя перила. Присоединяя низость къ бѣшенству, утаскиваютъ значительную часть моихъ денегъ". Въ подвалахъ пьютъ что попало, опорожняютъ бутыли съ лакомъ и кислотами. Нѣкоторые умираютъ въ конвульсіяхъ. Мятежъ наконецъ прекращенъ военною силой. Убитыми и ранеными легло болѣе четырехсотъ человѣкъ. „Парижъ, говоритъ Безанваль, смотрѣлъ на меня какъ на избавителя. Я не могъ нигдѣ показаться чтобы не услыхать похвалы и словъ благодарности. Не то въ Версалѣ. Никто не показалъ мнѣ малѣйшаго знака удовольствія, никто даже слова не сказалъ о происшедшемъ."

Относительно источника мятежа Безанваль дѣлаетъ такое замѣчаніе: „это былъ взрывъ подготовленный враждебною рукой. Я думалъ что онъ идетъ изъ Англіи, ибо не рѣшался еще вполнѣ подозрѣвать герцога Орлеанскаго". Маркизъ де-Ферьеръ прямо приписываетъ событіе эмиссарамъ герцога Орлеанскаго, приставшаго къ революціонной партіи. Что такое было общее мнѣніе при дворѣ упоминаетъ и Лакретель (VII, 24). Тулонжонъ (I, 33) приписываетъ дѣло „людямъ замышлявшимъ уже революцію" и желавшимъ сдѣлать пробу. Бальи, не имѣвшій, повидимому, точныхъ свѣдѣній о подробностяхъ происшествія,—такъ какъ говоритъ: „я не слыхалъ чтобы кто-нибудь погибъ въ столкновеніи",—относительно происхожденія событія замѣчаетъ: „я узналъ потомъ что возмущеніе это весьма вѣроятно было связано съ причинами тайными и общими и было прелюдіей возмущеній имѣвшихъ послѣдовать". Со стороны революціонной партіи былъ пущенъ слухъ, распространившійся несмотря на явную нелѣпость, будто правительство нарочно, если не возбудило, то дало разгорѣться мятежу чтобъ имѣть поводъ къ утѣснительнымъ мѣрамъ и будто Безанвалемъ были недовольны зачѣмъ скоро потушилъ. Сохранилось письмо (помѣщено въ приложеніяхъ перваго тома мемуаровъ де-Ферьера 428), къ королю какого-то свидѣтеля событія пожелавшаго „защитить дѣло жалобнаго человѣчества (de l'humanité plaintive) гласящаго его устами". „Не буду говорить вашему величеству, замѣчаетъ очевидецъ, о глухихъ слухахъ распространяющихся въ публикѣ, которые приписываютъ причину несчастнаго событія врагамъ общаго блага имѣющаго быть утвержденнымъ собраніемъ націи, ибо это затронетъ ихъ личные интересы.

Воздержусь (?) повторять, какъ утверждаютъ, что ихъ преступными руками подкуплена продажная шайка людей обуреваемыхъ нищетой". Письмо обвиняетъ власть въ бездѣйствіи въ началѣ и въ суровости потомъ. „Какая картина! Я видѣлъ, государь, какъ окна болѣе двадцати домовъ были пронизаны пулями, земля обогрена кровью, трупы жертвъ борящихся со смертью въ послѣднемъ издыханіи. Жены плачутъ о мужьяхъ, дѣти жалостно взываютъ къ почившимъ родителямъ, цѣлыя семьи рыдаютъ, стѣнаютъ, вырываютъ волосы". Письмо, свидѣтельствующее какъ старались представить дѣло съ революціонной стороны, оканчивается воззваніемъ къ Неккеру, еденственной опорѣ Франціи (seul soutien de la France).

Пріятель. Какое фальшивое изложенія этого и другихъ революціонныхъ событій находимъ у Мишле! Трудно объяснить это однимъ увлеченіемъ. Развѣ допустимъ въ авторѣ такое сознаніе: я увлекаюсь и въ качествѣ увлекающагося мнѣ позволительно изображать факты въ ложномъ освѣщеніи. По изображенію Мишле, правительство развернуло внушительную силу, помышляя какъ бы пресѣчь движеніе. „Парижъ былъ (I, 9) наполненъ войсками, улицы патрулями; мѣста выборовъ окружены солдатами. Ружья заряжались на улицѣ предъ толпой. Въ виду этихъ тщетныхъ оказательствъ избиратели были тверды. Едва собравшись, они смѣстили предсѣдателей данныхъ имъ королемъ. Важная мѣра, первый актъ національнаго верховенства. Его надлежало завоевать и основать право. Внѣ правъ какая гарантія, какая серіозная реформа!" Это говорится о томъ времени когда не было тѣни угрожающихъ дѣйствій со стороны правительства, не требовалось никакого мужества со стороны избирателей: дѣлали совершенно что̀ хотѣли; когда по свидѣтельству Камиля Демулена (мы приводили это свидѣтельство) „полиція была парализована во всѣхъ членахъ, патріоты одни поднимали голосъ". Актъ произвола выставляется какимъ-то основаніемъ права. Далѣе Мишле описываетъ будто бы въ то время когда собранные избиратели занимались составленіемъ для наказа объявленія о правахъ человѣка (не точно: собраніе занималось этимъ не 27 апрѣля, а позже) „страшный шумъ прервалъ занятія. Толпа въ лохмотьяхъ явилась, требуя головы одного изъ членовъ собранія, избирателя Ревельйона". Ничего этого не было, какъ видимъ изъ мемуаровъ Бальи, гдѣ описаны всѣ подробности засѣданій. Никакой толпы въ собраніе не являлось. Разграбленіе было 28 апрѣля, когда избиратели не

собирались, а 27, при первыхъ попыткахъ, Ревельйонъ отсутствовалъ въ собраніи, тѣмъ не менѣе сохранившемъ его въ числѣ коммиссаровъ для составленія наказа.

И Мишле дивится бездѣйствію властей; замѣчаетъ что если бы мятежъ распространился „все бы перемѣнилось; дворъ имѣлъ бы прекрасный предлогъ стянуть армію къ Парижу и Версалю (за страницу Парижъ былъ уже наполненъ войсками) и прямой поводъ отложить собраніе представителей". А между тѣмъ собраніе избирателей по свидѣтельству Бальи (I, 16) обвиняло правительство зачѣмъ торопится созывомъ на 4 мая, дѣлаетъ де это нарочно чтобы „лишить Парижъ выгоды какую мы можемъ извлечь изъ своего представительства." „Кто хотѣлъ, спрашиваетъ Мишле, замедлить собраніе представителей, кто находилъ нужнымъ устранить избирателей, кто имѣлъ выгоду отъ мятежа? Одинъ дворъ, надо сознаться. Дѣло было такъ для него кстати что можно подумать онъ его и устроилъ. Впрочемъ болѣе вѣроятно что не онъ началъ, но видѣлъ съ удовольствіемъ, ничего не сдѣлалъ къ прекращенію и сожалѣлъ что дѣло кончилось". Это завѣдомо фальшивое заключеніе въ духѣ того что̀ въ эпоху событія распускалось врагами правительства историкомъ вытянуто изъ того обстоятельства что при дворѣ холодно встрѣтили Безанваля—зачѣмъ употребилъ рѣшительныя мѣры. Между тѣмъ какъ понятна эта встрѣча! Въ дѣлѣ несравненно болѣе обширномъ и важномъ, развѣ у насъ усмиритель мятежа 1863 года, графъ Муравьевъ, не былъ встрѣченъ подобнымъ образомъ во вліятельныхъ весьма сферахъ? Риторическое письмо сентиментальнаго гражданина къ королю, о которомъ ты упомянулъ, сѣтуетъ зачѣмъ военный начальникъ не обратился къ грабителямъ съ рѣчью, а употребилъ силу. Самое было бы время произносить рѣчи! Не упустилъ бы случая посѣтовать и Мишле, но это не подходило подъ его систему изложенія. И о крутости мѣръ Безанваля и даже о значительности числа убитыхъ онъ умалчиваетъ. Вотъ какъ пишется исторія!

Авторъ. Парижскіе выборы могутъ дать понятіе и о томъ что̀ вообще происходило въ непривилегированныхъ провинціяхъ (pays d'élection). Въ привилегированныхъ явленія были своеобразны. Въ Дофинэ выборы были въ духѣ новыхъ идей. Въ Бретани привилегированные классы оказали сопротивленіе правительственнымъ мѣрамъ и дѣло дошло до между-

усобныхъ столкновеній. 30 декабря, когда сословные чины собрались въ Реннѣ, депутаты средняго сословія объявили что примутъ участіе въ засѣданіи не прежде какъ будутъ удовлетворены ихъ требованія: отмѣна всякихъ привилегій по отношенію къ налогамъ, право средняго сословія самому избирать представителей (они назначались мерами) и увеличеніе ихъ числа. Отказъ былъ доведенъ до свѣдѣнія правительства. Послѣдовало заключеніе королевскаго совѣта признавшее отказъ незаконнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отсрочившее открытіе мѣстнаго собранія. Это было принято какъ торжество партіи враждебной привилегированнымъ сословіямъ. Были шумныя сборища съ восторженными криками: „да зравствуетъ король“; зажигались иллюминаціи. Дворянство рѣшило не расходиться, и чтобъ оправдать свой образъ дѣйствій выдало декларацію въ которой разъясняло свою готовность на всякое уравненіе податей и обвиняло представителей средняго сословія въ затяжкѣ засѣданій, имѣвшихъ де цѣлью облегчить народныя нужды. Декларація была переведена на мѣстные говоры и распространяема въ деревняхъ. Эта декларація послужила ближайшимъ поводомъ къ междуусобнымъ столкновеніямъ. Въ виду явнаго поощренія правительства притязаніямъ заявлявшимся отъ имени средняго сословія, партіи которую можно назвать революціонною удалось возбудить сильную агитацію противъ дворянства. Для насъ весьма любопытно что орудіемъ агитаціи въ этомъ случаѣ явилась „учащаяся молодежь“. Это явленіе, ставшее у насъ съ шестидесятыхъ годовъ обыкновеннымъ, во Франціи въ ту эпоху было довольно исключительнымъ. Кромѣ Бретани мнѣ не случалось встрѣтить указаній на участіе школьнаго міра въ области политической агитаціи. Но здѣсь образовались многолюдные кружки изъ студентовъ юридическаго и медицинскаго факультетовъ; къ нимъ присоединилась младшая часть судейскаго персонала—клерки прокуроровъ и т. д. Эти группы собирались въ Реннѣ, въ Нантѣ и другихъ городахъ, посылали взаимныя депутаціи, печатали свои адресы въ которыхъ благодарили короля и его министра за „благосклонность къ новымъ мнѣніямъ“ (Raudot, 376); посылали депутаціи къ мѣстнымъ правительственнымъ лицамъ: депутаціи принимались благосклонно. Послѣ дворянской деклараціи, до шестисотъ молодыхъ людей порѣшили давленіемъ силы принудить непокладистое дворянство къ уступкамъ. Замѣчательно что безспорные предста-

вители „народа", лавочники, мѣстные торговцы, рабочіе оказались, какъ и крестьяне по деревнямъ, на сторонѣ дворянства съ которымъ были тѣсно связаны ихъ матеріальные интересы. Произошли кровавыя столкновенія. Въ *Archives parlementaires* (I, 522) есть любопытный документъ: *Достовѣрная реляція о томъ что̀ произошло въ Реннѣ 26, 27 и въ слѣдующіе дни января мѣсяца 1789 года (Rélation authentique de ce qui c'est passé à Rennes les 26, 27 et jours suivants du mois de janvier 1789).* Документъ этотъ изъ лагеря „молодежи", явно пристрастно излагающій событія, тѣмъ не менѣе позволяетъ, если отнестись къ нему критически, составить нѣкоторое понятіе о томъ что̀ происходило и характеристиченъ нѣкоторыми подробностями. „Реляція" обвиняетъ прежде всего дворянство не разошедшееся послѣ предписанной королевскимъ совѣтомъ отсрочки засѣданій, въ „неповиновеніи, мятежѣ противъ самаго законнаго права монарха"; въ „скандальномъ протестѣ противъ заключенія совѣта 27 декабря 1788 года, за которое вся Франція благословила короля и Неккеръ сдѣлался предметомъ удивленія всей Европы", и наконецъ въ изданіи возмутительной деклараціи. Возмущенные этимъ „молодые граждане Ренна, разказывается въ документѣ, въ соединеніи съ небольшимъ (?) числомъ студентовъ юридическаго факультета, находящихся въ этомъ городѣ, обнародовали со своей стороны печатную декларацію чтобъ опровергнуть по личнымъ своимъ свѣдѣніямъ ложныя показанія вѣроломнаго писанія и представили ее муниципальному собранію и графу Тіару". Объявленіе это раздражило дворянъ.

Продолжимъ описаніе какъ оно изложено въ реляціи. „Дворяне, не будучи въ состояніи поднять противъ народа самый народъ употребляютъ усилія поднять своихъ лакеевъ." Разбрасывая деньги, собираютъ подписки, давая по двадцати су за подпись, уговариваютъ рабочихъ, плотниковъ и другихъ собраться на Монмореновомъ полѣ. Собравшуюся толпу спрашиваютъ желаетъ ли чтобы была измѣнена мѣстная конституція составляющая де ея счастье. Кричатъ что надо ее хранить и ходатайствовать объ уменьшеніи цѣны на хлѣбъ „Пьютъ, орутъ и возвращаясь въ городъ кричатъ: мы за дворянство, будемъ драться за наши деньги." *Лакей* есть ихъ лозунгъ; военный крикъ: „бей крѣпче, заработаешь шесть франковъ." Шайка полупьяныхъ лакеевъ съ палками и дубинами

нападаетъ на кофейную служащую обычнымъ мѣстомъ соединенія молодежи; шесть молодыхъ людей избиты. И не только молодые люди, но „даже женатые, отцы семействъ, наконецъ всякій кто, не будучи студентомъ правъ и очень молодымъ, сохранялъ нѣкоторый видъ молодости, поражаются палками и камнями“. На другой день послѣ побоища многіе молодые люди запасаются оружіемъ. Послѣ обѣда въ кофейную, гдѣ собралось человѣкъ до тридцати молодежи, прибѣгаетъ блѣдный, окровавленный человѣкъ на котораго напали дворянскіе лакеи. Негодованіе наполняетъ сердца, „молодые люди становятся страшными“, идутъ къ монастырю гдѣ происходило собраніе дворянства, требуютъ чтобы вышли два члена-устроителя народнаго сборища на Монмореновомъ полѣ. Идутъ переговоры. Отрядъ городской стражи остается зрителемъ. Нѣкоторые неудержимые дворяне восклицаютъ что нечего разговаривать и съ пистолетами бросаются на молодежь. Тѣ отвѣчаютъ выстрѣлами. Волненіе распространяется въ народѣ. Идетъ побоище и употребляется въ дѣло огнестрѣльное оружіе. Дворяне дѣйствуютъ двустволками. Одна дама высшаго круга (une femme de condition) стоитъ у своихъ оконъ съ двумя пистолетами въ рукахъ и кричитъ: „не студентъ ли это идетъ?“ Поведеніе парламента на разслѣдовавшаго дѣла возмутительно. 30 января на призывъ Реннскаго студенчества прибыла масса молодыхъ людей изъ Нанта. Лозунгомъ было: „да здраствуетъ король, да здраствуетъ графъ Тіаръ!..“ „Насъ здѣсь, сказано въ концѣ реляціи, до девяти сотъ молодыхъ людей изъ Нанта и шесть сотъ остальныхъ. Насъ здѣсь обожаютъ“.

Вотъ краткое содержаніе документа. За устраненіемъ явно фальшиваго освѣщенія, изъ него во всякомъ случаѣ явствуетъ что правительство сквозь пальцы смотрѣло на безпорядки и своимъ образомъ дѣйствій поощряло партію противную дворянству, въ свою очередь нашедшему защиту въ мѣстномъ низшемъ торговомъ и рабочемъ классѣ, названномъ въ документѣ *лакеями*, чтобъ обозначить что это были будто бы люди не изъ народа, хотя на самомъ дѣлѣ настоящихъ лакеевъ, очевидно, не могло быть большое число. Нападала по всей видимости молодежь, она же и наиболѣе, повидимому, пострадала. Адвокаты приняли сторону студентовъ и составили мемуаръ на имя короля (*Arch. parl.* I, 528), въ которомъ

говорили между прочимъ: „государь, мы были очевидцами этого преступнаго сборища лакеевъ и дворниковъ (porte-chaises) находящихся въ услуженіи у дворянъ и судейскихъ сановниковъ“. Жаловались на парламентъ подвергающій дѣло по ихъ мнѣнію пристрастному разслѣдованію. Реннскій университетъ въ свою очередь свидѣтельствовалъ что учащіеся въ немъ не были нападающими въ столкновеніи 26 и 27 января „хотя ихъ и другихъ молодыхъ людей и стараются оклеветать предъ королемъ и его министрами“. Представленіе въ пользу молодыхъ людей было сдѣлано также отъ имени средняго сословія нѣкоторыми его представителями. Наконецъ, въ *Archives parl.* (I,531) помѣщенъ куріозный протестъ „матерей, сестеръ, женъ и *возлюбленныхъ* молодыхъ гражданъ города Анжера отъ 6 февраля 1789 года“. „Молодые граждане“ собирались повидимому, подобно Нантской молодежи, отправиться въ Реннъ на помощь. Протестъ именуется *Assemblée et arrêté des mères, soeurs, épouses et amantes des jeunes citoyens d'Angers*“ и гласитъ: „Мы матери, сестры, супруги и *возлюбленныя* молодыхъ гражданъ города Анжера, собравшіяся въ экстра-ординарное собраніе, по прочтеніи постановленій всѣхъ господъ молодежи (de tous messieurs de la jeunesse) и проч., объявляемъ что если безпорядки возобновятся и въ случаѣ отбытія, въ виду соединенія за общее дѣло всѣхъ разрядовъ гражданъ, мы присоединимся къ націи, интересы коей суть наши интересы, и примемъ на себя, такъ какъ сила не нашъ удѣлъ, заботы о богажѣ, провизіи, приготовленіи къ отбытію и всяческія заботы, утѣшенія, услуги, сколько отъ насъ будетъ зависѣть. Протестуемъ противъ всякаго обвиненія въ намѣреніи удалиться отъ уваженія и повиновенія какими мы обязаны по отношенію къ королю; но заявляемъ что скорѣе погибнемъ чѣмъ оставимъ нашихъ возлюбленныхъ (nos amants), нашихъ супруговъ, нашихъ дѣтей и братьевъ, предпочитая безопасности постыднаго бездѣйствія славу раздѣлить съ ними опасность“.

Что касается образа дѣйствія правительства, то вотъ какъ свидѣтельствуетъ о томъ маркизъ Булье (*Mém* 71). „Въ январѣ 1789 въ Бретани произошли великіе безпорядки, источникъ которыхъ былъ совершенно противоположенъ прежнимъ, возбуждавшимся дворянствомъ и парламентомъ. Въ этотъ разъ буржуазія многихъ большихъ городовъ соединилась въ Реннѣ, вооружилась и повела открытую войну противъ

дворянства, съѣхавшагося на собраніе и отъ котораго уже отдѣлились члены средняго сословія. Дворянство было въ продолженіе тридцати шести часовъ осаждено въ его залахъ, затѣмъ подверглось оскорбленіямъ, побоямъ, многіе дворяне были убиты. Начальникъ провинціи, хотя въ Реннѣ и въ Бретани вообще была значительная военная сила, оставался во время безпорядковъ въ бездѣйствіи и не принялъ никакихъ мѣръ къ ихъ прекращенію, хотя баталіонъ гражданъ съ пушками и фурами открыто двигался отъ окраинъ провинціи къ Ренну. По этому поводу я выразилъ г. Монморену (министру иностранныхъ дѣлъ) мое удивленіе что правительство не прекращаетъ безпорядковъ... Онъ, къ моему изумленію, отвѣтилъ: „король слишкомъ недоволенъ Бретонскимъ дворянствомъ и „парламентомъ чтобы защищать ихъ отъ буржуазіи, справед„ливо раздраженной ихъ наглостью и оскорбленіями. Пусть „раздѣлываются сами, правительство не вмѣшается". Я отвѣтилъ ему: „еслибы дѣло шло о томъ чтобы наказать эти „корпораціи, наказанія заслуживающія, вы были бы правы. Но „наказать ихъ принадлежитъ королю. А выдавая ихъ мщенію „ихъ враговъ и соперниковъ, даже какъ бы поддерживая этихъ „послѣднихъ,—такъ должны мы думать,—вы причините великія „неурядицы и зажжете пожаръ, который не въ состояніи бу„дете потушить".—Тогда, отвѣтилъ онъ, если зло разрастется, „пошлютъ маршала де Броль (de Broglie) или васъ чтобы воз„становить порядокъ".—„Ну, не было бы поздно, воскликнулъ я... Монморенъ былъ только органъ Неккера."

Неподкладистое Бретонское дворянство кончило тѣмъ что отказалось послать депутатовъ въ Національное Собраніе.

Кромѣ Бретани крупными явленіями ознаменовались выборы въ Провансѣ. Здѣсь выступилъ Мирабо, страстно домогавшійся избранія въ Національное Собраніе. Репутація безнравственности и таланта и высказанная враждебность къ интересамъ привилегированныхъ классовъ дѣлали невозможнымъ его избраніе въ средѣ дворянства. На непосредственный выборъ въ средѣ средняго сословія онъ мало разчитывалъ, имѣя самое невысокое мнѣніе о силѣ и политическомъ смыслѣ этого сословія. „Среднее сословіе (le thiers), пишетъ онъ 21 января 1789 г. (*Mém.* V, 247; lettre à M. de Comps), не имѣетъ ни плана, ни свѣдѣній. Съ ожесточеніемъ держится за глупости, въ которыхъ неправо и подло уступаетъ въ важнѣйшихъ пунктахъ, въ которыхъ

право. Что за глупыя дѣти люди!" Въ другомъ письмѣ отъ 26 января: „тщетно стараюсь сплотнить среднее; вольные рабы болѣе дѣлаютъ тирановъ чѣмъ сколько тираны дѣлаютъ рабовъ. Никто такъ не вредитъ народу какъ онъ самъ". Мирабо принялъ такой планъ. Онъ въ средѣ дворянскаго собранія явился защитникомъ правъ средняго класса, обличителемъ привилегій, народнымъ трибуномъ, глашатаемъ желаній націи и употреблялъ всяческія усилія чтобы сдѣлать принятую на себя роль повсюду гласною, имя свое раздающимся во всѣхъ ушахъ. Онъ бросился въ эту агитацію со всею энергіей неудержимаго характера и со всею силой великаго ораторскаго таланта. Днемъ произносилъ свои рѣчи, ночью писалъ ихъ для печати и составлялъ брошюры. Наиболѣе впечатлѣнія произвелъ его печатный *Отвѣтъ на протестъ противъ рѣчи графа Мирабо о представительствѣ націи.* Въ этомъ отвѣтѣ находятся знаменитыя строки: „во всѣхъ странахъ, во всѣ времена аристократія неумолимо преслѣдовала друзей народа. И если по какому-либо невѣдомому устроенію судьбы таковой являлся въ ея средѣ, на него въ особенности направляла она свои удары, жаждя выборомъ жертвы внушить ужасъ. Такъ погибъ послѣдній изъ Гракховъ. Но пораженный смертельнымъ ударомъ онъ бросилъ горсть пыли къ небу призывая боговъ-мстителей. Изъ этой пыли родился Марій, Марій менѣе великій истребленіемъ Кимвровъ чѣмъ пораженіемъ аристократіи въ Римѣ".

Усилія Мирабо увѣнчались успѣхомъ. „Головы пекомыя солнцемъ Прованса", какъ выражался онъ о своихъ соотечественникахъ (*Mém.*, V, 246), разогрѣлись до небывалаго энтузіазма. Когда, послѣ кратковременной поѣздки изъ Марселя въ Парижъ, повидимому за денежными средствами (какъ будто безъ его вѣдома были изданы *Письма изъ Берлина, Correspondances de Berlin,* заключавшія секретныя донесенія Мирабо о Берлинскомъ дворѣ и изданіе имѣло большой успѣхъ скандала), Мирабо возвращался назадъ, въ городѣ Ламбескѣ его встрѣтили съ поздравленіемъ чины городской думы (*Mém.*, V, 272). „Тысячи людей; мущины, женщины, дѣти, духовные, солдаты, люди въ орденахъ всѣ кричали: да здравствуетъ графъ Мирабо, да здравствуетъ отецъ отечества!... Хотѣли распречь карету.—Друзья, сказалъ онъ,— люди созданы не для того чтобы носить на себѣ людей вы

и такъ слишкомъ ихъ на себѣ несете!..“ Тѣ же оваціи въ другихъ городахъ. О выѣздѣ изъ Марселя самъ Мирабо писалъ 21 марта графу Караману, начальнику провинціи (письмо было напечатано): „Вообразите сто тысячъ человѣкъ на улицахъ Марселя; весь городъ столь рабочій и коммерческій теряющій день; окна нанимаемыя за луидоръ и за два; лошади также; коляску человѣка, вся заслуга котораго, что̀ послужилъ дѣлу справедливости, покрытую пальмовыми, лавровыми, масличными вѣтвями; народъ цѣлующій колеса, женщинъ протягивающихъ своихъ дѣтей; сто тысячъ голосовъ отъ матроса до милліонера (depuis le mousse jusqu'an millionnaire) восклицающихъ: да здравствуетъ король; четыреста или пятьсотъ отборныхъ молодыхъ людей предшествующихъ мнѣ, триста каретъ за мною слѣдующихъ—и вы получите понятіе о моемъ выѣздѣ изъ Марселя.“ По слову Мирабо подымаются и улегаются народныя волны. Общественное возбужденіе породило безпорядки по поводу дороговизны хлѣба. Начальникъ провинціи обратился къ содѣйствію Мирабо и писалъ ему 20 марта: „Вы слишкомъ любите порядокъ чтобы не уразумѣть послѣдствій многолюдныхъ сборищъ въ минуту когда царствуетъ, не знаю по какому поводу, прискорбное броженіе. Вы не можете дать большаго доказательства любви къ королю и къ счастію королевства, какъ успокоивъ умы, кои должны бы видѣть въ собраніи сословныхъ представителей единственную основу національнаго блага.“ Мирабо издалъ родъ манифеста къ народу. „Добрые друзья мои, писалъ онъ (*Mém.*, V, 411: Avis de Mirabeau au peuple de Marseille, 25 mars 1789), я хочу сказать вамъ что̀ думаю о происшедшемъ въ послѣдніе дни въ вашемъ прекрасномъ городѣ. Выслушайте меня; я имѣю одно желаніе—быть вамъ полезнымъ; я не хочу васъ обманывать... Вы жалуетесь на многія вещи. Знаю. Ну, такъ вотъ, чтобъ исправить то на что̀ вы жалуетесь, вашъ добрый король и созываетъ собраніе въ Версалѣ на 27 число будущаго мѣсяца. Но нельзя все сдѣлать заразъ. Вы жалуетесь главное на двѣ вещи—дороговизну хлѣба и говядины. Займемся, вопервыхъ, хлѣбомъ. Хлѣбъ есть существенное. Относительно хлѣба, если мы благоразумны, будемъ имѣть надлежащее терпѣніе. Нельзя тотчасъ передѣлать все что̀ слѣдуетъ передѣлать. Иначе мы были бы не люди, а ангелы...“ И такъ далѣе въ томъ же поучительномъ тонѣ.

Обращеніе оканчивается новымъ упоминаніемъ о „добромъ королѣ“. „Да, друзья, всюду скажутъ: Марсельцы хорошій народъ. Король узнаетъ объ этомъ, добрый король, котораго не надо огорчать, котораго мы не перестанемъ призывать. Онъ васъ за это еще болѣе будетъ любить и цѣнить. Можемъ ли отказаться отъ удовольствія какое ему сдѣлаемъ въ то время когда онъ именно озабоченъ самыми насущными нашими интересами. Можемъ ли безъ слезъ подумать о минутахъ счастія какимъ онъ намъ будетъ обязанъ“.

Вотъ какимъ языкомъ надо еще было говорить въ 1789 году чтобы пріобрѣсти популярность въ массахъ. И какъ скоро все перемѣнилось!

Наконецъ выборы по провинціямъ кончились. Депутаты направились въ столицу. На кого пало народное избраніе, изъ какихъ элементовъ составилась палата—мы уже имѣли случай говорить.

РАЗГОВОРЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Авторъ. Согласно древнему обычаю и королевскому регламенту отъ 24 января 1789 года, избиратели каждаго округа посословно составляли *наказы* своимъ выборнымъ, носившіе названіе cahiers de doléances, тетради печалованій. Распространивъ избирательное право почти до предѣловъ всеобщей подачи голосовъ, король въ своемъ регламентѣ высказываетъ желаніе „чтобы каждый, ото всѣхъ концовъ государства, отъ обиталищъ наименѣе извѣстныхъ, могъ быть увѣренъ въ возможности довести до его величества свои желанія и требованія.“ Онъ надѣется что „помощію послѣдовательныхъ собраній“ (assemblées graduelles—первыя общія собранія выбираютъ избирателей, избиратели выбираютъ представителей) предписанныхъ для средняго сословія по всей Франціи, онъ „войдетъ въ нѣкоторый родъ сношенія со всѣми обитателями своего государства и сблизится болѣе точно и непосредственно съ ихъ нуждами, желаніями“. (*Arch. Parl.* I, 544). Эти наказы (далеко притомъ не всѣ) въ *Парламентскомъ Архивѣ* (*Archives parlementaires*) занимаютъ болѣе пяти обширныхъ томовъ, по восьмисотъ почти страницъ каждый, мелкой печати, въ двѣ колонны.

Пріятель. Какой это долженъ быть богатый матеріалъ

для сужденія о состояніи Франціи при наступленіи революціи.

Авторъ. Матеріалъ интересный, но далеко не такъ богатый какъ можно бы ожидать по теоріи. Наказы должны были служить свободнымъ выраженіемъ желаній страны, быть истиннымъ, официальную силу имѣющимъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія и освѣтить положеніе дѣла. Не совсѣмъ такъ вышло на практикѣ. Не отрицаю впрочемъ существенной важности наказовъ для изученія государственнаго и общественнаго строенія Франціи стараго порядка. Говорю только что матеріалъ этотъ не такъ разнообразенъ и характеристиченъ какъ можно бы было ожидать. Какія общія впечатлѣнія выносятся изъ утомительнаго, надо признать, чтенія наказовъ? На одно указалъ, если не ошибаюсь, Токвиль. Онъ отмѣчалъ все что̀ указывалось въ наказахъ какъ подлежащее уничтоженію или измѣненію и пришелъ въ ужасъ видя что въ старомъ зданіи не осталось камня который не предназначался бы къ сломкѣ. Фактъ справедливъ, но едва ли можетъ внушать особое изумленіе. Правительство настойчиво требовало указать на измѣненія, объявивъ что предпринимаетъ цѣлое *возрожденіе* страны. Чего иного, кромѣ обреченія существующаго на сломъ, можно было ждать отъ совокупной массы присланныхъ отвѣтовъ? Для меня живѣе другое впечатлѣніе. Эта масса печалованій есть яркое свидѣтельство стадныхъ свойствъ людей соединяемыхъ въ группы. Коллективная единица есть сила способная произвести дѣйствіе, но не организмъ въ полнотѣ его жизни. Было бы всего ошибочнѣе думать что заключеніе тѣмъ истиннѣе чѣмъ болѣе умовъ въ немъ участвовало. Все творческое есть личное. Масса заявленій заключающихся въ наказахъ имѣетъ по отношенію къ главнымъ пунктамъ характеръ алгебраическихъ формулъ заготовленныхъ для собраній, которымъ оставалось только дать буквамъ болѣе частное значеніе, а то и просто переписать формулу цѣликомъ. Эти формулы были составлены политическою печатью эпохи. Чтеніе и толки пріучили къ нимъ общественное ухо; они получили силу требованій подлежащихъ удовлетворенію благодаря тому что проникли въ правительство, стали формулами нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ; возможность осуществленія стала въ зависимости отъ настойчивости требованія. Что такія формулы были даже матеріально заготовлены свидѣтельствуетъ

одинаковость выраженій во множествѣ наказовъ. Очевидно была пересылка во множество мѣстъ готоваго текста желаній. Правительство нашлось даже вынужденнымъ выдать предписаніе долженствовавшее парализовать дѣйствія пропаганды направленной извнѣ на избирательныя собранія гдѣ составлялись наказы. Довольно было проводниковъ пропаганды и внутри собраній.

Пріятель. Мы и по нашему опыту знаемъ какъ не трудно вести дѣло пропаганды среди общественныхъ собраній. Сколько могутъ сдѣлать нѣсколько юркихъ людей, сегодня пишущихъ въ газетахъ, завтра подговаривающихъ членовъ какого-нибудь собранія, думы, клуба, земства, какой-нибудь коммиссіи; бѣгающихъ, склоняющихъ, ораторствующихъ. Готовая формула чрезвычайно облегчаетъ дѣло. Взвѣшивать и обдумывать никому особой охоты нѣтъ, да самостоятельно составлять сужденіе и могутъ то не многіе. Въ общее русло идется охотно; каждая единица ощущаетъ что прибавляетъ собою силу. Искусство въ томъ чтобъ указать русло куда требуется направляться. Вспомни агитацію у насъ по вопросамъ народнаго просвѣщенія, даже безъ вызова правительства, но лишь въ сознаніи поддержки въ части правительственныхъ лицъ. Трудно ли собрать заявленія въ пользу, напримѣръ, допущенія реалистовъ въ университетъ? Можно составить какую угодно охапку. Всякая подобная агитація прекращается только въ одномъ случаѣ: если нѣтъ надежды на успѣхъ въ правительственныхъ сферахъ.

Авторъ. Упомянутое мною распоряженіе есть постановленіе королевскаго совѣта отъ 27 февраля 1789 года. „До свѣдѣнія короля, сказано въ немъ, дошло что во многихъ провинціяхъ старались и теперь стараются затруднить свободу подачи голосовъ его подданныхъ, приглашая ихъ присоединяться своими подписями къ писаніямъ гдѣ заявляются разныя желанія и мнѣнія о наказахъ какіе надлежитъ дать представителямъ націи въ собраніи государственныхъ сословій.“ Таковыя дѣйствія признаны незаконными и подлежащими кассаціи.

Формулы заключающіяся въ наказахъ вѣрно выражаютъ то общественное настроеніе какое сложилось въ эпоху созыва представителей, подъ вліяніемъ приверженцевъ переворота и удачно достигнутаго правительственнаго теченія въ томъ же направленіи, казавшагося уступкой мнѣнію, а бывшаго въ

сущности могущественнымъ его двигателемъ. Формулы эти выражали еще сравнительно умѣренныя требованія и Калонъ въ сочиненіи своемъ *De l'état de la France* (octobre 1790) ясно доказалъ на сколько члены Національнаго Собранія переступили границы указанныя имъ въ наказахъ. И это было естественно. Движеніе увлекавшее къ паденію старый монархическій строй шло по склону. За уступками съ какими напросилось само правительство въ донесеніи Неккера, 27го декабря, послѣдовали требованія и желанія выраженныя въ наказахъ. Національное Собраніе пошло далѣе и создало конституцію монархическую по формѣ, но въ сущности разрушающую монархію. Всѣ наказы единогласно высказались въ пользу монархическаго строя страны. И высказались не только по политическому приличію и въ сознаніи официальнаго характера составляемыхъ тетрадей, но несомнѣнно въ силу тогда еще искренняго убѣжденія громаднаго большинства что другой строй и невозможенъ въ такой странѣ какъ Франція и въ силу признательности къ королю „возродителю націи". Но собраніе лишило короля серіознаго участія въ законодательствѣ, постановивъ что отвергаемый королемъ законъ черезъ извѣстный срокъ, если собраніе настаиваетъ на его утвержденіи, вступаетъ въ силу помимо королевскаго согласія (veto suspensif), и отняло у короля право объявленія войны и заключенія мира. Королевская власть стала балластомъ, скоро и совсѣмъ выкинутымъ за бортъ—монархія смѣнилась республикой.

Касаясь самыхъ общихъ вопросовъ государственнаго устройства, наказы касаются нерѣдко и многихъ мелочей мѣстнаго характера. Нѣкоторыя мелкія подробности этого рода интересны съ бытовой стороны. Вотъ, напримѣръ, наказъ парижскихъ избирателей средняго сословія, излагающій въ литературно-сатирической формѣ жалобы Парижа относительно разныхъ сторонъ городской жизни. Приведу значительную часть этого наказа раздѣленнаго на параграфы (*Cahier particulier et local du thiers de la ville de Paris*; *Arch. parl.* V, 295). Любопытно чего просили избиратели собственно для Парижа.

„§ 1. Чтобы городъ былъ возстановленъ въ своемъ древнемъ естественномъ (?) правѣ выбирать себѣ купеческаго старшину (городскаго голову); чтобъ этотъ первый муниципальный сановникъ могъ быть безразлично избираемъ изъ дворянъ, магистратуры и буржуазіи. Носилъ бы наименованіе мера Парижа.

„§ 3. Чтобы ненавистныя стѣны какими королевскіе откупщики (fermiers du roi) заперли столицу, несмотря на чрезвычайныя усилія парламента и очень энергическій патріотизмъ муниципальныхъ членовъ, были разрушены до основанія на счетъ упомянутыхъ откупщиковъ.

„§ 4. Просить короля проводить зимы въ его добромъ городѣ Парижѣ, по истинѣ добромъ, очень добромъ для его величества.

„§ 6. Уменьшить ужасающую роскошь экипажей, пріостановить ихъ бѣшеную скачку, дабы въ минуту когда каждый кричитъ о свободѣ несчастный пѣшеходъ могъ по крайней мѣрѣ защитить свою жизнь.

„§ 7. Чтобъ устроены были столь давно желаемые тротуары какъ отдѣльное пространство для проходящихъ на большихъ улицахъ; чтобы каретамъ позволялось ѣхать въ одинъ только рядъ и всѣ кабріолеты, даже принадлежащіе принцамъ, снабжены были звонками: пусть эта новая музыка сдѣлается охраной гражданина.

„§ 8. Воспретить домовладѣльцамъ подымать дома выше четвертаго этажа, дабы улицы перестали быть грязными ущельями, куда солнце заглядываетъ кажется съ сожалѣніемъ.

„§ 10. Чтобы развратныя женщины и ихъ покровительницы и вся нечистая рота была переведена въ особый кварталъ...

„§ 11. Чтобы почтенный корпусъ квартальныхъ надзирателей (vénérable corps des commissaires de quartier) былъ измѣненъ, передѣланъ, очищенъ отъ мелкихъ злоупотребленій въ какихъ его упрекаютъ; чтобы лица эти обнаруживали любезность и вниманіе не только къ лавочникамъ снабжающимъ ихъ провизіей и суконнымъ торговцамъ приглашающимъ ихъ обѣдать по праздникамъ, но и послѣднему поденьщику.

„§ 15. Положить границы чрезмѣрной дороговизнѣ квартиръ.

„§ 16. Уменьшить не вѣроятное число этихъ мелкихъ убійцъ, которые подъ покровомъ парика и привилегій, умѣя владѣть только бритвой, суются лѣчить самыя сложныя болѣзни и которымъ какъ бы отдана кровь народа.

„§ 18. Положить границы неправильнымъ барышамъ мясниковъ, которыхъ жены ходятъ въ брилліантахъ, которые содержатъ любовницъ и играютъ въ карты на быковъ (jouent la valeur d'un boeuf à une partie de *triomphe*).

„§ 35. Воспретить мущинамъ ремесло женскихъ парикмахеровъ и портныхъ, вопервыхъ, для приличія и, вовторыхъ, чтобы

не отнимать хлѣбъ у столькихъ несчастныхъ работницъ, которыхъ недостатокъ занятій какъ бы уполномачиваетъ извлекать выгоды изъ своей молодости.

„§ 36. Воспретить содержанкамъ (aux demoiselles), изъ основательныхъ соображеній, имѣть этихъ пажей новаго времени, извѣстныхъ подъ именемъ жокеевъ, да и нѣкоторымъ мущинамъ изъ соображеній еще болѣе основательныхъ".

Я прочиталъ что есть въ наказахъ по вопросу о народномъ просвѣщеніи. Трудъ этотъ чрезвычайно облегченъ обстоятельнымъ указателемъ занимающимъ VII томъ *Archives parlementaires*. Безъ указателя было бы крайне трудно разобраться въ этой массѣ документовъ. Я остоновлюсь на вопросѣ о воспитаніи, имѣя въ особенности въ виду то обстоятельство что у насъ дѣло революціонной пропаганды гнѣздится по преимуществу около высшихъ учебныхъ заведеній и школа составляетъ главную цѣль агитаціи революціонной и вообще клонящейся къ политическому перевороту. Вслѣдствіе этого, сохраненіе нынѣшняго неустройства высшихъ учебныхъ заведеній есть коренной догматъ партіи провозглашающей себя либеральною и всякая попытка вывести эти учрежденія на путь чисто научныхъ интересовъ встрѣчаетъ громадное сознательное и безсознательное противодѣйствіе, поддерживаемое главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ что каждому отдѣльному лицу, въ какую бы одежду оно ни облекалось — архиконсервативную или архилиберальную, *выгоднѣе* содѣйствовать или по крайней мѣрѣ не мѣшать потоку, чѣмъ принимать его напоръ, не имѣя ни въ чемъ поддержки. Совершается дѣло вопреки всякому здравому смыслу, но каждый отъ него сторонится.

Въ какомъ отношеніи къ дѣлу революціи находилась французская школа въ эпоху предшествовавшую перевороту 1789 года? Нѣтъ сомнѣнія что воспитаніе поколѣнія произведшаго этотъ переворотъ было весьма важнымъ его условіемъ. Къ сожалѣнію французскіе историки оставили этотъ предметъ безо всякаго вниманія. Даже у Тэна, такъ внимательно изучившаго все строенія предреволюціоннаго общества, о школѣ въ предреволюціонную эпоху нѣтъ ни слова. Школа очевидно не имѣла того значенія какое злая судьба хотѣла дать ей у насъ, но воспитаніе не могло во всякомъ случаѣ оставаться безъ вліянія. Вообще французская литература не богата сочиненіями и сборниками документовъ по исторіи

народнаго просвѣщенія во Франціи. Вопросы касающіеся этого предмета только въ послѣднее время начинаютъ возбуждать нѣкоторый интересъ. Появляются статьи въ журналахъ, а министерство просвѣщенія, какъ сообщаютъ газеты, намѣрено издать документы по части народнаго просвѣщенія въ революціонную эпоху.

Пока приходится довольствоваться очень немногимъ. Французская школа, блестящая въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII, была въ эпоху когда воспитывалось поколѣніе произведшее революцію въ состояніи значительнаго распаденія. Въ 1763 году совершилось изгнаніе іезуитовъ, стоявшихъ во главѣ дѣла воспитанія во Франціи. Эта побѣда парламентовъ, усиліями которыхъ совершилось паденіе могущественнаго ордена во Франціи, имѣла громадныя послѣдствія. Вліяніе университетовъ, особенно Парижскаго, боровшагося съ іезуитами, поднялось, но педагогическія силы въ совокупности понесли въ странѣ чрезвычайный ущербъ. Политическія цѣли ордена находились лишь въ отдаленной связи съ его педагогическою дѣятельностью. „Какъ обучатели юношества, говоритъ компетентный историкъ Парижскаго университета, г. Журденъ (Jourdain. *Hist. de l'Univ. de Paris*, 398 цитата въ Compayré *Hist. des doctrines de l'education*, II, 240) іезуиты были внѣ всякаго упрека.“ Іезуиты, въ отношеніи педагогическаго искусства, были, по выраженію гжи Жанлисъ (*Mém.* VI, 19), „лучшіе воспитатели этого времени, можетъ-быть всѣхъ временъ“. Съ удаленіемъ іезуитовъ руководимыя ими учебныя учрежденія перешли въ вѣдѣніе университета и парламентовъ. Пришлось замѣщать многочисленный, искусный и преданный дѣлу персоналъ, довольствовавшійся въ матеріальномъ отношеніи крайне малымъ. Г. Эмонъ въ *Исторіи коллежа Лудовика Великаго* (*Hist. du Collège du Louis le Grand*, 1845; 244) приводитъ разговоръ имѣвшій мѣсто чрезъ нѣсколько лѣтъ по изгнаніи іезуитовъ въ библіотекѣ коллежа между принципаломъ коллежа д'Аркура, находившагося въ общемъ вѣдѣніи съ коллежемъ Лудовика Великаго, и другими служащими. Рѣчь шла о недостаткѣ въ хорошихъ воспитателяхъ. „Значитъ мы должны жалѣть объ іезуитахъ?“ возразилъ одинъ изъ присутствовавшихъ. „Вы говорите объ іезуитахъ, съ горячностью возразилъ принципалъ д'Аркура. Ну, такъ знайте же что во Франціи для университета изгнаніе іезуитовъ то же что въ древнее время для

республики въ Римѣ было паденіе Карѳагена. Соревнованіе одушевлявшее обѣ соперничавшія стороны, держало умы въ возбужденіи и обращалось на пользу обученія. Гдѣ теперь этотъ жаръ воспламенявшій и учителей и учениковъ? Приходится сказать что іезуиты унесли съ собою священный огонь хорошаго ученія. Съ тѣхъ поръ какъ они покинули Парижъ усердіе пало въ нашихъ школахъ". Авторъ указываетъ далѣе (251, 255) на ослабленіе внутренней связи между воспитателями и учащимися, на духъ недовольства, „требующій отъ дисциплины отчета въ ея требованіяхъ, отъ управляющей власти въ ея распоряженіяхъ". Наблюденіе приняло характеръ поверхностный, останавливающійся на внѣшности и скрытный, сосредоточенный. Робеспьеръ, таившій развивающееся зерно политической зависти и ненависти, могъ считаться образцомъ въ ученіи и въ поведеніи и при окончаніи курса (въ іюлѣ 1781; онъ воспитывался на благотворительный счетъ, какъ стипендіатъ Арасскаго епископства) получить денежное пособіе и самый похвальный аттестатъ за отличное поведеніе въ теченіе двѣнадцатилѣтняго пребыванія въ коллежѣ и успѣхи въ наукахъ.

На практикѣ школа клонилась къ упадку. За то въ теоріи едва ли когда было такое обиліе новыхъ плановъ ученія и кореннаго преобразованія существующей системы воспитанія. Пресловутое произведеніе Руссо *Эмиль*, не внеся ничего серіозно положительнаго, въ отрицательномъ отношеніи имѣло большія послѣдствія. Гжа Жанлисъ въ своихъ *Мемуарахъ* (*Mém.*, Paris, 1825, T. VI, 14) говоритъ такъ: „Въ теченіе пятидесяти лѣтъ (съ эпохи шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка) общественное и частное воспитаніе были подчинены безчисленному множеству системъ противоположныхъ одна другой. Въ началѣ воспитывали à la Жанъ Жакъ Руссо. Не надо учителей, не надо уроковъ. Дѣти перваго возраста были *предоставлены природѣ* (livrés à la nature), а такъ какъ природа не учитъ правописанію и еще менѣе учитъ латыни, то въ обществѣ „появилась масса молодыхъ людей поразительнаго невѣжества".

Затѣмъ послѣдовала страсть къ естественнымъ наукамъ. „Въ модѣ сдѣлались геометрія, физика, химія. Слушать публичныя лекціи Шарля, Митуара (Mitouard), Сиго Лафона; ѣздить верхомъ по-англійски, объявлять себя глюккистомъ или пиччинистомъ, умѣть говорить объ углекисломъ газѣ—вотъ

что называлось быть хорошо воспитаннымъ. Къ революціи бросились въ политику, всѣ молодые люди сдѣлались государственными мужами.“

Пріятель. Куріозно что тотъ же Руссо, желавшій своимъ *Эмилемъ* произвесть революцію въ педагогіи и проповѣдовавшій въ этой книгѣ нѣкоторую фантастическую систему воспитанія возможную, еслибы даже она была возможна, развѣ для какого-нибудь принца крови имѣющаго богатыя средства исполнить всякую фантазію,—въ своихъ наставленіяхъ политической мудрости по адресу несчастной Польши (*Considération sur le gouvernement de Pologne et sur la réformation projetée en avril* 1772; цитата у Compayré, II, 91) проникается иною идеей, ведетъ совсѣмъ иную рѣчь о нѣкоторой общественной школѣ, имѣющей воспитывать не человѣка вообще въ родѣ Эмиля, а польскаго патріота пропитаннаго отчизновѣдѣніемъ. „Дитя, открывъ глаза, долженъ видѣть отечество и не видѣть ничего кромѣ отечества. Каждый истинный республиканецъ съ молокомъ матери всасываетъ любовь къ отечеству, то-есть къ законамъ и свободѣ. Въ этой любви все его существованіе, онъ видитъ только отечество, живетъ только для него; какъ скоро онъ одинъ—онъ нуль; какъ только онъ не имѣетъ отечества, онъ не существуетъ болѣе... Я хочу чтобъ учась читать Полякъ читалъ о своемъ отечествѣ; чтобы въ десять лѣтъ онъ зналъ всѣ его произведенія, въ двѣнадцать всѣ провинціи, всѣ дороги, всѣ города, въ пятнадцать зналъ бы всю его исторію, въ шестнадцать всѣ законы; чтобы не было въ Польшѣ прекраснаго дѣянія, знаменитаго человѣка, который не наполнялъ бы его памяти и его сердца“.

Авторъ. Въ свою очередь Кондильякъ составлялъ для герцога Пармскаго свою удивительную систему воспитанія. Съ чего должно начинать ученіе ребенка? Съ предварительныхъ уроковъ, leçons préliminaires. Изъ чего же должны состоять эти предварительные уроки? Они имѣютъ предметомъ: 1) природу идей, 2) функціи души, 3) привычки, 4) различеніе души и тѣла, 5) познаніе Бога. За психологіей преподанной въ самомъ раннемъ возрастѣ слѣдуетъ философія исторіи: „человѣкъ и общество въ ихъ исторіи и постепенномъ прогрессѣ“. Грамматика идетъ потомъ (Compayré, II, 177).

Члены парламента, послѣ побѣды надъ іезуитами принявшіе подъ свое покровительство вопросъ школы (особенно

тѣ что „служили музамъ", по выраженію гжи Жанлисъ), составляли свои планы, безъ спеціальныхъ педагогическихъ знаній. Требовалось воспитаніе сдѣлать болѣе свѣтскимъ, болѣе принаровленнымъ къ потребностямъ жизни. Сюда относятся планы Ла-Шалотэ и Ролана.

Правительство въ свою очередь, на словахъ, интересовалось вопросомъ о воспитаніи и когда заходила рѣчь объ этомъ предметѣ ставило его на первенствующее мѣсто, справедливо усматривая зависимость отъ общественнаго воспитанія всей будущности страны. Но какъ скоро доходило до дѣла, важнѣйшій вопросъ отодвигался на задній планъ и въ долгій ящикъ. Мармонтель разказываетъ какъ вызвалъ его серіозный Ламуаньйонъ и предложилъ составить планъ школьной реформы, но дѣло не двинулось, такъ какъ Ламуаньйонъ былъ уволенъ.

Внутренняя расшатанность школы и укрѣпившаяся мысль что школа подлежитъ коренному пріобразованію имѣли важныя послѣдствія. Воспитаніе учащихся раздвоилось. Явились два обученія: одно внутри школы, въ старомъ разваливающемся зданіи, хотя и на крѣпкомъ фундаментѣ, другое внѣ школы на свободномъ мѣстѣ, гдѣ имѣется въ виду безъ фундамента воздвигнуть зданіе самой фантастической архитектуры, согласно новымъ идеямъ. Болѣе и болѣе пріобрѣтало значенія порицаніе, къ какому особенно склонны умы поверхностно относящіеся къ школьному дѣлу, что между существующею школой и жизнью лежитъ пропасть: школа не готовитъ де къ жизни. Въ подобныхъ порицаніяхъ выражается обыкновенно не столько сознательное представленіе о какомъ-нибудь школьномъ планѣ который сдѣлалъ бы возможнымъ прямой переходъ отъ школьной скамьи къ практическимъ занятіямъ, сколько безсознательное ощущеніе несоотвѣтствія началъ лежащихъ въ нравственной основѣ школы, каковыми были въ старой французской школѣ начала религіозное и монархическое, съ охватившимъ волнующуюся часть общества стремленіемъ къ потрясенію именно этихъ началъ. Школа не даетъ того что̀ требуетъ жизнь. Что̀ это значитъ? Когда это говорится въ эпоху безпокойнаго политическаго настроенія можно быть увѣреннымъ что дѣло идетъ вовсе не объ удовлетвореніи практическимъ требованіямъ жизни. Практическая жизнь требуетъ дѣльныхъ людей для разныхъ поприщъ. Не это имѣется въ виду когда идетъ рѣчь,—какъ было во Франціи,—о воспитаніи „человѣка" и „гражданина",

или,—какъ у насъ,—объ общеобразовательной реальной школѣ". Въ эпоху начала пятидесятыхъ годовъ у насъ, страха ради французской революціи 1848 года, правительство усиленно вводило „реальное образованіе" (дѣлало именно то самое къ чему рвутся теперь извѣстныя партіи). Но тогда образованіе это вовсе не пользовалось популярностью въ той области, которая нынѣ зоветъ себя общественнымъ мнѣніемъ, то-есть въ области повторенія натверженныхъ формулъ. Наступили новые порядки. Перемѣнилась и декорація. „Общеобразовательная реальная школа" сдѣлалась въ кружкахъ именующихъ себя либеральною партіей однимъ изъ основныхъ требованій, какъ вслѣдствіе сознанія особаго соотвѣтствія подразумѣваемой подъ этимъ именемъ школы съ „требованіями жизни" понимаемыми въ извѣстномъ смыслѣ, такъ и изъ ненависти ко всему идущему изъ инаго источника, и наконецъ, изъ естественнаго стремленія составителей ходячихъ формулъ свой собственный типъ считать наилучшимъ и желать чтобы таковой именно вырабатывался въ школѣ. Источникъ горячности исключительно въ политической подкладкѣ дѣла. Многіе добросовѣстные, но политически не дальновидные люди этого не замѣчаютъ и полагаютъ что все дѣло въ исканіи наилучшаго пути для научнаго образованія юношества. Но удалите политическую подкладку, удалите элементъ агитаціи и пропаганды и увидите—дѣло приметъ совсѣмъ иной видъ. Французская предреволюціонная агитація въ пользу школьной реформы отличалась отъ нашей тѣмъ что не была ни злою, ни напряженною, такъ какъ ея политическая подкладка была въ общихъ идеяхъ и ученіяхъ и собственно политическій элементъ примѣшивался къ ней лишь косвенно.

О школѣ внѣ школы свидѣтельствуетъ анекдотъ встрѣченный мною въ *Mémoires et souvenirs d'un pair de France* (Paris, 1829, I, 18). Эти анонимныя *Воспоминанія* въ историческомъ отношеніи не имѣютъ цѣны. Но нѣтъ никакого основанія считать приводимый разказъ выдумкой. Авторъ въ 1778 году учился въ одномъ изъ парижскихъ коллежей и своимъ дядей былъ представленъ находившемуся тогда въ Парижѣ Вольтеру. „Вольтеръ, говоритъ онъ, спросилъ въ какомъ я классѣ. Въ риторикѣ, отвѣчалъ я, дрожа и краснѣя. Онъ это замѣтилъ и принявъ насмѣшливый видъ, сказалъ: я пугаю васъ.—О нѣтъ, но вы меня уничтожаете. Это ему польстило.—Я полагаю васъ знакомятъ только съ греческими и латинскими авторами? — Мы заучиваемъ наизусть

лучшіе отрывки новыхъ геніальныхъ писателей, Расина, Корнеля, Вольтера, прибавилъ я запинаясь. Вольтеръ остался доволенъ. Я возвратился въ коллежъ, гдѣ неустанно разказывалъ о моемъ счастіи. Безпрерывно мнѣ приходилось повторять разказъ предъ новыми слушателями. Префекты, репетиторы, сами профессоры жадно выслушивали всѣ подробности и завидовали выпавшему на мою долю счастію говорить съ г. Вольтеромъ.“ Такъ цѣнилось въ заведеніи управляемомъ духовными лицами вниманіе писателя столь враждебнаго католичеству и духовенству. Если подъ такимъ обаяніемъ внѣ-школьнаго потока были наставники, что сказать объ ученикахъ? Въ обширной похвальной біографіи Робеспьера, написанной Гамелемъ (*Histoire de Robespierre*, par Ernest Hamel, Paris, 1879, I, 14), къ сожалѣнію безо всякихъ ссылокъ на источники, упоминается, съ восхищеніемъ конечно, объ учителѣ республиканскихъ убѣжденій, являвшемся проводникомъ въ школу внѣ школьнаго потока и имѣвшемъ великое вліяніе на героя біографіи. „Одинъ изъ его профессоровъ риторики, говоритъ г. Гамель, мягкій и ученый Геpиво (Hérivaux), особенно его цѣнившій и любившій, не мало содѣйствовалъ къ развитію въ немъ республиканскихъ идей... Этотъ честный дѣятель (позволю себѣ такъ перевести, принаровляясь къ нашей терминологіи, выраженіе le brave homme) сдѣлался апостоломъ идеальнаго правленія, объясняя юнымъ слушателямъ лучшія мѣста наиболѣе чистыхъ (des plus pures?) авторовъ древности, стараясь вдохнуть въ нихъ огонь своихъ горячихъ убѣжденій. Робеспьера, котораго сочиненія дышали нѣкотораго рода стоическою моралью и священнымъ энтузіазмомъ свободы, онъ назвалъ Римляниномъ“.

Гизо въ небольшомъ сочиненіи своемъ *Essai sur l'histoire et sur l'état actuel de l'instruction publique en France* (Paris, 1816, стр. 30) говоритъ: „Когда припомнишь этотъ взрывъ первыхъ лѣтъ революціи, то едва можно представить себѣ какимъ образомъ поколѣніе воспитанное подъ монархическимъ правленіемъ религіозными корпораціями оказалось до такой степени чуждымъ ученіямъ и привычкамъ на которыхъ покоились правительство и религія его страны. Состояніе школы до извѣстной степени объясняетъ это явленіе“. Какъ школа духовная она распалась; въ школу національную не преобразовалась. Матеріалъ доставляемый ученьемъ, и въ смыслѣ свѣдѣній и въ смыслѣ развитія ума, обратился, при ослабленной къ тому же серіозности

ученья, на служеніе цѣлямъ внушеннымъ не школой, а тѣми внѣшкольными вліяніями какія стали сильнѣе школьныхъ. Когда основы школы и общественныя господствующія стремленія были въ соотвѣтствіи, въ XVI, XVII вѣкахъ, выраженіе *„ученый изъ коллежа, un savant de collège* было, замѣчаетъ Гизо, почетнымъ; теперь оно сдѣлалось предметомъ насмѣшки и презрѣнія какъ обозначеніе знаній безполезныхъ въ жизни".

Гизо указываетъ на фактъ капитальной важности. Обученіе высшихъ классовъ сильно ослабѣло. Іезуиты унесли съ собою ихъ удивительное искусство достигать серіозныхъ результатовъ, въ мѣру способностей, съ учащимися изъ знатныхъ и богатыхъ семействъ, могущими съ легкостію прожить вѣкъ безъ ученія. Ученіе въ привилегированныхъ классахъ, при общемъ требованіи легкости, изгнанія всего принудительнаго, сильно ослабѣло. „Но тогда какъ люди имѣвшіе, говоритъ Гизо (28), по своему положенію въ обществѣ нужду въ приличествующемъ и крѣлкомъ среднемъ образованіи, его въ коллежахъ не получали, тогдашнее недостаточное ученіе раздавалось въ обиліи и почти даромъ въ массѣ молодыхъ людей низшаго общественнаго положенія, которые къ концу ученія пріобрѣтали отвращеніе къ состоянію ихъ отцовъ, оказывались безъ опредѣленнаго положенія въ мірѣ, готовые схватить всякій случай чтобы получить таковое, чего бы это ни стоило обществу, среди котораго ихъ мѣсто не было естественно отмѣчено".

Въ сочиненіи аббата Пройяра *Лудовикъ XVI лишенный трона* (l'abbé Proyart: *Louis XVI détrôné avant d'être roi*, Paris, 1801) наталкиваемся на любопытный фактъ (227). Указывая послѣдствія кризиса произведеннаго изгнаніемъ іезуитовъ, авторъ говоритъ: „Появились планы обученія самые странные... Шарлатанство организовало свои гимназіи и академіи, и юношество сбѣгалось покупать цѣной золота даръ всеобщей науки. Молодому человѣку обѣщаютъ что выйдетъ изъ школы умѣя пѣть, танцовать, ѣздить верхомъ, переплывать рѣки, и наконецъ ботанизировать. Присоединяютъ что, при расположеніи съ его стороны, онъ выучится резонировать о республиканскихъ преніяхъ Греціи и Рима, пробѣгать міръ по картѣ, говорить о числахъ и поверхностяхъ; заучитъ номенклатуру искусствъ и ремеслъ и поверхъ всего будетъ умѣть съ увѣренностію разыграть роль въ

комедіи... Наиболѣе извѣстности изъ этихъ новыхъ школъ пріобрѣли *военныя*. Десятилѣтній воспитанникъ, съ ружьемъ на плечѣ, стоитъ, въ очередь, на часахъ подъ окномъ содержательницы пансіона. Будятъ его по звуку барабана, барабаномъ же дается сигналъ ко всѣмъ дневнымъ занятіямъ. Этотъ родъ воспитанія нравится родителямъ. Купецъ, мѣщанинъ очень довольны что сынъ получаетъ дворянскій лоскъ льстящій ихъ самолюбію. Расположеніе къ этого рода школамъ растетъ съ каждымъ днемъ и число ихъ увеличивается въ провинціяхъ и въ столицѣ... Многіе коллежи соревнуя этимъ шумнымъ лицеямъ болѣе походятъ на крѣпости чѣмъ на мирные дома воспитанія... Одно изъ великихъ наслажденій парижскаго буржуа отправиться въ воскресенье въ пансіонъ сына посмотрѣть его въ мундирчикѣ выдѣлывающимъ съ товарищами военныя эволюціи и примѣрныя сраженія.“ Заведенія этого рода, очевидно, были порождены стремленіемъ къ легкому ученью, модою на гимнастику, на свѣдѣнія изъ естествознанія и т. п.

Подтвержденіе показанію Пройяра можно найти въ *Мемуарахъ* Дюмурье (*La vie et les memoires du général Dumouriez* II, 68). Дюмурье упоминаетъ что въ 1790 году „онъ видѣлъ на улицѣ Монмартръ, гдѣ жилъ,—маленькій дѣтскій баталіонъ изъ дѣтей купцовъ и горожанъ. Благовоспитанные, хорошо одѣтые, милые мальчики ходили часто для военныхъ упражненій въ Елисейскія Поля за Тюильри. Дюмурье пришла мысль что королева въ первые весенніе дни могла бы сводить туда дофина, сначала изъ любопытства; поласкать дѣтей, раздать чрезъ сына подарки, свести его непринужденно съ нѣсколькими изъ нихъ. А сама поласкала бы матерей, хваля дѣтей, и чрезъ нѣсколько времени выразила бы желаніе чтобъ и ея сынъ вступилъ въ баталіонъ. Это исполнило бы радостью тогдашнихъ *добрыхъ* Парижанъ.“ Дюмурье составилъ даже небольшой мемуаръ объ этомъ предметѣ и ссылался на примѣры Сезостриса, Кира и Петра Великаго. Королева не согласилась.

Пріятель. По поводу вліяній извнѣ, ученья внѣ школы, какъ ты выразился, мнѣ припомнились любопытныя страницы находящіяся во второмъ томѣ послѣдняго полнаго изданія сочиненій Дидро (*Oeuvr. compl.* pas Assézat, Paris, 1875, II, 75). Оказывается что въ предреволюціонной Франціи былъ

своего рода нигилизмъ, не въ смыслѣ впрочемъ политической секты. Произведеніе о которомъ я говорю, писанное въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, есть сатира написанная „однимъ богословомъ", весьма ѣдкая, въ которой высказаны въ крайнемъ результатѣ отрицательныя ученія проводимыя энциклопедистами. Оно знакомитъ съ тогдашнимъ нигилистическимъ кодексомъ для молодыхъ умовъ желавшихъ „отложить предразсудки". Произведеніе озаглавлено: *Посвященіе въ великія начала или пріемъ философа (Introduction aux grands principes ou réception d'un philosophe).* Вотъ этотъ разговоръ съ небольшими сокращеніями:

Мудрецъ. Кого ты намъ представляешь?

Крестный отецъ. Ребенка который хочетъ стать человѣкомъ.

Мудрецъ. Чего онъ желаетъ?

Крестный отецъ. Мудрости.

Мудрецъ. Какихъ онъ лѣтъ?

Крестный отецъ. Двадцати двухъ.

Мудрецъ. Женатъ?

Крестный отецъ. Нѣтъ и даже не женится, но онъ хочетъ пережепить поповъ и монаховъ.

Мудрецъ. Какой онъ націи?

Крестный отецъ. Родился Французомъ, но натурализовался дикаремъ.

Мудрецъ. Какой религіи?

Крестный отецъ. Его родители сдѣлали его католикомъ, самъ онъ перешелъ въ протестантство, теперь желаетъ сдѣлаться философомъ.

Мудрецъ. Прекрасное расположеніе. Надо испытать его правила. Молодой человѣкъ, чему ты вѣришь?

Прозелитъ. Только тому что̀ можетъ быть доказано.

Мудрецъ. Прошедшее, какъ уже не существующее не можетъ быть доказано.

Прозелитъ. Я ему не вѣрю.

Мудрецъ. Будущее, еще не существующее, не можетъ быть доказано.

Прозелитъ. Я ему не вѣрю.

Мудрецъ. Настоящее прошло пока его доказываютъ.

Прозелитъ. Я вѣрю только тому что̀ мнѣ доставляетъ удовольствіе.

Мудрецъ. Вѣруешь ли въ Бога?

Прозелитъ. Это глядя по: если понимать подъ этимъ природу, общую жизнь, общее движеніе — вѣрую. Если даже понимать верховный разумъ, все расположившій и предоставившій дѣйствовать вторичнымъ причинамъ (causes secondes) вѣрю. Но далѣе не иду...

Мудрецъ. Что̀ думаешь ты о душѣ?

Прозелитъ. Что она, можетъ-быть, есть не болѣе какъ результатъ нашихъ ощущеній...

Мудрецъ. Что думаешь о происхожденіи зла?

Прозелитъ. Думаю что оно порождено цивилизаціей и законами. Человѣкъ добръ по природѣ.

Мудрецъ. Въ чемъ по твоему мнѣнію обязанности человѣка?

Прозелитъ. Онъ ни къ чему не обязанъ. Онъ родился свободнымъ и независимымъ.

Мудрецъ. Что думаешь о справедливомъ и несправедливомъ?

Прозелитъ. Это чисто условныя вещи...

Мудрецъ. Обѣщаешь ли считать разумъ верховнымъ рѣшителемъ того что могло и должно сдѣлать Верховное Существо?

Прозелитъ. Обѣщаю.

Мудрецъ. Обѣщаешь ли признавать непогрѣшимость чувствъ?

Прозелитъ. Обѣщаю.

Мудрецъ. Обѣщаешь ли вѣрно слѣдовать голосу природы и страстей?

Прозелитъ. Обѣщаю.

Мудрецъ. Вотъ это называется человѣкъ! Теперь чтобы сдѣлать тебя вполнѣ свободнымъ перекрещаю тебя во имя *Эмиля*, *Духа* (Гельвеція) и *Философскаго Словаря* (Вольтера). Теперь ты настоящій философъ и находишься въ числѣ счастливыхъ учениковъ природы. Силою и властію ею тебѣ какъ и намъ данной иди, вырывай, уничтожай, разрушай, толчи ногами нравы и религію. Мути народы противъ государей, освобождай смертныхъ отъ ига божескихъ и человѣческихъ законовъ. Ты подтвердишь ученье свое чудесами: будешь ослѣплять видящихъ, лишать слуха слышащихъ, дѣлать хромыми идущихъ прямо. Будешь производить змѣй подъ цвѣтами и все чего коснешься обратится въ ядъ".

Дидро отвѣчалъ тоже въ формѣ разговора (*Le prosélyte repondant par lui-même*; *Oeuvr*, II, 80), но надо признаться слабо.

Авторъ. Обратимся къ наказамъ. Наиболѣе подробно и обстоятельно говорится о воспитаніи въ наказахъ духовенства. Оно держало еще школу въ своихъ рукахъ, хотя связь его съ нею и была уже сильно надорвана. Сравнительно немногое можно встрѣтить въ наказахъ дворянства, нѣсколько болѣе въ тетрадяхъ средняго сословія. Огромное большинство наказовъ ограничивается простымъ пожеланіемъ чтобы дѣло воспитанія было существенно преобразовано. „Чтобы были направлены заботы на воспитаніе юношества въ городахъ и селахъ, нынѣ абсолютно пренебреженное" (*Arch. Parl.*, V, 45, 136; IV, 608, 637, 651, 676, 757 и проч.). Эта фраза

повторяется въ очень многихъ наказахъ имѣющихъ явно общее происхожденіе по данному образцу. „Чтобы былъ составленъ общій планъ воспитанія общественнаго и поистинѣ національнаго“ (III, 125). О планѣ *національнаго* воспитанія упоминается во множествѣ наказовъ, но безо всякихъ указаній въ чемъ долженъ состоять этотъ планъ и какъ понимать выраженіе *національный*. Въ большинствѣ случаевъ терминъ означаетъ, повидимому, *государственный*, иногда *свѣтскій* въ противоположность *духовному*.

Воспитаніе находится въ самомъ печальномъ состояніи (étet dèplorable)—это общая тема. Заявленіе вполнѣ соотвѣтствующее общему духу наказовъ признававшихъ „въ печальномъ состояніи“ весь государственный и общественный строй, подлежащій ломкѣ за которою должно послѣдовать возрожденіе. Но подъ источникомъ „печальнаго состоянія“ разумѣются весьма не одинаковыя вещи. Для духовенства оно есть послѣдствіе ослабленія духовнаго авторитета въ школѣ. Для большинства свѣтскихъ реформаторовъ оно происходило (прямо этого не высказывается, но можно объ этомъ догадываться) отъ того что воспитаніе еще остается въ рукахъ духовенства и особенно членовъ монашескихъ орденовъ.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ наказовъ духовенства. Парижское духовенство (V, 264) признаетъ что Парижскій университетъ обладаетъ достаточными педагогическими силами, но „съ горькимъ сожалѣніемъ усматриваетъ что, можно сказать, изсякли источники перваго воспитанія (les sources de la premiére éducation pour ainsi dire taries) и бо́льшая часть провинціальныхъ коллежей, прежде столь цвѣтущихъ, не имѣютъ часто учителей которые заслуживали бы довѣрія по нравственности, талантамъ и устойчивости.“

Въ тетради Парижскаго церковнаго капитула (cahier du châpitre de l'Eglise de Paris) читаемъ: „Зло котораго мы свидѣтели и которое еще болѣе грозитъ грядущимъ поколѣніямъ побуждаетъ насъ настойчиво просить его величество принять дѣйствительныя мѣры дабы возвратить общественному воспитанію блескъ и полезность имъ утраченные. Многіе изъ главныхъ заведеній болѣе не существуютъ. Эти драгоцѣннѣйшіе источники почти изсякли въ наши дни и въ большинствѣ городовъ, гдѣ они приносили столько пользы религіи и литературѣ (aux lettres), замѣнились учрежденіями темными и частными, эфемерными и подозрительными“ (V, 268).

Перонское духовенство (Cahier des doléances du clergé de Péronne) пишетъ: „Университеты малочисленны и дурно распредѣлены въ королевствѣ. Между тѣмъ они могутъ быть безконечно полезны для возрожденія общественнаго воспитанія, коимъ крайне необходимо заняться въ національномъ собраніи. Со времени роковаго уничтоженія іезуитовъ, провинціальные коллежи часто находятся въ рукахъ учителей безъ знаній, безъ нравственности, безъ устойчивости и даже безъ религіи. Большинство родителей опасаются воспитывать дѣтей въ коллежахъ и это паденіе довѣрія къ общественному воспитанію одна изъ глубокихъ язвъ религіи. Чтобы вновь оживить вкусъ къ нему въ націи, собраніе сословныхъ представителей должно обязать религіозныя корпораціи и въ особенности ученыя конгрегаціи принять коллежи въ свое вѣдѣніе.“ Духовенство высказываетъ далѣе мысль объ учрежденіи въ родѣ будущаго наполеоновскаго университета, но въ рукахъ духовенства (V, 350).

Провинціальное духовенство Велейскаго сенешальства (sénéchaussée de Velay) выражается такъ: „Общій крикъ (le cri général) всѣхъ сословій уже давно обличилъ недостатки общественнаго воспитанія и безчисленныя злоупотребленія существенно вытекающія изъ новаго устройства (de la nouvelle police) большей частью коллежей. Между тѣмъ отъ этой такъ заслуживающей вниманія части общественнаго управленія зависитъ участь государства. Всякая въ ней перемѣна, всякая передѣлка отражается соотвѣтствующимъ переворотомъ въ государственномъ строѣ. Наше дурное воспитаніе есть къ несчастію обильный ростками зародышъ развращенія нравовъ нынѣшняго поколѣнія. Если дѣйствіе его было такъ быстро, какая страшная перспектива представляется для будущихъ поколѣній!... Духовенство ходатайствуетъ: 1) о новомъ планѣ воспитанія на религіозной основѣ.... 2) Въ случаѣ если призваніе іезуитовъ не можетъ состояться, о созданіи національнаго общества, которому было бы ввѣрено важное дѣло воспитанія.“ (V, 458).

По вопросу о воспитаніи наказы средняго сословія ограничиваются обыкновенно нѣсколькими строками общаго указанія. Наиболѣе длинное указаніе принадлежитъ среднему сословію города Ангулема. Оно заключается впрочемъ не въ общей, очень краткой, тетради жалобъ этого сословія въ мѣстномъ сенашальствѣ, а въ особомъ мемуарѣ посланномъ на

имя Неккера отъ городскихъ депутатовъ недовольныхъ общимъ собраніемъ депутатовъ провинціи и жалующихся на „кабаль и интриги“ обнаружившіеся при выборахъ и на давленіе депутатовъ отъ селеній. Мнѣнія заключающіяся въ мемуарѣ впрочемъ ничѣмъ существенно не отличаются отъ мнѣній высказанныхъ въ общей тетради. Мемуаръ внимательно останавливается на положеніи коллежа въ Ангулемѣ. „Когда, сказано въ мемуарѣ (II, 14), іезуиты были изгнаны изъ Ангулемскаго коллежа, для полной его знаменитости не доставало только исполненія грамоты (lettres patentes) 1566 года, предоставлявшей городу Ангулему право имѣть университетъ. Пансіонъ при коллежѣ былъ наполненъ молодыми учащимися; болѣе трехсотъ экстерновъ посѣщали классы. На нѣсколькихъ младшихъ учителей (quelques-uns des régents) было возложено временно замѣнить іезуитовъ. Эдиктъ 1763 года и постановленіе парламента отъ 29 января 1765 касательно устройства и администраціи общественныхъ школъ въ Ангулемѣ не возродили утраченнаго довѣрія: ежегодно безъ пользы употребляется 4.000 ливровъ для тридцати школьниковъ посѣщающихъ коллежъ“... Мемуаръ указываетъ далѣе что вліявшія на школьное устройство „мнѣнія, противорѣчившія одно другому“ произвели то что „для трехъ поколѣній пропалъ плодъ воспитанія“ и указываетъ на необходимость передать школу въ руки какой-либо духовной корпораціи.

Что касается университетовъ, то во многихъ наказахъ встрѣчается указаніе на неудовлетворительное состояніе медицинскаго обученія и въ особенности на крайнее паденіе экзаменовъ въ юридическихъ факультетахъ. Профессорскія коллегіи, пользовавшіяся выгодами отъ производившихся ими испытаній, повидимому, раздавали юридическія степени безъ сколько-нибудь серіозной провѣрки знаній экзаменующихся. Во введеніи къ сочиненію Мунье *De l'influence attribuée aux philosophes sur la révolution* (Paris, 1828, 2me edit., XIII) разказывается со словъ автора что онъ, на девятнадцатомъ году, сдалъ экзаменъ на бакалавра правъ въ маленькомъ университетѣ въ Оранжѣ, бывшемъ въ вѣдѣніи Гренобльскаго парламента, выучивъ наизусть нѣсколько десятковъ строкъ на латинскомъ языкѣ, содержавшихъ и вопросы и отвѣты.

Къ чести составителей наказовъ надлежитъ замѣтить что вопроса собственно объ учебномъ планѣ въ коллежахъ, какъ вопроса спеціальнаго, касались весьма немногіе. Чего бы,

воображаю, не написали у насъ, еслибъ обратиться съ запросомъ по этому предмету къ нашимъ общественнымъ группамъ или ихъ представителямъ! Еще Гоголь, устами Городничаго, замѣтилъ что у насъ такая ужь это несчастная учебная часть: всякій въ нее суется, желая показать что и онъ тоже умный человѣкъ. Во французскихъ наказахъ можно встрѣтить три, четыре указанія какъ измѣнить учебный планъ, имѣющихъ болѣе характеръ куріозовъ. Такъ среднее сословіе въ Бордо (*Arch. parl.* II, 405) требуетъ „чтобы собраніе сословныхъ представителей составило новый планъ національнаго воспитанія; чтобы вмѣсто этой старой методы истрачивающей первые годы человѣка на сухое изученіе мертваго языка, были устроены учебныя заведенія гдѣ законъ Божій, мораль, литература, языки, науки, исторія, международное право (droit des gens) и естественное право (droit naturel), составляли бы предметъ преподаванія, приличествующаго нынѣшнему времени, общественному дѣлу (chose publique) и подданнымъ обширнаго и богатаго государства". Дворянство въ Шато-Тьери желаетъ чтобъ „общественное образованіе не ограничивалось болѣе изученіемъ одного латинскаго языка, но обнимало бы въ то же время всѣ знанія какія могутъ быть полезны военному, юристу, медику, а также и нѣкоторыя пріятныя искусства (quelques arts agreables)". Въ обширной „тетради" Эссонскаго прихода близь Парижа (Paris extra muros), подъ которой, между прочимъ, значатся имена девяти гражданъ заявившихъ что не умѣютъ писать и даже подписаться (ont declaré ne savoir ecrire ni signer), значится (*Arch. parl.* IV, 552): „чтобы порядокъ общественнаго обученія въ городахъ былъ измѣненъ; чтобъ утро употреблялось, по степени познаній учащихся: 1) на изученіе французскаго языка и на сочиненія на этомъ языкѣ; 2) на изученіе морали; 3) на первыя начала общественнаго права (droit public). Вечеръ же долженъ быть употребляемъ на изученіе языковъ мертвыхъ и иностранныхъ. Это, думаемъ мы, единственное средство создать гражданъ и сдѣлать изъ нихъ подданныхъ полезныхъ государству".

Вопросъ, столь у насъ многимъ любезный, о вмѣшательствѣ общества въ дѣло школы также оставленъ въ сторонѣ. Впрочемъ городъ Ремиремонъ (*Arch. parl.* IV, 14), указавъ въ § 13 „преобразованіе нравовъ и общественнаго воспитанія", желаетъ чтобы „городъ или его муниципальные чиновники (la

ville ou ses officiers de police) вмѣстѣ съ приходскими священниками выбирали учителей латинскаго языка (régents de a langue latine) и школьныхъ наставниковъ (maîtres d'école)." Въ послѣдствіи революціонные реформаторы дали широкое мѣсто „участію общества" въ дѣлахъ школы. Учителей въ Центральныя школы замѣнившія коллежи назначали „присяжные по части просвѣщенія"—jury d'instruction publique, изъ общественныхъ дѣятелей. Произошли великіе куріозы.

Въ заключеніе замѣчу что въ нѣкоторыхъ наказахъ предлагается составить для школъ „національный катехизисъ" (catéchisme national) съ изложеніемъ въ общедоступной формѣ началъ имѣющей быть составленной государственной конституціи.

РАЗГОВОРЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

Пріятель. Странное впечатлѣніе въ запискахъ людей конца прошлаго вѣка во Франціи производитъ сравненіе главъ описывающихъ французскую жизнь образованнаго круга въ предреволюціонную эпоху съ изображеніемъ невѣроятныхъ явленій эпохи революціи. Особенно это рѣзко у лицъ которыхъ переворотъ засталъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ и преклонныхъ какъ у Мармонтеля и аббата Мореле. Точно двѣ разныя страны!

Авторъ. Историки революціи разсматривающіе событіе съ высоты своихъ политическихъ теорій нерѣдко проглядываютъ что дѣйствующими лицами этого событія были живые люди и забываютъ ту массу страданій которая была принесена въ страну совершателями переворота болѣе всего говорившими о благѣ человѣчества. Во что обошлась революція и что она произвела? Теоретикъ революціонной доктрины наговоритъ объ этомъ чудеса. Наблюдатель безпристрастный усмотритъ что революція какъ государственный переворотъ произвела одно—перемѣщеніе власти отъ законной династіи, чрезъ безумный Конвентъ, въ руки геніальнаго похитителя престола. Его войнами, во имя началъ вовсе не революціонныхъ, опредѣлилось само всемірное значеніе французской революціи какъ историческаго событія. Не было политическаго положенія презрѣннѣе того въ какое революція съ первыхъ лѣтъ своихъ поставила Францію. Лордъ Аукландъ (Auckland),

представитель Англіи въ Голландіи, въ офиціальный бумагѣ называетъ членовъ Конвента „мерзавцами (misérables) образующими то что они называютъ Національнымъ Конвентомъ", ихъ собраніе „соединеніемъ негодяевъ, мнимыхъ философовъ, мечтающихъ въ избыткѣ тщеславія о средствѣ утвердить новый общественный порядокъ". Боркъ еще въ 1790 году говорилъ въ парламентѣ о Франціи: „Францію съ политической точки зрѣнія можно разсматривать какъ исключенную изъ европейской системы: политически она не существуетъ". Эти факты я встрѣтилъ въ переводномъ сборникѣ *Recueil de discours prononcés au Parlement par Fox et Pitt* (Paris 1819; IX, 90; XI, 5, 57).

Выдвигая среднее сословіе какъ политическую силу, Французское правительство, какъ мы видѣли, близоруко надѣялось опереться на эту силу. Оно не замѣчало что выдвигаетъ такимъ образомъ не среднее сословіе, само по себѣ представлявшее косную политическую массу, но тѣхъ кого мы назвали ходатаями за это сословіе, интеллигентное разночинство, преобразовавшееся затѣмъ въ якобинство. Могущественнымъ революціоннымъ рычагомъ было чувство зависти и озлобленія именно въ этомъ межеумочномъ классѣ. Серіозной грани въ правахъ дворянъ и не дворянъ уже не было, феодализмъ былъ уже разрушенъ, дворянство не было правящимъ классомъ, доступъ въ него чрезвычайно облегчился. Но въ общественномъ сужденіи еще была пропасть между понятіями дворянинъ и не дворянинъ. Суетный титулъ былъ знаменіемъ касты. Средняго сословія нѣтъ, говорилъ Черутти, ибо каждый рвется изъ него выйти. Это относилось именно къ тому разночинному классу въ которомъ лишеніе суетнаго отличія чувствовалось какъ ядовитое оскорбленіе. Дворянство губило себя и прожило старую Францію, прожило ее и чрезъ посредство тѣхъ своихъ членовъ которые въ сословіи являлись органами саморазрушенія и чрезъ посредство тѣхъ которые пребывали въ тупой надменности. Дурное правительство въ обществѣ жившемъ для наслажденій—вотъ что произвело революцію. Несостоятельность королевской власти, несостоятельность высшихъ классовъ, наименованныхъ аристократами, и въ качествѣ таковыхъ уничтоженныхъ революціей, обратили политическое движеніе въ процессъ преобразованія Франціи изъ монархическаго государства въ государство демократическаго строя и притомъ съ

устраненіемъ религіознаго элемента изъ государственной жизни. Какой тягостный революціонный процессъ начался съ тѣхъ поръ, до сихъ поръ продолжающійся, неизвѣстно чѣмъ имѣющій окончиться, можетъ-быть грозящій прекрасной странѣ полнымъ паденіемъ! Чрезъ сто лѣтъ тревожнаго существованія она и теперь стоитъ предъ тою же задачей какую хотѣла разрѣшить въ первые годы революціоннаго движенія. Вотъ почему такъ живучи революціонныя преданія и, при всемъ несомнѣнномъ безуміи процесса, Франція не научилась еще, еще не можетъ смотрѣть на него трезвыми глазами. Тамъ это понятно. Но мы-то куда тянемся, въ угоду нашихъ доморощенныхъ будущихъ Робеспьеровъ, Демуленовъ, Дантоновъ и пожалуй Маратовъ? Всѣ пріобрѣтенія въ какихъ усматривается прогрессъ человѣчества въ послѣднее столѣтіе свершались параллельно революціи, но непосредственно ею обусловлены не были. Революція сама по себѣ обратила было образованную Францію въ страну варваровъ.

Пріятель. Развернемъ записки Мореле. Аббатъ Мореле, скончавшійся девяностолѣтнимъ старцемъ въ 1819 году, былъ авторъ многихъ политико-экономическихъ сочиненій, членъ и потомъ секретарь Французской Академіи. Онъ пережилъ революціонный погромъ, заставшій его на шестьдесятъ второмъ году жизни, былъ свидѣтелемъ разрушенія Академіи, участвовалъ потомъ въ ея возстановленіи и является живою связью двухъ эпохъ. Мореле съ любовью останавливается на изображеніи дореволюціоннаго житья-бытья и вводитъ читателя въ міръ старой, любезной, образованной, салонной Франціи, когда жилось весьма привольно, главные интересы въ образованномъ кругѣ сосредоточивались на вопросахъ литературы, искусства, науки; вопросы политики обсуждались еще какъ вопросы философскіе. Страсти разгорались по поводу музыкальнаго соперничества Глюка и Пиччини. Мармонтель, другъ Мореле, женившійся на пятьдесятъ четвертомъ году на его восемнадцатилѣтней племянницѣ, пересталъ посѣщать его завтраки, чтобы не встрѣчаться съ прежними друзьями своими, аббатомъ Арно и г. Сюардомъ, съ которыми разошелся по слѣдующему поводу. Первый напечаталъ въ *Journal de Paris* по поводу оперы Пиччини, либретто которой было составлено Мармонтелемъ, что Пиччини написалъ *Орландино*, тогда какъ Глюкъ создастъ

Орландо, а Сюардъ въ свою очередь принялъ сторону Глюккистовъ.

Мореле описываетъ маленькій кружокъ собиравшійся въ Отэлѣ у вдовы Гельвеція и въ Пасси у Франклина, растроившійся съ отъѣздомъ въ 1785 году знаменитаго Американца на родину; разказываетъ анекдоты, приводитъ куплеты своего сочиненія, оканчивавшіеся припѣвомъ:

Le verre en main
Chantons notre Benjamin!

Онъ приводитъ шутливое письмо стараго Франклина къ Mme Helvetius. Американскій философъ, унесшій изъ Франціи наилучшія воспоминанія, шлетъ фантастическое посланіе къ своей пріятельницѣ. Онъ очутился, пишетъ, въ Елисейскихъ Поляхъ въ компаніи Сократа и Гельвеція. Покойный Гельвецій разспрашиваетъ о женѣ, разказываетъ какъ послѣ продолжительнаго горя наконецъ утѣшился найдя новую подругу. Подруга оказалась не иная кто какъ покойная жена Франклина. Гельвецій совѣтуетъ Франклину, если тотъ желаетъ имѣть успѣхъ у Mme Гельвецій, обратиться за ходатайствомъ къ аббату Мореле, задобривъ его хорошимъ кофе со сливками. Мореле такъ дорожитъ счастливыми воспоминаніями кружка что присоединяетъ къ главѣ о немъ рисунки комическихъ фигурокъ грубо набросанныхъ Франклиномъ.

Перевернемъ нѣсколько главъ. Мы въ 1793 году. Французская Академія закрыта. Мореле лишился средствъ существованія и чтобы сохранить небольшую пенсію за *тридцать пять* лѣтъ полезныхъ трудовъ долженъ былъ получить „свидѣтельство политической благонадежности", cerficat de civisme отъ Парижской коммуны. Свидѣтельство надлежало получить прежде всего въ своемъ участкѣ отъ мѣстнаго комитета общественной безопасности. Оттуда оно поступало въ общій совѣтъ коммуны, засѣдавшій въ думѣ. Совѣтъ или утверждалъ свидѣтельство или отвергалъ его. Мореле получилъ свидѣтельство отъ комитета своего участка въ Элисейскихъ Поляхъ. Разъ восемь ходилъ въ думу, но безполезно. Не находили его бумагъ вслѣдствіе большаго скопленія просителей. Наконецъ пришла его очередь. Въ сентябрѣ 1793 „я явился, пишетъ онъ (*Mem.* I, 436), въ думу часовъ около шести вечера. Два амфитеатра на концахъ залы были заняты женщинами изъ простонародья, вязавшими чулки, починивавшими

платья и штаны, въ большинствѣ съ горящими глазами, солдатскими ухватками, съ лицами достойными кисти Гогарта. Ихъ нанимали чтобъ участвовать въ спектаклѣ и апплодировать въ эффектныхъ мѣстахъ.“ Въ семь часовъ открылось засѣданіе. Читали протоколъ предыдущаго, въ которомъ отмѣчено что патріоты съ великою радостію услыхали объ арестѣ Бальи „пролившаго кровь гражданъ на Марсовомъ Полѣ“. Въ другой статьѣ протокола коммуны упоминалось о постановленіи чтобы хорошенькія женщины не являлись въ бюро мерій съ ходатайствами объ освобожденіи аристократовъ. Геберъ (Hébert) жаловался что декретъ не исполняется. При апплодисментахъ Геберъ громилъ „хорошенькихъ женщинъ“. За чтеніемъ протокола послѣдовалъ пріемъ депутацій отъ пяти участковъ представившихъ каждый своихъ новобранцевъ. Группы входили съ барабаннымъ боемъ, нѣкоторыя съ музыкой. Ораторы отъ имени товарищей обѣщались „очистить почву свободы отъ спутниковъ деспотизма, низвергнуть всѣхъ тирановъ съ ихъ троновъ, скрѣпить кровью зданіе свободы“. Президентъ отвѣчаетъ каждому и въ концѣ всякой рѣчи запѣваетъ *Марсельезу*. Собраніе подхватываетъ хоромъ. Одинъ изъ ораторовъ клялся „равенствомъ, свободою и братствомъ, единственною троицей въ какую хотимъ вѣрить и которая, вѣруемъ, едина и нераздѣльна“. Хлопанье, бросанье вверхъ шапокъ. „Это поразило меня, прибавляетъ Мореле, какъ предвѣстіе уничтоженія христіанской религіи, скоро послѣдовавшее“. Послѣ депутацій вышелъ какой-то раненый солдатъ и началъ рѣчь: „Граждане, я служивый, рана у меня: вотъ она. Посланъ чтобы присягу принесть, что вотъ клянусь умереть на своемъ посту, истребить тирановъ и проч. (j'ai-t-été à l'armeé, et j'ai-t-eu une blessure que la vlá et l'on m'a-t-on envoyé faire mon serment que je jure de mourir à mon poste, d'exterminer les tyrans etc).“ „Апплодисменты, какъ теперь принято говорить, покрыли рѣчь. Раненый герой былъ такъ доволенъ что счелъ долгомъ начать опять сначала. Выслушали и вновь апплодировали. Но когда онъ хотѣлъ повторить рѣчь въ третій разъ, ему дали не безъ труда понять что довольно и что всякому свой чередъ.“ Потомъ явились три австрійскіе дезертира и ломанымъ языкомъ принесли присягу. Пришла очередь просителей свидѣтельствъ. Противъ Мореле возбуждено сомнѣніе. Одинъ изъ присутствовавшихъ

выразилъ что ему помнится Мореле лѣтъ пятнадцать тому назадъ писалъ что-то въ защиту деспотизма. Предложена коммиссія съ порученіемъ ознакомиться съ сочиненіями Мореле и сдѣлать докладъ. Въ коммиссію назначены граждане Віаларъ (Vialard), тотъ самый что возбудилъ сомнѣніе, Бернаръ и Парисъ. Мореле долженъ былъ тащить къ нимъ свои сочиненія. Віаларъ выслушалъ объясненія ученаго аббата, жаловавшагося на понесенныя потери. „Вы потеряли, да и всѣ также. И я утратилъ мое положеніе съ революціей.“ Мореле поинтересовался какое было это положеніе. „Онъ храбро отвѣчалъ: я былъ дамскій парикмахеръ, но всегда любилъ механику и представилъ въ Академію Наукъ тупеи (toupets) моего изобрѣтенія.“ Таковъ былъ первый коммиссаръ. Инкриминированное сочиненіе оказалось *Теорія парадокса* (*Théorie du paradoxe*), гдѣ Мореле *иронически* хвалитъ Ленге (Linguet) по поводу его выходокъ въ пользу восточнаго деспотизма и правительствъ Персіи и Турціи. Бернаръ оказался бывшій священникъ женившійся на молодой особѣ „весьма безобразной и грязной“, по описанію Мореле. Парисъ былъ учитель. Этотъ зналъ нѣкоторыя сочиненія Мореле, и бѣдный аббатъ возложилъ было на него нѣкоторыя надежды; но повредилъ себя позволивъ въ бесѣдѣ вдвоемъ высказать ужасъ по поводу казней умножавшихся съ каждымъ днемъ. Парисъ отзывался потомъ что Мореле очень неостороженъ. Четыре раза ходилъ Мореле въ Думу, оставался отъ шести до одиннадцати часовъ вечера; нѣкоторые изъ просителей говорили ему что имъ случалось ждать до двухъ и трехъ часовъ ночи. Тѣ же сцены проходили предъ его глазами съ небольшими варіаціями. Пѣли *Марсельезу* по многу разъ, потомъ какіе-нибудь куплеты. Поетъ президентъ фальшивымъ басомъ, съ удивительными ужимками. Поетъ какой-то юноша, съ позволенія собранія, длинную пѣсню своего сочиненія, въ двѣнадцати куплетахъ. Одна скромная женщина изъ простонародья замѣчаетъ Мореле: „странно что они проводятъ время засѣданій въ пѣніи; развѣ затѣмъ они здѣсь?“ Мореле такъ и не добился свидѣтельства. Состоялось постановленіе что такъ какъ участки слишкомъ снисходительно роздали свои удостовѣренія, то надлежитъ отмѣнить выданныя и требовать новыхъ. Это послужило впрочемъ къ счастію Мореле. Неизвѣстно какая судьба ждала бы его еслибы стали обсуждать его благонадежность. До Мореле

дошелъ разговоръ о немъ Гебера въ ресторанѣ близь Тюильри. Кто-то сказалъ что свидѣтельства раздаются слишкомъ легко. Вотъ де выдали аббату Мореле, а онъ писалъ противъ Руссо (и въ этомъ преступленіи Мореле былъ не повиненъ, противъ Руссо не писалъ). Геберъ замѣтилъ: „ты ошибаешься, Мореле не получилъ свидѣтельства, его отослали въ коммиссію. Когда докладъ будетъ готовъ и онъ явится,—будетъ принятъ какъ слѣдуетъ. Впрочемъ эти старые попы намъ больше вредить не могутъ. У нихъ ничего нѣтъ. Они рады попасть въ тюрьму чтобъ ихъ кормили на счетъ націи. Ну, мы имъ этого удовольствія не доставимъ“.

Въ апрѣлѣ 1794 года, въ Фонтенэ, въ окрестностяхъ Парижа, въ дверь загороднаго дома г. Сюардъ постучался путникъ, съ длинною бородой, въ оборванной одеждѣ, раненый въ ногу и умирающій съ голоду. Это былъ извѣстный математикъ, членъ Академіи Наукъ, писатель, журналистъ, видный революціонный дѣятель маркизъ де-Кондорсе. Сюардъ, удаливъ прислугу, призналъ несчастнаго укрывшагося изъ Парижа и нѣсколько дней скитавшагося въ окрестностяхъ столицы; далъ ему хлѣба, сыру, вина и отправилъ изъ дому, обѣщая выхлопотать чрезъ одного госпитальнаго смотрителя инвалидный паспортъ и прося тайкомъ придти черезъ день. Кондорсе не явился болѣе. На третій день Сюардъ услышалъ что какого-то человѣка арестовали въ Кламарѣ. Это былъ несчастный академикъ. Онъ обратилъ на себя вниманіе одного изъ вольнопрактикующихъ шпіоновъ, какими тогда кишѣла Франція, своимъ видомъ и жадностію съ какою ѣлъ яичницу на постояломъ дворѣ, куда послѣ скитанія по лѣсу зашелъ истомленный голодомъ. Его посадили подъ стражу. Въ ночь онъ отравился ядомъ какой всегда носилъ съ собою. Сюардъ вспомнилъ что при прощаньи онъ говорилъ: „если буду имѣть ночь предъ собою, не боюсь. Но не хочу чтобы меня вели въ Парижъ“. По ироніи судьбы, во время своего укрывательства въ Парижѣ Кондорсе писалъ *Историческую таблицу успѣховъ ума человѣческаго* (*Tableau historique des progrès de l'esprit humain*) изданную по его смерти (Paris, 1795). Не останавливаюсь на страшныхъ картинахъ революціонныхъ казней.

Авторъ. Ты указываешь черты изъ той эпохи когда во власть поднялся тотъ сбродный классъ къ которому принадлежали коммиссары разсматривавшіе сочиненія Мореле: не

многимъ выше стояли и члены Конвента. Припоминается мнѣ очеркъ общественной жизни въ Парижѣ въ переходную эпоху, когда монархія лежала уже поверженною, но республика еще не наступила. Очеркъ принадлежитъ извѣстному нѣмецкому писателю Коцебу. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по смерти жены Коцебу, желая разсѣяться, предпринялъ въ концѣ 1790 года поѣздку въ Парижъ. Не имѣя особеннаго знакомства, онъ могъ наблюдать общественную жизнь только на улицѣ и особенно въ театрѣ. Тѣмъ не менѣе отмѣченныя имъ черты весьма интересны именно для характеристики зачинавшагося перехода отъ предреволюціоннаго общества, когда тонъ давали дворъ и высшіе классы, къ эпохѣ когда прекрасная страна грозила превратиться въ громадный кабакъ и тюрьму. Сочиненіе называется *Мое бѣгство въ Парижъ въ зимній мѣсяцъ 1790 года (Meine Flucht nach Paris im Wintermonat 1790.* Kotzebue, *Kleine gesamm. Schriften, Leipzig* 1791, IV). Вотъ нѣсколько отрывковъ.

„19 декабря (1790). О свободѣ и обо всемъ что къ ней относится болтаютъ здѣсь всюду до отвращенія. Нашъ парикмахеръ, членъ національной гвардіи и ревностный демократъ, называетъ короля не иначе какъ le pauvre homme, а королеву la coquine, la miserable femme du roi; когда въ добромъ расположеніи духа—la femme de Louis XVI, если же въ насмѣшливомъ, la femme de pouvoir executif. Вообще позволяютъ себѣ громко говорить: жаль и вредно что королеву не убили 6 октября, когда къ тому было такъ близко. Народъ въ безпокойствѣ что императоръ Леопольдъ двинетъ свои войска во Францію. Разказываютъ что королева нашла подъ салфеткой записку заключающую угрозу что ея голова будетъ на пикѣ поднесена ея брату если онъ осмѣлится коснуться французской свободы.

„Нѣсколько дней тому назадъ въ Оперѣ былъ поразительный случай. Играли *Ифигенію.* Послѣ хора: „воспоемъ, прославимъ нашу королеву (chantons, célébrons notre reine) герцогиня Биронъ и нѣкоторые въ сосѣднихъ ложахъ зааплодировали, закричали bis! bis! что обыкновенно не принято въ Оперѣ. И когда актеръ осмѣлился заставить хоръ повторить, герцогиня бросила ему на сцену лавровый вѣнокъ. Этого было довольно и слишкомъ чтобы привести публику въ ярость. Закричали, затопали, обозвали герцогиню catin; все бросилось наружу, накупили и нахватали

апельсиновъ, яблоковъ, грушъ, и мягкихъ и жесткихъ. Вся ложа во мгновеніе была покрыта плодами, а бѣдная герцогиня синяками. И еще счастье что брошенный вмѣстѣ ножикъ не попалъ въ нее. Кучка болѣе озарная чѣмъ злодѣйская притащила пучки розогъ чтобы раздѣлаться съ ней предъ всею публикой. Герцогиня имѣла настолько присутствія духа что дала въ волю накричаться и оставалась спокойною. Выдь она изъ ложи, ее разорвали бы въ фойе; позволь себѣ оскорбительное слово или жестъ, ее разорвали бы въ ложѣ. Наконецъ все поуспокоилось. Герцогиня собрала всѣ яблоки, груши и апельсины, не забыла и ножикъ, и послала все къ маркизу Лафаейту, приказавъ сказать ему: „вотъ нагляднѣйшія доказательства французской свободы" (des preuves frappantes de la liberté française). Актеръ Энне долженъ былъ на другой день смиренно просить у публики прощенія и полученный вѣнокъ публично растоптать ногами. Герцогиня, говорятъ, выѣхала изъ Парижа.

„Доказательства распущенности можно встрѣтить на каждомъ шагу. Кучеръ фіакра везшаго насъ вчера въ hôtel d'Angleterre et de Russie, гдѣ мы остановились, называлъ моего товарища mon ami. Тотъ спросилъ смѣясь: „серіозно ты думаешь что я твой другъ?"—Ah, ba, отвѣчалъ кучеръ,—мы всѣ равны (nous sommes tous egaux). Нашъ лонлакей, приведя экипажъ чтобы намъ ѣхать въ оперу, безъ церемоніи попросилъ позволеніе сѣсть вмѣстѣ съ нами, такъ какъ де не хороша погода."

Коцебу былъ въ Италіянскомъ театрѣ. Играли піесу *Sargines.* Слова: il faut vaincre ou mourir pour son roi! вызвали громъ рукоплесканій. „Еслибы судить по этому громкому одобренію, можно бы подумать что каждый Парижанинъ горитъ желаніемъ умереть за того самаго короля котораго зоветъ pauvre homme."

Особенно заслуживаетъ вниманія сдѣланное Коцебу описаніе спектакля 24 декабря въ Національномъ Театрѣ (théatre de la Nation). Давали трагедію *Брутъ* и піеску пользовавшуюся большимъ успѣхомъ и касавшуюся современныхъ событій *Пробужденіе Эпименида въ Парижѣ.* Въ трагедіи съ увлеченіемъ „доходившимъ до безумія" хлопали стихамъ:

Destructeurs des tyrans, vous qui n'avez pour rois
Que les dieux de Numa, vos vertus et nos lois...

...Je porte en mon coeur
La liberté gravée et les rois en horreur! и т. д.

За то нѣкоторые стихи произвели волненіе въ противоположномъ смыслѣ. Актеру почти не дали кончить монологъ заключавшійся словами:

> Les droits des souverains sont ils moins précieux?
> Nous sommes leurs enfants, leur juges sont les dieux!

Не меньшая вспышка была при стихахъ:

> Rome a changé de fers et sous le joug der grands
> Pour un roi qu'elle avait a trouvé cent tyrans.

„При этихъ словахъ какой-то дерзновенный, монархически настроенный, сидѣвшій въ ложѣ втораго ряда, вздумалъ захлопать. Весь партеръ пришелъ въ движеніе, поднялись съ мѣстъ. Тотъ шикаетъ, другой кричитъ: „ахъ, какъ это глупо". Образуются угрожающія группы, стонъ стоитъ отъ криковъ, стука, топанья. Всѣ глядятъ въ сторону откуда раздалось хлопанье. Актеры остановились и ждутъ чѣмъ кончится. Наконецъ бурныя волны улеглись мало-по-малу. Хлопавшаго не нашли. Покажи его сосѣди, висѣть бы ему безъ милости на фонарѣ.

„Смѣшно мнѣ было смотрѣть какъ эти бѣдные, маленькіе Французы все что говорили и дѣлали великіе Римляне прилагали къ себѣ... При словахъ

> Sois toujours héros, sois plus, sois citoyen!

у каждаго портнаго высоко поднималось сердце въ груди. Пріятно было слышать какъ легко сдѣлаться болѣе чѣмъ героемъ!"

Въ піесѣ *Пробужденіе Эпименида* выражается какъ долженъ былъ думать революціонный, но благомысленно по тому моменту настроенный Парижанинъ. Театръ представлялъ Тюильрійскій садъ. Аристъ разказываетъ своей дочери Жозефинѣ что Эпименидъ, проживъ нѣкоторое время, засыпаетъ на сто лѣтъ и потомъ пробуждается къ новой жизни. Онъ долженъ сегодня проснуться. Что онъ увидитъ? Найдетъ „меньше блеску и больше правды, суетность и глупость въ траурѣ и народъ за что-нибудь почитаемый" (compté pour quelque chose). Является Эпименидъ. Радъ вновь увидѣть садъ насаженный для Лудовика Великаго; сожалѣетъ что государь этотъ предпочиталъ печальный Версаль этому веселому мѣстопребыванію. Аристъ отвѣчаетъ что „потомокъ Лудовика Великаго, кумиръ Франціи, предпочелъ жить здѣсь среди народа, принося съ собою покой и счастіе. Его не окружаетъ уже чужеземная стража" и пр. Все это мѣсто

нельзя было почти разслышать отъ восторженныхъ восклицаній публики. Всѣ кричали bis! bis! и актеръ долженъ былъ повторить.

Элименидъ. Уничтожены ли всѣ злоупотребленія?
Аристъ. (*пожимая плечами.*) Многія.
Элименидъ. У придворныхъ теперь значитъ другая система? (*въ партерь крики: пoп! пoп!*) Не обманываешь ли меня?
Аристъ. Мудрый монархъ не спрашиваетъ болѣе совѣта отъ придворныхъ.
Элименидъ. Спрашиваетъ значитъ парламенты?
Аристъ. Ни мало.
Элименидъ. Кого же?
Аристъ. Каждый честный человѣкъ его совѣтникъ. Каждая провинція шлетъ своихъ ko двору. Нельзя все сдѣлать въ одинъ день. Нѣкоторые разыграли печальныя роли, но это прошло. Небо очищается, кто будетъ теперь еще думать о буряхъ. Все идетъ хорошо, свободный народъ любитъ своего короля, повинуется королю, а монархъ законамъ. (*Громкое одобреніе.*)

Въ седьмой сценѣ Элименидъ удивляется что журналистъ Горги позволилъ себя распространять невѣрныя извѣстія и выражаетъ опасеніе не посадили бы дерзновеннаго въ Бастилію. Съ удивленіемъ слышитъ что Бастиліи нѣтъ болѣе. „Какъ, укрѣпленіе противъ котораго тщетно воевалъ великій Конде три мѣсяца?“

Жозефина (*шутливо.*) Теперь люди искуснѣе. На это требуется часъ или два.
Д'Аркуръ. (Одно изъ дѣйствующихъ лицъ.) Нѣсколько храбрыхъ гражданъ взяли трудъ освободить городъ и разрушить стѣны служившія мстительности тирановъ, подозрительности министровъ, прихотямъ любовницъ.

Mme Brochure покупаетъ летучіе листки: ни одной пѣсенки, все политика. Элименидъ освѣдомляется о великихъ поэтахъ своего времени.

Элименидъ. Мольеръ?
Mme Brochure. Его время прошло.
Элименидъ. Какъ, болѣе не слыхать его прекрасныхъ стиховъ?
Mme Brochure. Иногда въ театрѣ, но это постные дни.
Элименидъ. Но Корнель?
Mme Brochure. Боже оборони!
Элименидъ. Расинъ?
Mme Brochure. Стиховъ больше не читаютъ. Каждый вѣкъ имѣетъ собственныя глупости. Цѣлыхъ десять лѣтъ стучала энциклопедія въ головахъ.

Жозефина. Потомъ пошла химія, наконецъ при дворѣ появилось не мало экономистовъ, но ни одного эконома. Теперь политика на очереди. Каждый мастеритъ государство, и даже у кокетки на туалетѣ лежитъ книга о правахъ человѣка.

Является Monsieur Roture, бывшій королевскій цензоръ, лишившійся мѣста и не получившій пенсіона. Очень недоволенъ новыми порядками. Ему совѣтуютъ найти какое-нибудь мѣсто. Онъ сознается что хотя можетъ цензуровать Руссо и Вольтера, но самъ писать не можетъ.—Что же вы можете дѣлать?—Цензуровать.—И убѣгаетъ.

Арендаторъ (Pachter) говоритъ: Теперь не то. Мы уважаемъ храбраго дворянина, дерущагося за насъ на войнѣ, и работаемъ на него, но не хотимъ чтобы какая-нибудь шельма насъ притѣсняла. Мы знаемъ права человѣка.

Дворянинъ: Послушать этого малаго, можно подумать что мы равны. Да было прежде хорошее времячко во Франціи! Маркизъ кланялся предъ герцогомъ, купецъ предъ маркизомъ, крестьянинъ предъ купцомъ и т. д. Заключаетъ пожеланіемъ найти на широкомъ свѣтѣ уголокъ гдѣ было бы хотя немножко вкусу къ рабству и если найдетъ все только свободу бросится въ ближайшую рѣку.

Аббатъ: Отнимаютъ у насъ деньги и оставляютъ намъ обязанности. Надо бы наоборотъ, сложить обязанности и оставить деньги.

Танцмейстеръ жалуется на паденіе искусства. „Не танцуютъ болѣе. Между аристократами были лучшіе мои ученики.“ Заключаетъ извѣщеніемъ о предстоящемъ устраиваемомъ имъ праздникѣ по модѣ: національномъ балетѣ.

Являются офицеръ и два солдата національной гвардіи.

Эпименидъ. Чего хотятъ эти люди?
Аристъ. Вы требовали ихъ.
Эпименидъ. Я? Боже сохрани! Я просилъ портнаго.
Портной. Онъ предъ вами: я, рядовой.
Эпименидъ. И прокурора.
Прокуръ. Сдѣлался гренадеромъ.
Эпименидъ. Нотаріуса.
Нотаріусъ. Вы видите его офицеромъ.
Д'Аркуръ. Мы всѣ солдаты. У короля столько воиновъ сколько подданныхъ.

Начинается круговая пѣсня:

J'aime la vertu guerrière
Des nos braves defenseurs;
Mais d'un peuple sanguinaire

Je deteste les fureurs.
A l'Europe redoutables,
Soyons libres à jamais,
Mais soyons toujours aimables
Et gardons l'esprit français!

Увы! и эта любезность и этотъ духъ уже отлетѣли.

Начался балетъ. Націоналгарды гордо танцовали съ красивыми дѣвушками украшавшими ихъ шляпы національными кокардами. Весь отрядъ проходитъ предъ публикой, отдавая честь. Развертываютъ бѣлое знамя съ надписью: свобода. Занавѣсъ падаетъ.

„А не малая, надо признаться, заключаетъ Коцебу, непослѣдовательность Французовъ въ *Брутѣ* прилагать къ ихъ королю что говорилось о Тарквиніи, а во второй піесѣ радостно хлопать тому что этотъ самый король больше не въ Версалѣ, а живетъ среди ихъ.“ Явное свидѣтельство колебанія чувствъ толпы и ея отзывчивости на всяческія возбужденія. Піеса интересна, именно какъ характеризующая переходное время. Все аристократическое исчезаетъ, но кабакъ еще не наступилъ.

Коцебу присутствовалъ еще при одномъ любопытномъ зрѣлищѣ. Онъ былъ въ Національномъ Собраніи.

Въ собраніе пускали по билетамъ. Истративъ шесть франковъ, Коцебу и его два спутника добыли три билета и 3 января 1791 года отправились въ собраніе. Отъ воротъ гдѣ должно было оставить экипажъ до входа въ собраніе пришлось пройти два двора. „На одномъ была такая грязь что можно было завязить башмаки, другой былъ полонъ водой. Два Савойяра разложили доски и пропускали по нимъ за плату... Наконецъ приблизились мы къ самому зданію. Вслушиваюсь. Свобода уже гремѣла намъ навстрѣчу: шаговъ по крайней мѣрѣ за двѣсти до лѣстницы до меня долетѣли звуки грубаго смѣха. Смѣхъ шелъ изъ залы собранія. Насъ провели на галлерею; она вся, по крайней мѣрѣ въ три человѣческихъ роста, была набита посѣтителями и намъ не удалось за свои шесть франковъ найти удобнаго мѣста. Зала очень длинна и широка. На обѣ стороны по длинѣ амфитеатра возвышаются лавки на которыхъ сидятъ члены собранія. Но многіе ходятъ вокругъ, или стоятъ въ среднемъ проходѣ, снуютъ взадъ и впередъ, имѣя въ рукахъ записные листки на которыхъ отъ времени до времени дѣлаютъ отмѣтки. Споры сегодня были весьма живые. При нашемъ входѣ стоялъ на

лѣвой сторонѣ какой-то молодой человѣкъ и декламировалъ противъ духовенства. Говорилъ о какомъ-то священникѣ который принося присягу присоединилъ: „согласно тому что сказалъ епископъ Лиддскій". По этому поводу произошелъ великій шумъ. Кричали перебивая одинъ другаго, поддразнивая, говоря bons mots и смѣясь неприличнымъ образомъ. Этотъ грубый смѣхъ, часто повторявшійся, казался мнѣ оскорбляющимъ достоинство собранія, и еслибъ я былъ его членомъ, этотъ хохотъ и насмѣшливыя выходки прогнали бы меня, какъ прогнали теперь въ качествѣ зрителя. Послѣ того какъ послѣдовало торжественное заключеніе: „духовенство должно приносить присягу безъ ограниченій" собраніе перешло къ вопросу о свидѣтельскихъ показаніяхъ. Я уже мало интересовался происходившимъ и ушелъ. Пришелъ я въ собраніе съ большими ожиданіями, удалился унеся самый мизерный образъ въ душѣ."

Въ изданіи Архенхольца *Минерва*, въ первомъ томѣ 1792 года (*Minerva*, ein Journal von Archenholtz, Berlin, 1792, стр. 27) есть также любопытная картинка втораго Національнаго Собранія (Законодательнаго). Архенхольцъ, находясь въ Парижѣ, былъ 29 октября 1791 года, вскорѣ послѣ открытія Законодательнаго Собранія, въ одномъ изъ его засѣданій. Извѣстно что члены этого втораго собранія были, согласно постановленію перваго, всѣ новые, не засѣдавшіе въ Конституантѣ. Это были, замѣчаетъ Архенхольцъ, „большею частію молодые люди, отличавшіеся въ ихъ провинціяхъ болѣе горячностью къ конституціи чѣмъ свѣдѣніями, болѣе юркою живостью чѣмъ разумѣніемъ и которые были, главное, лишены всякой опытности. Въ поведеніи многихъ изъ нихъ какъ внутри, такъ и внѣ собранія, проглядывала недостаточность образованія. По большей части они были изъ бѣдныхъ и могли потому рѣшаться на самыя смѣлыя законоположенія, ибо имъ терять было нечего. Парижъ былъ для нихъ невѣдомою страной. И при этомъ они больше всего боялись общества Якобинцевъ съ ихъ огромнымъ вліяніемъ". Архенхольцъ такъ описываетъ что видѣлъ. „Для министровъ въ собраніи противъ президента особая скамья, гдѣ они сидятъ какъ зрители, могутъ, если хотятъ, слѣдить за преніями, но не имѣютъ права высказывать своего мнѣнія объ обсуждаемыхъ предметахъ если не будутъ къ тому приглашены. Они сидѣли на своихъ

скамьяхъ какъ и зрители въ галлереяхъ съ непокрытою головой, тогда какъ напротивъ члены собранія сидятъ покрывшись. Военный министръ, сидя на своемъ мѣстѣ, разбиралъ еще бумаги, когда какой-то дурно одѣтый, по манерамъ судя, неблаговоспитанный юноша, парадировавшій здѣсь какъ законодатель, выступилъ и громкимъ голосомъ обратилъ вниманіе президента на непочтительное поведеніе министра не встающаго съ мѣста. Предсѣдатель, г. Дю-Кастель, напомнилъ дѣлающему замѣчаніе что еще выслушиваніе министра не началось и что министръ вѣроятно не нуждается въ напоминаніи такого рода. Тотъ впрочемъ немедленно всталъ и приступилъ къ объясненіямъ. Когда присутствовавшій тутъ же министръ юстиціи, Дю-Поръ дю Тертръ, отличный патріотъ, хотѣлъ, съ цѣлью поддержать товарища по какому-то спорному пунку, дать ближайшія объясненія и просилъ быть выслушаннымъ, то въ отвѣтъ поднялся страшный шумъ. Какъ ни звонилъ предсѣдатель въ свой большой колокольчикъ, какъ ни кричали пристава приглашавшіе къ молчанію, шумъ длился нѣсколько минутъ. Когда наконецъ неистовый шумъ прекратился, предсѣдатель формально передалъ желаніе министра быть выслушаннымъ: предложеніе было отклонено огромнымъ большинствомъ голосовъ."

—

Но довольно. Мы забѣжали впередъ. Время заключить нашъ довольно длинный очеркъ событій двухъ лѣтъ—съ эпохи созванія нотаблей Калономъ—когда была подготовлена революція. Мы начали наши бесѣды отрывочными очерками нѣсколькихъ революціонныхъ событій и невольно увлеклись ко внимательному изслѣдованію подготовительной революціонной работы. Этотъ трудъ оконченъ. Пойдемъ ли далѣе? Можетъ-быть. Пока остановимся на порогѣ революціонныхъ событій и взглянемъ на длинный путь какой пришлось бы пройти еслибы пожелали подвергнуть ихъ такому же внимательному изученію. Печальная и потрясающая картина! Подъ шумъ пустозвонныхъ декламацій, уличныхъ криковъ, кровавыхъ столкновеній, при трескѣ разрушающагося государственнаго зданія, власть постепеннымъ паденіемъ переходитъ въ руки разночиннаго класса революціонеровъ, немногочисленнаго, но сильнаго беззавѣтностью, не имѣющаго ничего за собою въ прошедшемъ, увлекаемаго впередъ роковымъ рискомъ неизвѣстнаго будущаго; крайне

непривлекательнаго въ отдѣльныхъ своихъ представителяхъ. Когда мы ближе и ближе знакомимся съ правдой событій, дѣянія героевъ революціи болѣе и болѣе разоблачаются предъ нами. Мы входимъ за кулисы, и зрѣлище представляется крайне неприглядное.

Пусть такъ, скажутъ намъ. Но піеса все-таки идетъ, внушая и ужасъ, и восторги, исторгая и смѣхъ, и слезы. Орудія мелочны, недостойны, но дѣло можетъ быть великимъ. Таинство преподанное недостойнымъ служителемъ не теряетъ дѣйствія для вѣрующихъ по заключающейся въ немъ чудесной силѣ. Идеи могли проводиться нечистыми людьми, выставляемыя убѣжденія быть притворными, въ лучшихъ случаяхъ напускными, но сами по себѣ быть великими пріобрѣтеніями человѣчества. Потокъ можетъ состоять изъ грязныхъ пропитанныхъ иломъ струй, но обозрѣваемый съ высоты птичьяго полета являться величественнымъ и могучимъ. Сколько историковъ прибѣгаютъ къ этому пріему и рисуютъ величественную эпопею революціонныхъ событій. Но такъ какъ поднятіе это совершается исключительно воображеніемъ, то понятно картина можетъ представиться весьма различною, смотря по тому какъ внутренно хочется чтобъ она представилась. Превращеніе хода событій въ движеніе якобы усмотрѣнныхъ идей и игру сочиненныхъ образовъ весьма обычный способъ историческаго изложенія. Но это не есть исторія въ положительномъ смыслѣ. Это есть превращеніе событія въ миѳъ, для котораго дѣйствительность есть только канва. Есть событія настолько отдаленныя что другое къ нимъ отношеніе невозможно. Но французская революція есть событіе настолько недавнее, оставившее столько документальныхъ слѣдовъ что тутъ возможно и должно быть другое отношеніе. Тутъ можно искать правды дѣйствительности. Нѣтъ сомнѣнія что въ исторіи, подобно какъ въ живомъ организмѣ, совершается осуществленіе нѣкотораго предуставленнаго плана остающагося недоступнымъ пониманію тѣхъ существъ въ которыхъ и чрезъ которыхъ онъ осуществляется и отражающагося въ ихъ сознаніи какъ отражается инстинктивное дѣйствіе въ сознаніи существа его совершающаго, ощущающаго актъ, но не сознающаго его цѣли. Изучающій явленіе старается проникнуть въ этотъ планъ, но онъ можетъ сдѣлать это лишь въ очень ограниченныхъ предѣлахъ. Если хотимъ идти осторожнымъ путемъ естествоиспытателя, то должны дѣлать какъ

естествоиспытатели. Изучимъ прежде всего явленіе въ его реальной правдѣ, обнаруживая дѣйствующія причины, causae efficientes и не перескакивая къ причинамъ конечнымъ, causae finales, разныхъ ступеней. Требуется представить ходъ событій, а предлагается изображеніе путей провидѣнія сочиненныхъ историкомъ. Философско-историческая теорія прогресса много содѣйствуетъ миѳическому изложенію исторіи, принадлежность историковъ къ политическимъ партіямъ еще болѣе (по отношенію по крайней мѣрѣ къ событіямъ новаго времени).

Въ чемъ фактически состоитъ событіе именуемое французскою революціей? Оно состоитъ въ перемѣщеніи власти отъ короля и аристократіи къ интеллигентному разночинству въ формѣ національнаго Конвента и отъ Конвента чрезъ нѣсколько ступеней опять къ монархіи въ формѣ императорской диктатуры. Въ періодъ какого мы касались въ нашихъ бесѣдахъ дѣло идетъ о паденіи существующей власти и постепенномъ возрастаніи новой, отъ первыхъ ея начатковъ въ формѣ революціонной партіи. Главная движущая сила—стремленіе къ захвату власти. Остальное орудія дѣйствія. Въ ихъ числѣ были идеи вѣка, какъ были также деньги, какъ могли быть пики и ружья, какъ потомъ и были. Конечно дѣло не дѣлалось такъ чтобы нѣсколько человѣкъ партіи сѣли вкругъ стола предъ шахматною игрой событій и составили планъ, разчитавъ ходы. Но обстоятельства сложились такъ что именно этотъ разночинный класъ оказался въ условіяхъ благопріятныхъ для захвата власти. Исторія этого захвата для насъ особенно поучительна, ибо подобный классъ появился и у насъ, и дѣлаются всяческія усилія, сознательныя и безсознательныя, возвести его въ силу.

Но почему именно этотъ классъ оказался въ условіяхъ наиболѣе благопріятныхъ чтобы принять вываливавшуюся изъ рукъ законнаго правительства власть, принять временно, до той поры когда энергическій солдатъ разгонитъ правителей и сядетъ на тронъ? Дѣйствія опредѣляются понятіями. Въ чемъ основная идея революціоннаго движенія?

Революціонное движеніе было движеніе противомонархическое и противорелигіозное. Въ чемъ противоположность его идеи съ идеей монархическаго и религіознаго строя государства?

Основная идея революціи есть—осуществить народное верховенство. Государство есть группа равноправныхъ человѣ-

ческихъ единицъ, управляемыхъ *закономъ*. Законъ же есть выраженіе *коллективной воли* этой группы. Воля эта есть результатъ *коллективнаго разума* группы. Такова простая, имѣющая видъ политической аксіомы, идея, осуществленіе которой въ дѣйствительныхъ человѣческихъ группахъ, по революціонному ученію, требуется для блага и прогресса человѣчества. Но какъ ни проста идея въ отвлеченіи, осуществленіе на практикѣ оказывается встрѣчающимъ такія трудности что набрасываетъ тѣнь сомнѣнія на самую, казалось, аксіому. Единицы оказываются крайне не равной величины, природа не вывела ихъ готовыми изъ своихъ нѣдръ: онѣ родятся, бываютъ дѣтьми и старцами; между собой физически неоднородны: одни мущины, другія женщины. Коллективный разумъ и коллективная воля оказываются неуловимыми и въ томъ смыслѣ какъ предполагаетъ теорія даже не существующими, а потому всѣ попытки къ ихъ непрерывному правильному обнаруженію тщетными, ведущими къ явной фальши. На практикѣ въ огромномъ числѣ случаевъ коллективный разумъ является коллективнымъ неразуміемъ, а коллективная воля стаднымъ подчиненіемъ.

Въ чемъ идея монархическаго и религіознаго строя государства? Въ томъ что верховная власть не есть нѣчто зависящее только отъ воли наличнаго поколѣнія, а есть власть по историческому праву, законная не въ силу сегодняшняго врученія, которое завтра можно отнять, а въ силу теоретически вѣчнаго права чрезъ рядъ поколѣній. Власть есть результатъ и завѣтъ исторіи. Но не есть ли это такая же фикція какъ и коллективная воля? Мирабо приводилъ слова шута обращенныя къ королю: что̀ сдѣлаешь ты сказавъ *да*, если всѣ мы двадцать милліоновъ скажемъ *нѣтъ*? Это такъ, но сила монархіи именно въ невозможности этого *нѣтъ*, въ присутствіи историческаго сознанія въ народѣ, которое не должно смѣшивать съ коллективнымъ разумомъ революціонной теоріи, ибо это есть фактъ который можетъ быть усмотрѣнъ каждымъ стороннимъ наблюдателемъ, а не искусственная формула которую обязательно слагать нѣкоторому представительному собранію, интригой образованному, и которую требуется признавать въ качествѣ коллективнаго сознанія, хотя бы со стороны смотрящій наблюдатель въ сознаніяхъ громадной массы дѣйствительныхъ людей ничего подобнаго не усматривалъ и даже усматривалъ бы нѣчто противоположное.

Когда власть является дѣятельнымъ историческимъ завѣтомъ—это значитъ исторія дорога народу, и сознательно въ умахъ развитыхъ и безсознательно въ массахъ. Въ этомъ сила монархіи. Но вѣчнаго нѣтъ, народы не застрахованы отъ переворотовъ. Разница въ томъ что измѣненіе можетъ выходить отъ силы обстоятельствъ или сознанія интересовъ и можетъ выходить изъ идеи разрушенія. Первая посылка монархіи—прочность строя. Первая посылка революціи—снести зданіе чтобы начать новую постройку. Опора прочности въ тѣхъ элементахъ которые связаны съ государственнымъ строемъ своими интересами, на которыхъ перемѣна должна отозваться болѣзненно. Мудрость правительства—не допускать чтобъ интересы эти были въ междуусобномъ противорѣчіи, грозящемъ потрясеніями, а единились бы въ общей государственной цѣли. Элементъ наиболѣе подходящій къ цѣлямъ ломки и разрушенія—тѣ которые стоятъ или выходятъ внѣ связанныхъ своими интересами группъ, и для которыхъ главными внутренними возбудителями служатъ отвлеченныя понятія и единичные интересы честолюбія, удачи, въ лучшихъ случаяхъ—служенія идеи.

Присутствіе историческаго сознанія въ народѣ великая гарантія прочности, но само по себѣ еще не ограждаетъ отъ переворотовъ. Поучительно что преданность королевской власти была чрезвычайно сильна въ предреволюціонной Франціи въ значительной части дворянства и въ народѣ. Но это не помѣшало революціи. Дѣло въ томъ что раздробленное сознаніе можетъ легко быть лишено силы и обращается въ могущество лишь при объединеніи и направленіи. Вся революція сдѣлана чрезъ распоряженія отъ власти исходившія вслѣдствіе ослабленія ея и захвата революціоннымъ элементомъ, воспользовавшимся всѣмъ арсеналомъ ея орудій.

Прибавлю въ заключеніе что нѣтъ двухъ понятій болѣе противоположныхъ какъ революція и свобода. Какая можетъ быть рѣчь о свободѣ въ процессѣ когда у одного власть выпадаетъ и вырывается, а другимъ захватывается? Правда, когда идетъ борьба, власть отсутствуетъ. Открывается безнаказанное поприще всяческому своевольству. Но развѣ это свобода?

Я врагъ революціи, я пишу противъ нея, изъ изученія эпохи и наблюденій жизни вынесъ сильнѣйшую антипатію противъ тѣхъ натуръ, алчныхъ къ власти, безсердечныхъ,

насквозь фальшивыхъ, мелкой и завистливой души, изъ которыхъ выработались революціонные вожаки якобинской эпохи и которые суть типическіе представители революціоннаго движенія не въ одной Франціи. Но если чувствую въ себѣ,—при легко смущающейся мягкости и внутренней робости нравственнаго существа своего,—какой-либо дѣятельный инстинктъ, то именно инстинктъ свободы, ближайше родственный съ инстинктомъ безпристрастія и отзывчивостію на каждое угнетеніе и страданіе. Тѣ кому не нравится *Противъ теченія* готовы выставить наши бесѣды какъ тенденціозное служеніе предвзятымъ идеямъ. Смѣю думать что бесѣды наши суть произведеніе *свободнаго духа*.

Пріятель. Аминь.

ВАРѲОЛОМЕЙ КОЧНЕВЪ.

ДВА НЕОКОНЧЕННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ГРАФА А. К. ТОЛСТАГО

I.

Когда являлася весна,
Когда природа воскресала
Отъ продолжительнаго сна,
. . . .
Когда ручьи текли обильно
И распускалися цвѣты,
Младое сердце билось сильно,
Кипѣли весело мечты;
Съ какою радостію чистой
Я вновь встрѣчалъ въ бору сыромъ
Кувшинчикъ синій и пушистый
Съ его мохнатымъ стебелькомъ;
Какими чувствами родными
Меня манилъ, какъ старый другъ,
Звѣздами полный золотыми
Еще никѣмъ не смятый лугъ!

Потомъ пришла пора иная,
И съ каждой новою весной
Былое счастье вспоминая
Грустнѣй я дѣлался порой,
Когда темнѣли неба своды,
Едва шептались тростники,
Звучнѣй ручья струились воды,
Жужжали поздніе жуки,
Казалось мнѣ что мнѣ не даромъ
Грустить весною суждено,
Что неожиданнымъ ударомъ
Блаженство кончиться должно.
. . . .
. . . .

II.

Какъ часто ночью въ тишинѣ глубокой
Меня тревожитъ тотъ же дивный сонъ:
Въ туманной мглѣ стоитъ дворецъ высокій
И длинный рядъ дорическихъ колоннъ,
Средь дикихъ горъ отъ нихъ ложатся тѣни,
Къ рѣкѣ ведутъ широкія ступени.

И солнце тамъ привѣтливо не блещетъ,
Порой сквозь тучи выглянетъ луна,
О влажный брегъ порой лѣниво плещетъ
Катяся мимо сонная волна,
И истукановъ рой на плоской крышѣ
Стоитъ одинъ другаго выше.

Туда, туда невѣдомая сила
Вдаль по рѣкѣ влечетъ мою ладью,
Къ высокимъ окнамъ взоръ мой пригвоздила,
Желаньемъ грудь наполнила мою
. . . .
. . . .

Я жду тебя. Я жду чтобъ ты склонила
На темный долъ свой животворный взглядъ —
Тогда взойдетъ огнистое свѣтило,
Въ алмазныхъ искрахъ струи заблестятъ,
Проснется замокъ, позлатятся горы
И загремятъ невидимые хоры.

Я жду, но тщетно грудь моя трепещетъ,
Лишь сквозь туманъ виднѣется луна,
О влажный берегъ лишь лѣниво плещетъ
Катяся мимо сонная волна
И истукановъ рой на плоской крышѣ
Стоитъ одинъ другаго выше.

ГРИММЪ

И

ЕГО ОТНОШЕНІЯ КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II.

Письма Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II (Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XXXIII, 1881.)

I.

Сенъ-Бёвъ, изображая Гримма въ своихъ *Causeries du lundi*, замѣчаетъ что портретъ его не можетъ быть полонъ до тѣхъ поръ пока не будетъ обнародована частная его корреспонденція съ императрицей Екатериной. „По всему вѣроятію, говоритъ онъ, въ этой перепискѣ обнаружатся такія стороны характера Гримма которыя до сихъ поръ оставались въ тѣни и съ которыми будетъ крайне интересно познакомиться.“ Въ настоящее время желаніе высказанное знаменитымъ французскимъ критикомъ осуществилось. Три года тому назадъ Я. К. Гротъ издалъ драгоцѣнное собраніе писемъ императрицы къ Гримму, выставляющихъ ее въ столь привлекательномъ свѣтѣ, а теперь, благодаря тому же почтенному ученому, мы имѣемъ предъ собой и письма къ ней Гримма. Эта послѣдняя коллекція далеко не отличается полнотой; хотя собрано было все что только можно было собрать, не рѣдко встрѣчаются въ ней значительные пробѣлы, но и на основаніи того

что сохранилось мы можемъ составить себѣ ясное понятіе какъ относился къ своей высокой покровительницѣ человѣкъ котораго оцѣнила она съ первой же встрѣчи своей съ нимъ и которому до самой своей кончины не отказывала въ расположеніи. „Въ свитѣ ландграфини Дармштадтской, писала она въ 1773 году Вольтеру, прибылъ сюда и г. Гриммъ; бесѣда съ нимъ истинное наслажденіе для меня; но намъ нужно столько сказать другъ другу что до сихъ поръ въ разговорахъ нашихъ было болѣе оживленія чѣмъ послѣдовательности и порядка.“ Съ того времени обмѣнъ мыслей между императрицей и Гриммомъ не прекращался. Еслибы даже Гриммъ не пользовался литературною славой и не занималъ виднаго положенія во французскомъ обществѣ XVIII вѣка, то достаточно было бы этой близости его къ Екатеринѣ II чтобъ остановиться на немъ со вниманіемъ.

Онъ родился въ Регенсбургѣ въ 1723 году и окончилъ воспитаніе свое въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ благотворное вліяніе имѣлъ на него отличный знатокъ классической древности, профессоръ Эрнести. Все показываетъ что уроки этого преподавателя не пропали для него даромъ; въ послѣдствіи никогда не щеголялъ онъ своею эрудиціей, но всякій разъ когда приходилось ему говорить о греческой и римской литературѣ, онъ обнаруживалъ трезвый взглядъ и основательныя свѣдѣнія. Въ этомъ заключалось, между прочимъ, одно изъ важныхъ преимуществъ его предъ многими французскими писателями, съ которыми позднѣе свела его судьба. Онъ приходилъ, напримѣръ, въ негодованіе отъ сужденій Вольтера о Гомерѣ и это по той причинѣ что Гомера читалъ онъ въ подлинникѣ, а Вольтеръ былъ знакомъ съ нимъ лишь по переводу. Лишенный почти всякихъ средствъ къ жизни и вынужденный трудомъ пробивать себѣ дорогу, Гриммъ сдѣлался наставникомъ дѣтей графа Шомберга и вмѣстѣ съ ними отправился въ Парижъ. То было время когда происходила тамъ оживленная борьба между приверженцами французской и италіянской музыки; Гриммъ сталъ на сторону этой послѣдней и съ энтузіазмомъ ратовалъ за нее. Нечего удивляться этому, ибо музыкальное чувство всегда было развито въ немъ очень сильно, хотя многіе и утверждали будто главную роль въ увлеченіи Гримма играла не столько музыка, сколько одна изъ примадоннъ италіянской оперы дѣвица Фель. Дѣйствительно онъ ухаживалъ за нею и

повидимому безуспѣшно. Руссо помѣстилъ по этому поводу слѣдующій разказъ о немъ въ своей *Исповѣди:* „Гриммъ, встрѣчавшій одно время довольно благосклонный пріемъ у дѣвицы Фель, вдругъ задумалъ страстно въ нее влюбиться и перебить дорогу у Кагюзака, который пользовался ея милостями, но красавица выпроводила его вонъ. Онъ отнесся къ этому трагически и принялъ намѣреніе покончить съ собой. Совершенно неожиданно приключилась съ нимъ какая-то странная болѣзнь, о которой конечно никто никогда не слыхивалъ: цѣлые дни и ночи проводилъ онъ въ непробудной летаргіи, съ открытыми глазами, при правильномъ пульсѣ, но не принимая никакой пищи, не двигаясь, не произнося ни слова, повидимому не слыша что̀ происходитъ вокругъ него, не отвѣчая на вопросы, словомъ, какъ будто совсѣмъ мертвый человѣкъ. Аббатъ Рейналь и я ухаживали за нимъ,—аббатъ, человѣкъ крѣпкаго сложенія, дежурилъ по ночамъ, а я днемъ, не покидая больнаго ни на минуту. Приглашенъ былъ докторъ Сенакъ, который, осмотрѣвъ Гримма, сказалъ что это ничего и что не надо никакихъ лѣкарствъ; я подмѣтилъ при этомъ усмѣшку на его лицѣ. Однако больной и послѣ этого оставался нѣсколько дней безъ движенія, глотая лишь вишни въ сахарѣ, которыя иногда я клалъ ему въ ротъ. Въ одно прекрасное утро онъ всталъ, одѣлся и принялся за свои обычныя занятія какъ ни въ чемъ не бывало и потомъ уже ни разу не заговаривалъ ни со мною, ни съ аббатомъ Рейналемъ объ этой необычайной летаргіи.“ Руссо писалъ эти строки въ то время когда находился въ ожесточенной враждѣ съ Гриммомъ и не только не щадилъ красокъ чтобъ очернить его характеръ, но прибѣгалъ даже къ явной лжи; такъ какъ *Исповѣдь* его наполнена самыми нелѣпыми вымыслами, то по всему вѣроятію и приведенный сейчасъ анекдотъ принадлежитъ къ ихъ числу, ибо трудно понять что̀ могло бы заставить Гримма разыгрывать непріятную для него комедію предъ аббатомъ Рейналемъ и Руссо. Во многихъ мемуарахъ того времени упоминается что разрывъ съ дѣвицей Фель дѣйствительно очень огорчилъ его, болѣзнь же приключилась сама собою, а подробности этой болѣзни были изукрашены Руссо съ цѣлью доказать до какихъ размѣровъ могло простираться притворство ненавистнаго ему человѣка. И послѣ упомянутой исторіи Гриммъ продолжалъ горячо относиться къ музыкальнымъ вопросамъ. Онъ посвятилъ имъ брошюру подъ

заглавіемъ *Le petit prophète de Boehmischbroda*, въ которой порицалъ французскую оперу, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ вообще много лестнаго для Французовъ и для ихъ литературы. Брошюра имѣла большой успѣхъ. Даже самъ Вольтеръ удостоилъ выразиться объ ея авторѣ: „этотъ чудакъ ухитрился быть умнѣе всѣхъ насъ“. Чего же оставалось желать? Слова Вольтера разлетѣлись въ извѣстномъ кружкѣ, и репутація Гримма была отчасти упрочена.

Мы видимъ предъ собой человѣка который покинулъ свою родину, гдѣ уже начиналось самостоятельное умственное движеніе, и задался мыслью сдѣлаться во что бы то ни стало Французомъ. Онъ не относился сколько-нибудь критически къ литературной партіи которая господствовала во Франціи и оттуда распространяла свое господство на Европу, а совершенно примкнулъ къ ея рядамъ. Онъ не внесъ ничего своего, ничего оригинальнаго въ философскую школу, представителями коей были Вольтеръ, Д'Аламберъ и Дидро, а вполнѣ усвоилъ ея принципы. Школа эта отличалась чисто сектантскою нетерпимостью; она не признавала ничего что состояло внѣ ея; человѣкъ осмѣливавшійся имѣть собственное сужденіе, не смотрѣвшій на вещи ея глазами подвергался безпощаднымъ съ ея стороны нападкамъ. Нужно прочесть переписку Вольтера съ Д'Аламберомъ чтобы понять какую строгую дисциплину поддерживала она въ своихъ рядахъ и съ какимъ изступленіемъ набрасывалась на всякаго кто не хотѣлъ идти по одному съ нею пути. Руссо не испугался этого, но тотчасъ же испыталъ на себѣ какъ опасно подобное отступничество. „Я въ высшей степени раздраженъ противъ Руссо, писалъ Вольтеръ въ 1761 году; этотъ безумецъ, который могъ бы быть чѣмъ-нибудь еслибы подчинился нашему руководству (qui aurait pu être quelque chose, s'il s'était laissé conduire par nous) вздумалъ встать особнякомъ. Состряпавъ плохую комедію онъ дерзнулъ писать противъ театровъ; нашедши гдѣ-то сгнившую бочку Діогена, онъ забрался въ нее чтобы лаять на весь міръ; у него хватило смѣлости чтобы возстать противъ своихъ друзей...“ Д'Аламберъ въ свою очередь находилъ это преступленіе непростительнымъ. „Какая участь, спрашиваетъ онъ, ожидаетъ наше маленькое стадо (le petit troupeau) если обнаружится въ немъ расколъ?“ Всякій кто хотѣлъ упрочить свое положеніе въ обществѣ долженъ былъ поддѣлываться подъ тонъ школы

о которой идетъ рѣчь, и Гриммъ строго сообразовался съ этимъ. Замѣчательный умъ и солидное образованіе обезпечивали ему не приниженную, а напротивъ видную роль среди энциклопедистовъ. Усвоивъ себѣ ихъ воззрѣнія, онъ не раздѣлялъ однако всѣхъ ихъ увлеченій и судилъ о многомъ болѣе трезво чѣмъ они. Онъ разказываетъ, между прочимъ, что однажды, а именно въ 1757 году, происходилъ у него оживленный разговоръ съ Дидро. Этотъ послѣдній утверждалъ что идеямъ которыя проповѣдывалъ онъ и его друзья суждено переродить міръ, что онѣ открываютъ человѣчеству еще невѣдомые до тѣхъ поръ пути благоденствія и умственнаго совершенства. „Мы безпрерывно восхваляемъ нашъ вѣкъ и въ этомъ отношеніи не дѣлаемъ ничего новаго, замѣтилъ Гриммъ; всегда и вездѣ люди предпочитали время въ которое они жили длинной вереницѣ предшествовавшихъ ему столѣтій. По какому-то непонятному самообольщенію, которое передается отъ одного поколѣнія другому, мы считаемъ время нашей жизни наиболѣе благотворнымъ для человѣческаго рода и долженствующимъ занять особенно видное мѣсто въ исторіи. Мнѣ кажется что восемнадцатый вѣкъ превосходитъ всѣ другіе въ этой наклонности къ самопоклоненію; даже лучшіе умы среди насъ убѣждены что послѣ продолжительнаго варварства наступаетъ наконецъ теперь мирное и безмятежное господство философіи. Но истинный философъ не можетъ не питать нѣкотораго сомнѣнія относительно этого. Не знаю почему, но мнѣ сдается что блаженная эпоха разумнаго прогресса еще далека отъ насъ и что нѣтъ ничего удивительнаго если Европа будетъ охвачена страшною революціей.“ Дидро возражалъ съ обычною своею горячностью, продолжая доказывать что будущее представляется напротивъ въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Въ эту минуту вбѣжавшій въ комнату лакей воскликнулъ: „сейчасъ какой-то злоумышленникъ ранилъ короля“... То было покушеніе Дамiена на жизнь Лудовика XV. Собесѣдники переглянулись и не продолжали разговора.

Матеріальныя средства Гримма были весьма незначительны въ первые годы пребыванія его въ Парижѣ. Какъ уже сказано выше, онъ былъ гувернеромъ сыновей графа Шомберга, отъ него перешелъ чтецомъ къ герцогу Саксенъ-Готскому, а потомъ занималъ должность секретаря у графа Фризе. Къ этому времени относится связь его съ женщиной игравшею

значительную роль въ его жизни, съ гжой д'Эпине, которая въ послѣдствіи, уже послѣ того какъ узнала она Гримма и главнымъ образомъ благодаря ему, сдѣлалась царицей салона соперничавшаго съ салонами гжъ Жофренъ и Дюдефанъ. Она оставила мамуары которымъ безспорно принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду мемуаровъ XVIII вѣка: въ нихъ рельефно отражается и общество, не руководимое никакими идеалами, утратившее всякіе принципы, и литературная партія, связанная съ этимъ обществомъ тѣсными узами, хотя повидимому она идетъ и другимъ путемъ. Сенъ-Бёвъ выразился объ упомянутой нами книгѣ: „мемуары гжи д'Эпине не литературное только произведеніе, это цѣлая эпоха" (les Mémoires de Mme d'Epinay ne sont pas un ouvrage, ils sont toute une époque).

Женщина написавшая ихъ осталась въ ранней юности сиротой и безо всякаго состоянія, но родственникамъ удалось ее выдать замужъ за сына очень богатаго человѣка, г. Бельгарда, который по одному изъ помѣстій принадлажавшихъ его отцу носилъ фамилію д'Эпине. Съ искренностью производящею сильное впечатлѣніе разказываетъ она какъ много надеждъ возлагала на этотъ бракъ и какъ горько были онѣ обмануты. Мужъ ея оказался негодяемъ. Онъ велъ обычную жизнь тогдашней молодежи, то-есть жизнь исполненную разврата, и не думалъ скрывать этого. Онъ позволялъ себѣ поступки которые приводили въ содроганіе несчастную женщину: пусть желающіе прочтутъ ту сцену когда самъ пьяный, поздно ночью, приводитъ онъ къ ней въ спальню своего пьянаго пріятеля, надоѣдавшаго ей своимъ ухаживаньемъ, и оба они располагаюся ужинать около ея постели, а она принуждена выслушивать грязныя ихъ шутки. Но и этого было мало: д'Эпине увѣнчалъ свои подвиги такою мерзостью о которой приличіе не позволяетъ упоминать здѣсь. Напрасно искала она въ комъ-нибудь опоры, — самые близкіе люди старались напротивъ по возможности если не оправдывать, то смягчать вины ея мужа, въ которыхъ съ точки зрѣнія господствовавшей морали они не видѣли ничего необычайнаго. Нашлась наконецъ подруга, которая указала прямо что̀ оставалось ей дѣлать. То была дѣвица д'Эттъ портретъ коей начертанъ въ мемуарахъ съ особеннымъ искусствомъ.

„Однажды послѣ обѣда, разказываетъ гжа д'Эпине, усѣлась я въ длинномъ креслѣ. Тоска, уныніе болѣе чѣмъ когда-

нибудь одолѣвали меня; нервная зѣвота не давала мнѣ покоя; тщетно старалась я разсѣять это настроеніе духа, мнѣ хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь моимъ горемъ, и слезы невольно выступали на моихъ глазахъ.

„— Извините меня, сказала я; — должно-быть это нервы; никогда еще не было мнѣ такъ тяжело.

„— Пожалуста, не стѣсняйтесь, отвѣчала она;—дѣйствительно, вы страдаете разстройствомъ нервовъ и это не сегодня только, но я никогда не заводила съ вами рѣчи объ этомъ чтобы не растравлять вашихъ ранъ. Но надо же когда-нибудь говорить. Признайтесь что васъ одолѣваетъ отнюдь не пустота ума, не неумѣнье заняться чѣмъ-нибудь, а пустота сердца.... Да, да, сердце ваше тяготится одиночествомъ; вы не любите и не можете любить своего мужа.

„Я хотѣла сдѣлать отрицательный жестъ, но она продолжала такимъ тономъ что не допустила меня возражать.

„— Нѣтъ, вы не любите его по той простой причинѣ что не можете его уважать.

„Мнѣ сдѣлалось какъ-то легче что у нея вырвалось слово которое сама я не смѣла произнести. Я залилась слезами.

„— Не удерживайте себя, плачьте, будьте со мною вполнѣ откровенны; облегчите мнѣ возможность утѣшить васъ. Но объясните мнѣ прежде всего что̀ вы думаете о своемъ положеніи?

„— Увы, отвѣчала я,—трудно мнѣ сказать вамъ что-нибудь на этотъ счетъ. Очень часто кажется мнѣ что я совершенно охладѣла къ моему мужу, поведеніе его таково, что онъ утратилъ права на мою привязанность, а между тѣмъ всякій разъ когда я думаю о немъ не могу удержаться отъ слезъ. Если вы можете придумать средство вывести меня изъ этого положенія, то скажите,—я вполнѣ довѣрюсь вамъ. Какъ между прочимъ объяснить странное противорѣчіе: остатокъ прежняго чувства къ мужу и вмѣстѣ съ тѣмъ такое отвращеніе къ нему что мнѣ положительно больно его видѣть?

„— Ненавидятъ только того кого любятъ, возразила смѣясь гжа д'Эттъ.—Ваша ненависть не что̀ иное какъ оскорбленная любовь, и вы не излѣчитесь отъ этой болѣзни до тѣхъ поръ пока не полюбите кого-либо другаго, болѣе достойнаго васъ...

„— Никогда, никогда! воскликнула я съ ужасомъ.

„— Вы полюбите, продолжала она спокойно, — и очень хорошо сдѣлаете. Постарайтесь только не ошибиться въ

выборѣ. Если до сихъ поръ вы еще не остановились ни на комъ то лишь потому что окружены фатами и пустыми болтунами. Мнѣ хотѣлось бы чтобы вы встрѣтили человѣка не слишкомъ молодаго, по крайней мѣрѣ лѣтъ тридцати, разсудительнаго, способнаго подать вамъ хорошій совѣтъ, руководить вами и который до такой степени сосредоточилъ бы на васъ свои чувства что вы считали бы себя вполнѣ счастливою.

„— Все это прекрасно, но гдѣ же найти человѣка умнаго, привлекательнаго, словомъ такого какого вы рисуете, человѣка который жертвовалъ бы для меня собой и вмѣстѣ съ тѣмъ довольствовался бы лишь ролью моего друга, никогда не пытаясь сдѣлаться моимъ любовникомъ?

„— А это почему? возразила гжа д'Эттъ.—Напротивъ, онъ будетъ вашимъ любовникомъ."

Гжа д'Элине приходитъ почти въ негодованіе, но ея собесѣдница неистощима въ своихъ аргументахъ. Все дѣло въ томъ чтобы не было огласки; впрочемъ, если даже тайна не сохранится, какая въ этомъ бѣда? Общественное мнѣніе караетъ лишь женщинъ которыя или черезчуръ непостоянны въ своихъ сердечныхъ увлеченіяхъ, или слишкомъ безцеремонно выставляютъ ихъ на видъ, или же обращаютъ свои взоры на людей которые заклеймены общимъ презрѣніемъ.

„— Мнѣ кажется, продолжала гжа д'Эттъ, что я могу вполнѣ разчитывать на вашу скромность: скажите же мнѣ откровенно, какого мнѣнія обо мнѣ въ свѣтѣ?

„— Самаго лучшаго, такого что конечно вы никогда не заслужили бы его если придерживались бы на практикѣ той морали которую теперь проповѣдуете.

„— Вотъ тутъ-то вы и ошибаетесь. Уже нѣсколько лѣтъ какъ я въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ г. Валари, какъ видите, это нисколько мнѣ не повредило."

Еслибы только дѣвица д'Эттъ подавала такіе совѣты, то быть-можетъ они не произвели бы сильнаго впечатлѣнія, но и всѣ другіе, хотя и не съ поразительною ея откровенностью, говорили почти то же самое. У г. д'Элине былъ братъ, г. Жюли, считавшійся образцомъ истиннаго джентльмена, который принимался иногда утѣшать свою невѣстку довольно оригинальнымъ образомъ. „Я знаю, говорилъ онъ, что братъ мой ведетъ разсѣянную жизнь, знаю женщинъ въ обществѣ которыхъ онъ тратитъ и деньги и здоровье, но что же это

доказываетъ? Развѣ это мѣшаетъ ему любить васъ?“ У г. Жюли была жена, молодая, прелестная женщина, которая не далѣе какъ чрезъ годъ послѣ того какъ вышла замужъ сознается гжѣ д'Эпине что избрала себѣ другомъ сердца Желіотта, перваго тенора Парижской оперы. „Что вы хотите, говоритъ она, чѣмъ болѣе узнаю я своего мужа, тѣмъ болѣе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ цѣню его. Онъ очень добръ, внимателенъ, никогда не раздражается, но нѣтъ у него никакихъ выдающихся качествъ и онъ способенъ лишь на то чтобы прилично разыгрывать свою роль въ семейномъ кругу и въ обществѣ.“ Гжа Гудето, тоже родственница гжи д'Эпине, прославленная Ж. Ж. Руссо, который вообразилъ что пылаетъ къ ней непреодолимою страстью, даже не считала нужнымъ скрывать отъ кого бы то ни было свою связь съ Сенъ-Ламберомъ. Примѣровъ было такимъ образомъ очень много, и гжа д'Эпине не долго колебалась послѣдовать имъ. „Все дѣло въ выборѣ, толковала ей дѣвица д'Эттъ; отъ удачнаго или неудачнаго выбора главнымъ образомъ зависитъ репутація“; выборъ гжи д'Эпине остановился на Франкёле, человѣкѣ далеко не дюжинномъ, игравшемъ даже нѣкоторую роль среди beaux esprits того времени. Съ той поры все быстро измѣнилось; гжа д'Эпине только и помышляла о Франкёлѣ, точно такъ же какъ гжа Жюли не могла провести нѣсколькихъ дней безъ Желіотта, гжа Гудето не разлучалась съ Сенъ-Ламберомъ, а дѣвица д'Эттъ служила общею наперсницей. Любовь была кажется главнымъ интересомъ въ жизни всѣхъ этихъ лицъ, для которыхъ ихъ маленькій кружокъ замѣнялъ весь міръ. „Цѣлый рядъ влюбленныхъ паръ, какой-то движущійся романъ“ (un roman mouvant), какъ выражалась дѣвица д'Эттъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, помѣщенныхъ въ мемуарахъ гжи д'Эпине.

Все это вполнѣ понятно съ точки зрѣнія нравовъ XVIII вѣка, но что могло быть общаго между этимъ кружкомъ и философами, задавшимися мыслію переродить человѣческій родъ? А между тѣмъ философы мало-по-малу проникаютъ въ него и чувствуютъ себя тамъ повидимому какъ нельзя лучше. Прежде другихъ появляется Дюкло. Надо замѣтить что гжа д'Эпине была несомнѣнно женщина съ замѣчательнымъ талантомъ; въ своихъ мемуарахъ она умѣетъ такъ рельефно изображать лицъ съ которыми приходилось ей встрѣчаться въ жизни что они выступаютъ предъ нами

какъ бы живыя, и между прочимъ характеристика Дюкло сдѣлана мастерскою рукой. Это былъ авторъ нѣсколькихъ сочиненій, изъ которыхъ одно, *Considerations sur les moeurs du XVIII siècle* пользовалось даже большимъ успѣхомъ, но писалъ онъ вообще немного, а настоящимъ его призваніемъ была остроумная болтовня въ салонахъ. На это незавидное занятіе израсходовалъ онъ все что было дано ему отъ природы. Многіе цѣнили прямоту его характера, которая выражалась въ грубости доходившей нерѣдко до цинизма, но подъ грубою личиной скрывался тонкій разчетъ, умѣнье вкрадываться въ довѣренность людей полезныхъ для него въ томъ или другомъ отношеніи, и кто-то весьма вѣрно подмѣтилъ въ немъ эту черту, давъ ему прозвище *bourru flatteur*. Дюкло привелъ къ гжѣ д'Эпине Ж. Ж. Руссо, а Руссо познакомилъ ее съ Дидро. Ни изъ чего не видно чтобы въ первое время знакомства у гжи д'Эпине было съ ними что-нибудь общее, Руссо, напримѣръ, уже издалъ тогда свой трактатъ *Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes*; доктрины его достаточно опредѣлились; по складу своего ума, по свѣтскимъ своимъ привычкамъ гжа д'Эпине далеко не была расположена сочувствовать имъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Франкёлю, разказывая о встрѣчахъ своихъ съ Желіоттомъ, она выражается такимъ образомъ: „Я не прихожу въ себя отъ изумленія. Часто приходится мнѣ видѣть въ разныхъ салонахъ Желіотта, знаменитаго пѣвца здѣшней оперы. У него столько самоувѣренности, онъ держитъ себя такъ непринужденно что я не могу привыкнуть къ этому. Какъ-то странно видѣть что въ порядочныхъ домахъ сажаютъ его играть въ карты и когда проигрываетъ онъ нѣсколько золотыхъ, то ему позволяютъ расплачиваться, берутъ у него деньги. Правда, онъ приличенъ, хорошо говоритъ, отнюдь не фанфаронъ, но все же это человѣкъ который по три раза въ недѣлю показывается на подмосткахъ.“ Очень скоро между Дюкло, Руссо, а въ послѣдствіи присоединился къ нимъ Гриммъ, начинается ожесточенный турниръ по поводу того кому изъ нихъ удастся стать твердою ногой въ домѣ въ которомъ принимали ихъ одинаково радушно. И это не было чѣмъ-то необычайнымъ съ ихъ стороны; это вовсе не условливалось, по крайней мѣрѣ относительно Руссо и Дюкло, личностью самой гжи д'Эпине, какимъ-либо особымъ очарованіемъ которое она производила на нихъ. Отличительная

черта многихъ корифеевъ тогдашней философской школы— это старанія ихъ проникнуть въ среду высшаго или по крайней мѣрѣ зажиточнаго общества, и какъ скоро кто-либо изъ нихъ успѣвалъ свить себѣ привольное гнѣздо, то съ замѣчательною энергіей отстаивалъ занятую имъ позицію противъ своихъ собратьевъ. Странно видѣть какъ ревниво слѣдили они за тѣмъ кто изъ нихъ оказывалъ услуги или мѣшалъ другъ другу въ этомъ отношеніи. Вотъ любопытное мѣсто по этому поводу въ *Исповѣди* Ж. Ж. Руссо: „Я подѣлился съ Гримомъ, говоритъ онъ, всѣми своими друзьями; дружба ихъ ко мнѣ перешла и на него. Я не сохранилъ за собой доступъ ни въ одинъ домъ, куда не постарался бы ввести и его. Только герцогиня Креки не захотѣла его принять, и я тотчасъ же переставъ посѣщать ее. Напротивъ того Гримъ имѣлъ своихъ друзей, съ которыми онъ сошелся самъ или чрезъ посредство графа Фризе. Изъ числа ихъ ни одинъ не захотѣлъ сдѣлаться и моимъ другомъ; никогда Гриммъ не предлагалъ мнѣ познакомить меня съ ними. Скажу даже болѣе: въ людяхъ глубоко расположенныхъ ко мнѣ, до тѣхъ поръ пока они не знали Гримма, обнаруживалась рѣзкая перемѣна какъ скоро сводили они съ нимъ знакомство. Онъ не сближалъ меня со своими друзьями и отнялъ у меня моихъ.“ Положимъ что Руссо говорилъ все это подъ вліяніемъ своей болѣзненной подозрительности, но и другіе разсуждали и дѣйствовали такъ же какъ онъ. Дюкло познакомившись съ гжой д'Эпине почти насильно хочетъ сдѣлаться у нея другомъ дома; онъ старается вывѣдать ея сердечныя тайны, вмѣшивается въ ея семейныя дѣла, подаетъ совѣты какъ она должна воспитывать своего сына, слѣдитъ за каждымъ ея шагомъ; замѣтивъ что Руссо и Гриммъ могутъ перебить ему дорогу, онъ начинаетъ преслѣдовать ихъ клеветами; по словамъ его Гриммъ—„выскочка, педантъ, пробавляющійся милостями знатныхъ лицъ, готовый обнаруживать восторженныя чувства ко всякому отъ кого онъ ждетъ себѣ подачки, а Руссо простиралъ де свою безнравственность до того что, будучи обязанъ очень многимъ Гольдбаху, не задумался будто бы развратить его жену.“ Гжа д'Эпине вынуждена была наконецъ просто-на-просто выпроводить вонъ своего назойливаго совѣтника. Съ этого времени Руссо расположился даже жить въ загородной ея дачѣ Эрмитажѣ, но вскорѣ долженъ былъ удалиться оттуда, какъ увѣрялъ онъ, вслѣдствіе безпощадныхъ преслѣдованій со стороны Гримма.

Что касается сего послѣдняго, то сближенію его съ гжой д'Эпине способствовало одно прискорбное обстоятельство въ ея жизни. Невѣстка ея, гжа Жюлли, о которой мы упоминали выше, умерла и на смертномъ одрѣ умоляла ее сжечь хранившіяся въ какомъ-то секретномъ ящикѣ письма къ ней актера Желіотта. Гжа д'Эпине поспѣшила исполнить въ точности волю своей пріятельницы, но затѣмъ оказалось что пропалъ какой-то важный документъ, касавшійся денежныхъ счетовъ между мужемъ покойной и роднымъ его братомъ, г. д'Эпине. Такъ какъ она не думала скрывать что уничтожила бумаги, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могла представить доказательствъ что сдѣлала это по настоянію гжи Жюлли, то противъ нея возникло очень неблаговидное подозрѣніе; кромѣ немногихъ близкихъ къ ней лицъ никто не хотѣлъ вѣрить чтобы не руководили ею корыстныя побужденія. Въ послѣдствіи документъ былъ найденъ, но до тѣхъ поръ гжѣ д'Эпине пришлось пережить много тяжкихъ минутъ; исторія о которой идетъ рѣчь огласилась въ обществѣ, служила темой разговоровъ въ разныхъ салонахъ. Однажды за обѣдомъ у графа Фризе присутствовавшіе сильно нападали на гжу д'Эпине. Гриммъ защищалъ ее и въ отвѣтъ одному изъ собесѣдниковъ, который отличался особенною запальчивостью, произнесъ: „Я не знаю близко ни г. д'Эпине, ни его жены, не знаю виновна она или нѣтъ, но не могу не относиться иначе какъ съ крайнимъ презрѣніемъ къ людямъ готовымъ вѣрить безусловно въ ихъ виновность только на основаніи городскихъ слуховъ.“ Произнесено было еще нѣсколько рѣзкихъ словъ съ той и другой стороны, и слѣдствіемъ этого была дуэль, въ которой Гриммъ получилъ легкую рану въ руку. Не трудно себѣ представить какъ это происшествіе подѣйствовало на гжу д'Эпине. По выздоровленіи своемъ Гриммъ явился къ ней и былъ принятъ съ восторженною благодарностью. „Поцѣлуй своего рыцаря“, сказала ей мать.—„Я гордился бы этимъ названіемъ еслибы заслуживалъ его, отвѣчалъ Гриммъ, но въ настоящемъ случаѣ я только отстаивалъ честь и справедливость, которыя еще никогда не подвергались столь неосновательнымъ оскорбленіямъ“.

Въ то время о которомъ мы говоримъ Гриммъ уже приступилъ къ изданію *Correspondance littéraire*, долженствовавшей составить ему громкую репутацію. Аббатъ Рейналь, авторъ книги *Histoire philosophique du commerce des deux Indes*,

предпринялъ сообщать различнымъ, преимущественно нѣмецкимъ дворамъ свѣдѣнія о литературномъ движеніи во Франціи; сперва занимался онъ этимъ одинъ; но въ 1753 году прибѣгнулъ къ сотрудничеству Гримма, который вскорѣ затѣмъ, по удаленіи Рейналя, взялъ корреспонденцію совершенно въ свои руки и велъ ее безостановочно до 1790 года. Тутъ достоинства его какъ писателя и главнымъ образомъ какъ критика обнаружились въ блестящемъ свѣтѣ. „*Литературная Корреспонденція* Гримма—одна изъ тѣхъ книгъ, говоритъ Сенъ-Бёвъ, къ которой я обращался чаще всего для своихъ этюдовъ о XVIII вѣкѣ; чѣмъ усерднѣе пользовался я ею тѣмъ болѣе убѣждался что авторъ ея былъ человѣкъ тонкаго, проницательнаго ума, имѣвшій на все свой собственный, а не заимствованный у кого-нибудь взглядъ. Никто не судилъ такъ вѣрно о людяхъ и общественныхъ явленіяхъ его времени, оставляя разумѣется въ сторонѣ энциклопедистовъ, къ которымъ онъ не могъ относиться безпристрастно, потому что былъ слишкомъ тѣсно съ ними связанъ.“ Гёте читалъ съ большимъ интересомъ *Корреспонденцію* Гримма; Байронъ выразился объ ея авторѣ что это „великій человѣкъ въ своемъ родѣ“. Не всѣ отзывы были однако такъ благопріятны Гримму. Во Франціи, за исключеніемъ Сенъ-Бёва, мнѣніе котораго мы привели сейчасъ, долго не хотѣли отдать ему справедливости, что условливалось быть-можетъ тѣмъ обстоятельствомъ что Руссо изобразилъ его самыми мрачными красками, и многочисленные приверженцы автора *Contrat social* считали непростительнымъ грѣхомъ хвалить человѣка котораго онъ считалъ чуть не чудовищемъ; съ другой стороны, многіе составили себѣ убѣжденіе что если въ литературныхъ своихъ приговорахъ Гриммъ обнаружилъ драгоцѣнныя качества, то будто бы обязанъ былъ онъ этимъ главнымъ образомъ Дидро. Въ Германіи тоже не совсѣмъ посчастливилось Гримму, тамъ и до сихъ поръ слышатся о немъ строгія сужденія. Нельзя сказать чтобъ они были справедливы. Доказательствомъ того съ какимъ искусствомъ велъ онъ свое предпріятіе и какъ вѣрно достигалъ онъ предположенной имъ цѣли служитъ то значеніе которое успѣлъ онъ пріобрѣсти. Императрица Екатерина, Фридрихъ II, Шведская королева, король Польскій, не говоря уже о цѣломъ десяткѣ второстепенныхъ германскихъ государей, были усердными его читателями; бывшій гувернеръ графа Шомберга находился

въ болѣе или менѣе близкихъ личныхъ сношеніяхъ съ ними, а это возвышало положеніе его и во Франціи. Онъ сдѣлался своего рода силой. Кто-то замѣтилъ очень вѣрно что онъ игралъ роль „министра-резидента и chargé d'aflaires европейскихъ дворовъ при французскомъ общественномъ мнѣніи и уполномоченнаго французскаго общественнаго мнѣнія при европейскихъ дворахъ." Онъ все болѣе и болѣе расширялъ свою задачу. Сначала въ *Корресподенціи* своей говорилъ онъ только о литературѣ, затѣмъ сталъ касаться общественной жизни, даже политики, и такимъ образомъ можно было найти у него полную картину всего что̀ совершалось въ странѣ, на которую въ то время обращены были взоры всей Европы. Онъ могъ говорить непринужденно, потому что *Корреспонденція* его не печаталась, а разсылалась какъ всякія частныя письма и слѣдовательно не подлежала цензурѣ; она не была извѣстна публикѣ, что̀ опять-таки развязывало ему руки, ибо Гримму не нужно было сообразоваться съ господствовавшими предразсудками и вкусомъ. Человѣкъ съ характеромъ весьма вкрадчивымъ и никогда не упускавшій изъ виду вещественныхъ выгодъ, онъ вовсе не былъ намѣренъ пользоваться платонически извѣстностью выпавшею на его долю, но мало-по-малу отлично устраивалъ свои дѣла. Графъ Фризе ввелъ его въ разные знатные дома и онъ же помогъ ему занять мѣсто секретаря герцога Орлеанскаго; маршалъ д'Эстре познакомился съ нимъ у герцога и предложилъ ему завѣдывать своею дипломатическою канцеляріей во время похода въ Вестфалію, происходившаго въ началѣ Семилѣтней войны. Извѣстный авторъ *Исторіи французской литературы въ XVIII вѣкѣ* Геттнеръ удивляется что не было обращено достаточно вниманія на одну сторону въ дѣятельности Гримма,—сторону въ высшей степени неблаговидную; если Гриммъ, говоритъ онъ, пріобрѣлъ очень порядочное состояніе, то конечно не литературными своими трудами, а тѣмъ что онъ исполнялъ роль тайнаго агента разныхъ европейскихъ правительствъ, т.-е. онъ просто-на-просто обвиняетъ его въ шпіонствѣ. Намъ кажется что для предположеній такого рода нѣтъ ровно никакихъ доказательствъ. Если Гриммъ могъ оказывать какому-нибудь правительству услуги о которыхъ идетъ рѣчь, то конечно правительству Русскому (Геттнеръ указываетъ прямо на Россію), но никогда не находился онъ къ нему въ подобныхъ отношеніяхъ. Въ своей автобіографіи

говоритъ онъ между прочимъ: „Русскіе путешественники пріѣзжавшіе погостить въ Парижъ иной разъ бывали столь высокомѣрны что предполагали будто я описываю императрицѣ исключительно ихъ связи и похожденія; можетъ-быть русскіе посланники при Французскомъ дворѣ не всегда бывали спокойны относительно моей переписки, принимая меня за тайнаго и непріятнаго контролера. Великіе парижскіе политики со своей стороны предполагая что проживъ долго во Франціи я хорошо ее знаю, удостоивали меня чести думать что я могъ быть вслѣдствіе того интереснымъ для императрицы и очень опаснымъ для Франціи. Они думали что ни въ Парижѣ, ни въ Версалѣ не могло случиться ничего важнаго, замѣчательнаго, любопытнаго, даже пустаго, безъ того чтобъ императрица не была увѣдомлена мной немедленно, со всѣми подробностями и величайшею точностью. Еслибъ они могли ознакомиться съ этою объемистою перепиской, то очень удивились бы, не найдя въ ней ни одного изъ тѣхъ именъ котораго искали бы. Они не знали меня такъ какъ императрица и потому имъ не могло быть извѣстно мое отвращеніе ко вмѣшательству въ дѣла до меня не касавшіяся. Могу смѣло сказать что ея величество слишкомъ уважала меня чтобъ унизить меня до обязанностей доносчика... Что касается Франціи, то проходили, случалось, мѣсяцы и годы въ теченіе коихъ имя ея не упоминалось въ нашей перепискѣ. Я долженъ отдать министрамъ Лудовика XVI справедливость что постоянно пріѣзжавшіе ко мнѣ курьеры не возбуждали ихъ подозрѣній, что они не выражали какого-либо безпокойства. Напротивъ, я внушалъ имъ такъ много довѣрія что они постоянно сообщали мнѣ сущность своихъ переговоровъ съ министрами императрицы и наставленій посылаемыхъ французскимъ посланникамъ въ Петербургѣ"... Еслибы даже кто-нибудь усомнился въ искренности этихъ словъ, то и содержаніе и тонъ обнародованныхъ въ послѣднее время писемъ императрицы Екатерины къ Гримму должны разсѣять всякія сомнѣнія относительно политической его честности. Правда, онъ извлекалъ значительныя выгоды изъ сношеній со своими высокими покровителями и друзьями, но не тѣми средствами которыя ему приписываютъ.

Гриммъ познакомился съ гжой д'Эпине вскорѣ послѣ того какъ началъ заниматься своею *Литературною Корреспонденціей* и безъ труда вытѣснилъ изъ ея сердца Франкёля. До

конца ея жизни онъ былъ съ нею неразлученъ и имѣлъ огромное на нее вліяніе или вѣрнѣе совершенно поработилъ ее. То была женщина привлекательная, но въ которой не было ничего необыкновеннаго,—женщина со впечатлительнымъ характеромъ, съ умомъ живымъ, но неспособнымъ долго и глубоко на чемъ-нибудь сосредоточиться, быстро переходившая отъ одного увлеченія къ другому. Бывали минуты—и повторялись онѣ очень часто—когда она чувствовала себя глубоко несчастною. „Неужели, восклицаетъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ, не найдется на всемъ земномъ шарѣ уголка куда могло бы укрыться такое жалкое созданіе какъ я, которое никакъ не хотятъ оставить въ покоѣ?“ Руссо, хотя и считался ея другомъ, былъ слишкомъ поглощенъ самимъ собой чтобы служить ей опорой; онъ требовалъ всего для себя и ничего не давалъ ей. Иное дѣло Гриммъ: всегда холодный и разсудительный, какъ нельзя болѣе склонный властвовать надъ тѣми кто поддавался ему,—даже Дидро, неизмѣнный въ своей къ нему привязанности, упрекалъ его въ деспотическихъ замашкахъ,—онъ далъ новое направленіе ея жизни, заставилъ ее проникнуться извѣстными интересами, создалъ для нея роль которую она исполняла какъ нельзя лучше подъ его руководствомъ. Самый разрывъ ея съ Руссо способствовалъ этому. Въ своей *Исповѣди* Руссо выставляетъ Гримма главнымъ виновникомъ всѣхъ постигшихъ его невзгодъ, вождемъ какого-то таинственнаго заговора, чего въ сущности никогда не было: Гриммъ только отлично разгадалъ его характеръ и былъ безпощаденъ къ его слабостямъ. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на достаточно уже извѣстныхъ подробностяхъ ихъ распри, которая произвела сильное впечатлѣніе во всѣхъ кругахъ общества, такъ что одно время Парижъ былъ почти исключительно занятъ ею. Шамфоръ разказываетъ что герцогъ де-Кастри выражалъ по ея поводу неописанное изумленіе: „Боже мой, воскликнулъ онъ, куда ни пріѣдешь, только и слышишь разговоры о Руссо и его врагахъ. Каково это? Люди ничтожные, бездомные, проживающіе гдѣ-то въ третьихъ этажахъ, заставляютъ толковать о себѣ весь городъ... Поистинѣ нѣтъ никакой возможности примириться съ этимъ.“ Но ссора Руссо съ Дидро и Гриммомъ произошла именно изъ-за г-жи д'Эпине или по крайней мѣрѣ она послужила для нея поводомъ; онъ жилъ до того времени въ принадлежавшемъ ей домѣ. Если много говорили о немъ,

то и ея имя повторялось безпрерывно, словомъ, она пріобрѣла извѣстность. Еще задолго до этого случалось ей иногда появляться на обѣдахъ (почему-то называли ихъ diners du bout du banc) у актрисы Кино (Quinault), собиравшей у себя кружокъ философовъ. Въ своихъ мемуарахъ передаетъ она очень подробно нѣкоторыя изъ происходившихъ тамъ бесѣдъ, не отличавшихся, сказать по правдѣ, ничѣмъ замѣчательнымъ кромѣ кощунства и довольно незатѣйливаго остроумія. Для примѣра можно указать на сцену когда Сенъ-Ламберъ разсуждаетъ будетъ ли современемъ человѣчество считать наготу стыдомъ и рисуетъ циническую картину какъ у грядущихъ поколѣній будутъ совершаться браки. Когда Кино покинула Парижъ, Дюкло предлагалъ гжѣ д'Эпине занять ея мѣсто; она не сочла себя пригодною для этого, но въ послѣдствіи, при содѣйствіи своего возлюбленнаго Гримма, открыла у себя салонъ, неизмѣнными посѣтителями коего были между прочимъ Дидро и аббатъ Галіани. Чтобъ упрочить свое положеніе нужно было ей только удостоиться ласковаго привѣта со стороны Вольтера, что̀ и не замедлило случиться во время путешествія ея въ Швейцарію. Фернейскій философъ принялъ ее какъ нельзя болѣе радушно, окрестилъ ее наименованіемъ „la véritable philosophe“ и увѣрялъ что записочки ея имѣютъ для него такую же цѣну какъ картины Рафаэля. Гжа д'Эпине выступила и на литературное поприще, издавъ книгу педагогическаго содержанія *Les conversations d'Emilie*, которой Французская Академія присудила Монтіоновскую премію. Когда Гримму случалось уѣзжать изъ Парижа, она вмѣстѣ съ Дидро замѣняла его въ *Литературной Корреспонденціи*, но главнымъ образомъ блистала она умѣньемъ соединять вокругъ себя людей игравшихъ видную роль въ тогдашнемъ умственномъ движеніи Франціи. Тайна ея вліянія на нихъ можетъ показаться съ перваго взгляда необъяснимою, точно такъ же какъ трудно понять почему въ своей молодости привлекала она къ себѣ поклонниковъ. Жоржъ Сандъ, дѣдомъ коей былъ Франкёль, говоритъ о ней въ своихъ мемуарахъ: „Гжа д'Эпине была положительно дурна (positivement laide), но сложена очень хорошо. У меня сохранился одинъ изъ портретовъ подаренныхъ ею моему дѣду; а у двоюроднаго моего брата Вильнёва видѣла я другой ея портретъ, на которомъ изображена она въ костюмѣ Наяды, то-есть вѣрнѣе сказать почти безо всякаго костюма. Несмотря на

некрасивую наружность, было что-то оригинальное въ ея физіономіи и она одерживала побѣды сколько ей было угодно“. Когда въ 1783 году сошла она въ могилу, Гриммъ написалъ ея некрологъ, въ которомъ особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе слѣдующія строки: „Рѣдко кто обладалъ такимъ искусствомъ заставить говорить другихъ совершенно свободно, съ увлеченіемъ, и говорить именно то что интересно было слышать. Ничто изъ происходившей въ ея присутствіи бесѣды не пропадало даромъ, и иногда какимъ-нибудь однимъ ловко вставленнымъ словомъ умѣла она дать этой бесѣдѣ направленіе которое было желательно для всѣхъ“. То же самое говорили въ послѣдствіи и о гжѣ Рекамье. Благодаря этому врожденному такту и она, подобно гжѣ д'Эпинѣ, оставила по себѣ замѣтный слѣдъ въ исторіи французскаго общества.

II.

Гриммъ сдѣлался лично извѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ съ 1773 года, то-есть двадцать лѣтъ спустя послѣ того какъ приступилъ онъ къ своей *Литературной Корреспонденціи*. Уже выше сказано что онъ сопровождалъ ландграфиню Гессенъ-Дармштадтскую, женщину большаго ума и замѣчательнаго образованія, прибывшую въ Петербургъ по случаю бракосочетанія дочери своей великой княгини Натальи Алексѣевны съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Императрица хорошо знала его по репутаціи, знала о близкихъ связяхъ его съ энциклопедистами, была одною изъ усердныхъ читательницъ его *Корреспонденціи*, а потому неудивительно что онъ удостоился самаго ласковаго пріема. О сношеніяхъ своихъ съ императрицей онъ подробно разказываетъ въ запискѣ подъ заглавіемъ *Mémoire historique sur l'origine et les suites de mon attachement pour l'imperatrice Cathérine II jusqu'à son décès* *, при составленіи коей очевидно имѣлъ онъ въ виду особыя цѣли. По словамъ его, тотчасъ послѣ перваго представленія его императрицѣ, предложено было ему чрезъ генерала Бауера поступить въ русскую службу. Онъ колебался, не давалъ опредѣленнаго отвѣта, но Екатерина упорствовала въ своемъ намѣреніи и немного времени спустя сама вызвала его на

* *Сборн. Русск. Истор. Общ.*, т. II, 1868.

объясненіе. Гриммъ ссылался на то что не знаетъ русскаго языка, не созданъ для придворной жизни,—словомъ, подъ разными предлогами отклонилъ сдѣланную ему честь, но о дѣйствительныхъ побужденіяхъ руководившихъ имъ въ этомъ случаѣ выражается такимъ образомъ: „Не лѣта мои, не невозможность изучить русскій языкъ, не дворъ съ окружающими его опасностями, не страхъ ошибокъ удерживали меня отъ исполненія столь лестной и счастливой для меня воли государыни; меня удерживало соображеніе что блестящая перемѣна въ моей судьбѣ не можетъ быть продолжительна. Я предпочелъ вовсе лишиться того что̀ мнѣ предлагали, чѣмъ подвергнуться риску утратить пріобрѣтенное... Таково человѣческое сердце. Мы готовы не подниматься, но разъ поднявшись не можемъ рѣшиться сойти внизъ.“ Извѣстно что не одинъ Гриммъ находился въ такомъ положеніи. Такъ напримѣръ императрица хотѣла поручить Даламберу воспитаніе своего сына, наслѣдника престола, и Даламберъ тоже отвѣчалъ отказомъ. По этому поводу князь П. А. Вяземскій въ своей біографіи Фонъ-Визина старается опровергнуть не совсѣмъ лестные отзывы этого писателя о корифеяхъ французской литературы преимущественно со стороны нравственныхъ ихъ качествъ, выставляя на видъ ихъ безкорыстіе и благородство. Конечно и Даламберу и Гримму нужно было нѣкоторое мужество чтобъ отвергнуть выгодныя предложенія Русской государыни, но не надо однако забывать что принявъ ихъ они лишились бы очень многаго. Оставаясь въ Парижѣ они играли такую роль на которую не могли разчитывать еслибы переселились на берега Невы. Вѣрный разчетъ долженъ былъ подсказать, между прочимъ, Гримму что гораздо удобнѣе не удаляться отъ партіи всѣ члены коей были связаны, такъ-сказать, круговою порукой и общими усиліями поддерживали свое вліяніе на европейскую публику, и въ то же время пользоваться милостями императрицы Екатерины. Онъ очень искусно умѣлъ соединить и то и другое.

Въ 1774 году предпринялъ онъ путешествіе въ Италію, а чрезъ полтора года вернулся въ Петербургъ. Снова убѣждали его остаться тамъ завѣдывать училищами, объ учрежденіи коихъ заботилась Екатерина, но онъ счелъ невозможнымъ предложить ей и на этомъ поприщѣ свои услуги. Это нисколько не измѣнило расположеніе ея къ нему. Объ отношеніяхъ своихъ къ императрицѣ онъ говоритъ такъ хорошо что мы

приводимъ здѣсь собственныя его слова: „Я входилъ въ комнаты императрицы какъ къ самому задушевному пріятелю, будучи увѣренъ что въ разговорѣ съ нею найду неистощимый запасъ свѣдѣній самыхъ интересныхъ и выраженныхъ въ своеобразной формѣ, а также что у меня всегда хватитъ мужества и способности высказывать все что мнѣ приходило въ голову. Въ жару разговора выраженіе не всегда отвѣчало мысли столь правильно и точно, какъ слѣдовало бы требовать отъ писателя, но императрица обладала рѣдкимъ талантомъ въ такой степени въ какой не удавалось мнѣ встрѣчать его ни у кого, а именно умѣньемъ всегда вѣрно схватывать мысль собесѣдника, такъ что неловкое или смѣлое выраженіе не вводило ее въ заблужденіе и еще тѣмъ менѣе могло показаться ей неуважительнымъ... Обыкновенно бесѣда наша съ глазу на глазъ продолжалась часа два или три, иной разъ четыре, а однажды семь часовъ, не прерываясь ни на минуту. То были—скажу нѣчто могущее показаться невѣроятнымъ—изліянія двухъ друзей, сообщавшихъ свои впечатлѣнія о вчерашнемъ днѣ, свои думы о завтрашнемъ. То не была болтовня, перескакивающая съ одного предмета на другой, когда праздность вызываетъ рядъ лишенныхъ связи мыслей, когда отъ скуки бросаешь одну тему чтобы слегка коснуться двадцати другихъ. То были бесѣды въ которыхъ все держалось нитями часто едва примѣтными, но тѣмъ болѣе безыскусственными что все сказанное не было подведено намѣренно или приготовлено заранѣе. Обыкновенно первое случайно произнесенное слово опредѣляло содержаніе разговора на весь вечеръ; иногда же разговоръ уклонялся далеко отъ сказаннаго въ началѣ, потому что первое слово затрогивало не относившуюся къ нему прямо мысль, вдругъ открывало путь который не имѣлся въ виду, но велъ къ другимъ результатамъ одинаково занимательнымъ. Надо было видѣть въ такія минуты эту чудесную голову, эту смѣсь генія съ граціей чтобы составить себѣ понятіе о томъ какимъ одушевляема была она пыломъ, какіе оригинальные взгляды, какія проницательныя замѣчанія въ изобиліи сыпались изъ ея устъ подобно яркимъ блесткамъ природнаго водопада! Отчего не въ моихъ силахъ изложить дословно на бумагѣ эти бесѣды! Міръ обладалъ бы драгоцѣннымъ, быть-можетъ единственнымъ памятникомъ въ исторіи человѣческаго ума. Воображеніе и разумъ были одинаково поражаемы этимъ орлинымъ взглядомъ,

обширность и быстрота коего могли быть уподоблены молніи. Да и возможно ли было уловить на лету эту вереницу яркихъ движеній мысли, движеній гибкихъ, мимолетныхъ! Какъ увѣковѣчить ихъ перомъ! Покидая императрицу я бывалъ обыкновенно до того разстроенъ, наэлектризованъ что половину ночи большими шагами разгуливалъ по комнатѣ; меня неотступно занимало, преслѣдовало все мною слышанное, я скорбѣлъ что все это доставалось мнѣ одному и было потеряно для свѣта. Каждый вечеръ былъ у меня одинъ и тотъ же припѣвъ: странна моя звѣзда, говорилъ я себѣ; судьба дважды приводитъ меня въ Россію чтобы проводить время въ обществѣ императрицы, чтобы внушать въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ нею—несмотря на разстояніе отдѣляющее самое высокое отъ самаго скромнаго положенія—сладость довѣрія и задушевности, составляющихъ удѣлъ равенства и дружбы! Правда что *императрица* никогда не исчезала въ нашихъ бесѣдахъ, но никогда также не бывала она и лишнею. Умѣнье сохранять прирожденное ей достоинство, при полной непринужденности или даже безцеремонности, которыя вносила она въ бесѣду, составляло тайну и очаровательную прелесть ея общества.“ Еще при первомъ отъѣздѣ Гримма изъ Петербурга императрица начала съ нимъ переписку, а затѣмъ, когда покинулъ онъ Россію чтобы никогда уже не возвращаться въ нее, переписка эта продолжалась безостановочно до самой смерти Екатерины. Сначала письма шли по почтѣ, но потомъ было условлено что чрезъ каждые три мѣсяца нарочный курьеръ будетъ привозить Гримму пакеты и ожидать его отвѣтовъ.

Рѣдкое расположеніе которымъ удостоивала императрица Екатерина Гримма произвело огромный переворотъ въ его судьбѣ. Онъ вдругъ сдѣлался важнымъ лицомъ. Безпрерывно упоминаетъ онъ въ своихъ письмахъ что домъ его наполнялся знатными и незнатными посѣтителями, заискивавшими въ немъ только потому что они знали объ его близости къ Русской государынѣ. „Съ тѣхъ поръ какъ щедроты вашего величества, говоритъ онъ, сдѣлали меня знаменитымъ человѣкомъ, одинъ Господь вѣдаетъ сколько мнѣ приходится терпѣть изъ любви къ вамъ. Это значитъ что всѣ праздные и докучные люди Европы считаютъ себя въ правѣ атаковать меня и красть мое время, самое драгоцѣнное мое благо, и все для того чтобы бесѣдовать со мною о

васъ... публика еще не была посвящена въ тайну моего сча-
стія. Библіотека патріарха (то-есть Вольтера) сгубила меня.
Названный въ письмѣ вашего величества преданномъ гла-
сности я достигъ высшей славы, но время мое и по-
кой попали во власть другихъ.“ По словамъ самого Грим-
ма, министры Лудовика XVI посвящали его въ подроб-
ности дипломатическихъ сношеній съ Россіей; императрица
поручала ему неофиціально совѣщаться съ ними о разныхъ
вопросахъ; онъ упоминаетъ, между прочимъ, объ участіи сво-
емъ въ переговорахъ о присоединеніи къ Россіи Крыма. Ино-
странные государи осыпали его милостями, конечно не за
личныя его заслуги, а желая сдѣлать пріятное высокой его
покровительницѣ. Римскій императоръ даровалъ ему титулъ
барона; что касается самой императрицы, то она пожаловала
ему чинъ статскаго совѣтника (во Франціи называли его по-
этому полковникомъ) и Владимірскую звѣзду второй сте-
пени. Онъ получалъ отъ нея жалованье, которое уплачи-
валось ему совершенно такъ же какъ членамъ нашего дипло-
матическаго корпуса за границей, не соображаясь съ вексель-
нымъ курсомъ. Чрезъ руки Гримма проходили огромныя сум-
мы, потому что императрица чрезъ его посредство выписы-
вала изъ-за границы картины, камеи и другія художествен-
ныя произведенія; онъ же раздавалъ пособія лицамъ прибѣ-
гавшимъ къ ея благотворительности и награды авторамъ
присылавшимъ ей книги и рукописи. Нѣтъ ни малѣйшихъ
указаній чтобъ онъ злоупотреблялъ въ этомъ отношеніи до-
вѣріемъ государыни, но если даже и отличался онъ безупреч-
ною честностью, то достаточно было значительныхъ денеж-
ныхъ подарковъ высылаемыхъ ему изъ Петербурга чтобы
могъ онъ пріобрѣсти независимое состояніе. Дѣйствительно
онъ обладалъ имъ, изъ человѣка не имѣвшаго ровно ничего
превратился въ человѣка зажиточнаго и этимъ безо всякаго
сомнѣнія обязанъ былъ онъ императрицѣ Екатеринѣ. Гриммъ
окружилъ себя нѣкоторою роскошью, завелъ многочисленную
прислугу и экипажи, и даже секретарь его Мейстеръ, напи-
савшій о немъ, послѣ его смерти, весьма сочувственную
статью, сознается что онъ „значительно утратилъ ту простоту
и естественность которыми одарилъ его Богъ, и какъ скоро
началъ получать титулы и звѣзды не могъ воздерживаться
отъ мелочнаго тщеславія“. Ни въ одной строкѣ вышедшей
изъ-подъ его пера не выражаетъ Гриммъ сожалѣнія о томъ

что не остался онъ при Русскомъ дворѣ. Онъ постоянно твердитъ только что сердце его въ Россіи, что туда направлены всѣ его помыслы, что во Франціи онъ прозябаетъ, а не живетъ, но очевидно что прозябаніе это приходилось ему по вкусу и онъ вовсе не желалъ мѣнять свою судьбу.

Въ отношеніяхъ Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ было много искренняго. Женщина съ такимъ геніальнымъ умомъ, такъ обаятельно дѣйствовавшая на всѣхъ кто имѣлъ счастье приближаться къ ней, не могла не произвести и на него сильнаго впечатлѣнія. Мы не сомнѣваемся что въ восторженныхъ отзывахъ его о ней, образецъ коихъ приведенъ нами выше, выражалось дѣйствительно то что̀ онъ думалъ и чувствовалъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ много руководилъ имъ разчетъ, и ничто такъ убѣдительно не свидѣтельствуетъ объ этомъ какъ письма его изданныя нынѣ г. Гротомъ. Прежде всего сдѣлаемъ общее замѣчаніе о нихъ по сравненію съ письмами адресованными къ нему императрицей. Какъ подавляетъ она его на каждомъ шагу своимъ неизмѣримымъ превосходствомъ! Сколько глубокой мудрости и знанія человѣческаго сердца проявляется въ небрежно начертанныхъ ею строкахъ, которымъ она сама не придавала конечно никакой важности. Вспомнимъ, напримѣръ, сужденія ея о французской революціи, грозныя предсказанія ея въ виду событій совершившихся въ Европѣ. Очевидно она нисколько не старается блистать умомъ,—по собственному ея замѣчанію, она пишетъ къ Гримму не стѣсняясь, не помышляя о какомъ бы то ни было сочинительствѣ, — но свѣтлыя мысли выливаются сами собой. Что касается писемъ Гримма, то мы не находимъ въ нихъ и тѣни чего-либо подобнаго, и вообще производятъ они даже такое впечатлѣніе какъ-будто принадлежатъ дюжинному человѣку. Лишь изрѣдка попадаются въ нихъ замѣтки представляющія общій интересъ, — напримѣръ слѣдующія строки о Вольтерѣ: „Во всѣ минуты дня я чувствую эту жестокую потерю и конечно также живо какъ моя несравненная монархиня. Мнѣ кажется что съ тѣхъ поръ глубокая тишина объемлетъ всю природу, какъ еслибы совершенно вымерли на землѣ всѣ земныя существа, говорящія и поющія, и кажется что болѣе не сто̀итъ совершать великихъ и прекрасныхъ дѣлъ, такъ какъ нѣтъ того кто могъ возвышаться до нихъ и прославлять ихъ.“ Или вотъ другое мѣсто по поводу брошюры Фридриха Великаго о нѣмецкой литературѣ: „Эта

книга возбудила большой соблазнъ въ Священной Имперіи; великій богословъ и великій медикъ—одинъ въ Брауншвейгѣ, другой въ Бреславлѣ — уже опровергли ее со всѣмъ уваженіемъ подобающимъ сѣдой и коронованной головѣ автора. Конечно, нельзя отрицать что авторъ не достаточно знакомъ со своимъ предметомъ и судитъ о нѣмецкомъ языкѣ почти какъ слѣпой о цвѣтахъ. Очень поучительно для людей размышляющихъ видѣть великаго государя (и, что̀ еще хуже, великую по уму голову), посвящающаго значительное время чтенію и который, живя среди своего отечества, въ столицѣ, обладающей нѣсколькими писателями первой силы, не знаетъ этого, не подозрѣваетъ что его родной языкъ уже не тотъ какимъ писали и говорили вокругъ него шестьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. И совершенно искренно остается онъ въ невѣдѣніи насчетъ всего что̀ писалось вокругъ него въ продолженіе сорока лѣтъ, насчетъ того какой переворотъ произошелъ въ языкѣ и въ головахъ германскихъ, и такимъ образомъ онъ не можетъ постичь что многія литературныя произведенія его страны гораздо выше тѣхъ скучныхъ брошюръ которыя появляются въ Парижѣ и гдѣ мысли нѣкоторыхъ великихъ умовъ повторяются, разбавляются и уродуются на тысячу различныхъ ладовъ.“ Повторяемъ, такими сужденіями не изобилуютъ письма Гримма. По большей части это отчеты о порученіяхъ которыя возлагаемы были на него императрицей, замѣтки о лицахъ которыми могла она интересоваться, много разглагольствованій о самомъ себѣ,—словомъ, все что̀ не выходитъ за предѣлы весьма обыкновенной болтовни. Полагалъ ли Гриммъ что касаясь въ своей *Литературной Корреспонденціи* серіозныхъ вопросовъ, онъ не имѣлъ нужды удѣлять имъ мѣсто въ своихъ частныхъ письмахъ? Самый тонъ ихъ производитъ далеко неблагопріятное впечатлѣніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія что онъ поддѣлывался подъ тонъ императрицы, но то что̀ у нея было вполнѣ естественно выходитъ у него до крайности натянутымъ и искусственнымъ. Онъ хочетъ во что̀ бы то ни стало быть игривымъ, но игривостью вовсе не отличался его умъ, и неудивительно поэтому что игривость его дѣйствуетъ непріятно на читателя.

Но болѣе всего поражаетъ въ его письмахъ постоянная и незнающая никакой границы лесть. При всемъ желаніи нельзя пріискать другаго слова для тѣхъ душевныхъ изліяній съ

которыми Гриммъ обращается къ Екатеринѣ, забывая что чѣмъ искреннѣе и сильнѣе преданность, тѣмъ менѣе человѣкъ будетъ безпрерывно толковать о ней тому къ кому она относится. Но это любимая его тема. Онъ не можетъ жить безъ ея писемъ; онъ бродитъ какъ тѣнь если не получаетъ ихъ долгое время; но вотъ письмо наконецъ приходитъ: „Ахъ, государыня, этотъ клочокъ божественной грамоты, говоритъ онъ, причинилъ мнѣ припадокъ удушья, который былъ бы послѣднiй еслибъ обильныя рыданiя не пришли мнѣ на помощь чтобъ облегчить сердце стѣсненное такъ внезапно и такъ неожиданно; мнѣ невозможно было кончить чтенiе этого письма. Богъ знаетъ когда я найду силы взглянуть на него.“ Да и могло ли быть иначе? „Всѣ минуты моей жизни, восклицаетъ Гриммъ,—посвящены вамъ; я какъ тѣнь никогда не покидаю васъ; любовь моя, признательность, мои пожеланiя всюду васъ сопровождаютъ, и какого прекраснаго мѣста могъ бы ожидать на небѣ, еслибы когда-нибудь былъ въ состоянiи посвятить Богу хоть десятую часть любви которою я сгораю къ императрицѣ.“ Выходка эта очень неумѣстна, можно было бы указать еще нѣсколько другихъ превосходящихъ ее неприличiемъ (см. напримѣръ стр. 161). Посылая императрицѣ книгу, авторъ коей избралъ девизомъ; „qui mores hominum multorum vidit et urbes“, Гриммъ говоритъ: „А я прибавилъ бы *и Екатерину:* кто видѣлъ много странъ, много нравовъ и обычаевъ человѣческихъ и Екатерину, — потому что опять-таки надо кончить послѣднимъ штрихомъ, громовымъ ударомъ, и, какъ сказалъ Iисусъ Христосъ: Мареа, Мареа, *только одно потребно*—видѣть Екатерину“. Въ другомъ мѣстѣ прямо сказано что Екатерина „для насъ, протестантовъ—высшее Евангелiе“. „Вашему величеству извѣстно, пишетъ Гриммъ, что я обладаю умомъ очень ограниченнымъ; поэтому я до сихъ поръ еще не постигъ, на что̀ была нужна эта чума, которою Господь, въ Своемъ милосердiи, посѣтилъ городъ Москву въ царствованiе Екатерины II. Столѣтнiй гимнъ * даетъ мнѣ къ тому ключъ. Это было нужно для того чтобы доставить Россiйской Имперiи еще большее сходство съ имперiей Римскою; это было нужно для того чтобы доставить императрицѣ Греческой (Гриммъ часто называетъ такъ

* Carmen saeculare, партитура Филидора.

императрицу Екатерину) точно такой случай по какому императоръ Римскій праздновалъ столѣтнія игры. Онъ въ числѣ многихъ своихъ титуловъ носилъ санъ государя - первосвященника, такъ же какъ и она носитъ санъ главы своей церкви. Онъ былъ властелиномъ міра, силою своего оружія; она сдѣлалась рѣшительницей его судебъ какимъ-то сатанинскимъ обольщеніемъ, утвержденнымъ на трехъ камняхъ болѣе твердыхъ чѣмъ тотъ на которомъ Спаситель основалъ Свою церковь; эти три камня окрещены именами: правосудіе, умѣренность, твердость.“ Гриммъ хочетъ увѣрить Екатерину что она считается „благодѣтельницей не только своихъ подданныхъ, но и всѣхъ народовъ земли, допущенныхъ судьбой имѣть съ ней хотя бы самыя отдаленныя сношенія“, что и монархи, и государственные люди не спускаютъ съ нея глазъ, стараясь уловить тайну политической ея мудрости. „Послушайте, многострадальный, пишетъ ему въ отвѣтъ императрица, развѣ можно такъ хвалить людей? Вы прослывете за отъявленнаго льстеца, да оно и похоже! Если вѣрить вамъ, то я вдругъ сдѣлалась на старости лѣтъ образцовою правительницей. Ахъ, Господи, Господи! Обо мнѣ столько говорили дурнаго, да и теперь еще говорятъ, что образцовою назвать меня отнюдь нельзя коли всему вѣрить. Знаете ли что похвалы никогда не приносили мнѣ пользы; но когда начинали меня злословить, я съ гордою самоувѣренностью говорила о себѣ въ насмѣшку хулителямъ: отмстимъ имъ, уличимъ ихъ во лжи?“ Екатерина озабочена, какимъ чтеніемъ занять юнаго великаго князя Александра Павловича: по мнѣнію Гримма, ничего не могло бы быть пригоднѣе въ этомъ отношеніи какъ нарочно составленный панегирикъ ея царствованія. „О, на этотъ разъ позвольте замѣтить вамъ, возражаетъ ему императрица, что я еще не потеряла здравый смыслъ до такой степени чтобы дать въ руки Александру книгу въ которой говорилось бы только обо мнѣ и содержались бы выспреннія похвалы моей особѣ. Что̀ подумалъ бы онъ обо мнѣ,—онъ, олицетворенная скромность!“ Неоднократно, хотя и въ шутливой формѣ, обуздывала императрица наклонность своего корреспондента къ черезчуръ грубой лести и подшучивала надъ его раболѣпіемъ предъ сильными міра сего. „Я давно̀ знаю, писала она къ нему между прочимъ, что нѣтъ для васъ бо́льшаго счастія какъ если подлѣ васъ, по близости, съ боку, впереди или позади находится какое-нибудь германское высочество.“

Ужь если Гриммъ хотѣлъ чтобы вѣрили совершенной искренности восторженныхъ похвалъ которыми осыпалъ онъ Екатерину, то по крайней мѣрѣ нужно было ему какъ можно осторожнѣе пользоваться ея щедротами, а между тѣмъ нѣтъ почти ни одного его письма въ которомъ онъ не выпрашивалъ бы чего-нибудь для своихъ друзей. Чего только ни дѣлала императрица для гжи д'Элине, но недовольный этимъ онъ все-таки навязалъ ей брилліанты своей подруги. „Тайный голосъ, пишетъ онъ, говорилъ мнѣ: зачѣмъ императрицѣ покупать брилліанты, совершенно для нея не нужные, оттого только что ихъ обладательница въ несчастіи?“ Гриммъ испытываетъ „великія мученія совѣсти“, но повидимому безъ особеннаго труда преодолѣваетъ ихъ. Онъ проситъ Андреевской ленты — „если есть лишняя, которую императрица не знаетъ куда помѣстить“—для своего бывшаго воспитанника, графа Шомберга, всѣ права коего на это отличіе заключаются лишь въ томъ что онъ „питаетъ страсть къ великой женщинѣ“.—„Въ свое время вашъ графъ Шомбергъ не будетъ забытъ, но теперь еще не наступила для этого минута“, отвѣчаетъ ему государыня. Во время революціи и еще до катастрофы постигшей короля Лудовика XVI Гриммъ заботится о томъ чтобы пристроить генерала Булье и одного изъ его сотоварищей, генерала Геймана. „Желанія его сердца, его вкусъ, интересъ его славы, пишетъ онъ о Булье,— все располагаетъ его посвятить себя службѣ Россіи; онъ утверждаетъ что только тамъ находится царственная голова и этотъ догматъ становится все болѣе и болѣе догматомъ вселенской церкви; онъ думаетъ что пріятно жертвовать собой для нея, а я говорю: трикраты, трикраты счастливъ тотъ кому выпадетъ на долю эта славная судьба“. Но какъ ни готовъ былъ Булье жертвовать собой, онъ не забывалъ также объ условіяхъ, а именно: требовалъ чтобы переведенъ былъ въ русскую службу съ чиномъ генералъ-аншефа, а Гейманъ съ чиномъ генералъ-лейтенанта и чтобъ обоимъ имъ было выдано впередъ единовременно 230 тысячъ ливровъ. „Все это для того, говоритъ Гриммъ, чтобъ они могли уплатить здѣсь свои долги, устроить свои дѣла и быстрымъ полетомъ перенестись въ обитель гдѣ слава ихъ ожидаетъ.“ Любопытно что означенные переговоры происходили въ то самое время когда Лудовикъ XVI находился въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Булье по поводу задуманнаго имъ

бѣгства изъ Парижа: слѣдовательно знаменитый генералъ —
знаменитый по мнѣнію Гримма, который выставлялъ его чуть
ли не величайшимъ полководцемъ своего вѣка—заранѣе при-
готовлялъ себѣ тихое пристанище на случай неудачи. Импе-
ратрица очень мѣтко подсмѣивается надъ Французами въ ро-
дѣ Геймана и Буйе, которые, предлагая ей услуги, показы-
вали видъ будто въ сущности они намѣрены облагодѣтель-
ствовать Россію. „Итакъ, пишетъ она Гримму, что касает-
ся этого генералъ-лейтенанта, маркиза Буйе, который поль-
зуется у васъ столь громкою репутаціей, и этого генералъ-
майора, г. Геймана,—мы не прочь принять ихъ на службу,
хотя и не на тѣхъ условіяхъ которыя выставлены ими. Но,
многострадальный, мы уже не мало видали у насъ вашихъ
великихъ дѣльцовъ которые ровно ничего не сдѣлали со вре-
мени Ахенскаго мира, между тѣмъ какъ наши такого здѣсь
мнѣнія о себѣ что они пріобрѣли болѣе опытности и про-
глотили болѣе побѣдъ, начиная съ 1756 года чѣмъ собратья
ихъ по оружію во всемъ свѣтѣ... Во всякомъ случаѣ пусть
ваши старинные рыцари—если только старинные рыцари су-
ществуютъ—пріѣзжаютъ сюда или не пріѣзжаютъ, какъ имъ
угодно." Несчастная попытка Лудовика XVI, окончившаяся
арестомъ его въ Вареннѣ, измѣнила настроеніе императри-
цы; она была крайне недовольна дѣйствіями генерала Буйе.
„Полагаю, говоритъ она, что голова его сильно пострадала
отъ этой печальной исторіи; онъ можетъ идти на службу ку-
да хочетъ; я ничего не выиграю и не потеряю отъ этого, ибо
и безъ него дѣла пойдутъ у меня такъ какъ шли они до сихъ
поръ. А лучше всего было бы ему оставаться тамъ гдѣ пред-
ставится ему случай возстановить расшатанную власть Лу-
довика XVI."

Революція возбудила въ Гриммѣ негодованіе и ужасъ, но
онъ способенъ былъ только проклинать ее, а не углубляться
въ причины которыми была она вызвана. „Неоспоримо толь-
ко одно, говорилъ онъ, что Волохи остаются всегда Волоха-
ми, что Вольтеръ нашелъ ихъ такими же какими покинулъ,
какими они были двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ; по тому какъ
они воспользовались свободой, они доказали что способны
также обладать ею какъ корова способна плясать на кана-
тѣ... Ваше величество спрашиваете меня, куда дѣвались фран-
цузскіе рыцари нѣкогда блиставшіе гордостью и мужествомъ?
Предъ революціей они сдѣлались аглійскими жокеями и

конюхами; понятно что потомъ они сочли честью и славой быть смѣшанными со сволочью. Они въ одномъ вечернемъ засѣданіи полупьяные возбудили вопросъ объ уничтоженіи дворянства, принявъ на своей аудіенціи множество бездѣльниковъ, одѣтыхъ по-оперному и подкупленныхъ изображать изъ себя посланниковъ націй; адвокаты довершили такимъ образомъ собственное безуміе.“ Но чѣмъ же условливалось это безуміе? Вслѣдствіе чего одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ міра дошелъ до такой ужасной катастрофы? Еслибы Гриммъ остановился на этомъ вопросѣ, то быть-можетъ онъ понялъ бы сколько зла сдѣлала партія въ рядахъ коей онъ подвизался въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, но очевидно что подобное самосознаніе было ему не по силамъ. Онъ продолжалъ вѣрить что энциклопедисты облагодѣтельствовали человѣческій родъ и въ одномъ изъ писемъ къ императрицѣ обѣщалъ доказать что Вольтеръ и его друзья были ни при чемъ въ страшныхъ событіяхъ совершившихся во Франціи. „Вы пишете, отвѣчала ему Екатерина, о намѣреніи своемъ оградить память Вольтера отъ упрековъ будто онъ подготовилъ революцію и хотите указать настоящихъ ея виновниковъ. Пожалуста назовите ихъ мнѣ и вообще сообщите что вамъ объ этомъ извѣстно.“ Въ письмахъ Гримма мы не находимъ отвѣта на это требованіе императрицы, да и что могъ бы сказать онъ? Вокругъ него совершался кровавый переворотъ, грозившій ниспровергнуть всю вѣковую цивилизацію Франціи, тысячи благородныхъ жертвъ падали подъ ножомъ убійцъ, а онъ, до мозга костей проникнутый такъ-называемыми философскими идеями своего вѣка, не можетъ отдѣлаться отъ легкомысленнаго кощунства и продолжаетъ глумиться надъ церковью, алтари коей подвергались поруганію. „Я очень рада, пишетъ ему императрица, что вы въ состояніи шутить послѣ всѣхъ ужасовъ которыхъ были очевидцемъ; я же боюсь одурѣть по милости событій такъ сильно потрясающихъ нервы“...

Изъ свѣдѣній сообщенныхъ самимъ Гриммомъ видно какъ много и постоянно заботилась императрица не только о немъ, но и о лицахъ ему близкихъ. Подъ конецъ своей жизни гжа д'Эпине, вслѣдствіе сокращеній которыя Французское правительство пыталось произвести въ бюджетѣ, лишилась средствъ шедшихъ ей отъ казны; императрица явилась ходатайницей за нее, и когда ходатайство не удалось, помогала

ей деньгами. У гжи д'Элине осталась внучка; императрица помогла ей выйти замужъ, дала ей приданое, осыпала ее благодѣяніями; когда начались революціонныя смуты, заботливо освѣдомляется она о положеніи Гримма, посылаетъ ему значительныя суммы и даже предлагаетъ ему пользоваться суммами принадлежавшими ей, которыя находились въ его рукахъ. Онъ потерялъ очень много; домъ его былъ разграбленъ и остававшееся во Франціи имущество его было конфисковано. Это было одно изъ тѣхъ несчастій которому наравнѣ съ нимъ подверглись тысячи ни въ чемъ не виновныхъ людей, но Гриммъ, вѣрный себѣ и въ этомъ случаѣ, старался доказать что если онъ пострадалъ, то причиной этого была главнымъ образомъ его преданность Русской императрицѣ. „Истина, говоритъ онъ въ своей автобіографической запискѣ, не дозволила мнѣ не признаться въ этомъ государынѣ... Изо всѣхъ державъ соединившихся противъ чудовищнаго правленія Франціи самая отдаленная казалась имъ самою опасною, и ее-то они ненавидѣли болѣе всѣхъ. Рѣшаясь на насиліе противъ меня, они надѣялись найти переписку содержащую замыслы противъ французской свободы... Все это внушало мнѣ надежду что когда-нибудь, хотя бы уже въ то время меня не было въ живыхъ, императрица не откажется исправить послѣдствія постигшаго меня несчастія.“ Записка изъ которой мы приводимъ эти строки была составлена уже по кончинѣ Екатерины; если даже Гриммъ не прямо адресовалъ ее императору Павлу Петровичу, то очевидно она предназначалась для него и все показываетъ что главною цѣлью автора было, послѣ всѣхъ благодѣяній оказанныхъ ему императрицей, удостоиться щедротъ и отъ ея преемника. „Среди моего несчастія—таковы заключительныя слова этого мемуара—участь моя была бы завидною еслибъ императоръ удостоилъ также бросить взглядъ состраданія на семейство такъ постоянно покровительствуемое императрицей и за всѣмъ тѣмъ оставленное въ настоящее время безо всякихъ средствъ (семейство графини Бейль, той внучки гжи д'Элине о которой мы упомянули выше). Еслибъ онъ удостоилъ видѣть въ немъ наслѣдство переданное незабвенною его матерью его благотворительности и далъ бы ему то убѣжище, тотъ клочокъ земли, который былъ предметомъ моихъ послѣднихъ просьбъ! Освободившись тогда отъ бремени, которымъ угнетено мое сердце, я благословлялъ бы небо, осудившее меня

на вѣчное горе, и покончилъ бы дни въ сладкомъ и глубокомъ чувствѣ благодарности къ августѣйшему сыну моей незабвенной покровительницы."

У насъ нѣтъ свѣдѣній какимъ успѣхомъ увѣнчалось это ходатайство. Извѣстно только что императоръ Павелъ утвердилъ Гримма въ должности русскаго резидента въ Гамбургѣ, которую предоставила ему императрица. Здѣсь жилъ онъ до своей кончины, послѣдовавшей въ 1807 году. Громадный переворотъ совершался въ судьбахъ Европы, Франція отъ дикой разнузданности дошла до суроваго деспотизма, въ Германіи исчезали съ лица земли тѣ мелкіе владѣтельные князья, предъ которыми такъ благоговѣлъ Гриммъ, даже монархія короляфилософа подверглась разгрому на поляхъ Іены и Ауэрштедта, но удрученный глубокою старостью, почти совсѣмъ ослѣпшій, другъ Дидро и Даламбера, оставался лишь безучастнымъ и изумленнымъ зрителемъ грозныхъ событій. Не было у него ничего общаго со вновь возникавшимъ порядкомъ вещей и часто повторялъ онъ что давно уже упустилъ удобный случай сойти въ могилу.

Р.

КЛУБЪ АНАРХИСТОВЪ ВЪ ЛОНДОНѢ

I. Лео Блекъ.

Мой лондонскій чичероне Вили Шмидтъ, „жертва Бисмарковскихъ насилій“, показалъ мнѣ всѣ замѣчательности сумашедшаго города и наконецъ не зналъ уже что можетъ меня интересовать. Онъ былъ не только убѣжденный, но заклятой соціалистъ и во всѣхъ отношеніяхъ гораздо интереснѣе нашихъ соотечественниковъ. Онъ принадлежалъ ко клубу анархистовъ, но не стѣснялся работать „на капиталъ“. Демократическія убѣжденія не запрещали ему одѣваться щегольскимъ джентльменомъ, жить въ чистой комнатѣ, посѣщать при случаѣ и другіе рестораны, театры, концерты. По профессіи онъ былъ переплетчикъ, но въ совершенствѣ съ англійскими работниками онъ не могъ конкуррировать и принялся за издѣліе кошельковъ, портмоне, разныхъ бездѣлушекъ изъ кожи и бумаги. Дѣтскія игрушки онъ мастерски работалъ. Прекрасно игралъ на фортепьяно и зналъ четыре языка. Былъ въ Америкѣ, но тамъ оказалось „хуже“. Держался онъ просто, говорилъ вѣжливо, но съ оттѣнкомъ ироніи и какого-то затаеннаго самопочтенія. Денегъ никогда не занималъ и не просилъ „впередъ“ — между анархистами черта чрезвычайно рѣдкая. Ему было сорокъ лѣтъ и онъ

еще не назывался Вильгельмомъ, а только Вили. Работу свою онъ оставлялъ только для лучшаго заработка, а по вечерамъ давалъ уроки на фортельяно или утѣшалъ своею игрой клубъ анархистовъ. При этомъ довольствовался самымъ скромнымъ вознагражденіемъ. Шиллингъ въ день онъ стѣснялся отъ меня брать и взялъ только десять пенсовъ „на моемъ табакѣ". Однажды я невольно спросилъ его: что̀ заставляетъ его съ утра до ночи работать бездѣлушки плохо вознаграждаемыя, когда онъ хорошо владѣетъ языками и прекрасно играетъ? Онъ подумалъ и сказалъ мнѣ.

— Человѣку надо либо работать, либо сидѣть на собственномъ акрѣ земли. У меня акра земли нѣтъ и потому я работаю.

Слабосильный, тщедушный, онъ былъ несравненно комиченъ въ горячихъ политическихъ спорахъ. Въ клубѣ анархистовъ къ нему относились съ уваженіемъ, хотя и не терпѣли его *порядочныхъ* привычекъ, да и человѣкъ онъ былъ чистый, съ *правилами*, отъ которыхъ не отступалъ въ жизни. Къ анархистамъ онъ попалъ по нуждѣ и не высокаго мнѣнія былъ о нихъ, но анархію, какъ политическій принципъ, онъ признавалъ вполнѣ. Онъ не былъ способенъ стать въ ряды „дѣйствующихъ" или крикливыхъ шарлатановъ, попусту оскорбляющихъ бумагу своими бездарными и подчасъ дѣтски-безсмысленными писаніями, но находилъ тѣхъ и другихъ явленіемъ нормальнымъ и даже необходимымъ. *Freicheit* Моста онъ не любилъ какъ безплодный задоръ и злорадство вчужѣ, изъ-за угла, но относился съ уваженіемъ къ открытымъ атентатамъ. Съ нимъ можно было говорить противорѣча ему и даже проклиная его убѣжденія. Онъ былъ цѣломудренъ, и только самимъ же имъ сочиненные польки и вальсы называлъ женскими именами.

Въ первые дни знакомства онъ дичился, больше молчалъ и исполнялъ свои обязанности механически. Одинъ разъ даже довольно грубо замѣтилъ что мы едва ли поймемъ другъ друга, такъ какъ я безусловно осуждалъ какъ величайшую нелѣпость соціальную анархію, а въ ней всѣ его лучшіе идеалы. Но позже онъ весьма податливо сошелся со мною и уже не замѣчалъ о разности нашихъ *убѣжденій*. Политика сама собою исчезла изъ нашихъ разговоровъ. Мы оба деликатны и не стали бы изъ задора говорить другъ другу грубости. Приходилъ онъ ко мнѣ обыкновенно съ утра и мы отправлялись странствовать на весь день. Въ шумной уличной суматохѣ

онъ совершенно терялся и въ какомъ-то оглушенномъ состояніи зѣвалъ по сторонамъ, не понимая что̀ такое кругомъ его происходитъ. Однажды, вмѣсто меня, онъ подхватилъ подъ руку совсѣмъ незнакомаго ему джентльмена и шелъ съ нимъ нѣсколько минутъ подъ руку, говоря по-нѣмецки.

Предлагая мнѣ всякаго рода осмотры и развлеченія, онъ ни разу не позвалъ меня въ свой клубъ, а мнѣ хотѣлось тамъ быть и видѣть „нашихъ". Однажды онъ пришелъ ко мнѣ необычайно радостно взволнованный и объявилъ что пріѣхалъ изъ Америки его лучшій другъ Лео Блекъ.

— Хотите я покажу вамъ его? предложилъ онъ мнѣ.—Надо сперва узнать сколько это будетъ сто́ить; мой другъ Лео Блекъ даромъ ни съ кѣмъ изъ чужихъ не говоритъ, ему всѣ корреспонденты платятъ гонораръ за разговоры.

— Пожалуй, я заплачу.

— А сколько? Онъ очень нуждается, вчера не ѣлъ, и я закладывалъ его рубашки и книги...

— Что̀ же здѣсь дѣлаетъ Лео Блекъ? спросилъ я.

Вили съ недоумѣніемъ пожалъ плечами.

— Вы лучше меня знаете, сказалъ онъ,—что Русскіе ничего не дѣлаютъ. Впрочемъ, Лео Блекъ былъ на фабрикѣ и набивалъ папиросы, а теперь онъ намѣренъ учиться у меня дѣлать портмоне и будетъ наклеивать на нихъ портреты Перовской и Желябова. Это пойдетъ въ Россію. Лео еще полезенъ... онъ еще не потерянъ..

— Покажите, покажите.... Скажите ему что я готовъ заплатить.

— Хорошо, скажу. Но позвольте мнѣ просить за моего друга. Онъ, разумѣется, несчастный человѣкъ, и вы не будете смѣяться надъ нимъ за ваши деньги: слѣпому, безногому вы подаете же милостыню,—подайте и безумному такъ же просто, безъ злобы, безъ смѣха. Можете ли вы обѣщать мнѣ это?

— Даю вамъ слово, Вили. Но меня удивляетъ что вы и вашъ другъ и цѣлыя тысячи „несчастныхъ" такъ робки предъ смѣхомъ что даже сами не можете отдѣлить смѣшной личности отъ смѣшнаго положенія занятаго не всегда добровольно.

— Да, правда... но это трудно. Я иду къ Лео. Что̀ онъ скажетъ, я передамъ вамъ.

Но первое знакомство мое съ Блекомъ состоялось не скоро, цѣлымъ мѣсяцемъ позже. Вили молчалъ, а я не

напрашивался, боясь сумашедшихъ подозрѣній какими одержимъ каждый эмигрантъ, а такой въ особенности.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца членами клуба преданными Блеку собирались обо мнѣ справки: мой образъ жизни, мои знакомства, занятія, даже мой паспортъ и деньги, все было извѣстно. Изъ подозрительности эти люди становились самыми страстными и неумолимыми шпіонами. Въ каждомъ Русскомъ имъ представлялся членъ противо-революціоннаго тайнаго общества, вооруженный ядами, кинжалами и пистолетами чтобъ убивать ихъ, „честныхъ мучениковъ правды ради". Но нужда не рѣдко выбивала ихъ изъ „послѣдовательности", и они сами приходили къ „подозрительному" просить работы или просто вспоможенія.

Наконецъ Вили Шмидтъ объявилъ мнѣ что его знаменитый другъ разрѣшаетъ мнѣ представиться ему, въ увѣренности что я заплачу ему за „трудъ". Я отказался.

— Хорошо, сказалъ Вили,—онъ самъ придетъ къ вамъ просить работы.

— У меня нѣтъ работы; минъ я не копаю.

— Онъ можетъ сообщить вамъ всѣ новые планы партіи, даже нѣкоторыя тайны организаціи если вы согласитесь напечатать ихъ во враждебныхъ Россіи газетахъ. Вы можете купить его собственноручную работу, портмоне съ портретомъ Перовской. Въ Россіи за такое портмоне очень дорого могутъ заплатить.

Бѣдный Вили такъ усердно старался помочь своему другу что жалко было глядѣть на него.

— Блекъ прекрасная душа, утверждалъ онъ;—онъ во всѣхъ кабакахъ за насъ платитъ когда у него деньги есть. Теперь денегъ нѣтъ. Послѣ 1 марта перестали высылать—должно быть касса арестована, и бѣдный Лео Блекъ совсѣмъ безъ денегъ. Клубъ тоже не выдаетъ; всѣмъ не нравится его поведеніе въ Америкѣ... Съ голоду онъ совсѣмъ утратитъ энергію.

Наконецъ я согласился пойти къ подпольной знаменитости. Отчего не взглянуть на человѣка который всѣми силами старается обратить на себя вниманіе Европы и Америки? Вили повелъ меня на College Place, въ улицу Oakley, въ мрачный закопченый домикъ, грязный и темный, съ выбитыми ступеньками въ лѣстницѣ, съ какимъ-то страннымъ запахомъ стародавняго запущеннаго жилья. Мы поднялись на четвертый этажъ и по сигнальному свистку вошли въ низенькую комнату, со

старинными дрянными картинками на стѣнахъ, съ маленькимъ столикомъ у окна, за которымъ сидѣлъ Лео и клеилъ портмоне. Въ углу торчалъ шкафъ съ переплетами изъ свиной кожи, да диванъ на которомъ безпорядочно разбросаны были принадлежности весьма убогаго туалета.

Лео поднялся и ждалъ. Вили представилъ насъ. Лео онъ назвалъ настоящимъ именемъ. Лицо его выражало какую-то угнетенную растерянность. Онъ старался казаться равнодушно-величавымъ, и это стараніе было замѣтно. Что-то напряженное, надутое, комически важное проглядывало въ каждомъ движеніи, во взглядахъ то быстрыхъ и пугливыхъ, то надменно-наглыхъ и вызывающихъ.

Онъ хмурилъ брови, презрительно щурилъ глаза, напускалъ на себя какую-то устрашающую важность, по всѣмъ признакамъ глубоко увѣренный что каждое его движеніе замѣчательнѣйшій историческій фактъ. Онъ привыкъ къ этой выставленности и ломался препротивно. Его де осаждаютъ корреспонденты, дипломаты; весь міръ о немъ говорилъ и проклиналъ, и онъ какъ монументальная статуя старался возвыситься надъ этимъ общимъ вниманіемъ. Это ему нравилось, забавляло и льстило ребяческое самолюбіе свойственное людямъ невысокаго полета.

— О чемъ вы желаете со мной говорить? спросилъ онъ пытливо и подозрительно глядя мнѣ въ глаза.

— О чемъ вамъ угодно: о погодѣ, о театрахъ, о женщинахъ, о кабакахъ.

— Значитъ васъ не интересуютъ мои политическія мнѣнія?.. Со мною говорятъ только о политикѣ.

— Извольте, о политикѣ. Напримѣръ, объ ирландскихъ дѣлахъ...

— Да, но мнѣ интересно бы знать чѣмъ вы можете быть мнѣ полезны?

— Не знаю. Я къ вашимъ услугамъ.

— Корреспонденты мнѣ всегда платятъ довольно значительный гонораръ за сообщенія.

— Я готовъ.

— Что̀ же вы хотите, мою собственноручную статью или такъ поговорить?

— Нѣтъ, статьи вашей мнѣ не надо, а поговорить не прочь.

— Что̀ же вы хотите знать: подкопъ, положеніе дѣлъ нашей партіи, планы будущаго, мое мнѣніе о теперешней

Россіи... За сообщеніе о подколѣ редакція *The Daily Telegraph* заплатила мнѣ пять фунтовъ. У меня теперь денегъ нѣтъ. Я нуждаюсь.

— Очень жаль. Пять фунтовъ за подкопъ я не заплачу вамъ, потому что читалъ его и вообще на вѣсъ золота вашихъ словъ покупать не желалъ бы.

— Такъ что же вамъ нужно?

— А вотъ посмотрѣть на васъ, поговорить. Пожалуй за это заплачу.

Какъ ни странно было это торгашеское вступленіе, но оно все-таки лучше того интеллигентнаго попрошайства которое вопитъ о „какой-нибудь работѣ", ничего не умѣя и рисуясь голодною праздностью высшихъ существъ предназначенныхъ къ чему-то великому. Этотъ прямо убѣжденъ въ своемъ величіи и требуетъ за показъ онаго денегъ. Основательно!

— Вы давно изъ Россіи? спросилъ онъ меня.

— Мѣсяца два.

— Правда, что тамъ образовалась „Святая Лига" которая хочетъ насъ вырѣзать?

— Не знаю.

— А конституцію пишутъ? Говорятъ всѣ молодые генералы вмѣстѣ со своими бюджетными дамами сочинили по конституціи и читаютъ во всѣхъ казенныхъ салонахъ. Успѣхъ, говорятъ, небывалый. Француженки у Бореля тоже говорятъ о конституціи. Дворники и журналисты, городовые и публичныя женщины,—всѣ проникнуты конституціонными началами.

— Что же вы смѣетесь, Блекъ? Вѣдь это вамъ на руку? прокламаціи исполнительнаго комитета послѣ 1го марта предлагаютъ прямо конституціонную программу.

— Что изъ этого? Наше дѣло вести разрушеніе до конца, не останавливаясь предъ миражами какъ бы обольстительны они ни были. Долой царизмъ! долой олигархію! Народовластіе на сцену! Жаль, конечно, что борьба ведется неровно, съ большими промежутками: люди устаютъ, гибнутъ, или невольно становятся безполезными какъ я, напримѣръ... Силъ у насъ много, очень много, но онѣ или не собраны или парализованы шпіонствомъ. Многимъ нельзя не только вернуться въ Россію, но и выѣхать изъ города. Я напримѣръ, мой каждый шагъ извѣстенъ въ „Лигѣ". Переждать надо... Нѣсколько покусителей погибло прежде попытки. Не разчетливо такъ терять силы...

— Скажите, Блекъ, какъ вы смотрите на послѣдствія цареубійства 1 марта?

— 1 марта намъ сильно повредило. Это была грубая ошибка... Разчитывали не на то...

— А если въ самомъ дѣлѣ, Блекъ, въ Россіи будетъ конституція?

— Это выйдетъ фарсъ самаго подлаго комизма.

— Почему такъ?

— Да потому что вся интеллигенція бюджетная, казенная, чиновничья. Другой вѣдь нѣтъ. И мы изъ казенныхъ... Единственный въ своемъ родѣ примѣръ, гдѣ бюджетныя шкуры составляютъ ядро оппозиціи, другаго во всей міровой исторіи нѣтъ. Надъ этимъ, конечно, можно смѣяться, но надо и радоваться. Я радуюсь.

— Чему же вы радуетесь?

— А тому что нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такихъ характеровъ каковы всѣ наши.

— Рысаковъ, напримѣръ, развѣ это характеръ? спросилъ я.

— Рысаковъ дрянь безличная, но въ томъ-то и сила что этой безличной дряни у насъ хоть лопатой греби и направляй куда хочешь. Только пугни насмѣшкой въ отсталости, и эта дрянь лѣзетъ на стѣну, идетъ на эшафотъ и самодовольно улыбается торжеству своего подвига. Вотъ что хорошо и чего нигдѣ въ мірѣ нѣтъ.

— А какого вы мнѣнія, Блекъ, о другихъ участникахъ 1 марта.

— Самый великій человѣкъ изъ нихъ Софья. Это характеръ! кремень! И дѣвка замѣчательная, и террористъ знатный! Сила дьявольская!... Другой Софьи у насъ не было да и не будетъ. Другія бабы какъ-то мелки, односторонни, все больше въ краснорѣчіи о бездѣлицѣ проводятъ время. У Софьи и бездѣлица выходила грандіозною, цѣлую ночь не дастъ уснуть. И разомъ жила со всѣми. Молодецъ покойница была. И умерла хорошо. Не пищала о помилованіи, какъ эта противная Гесся.

Онъ показалъ мнѣ портмоне съ наклеенною фотографіей Софьи. Большой высокій лобъ, чувственныя вздутыя губы и опалые полусонные глаза выражали только животную сытость и утомленіе. Глядя на фотографію, можно было повѣрить въ ея „грандіозную бездѣлицу“, и только. Едва ли она была изъ „мыслящихъ“ даже такъ какъ мыслятъ въ кружкахъ.

Это цѣльная, животная натура, пресыщенная до спокойной немощи, принимаемой ея поклонниками за спокойствіе сильнаго характера. Физіологическое разочарованіе въ ней едва ли не было такимъ же сильнымъ импульсомъ, какъ и политическая экзальтація. Нечего было дѣлать съ собой, не къ чему пріурочить себя. Надо было такъ или иначе кончить съ собой, а тутъ еще громкая тріумфальная роль обольстила—эшафотъ, пьедесталъ мученицы, революціонныя поэмы сумашедшаго Алисова, воспѣвшаго ея „бѣлоснѣжныя одежды", саванъ и веревку.

— Что вы думаете, Блекъ, о смерти людей 1 марта? спросилъ я.

— Они умерли хорошо, хотя Луиза Гулю и недовольна ими. По ея мнѣнію, надо было протестовать и орать: „Мотри, народъ, я умираю за твои страданія, а ты мсти злодѣямъ!" По моему, это лишнее: народъ и такъ видѣлъ что они умираютъ: зачѣмъ орать?

—Думаете ли вы что они умерли спокойно?

—Да, я увѣренъ въ этомъ. Кромѣ Желябова и Софьи, всѣ умерли, какъ вы говорите.

— А эти?

— Эти умнѣе. Этихъ самолюбіе взмостило. Я былъ не однажды на волосъ отъ смерти; это хуже, страшнѣе самой смерти. Это каинское проклятіе отъ котораго невозможно, но очень хочется спастись. Но когда сознаешь смерть неминуемою, неотразимою, въ виду висѣлицы окруженной штыками, тутъ уже нечего бояться ни дворниковъ, ни шпіоновъ. Тутъ просто человѣкъ долженъ сказать себѣ: „Умри, это нужно: твоя очередь... И тотъ, кто тебя давитъ, поздно или рано, самъ будетъ задавленъ—не веревкой Фролки, такъ естественною смертью: не все ли равно?"

— Вы разсуждали бы такъ спокойно подъ висѣлицей?

— Нѣтъ, зачѣмъ лгать... Я еще не знаю что было бы со мною подъ висѣлицей; но я знаю что казнь психически-заразительна: она экзальтируетъ и возбуждаетъ силы даже смѣяться надъ собственною гибелью. Такъ, смѣясь, умирали жирондисты, такъ теперь умираютъ наши. Рысаковъ смѣялся такимъ смѣхомъ... А если человѣкъ смѣется—нормаленъ его смѣхъ, или нѣтъ, все равно—ему уже не больно. Онъ не страдаетъ нравственно, а это главное. Боль физическая ничего не значитъ, да ея и быть не можетъ въ смерти.

— Хорошо. Но вы сами признали 1 марта ошибкой террористовъ. Если исполнители сознали до своей казни ошибку, не могли же они быть увѣрены въ правотѣ своего дѣла?

— Не знаю, я думаю глупые умерли въ самомъ счастливомъ сознаніи своей святости. Ну, а Желябову съ Софьей, навѣрно, не такъ легко было умирать: имъ нужно было умереть для примѣра, умереть на показъ, на выставку. Это, разумѣется, труднѣе. Умереть *за идею* террора, умереть для соблазна другихъ, тутъ нуженъ характеръ, мужество... Казнь 3 апрѣля нанесла намъ сильный ударъ, и не вдругъ мы отъ него оправимся. Но все-таки оправимся! Комитетъ *Народной Воли* уже дѣйствуетъ, *Черный Передѣлъ* выходитъ, *Зерно* печатается,—и все это въ Петербургѣ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ милліона дворниковъ.

— Ну, это литераторы революціи. А такіе есть у васъ что палить пойдутъ?

— Какъ знать! Сегодня нѣтъ, завтра будутъ. Если Желябовъ могъ оболванить Рысакова въ двѣ недѣли, то нѣтъ смысла сомнѣваться въ возможности оболванивать Рысаковыхъ сколько потребуется. Общественное сочувствіе къ намъ всѣхъ сколько-нибудь оппозиціонныхъ группъ будетъ рости: что же правительство въ силахъ сдѣлать съ нами? переловить? передавить? Постараемся практически доказать что это дѣло невозможное.

— На общественное сочувствіе вы, однако, напрасно надѣетесь, замѣтилъ я.

— О, нѣтъ! Я знаю что это сочувствіе пахнетъ предательствомъ. Я не вѣрю даже въ большинство революціонеровъ самыхъ несомнѣнныхъ.

— Какой же исходъ, окончательный результатъ вашего террора? спросилъ я.

— А вотъ мы станемъ властью надо всѣми европейскими государствами. Противъ насъ вся Европа на военномъ положеніи: противъ безсилія такія мѣры были бы смѣшны,—пушками по воробьямъ не палятъ. Теперь насъ величаютъ сумашедшими, фанатиками, шальными злецами. Противъ насъ гремятъ по всему свѣту проклятія, но все это потому что насъ еще мало. Мы еще одиночки, безъ легальныхъ правъ, и насъ легко заглушить стаднымъ ревомъ фальшивой и искренней ненависти. Но когда насъ будетъ много и когда завоюемъ себѣ легальность, завладѣемъ большинствомъ рабочаго люда,

тогда посмотримъ будутъ ли называть насъ сумашедшими... Въ Россіи,—продолжалъ Блекъ, помолчавъ,—ни кто ни во что не вѣритъ. Такое общество всегда было и всегда будетъ ничтожно, безлично, лакейски-сонливо... Оно всегда уступитъ побѣду людямъ самой безумной идеи. Его судьба—смерть, разложеніе. Только дураки и врали могутъ убаюкивать себя и другихъ величіемъ національныхъ русскихъ силъ да молодостью народныхъ стремленій. Тысячи лѣтъ—это молодость!... Да укажите мнѣ, многія ли изъ историческихъ цивилизацій пережили этотъ возрастъ ребячества? Почти ни одна! А вы говорите о молодости русской... Нѣтъ, это народъ недоносокъ, самой дурной породы, неспособный къ самостоятельному духовному развитію. Обезьяна въ вицъ-мундирѣ да волъ въ ярмѣ—вотъ его характерные типы. И все славянство еще хуже, мелочнѣе, безъидейнѣе.

— Блекъ, какъ же вы можете любить народъ, думая о немъ такъ дурно? спросилъ я.

— Русскій народъ—это раса дворняшекъ! А интеллигенція—халуй Европы, завитый, напомаженный и надушеный, но все-таки грубый и глупый халуй. Таково мое искреннее убѣжденіе и, во имя блага человѣчества высшихъ расъ, я совершенно искренно желаю ему скорѣйшей и безболѣзненной гибели. Такова судьба всякаго варварства и дикости: долой со свѣта!

— Это входитъ въ программу вашей партіи?

— Нѣтъ, что мнѣ программа? Я самъ по себѣ...

— Я все-таки не совсѣмъ ясно понимаю, какъ вы думаете собственно о *вашей партіи*?

— Большинство наличныхъ силъ—дрянь безнадежная. Это еще старое поколѣніе литературнаго воспитанія. Куча мусора который давно пора выбросить за бортъ. Лучшіе изъ нихъ, въ родѣ Алисова, еще печатаютъ брошюры, которыя никто не читаетъ, просто изъ боязни заразиться сумашествіемъ. Другіе, подобросовѣстнѣе, пьютъ мертвую, заглушаютъ сознаніе собственной гибели. Но параллельно съ этою дрянью выработались и типы положительные. Теперь вы въ каждомъ заграничномъ кружкѣ встрѣтите людей дѣла, не героевъ, но дѣйствительно убѣжденныхъ террористовъ. Они легальны, положенія своего не испортятъ и на аттентаты не пойдутъ, но косвенно всему помогутъ и искренно порадуются всякой удачѣ террора. Слабость правительства и событія террора

воспитали тысячи разумныхъ террористовъ-теоретиковъ. Они отбросили всякую брезгливость. Они не блажатъ, не высовываются, выучиваются своей спеціальности и идутъ на дѣло въ Россію, занимаютъ земскія и казенныя мѣста и прекрасно гарантируютъ себя отъ подозрѣній. Изрѣдка попадаются и пропадаютъ, но все же не такъ стадно какъ это бывало во время „хожденія въ народъ". Это люди разумные, основное большинство, какихъ ровно двѣнадцать штукъ въ дюжинѣ. Я желаю такихъ побольше. Съ ними успѣхи террора вездѣ обезпечены. Мы прогрессируемъ слишкомъ быстро. Ни одна политическая партія такъ скоро не выросла, не складывалась въ опредѣленный типъ. Говорите послѣ этого что мы не сила!...

— Нѣтъ, я ничего не говорю.... Но вы хотите какой-то привилегированной безнаказанности, исключительнаго господства, и всякое противодѣйствіе, даже простое несогласіе съ вами, называете деспотизмомъ, тираніей.

— Да, конечно. Еслибъ я могъ взорвать на воздухъ весь міръ съ его теперешнимъ порядкомъ, я взорвалъ бы его, потому что онъ глупъ и несправедливъ, и если люди изъ личныхъ выгодъ защищаютъ эту глупость и несправедливость, я считаю себя въ правѣ ихъ убивать. Ничѣмъ другимъ ихъ не проймешь. Не вести же съ ними полемику по вопросу о справедливости, да и это средство у насъ отнято. Открыто высказываться мы не имѣемъ права нигдѣ.

Блекъ казался утомленнымъ и, отвернувшись къ столу, снова принялся клеить портмоне. Вили Шмидтъ, ни слова не понимавшій изъ нашего разговора, глядѣлъ на Блека съ молящимся благоговѣніемъ. Онъ былъ увѣренъ что Блекъ говоритъ великія, геніальныя истины, хотя онъ и безумный, по его мнѣнію.

— Заходите въ клубъ, сказалъ Блекъ:—я познакомлю васъ съ людьми солидными. Я не нахожу нужнымъ скрываться; лучше популяризовать себя и своихъ друзей. Тамъ много всеславянской дряни, но есть и люди.

— Я полагаю, заговорилъ Вили:—пора бы намъ позавтракать.

— Да, пожалуй, согласился Блекъ.

Мы пошли въ ресторанъ, и, къ удивленію моему, и Блекъ, и Вили, не пошли въ маленькій кабачекъ на Soho Square. гдѣ обѣдали ежедневно, а направились въ роскошный ресторанъ

на Regent Street, съ высокими цѣнами. Вся публика обратила вниманіе на наше пришествіе, на странные и слишкомъ уже демократическіе костюмы моихъ спутниковъ. Вили по дорогѣ купилъ бумажный воротничекъ за пени и пристегнулъ его такъ ловко, какъ будто на немъ была щегольская рубашка. Блекъ былъ въ совершенно-сѣромъ отъ грязи бѣльѣ.

— Чего эта сволочъ глаза лялитъ на насъ! проворчалъ онъ шумно усаживаясь и съ преувеличенною развязностью заказывая обѣдъ, путая при этомъ англійскія, французскія и нѣмецкія слова. Вина онъ потребовалъ рейнскаго и лучшаго, и приказалъ заморозить двѣ бутылки St.-Monceaux d'Or. Несчастный Вили, вѣроятно, никогда въ жизни такого обѣда не видавшій, гордо крутилъ свои усы, разваливался на стулѣ, ерошилъ для чего-то свою жалкую куафюру и пыхтѣлъ дрянною сигарой, желая съ полнымъ жеманствомъ разыграть истиннаго джентльмена. Дырявый сапогъ онъ какъ-то ловко поджималъ подъ другую ногу и на Блека попрежнему молился. Онъ видимо конфузился своихъ корявыхъ рабочихъ рукъ и всячески старался держать ихъ подъ столомъ.

— Сперва коньяку, распоряжался Блекъ.

Обѣдъ вышелъ веселый и шумный.

Когда мы вышли изъ заведенія, Блекъ, покачиваясь и спотыкаясь, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Когда вы уплатите мнѣ гонораръ?

Я сказалъ что пришлю съ Вили.

Вили такъ и выписывалъ ногами: „демократія".

Разумѣется, за обѣдъ заплатилъ я.

II. Иванъ Петровичъ.

Я люблю покланяться памяти великихъ людей, и мысль Конта въ его религіи признаю достойною уваженія. Когда мнѣ бывало скучно въ лондонской суматохѣ, въ этихъ проклятыхъ, бурыхъ потьмахъ, застѣняющихъ солнце и наводящихъ людей на самоубійство, я отправлялся въ соборъ Св. Павла или въ Вестминстерское Аббатство, и цѣлые дни проводилъ у памятниковъ великимъ людямъ, разставленныхъ по всѣмъ уголкамъ соборовъ. Это не тѣ великіе люди изъ отечественныхъ писателей которые заживо бредятъ

„памятниками въ потомствѣ“, и поклоняться имъ не стыдно, не зазорно. Исторія этихъ памятниковъ и скрытыхъ подъ ними именъ дѣйствительно великая исторія, а не травля бѣшеныхъ щенковъ, лающихъ на враждебное „направленіе“ и воображающихъ себя геніальными героями. Здѣсь великія творческія силы, великая энергія и геній, создавшія своему народу всѣ блага жизни.

Въ одинъ изъ такихъ мрачныхъ дней, когда все лондонское населеніе плаваетъ въ грязи и дышетъ смрадомъ непроглядной копоти и бураго, грязнаго тумана, когда въ двухъ шагахъ нельзя разсмотрѣть встрѣчнаго лица, и люди какъ безумные мятутся по улицамъ, съ какимъ-то голоднымъ, хищнымъ озлобленіемъ на лицахъ, когда въ комнатѣ нельзя безъ газа читать и вмѣсто солнца торчитъ на небѣ матовый красный фонарь, безъ свѣта, безъ тепла, становится невыносимо скучно и жутко, и невольно начинаешь понимать почему въ такіе проклятые дни преимущественно люди бросаются въ Темзу. Я не любилъ такихъ дней и не могъ оставаться въ комнатѣ, въ напряженномъ ожиданіи какой-то катастрофы въ родѣ свѣтапреставленія. И катастрофы дѣйствительно почти всегда въ такіе дни происходятъ: поѣзда сталкиваются, пароходы тонутъ. Я отправлялся къ моимъ любимымъ памятникамъ. Соборъ Св. Павла всегда открытъ для публики. Нѣсколько нищихъ старухъ на скамьяхъ, изголодавшійся пропоецъ забѣжитъ погрѣться, влюбленныя пары назначаютъ здѣсь свои rendez-vous, какой-нибудь иностранецъ съ гидомъ въ рукахъ напряженно зѣваетъ въ пропасть купола, широко разставивъ ноги и заложивъ на спину руки. Безмятежная, святая тишина. Нѣтъ лысыхъ и бритыхъ поповъ съ фамильярно-распущенными животами, съ лоснящимися отъ жира лицами и фарисейски возведенными къ небу глазами. Въ это время Англичанинъ приходитъ въ соборъ только молиться: оттого такъ мало публики. Большинство идетъ въ соборъ во время мессы, какъ въ оперу, слушать прекрасный хоръ и оперныхъ солистокъ да показывать свои туалеты.

Переходилъ я отъ одного памятника къ другому и нѣсколько разъ уже замѣтилъ что какая-то таинственная фигура неуклюже движется за мною, неотступно преслѣдуетъ меня, кряхтитъ, покашливаетъ, смотритъ съ какою-то озабоченною робостью и ни слова не говоритъ. Фигура была неприглядная: молодой человѣкъ, болѣзненный, рыжій и

лысоватый, одѣтъ буквально въ лохмотья. Весь костюмъ его состоялъ изъ какихъ-то стародавнихъ, выношенныхъ тряпокъ, сквозь которыя кое-гдѣ мелькало голое тѣло. Я остановился предъ нимъ и ждалъ что̀ онъ хочетъ сказать. Нужна ли ему милостыня или что̀ еще.

— Я видѣлъ васъ съ Блекомъ и Шмидомъ, заговорилъ онъ по-русски.—Должно-быть вы Русскій?

— Да, я Русскій.

— Я... я хотѣлъ обратиться къ вамъ, волнуясь отъ робости, говорилъ онъ:—ѣсть... поѣсть чего-нибудь... поѣсть!..

Въ глазахъ его стояли слезы и губы дергала судорога. Онъ весь дрожалъ отъ сдавленнаго негодованія на самого себя, на свое положеніе, и какъ-то пугливо ежась отъ моего взгляда, словно боясь удара, попятился назадъ.

— Пойдемте со мной!

Мы вышли изъ собора. Онъ шатался отъ изнеможенія и спотыкаясь шелъ за мной, сухо кашляя и медленно, не охотно отмахиваясь отъ наѣзжавшихъ на насъ лошадей. Я привелъ его въ ближайшій ресторанъ и заказалъ обѣдъ.

— Я... ничего... я, видите ли... какъ бы это, безпорядочно болтая костлявыми руками, говорилъ онъ,—я голоденъ... я всегда бываю голоденъ... давно уже, очень давно... Я политическій... скомпрометтированъ въ Россіи... бѣжалъ сюда, да вотъ другой годъ безъ занятій. Вы извините пожалуста... Это такъ странно, не ловко... Я самъ знаю что не ловко...

Онъ путался и повторялся, не находя словъ какъ бы легче и короче объяснить свое положеніе.

— Мнѣ этого не нужно знать, предупредилъ я его, зная какъ всѣ эмигранты опасаются встрѣчъ съ Русскими.

Слуга подалъ ему супъ, и онъ съ жадностью, съ застарѣлымъ голодомъ принялся за него.

— Не ѣшьте много, остановилъ я его:—будете ѣсть еще вечеромъ.

— Нѣтъ, возразилъ онъ,—я никогда не вѣрю что буду ѣсть еще разъ... не могу повѣрить... Я знаю, это очень вредно... потомъ меня рветъ всегда, а не могу повѣрить, не могу... что еще-то разъ поѣмъ. Очень ужь я изголодался. Давно вѣдь... давно голодаю-то...

Я выждалъ пока онъ поѣлъ и спросилъ:

— Какъ же вы здѣсь живете?

— А вотъ какъ видите. Работы ищу, да какая же здѣсь намъ

работа? Тяжести передвигать не въ силахъ, а интеллектъ совершенно пропалъ... отъ голода, отъ стужи, отъ униженій, отъ тоски пропалъ... Я совсѣмъ дуракомъ сталъ... Вотъ ищу иностранцевъ водить по музеямъ: иногда хорошо платятъ и кормятъ, да на васъ набрелъ. Спасибо вамъ... право, спасибо...

Онъ говорилъ это и погружался въ какое-то осовѣніе: глаза закрывались, голова падала, языкъ едва-едва поворачивалъ слово.

— Хотите спать? спросилъ я.

— А?.. спать?.. Нѣтъ, это такъ... Нѣтъ ли у васъ какой работы?

— Русскую переписку, пожалуй, дамъ если желаете...

— Ахъ, пожалуста... Только...

— Что?

— Да мнѣ писать-то негдѣ. У меня нѣтъ квартиры... Я такъ... гдѣ попало... больше въ кабачкѣ тутъ, на Soho Square... Хорошіе люди нѣмецкаго происхожденія, и къ пищѣ довольно близко. Я больше всего хлопочу чтобы къ пищѣ ближе... къ пищѣ, это главное. Тамъ и клубъ нашъ, анархистическій. Вамъ говорилъ Блекъ?

— Да, я слышалъ...

— Ну, вотъ тамъ... Все-таки наши собираются, иногда ѣда бываетъ, и большая, солидная ѣда... Дѣвушка есть, хорошая дѣвушка...

— Приходите ко мнѣ и работайте...

— Да, спасибо вамъ... только... какъ же клубъ?.. вѣдь можетъ-быть вы совсѣмъ другихъ убѣжденій...

— Да какое вамъ дѣло до моихъ убѣжденій? Вамъ нужна работа—я даю вамъ ее. Приходите и работайте. Ѣсть-то ужь навѣрно будете каждый день досыта.

— Да, конечно... это очень хорошо... Только... вы позвольте мнѣ въ клубѣ у нашихъ спросить: коли они ничего противъ не имѣютъ, такъ я приду къ вамъ.

— Спрашивайте кого хотите. Это ваше дѣло. Вотъ мой адресъ, да возьмите денегъ на ужинъ...

— На ужинъ... да... это очень хорошо... Спасибо... Это надо туда, въ клубъ, въ общее достояніе: тамъ вѣдь тоже есть голодные...

— Приходите завтра. Утромъ до двухъ я дома.

— Хорошо.

Мы разошлись."

Я не знаю въ своей жизни человѣка который производилъ бы такое гнетущее, потрясающее впечатлѣніе. На него не жаль, а страшно было смотрѣть. Болѣе убогаго и жалкаго существа трудно себѣ представить. Видалъ я за границей соотечественниковъ во всякихъ видахъ, но такого не встрѣчалъ. Обыкновенно россійскій интеллигентъ за границей проходитъ постепенно всѣ степени подневольнаго униженія. Сперва онъ пресмыкается около фондовъ и кассъ. Когда тамъ пусто, онъ начинаетъ литераторствовать и давать уроки. Литераторство въ большинствѣ не дается и вознаграждается плохо. На уроки не берутъ, да и не въ чемъ явиться: либо штаны сквозятъ гдѣ вовсе не желательно, либо сапоги предательски обнажаютъ пальцы. Тогда россійскій интеллигентъ идетъ за „пособіями" и собираетъ ихъ положительно какъ нѣчто должное, заработанное. Прекратились пособія, онъ шляется голодный по музеямъ, скверамъ, по грязненькимъ кабачкамъ, ищетъ путешественниковъ, знакомыхъ, и начинаетъ „займы". Прекратятся займы, интеллигентъ живетъ еще ожиданіемъ „пожертвованій отъ сочувствующихъ" и наконецъ начинаетъ жить буквально неисповѣдимыми судьбами и все-таки живетъ, и продолжаетъ искать какого-то миѳа подъ именемъ работы. Онъ быстро осѣдаетъ и совѣетъ отъ ужаса жизни. Подвижности, находчивости, энергическаго усилія въ борьбѣ съ нуждой въ немъ нѣтъ и тѣни. Онъ отдается судьбѣ, случаю, и идетъ по вѣтру. Въ погонѣ за идеалами всемірнаго соціальнаго счастія ему некогда устроить самого себя, пріурочить къ дѣлу, да и къ какому дѣлу ему пріурочиться коли отечество научило только книжки читать да состоять „благородною особой" на готовыхъ харчахъ? Вообще плохъ, очень плохъ россійскій интеллигентъ въ изобрѣтеніи пищи, хотя ѣсть умѣетъ. Безъ „содержанія" онъ голову теряетъ и превращается въ какой-то машинальный столбнякъ. Его, какъ слѣпаго котенка на молоко, надо толкать, наводить на пищу. Иначе онъ не понимаетъ что̀ ему дѣлать, гдѣ взять. Пробуетъ онъ и мастерству учиться, и таланты свои совершенствовать, и на торговое дѣло иной разъ насунется, и повсюду оказывается бездарностью, безсиліемъ, ничтожествомъ, но очень нѣжно и трогательно грустящимъ объ утраченномъ положеніи „благородной особы на содержаніи". Россійскій интеллигентъ состоитъ еще въ „фазисѣ" барства, не успѣлъ стать на ноги, вылупившись изъ

крѣпостной скорлупы и во что ни стало желаетъ обрости снова этою скорлупой. Здѣсь, въ этой скорлупѣ, всѣ его идеалы, всѣ вожделѣнія. Оттого на чужой сторонѣ, какъ и дома, онъ ищетъ только легкихъ и „благородныхъ занятій“ съ „содержаніемъ“ и, разумѣется, ничего не находитъ и ожесточается на міровые порядки. Онъ рентьеръ по призванію и по образованію. Того и другаго въ немъ какъ разъ столько чтобъ умѣть пользоваться рентой и „жить въ свое удовольствіе“, но нѣтъ ни ума, ни образованія чтобы сообразить наконецъ отчего это у него нѣтъ ренты?

Это замѣчаніе не относится однако къ моему новому знакомцу.

На другой день онъ пришелъ ко мнѣ такой же вялый, изнеможенный, полусонный,—пришелъ и поселился. Это сдѣлалось какъ-то само-собой, безъ приглашенія съ моей стороны, безъ навязчивости съ его.

Началъ онъ переписывать мою рукопись. Напишетъ двѣ строчки, покуритъ, поговоритъ, подумаетъ, почитаетъ газету, книжку—все урывками, по клочкамъ. Окончилъ страницу и собирается уходить.

— Куда же вы?

— Къ пищѣ... на Soho...

— Да постойте, какая же пища въ девятомъ часу? Пойдемъ вмѣстѣ. Сейчасъ чай подадутъ.

— Да, пожалуй...

И остался.

— Зачѣмъ это вы романъ пишете? спросилъ онъ меня.

— А что писать?

— Ничего не надо писать.

— А читать можно?

— И читать не надо. Отъ книжекъ всѣ люди несчастны. Надо по-просту.

— Какъ же? въ первобытномъ состояніи?

— Да, тогда должно-быть лучше было. Пища легче давалась человѣку.

— Да что у васъ все пища да пища, словно вмѣсто головы другой желудокъ...

— Да, именно такъ надо: ни одной головы и два брюха.

— Зачѣмъ?

— Для счастія.

— Разкажите лучше что-нибудь о вашемъ клубѣ.

— Да, а вы потомъ напишете въ газетѣ.

— А развѣ это тайна? Мнѣ Блекъ говорилъ и обѣщалъ ввести въ клубъ.

— Да вѣдь Блекъ—потерянный. Ему все равно.

— Какъ потерянный?

— А такъ; на дѣло не годится: всѣ знаютъ его.

— А вы?

— Ну, я еще въ будущемъ...

— Скажите по правдѣ, неужели вы искренній, заправдашный террористъ?

— Да, я заправдашный...

— И убить человѣка можете?

— Коли надо, отчего не убить?

— А какъ узнать: надо или нѣтъ?

— Да, это вопросъ... вопросъ совѣсти.

— А если совѣсти нѣтъ?

— А совѣсти нѣтъ, такъ и вопроса нѣтъ.

— Ну, а какого вы мнѣнія о цивилизаціи? Нужна она или нѣтъ?

— Цивилизація намъ недоступна—значитъ ея и не надо. Мы создали, выработали ее для наслажденій тунеядцевъ. Это глупо.

— Кто это „мы“?

— Работники.

— Вы лично, напримѣръ?

— А вотъ работаю же у васъ. По нуждѣ работаю: иначе вы ѣсть мнѣ не дадите.

— Что̀ вы дѣлали въ Россіи? Пропагандировали?

— Нѣтъ. При Соловьевѣ состоялъ.

— Что̀ значитъ „состоялъ“?

— Станкомъ ворочалъ, *Народную Волю* печаталъ.

— А о покушеніи Соловьева знали?

— Зналъ что онъ пошелъ палить, а не зналъ въ кого. Предъ тѣмъ онъ прогналъ меня: „Ступай, говоритъ, къ чорту, а то зашибу“.

— А вы?

— А я исполнилъ его желаніе, пошелъ къ чорту, да вотъ и чорта ужь который годъ ищу не найду.

— Вы раздѣляли убѣжденія Соловьева?

— Н-да... я соглашался.

— И еслибъ онъ пригласилъ васъ съ собой, вы пошли бы?

— Я думаю что пошелъ бы. Онъ насчетъ пищи былъ очень добръ. Мнѣ хорошо было. Денегъ къ намъ поступало много. Мы и вино пили каждый день. Дѣвицы были тоже... Жилось хорошо.

— Умный былъ Соловьевъ или нѣтъ?

— Кто его знаетъ! У насъ этимъ не занимались. Важно чтобы человѣкъ на подвигъ годился, а уменъ онъ или нѣтъ— кому какое дѣло?

— Вы такъ и скитаетесь съ тѣхъ поръ?

— Какъ видите.

— Что̀ же вы дѣлали?

— Сперва наборщикомъ былъ въ Женевѣ, потомъ въ Парижѣ на бульварахъ объявленія раздавалъ публикѣ, иностранцевъ тоже въ Лувръ водилъ.

— Плохо вамъ было?

— Въ проголодь было. Потомъ переѣхалъ вотъ въ Лондонъ, и здѣсь первое время на Оксфордѣ стоялъ дѣтскіе флаги продавалъ; потомъ съ гармоникой ходилъ по улицѣ, концерты давалъ предъ кабаками и нѣмымъ притворялся, да онъ запретилъ....

— Кто онъ?

— Англичанинъ... вѣдь онъ дуракъ, не позволяетъ просить...

— А къ клубу анархистовъ въ какихъ вы отношеніяхъ? Неужели некому было помочь вамъ?

— Нѣтъ... Тогда ни Крапоткина, ни Блека здѣсь не было. Я въ циркъ поступилъ...

— Въ циркъ?! да что̀ же вы тамъ могли дѣлать?

— Коней выводилъ и русскія пѣсни пѣлъ подъ гармонику. Апплодировали...

— А платили хорошо?

— И платили хорошо.

— Отчего жъ вы оставили?

— Да мнѣ конь бедро расшибъ, въ больницѣ лежалъ мѣсяца два, все и съѣлъ что̀ было.

— Ну и что̀ же вы предприняли?

Онъ засмѣялся и рукой махнулъ.

— Что̀ жъ, нельзя сказать?

— Нѣтъ, можно, да вы смѣяться будете...

— Чего же смѣяться коли васъ нужда мыкала, я понимаю это.

— Прачкой былъ у одной дѣвочки...

— Какъ прачкой?

— Такъ прачкой, да и все. Стиралъ ея юпки, рубашки, штанишки... хорошіе штанишки, съ разрѣзомъ... Все въ кружевахъ, очень тонкое обращеніе надо было наблюдать.

— Что же это за дѣвочка была?

— А я покажу вамъ ее коли хотите... Она актрисой на маленькомъ театрѣ, шансонетки поетъ и канканируетъ.... Красивая, богатая.... бриллiантовъ пропасть... Съ банкирами все знакомство водитъ... Миссъ Анна...

— Странно! да какъ же она могла поручить вамъ такое щекотливое дѣло?

— А она безстыжая. Ей это ни почемъ. „Стирай“, говоритъ,—я и стиралъ и утюгомъ орудовалъ... и такими тоненькими щипчиками кружева расправлялъ... Довольна была...

— Хорошо было насчетъ пищи?

— Очень хорошо.

— Отчего жь ушли?

— Влюбился.

— Въ кого?

— Да въ нее, въ миссъ Анну. Позвала меня косы ей расчесывать, а сама въ рубахѣ и ноги голыя, ну, я и пропалъ...

— Ну, батюшка, прошли же вы огонь и воду...

— Воистину прошелъ...

— Горькая жизнь, страшная!...

— Нѣтъ... Я вѣдь смѣюсь на это... Мнѣ ничего... Что жь тутъ унизительнаго? Служилъ, не воровалъ... Я все наровилъ къ пищѣ поближе, въ ресторанъ, въ кофейню, да не брали...

— Отчего?

— А расторопности, навыка нѣту.

— Ну и что же вы начали?

— Спички продавалъ на перекресткахъ...

— Странно. Отчего же вы не искали помощи у клуба? Почему каждый нѣмецкій эмигрантъ здѣсь устраивается какъ у себя дома, именно благодаря помощи и ссудамъ клуба?

— Да, Нѣмецъ... у него профессія... онъ знаетъ что ему дѣлать... онъ ресторанъ откроетъ, булочную, кофейную, либо мастерство... ему ничего больше и не надо...

— А вамъ что же надо?

— Да я этого не умѣю.

— А стирали же штанишки миссъ Анны...

— Да вѣдь это временно, въ переходномъ состояніи. Нѣмцу потому и даютъ ссуды что онъ приходитъ съ дѣломъ, на

дѣло и проситъ, дѣломъ и отплачиваетъ... А мнѣ на что дадутъ? Я съѣмъ ссуду, вотъ и все.

— Ну, попробовали бы корреспонденцiи писать въ русскiя газеты...

— Я пробовалъ. Подлецы!...

— Что жь, денегъ не высылали?

— Да. Покорнѣйше просили продолжать мои интересныя письма, а денегъ не высылали. Я тогда тифомъ захворалъ, все морковь жралъ...

— А въ политическихъ дѣлахъ не участвовали?

— Какъ не участвовать, пропаганду возилъ, письма доставлялъ, важныя порученiя передавалъ... Денегъ дадутъ какъ разъ на билетъ, а на счетъ пищи и не думай. Въ Вѣнѣ двѣ недѣли по улицамъ шлялся безъ пристанища: не съ чѣмъ было выѣхать...

— Значитъ, жили *убѣжденiемъ?*

— Да, убѣжденiемъ и жилъ. Въ 1 мартѣ я тоже участвовалъ...

— Какъ? вы были тогда въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, сидѣлъ на границѣ, получилъ изъ Питера телеграмму; чортъ знаетъ что въ ней было, шифръ, я телеграфировалъ въ Парижъ, нашимъ.

— И не знали о чемъ вы телеграфировали?

— Видитъ Богъ, не зналъ. Сказали: сиди и жди, я сидѣлъ, и ждалъ. А въ телеграммѣ было, какъ теперь помню: „Онъ выѣхалъ изъ Петербурга".

— Вѣдь вы были противъ цареубiйства?

— Я не былъ ни противъ, ни за. Я не зналъ. Мнѣ сказали: „важное", я старался исполнить въ точности, вотъ и все.

— Неужели и эти люди въ послѣдствiи вамъ не помогли?

— Они анонимы. Я нигдѣ не нашелъ ихъ. Они знали меня, я не зналъ ихъ.

— Послушайте, да какъ мнѣ звать васъ? Неловко же безъ имени... Иванъ Иванычемъ?

— Нѣтъ, зовите Иваномъ Петровичемъ. Такъ лучше, такъ меня всѣ здѣсь зовутъ.

— Ну, ладно.

Вскорѣ я почувствовалъ неотступное недовольство отъ поселившагося у меня гостя. Работать, даже переписывать, онъ положительно былъ неспособенъ. Съ утра начиналъ онъ придвигаться къ пищѣ, потомъ уже началъ и спать послѣ обѣда,

находя что это ему здорово. Денегъ онъ не понималъ и, какъ только оправился, завелъ штаны, началъ посѣщать театры, концерты, дорогіе рестораны и заглядываться на уличныхъ женщинъ. Въ работѣ ставилъ непремѣннымъ условіемъ: пять фунтовъ впередъ, потому что ему иначе нельзя начать, и, получивъ фунты, накупалъ себѣ изумительной дряни, съ которою и самъ не зналъ что̀ дѣлать. На что̀ глаза упадутъ, то и купитъ. Завелъ дѣтскій волчокъ, банку помады для ращенія волосъ, фотографіи актрисъ съ вывороченными поверхъ корсета грудями, перстень съ фальшивымъ бриллiантомъ, гармонику; наконецъ, привелъ дѣвицу съ подбитыми глазами. На улицахъ онъ любилъ останавливаться предъ окнами магазиновъ и заглядывался на такія издѣлія которыя, казалось бы, меньше всего могли его интересовать: бандажи, кадушки, лошадиныя шлеи, пуховики, чемоданы, были любимыми предметами его созерцанія.

— Посмотрите, какое сѣдло!... А вотъ какіе штаны за семь шиллинговъ!... Вонъ кебъ опрокинулся. Вотъ Негръ съ американскою гитарой...

Что̀ на глаза попадалось, то онъ и говорилъ, предъ тѣмъ и останавливался. Oxford Musical съ акробатами, клоунами и канканерками—для него величайшее наслажденіе. Онъ займетъ шиллингъ и пойдетъ на галлерею, и съ радостнымъ замираніемъ сердца слѣдитъ, не выломитъ ли себѣ кто ребра на сценѣ.

Жилъ онъ у меня такимъ образомъ недѣли три и надоѣлъ смертельно. Отъ работы все дальше и дальше и, наконецъ, началъ пропадать на цѣлые дни, являясь только къ пищѣ.

— Гдѣ вы бродите, Иванъ Петровичъ? спросилъ я.

— Хожу въ музей madame Tussaud штудировать... Пойдемте.

Пошелъ съ нимъ и я въ музей madame Tussaud.

Въ этой „Historical Gallery“ Иванъ Петровичъ скитался цѣлые дни и съ какимъ-то любовнымъ самозабвеніемъ простаивалъ цѣлые часы предъ фигурами знаменитыхъ убійцъ. Особенно любилъ онъ останавливаться предъ группой окружающею Императора Александра II въ гробу. Голова Государя исполнена артистически-прекрасно и въ лицѣ передано то выраженіе предсмертной скорби которое всѣмъ памятно кто видѣлъ Его въ Петропавловскомъ соборѣ. На заднемъ планѣ группы рельефнѣе другихъ фигуръ выступаетъ графъ Лорисъ-Меликовъ въ обтерханной шинели съ бобромъ, въ накидку.

— Вотъ Царь!...

— Вижу, но все-таки не понимаю, что̀ вы здѣсь штудируете?

— А вотъ Лорисъ... Шинель-то, шинель! А тоже въ мундирѣ... Съ „новою эрой“ ваше сіятельство поздравляю... По другую сторону надо бы поставить нашихъ: Софью, Желябова и другихъ...

— Какъ вамъ не стыдно смѣяться...

— А чего плакать... Я не унываю: придетъ очередь, пойду...

— Палить?

— А отчего не палить?... Все равно... Рысаковъ не сильнѣе меня былъ, а вѣдь палилъ же... побѣдоносно палилъ...

— Когда вы отъ меня исчезнете?

— Развѣ надо? А работа?... Какъ же это? Вы ставите меня въ затруднительное положеніе. Изъ-за васъ я упустилъ другія работы... А теперь, что̀ же это?... Куда я пойду за пищей?...

— Я дамъ вамъ на пищу, только уйдите.

— Хорошо, я подумаю.

На другой день онъ ушелъ отъ меня.

III. Докторъ Беръ и Луиза Гулю.

Мнѣ часто случалось заходить въ знаменитый кабачокъ на Soho Square, содержимый также „жертвой Бисмарковскихъ насилій“, Лудвигомъ Кранцемъ. Кабачокъ грязенъ, теменъ и пахучъ. Ѣда въ немъ плохая, пиво дрянное; все разчитано на баснословную дешевизну и бѣдность. Кабачокъ посѣщаютъ безмѣстные работники и пьянствующія старухи, преимущественно члены клуба анархистовъ, люди суровые, угрюмо-дремучіе, безмолвно злобные, почти всегда голодные. Молча съѣдаютъ они свои порціи, молча выпиваютъ пиво, молча платятъ, молча уходятъ. Это было какое-то автоматическое явленіе въ кабачкѣ, ежедневно повторявшееся и изрѣдка нарушаемое безотрадною вѣстью что такой-то членъ клуба бросился въ Темзу и благополучно утонулъ. Проклятая рѣка! каждый годъ она поглощаетъ тысячи голодныхъ бѣдняковъ, ищущихъ въ ней спасенія отъ безнадежности жизни. Есть мѣста *любимыя* самоубійцами, гдѣ волны грязнѣе и бурливѣе.

Изо всей толпы посѣтителей кабачка на Soho Square самый замѣчательный человѣкъ—докторъ Беръ. Онъ блеститъ въ кабакѣ какъ лондонское солнце въ мутный и пасмурный

день. Ученѣйшій и любезнѣйшій человѣкъ и высочайшій авторитетъ кабака. Ему лѣтъ за шестьдесятъ, но онъ еще бодръ, силенъ и не прочь жениться. Лысый и грязный, съ вѣчно смѣющимися морщинами на выношенномъ лицѣ, необыкновенно беззаботный по части костюма и никогда не теряющій веселаго расположенія духа, докторъ Беръ просто-таки царствовалъ надо всѣмъ горемъ кабака. Приходилъ онъ иногда вовсе безъ сюртука, иногда въ трехъ, четырехъ сюртукахъ, и носилъ ихъ, постепенно распродавая и проѣдая, въ сапогахъ изъ которыхъ съ наглымъ любопытствомъ высовывались пальцы, въ шляпахъ самыхъ разнообразныхъ модъ, не исключая и женскихъ. Если же шляпы никакой не случалось, голова обвязывалась платкомъ, а то и зонтикомъ прикрывалась отъ непогоды. Въ кабакѣ докторъ Беръ всѣми любимъ и поклоненіями избалованъ. За него охотно платятъ. Онъ ѣстъ и пьетъ въ полное удовольствіе на счетъ самой искренней дружбы. Всѣ знаютъ что у доктора въ Америкѣ множество земель, золотыя розсыпи, алмазныя копи и дядя-милліонеръ, который, Богъ знаетъ почему, до сихъ поръ не умираетъ. Самъ же докторъ написалъ множество знаменитѣйшихъ сочиненій, и человѣчество ихъ не поняло. При такихъ отмѣнныхъ достоинствахъ, докторъ болѣе шиллинга ни у кого въ долгъ не проситъ, и кому же не лестно дать владѣльцу алмазныхъ копей кружку пива или шиллингъ? Онъ демократъ и анархистъ самой высокой пробы, и даже немножко террористъ по убѣжденіямъ. Однако, „сволочь", близь которой онъ и пресмыкается, глубоко ненавидитъ, какъ глупое и безсильное стадо, способное нести ежедневное и вѣчное ярмо нищеты, голода и подчиненія и никогда неспособное сговорчиво и дружно возстать, потому что не умѣетъ отрѣшиться отъ гадкихъ привычекъ брюха.

— Буржуа называетъ васъ сволочью за то, говорилъ онъ работникамъ,—что вы дурно одѣты, дурно ѣдите да, пожалуй, дурно образованы. Я называю васъ сволочью,—о, это дѣло другое! Вы сволочь потому что буржуа развращаютъ вашихъ невинныхъ дочерей и женъ, а вы за это ихъ благодарите. Буржуа, эксплуатируя вашъ трудъ, бѣсятся съ жиру, не знаютъ куда дѣвать награбленныя отъ васъ богатства, а вы ползаете предъ ними въ грязи, и создавая своимъ трудомъ подлѣйшее племя эксплуататоровъ, поклоняетесь ему, какъ высшей расѣ. Да, вы сволочь, мои милые друзья! у васъ нѣтъ

самолюбія и характера и не вамъ объявлять войну государству. Вы глупый быкъ, протестующій противъ ярма до перваго кнута. Вы уличная женщина, которая говоритъ: „Нѣтъ, я не такая“... Вы... вы ужасная сволочь!..

— Да ты самъ-то, дядя Беръ что за птица? возражаютъ ему друзья изъ сволочи.

— Я, милѣйшій мой другъ, рентьеръ... У меня въ Америкѣ...

— Знаемъ мы что у тебя въ Америкѣ...

— А вы все-таки сволочь! Я ученый... Я написалъ сто сорокъ сочиненій и не имѣю до сихъ поръ вѣрнаго куска хлѣба: ясное дѣло, я честный человѣкъ...

— Да ты все пропилъ—и ученость, и Америку...

— Да, пропилъ... Мнѣ Луиза Гулю, въ знакъ своего уваженія, штаны подарила, и я потерялъ ихъ по этому самому случаю.

Публика хохочетъ, животы поджимаетъ, и докторъ совершенно доволенъ своею остротой и общимъ вниманіемъ къ его особѣ.

Съ первой же встрѣчи со мною въ кабачкѣ, докторъ Беръ сталъ моимъ неотступнымъ, неотразимымъ пріятелемъ. Съ гордостью заговорилъ онъ о поляхъ и розсыпяхъ, съ дядей въ Америкѣ, о своихъ великихъ сомнѣніяхъ и о своемъ великомъ значеніи въ клубѣ лондонскихъ анархистовъ. Оказалось что онъ поднялъ и возстаніе въ Ирландіи, по его иниціативѣ появляются всѣ террористы въ Россіи, онъ и глава центральнаго исполнительнаго комитета. Стыдно, неловко было слушать какъ лгалъ этотъ старый, изжившійся человѣкъ, пребывавшій постоянно въ какомъ-то идіотическомъ бреду. Ни занятій, ни средствъ у него не было. Лѣтъ двадцать тому назадъ выигралъ онъ въ Саксонской лотереѣ большую сумму и пропутешествовалъ ее по бѣлу свѣту. Былъ въ Африкѣ, Австраліи, Россіи, все наблюдалъ и изучалъ, собиралъ матеріалы для огромнаго сочиненія и набралъ пропасть всякой дряни, подъ тяжестью которой окончательно провалился въ бездну лондонскихъ кабаковъ, откуда такъ ужь и не выглядывалъ на бѣлый свѣтъ. Съ той поры докторъ ежегодно покупаетъ одинъ билетъ Саксонской лотереи и живетъ спеціально мечтательнымъ ожиданіемъ счастливаго выигрыша. Занятіе необременительное, и убѣжденному анархисту какъ разъ по силамъ. При случаѣ онъ тоже не прочь поискать и работы какъ „наши“ ищутъ, и занявъ

шиллингъ исчезаетъ Богъ вѣсть куда. Дѣла его никогда не шли плохо, каждый день онъ сытъ, пьянъ и веселъ, оретъ въ кабакѣ съ вечера до утра и очень старательно внушаетъ друзьямъ понятіе о знаменитости своей персоны. Никогда онъ не задумывался какъ ему быть завтра. Онъ, какъ піявка, присасывался къ намѣченному человѣку, и, наѣвшись какъ піявка же, отваливался отъ него.

— Отчего вы не займетесь практикой, докторъ? спросилъ я его.

— Принципы не позволяютъ, мой милый другъ. Какая же практика: бѣдные платить не могутъ, а богатыхъ я лѣчить не хочу. Никогда въ жизни не служилъ буржуазіи.

— Ну писали бы... вѣдь вамъ же скучно безъ дѣла?

— О-го?! Безъ дѣла? Какъ безъ дѣла? Я безъ дѣла? Спросите, кѣмъ держится клубъ анархистовъ?... Мною, только мною да Луизой Гулю... Луиза — славная дѣвка!... Жаль что она ребятъ много по свѣту разбросала, въ каждомъ городѣ оставляла по ребенку и губила свое великое дарованіе на такую жизнь.

— Въ чемъ же собственно ея дарованіе?

— Вопервыхъ, я и она — лучшіе ораторы въ клубѣ. Насъ всѣ правительства знаютъ. Вы понимаете, мой милый другъ, почему знаютъ... вовторыхъ, она пьетъ лучше меня и дѣятельна какъ самъ чортъ. Теперь она въ Ирландіи руководитъ дѣлами, и вотъ вы увидите, она скомпрометтируетъ политику Гладстона. Она да ваши Русскіе — вотъ и все что есть въ Европѣ порядочнаго, честнаго, передоваго и мыслящаго.

— Вы хорошаго мнѣнія о русскихъ террористахъ?

— О, я поклоняюсь имъ! Я благоговѣю предъ ними!... Этотъ Рысаковъ... Эта Софья... Не можете ли вы ссудить мнѣ шиллингъ?

И занялъ шиллингъ.

Я видѣлъ его въ клубѣ, на трибунѣ, предъ шумнымъ собраніемъ. Онъ говоритъ бойко, подчасъ остроумно; но для остротъ онъ всегда избираетъ высокихъ политическихъ людей. Толпѣ это нравится, и она благодарно гогочетъ и рукоплещетъ.

— Какъ вы нашли мою рѣчь? спросилъ онъ меня.

— Старо и пошловато, сказалъ я откровенно.

Онъ задумался на минуту.

— Да, старо и пошло, мой милый другъ, сказалъ онъ:—но вы видите, толпа довольна. Ужъ что можетъ быть пошлѣе

вашего русскаго либерализма, однако и имъ ваша толпа довольна, и притомъ еще интеллигентная, притязательная толпа. Это простая, грубая сволочь, и ей увлекаться простительно даже пошлостью, а ваша сволочь претендуетъ на первую роль въ политическомъ мірѣ, и въ сущности такая же сволочь, не больше.

Что было отвѣчать?

Онъ получилъ изъ кассы клуба шесть пенсовъ за произнесеніе рѣчи и отправился въ буфетъ, гдѣ былъ картофель, виски и пиво, и въ сообществѣ еще болѣе почтенной знаменитости, Луизы Гулю, очень весело проводилъ время. Она, эта знаменитость, только что вернулась изъ Ирландіи и была *съ докладомъ* у Кралоткина. Она окружена была толпой почитателей и сыпала предъ ними привезенныя новости.

Я взглянулъ на эту третью „міровую" женщину. Первыми двумя признаны „наши" Вѣра и Софья. Поразительнѣе этого урода ничего не видывалъ. Старая, морщинистая, полысѣлая и сѣдая дѣвка съ нахально задраннымъ носомъ, съ длинными, не человѣческими, отвороченными губами до ушей, и до какихъ ушей! сказать о нихъ: ослиныя, было бы только ласкательно. Она почему-то была въ мужскихъ сапогахъ; должно-быть въ этомъ костюмѣ она съ революціоннымъ знаменемъ канканировала на баррикадахъ въ Ирландіи. Докторъ Беръ находилъ что она еще прелестна во всѣхъ отношеніяхъ и необыкновенно де полезна „нашему дѣлу". Сегодня она пригнала изъ Ирландіи, завтра съ утреннимъ пароходомъ несется въ Нью-Йоркъ, черезъ мѣсяцъ будетъ бѣсноваться въ Парижѣ, опять въ Лондонѣ, опять въ Ирландіи и т. д. Говоритъ она грубо, жесткими словами и комкаетъ такія изумительныя фразы, предъ которыми даже наши террористы недоумѣваютъ. Съ докторомъ Беромъ она обращается дружески и называетъ его „милый чучело" или „милое чудовище", на что докторъ Беръ съ изяществомъ истиннаго джентльмена отвѣчаетъ: „Прелестная mademoiselle Louise."

Н.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

Извѣстный собиратель рукописей А. А. Титовъ напечаталъ въ городѣ Ростовѣ, Ярославской губерніи, первый выпускъ описанія пріобрѣтенныхъ имъ рукописей, подъ заглавіемъ: *Охранный каталогъ славяно-русскихъ рукописей А. А. Титова.* Каталогъ этотъ, по словамъ издателя, не имѣетъ цѣлію представить научное описаніе рукописей, а имѣетъ значеніе только охраннаго перечня рукописей. Въ первомъ выпускѣ помѣщенъ перечень 828 рукописей XVII, XVIII и XIX столѣтій. Между ними въ собраніи г. Титова находится въ рукописи греко-латино-славянскій лексиконъ Епифанія Славинецкаго, въ двухъ томахъ, писанный прекрасною скорописью близкою къ полууставу XVII вѣка. Вся рукопись тщательнаго письма, близкаго къ печатному. На оборотѣ десятаго листа рукописи между прочимъ значится: „лексиконъ на письменно греческомъ, на латинскомъ и на россійскомъ языцехъ, что писалъ Епифаній". Епифаній Славинецкій, знаменитый дидаскалъ XVII вѣка, былъ справщикомъ книгъ Печатнаго Двора. Рукопись этого лексикона въ листъ, вся писана одною рукой, едва ли не самого Епифанія, на 1.320 листахъ; каждый листъ въ два столбца самаго убористаго и мелкаго шрифта. Въ собраніи г. Титова находится часть рукописей изъ собранія покойнаго профессора Бодянскаго.

—

Профессоръ Казанскаго университета Флоринскій напечаталъ до сихъ поръ неизданный трудъ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго: *Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами съ 1619 по 1792 годъ*, составленное по документамъ хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1792—1803 годахъ. Сочиненіе это Н. Н. Бантышъ-Каменскій началъ въ 1776 году и окончилъ въ 1792 году. Въ томъ же году онъ представилъ его министру иностранныхъ дѣлъ графу Безбородко, но трудъ этотъ повидимому не былъ удостоенъ вниманія. Въ 1803 году Бантышъ-Каменскій снова препроводилъ это сочиненіе ко графу Воронцову съ посвященіемъ рукописи императору Александу I, за что получилъ въ награду бриліантовый перстень, но напечатаніе сочиненія не было разрѣшено. Только въ 1821 году императоръ Александръ I, по ходатайству статсъ-секретаря графа Каподистріи, изъявилъ высочайшее соизволеніе на изданіе этого сочиненія на счетъ казны, но это дѣло осталось невыполненнымъ до сего времени. Изданное теперь сочиненіе, не лишенное интереса для русской исторіи вообще, имѣетъ не малую цѣну и собственно для сибирской исторіи. Всякій документъ о пограничныхъ съ Китаемъ дѣлахъ есть документъ исторіи Сибири. По книгѣ Бантышъ-Каменскаго можно слѣдить шагъ за шагомъ какъ расширялись южныя сибирскія границы, съ какими народностями приходилось вести борьбу и какими средствами, какія были при этомъ удачи и ошибки. При крайней ограниченности историческихъ данныхъ опубликованныхъ по этому предмету, книга Бантышъ-Каменскаго можетъ служить драгоцѣннымъ вкладомъ въ область исторической литературы Сибири. Сочиненіе издано съ экземпляра рукописи исправленнаго рукой самого Николая Николаевича Бантышъ-Каменскаго. Изданіе настоящаго изслѣдованія предпринято В. М. Флоринскимъ между прочимъ съ тою цѣлію чтобъ этотъ трудъ послужилъ въ пользу Сибирскаго университета. Во время празднованія закладки университета въ Томскѣ 27 августа 1880 года, г. Флоринскимъ была проведена мысль объ устройствѣ дома для безплатныхъ квартиръ будущихъ сибирскихъ студентовъ. Эта мысль встрѣчена Сибиряками съ сочувствіемъ и тутъ же на обѣдѣ собрано было по подпискѣ для этой цѣли 2.100 рублей. Послѣ того осенью 1880 года г. Флоринскимъ издана была брошюра, подъ заглавіемъ:

Описаніе празднества по случаю закладки Сибирскаго университета, напечатанная въ Томскѣ въ количествѣ 3.000 экземпляровъ. Деньги вырученныя отъ продажи брошюры (по 1 р. за экз.) были предназначены для той же цѣли—устройства студенческаго дома. Изъ этихъ источниковъ, съ продолженіемъ подписки пожертвованій, въ настоящее время составилась сумма болѣе 16.000 рублей, благодаря которой вопросъ о постройкѣ дома можетъ считаться осуществимымъ. Г. Флоринскій, желая изыскать дальнѣйшіе источники для увеличенія этого фонда, напечаталъ рукопись Бантышъ-Каменскаго въ количествѣ 500 экземпляровъ, съ тѣмъ чтобы вырученныя съ продажи этого изданія деньги, за покрытіемъ типографскихъ расходовъ, были употреблены также на устройство дома для безплатныхъ квартиръ студентовъ при Сибирскомъ университетѣ. Сочувствуя такому намѣренію, ревнители Сибирскаго университета братья П. М. и М. М. Зензиновы, независимо отъ сдѣланнаго ими прежде пожертвованія въ размѣрѣ 10.000 рублей на двѣ стипендіи и нѣкоторыхъ коллекцій для музея Сибирскаго университета, доставили г. Флоринскому безплатно необходимое количество бумаги. Цѣна книги въ 665 страницъ 5 рублей.

—

Въ Москвѣ издано изслѣдованіе г. Н. Ланге подъ заглавіемъ: *Древніе русскіе смѣсные или вобчіе суды*. Что это за суды? Территоріальная подсудность въ древней Руси была понимаема въ самомъ строгомъ смыслѣ и, не смягчаемая юридическими ограниченіями, почти повсемѣстно установляла подсудность лицъ, а не дѣлъ. Такимъ образомъ напримѣръ жившіе въ разныхъ присудахъ истецъ и отвѣтчикъ не переставали по общему между ними исковому дѣлу быть подсудными отдѣльно каждый своимъ особымъ судьямъ. При подобномъ взглядѣ на подсудность естественно раждалась необходимость въ установленіи *сводныхъ* судовъ, т. е. судовъ составлявшихся изо всѣхъ тѣхъ судей которымъ, по территоріальному разграниченію, подвѣдомственны были лица входившія какъ стороны въ то или другое дѣло. Такіе суды существовали въ Россіи въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ.

—

Въ Петербургѣ, въ типографіи Академіи Наукъ, окончено печатаніе роскошнаго изданія, подъ заглавіемъ *Древнѣйшія*

русскія монеты Великаго Княжества Кіевскаго. Нумизматическій опытъ графа Ив. Ив. Толстаго. Съ 19 таблицами рисунковъ. Описаны монеты Владиміра Святаго, монеты Святополка и Ярослава. Рисунки описанныхъ монетъ сдѣланы въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ геліотипнымъ способомъ.

Общество Любителей Древней Письменности, состоящее подъ предсѣдательствомъ князя П. П. Вяземскаго, издало *Чинъ поставленія на царство царя и великаго князя Алексѣя Михайловича.* Изданный *Чинъ* заимствованъ намѣстникомъ Троицкой Сергіевой Лавры архимандритомъ Леонидомъ изъ рукописнаго пространнаго русскаго лѣтописца конца XVII вѣка (рукопись принадлежитъ отцу архимандриту Леониду.)

—

Русская военно-историческая литература продолжаетъ обогащаться солидными изслѣдованіями объ отдѣльныхъ частяхъ нашей арміи. Въ концѣ прошлаго года издано обширное сочиненіе *Исторія лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка,* 1806—1881 годовъ. Трудъ этотъ, посвященный Августѣйшему шефу полка Е. И. В. Великому Князю Константину Николаевичу, составленъ полковникомъ Ростковскимъ.

—

По распоряженію морскаго министерства изданъ переводъ съ нѣмецкаго сочиненія профессора Атльмайера *Война на морѣ,* разъясняющаго задачи и вопросы связанныя съ искусствомъ веденія морской войны. Русскій переводъ, сдѣланный Г. Н. Лиліенфельдомъ, посвященъ Е. И. В. Великому Князю Алексѣю Александровичу, главному начальнику флота и морскаго вѣдомства.

—

Въ Петербургѣ издана *Исторія царствованія Императора Александра II, въ картинахъ.* Сочиненіе это посвящено авторомъ „Русскому народу и русскому войску, во благо которыхъ двадцать пять лѣтъ царствовалъ, печалился и трудился Царь-Освободитель Александръ Николаевичъ.“ Содержаніе этого изящно хотя и просто напечатаннаго изданія—разказы о жизни въ Бозѣ почившаго Государя до вступленія его на престолъ и разказъ о его царствованіи. При книгѣ приложены портреты особъ Императорскаго Дома, портреты нѣкоторыхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей и

картины изображающія главнѣйшіе и достопамятные моменты прошлаго царствованія.

—

Въ Петербургѣ издана небольшою брошюркой *Исторія царствованія Императора Александра II, Царя-Мученика, незабвеннаго Царя-Освободителя.* Изданіе книжнаго магазина „Народная Польза".

—

Печатавшіяся въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* въ іюлѣ и августѣ прошлаго года корреспонденціи о предпринятомъ Ихъ Величествами Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей путешествіи по Россіи, вышли въ свѣтъ отдѣльною брошюрой подъ заглавіемъ *Путешествіе Государя Императора Александра III въ первое лѣто его царствованія.*

—

Епископъ Люблинскій Модестъ напечаталъ въ Варшавѣ книгу подъ заглавіемъ: *О древнѣйшемъ существованіи православія и русской народности въ Галиціи, губерніяхъ Люблинской, Сѣдлецкой и другихъ мѣстностяхъ Привислинскаго края.*

—

Въ Варшавѣ выходитъ въ свѣтъ выпусками на польскомъ языкѣ сочиненіе покойнаго Ланге *Исторія матеріализма.*

—

Въ Москвѣ изданъ переводъ первой части трагедіи Гёте *Фаустъ* въ переводѣ А. А. Фета.

—

Профессоръ Харьковскаго университета П. И. Ковалевскій издалъ въ Харьковѣ *Курсъ частной психіатріи*, читанный имъ въ 1881 году въ Харьковскомъ университетѣ.

—

Въ Харьковѣ напечатано филологическое изслѣдованіе И. В. Нетушила, подъ заглавіемъ: *Объ аористахъ латинскаго языка.* Историко-морфологическій этюдъ изъ области латинскаго, отчасти также греческаго и санскритскаго глагола.

—

Въ Петербургѣ изданъ листокъ озаглавленный *Статистическія записки Британскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества.* Мы извлечемъ изъ листка слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ Обществѣ: Оно было основано въ 1804 году съ цѣлью способствовать переводу Священнаго Писанія на всѣ языки и распространенію его во всѣхъ странахъ. Въ 1880

отчетномъ году, окончившемся 31 марта 1881 года, Общество имѣло дохода 209.519 ф. стерлингъ, расхода 190.043 ф. стерл. Въ началѣ столѣтія, то-есть при основаніи Общества, переводы Библіи или частей ея существовали можетъ-быть на 50 языкахъ. Съ тѣхъ поръ Общество, кромѣ содѣйствія переводу на 56 языковъ, издало и распространило непосредственно Священное Писаніе на 187 языкахъ и нарѣчіяхъ. Число экземпляровъ распространенныхъ въ истекшемъ году 2.846.029. Итогъ распространенія отъ начала дѣятельности Общества составляетъ 91.014.448 экземпляровъ. Вотъ между прочимъ что сообщается въ *Запискахъ* о современной дѣятельности Общества: Комитетъ недавно отправилъ дѣятельнаго агента въ Японію; дѣло въ Китаѣ расширено и есть надежда впередъ еще въ бо́льшихъ размѣрахъ удовлетворить нужду этой обширной имперіи; учреждено агентство въ Персіи и предполагается устроить тоже въ Сибири и въ Сѣверной Африкѣ. Успѣшно заготовляются переводы Библіи еще на 46 языкахъ, въ томъ числѣ на албанскомъ, армянскомъ, эскимосскомъ, японскомъ, малагарскомъ, русскомъ (для слѣпыхъ), синдхи, свагили, тибетскомъ, яганъ (на которомъ говорятъ на Огненной Землѣ), яо (на которомъ говорятъ по берегамъ озера Ніассы) и іоруба.

—

Предпринятое въ Петербургѣ въ 1862 году изданіе *Сочиненій Генриха Гейне* въ переводѣ русскихъ писателей окончено. Вышелъ въ свѣтъ послѣдній, пятнадцатый томъ сочиненій.

—

Напечатанъ въ Петербургѣ второй выпускъ изслѣдованія Тимоѳея Флоринскаго *Южные Славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка.* Въ этомъ выпускѣ изложена исторія образованія Сербскаго царства.

—

Г. Боровиковскій издалъ въ Петербургѣ *Законы гражданскіе* (Сводъ Законовъ, Томъ X, часть I) съ объясненіями по рѣшеніямъ гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената.

—

Въ Варшавѣ выходитъ въ свѣтъ польскій переводъ *Исторіи Всеобщей Литературы* Шерра.

—

Въ Варшавѣ напечатано полемико-догматическое изслѣдованіе протоіерея Александра Лебедева *Разности церквей восточной и западной въ ученіи о Пресвятой Дѣвѣ Маріи Богородицѣ*, по поводу латинскаго догмата о непорочномъ зачатіи.

—

Изданіе предпринятое Московскимъ губернскимъ земствомъ: *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи*, продолжаетъ выходить въ свѣтъ. Изданъ выпускъ первый втораго тома, въ которомъ помѣщенъ очеркъ статистики народонаселенія Рузскаго и Можайскаго уѣздовъ, составленный С. П. Матвѣевымъ. Къ выпуску приложено нѣсколько картъ, въ томъ числѣ большая карта Можайскаго и Рузскаго уѣздовъ съ показаніемъ селеній, районовъ, церковныхъ приходовъ и волостей. Въ вышедшемъ въ свѣтъ первомъ выпускѣ седьмаго тома изложены свѣдѣнія о промыслахъ Московской губерніи. Между прочимъ мы узнаемъ что въ деревнѣ Шараловой, Звенигородскаго уѣзда, существуетъ производство простыхъ стѣнныхъ часовъ, появившееся здѣсь около двадцати лѣтъ тому назадъ.

—

Въ Петербургѣ изданы *Лѣтописи главной физической обсерваторіи* за 1880 годъ.

—

Печатавшееся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* описаніе путешествія по Востоку и Святой Землѣ въ свитѣ Великаго Князя Николая Николаевича въ 1872 году Д. А. Скалона издано въ настоящее время отдѣльною книгой. Описаніе издано весьма изящно, украшено рисунками съ натуры художника Е. К. Макарова, гравированными на деревѣ художникомъ Крыжановскимъ.

—

Въ Варшавѣ выходитъ выпусками иллюстрированное популярное изданіе, подъ заглавіемъ: *Общеобразовательныя бесѣды съ нижними чинами и народомъ*. Издана вторымъ тисненіемъ бесѣда о солнцѣ, о движеніи земнаго шара и о временахъ года.

—

Въ XII выпускѣ издаваемой подъ редакціей В. Ѳ. Корша *Всеобщей исторіи литературы* помѣщено продолженіе труда А. И. Кирпичникова „Средневѣковыя литературы западной Европы и Византіи“.

—

Предпринятъ переводъ съ нѣмецкаго *Общей и частной хирургіи* Dr. C.Hueter'a, профессора хирургіи и директора хирургической клиники въ Грейфсвальдѣ. Переводъ перваго вышедшаго въ Петербургѣ тома сдѣланъ Dr. Д. Г. Фридберомъ подъ редакціей и съ примѣчаніями профессора Казанскаго университета Л. Л. Левшина.

—

Въ Москвѣ напечатаны вторымъ изданіемъ *Общедоступныя чтенія о русской исторіи* и пятымъ четвертый томъ *Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ* С. М. Соловьева.

Тамъ же напечатана книга подъ заглавіемъ *Народъ и княжеская власть въ Сербіи.* Изъ записокъ Ѳ. Бацетича.

—

Въ Москвѣ изданъ третій выпускъ *Ученыхъ Записокъ* Императорскаго Московскаго Университета. Въ этомъ выпускѣ помѣщено окончаніе *Курса теоретической механики*, профессора Ѳ. А. Слудскаго и изслѣдованіе доцента А. П. Соколова: *О гальванической поляризаціи электродовъ.*

—

Въ Москвѣ изданъ второй выпускъ *Сборника* Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

—

Составитель словарей Н. Макаровъ издалъ четвертую часть своихъ *Семидесятилѣтнихъ воспоминаній.*

—

Напечатанъ *Отчетъ* по лѣсному управленію Министерства Государственныхъ Имуществъ за 1879 годъ. Изъ него мы узнаемъ что къ 1 января 1880 года въ вѣдѣніи казеннаго лѣснаго управленія числилось 12.362 дачи, съ общею площадью 123.191.288 десятинъ и кромѣ того тундръ Архангельской губерніи, Мезенскаго и Кемскаго уѣздовъ, 26.964.328 десятинъ.

—

Въ Петербургѣ вышли книги:

Сборникъ Археологическаго Института. Книга пятая.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ XXXIV.

Сборникъ нѣкоторыхъ важныхъ извѣстій и офиціальныхъ документовъ касательно Турціи, Россіи и Крыма. Издалъ съ приложеніями В. Д. Смирновъ.

Древнія изображенія русскихъ царей и ихъ посольствъ за границу въ старыхъ и новыхъ гравюрахъ. I. Изображеніе царей. Описалъ Николай Собко.

Курсъ аналитической механики. Составилъ Д. Бобылевъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета II.

Новѣйшія изслѣдованія океановъ съ приложеніемъ карты рельефа дна океановъ и морей М. Рыкачева.

Бромо-серебреный желатинный способъ, его значеніе и примѣненіе къ фотографіи. Составилъ А. Фелишъ.

Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires etrangères, publiées par ordre et aux frais du Département Asiatique. IV. *Monnaies de différentes dynasties musulmanes.*

Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ. И. Бодуэна-де-Куртене.

Краткое наставленіе къ приготовленію животныхъ для коллекцій или изложеніе способовъ набивки чучелъ, препарированія скелетовъ и собиранія насѣкомыхъ. Г. Л. Морозова. Третье изданіе.

Соціальная жизнь животныхъ. Опытъ сравнительной психологіи съ прибавленіемъ краткой исторіи соціологіи. А. Эспинаса. Перевелъ со втораго французскаго изданія Ф. Павленковъ.

Анатомія человѣка съ указаніемъ на микроскопическое строеніе и физіологическія свойства тканей и органовъ. Руководство для фельдшерскихъ школъ. Второе исправленное изданіе. Составилъ Dr. Бурцевъ.

Смѣшанныя формы тифовъ больничнаго зараженія. Ф. И. Пастернацкій.

Судебно-медицинское изслѣдованіе пищевыхъ и вкусовыхъ средствъ. Dr. Л. Медикуса. Переводъ съ нѣмецкаго Dr. Крузенштерна, подъ редакціей профессора А. Доброславина.

Dr. Феликса Нимейера *Руководство къ частной паталогіи и терапіи.* Часть третья.

Учебникъ ушныхъ болѣзней Виктора Урбанчича. Перев. съ нѣмецкаго Dr. Потѣхина.

О вліяніи колебаній кровянаго давленія на дѣятельность сердца у здоровыхъ людей. Диссертація на степень доктора медицины Генриха Шапиро.

Матеріалы къ ученію о дѣйствіи сжатаго воздуха на

легочныя болѣзни. Диссертація на степень доктора медицины Константина Соколова.

Оперативное акушерство. По лекціямъ проф. Гегара составлено Dr. Шталемъ. Переводъ съ нѣмецкаго Dr. Патенко, подъ редакціей проф. К. Ф. Славянскаго.

Домашній гомеопатическій лѣчебникъ. Сочиненіе Dr. К. Миллера. Переводъ съ дополненіями и введеніемъ В. Дерикера. По послѣднему нѣмецкому изданію дополнилъ В. Сорокинъ.

Домашній и госпитальный уходъ за больными проф. Бильрота. Изданіе Главнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста.

Медико-топографія и санитарное состояніе губернскаго города Ставрополя. Диссертація на степень доктора медицины Константина Бахутова.

Уложеніе о Наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1 декабря 1881 года. Составлено профессоромъ С.-Петербургскаго университета Н. С. Таганцевымъ.

Мѣстные гражданскіе законы Бессарабіи. Второе изданіе Кандидата правъ А. Н. Егунова.

Дополненіе къ сборнику законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ съ извлеченіемъ изъ гражданскихъ кассаціонныхъ рѣшеній Правительствующаго Сената. Составилъ В. Вишняковъ.

Нидерландское уложеніе отъ 3 марта 1881 года. Переведено В. Л. Лицкимъ.

Сборникъ правительственныхъ распоряженій по казачьимъ войскамъ. Т. XVII, ч. I. Съ 1 января по 30 іюня 1881 года. Изданіе главнаго управленія казачьихъ войскъ.

Новый судебный указатель. Составилъ М. В—ъ.

О причинахъ упадка крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Н. П. Заломанова.

Руководство къ изученію латинскаго языка, составленное по Кюнеру. Изд. 13е.

Полный учебникъ для полковыхъ учебныхъ командъ пѣхоты. Составленъ по утвержденной программѣ К. Адариди и М. Карцовымъ, подъ редакціей генералъ-лейтенанта Карцова.

Краткая Естественная Исторія для дѣтей. Сочиненіе Франца Шресле. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе второе.

Плоская тригонометрія для гимназій и реальныхъ училищъ

Г. Тиме, профессора Горнаго Института и Николаевской Морской Академіи.

Пояснительный текстъ къ стѣннымъ естественно-историческимо таблицамъ для народныхъ школъ, изданнымъ Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. Второе изданіе, пересмотрѣнное и дополненное В. Э. Иверсеномъ.

Трехголосныя хоровыя пѣсни для школы. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Составилъ Григорій Мареничъ.

Учебникъ по Словесности: I. Стилистика. II. Теорія прозы. III. Теорія поэзіи. Андрея Филонова.

Cours élémentaire, méthodique et pratique de langue française par E. Varon. Première partie. 3 édition.

Руководство для учителей и учительницъ *къ преподаванію начальной ариѳметики* въ народныхъ школахъ. Составилъ В. Евтушевскій.

Картины русской исторіи отъ Рюрика до Петра Великаго. С. Павловича. Выпускъ первый съ 12 рисунками.

Первые уроки русской грамматики, составилъ В. Гербачъ. 3е изд.

Задача и организація школьнаго дѣла въ уѣздѣ. Составлено В. А. Александровымъ.

О вліяніи школъ на физическое развитіе дѣтей. Изслѣдованіе, произведенное по порученію санитарной коммиссіи С.-Петербургскаго уѣзда въ 20 народныхъ школахъ, Dr. В. Нагорскаго.

Школьное дѣло въ Россіи. Наши общія и спеціальныя школы. Е. Андреева.

Сбереженіе здоровья солдата. Руководство для баталіонныхъ, полковыхъ и бригадныхъ учебныхъ командъ, унтеръ-офицеровъ и всѣхъ нижнихъ чиновъ. Съ 16ю рисунками. Составили доктора И. В. Лебедевъ и В. В. Максимовъ.

Дивенъ Богъ въ дѣлахъ своихъ. Составилъ В. Новаковскій. Первая серія народныхъ изданій. Изданіе третье.

Свѣдѣнія, знаніе которыхъ обязательно для каждаго рядоваго л.-гв. Уланскаго полка. Составлено барономъ Стальжонъ-Голштейнъ, корнетомъ л.-гв. Уланскаго полка.

Н. Бунаковъ. *Въ школѣ и дома.* Книга для чтенія, расположенная концентрическими кругами и примѣненная къ преподаванію роднаго языка въ народныхъ школахъ и городскихъ училищахъ. Изданіе девятое.

Эркманъ-Шатріанъ. *Повѣсти и разказы.* Переводъ съ французскаго М. Минучъ.

Миражи. Повѣсть. Сочиненіе О. Забытаго (Г. И. Недѣтовскаго).

А. Погосскій. *Господинъ Колодникъ.* Повѣсть. Изданіе четвертое.

Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Разказъ для дѣтей. Переводъ съ французскаго А. Греча. Изд. четвертое.

Сандфордъ и Мертонъ. Разказъ для дѣтей. Сочиненіе Томаса Дай. Переводъ съ англійскаго.

Сказки и разказы для дѣтей. Надежды Крыловой.

300 лѣтъ покоренной Сибири. 26 октября 1581 года—26 октября 1881 года. Стихотвореніе А. Д. Львова.

Русскимъ дѣтямъ. Разказы для дѣтей перваго возраста. Составила А. Ишимова.

Русскіе писатели въ классѣ. Редакція Петра Вейнберга. Выпускъ V. *Фонъ-Визинъ.*

Маленькій оборвышъ. Романъ Джемса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской (для дѣтей). Изд. второе.

Отголосочки. Сборникъ загадокъ, стиховъ, басенъ, разказовъ и шарадъ для маленькихъ дѣтей. Изданіе М. О. Вольфа.

Морякъ Шарло. Приключенія маленькаго юнги. Альфреда Бреа съ 25ю рисунками Филиппото.

Избалованная дочка. Разказъ изъ жизни двухъ дѣвочекъ. Сочиненіе В. Куликовой.

Князь Курбскій. Драма. Сочиненіе М. Богдановича.

Буваръ и Пекюше. Посмертный романъ Густава Флобера. Изд. журнала *Переводы отдѣльныхъ романовъ.*

Юліянъ Мохортъ. *Письма къ будущей невѣстѣ.* Переводъ съ польскаго.

Карликъ Закхей въ долинѣ Эйнфишъ. Н. А.

Думы. Стихотворенія Александра Полежаева 1872—1882.

Очерки и отрывки В. Крестовскаго (псевдонимъ). Т. II.

Башинъ. *Лицомъ къ лицу.* Романъ.

Поѣздка къ пирамидамъ. Д. Л. Мордовцева.

Спутникъ по Россіи. В. П. Ландцерта Вып. XII.

Жюль Клареси. *Министръ.* Романъ.

Мавръ Іокай. *Дважды умереть.* Романъ.

Сенъ-Марсъ или заговоръ въ царствованіе Лудовика XIII. Сочиненіе Альфреда де-Виньи. Переводъ съ французскаго Съ 18ю рисунками на деревѣ. Изданіе М. О. Вольфа.

Наши хлѣбные жуки. Очеркъ изъ современной жизни. П.

В. Ч—въ. П. А. Погоскій. *Музыкантъ.* Повѣсть. Изданіе третье.

Ближе къ природѣ. Романъ М. И. Красова. Въ двухъ частяхъ. Изданіе второе.

Въ золотомъ вѣкѣ. Историческій романъ К. Френцеля. Переводъ съ нѣмецкаго.

Библіотека современныхъ писателей. *Крестьянское царство.* В. И. Немировича-Данченко, въ двухъ томахъ.

Собраніе сочиненій угнетеннаго за 1867 годъ.

Разказы о Севастопольцахъ. А. Н. Сулонева. Съ 2мя раскрашенными картинами. Изд. 2е.

К. К. Случевскій: *Виртуозы.* Повѣсть.

Завоеваніе Ахалъ-Теке. Очерки изъ послѣдней экспедиціи Скобелева (1880—1881 г.) А. Маслова. Изданіе А. С. Суворина.

Наши отравители. Очерки аптечной жизни. М. Лазарева. Изданіе Н. П. Степанова.

Мы и вы. Сатирическій листокъ.

Краткій очеркъ дѣятельности состоящаго подъ покровительствомъ Е. И. В. Великой Княгини Екатерины Михайловны Спб. Фребелевскаго общества въ первое десятилѣтіе его существованія съ 1871 года по 1881 годъ.

Краткія свѣдѣнія о назначеніи, устройствѣ и кругѣ дѣятельности центральнаго училища техническаго рисованія барона Штиглица.

Фейерверкеръ и его обязанности на службѣ. Составилъ Д. Грудзинскій.

Значеніе риска при стрѣльбѣ. Составилъ В. Шкляревичъ.

1882. *Календарь для хозяекъ.*

Положеніе о заготовленіяхъ по военному вѣдомству. Исправленное согласно послѣдовавшимъ приказамъ по военному вѣдомству съ приложеніемъ указателя.

Медицинскій отчетъ С.-Петербургской городской временной больницы 1880 года для горячечныхъ. Составленъ и изданъ бывшими врачами подъ редакціей Ю. Т. Чудновскаго съ 80 рисунками.

Общеполезный народный календарь на 1882 годъ. Изданіе Н. Шигарина.

Карманный военный календарь на 1882 годъ.

Домашній дешевый столъ, скоромный и постный. Составили Е. и Л. Михаэлисъ. Изданіе Шелгуновой.

Металлургическіе очерки У. Коріандера, горнаго инженера. II. Обжиганіе желѣзныхъ рудъ въ Швеціи.

Истребленіе виноградной филлоксеры (Phylloxera vastatrix) посредствомъ затопленія.

Положеніе о перевозкѣ товаровъ и грузовъ по Николаевской желѣзной дорогѣ.

Календарь и справочная книжка русскаго сельскаго хозяина на 1882 годъ. Составилъ Ѳ. А. Баталинъ.

Скаковой календарь 1881 года, издаваемый главнымъ управленіемъ Государственнаго коннозаводства.

Рысистый календарь 1881, издавамый главнымъ управленіемъ Государственнаго коннозаводства.

Православный мѣсяцесловъ на 1882 годъ.

Питейное дѣло и акцизная система. Барона Эд. Фед. Нольде.

Календарь игръ. Памятная книжка на 1882 годъ, изданіе охотника.

Отчетъ Государственнаго Банка за 1880 годъ.

Сборникъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Выпускъ II. Дневникъ событій съ 1 марта по 1 сентября 1881. Изданіе В. В. Комарова.

Конкурсъ землевладѣльческихъ машинъ и орудій въ м. Бѣлой Церкви, въ іюлѣ 1881 г. В. В. Черняева.

Отчетъ о дѣятельности С.-Петербургской земской учительской школы 1872—1881.

Отчетъ С.-Петербургской губернской земской управы за 1880 годъ съ выводомъ предположенной на 1882 годъ.

Труды коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи. Выпускъ VIII.

—

Въ Москвѣ изданы:

Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать третья.

Жизнь и великія побѣды графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго, князя Италійскаго, генералиссимуса россійскихъ войскъ. Съ присовокупленіемъ анекдотовъ о немъ, собранныхъ по послѣднимъ новѣйшимъ свѣдѣніямъ. Изданіе Шарапова.

Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Т. IX, выпускъ I.

Руссо Джона Морлея. Перевелъ съ послѣдняго англійскаго изданія В. Н. Невѣдомскій. Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Нигилизмъ, какъ патологическое явленіе русской жизни М. Де-Пуле.

И. Левитовъ. *Путеводитель по центру Москвы.* Вып. II.

А. Кошелевъ. *О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ земскихъ учрежденій.*

Англійская свободная торговля. Историческій очеркъ развитія идей свободной конкурренціи и началъ государственнаго вмѣшательства. И. Янжулъ. Выпускъ второй. II. Періодъ свободной торговли.

О вредныхъ насѣкомыхъ нашихъ полей. А. А. Тихомирова.

О гальванической поляризаціи электродовъ. А. П. Соколова.

Основанія теоріи детерминантовъ. Магистра математики Н. А. Шапошникова.

Руководство къ физіологіи человѣка, со включеніемъ гистологіи и микроскопической анатоміи, обработанное съ точки зрѣнія практической медицины профессоромъ Л. Ландау. Перевелъ съ нѣмецкаго Dr. В. Х. Кандинскій.

Учебникъ клинической и оперативной хирургіи Dr. Альберта. Выпуски XI и XII.

О причинахъ заразныхъ болѣзней. Профессора М. П. Черинова.

Полное руководство къ изученію болѣзней мочевыхъ путей и половыхъ органовъ Dr. Ж. Дельфо. Съ 130ю рисунками въ текстѣ. Переводъ съ французскаго, врача Ѳ. Ѳ. Фагонскаго, подъ редакціей доцента Ѳ. И. Синицына. Выпускъ пятый.

Профессоръ Шарко. *Брайтова болѣзнь* и интерстиціальный нефритъ. Лекціи читанныя въ іюнѣ и іюлѣ 1881 года на парижскомъ медицинскомъ факультетѣ. Перевели и издали Н. Голубевъ и С. Мафонговъ.

Лѣчебникъ-травникъ. Составилъ П. Григорьевъ.

Индикаторъ и его употребленіе Розенкранца. Переводъ съ нѣмецкаго В. Зиминой.

Повторительный курсъ зоологіи. Составилъ въ объемѣ программы 1го курса медицинскаго факультета Московскаго Университета студентъ И. Крашенинниковъ.

Греческая грамматика гимназическаго курса Э. Чернаго. Часть II. Синтаксисъ. Изданіе 2е.

Правила нѣмецкаго правописанія. Составилъ В. Грюнталь.

Учебникъ нѣмецкой грамматики сближенной съ русскою и объясненной на примѣрахъ изъ классическихъ писателей. Для среднихъ учебныхъ заведеній составилъ К. Гренціонъ.

Русская хрестоматія. Составилъ Левъ Поливановъ. Часть II. Изд. 5е.

Учебникъ русской грамматики (курсъ среднихъ учебныхъ заведеній). Составилъ В. Ивановъ. Выпускъ второй.

Ф. Ратцель. *Земля.* 24 общедоступныхъ бесѣды по общему землевѣдѣнію. Географическая книга для чтенія.

Первый съѣздъ учителей Московскаго уѣзда. 1881 года.

Элементарный курсъ логики, составленный Баталинымъ. Изд. 4е.

Святыни и древности великаго града Кіева, съ 14ю рисунками. Изд. 3е.

Описаніе храма во имя Христа Спасителя въ Москвѣ. Путеводитель для посѣщающихъ въ настоящее время храмъ Христа Спасителя. Составилъ А. А. Бр—скій.

Посмертныя записки іеросхимонаха Кіевопечерской Лавры отца Антонія.

Родное. Разказы для дѣтей Ил. Смирнова. Съ раскрашенными картинками Н. Мартынова.

Н. Каразинъ. *Тигрица.* Быль.

Изъ жизни маленькаго города. Романъ Густава Фрейтага. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Фуксъ.

Отголоски души и сердца. Собраніе стихотвореній съ политипажами. Н. И. Бѣляева. Книга первая.

Побѣжденный Римъ. Трагедія въ 5 дѣйств. въ стихахъ. Сочиненіе Александра Пароди. Переводъ съ французскаго А. Ф. Ѳедотова.

Е. Марлиттъ. *Служанка старшины.* Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго.

Ганя и Маруся. Разказъ для маленькихъ дѣтей. Изданіе журнала *Записки учителя.*

Русскіе поэты. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. 3е изданіе.

Маленькій ветошникъ. (Съ англійскаго). Изданіе третье Общества распространенія полезныхъ книгъ.

Италіянскіе поэты. Изд. того же Общества.

Псалмы въ стихахъ. Изд. того же Общества.

Рождественскій альманахъ. Сатирическій листокъ.

Альманахъ Будильникъ на 1882 годъ.

Сказка про щелкуна и мышинаго царя. Переводъ съ нѣмецкаго С. В. Флерова. Рисунки академика В. Е. Маковскаго.

Записки добровольца. Переводъ съ латышскаго автора-переводчика Я. Скольмейстера.

Семь чудесъ свѣта. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ.

Разказы для дѣтей. Съ картинками. Изданіе А. Глассовой.

Подснѣжникъ. Разказы для дѣтей отъ 5 до 9 лѣтъ. Составила и издала А. Я. Гудвиловичъ.

„Все пріятели". Веселые разказы Миши Евстигнѣева.

20 бабушкиныхъ сказочекъ-складочекъ, записанныхъ для маленькихъ дѣточекъ. Съ картинками.

Какъ получается масло изъ сѣмянъ. Маслобойное производство. Съ 28ю рисунками въ текстѣ. Составилъ инженеръ-технологъ Я. Я. Никитскій.

Руководства къ приготовленію вещей изъ папье-маше, фабрикаціи всевозможныхъ лаковъ и приготовленію мыла и косметики.

Пожары и мѣры противъ нихъ. Для сельскихъ жителей. Составилъ Кершенъ. Изд. 2е.

Объ организаціи земскихъ статистическихъ работъ въ Московской губерніи В. И. Орлова.

Что такое „домъ градскаго общества"? Смутный эпизодъ изъ исторіи городскихъ учрежденій въ Москвѣ. М. Щепкина.

Извѣстія о московскихъ скачкахъ 1881 года.

Почему наше скаковое дѣло идетъ такъ безуспѣшно и чѣмъ можемъ мы его поднять? Й. Л. Изданіе 2е.

Рѣчь и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета 12 января 1882 года.

Труды Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій Общества за первое полугодіе 1881 года.

Извѣстія Императорскаго Московскаго Общества охотниковъ конскаго бѣга за 1881 годъ.

Годичный актъ Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи 21 ноября 1881.

Смѣта доходовъ и расходовъ столичнаго города Москвы на 1882.

—

Въ Кіевѣ изданъ *Указатель русской литературы* по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ за 1880 годъ. Составленъ В. К. Совинскимъ, подъ редакціей профессора Н. А. Бунге.

Въ Кіевѣ издана г. Ивановымъ *Записная книга* съ календаремъ на 1882.

—

Въ Харьковѣ изданы:

Руководство къ обученію новобранцевъ въ пѣхотѣ въ четырехмѣсячный срокъ. Составилъ штабсъ-капитанъ Дацевичъ.

Курсъ опытной физики А. П. Шимкова, профессора Харьковскаго Университета. III. Магнетизмъ и электричество.

Харьковская сельско-хозяйственная выставка 1880 года. Отчетъ по устройству выставки.

Харьковскій Календарь на 1882 годъ.

Критерій общественнаго интереса въ гражданскомъ правѣ. Аркадія Евецкаго.

—

Въ Казани изданы:

Ѳ. М. Достоевскій и его сочиненія. Историко-литературные очерки. I. Н. Булича.

Календарь-указатель города Казани на 1882 годъ. Составилъ П. Васильевъ.

Годичный актъ въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 5 ноября 1881 года.

Календарь на 1882 г. на татарскомъ языкѣ.

—

Въ Одессѣ изданы:

Одесса. Историческій и торгово-экономическій очеркъ Одессы въ связи съ Новороссійскимъ краемъ. Изданіе члена Одесскаго статистическаго комитета гофъ-маклера Симона Бернштейна.

Къ вопросу о недоразумѣніяхъ между обществомъ и врачомъ. Рѣчь произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Общества Одесскихъ врачей 10 октября 1881 года предсѣдавшимъ докторомъ Н. А. Строгановымъ.

Новороссійскій Телеграфъ и его сподвижники. Матеріалы для характеристики провинціальныхъ газетъ. С. М. Краева.

—

Въ Варшавѣ напечатаны:

Карлъ Аппель. *Нѣсколько словъ* о новѣйшемъ психологическомъ направленіи языкознанія.

Изслѣдованія въ области русской грамматики А. Соболевскаго.

Русскія народныя пѣсни, записанныя въ Щигровскомъ уѣздѣ, Курской губерніи М. Халанскимъ.

Грамматическія замѣтки. Статьи Романа Брандта.

Подъ Горнимъ Дубнякомъ. Очерки и воспоминанія. П. И. Ядовина. (Въ память годовщины боя.)

—

Въ Вильнѣ напечатаны:

Памятная книжка Виленской губерніи на 1882 Изданіе Виленскаго губернскаго статистическаго комитета.

Народныя сказки для народа и публики. Александра Никулина.

Минозъ-охотникъ, драма въ 5ти актахъ. Соч. С. Розенсона. Переводъ съ французскаго М. Высотской.

Молитвенникъ для хасидовъ по обрядамъ Ри, на еврейскомъ языкѣ.

Вильна по переписи 18 апрѣля 1875 года, произведенной подъ руководствомъ сѣверо-западнаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, обработанной правителемъ дѣлъ отдѣла Н. Зиновьевымъ.

—

Въ Петроковѣ издана *Справочная книжка Петроковской губерніи на 1882.*

Тамъ же издана книжка *Дядька молодаго пѣхотинца*, или пособіе для учителей молодыхъ солдатъ въ пѣхотѣ, составленное по четырехмѣсячной программѣ (въ формѣ бесѣдъ). Сост. Д. Нелюбовъ.

—

Въ Люблинѣ напечатана книга на древне-еврейскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ *Сеферъ „Кохелетъ Давидъ“*, то-есть книга сборникъ Давида.

—

Въ Ковнѣ издана *Памятная книжка* Ковенской губерніи на 1882 годъ.

—

Въ Калишѣ напечатанъ *Списокъ населеннымъ мѣстностямъ Калишской губерніи* съ показаніемъ разстоянія каждой мѣстности отъ губернскаго и уѣзднаго городовъ и гминнаго управленія.

Въ Гроднѣ издана *Памятная книжка Гродненской губерніи* на 1882 годъ.

—

Въ Ревелѣ напечатана *Русская Христоматія*. Книга для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій, составилъ Голотузовъ. Часть вторая. 2е исправл. изданіе.

Тамъ же напечатанъ: *Подкидышъ и пріемышъ*. Драма въ 4хъ дѣйствіяхъ. Соч. Н. В. Булавкина.

—

Въ Воронежѣ изданы *Лекціи физіологіи*, читанныя въ Воронежской фельдшерской школѣ А. Х. Сабининымъ.

Тамъ же изданы брошюры:

Сказаніе о необычайныхъ событіяхъ изъ жизни Іакова-Молчальника въ Воронежѣ. Разказы очевидцевъ.

Начатки науки о родномъ языкѣ. Опытъ программы первой ступени обученія языку. В. Шереметевскаго.

—

Въ Костромѣ напечатана брошюра подъ заглавіемъ: *Путешествіе Царственной Семьи по Костромской губерніи въ 1881 году*. Это описаніе составлено на основаніи свѣдѣній *Правительственнаго Вѣстника* и *Московскихъ Вѣдомостей*, опубликованныхъ въ свое время корреспондентами этихъ газетъ сопровождавшихъ Государя и Государыню во время путешествія Ихъ Величествъ по этой губерніи.

—

Въ Вяткѣ издана *Краткая просодія и элементарныя свѣдѣнія изъ метрики латинскаго языка*. Составилъ преподаватель духовной семинаріи, протоіерей Николай Кувшинскій. Изданіе третье.

Тамъ же напечатанъ *Каталогъ книгъ* публичной библіотеки Глазовскаго земства.

—

Въ Тобольскѣ издана брошюра: *Тобольская губернія наканунѣ 300лѣтней годовщины завоеванія Сибири*.

—

Въ Пензѣ напечатана брошюра: *Трубадуръ*. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. И. П. К. и А. М. К.

Тамъ же изданъ *Учебникъ пѣнія*, сост. А. Карасевымъ.

Въ Пензѣ же напечатано общедоступное руководство къ правильному пчеловодству, подъ заглавіемъ: *Народная Пчела*. Руководство составилъ И. С. Кулланда.

—

Въ Калугѣ издана *Ариѳметика*. Систематическій учебникъ. Составилъ Д. Мартыновъ.

—

Въ Нижнемъ Новгородѣ напечатано изслѣдованіе Ал. Савельева *Юридическія отношенія между супругами* по законамъ и обычаямъ Великорусскаго народа.

—

Въ Архангельскѣ напечатанъ *Отчетъ о дѣйствіяхъ и занятіяхъ Архангельскаго губернскаго статистическаго комитета* за 1879 годъ.

—

Въ Каменецъ-Подольскѣ напечатанъ *Каталогъ* книгъ и періодическихъ изданій Каменецъ-Подольской русской публичной библіотеки.

—

Въ Полтавѣ напечатано изслѣдованіе М. П. Коробкина подъ заглавіемъ *Къ ученію о формологическомъ дѣйствіи марганца.*

—

Въ Самарѣ напечатанъ *Адресъ-календарь Самарской губерніи* на 1882 годъ.

—

Въ Оренбургѣ изданъ четвертый выпускъ *Записокъ Оренбургскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.*

—

Въ Николаевѣ напечатанъ *Уставъ* Николаевской общественной библіотеки.

обуви, уборовъ, шляпъ, причесокъ, дамскихъ костюмовъ и пр. и всевозможныхъ дамскихъ рукодѣлій и работъ, до **800** выкроекъ въ натуральную величину на 24 большихъ листахъ; изящно раскрашенныя парижскія модныя картинки; **24** вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.

24 литературныхъ нумера въ годъ съ роскошными иллюстраціями, составляющіе какъ бы *отдѣльный иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія*, съ разнообразнымъ текстомъ (лучшіе романы, разказы, повѣсти, стихотворенія, ноты, смѣсь (новости по женскому дѣлу), анекдоты, мысли, шарады и пр.).

Гг. подписчики получатъ также безплатно разныя приложенія, между прочимъ 12 листовъ раскрашенныхъ узоровъ для вышиванія въ русскомъ вкусѣ.

Слишкомъ пятидесятилѣтнее существованіе фирмы Шмицдорфъ (К. К. Ретгеръ) ручается за *ДОБРОСОВѢСТНОЕ* и *АККУРАТНОЕ* веденіе *Н. Р. Базара*, при стремленіи къ постоянному улучшенію журнала.

БЕЗПЛАТНО: Годовые подписчики на 1882 г., внесшіе полную плату, получаютъ въ теченіе 1го полугодія особеннаго достоинства **ПРЕМІЮ.**

Это—аристически-исполненная ОЛЕОГРАФІЯ (до 60 сан. длины и до 40 сантиметровъ вышины) спеціально для нашего журнала заказанная извѣстному художнику и представляющая

Е. И. В. ГОСУДАРЫНЮ ИМПЕРАТРИЦУ,

ѣдущую по Невскому, въ легкихъ саняхъ, на парѣ вороныхъ лошадей. На запяткахъ саней—лейбъ-казакъ. Вблизи виднѣется Аничковъ Дворецъ съ садомъ. Все находящееся на картинѣ схвачено необыкновенно живо и отличается поразительнымъ сходствомъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

	Безъ дост.	Съ дост.	Съ перес.
Іму изд. съ 12 раск. парижск. модн. карт.	**6** руб.	**7** руб.	**8** руб.
IIму „ „ 24 „ „ „ „	**7** „	**8** „	**9** „
IIIму „ „ 48 „ „ „ „	**9** „	**10** „	**11** „

На полгода: половина этихъ цѣнъ съ добавк. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ „*НОВАГО РУССКАГО БАЗАРА*“: въ С.-Петербургѣ, Невскій Пр., № 5, *у издателя придворнаго книгопродавца К. К. Ретгера подъ фирмою Шмицдорфъ* и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. К. 10.713.—1.

Объявленіе о продолженіи въ 1882 году изданія сборника романовъ, путешествій и разказовъ подъ названіемъ:

„ИЗУМРУДЪ".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе „ИЗУМРУДА", состоящее изъ 6 книгъ большаго формата безъ дост. 5 р., съ дост. 5 р. 50 к., а съ пересылкой 6 руб. ПОДПИСКА принимается только годовая. Впрочемъ, лица служащія въ различныхъ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ и представившія ручательство гг. казначеевъ или управляющихъ въ томъ что вся подписная сумма будетъ уплачена сполна къ концу года, могутъ получать сборникъ, уплачивая за него ежемѣсячно по 50 коп.

Всѣмъ подпищикамъ какъ московскимъ, такъ и иногороднымъ будетъ выдано въ концѣ года БЕЗПЛАТНО два хорошія приложенія, изъ которыхъ одно будетъ состоять ВЪ ОЛЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТИНѢ.

Примѣчаніе. Кромѣ всего вышеизложеннаго редакція предоставляетъ подпищикамъ 1882 года право пріобрѣсть съ громадною сбавкой десять очень интересныхъ большихъ романовъ, которые уже удостоились множества лестныхъ отзывовъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи.

НАЗВАНІЕ РОМАНОВЪ:

1) **Тайна Индійскихъ офицеровъ**—М. Браддонъ. 2) **Въ странѣ лавровъ и розъ.** 3) **Король Англо-Саксовъ**—въ 12 частяхъ съ примѣчаніями—Э. Булвера. 4) **Подъ бичемъ чумной заразы**—М. Лафонъ. 5) **Казнь королевы Анны**—М. Кроунъ. 6) **Внучка Лудовика XIV**—автора Луизы д'Аварэ. 7) **Княгиня Кастель-Франко**—въ 2 частяхъ. 8) **Братоубійца**—Э. Берте. 9) **Драма въ улицѣ Страндъ**—въ 5 частяхъ и 10) **Фаворитъ Христіана VII**—изъ датской исторіи (1769—1772 г.).

ВСѢ ПОИМЕНОВАННЫЕ РОМАНЫ, заключающіе въ себѣ почти ДВѢ СЪ ПОЛОВИНОЙ ТЫСЯЧИ СТРАНИЦЪ большаго формата отпечатанныхъ убористымъ шрифтомъ, стоятъ въ продажѣ **16 руб 75 коп.**, но для подпищиковъ на „ИЗУМРУДЪ" 1882 редакція согласна уступить ихъ всего только **за 9 руб.** (то-есть за сборникъ и за отдѣльные романы надо высылать деньги въ количествѣ 15 рублей).

Примѣчаніе. Лица посторонія, то-есть не подпищики, желающія получить отдѣльные романы, пользуются тоже большою уступкой, если выпишутъ ихъ всѣ сразу и прямо отъ издателя, а именно вмѣсто **16 руб. 75 коп.**, они благоволятъ присылать только **10 руб. 50 коп.**

АДРЕСОВАТЬСЯ НАДО ТАКЪ: въ Москву, Газетный переулокъ, домъ Цыплакова, издателю сборника „ИЗУМРУДЪ" Михаилу Николаевичу Воронову.

Редакторъ-издатель **Михаилъ Вороновъ.**

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

МИТРОПОЛИТЪ ДАНІИЛЪ

И ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

Изслѣдованіе *В. Жмакина.*

Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Москва, 1881 годъ. 762 страницы текста и 96 страницъ приложеній.

Цѣна 3 руб. 50 коп., съ пересылкой 4 руб.

Обращаться къ автору, *въ С.-Петербургъ, въ Духовную Семинарію* и въ книжные магазины въ С.-Петербургѣ: *Новаго Времени*, Вольфа, Глазунова, Мартынова, Э. Гартье и др.; въ Москвѣ: Ѳерапонтова, Глазунова, *Новаго Времени* и другихъ.
К. 445.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1882 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1882 году, стóитъ въ Москвѣ, безъ доставки, **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ **шестнадцать рублей** и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**. Принимается также подписка на три мѣсяца съ пересылкой и доставкой **четыре рубля двадцать пять коп.**

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 руб. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1882 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1882 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій **четырнадцать рублей 50 коп.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки **шестнадцать рублей 50 коп.**; съ доставкой и пересылкой **девятнадцать рублей 50 коп.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи отъ городскихъ и въ конторѣ редакціи отъ иногородныхъ и заграничныхъ подписчиковъ, на Страстномъ Бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)
на Страстномъ Бульварѣ.